

Поэль Карп

ГОСУДАРСТВО ПРОТИВ ОТЕЧЕСТВА

Книга 2

Путина

1999—2003

Петербург
2019

Содержание

Власть и владение, ЗР № 22 - 29.7.99	6
Былое без дум, ЗР № 23 – 5.8.99	12
Пробелы священного писания, ЗР № 24 – 12.8.99	15
Демидовский завод, ЗР №25 – 19.8.99	19
Где право, где лево? ЗР № 26 –26.8.99	22
Коммунисты реформируют коммунизм, ЗР №27 – 2.9.99	26
Плодотворность свободы, ЗР №28 -- 9.9.99	29
Московская метропия, ЗР №29 -- 16.9.99	33
А были «молодые реформаторы»? ЗР №30 –23.9.99	38
В надежде на чудо, ЗР №31 – 28.9.99	42
Кто правит Россией? ЗР№ 32 – 7.10.99	45
Война с Чечней на совести Клинтона, ЧП 99, ЗР №33	51
Такие разные традиции, ЗР№34 – 21.10.99	54
Социал-либеральный манифест, ЗР№35 –28.10.99	57
О чем спор? ЗР №36 -- 4.11.99	60
Истоки русского фашизма, Новости недели,2.10.98	64
Единение или единоначалие, ЧП 99	70
Явление Болдырева народу, ЧП №1, 13.1.99	74
Кому править страной, ЧП №3 27.1.99	79
Суверенное право на геноцид, «За рубежом» №10, 6.5.99	83
Без свастики, «Еврейский камертон», 24.6.99	85
Оджалан и Пиночет, ЗР №26, 26.8.99	92
России грозит не распад, ЗР №37, 11.11.99	94
Урожай воображения, ЗР №38, 18.11.99	97
За каменным занавесом, ЗР №39, 25.11.99	100
Плоды неправового сознания, ЗР №40, 2.12.99	103
Российский антиамериканизм сегодня, ЗР №41, 9.12.99	106
Рассада, ЗР № 42, 16.12.99	109
В ожидании Сталина, ЗР №43, 23.12.99	112
Что впереди? ЗР №44, 30.12.99	115
Ответы на вопросы Антонио Сакка, 22.3.99	118
Банкротство Ельцина, ЗР №45, 6.1.00	122
Государственные маски, ЗР №46, 13.1.	125
Для спасения чести, ЗР №47, 20.1.00	129

Национальный интерес, ЗР №48, 27.1.00	131
Кто с кем? ЗР № 49, 3.2.00	134
Сахаров как политик, ЗР №50, 10.2.00	137
Время понимать, ЗР №51, 17.2.00	140
Национальная безопасность, ЗР №52, 24.2.00	144
Диктатура и закон, ЗР №53, 2.3.00	147
Трансформации терроризма, ЗР №54, 9.3.00	150
Случай Хайдера, ЗР №55, 16.3.00	153
Кто виноват? ЗР №56, 23.3.00	156
Мечта о Пиночете, ЗР №57, 30.3.00	159
Лики демократии, ЗР №58, 6.4.00	163
Слушать ли советников? ЗР №59, 13.4.00	166
Развод укрепляет семью, ЗР №60 19.4.00	169
Что делать с «олигархами»? ЗР №61, 27.4.00	172
После катастроф, ЗР №62, 4.5.00	175
Общество вне государства, ЗР №63 11.5.00	179
Единение в строю и в мыслях ЗР №65, 25.5.00	182
Второе крушение федерации, ЗР №66, 1.6.00	185
Мировоззрение и идеология, ЗР 367, 7.6.00	188
Вот и поговорили, ЗР №68, 15.6.00	191
Спасут ли социал-демократы? ЗР №69, 22.6.00	195
Первый арест, ЗР №70, 29.6.00	198
Не только мораль, ЗР №71, 6.7.00	201
Национальная вина, ЗР №72, 13.7.00	204
Что или как? ЗР №73, 20.7.00	208
С окраины глобуса, ЗР №74, 27.7.00	211
Социалистический абсолютизм, ЗР №75, 3.8.00	214
Крот истории, ЗР №76, 10.8.00	218
Опыт неравенства, ЗР №77, 17.8.00	221
Приватизация государственности, ЗР №78, 24.8.00	224
Оскомина холодной войны, ЗР №79, 31.8.00	227
С чего бы вдруг? ЗР №82, 21.9.00	231
Концы в воду, ЗР №83, 28.9.00	234
Информационная опасность, ЗР №84 5.10.00	237
Социализм или демократия, ЗР №85, 12.10.00	240
Россия, нищая Россия, ЗР №86, 19.10.00	244
Мир без взаимности, ЗР №87, 26.10.00	247

Мать интуиции, ЗР №88, 2.11.00	250
Газетная философия истории, ЗР №89, 9.11.00	253
Факты и сравнения, ЗР №90, 16.11.00	257
Превратят ли США в СССР? ЗР №91, 23.11.00	260
Памяти Буртина, ЗР №92, 30.11.00	263
Вплоть до отделения, ЗР №93, 7.12.00	266
Старые песни, ЗР №94, 21.12.00	269
Пределы интернета, ЗР №96, 28.12.00	272
Игра и дело, ЗР №97, 4.1.01	275
Технология, как идеология, ЗР №98, 11.1.01	279
Переходы, ЗР №99, 18.1.01	282
За чем дело стало? ЗР №100, 25.1.01	285
Превращение в противоположность, ЗР №101, 1.2.01	288
Бедняга Бородин, ЗР №102, 8.2.01	292
Примут ли еврея в черносотенцы? ЗР №103, 15.2.01	295
Край родной долготерпенья, ЗР №104, 22.2.01	298
Параллели, которые пересекаются, ЗР №105, 1.3.01	302
Интеллигенция под судом, ЗР № 106,8.3.01	305
Возможности повивальной бабки, ЗР №107, 15. 3. 01	308
Сапог сапогу не пара (В ожидании спасителя) ЗР №108	311
Смыслы абсурдов, ЗР №109, 29.3.01	315
Горизонталь, ЗР №110, 5.4.01	318
Такие разные левые, ЗР №111, 12.4.01	321
Путинское большинство, ЗР №112, 19.4.01	324
Не один Путин, ЗР №113, 25.4.01	328
Россия не Китай, ЗР №114, 3.5.01	331
Страна все та же, другой нет, ЗР № 119, 7.6.01	334
Сохранять самообладание, ЗР №135, 25.9.01	337
Изнанка гуманности, ЗР №136, 4.10.01	340
Жить ли другим? ЗР №138, 18.10.01	344
Мюнхенские мечтания, ЗР №139,25.10.01	347
Новый тоталитаризм, ЗР №140, 1.11.01	350
В защиту либерализма, ЗР №144, 29.11.01	353
Огонь по штабам, ЗР №145, 6.12.01	356
Без идеологии, ЗР №146, 13.12.01	359
Павел Виноградов, ЗР №147, 20.12.01	365
Парадокс Березовского, ЗР №148, 27.12.01	368

Куда деваться от империи, ЗР №149, 3.1.02	373
Новое платье тоталитаризма, ЧП №4 – 2002	376
Повторение пройденного ЧП 23-29 января 2002	381
Какое арабское государство? ЗР №155, 14.2.02	384
Опыт, характер и взгляды, ЗР №156, 21.2.02	387
Хотят ли русские войны? ЗР №159, 14.3.02	391
Международный язык, ЗР №164,, 18.4.02	394
Что происходит с коммунистами? ЗР №165, 25.4.02	397
Тайное становится явным, ЗР №166,	400
Глобализация свободы, ЗР №172, 13.6.02	404
Сколько голов у орла? ЗР №173, 20.6.02	407
Незамеченные признания, ЗР №174, 27.6.02	410
Погром, ЗР №175, 4.7.02	413
Плоды идеократии, ЗР №177, 18.7.02	416
Место России, ЗР №185, 12.9.02	419
Конца войне не видать, ЗР №186, 19.9.02	422
Сила инерции, ЗР №188, 02	425
Кто в ответе? ЗР №190, 17.10.02	429
Право на «Свободу», ЗР №192, 31.10.02	432
Вооружен и очень опасен, ЗР №193, 7.11.02	435
Компрогат, ЗР №196, 28.11	438
Русская Россия, ЗР № 199, 19.12	442
Есть ли другая партия? ЗР №201, 2.1	445
Ответственность вменяемых, ЗР №203, 16.1	448
Опять сначала, ЗР №206, 6.2	451
Умер, но жив, ЗР №219, 6.3	454
После «холодной войны», ЗР №212, 20.3	458
Государство – это не я, ЗР №214	461
Глобальность и сепаратизм, ЗР №216, 15.4	464
Зачем убили Юшенкова? ЗР №219, 8.5	467
Величие областной судьбы, ЗР №221, 22.5	471
Назначение лжи, ЗР №223, 4.6	474
Демократия и штык, ЗР №225, 19.6	477
Куда ж нам плыть? ЗР №227, 3.7	480
Иерархи и олигархи, ЗР №229, 17.7	483
Делимая и единая, ЧП, 2003, 23.7	487
Принятые сокращения названий	493

ВЛАСТЬ И ВЛАДЕНИЕ

И на Западе и в России легко уверяют, что всем известно, как строить коммунизм, но никто не знает, как от него избавиться. А мало кто думает, что такое коммунизм и от чего надо избавляться. Мало кто помнит, что наша власть владеет всем, что есть в стране, что она привыкла не думать о рентабельности хозяйства, занижать оплату рабочей силы и применять принудительный труд заключенных. А это и есть коммунизм.

Пока хватало природных и людских ресурсов, коммунистическая власть ничего и никого не боялась – боялись ее. Ресурсы скудели, абсурдность хозяйствования обнажалась, но власть стояла на своем. Лучший способ избавиться от государственного волюнтаризма, корня всех российских зол, -- отделить владение от власти, как отделяют церковь от государства. Это проблема не новая. С ней совладали Англия в середине XVII века, и Франция в конце XVIII, и Тайвань, и Южная Корея в наши дни. Одни – революциями, другие – реформами, одни лучше, другие хуже, утвердили экономическую свободу и гарантирующие ее права частного человека. У нас этим издавна пренебрегают. Еще Петр I, учась у пионеров технического прогресса – голландцев и англичан, сообразил ставить на заводах к станкам не свободных рабочих, а крепостных. Советская власть следовала его примеру и, подобно Петру, не считала затрат на вооружение армии, как верного средства держать и пополнять владения, разоряя свою страну. С еще большим размахом.

В развитых странах власть коренными аграрными реформами и введением всеобщего права на производственное предпринимательство, без особого на каждый случай дозволения, из нерентабельного хозяйства создавало здоровую плюралистическую экономику. В России ни того, ни другого все еще нет, власть и владение не разделены. Как ни бранят российское государство за слабость, оно не то что сильнее всех в стране, оно там, вообще, единственная реальная сила. И не собирается от своей позиции отказываться. Не слишком ясно, есть ли у нее, вообще, желание и воля менять прежний порядок, или его, напротив, хотят сохранить, тратя вместо нефтедолларов доллары, взятые займы. Спектакль остается нерентабельным. Меняют лишь декорации и костюмы.

Уже не только сама Россия именуется свое хозяйство рыночным, - она и Западу внушила, что ведет рыночное хозяйство. А рыночным хозяйство делает не сама по себе торговля, иначе оно бы процветало уже в Вавилоне, и даже не само по себе товарное производство, иначе русский помещик, продававший на Запад хлеб, возвращенный крепостными, не отличался бы от американского фермера, продающего ныне хлеб России. Хозяйство становится впрямь рыночным лишь при отказе от подневольного труда и переходе к продаже и покупке особого товара – рабочей силы.

Говорить о ее рынке в нынешней России невозможно уже потому, что продавцам рабочей силы месяцами не платят, а они продолжают работать,-- то есть, с получателем рабочей силы, которого не назовешь покупателем, их явно связывает нечто иное. Видимо, привычка ощущать себя государственными крепостными, велящая, вопреки многолетнему опыту, надеяться, что государство все же не даст своим «говорящим инструментам» вымереть, тем более, что у отчаявшихся людей, кругом обманутых несбывшимися реформами, на это вся надежда.

Ельцинские псевдолибералы мыслили рыночные отношения лишь как соотношения ценностей и денег, а это отношения меж людьми, хотя, конечно, через ценности и деньги, имеющие место в конкретной социальной структуре. Она же предполагает существование множества разных владельцев, а не направляемую государством монополию, -- предполагает частное производство и свободу продавать землю, товары и свою рабочую силу, охраняемую законом, то есть, судом и органами правопорядка, не говоря о неразорительности налогов и социальных гарантиях.

При старом феодализме такое частное производство складывалось и разрасталось подспудно, новый тоталитарный феодализм оставил ему лишь «теневое», противозаконное место. Вместо установлений, допускающих, поощряющих и охраняющих частное производство в городе и в деревне, ельцинские псевдо-либералы провели «приватизацию» в виде акционирования, то есть, продавали и раздавали акции госпредприятий, сохраняя в руках государства или его ставленников контрольные пакеты. Немало добра они продали за бесценок и разворовали, на что справедливо сетуют. Но это бы еще полбеды, не руководи этим по-прежнему государство, а так выходит, все было зря, поскольку экономические отношения не стали конкурентными.

Вот и успешны в России лишь предприятия по добыче сырья, продаваемого на Запад, да важнейшие сферы военной промышленности. Понятно, старое производство отстывает, -- оно не было рассчитано на конкурентоспособность, -- и возродится лишь при капитальном обновлении. Но покамест, за семь с лишним лет, не возникло новое частное производство, способное удовлетворить потребности людей.

В деревне реформы свелись к номинальному выделению колхозникам паевой доли в «общественном» хозяйстве, индивидуально воспользоваться которой он реально не может. Немногие частные фермы на арендуемой земле поставлены в зависимость от переименованных колхозов и совхозов (не говоря о местных властях) и влачат убогое существование. Обильно производить товарный хлеб или мясо им не дают, и Россия все еще покупает хлеб и мясо, хотя обрабатываемой земли на душу населения у нас больше, чем в других странах.

С начала 1992 года власти провозгласили свободу цен, в борьбе за снижение которых, при повышении качества, обычно и проявляется состязательная природа плюралистической экономики. Но «свобода цен» опередила в России свободу предпринимательства, и на деле монопольный производитель – государство свободно завышать цены, не считаясь ни с чем, и за несколько месяцев цены выросли в тысячи раз. Магазины полны

товарами не потому, что страна разбогатела или «возник рынок», а потому, что большинству граждан цены недоступны.

То была не «ошибка», а исконная принципиальная позиция, утвердившаяся (не вспоминая о крепостном праве) еще когда людей на пользу власти разоряла коллективизация. Обесценив сбережения граждан и многократно снижая заработки работающие, то есть, грабя население, государство перебилося. Летом 1998 года оно повторило тот же фокус, объявив о временной неплатежеспособности по облигациям, в результате которой сбережения и заработки граждан, никаких облигаций в глаза не выдавших, опять сократились в три-четыре раза. Эти не слишком даже скрытные конфискации восполняли сокращение природных сырьевых даров. Не менее усердно его восполняли займы МВФ и западных банков. Даже дойдя до банкротства, Российское государство не дает гражданам жить своим трудом, а не милостями природы или западных держав, хотя свободный и грамотный народ России вполне на это способен. Почти восемь лет поддерживая Ельцина, уклонявшегося от реальных реформ, западные державы, и прежде всего Соединенные Штаты, разделяют с ним ответственность за то, что Россия так и не перешла к рыночной экономике, которая и ей позволила бы жить по-человечески, и другие страны избавила бы от возрождения российской угрозы, неизбежной, покуда хозяйство остается экстенсивным и военизированной стране где-то надо брать недостающие ресурсы. Разумеется, их не хуже, чем на Западе, создали бы собственные российские предприниматели и ученые, рабочие и фермеры, но только после коренных реформ, которые обеспечили бы экономическую свободу, а не вместо них. Но государственные хозяйственники, почитаемые «профессионалами», у нас одинаково ловко сидят на своих местах и при коммунистах, и при псевдо-либералах, и вполне открыты другим пророкам тоталитарного хозяйствования – от московского мэра Лужкова, проектирующего корпоративное государство, до национал-социалиста Баркашова.

Поддержка Ельцина и поддержка российских реформ – не только не одно и то же, но давно уже противоположности. Чтобы помочь России, -- а это в интересах Запада, -- следует помогать не государству, а людям, минуя российскую власть. Осуществись реформы, сотни тысяч тружеников прежнего нерентабельного хозяйства все равно, -- хоть и явно меньше, -- пострадали бы, но социальные гарантии, как дополнительное, осознанное XX веком важнейшее условие рыночной экономики, наши правящие круги не заботят, их всерьез даже не обсуждают. Такой гарантией прежде считали социалистический строй, и это суеверие живет.

Вместо того, чтобы давать России безвозвратные займы на увеличение государственного аппарата или празднества в честь 850-летия Москвы, западные банки могли бы, начнишь реальные преобразования, на время взять на себя непосредственную помощь людям, остающимся без работы. Они могли бы способствовать своевременной выплате зарплаты врачам и медсестрам, и этим помогли бы гражданам сохранить здоровье, а России – сократить смертность. Такую же помощь они могли бы оказать российским учителям, чтобы страна не погрузилась в невежество. Эти

субсидии и зарплаты в сравнении с западными так малы, что международные организации потратили бы на них лишь малую часть того, что тратят на Россию сегодня, а помогли бы несопоставимо больше. Люди бы не отчаивались, думая лишь о том, как преодолеть голод и холод, но добивались бы перемен сами. А помощь государству лишь позволяет ему жить по-прежнему, то есть, тормозит реформы.

Люди России нуждаются и в политическом просвещении, в знакомстве с опытом и проблемами демократии и рыночной экономики, смысл которых в российском быту повседневно искажается. Парадоксально, что в прежние годы сквозь глушилки пробивались радиостанции, вещавшие на русском языке, работали издательства, печатавшие переводы неизвестных в России политических и экономических сочинений и книги российских авторов. Не все, естественно, было одинаково хорошо, но в совокупности слушателю и читателю открывались реальные проблемы российской жизни и живущие в умах варианты их разрешения. Ныне, когда глушилки умолкли, стали сдавать и голоса. Даже «Свободу» выселили из Мюнхена и сильно пощипали, а положение других и того хуже. Русские издательства на Западе почти исчезли. Наивно винить в этом работников радио или печати, - таков курс западных политиков, вообразивших, что они победили коммунизм, хотя они даже не поняли в чем он заключается, не углядели, что под именем блага трудящихся в нем превыше всего чтут всевластие государства. Запад и сам сегодня поддерживает в России такое всевластие.

А у власти в современной России стоят почти исключительно коммунисты. Говорят: бывшие. Но если прежде коммунисты составляли примерно 10 процентов населения, почему же, если верить, что настала свобода, бывшие беспартийные не составили теперь 90 или хотя бы 50 процентов правителей? Дело не сводится к тому, что взявшие власть в 1991 году псевдо-либералы из бывших коммунистов не удосужились запретить коммунистическую партию, виновную в хорошо известных преступлениях. Даже ее своевременный запрет, при всей его тогдашней нравственной необходимости, не мог бы лишит гражданских прав и изъять из политической жизни рядовых коммунистов, персонально не виновных в конкретных преступлениях, тем более, если они поспеши выйти из партии. Но пусть даже все они теперь симпатизируют нынешним или бывшим коммунистам, что едва ли непременно так. При справедливых выборах 10 процентов избирателей никак не составили бы большинство, да еще образуя разом и правящий слой и «непримиримую» оппозицию. В конце концов, не столь велика была бы и беда, займи кто из бывших начальников важный пост или стань даже бывший первый секретарь, кандидат в Политбюро ЦК КПСС, президентом России, будь это исключением из правила.

Но то-то и оно, что все его нынешние коллеги, -- и премьер-министры, и председатели Думы, Совета Федерации, Конституционного суда, Верховного суда, генеральные прокуроры, руководители президентской администрации, Совета безопасности, министры, главы силовых органов, помощники президента, -- и прежде были его коллегами

по партии и единомышленниками по убеждениям. И так на всех уровнях власти – и законодательной, и исполнительной, и судебной. Зло не в отдельных лицах, а в подавляющем преобладании подобных лиц. Такую перенасыщенность «демократической» власти бывшими коммунистами и комсоргами можно объяснить лишь тем, что продолжается властное дирижирование «подбором и расстановкой кадров». Принадлежность к прежней номенклатуре, пусть на скромных ролях, -- важнейшее условие допуска в нынешнюю номенклатуру, объявленную теперь «элитой». А немногие бывшие диссиденты, сохранившие свои убеждения, или беспартийные, уклонявшиеся от подпевания партии, «белые вороны». Да их за семь лет почти и не осталось при власти. Уже состав правящего слоя показывает, что режим в своей основе не слишком изменился.

А вот коммунистическая идеология за полтора десятилетия ощутимо менялась. Маркс, недооценивая умственный труд, все же связывал победу коммунизма с техническим развитием, демократическими свободами и множественностью рабочих ассоциаций. Ленин ориентировался на победу в отсталой стране, пренебрежение демократическими свободами и единый общегосударственный синдикат. А Сталин почти поголовно ликвидировал коммунистов, бравших власть в 17-м году, экспроприировал крестьянство и насадил великодержавный имперский шовинизм. Для Сталина Маркс и Энгельс были не столько классиками теории, которой надлежит следовать, сколько врагами его империи, русофобами, за что он и громил статью Энгельса «Внешняя политика русского царизма» и не включил в русское собрание сочинений английскую брошюру Маркса «Тайная дипломатия XVIII века», где те же идеи, что у Энгельса, изложены еще резче. Вещные слова: «Не может быть свободен народ, угнетающий другие народы» Энгельс написал конкретно о России, и Сталину, автору теории автономизации, по которой у народов России нет (и в его империи фактически не было) права на самоопределение, он в единомышленники не подходил. Но даже Сталин не мог еще выбросить святых великомучеников Маркса и Энгельса, числимых теоретической опорой советского русского царства, как он выбросил Троцкого, организовавшего это царство практически. А Зюганов ратует за империю в качестве русского «патриота», не рядясь марксистом, и его коммунизм уже и внешне трудно отличить от гитлеровского национал-социализма. Преображение идеологии – не просто игра ума. Оно вызвано реальными катаклизмами русского общества и трансформациями ее правящего слоя.

Современное сознание не хочет помнить эти трансформации, а помнить надо не затем, чтобы искать то ли у Ленина, то ли у самого Маркса правильный путь к раю на земле, с которого их преемники якобы свернули. Коммунистическая теория Маркса, при лучших намерениях, изначально была утопией. Хозяйство и общество развивались иначе, чем он предполагал, и никакого рая, если от российской нищеты не принимать за рай нынешнюю жизнь развитых стран, искать на земле не стоит. Но под знаменем рая для всех Сталин построил рай для номенклатуры, и марксистская прогрессивная утопия обернулась махровой реакцией. Люди привыкли отождествлять движение времени с поступательным прогрессом

общественного развития. Эпоху Брежнева именуют застоем, хотя страна тогда, наращивая оружие, стремительно деформировала хозяйство, словно нарочно торопя его к кризису. Понятно, кризиса не хотели, но не сознавали, что объективные результаты не адекватны намерениям, а по этой причине общественное развитие бывает не только прогрессивным, но и регрессивным. Пример России это подтвердил. За полтора десятилетия лет она не раз оказывалась на критическом, кризисном распутье и, казалось, могла перейти к экономическому хозяйствованию. Но сперва такой переход сдерживала старая реакция, не позволявшая освободить крестьян с земель и дать хотя бы культурную автономию колониям. А неразрешенность аграрной и национальной проблем и привела к власти коммунистов, суливших прогресс.

И тут обнаружилось, быть может, главное в истории XX века. Самозванные глашатаи прогресса при возобновлявшихся кризисах почти всякий раз способствовали отнюдь не тому, что вело бы объективному экономическому прогрессу. Для начала они разогнали Учредительное собрание, развязав четырехлетнюю гражданскую войну. Затем устроили коллективизацию, возвратившую крестьянство к крепостной зависимости. Затем подружились с германскими национал-социалистами, дружба с которыми расстроилась не от принципиальной розни, а по взаимному недоверию. Победив (вместе с западными союзниками) германский национал-социализм в жестокой войне, российские коммунисты-победители перенимали у побежденных законы и нравы. Смерть Сталина и XX съезд КПСС могли стать поворотным пунктом, но прогрессивными переменами быстро пожертвовали, чтобы удержать Венгрию. Точно так же потом ими пожертвовали, чтобы удержать Чехословакию. Та же история повторяется ныне, на самом крутом после 17-го года распутье. Подняв знамя прогресса, Ельцин так и не произвел прогрессивных экономических преобразований, а, пожертвовав ими, два года воевал, чтобы удержать Чечню, и силовая политика опять кругом возобладала над демократической.

Даже массовые советские репрессии, не раз объявленные «ошибками», сохраняют последствие. Установленные льготы для пострадавших и их детей распространены лишь на тех, кто был реабилитирован, а большинству надлежит обращаться за реабилитацией своих покойников. Нынешняя власть не отшатнулась от преступлений прежней, в которой нынешние первые лица тоже были не последними. Иначе президент, или Дума, или Конституционный суд давно бы объявили осужденных по соответствующим статьям невинными ввиду отсутствия состава преступления. Состав таких статей, как 58.10, 58.11 и позднее прибавленные, вообще не является предметом обвинения в демократическом обществе. Ну, рассмотрели бы дела по обвинению в убийстве, чтобы убедиться, что ни убийства, ни покушения на убийство, не было, а другие-то зачем? Да затем, что «антисоветскую пропаганду», пусть даже имевшую место в 1937 или 1949 году, и нынешние власти в душе числят преступлением. Они не хотят массовой реабилитации и силятся сберечь из старого порядка все, что удастся. Коммунизм не кончился, он только в критическую минуту ищет себе новые формы и отрекается от

себя, как некогда иезуиты плевали на крест, доказывая этим свою преданность ордену и церкви.

Иллюзий все меньше. Гадают, вернется ли тоталитарный режим в крайней (как побуждают думать иные действия Государственной Думы) или все же в умеренной форме, будет он красного или сразу коричневого цвета. Большинство граждан России едва ли хочет того или другого. Но им уже трудно переломить сложившуюся ситуацию. В России, -- не зря там была великая литература, -- слово принимают всерьез, и не сразу спохватываются, если в одеждах прогресса выступает оголтелая реакция. Большинство растеряно и не знает, что делать. Люди обескуражены тем, что нынешние власти, придя под флагом демократии, ввели недемократическую избирательную систему, разными средствами свели к минимуму свободу печати и творят, что хотят. Не меньше они обескуражены и тем, что Запад поддерживает власть, равнодушную к народу и усугубляющую нищету. Доверие к Западу этим сильно подорвано.

Многое упущено надолго. Но у Запада, по крайней мере, есть еще возможность увидеть вещи, как они есть.

БЫЛОЕ БЕЗ ДУМ

Давно подмечено, что в России любят задаваться вопросами «Кто виноват?» и «Что делать?» Как обходятся с теми, кого сочтут виноватыми, известно. А что делать, подсказывает какое-нибудь единственно верное учение. Когда же итог, как ныне, печален, ищут новых виноватых и новое учение, лишь бы не задумываться, что же все-таки стряслось и почему

На сей раз, правда, предлагали покаяться всем. Но прекрасный призыв был обречен на неудачу уже потому, что не все виноваты, во всяком случае, не все виноваты одинаково, даже если палачи и сами отчасти были жертвами, а жертвы зачастую сами вверялись палачам. При сопоставлении Германии после 1945 и России после 1991 в глаза бросается различие в остроте самосознания. Конечно, Германия проиграла войну, была разрушена, победоносные многонациональные армии вошедшие с востока и запада, и, в частности, заокеанские чернокожие красавцы в числе победителей, наглядно опровергали расистскую мифологию, а с ней заодно и прочие старинные и розенберго-геббельсовские мифы. Западные немцы не застряли на осуждении культа личности Гитлера, но задумались о **природе** рухнувшего социального устройства, его исторических корнях и причинах успеха национал-социалистов в 1933 году, не сводимых к мировому кризису. Из покорителей мира живы уже немногие, но немцы изучают в школе незадачливый национальный опыт, и вклад разбитой Германии в новую Европу весом, да и нам, победителям, она помогает.

Ничего подобного у нас не произошло, хоть не только Сталина, но и, вообще, коммунизм бранить давно дозволено, Отчего так? Неужто оттого, что немецкий национал-социализм длился двенадцать лет, а российский социализм – три четверти века? Или оттого, что Россия, к счастью, никакой войны не проиграла и в 1991 году разрушений, подобных немецким, не испытала? Говорят, Россия проиграла холодную войну, но

это прямая ложь, тешащая лишь недалёковидных американских политиков, вообразивших себя победителями. То-то и оно, что, если пагубность молодого национал-социализма ещё пришлось доказывать на полях сражений, то гнилость нашего одряхлевшего режима сама вылезла наружу. Российский социализм погубило то, что было его любимым детищем и составляло главную силу – военное производство, подмявшее под себя и слопавшее остальную страну. Германия была разбита Советским Союзом, Соединёнными Штатами, Великобританией и другими объединёнными нациями. Советский Союз был разбит Советским Союзом самостоятельно. Никакие иноземные войска на его территорию не вступали. А другого стимула всерьёз задуматься, почему мы разбиты, для нас нет.

Не затеял мудрый ЦК КПСС бешеную гонку вооружений, добиваясь перевеса нашей шестой части света над остальными пятью вместе взятыми, удовлетворись он мощью возможного ответного удара, которой СССР располагал благодаря А.Д.Сахарову, вполне способной и вчера, и сегодня и даже завтра обеспечить страну от агрессии, советский социализм и Советский Союз держались бы ещё довольно долго. Но если спросить человека на улице, кто виноват, что социализм впал в неодолимый кризис, а Союз развалился, девять из десяти, если не девяносто девять из ста, ответят, что всему виной Горбачев. Между тем, Горбачев был первым советским вождем, взглянувшем в лицо все громче кричавшей реальности и попытавшимся продлить век социализму и Советскому Союзу, практически сократив взваленную на страну ношу, а не только сетуя на отдельные неудобства, мешающие ее тащить, как сетовали и Андропов, и Брежнев, и Хрущев и даже сам Сталин.

Конечно, Горбачев робел размежеваться с той частью партии, - позднее введшей под знаменем ГКЧП в Москву войска, - которая гнала зайца дальше, а до социальных реформ он и, вообще, не дошел. Но если человек, пытавшийся спасти погибавший порядок, воспринимается как его погубитель, значит что-то неладно с тем, как люди воспринимают происходящее, как они думают о стране, государстве и обществе. А если так, то и наши беды не только от робости Горбачева или даже дурных стремлений ЦК, но и от характера нашего мышления, окутанного мифами и пренебрегающего реальностью.

Еще Леви-Брюль заметил, что люди мифологического сознания, которое он именовал пралогическим или мистическим, в практических делах не менее логичны, чем современные рациональные люди, но их коллективные представления алогичны, внутренне противоречивы. Такие массовые представления складываются на почве установок, получаемых сознанием по ходу жизни, и эмоционально им следуя, не только первобытный, но и современный, человек творит мифы и себя ими стреноживает. Мифологию прежде отдавали древним и феодальным обществам, буржуазный рационализм ей как бы противостоял, но в XX веке мифологическое сознание вторглось и в сугубо рациональные сферы, и новое мифотворчество утвердилось в социальных областях.

Мифологии трудно поспевать за реальностью. В коммунистическом Китае генсек компартии Дэн Сяопин попал в опалу, когда сказал, что важен не цвет кошки, а ее способность ловить мышей. В России еще раньше догадывались, что цветом скатерти не насытишь голодных, но от такой крамолы издавна предостерегала твердость принудительных установок, оберегающих желанный цвет пуще глаза. Природная смекалка у российского народа в лучшем виде, именно здравый смысл побуждает его не доверять власти. Но это обоснованное вековое недоверие, невозможность допустить, что интересы отдельного человека и власти могут, - за редчайшими исключениями вроде Отечественной войны, - совпасть, часто толкает людей проглатывать установки власти, не вступая в безнадежные и опасные споры. А вырастающие из этих установок мифы, сколь скептически к ним ни относиться, уродуют восприятие, поскольку вытесняют реалистические представления, замалчиваемые или запретные. Даже пытаясь осознать существующий порядок, поныне часто ищут опору в навязанной им же самим мифологии.

К тому же, миф – и впрямь не фантазия, но искаженный обстоятельствами сколок жизни, не ложь, но извращенная правда, - это зачастую обоснованное людское стремление, излившееся в несбыточной форме. Социалистический миф, давняя мечта о царстве божьем на земле, с утверждением экономической свободы, то есть наемного, а не подневольного, труда, обрел питательную среду в присущей свободе опасности экономического крушения всякого человека. Опасность растет вместе с технизацией и мобильностью производства, и человек наемного труда в одиночку не всегда выдерживает экономические колебания. Это возбуждает потребность в общественных гарантиях, складывающихся в разных демократических формах. Но в странах, не знавших свободы, подобные гарантии, необходимые ради технического развития, оборачиваются всеобщим концлагерем с положенной пайки. И хоть эта пайка куда скудней, чем, не говоря о заработках, социальное вспомоществование в свободных странах, потеряв ныне пайку в ходе псевдо-реформ, не давших и подлинной экономической свободы, люди не хотят вникать в мифологию социализма, заслоня праведностью личных стремлений неправедность их общего воплощения, как раз и приведшего к теперешней ситуации.

Еще при Сталине, кодифицировавшем советскую мифологию сообразно со своей практикой, теоретическая мысль не была в почете. Главный журнал партии именовался «Большевик», потом «Коммунист», и лишь когда порядок треснул, назвался «Свободная мысль». Антиинтеллектуальная атмосфера крепила сталинскую власть. Да и сейчас, когда та эпоха объявлена плодом заемных измышлений, чуждых российской истории, теоретическое сопоставление реальности и мифологии не популярно и не поощряется нынешней властью.

С одной стороны, не существует общественного класса, как некогда во Франции третье сословие, ощутившего интерес конкретным социальным переменам, а с другой - мало кому интересно, чем на деле

прежняя жизнь была, что в ней реально значили понятия «социализм», «интернационализм», «партийность», мало кто вдумывается, чем на деле были утопия Маркса и волюнтаризм Ленина, что их вызвало, к чему они на деле шли, и почему их последователи ныне у разбитого корыта. Вот и преобладают призывы «навести порядок», все равно какой, без попытки прояснить предпочтения людей.

Они сопровождаются призывами создать новую идеологию. Но всякая идеология - разновидность мифологии и, тем самым, препятствие к осознанию происходящего. Едва ли современный мир скоро и легко избавится от мифологического мировосприятия. Стало быть, нашу жизнь не поправить, если не думать о былом, не видеть реальной значимости конкретных социальных мифов, не овладеть переводом смысла мифологии на рациональный язык. Это стоит делать не только социальным наукам, но и средствам массовой информации, чаще, напротив, все еще сеющим мифы. А виновных в бедственном положении отечества надо искать среди тех, кто опять манипулирует старыми или новыми идеологиями, и мешает видеть, что на самом деле было и на самом деле есть.

ПРОБЕЛЫ СВЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ

Сто пятьдесят лет назад, в феврале 1848 года, в Лондоне был опубликован Манифест коммунистической партии, тот самый Коммунистический манифест, который в последующие годы все возрастающей части человечества казался пророческой программой. Лишь на исходе этих ста пятидесяти лет отчетливей сознается ее несостоятельность.

Людей переубеждает не так теоретическая критика, недостатка в которой и прежде не было, как практические кризисы социализма в России и зависевших от нее странах. Мало кто задумывается, чем же этот социализм брал, почему распространялся не только силой оружия, и почему потерпел крах. А главное, как быть с его наследством, не только теоретическим, но и практическим.

По Марксу люди живут за счет ценностей*, создаваемых исключительно физическим трудом. Но достаются они, согласно Марксу, не создающему их пролетариату, а другим классам и сословиям, властной

-----
*Важнейшее у Маркса понятие *der Wert* в коммунистической литературе переводилось на русский язык словом “стоимость”, хотя слово “ценность” соответствует немецкому *der Wert* в большем числе аспектов. В результате там, где в оригинале говорится о потребительской ценности товара, отличной от его меновой ценности, советская политэкономия говорила о “потребительской стоимости”, даром что это словосочетание по-русски не имеет смысла.

силой государства поддерживающим несправедливый порядок. Отсюда логически следует, что рано или поздно численно растущий пролетариат “экспроприрует экспроприаторов” и, взяв в свои руки управление производством и обществом, создаст общество равноправных, сперва

социалистическое, а вскоре и коммунистическое. Маркс ожидал, что это совершится одновременно во всех передовых странах, на гребне высокого технического развития, что пролетариат уже составит тогда большинство и, стало быть, его диктатура будет как бы демократией, а государство, как орудие насилия, после краткого переходного периода за ненадобностью отомрет. Маркс предполагал, что пролетарская революция, как в свое время буржуазная, насильственно свергнув институты насилия, станет революцией освобождения. Но ничего подобного нигде не произошло.

Между тем, Маркс не выдумал новый общественный класс. Класс наемных рабочих в самом деле возник, и в пору сочинения манифеста его положение было нелегким. Уже в тридцатые годы Англию охватило мощное движение чартистов, требовавших ограничения рабочего дня и других облегчений. Особо отягощала рабочих нестабильность. Переход от внеэкономического, феодального, общества к экономическому, буржуазному, перевернул взаимоотношения “хозяина” и “работника”. Прежде они определялись личной, поземельной и судебной зависимостью. Жизнь шла “по воле лорда и обычаю манора”. Когда воля сильно престоупала обычай, зрели крестьянские бунты, которыми средневековые полно. Но пока до такого не доходило, люди различали горизонты своей жизни, пусть и ограниченные и однообразные.

В экономическом обществе предпринимателя и наемного рабочего связала коммерческая сделка, это и преобразило характер общества. Не вообще рыночные отношения, существовавшие с древности, и не само по себе товарное производство, а то, что товаром стала рабочая сила. Один свободный человек ее продавал, другой покупал, и ничто, кроме собственных интересов, не обязывало ни того, ни другого, рыночную сделку возобновлять. В отличие от самого нищего крестьянина прежней эпохи, рабочий не знал, что ждет его завтра, и не мог не думать о защите на завтрашний день.

Маркс считал, что в экономическом обществе надежная защита наемного труженика в принципе невозможна, поскольку рынок свободен от внерыночных обязательств, и выходило, что экономическое общество надо разрушить и заменить “более прогрессивным”, опять внеэкономическим. Чтобы не экономическая стихия, а доверенные товарищи, “свои братишки”, определяли судьбу общества и людей, “делали как лучше”. Тем, что лишь экономическая свобода обеспечивает свободу научно-технического развития, на которую основоположник вроде бы во всех своих построениях полагался, он пренебрег. Не предусмотрел он и того, что доверенные товарищи часто доверием злоупотребляют с неотвратимыми последствиями для общества.

Но практическая деятельность вдохновленных Марксом социал-демократических партий, и самой близкой ему Германской, состояла все же не столько в сокрушении существовавшего строя, сколько в конкретной защите прав и интересов рабочих. Не только в Готской, нещадно раскритикованной Марксом, но и в Эрфуртской программе немецких социал-демократов, и речи нет о диктатуре пролетариата. Да и Парижская коммуна, едва ли не единственная в XIX веке серьезная попытка опрокинуть прежний

строй, предпринятая к тому же при поражении в войне, не посягала на радикальное уничтожение частной собственности, составляющей основу экономических отношений.

Карл Поппер говорил, что капитализм, который имел в виду Маркс, “никогда и нигде не существовал”. Дело, однако, не только в том, что, как справедливо объяснял Поппер, закон абсолютного обнищания пролетариата оказался явно неверным. Неверно уже само провозглашение физического труда единственным источником ценности. Ныне заметнее, что сама природа - источник ценности, поскольку целые страны (в том числе и наша) живут за счет полезных ископаемых, ныне более необходимых производству, чем прежде, и обретают ценности не только потому, что эксплуатируют в шахтах и на рудниках физический труд, как объяснял Маркс, а уже потому, что ископаемые - собственность государства или даже какого-то правящего шейха. Владение такими сокровищами ныне ощутимо сказывается на экономике.

А пахотная земля и прежде, вопреки Марксу, была таким сокровищем и источником ценности. Но он верил, что даже лучшее качество земли лишь позволяет повысить производительность труда, а само источником дополнительной ценности не служит, хотя очевидно, что без этого ее лучшего качества никакой дополнительный труд не создал бы там дополнительной ценности. Маркс, видимо, все же ощущал в своих раздумьях о земле какую-то нескладицу. Во всяком случае, трижды переписав главу “Капитала” о земельной ренте, он не счел работу завершённой.

Еще более существенным пробелом его теории было отрицание умственного труда, как источника ценности. Техническая мысль, формировавшая производственное оборудование, была, по Марксу, как бы бесплатной, достаемой раз навсегда. Расходы на оборудование он рассматривал как *постоянный* капитал, в отличие от расходуемого на покупку рабочей силы *переменного*. Мысль, что настанут дни, когда оборудование не будет стоять на заводах десятилетиями, а придется его часто и даже непрерывно обновлять, и постоянный капитал тем самым обратится тоже в переменный, идущий на приобретение все нового и нового оборудования, в которое заложены все новые и новые технические и научные открытия, добытые умственным трудом, не шла ему в голову, как не мог он себе представить роль, которую в современном производстве играет компьютер.

В этом винить Маркса, жившего в другую эпоху и умершего более ста лет назад, было бы смешно. Но пора сознавать, что его теория, вроде бы уповающая на технический прогресс, фактически не предполагала размаха такого прогресса, а тем самым упускала из виду значимость иных, кроме физического труда, источников ценности, в наши дни коренным образом изменивших структуру производства и жизнь общества. Не случайно, вопреки надеждам Маркса, пролетариат соблазнился его теорией отнюдь не в странах бурного технического прогресса, а в отсталых, полуфеодальных. В недооценке Марксом умственного труда и технического прогресса уже заложен Ленин с его презрением к интеллигенции.

Здесь особенно наглядно проступает механистичность марксистского материализма. Еще в Коммунистическом манифесте он сводил классовую борьбу к гегельянскому единоборству противоположностей: “Свободный и раб, патриций и плебей...”, закрывая глаза на то, что и патриций и плебей - оба свободны, и одновременно оба, хоть и по-разному, противостоят рабу, то есть и античное общество не было двоично. Еще многообразнее социальные противоречия в новое время. Чем дальше развивается общество, тем больше, при внешней унификации, оно дробится, выявляя и противоборства и совпадения интересов все большего числа социальных групп.

Маркс был несомненно прав, ища критерии состояния общества в мере и характере создаваемых ценностей, пользования ими и отчуждения от них. Более кого-либо он способствовал материалистическому пониманию истории, то есть исследованию зависимости всей жизни людей от того, каково их хозяйство. К сожалению, упрощая связи хозяйства и общества, он отчасти обесценил свое великое открытие. Уже сама мечта об обществе, не знающем денег, как объективного воплощения ценности, неотвратимо вела, - и в обществах советского типа привела, - к невозможности объективного учета ценности. Влечение к социалистической утопии разъедало материалистическое понимание истории. Теория Маркса сама так и не стала предметом материалистического понимания и ее понятиями воспользовалась так называемая марксистская идеология, мистифицирующая происходящее.

Это обнаружилось, однако, не сразу. Сведение социальной борьбы в экономическом обществе к противостоянию угнетателей и угнетенных, по образу и подобию обществ внеэкономических, обусловило слабый интерес к Марксу в развитых странах, особенно в Англии и США, на которые он особо надеялся, ожидая от них перехода к коммунизму мирным путем, без революции. Но и вера в царство божие на земле сперва не мешала социал-демократическим партиям других стран сосредотачиваться на борьбе за практическое улучшение жизни рабочих, о чем, кстати, задумывались уже не только либеральные, но даже и консервативные оппоненты социал-демократов, признававшие значение социальной защиты, как оплота стабильности общества. А революционная марксистская мифология лишь парила над социал-демократическим реформизмом, как знамя и манящий идеал.

ДЕМИДОВСКИЙ ЗАВОД

Европейскую жизнь и экономическое хозяйство часто отождествляют, хотя европейские страны шли к экономическому хозяйству неравномерно. Для Вольтера Европой были лишь Голландия и Англия, уже после его смерти революция включила в нее и Францию. Италию, рванувшуюся к экономической свободе раньше других, притормозили завоеватели и раздробленность. Германия, затормозила под тяжестью империи, в которую входила. Русь, еще

при Ярославе Мудром бывшую на равных среди европейских стран, тоже притормозило колониаторство, да еще монгольское завоевание. Как Италия или Германия, и она не перешла к экономическому хозяйству, начинавшемуся в Новгороде и в северных землях.

Но остававшиеся феодальными, внеэкономическими, страны перенимали достижения экономического хозяйства и, в частности, машины. Внеэкономическому хозяйству не было важно, что паровая машина, а потом двигатель внутреннего сгорания или электромотор, освобождая человека от тяжести физического труда, повышали в условиях свободы производительность. Машину приобретали как способ удовлетворять конкретные, особенно военные, потребности, и, не догадываясь, что машину назовут источником социальных перемен, к ней ставили подневольных рабочих.

В России движение к такому техническому прогрессу прорезалось рано и обрело наибольший размах. Петр насильственно внедрял в старый порядок западные достижения, как бы заново входя в Европу. Но то, что в Англии делали наемные рабочие, в тяжком труде обретавшие все больше свободы, у нас на заводах Демидова, а за ним и других, делали крепостные, которые трудились еще тяжелей, а свободы имели все меньше. Но, не говоря об Азии, всюду к востоку от Эльбы, и в Пруссии, и в Польше, вопреки представлениям о неуклонном прогрессе, крестьянская зависимость тогда тоже ожесточалась, перерастая в крепостное право, пусть и не всюду столь полное и тяжелое, как наше. Когда к западу от Эльбы шли к экономическим отношениям, к востоку от нее не просто пребывали в прежнем феодальном состоянии, - там царила феодальная реакция, оснащавшаяся достижениями западного технического прогресса, и ее воплощение - демидовский завод.

До середины XIX века власти думали, что так жить можно. Связь технического отставания с социальным устройством они ощутили только в Крымскую войну. Тогда вслух заговорили о либеральных ценностях. Но при освобождении крестьян земля так и не перешла к земледельцам, что сдерживало и искажало экономические отношения. Промышленность стала развиваться, дешево покупая рабочую силу безземельных крестьян, но тяжелое положение в деревне обрекало их на бесправие и в городе. Частичные и поздние поправки Столыпина не изменили ситуацию радикально. Но и Временное правительство тянуло с созывом Учредительного собрания, и главный для русского населения аграрный вопрос оставался неразрешенным.

Тут и выяснилось что и социал-демократы при феодальной реакции смотрят на вещи иначе, чем в буржуазном обществе. Там трудно уверять, что либеральные ценности ущемляют рабочих, ибо как раз они и позволяют защищать их права. Обнаружилось также, что, вопреки Марксу, экономическое общество состоит не только из буржуа и пролетариев, что его структура многофигурна, и отдельные интересы буржуазии или отдельные интересы пролетариата, равно не идентичны интересам общества, как целого, заинтересованного в экономических отношениях. Власть буржуазии, вопреки Марксу и Ленину, была отнюдь не ее

диктатурой. Примеры ее диктатуры объявились поздней. Точно так же и пролетариат, устанавливая свою диктатуру, то есть выдавая свое отдельное за общее, мог лишь разрушить общее и, в конечном счете, сам себя ограбить. Поскольку государственное хозяйство, неизбежно убыточное, не поддерживали избиратели, британские лейбористы отошли от национализации, то есть от государственного управления хозяйством, и признали либеральную экономику, каковую прежде, борясь с ними, внедряла Маргарет Тэтчер, и рабочие часто голосовали за нее.

Совсем иначе социал-демократия эволюционировала при феодальной реакции. Ленин тоже понимал, что в развитом буржуазном обществе пролетарская революция, вопреки Марксу, маловероятна, и, как истинный волюнтарист, решил перенести ее из передовых, как надеялся Маркс, в отсталые, то есть феодальные, страны, “в слабое звено”, и проводить не всюду разом, а даже в одной, “отдельно взятой”, стране. И хотя пролетариат в этой стране мог быть лишь в явном меньшинстве, революцию Ленин все равно именовал пролетарской. Его не смущало, что в предисловии к “Капиталу” без обиняков сказано: “Общество, если даже оно напало на след естественного закона своего развития... не может ни перескочить через естественные фазы развития, ни отменить последние декретами”. Маркс был утопистом, но все же не волюнтаристом, то есть еще до революции преобладавшее большевистское крыло российской социал-демократии на деле уходило от Маркса.

Полагаясь на “упреждающую” диктатуру своей партии, Ленин не вдумывался, чем она, в конечном счете, станет, и кто фактически будет эту диктатуру от лица малочисленного пролетариата осуществлять. Это было для него делом ловкости, умения, а не социальной политики. Демократией он звал не власть народа, но власть для блага народа. Нет причин сомневаться, что в 1917 году и Ленин и другие большевики искренне желали народу блага но в их социальных представлениях, сложившихся при феодальной реакции, реальной демократии не было места. Как народу жить, они отдавали решать, конечно, уже не доброму царю, но анти-царю, мудрому вероучителю и его церкви, то бишь партии, только не самому народу. Марксов миф о захвате пролетарским большинством власти, принадлежащей буржуазии, отступил перед ленинским расчетом на захват партией власти, принадлежащей феодальной реакции, Временным правительством фактически не разбитой.

Это было возможно (и в Октябре произошло) лишь благодаря нерастратенному потенциалу очередной пугачевщины, антифеодальной крестьянской революции. Давая крестьянам землю, хоть и не в собственность, но все же в пользование, один из первых большевистских декретов как бы завершал лишь отчасти свершившуюся в Феврале буржуазную революцию. Но одновременно другими действиями сводились на нет ее результаты, поскольку большевики насаждали новые внеэкономические отношения, без частной собственности, а крестьянство все же надеялось перейти к экономическому хозяйствованию, хоть не вполне его себе представляло.

Это противоречие вошло в плоть революции 25 октября 1917 года, и привело в ночь на 7(20) января 1918 года к государственному перевороту, разгону избранного уже при большевиках Учредительного собрания, большинство которого составляли крестьянские депутаты. Государство, именовавшееся пролетарским, осуществляло с того дня диктатуру над крестьянским большинством, и уже это подорвало всякую надежду на его мирное отмирание в обозримое время, хоть Ленин и продолжал повторять: “когда будет социализм, не будет государства”. Если по первым декретам, ничего социалистического не содержащим, и решающей роли крестьянства признать, что 25 октября в России, наконец, победила буржуазная революция, надлежит признать, что 7 января произошел контр-революционный переворот. Но у нас оба события рассматриваются как единое, то 7 января продолжается революция, то 25 октября совершился переворот. Между тем, уже по пути от революции к перевороту большевики разорвали с демократией и стали преобразаться.

Крестьянство, опасавшееся, что реставрация отберет землю, еще помогало большевикам победить в гражданской войне, но те уже ввели “военный коммунизм”, объявленный поздней способом справиться с трудностями войны, но тогда понимавшийся как установление желанного порядка. Уже после гражданской войны, 4 декабря 1920 года был принят декрет о бесплатном отпуске населению продовольствия, 17 декабря - предметов ширпотреба, 27 января 1921 года - об отмене взимания с рабочих и служащих платы за жилые помещения, водопровод, канализацию, газ, электричество. Плату за топливо отменили еще 23 декабря. Все это говорит о серьезности ленинского стремления организовать единый внеэкономический синдикат, управляемый государством, в котором получаемые ценности считаются как бы общими и распределяются. Надежда на “единый синдикат” тоже противостояла вере Маркса, что буржуазные фабрики преобразуются в “ассоциации трудящихся”, вполне утопические, но все же во множественном числе.

Крестьянство ответило на продолжение военного коммунизма “антоновщиной” и Кронштадским восстанием. Пришлось пойти на послабления, провозгласить Новую Экономическую Политику, то есть отчасти допустить экономические отношения. Даже будучи стесненными, они влекли страну отнюдь не к ленинскому идеалу, на что и надеялись так называемые “сменовеховцы”, готовые мириться с диктатурой в ожидании эволюционного торжества экономических отношений, и уверявшие себя, хоть и другими словами, что “процесс пошел”. Во избежание такого НЭП и был пресечен, и Сталин вернулся к “военному коммунизму”, но прагматичней.

Сталин и создал единый внеэкономический государственный синдикат, в котором ценности не могли быть измерены, поскольку при хозяйственной монополии нет конкурентного рынка, и объективно-необходимое определение ценности товаров неосуществимо, да и товарами они стали лишь условными. В единый синдикат вошло и сельское хозяйство, а лишенных земли крестьян наново закрепостила колхозная барщина. Административно-политическое и директивно-хозяйственное

управление было централизовано, и СССР, члены которого по началу обладали хотя бы урезанной национальной самостоятельностью, обратился в унитарное государство, "единое и неделимое". Резко сократили заработную плату, давая лишь скромную помощь по болезни, родам и уходу за новорожденным, и вскоре обратившиеся совсем в ничто пенсии. Сложилась жесткая карательная система, упреждавшая недовольство. Обратив огромную страну в циклопический демидовский завод, Сталин сотворил новый внеэкономический строй, новый феодализм, который звали социализмом.

Но Сталин лишь исполнял волю заполнившего к тому времени партийный, советский и карательный аппарат правящего класса, именуемого номенклатурой, чтобы не говорить "новым дворянством". Сталин был, конечно, беспощадным палачом, но вознесла его не случайность, а ожесточение внеэкономической системы, не допускавшей даже показных уступок, на которые шла царская власть, хоть и с третьего захода допустив Государственную Думу. Устоять перед объективной тенденцией к экономическим отношениям, перед которой даже Ленин, новую систему задумавший, отступал, мог только беспощадный палач, равнодушный к стране и людям. Иначе было не обеспечить привилегии нового дворянства, слишком уж его интересы противоречили здравому смыслу. Но к крушению это привело не сразу, - спасал еще не растраченный запас людских и сырьевых ресурсов, которыми ни Брежнев, ни, тем более, Горбачев, уже не располагали

ГДЕ ПРАВО, ГДЕ ЛЕВО?

Преображение большевиков (до революции - признанных социал-демократов, участников конгрессов П Интернационала) из сторонников свободы в создателей Гулага, из безоглядных интернационалистов в великодержавных шовинистов, из борцов против самодержавия в творцов нового самодержавия, - едва ли не самое примечательное явление политической истории XX века. Подобные трансформации, даже не столь масштабные, побуждают задуматься о привычке делить политическую сцену на плохую и хорошую, реакционную и прогрессивную, "правую" и "левую" стороны. Почти два века Европа, а за ней и весь мир, рассуждает о "правом и левом", хоть сами по себе эти слова общественного смысла не имеют.

После реставрации Бурбонов монархисты, мечтавшие возродить феодальные порядки, садились во французском представительном собрании справа, а буржуазные депутаты, желавшие удержать свободы, принесенные революцией и Наполеоном, - слева. Вот первых и стали называть "правыми", а вторых "левыми". Поздней депутаты крупной буржуазии сдвинулись вправо, а слева сели депутаты мелкобуржуазных и рабочих партий, и по-прежнему первых называли правыми, а вторых левыми. Так и пошло, не только во Франции: правыми именовали реакционеров, защищавших старый порядок насильем, а левыми - либералов, социал-демократов, сторонников демократических выборов,

социальных гарантий, свободы. Пуанкаре был правый, Жорес - левый, Чемберлен - правый, Макдональд - левый, Пуришкевич - правый, Плеханов - левый, и этим, казалось, все сказано.

Свобода, за которую ратовали левые, была насущной необходимостью развития. Лишь благодаря возраставшей свободе совершились промышленный переворот и, потом, научно-техническая революция. Франция живет лучше Беларуси не потому, что на Монмартре ключом хлынула нефть, а потому, что люди там свободнее и в большей мере определяют свою жизнь. Но свободы везде недостает, рая на земле нет. Желаящие побыстрее осчастливить всех мечтают о государстве-опекуне, именуемом "социалистическим". Маркс, виднейший мечтатель, правда оговаривал, что не может быть свободного развития для всех, если нет его для каждого, и потому для всеобщего счастья государство, как орган насилия, как раз должно исчезнуть. Но то теория, а практики, если по теории не выходит, поступают по своему разумению.

Нередко они берут власть силой и в создаваемом ими обществе навсегда пропадает возможность другого выбора. Тогда выясняется, что социалистическое общество еще меньше буржуазного отвечает требованиям, которые левые предъявляют другим. В социалистическом мире куда меньше свободы, куда больше тюрем и лагерей, куда ниже уровень жизни, куда свирепей цензура. Государственный террор не щадит и тех, кто это государство создавал и верно ему служил.

Российская социал-демократическая партия большевиков, совершившая 25 октября 1917 года революцию, какие итоги ее деятельности ни подводить, была тогда "левой". Но никуда не деться и от того, что тогдашний ее состав, - "старые большевики", был почти поголовно физически уничтожен новыми товарищами. И сама та левая партия, идеализировать которую нет нужды, стала под чуть переправленными названиями фактически другой партией, составившей хребет тоталитарной системы, по всем своим делам крайне реакционной, крайне правой. Между тем, не только выдающегося лицемера Сталина, но и разоткровенничавшихся ныне Зюганова, Тюлькина или Анпилова все еще называют левыми.

Преображение "левого" в "правое" в головах шло еще в революционные дни. В 1915 году Ленин писал, как пагубен для свободы хозяйственный монополизм, перерастающий в промышленный феодализм. А уже в 1917 он сам хотел превратить хозяйство всей России, а то и всего мира, в единый синдикат, то есть хотел довести монополизм до тоталитарного абсолюта, что позднее как раз и сделал Сталин, вернувший страну к феодальной реакции и массовому подневольному труду. Но удивительным образом коренная трансформация коммунистического движения, грандиозное преобразование крайне левого в оголтело правое, по-настоящему не осознаны нигде в мире, хоть это, быть может, главный урок века. Российское преобразование все объявляют нетипичным, объясняют случайностями. Уже и не поймешь, то ли русский народ нехорош, и вовсе не "избранный народ социализма", как уверяли, то ли слишком много инородцев и, в частности, евреев по началу стояло за социализм, то ли

всему виной "лицо кавказской национальности" - Сталин. За этим вздором прячут причины происходящего в XX веке с левым движением.

Сам Сталин, однако, помнил значение слова "левый". В автобиографических записках "Глазами человека моего поколения" К.Симонов рассказывает как Сталин, назначая его главным редактором "Литературной газеты", говорил: "Литературная газета" как неофициальная газета может быть в некоторых вопросах острее, левее нас". Он сознавал, что быть левее означает свободнее, откровеннее говорить о недостатках, то есть быть либеральнее коммунистической власти. Понятно, "Литгазета" не сильно в том преуспела, однако, глава авторитарного режима не только различал новых и старых большевиков, но знал, что его власть не очень-то левая, хоть на публике помалкивал. А ныне в левых затыкавшие народу рот.

В СССР не только "левое" искусство, неперенный спутник "левых" политических движений жестоко отменялось. Все требования, выдвигаемые "левыми" (в том числе коммунистами) в буржуазных странах, советская власть в России объявляла "буржуазными". Зато функционеры нашей коммунистической и немецкой национал-социалистической рабочей партии в пору их союза в 1939-1940 годы легко находили общий язык, Немецкие партнеры прямо говорили о близости партий, их целей и методов, а советские напирала на общее стремление покончить с плутократическими режимами, то есть с западными демократиями. У нынешних коммунистов, в жажде открытого феодально-авторитарного правления вторящих фашистским призывам, есть, как видим, традиция. Но в живучей советской мифологии они все еще "левые", хотя переставали ими быть еще тогда, когда, выступая вместе со всеми против феодальной реакции, подавляли другие противостоящие ей общественные слои, начиная с крестьянства, - и в итоге сами оказались воплощением феодальной реакции. Свобода неделима, и борьба за нее несовместима с монополизацией свободы и ее распределением сообразно месту в партийной монополии.

Но то, что еще помнил Сталин, выпало из сознания не только Хрущева или Брежнева, но и многих партийцев, выступивших в 1991 году против коммунизма. Они объявили себя "правыми" и с почетом похоронили в Петропавловском соборе Николая П. А ведь то, что более года как отрекшегося царя, подобно миллионам, убили без суда, не снимает того, что, упорно не желая довести до конца либеральные реформы, начатые его дедом, он виновен в революционном взрыве не меньше его производивших. Царя ныне почитают, числя советскую власть "левой", и лишь с пониманием, что она была "правой", начнется движение влево, к реформам, от которых уклонялись и царь, и нынешние власти.

Чтобы реформы провести надо помнить, почему в 17 году левая революция победила, и понимать, почему, удержав вывеску, она обернулась правой реакцией. Миллионам, поверившим Декрету о земле и Декларации прав народов России, по содержанию последовательно буржуазным и для феодальной России левым, левые, получив власть, силой навязали далекий от тех деклараций антибуржуазный режим. Не то, что обманывали, скорее еще сами обманывались, Но, так или иначе, не

желали признать, что плох любой режим, навязываемый силой, и отвергали вердикт народного волеизъявления. Из лучших побуждений лишая людей свободы - и экономической свободы, и, вообще, свободы выбора, - левые движения превращаются в свою противоположность не в одной России.

В Европе "левыми" зовут террористов "красных бригад", недавно возобновивших убийства в Италии, где выборы проходят регулярно, и большинство с террористами не согласно. Но они, как некогда у нас большевики, сеют страх, чтобы навязать большинству свою волю, то есть отвергают свободу выбора. Что же у таких "левых" левого, кроме фразеологии? Немалая часть левой интеллигенции, критикуя - и нередко справедливо - таких правых, как Тэтчер или Рейген, противопоставляет им позиции куда более реакционные и фигуры вроде Саддама или Милошевича. Точно так же в противовес несовершенной британской демократии, Бернард Шоу восхвалял Муссолини, Герберт Уэллс выгораживал Гитлера и оба хвалили Сталина - тех, кто погубил десятки миллионов и развязал мировую войну.

Джордж Оруэлл показал, что в перевернутом мнимыми "левыми" обществе война - это мир, свобода - это рабство, а невежество - сила. Сам он при этом оставался человеком либеральных убеждений, левым в добром старом смысле. Ведь только держа свободу за высшую ценность и можно преодолеть охватившее XX век уродование понятия "левый". Сделать это необходимо. Как пел Окуджава:

Порядок вечен, порядок свят:
Те, кто справа, стоят, стоят,
Но те, кто идут, всегда должны
Держаться левой стороны.

А поскольку выяснилось, что по левой стороне тоже зачастую сворачивают вправо, к Гулагу и этническим чисткам, надо не мешкая различать, где право, где лево. Этого умения нынче явно нехватает.

КОММУНИСТЫ РЕФОРМИРУЮТ КОММУНИЗМ

С середины семидесятых СССР охватил кризис, более глубокий, чем прежние. Правящий слой внеэкономического хозяйства, полагаясь на неисчерпаемость людских и сырьевых ресурсов, между тем сокращавшихся и дорожавших, не соотносил свои цели с возможностями, по обыкновению надеясь возместить недостающее насильем. Вместо достаточной самообороны он жаждал военного превосходства над всем остальным миром вместе взятым, да еще ввязался в афганскую авантюру, и это вконец разорило страну. Иначе советская власть еще бы какое-то время, возможно, держалась.

Но больше всего страну подкосила научно-техническая революция, с которой не справлялось консервативное внеэкономическое хозяйство, связанное нормативной идеологией и крайне правым, реакционным руководством. Помешав ради ядерного оружия разгрому физики Эйнштейна и Планка, на которую, вслед за генетикой, уже

нацелились партийцы физического факультета МГУ, руководство партии само громило кибернетику и тормозило развитие электроники, военное значение которых не меньше. Нет оснований подозревать Сталина в том, что он сознательно подрывал обороноспособность страны. Но объективные качества общественного порядка сильнее, чем даже воля и мудрость всемогущего диктатора, и он не в состоянии перехитрить порядок, который сам насаждает и охраняет. Тем более не были на это способны воспитанные им преемники. Страна жила по принципу: "нет таких крепостей, которых большевики не могли бы взять". И порой в самом деле брали! Да только триумфы часто выходили отечеству боком, и вину валили на "врагов народа", но не на объективный ход вещей, ломавший волюнтаристские прожекты. До 1985 года правящий слой упорствовал, не желая ничего менять, и лишь под угрозой краха выдвинул Горбачева, провозгласившего перестройку.

Это не был еще отказ от волюнтаризма, лишь попытка заменить самоуверенную и безжалостную волю волей осмотрительной и, так сказать, доброй. По-прежнему, обсуждая, что делать, не смотрели, *что делается*, какие реальности движут жизнью. За пределами сугубо личных интересов, сообразовывались не с реальностями, а с идеалами. Но какие идеалы ни предпочитай, история не знает их буквального осуществления, она идет по принципу: шел в комнату, попал в другую. Вот и провозгласив перестройку, не задумались над былым печальным опытом, все еще числя его результаты - достижениями. Только сетовали порой на отдельные ошибки, словно эти "ошибки" не были неотъемлемой частью порядка, введенного, чтобы идти к этой цели. Нет, чтобы задуматься, отчего благие намерения обратились в свою противоположность.

Горбачев говорил о перестройке, но остерегался перемен. Он лишь облегчал груз, взваленный на страну, и для этого сделал много, даже ушел из Афганистана. Но сторонники нового курса не были едины, одни хотели лишь сбавить напряжение прежней жизни, другие - жить по-иному, во всяком случае, так они говорили. Горбачев никогда не отказывался от социализма, лишь призывал придать ему человеческое лицо, словно лицо общественного порядка зависит от воли правителей, а не от свойств самого порядка. Будущим историкам останется гадать, вел ли Горбачев сложную игру, ожидая благоприятного случая, чтобы приступить к радикальным реформам, или проводил время в надежде, что без лишнего груза все образуется само собой на прежних началах. Советские должностные лица любят выжидательное бездействие. Примаков на посту премьера недавно опять это показал.

Изменив политическую обстановку, открыв дорогу гласности и подняв железный занавес, начав проводить выборы депутатов из нескольких кандидатов, Горбачев за шесть лет так и не решился на серьезные экономические реформы, и вопреки всем другим его усилиям кризис не обретал разрешения. В этой атмосфере занимавшие ключевые посты его сторонники вместе с его противниками ввели 19 августа 1991 года в Москву войска, чтобы вернуться к прежнему порядку. Защищать от них Горбачева и перестройку довелось той части его сторонников, с

которой он был не в ладах, и в частности, Ельцину, снятому им с поста Первого секретаря МК КПСС и наперекор Горбачеву ставшему Президентом России. Надежды миллионов дали ему моральное преимущество и принесли победу.

Однако сама угроза возвращения к силовому порядку, пули которого уже убивали в Тбилиси, Вильнюсе, Риге, Баку и в других национальных республиках, хоть на сей раз в Москве и преодоленная, развязала центробежные тенденции, беспощадно подавлявшиеся со времен превращения формального Союза в унитарное государство. Личной инициативе Ельцина, воспользовавшегося случаем, распустив СССР, избавиться от Горбачева и опеки Союзной власти, сочувствовали разные силы и люди. При этом не только пропала должность президента СССР, и сам Горбачев выпал из политической жизни. Обретение высшей власти Ельциным, на последнем съезде КПСС заявившим о выходе из нее, сулило переход к коренным экономическим реформам.

Уж тут, казалось, предметом всеобщего внимания должны бы стать не только преступность и аморальность коммунистического правления, о которых на некоторое время заговорили громче, но и коренные пороки внеэкономического хозяйствования, противоречащего достигнутому научно-техническому развитию. Увы, они так и не были осознаны ни Ельциным и его окружением, состоявшим все из тех же парработников, только более низкого ранга, ни широкими слоями населения. Подобно тому, как коммунисты, строя заводы, уверяли, что строят социализм, теперь вчерашние коммунисты, строя банки, уверяли, что строят капитализм. До выяснения того, как действуют в тех или иных условиях заводы или банки, как и чем влияют на остальное хозяйство и каково при этом его совокупное влияние на цену рабочей силы, а этой цены на платежеспособный спрос, а этого спроса на производство и, в конечном счете, на всю жизнь общества, дело не доходило. Власть старалась лишь сбалансировать нараставшую в обороте денежную наличность с таявшими товарными запасами, вздувая цены и задерживая зарплаты. Той же цели послужила так называемая "либерализация цен", проведенная по поручению Ельцина бывшим зав. Отделом экономики журнала "Коммунист" и газеты "Правда" Гайдаром.

Разрекламированная как решительный шаг к сугубо экономическим отношениям, как шоковая терапия, она не только не вывела хозяйство за пределы советской системы, но, снимая искусственные барьеры ценообразования, расставленные внеэкономическим хозяйством для видимости товарно-денежных отношений и их корректировки в интересах правящего слоя и его забот, она лишь расширяла возможности прямого произвола государства. Как говорилось, то был шок без терапии. Шок был устрашающий, цены, мгновенно выросшие во много раз, продолжали стремительно расти, и медленно повышаемая зарплата все сильнее от них отставала. Всякая социальная помощь при этом обесценилась, да о ней и не думали, уверяя, что рынок все расставит по местам, но рынок никак не мог это сделать, не говоря о прочем, уже потому, что его и не было, поскольку в нем не было независимых участников. Всем по-прежнему так или иначе, прямо или косвенно, владело и распоряжалось государство,

бывшее на деле единственным товаропроизводителем, работодателем и продавцом.

Конечно, прежние пустые прилавки при полных карманах покупателей выглядели хуже, чем полные прилавки при пустых карманах, но дальше создания показного изобилия "реформа" Гайдара не продвинулись. Прежде государство уверяло, что заниженную цену рабочей силы оно с лихвой компенсирует добавками из "общественных фондов" и разными льготами. Теперь, взвинтив цены и сведя на нет льготы, оно приблизило цены товаров к их реальной стоимости, что было бы, абстрактно рассуждая, прекрасно, да только, многократно снижая фактические зарплаты, оно одновременно исключило из числа реально оцениваемых главный товар экономического общества - рабочую силу. Снижать ее цену - старый советский обычай, только практикуемый ныне откровеннее, без социалистических фиговых листков. Гайдаровская "либерализация цен" переломила массовые симпатии. Еще в августе 1991 большинство сильней или слабей сочувствовало демократическим переменам, во всяком случае не было массовых выступлений против них, год спустя, заменяя Гайдара советским министром Черномырдиным, Ельцин улавливал и переменявшееся массовое сознание. К тому же, Гайдар выполнил поставленную перед ним задачу, дал государству возможность в очередной раз свалить на граждан расплату за нерентабельность государственного хозяйства.

Между тем, необходимая экономическая реформа должна бы, прежде всего, отделить хозяйство от государства, либерализовать не одни цены, а всю структуру хозяйственной жизни. Враждебность державников либералам вызвана вовсе не тем, что те, якобы, хотят упразднить государство, да в обозримой перспективе такое и невозможно. Невозможно сегодня и отстранение государства от воздействия на экономическую жизнь, как целое. Спор лишь о том, быть ли государству собственником и распорядителем хозяйства или только внешней силой по отношению к нему, регулирующей лишь условия ведения хозяйства. Только в качестве такой внешней силы государство способно объективно оценивать хозяйственную ситуацию в стране и выражать интересы всего общества, а не одного правящего слоя государственных чиновников, управляющих нашим общественным, якобы, хозяйством в собственных интересах.

Наш правящий класс боялся даже ограниченного, нэповского, китайского, допущения экономических отношений. Он сорвал скромнейшую реформу Косыгина, стремившегося как-то сопрягать хозяйственный механизм с реальностью. Точно так же, в свое время, большинство помещиков сопротивлялось наделению освобождаемых крестьян землей и сокращению повинностей. Феодално-чиновный правящий класс не хочет перехода от внеэкономических отношений к экономическим. Пока в дело не вступают новые социальные силы, реформы осуществляются лишь в той мере, в какой, как в том же Китае, остаются незыблемы привилегии прежних господ.

Но при сталинско-брежневском тотальном хозяйстве новым силам неоткуда братья. Неудовлетворенность своей участью порождала

недоверие и даже сопротивление режиму, но не конструктивную программу реформ, которой и не оказалось ни у Горбачева, ни у Ельцина, даже если они ее искали. Но опыт разных народов подсказывает, чем надо реформаторам заниматься. У истоков либеральной программы стояли еще Локк, Монтескье, Вольтер, Адам Смит и Кант с его понятиями нравственно свободной личности и ее моральной ответственности. Их сочинения давно переведены на русский язык. Но российский правящий слой искони отвергает эту традицию и, не говоря о позднейших авторах, не слышит здравых советов, наперед данных классиками. А у него, как и до семнадцатого года, по-прежнему монополия на возможность мирно изменить положение в стране

ПЛОДОТВОРНОСТЬ СВОБОДЫ

Бросающиеся в глаза различия в жизни стран и народов вызваны не расовыми особенностями, не религиями, не философскими доктринами, а тем, чем люди живут, чем кормятся. Речь, понятно, не собственно о пище, а о ценностях, за счет которых приобретают и пищу, и кров над головой, и все прочее. Одни страны живут преимущественно полезными ископаемыми или другими дарами природы, оказавшимися в их власти. Другие - преимущественно трудом. То, главным образом, физическим, то и физическим и умственным, то умственный уже и преобладает. Но главный барьер разделяет не белых и желтых или черных, не христиан и буддистов, верующих и атеистов, а людей кормящихся природой и кормящихся трудом. Первые могут быть и богаче, и счастливей и беззаботней. Вторые, как сказано, добывают хлеб свой в поте лица своего. Но благодаря труду и росту его умственной доли лучше живут даже кормящиеся природой, поскольку труд рождает спрос и на природные дары.

Важно, однако, подневольный это труд или свободный. Первый постулат общественной жизни говорит, что свободный труд при прочих равных условиях, как правило, эффективнее принудительного. Переход от внеэкономического принуждения к свободной покупке и продаже рабочей силы как раз и породил веру (порой даже избыточную) в прогресс и всеобщее благосостояние, был бы только свободен труд, то есть. свободен труженик. Свобода личности и права человека нужны не ради "абстрактного гуманизма", как уверяли советские власти, а ради повышения уровня общественного благосостояния. Свобода - не абстрактное понятие, оно вошло в обиход как противоположность феодальной зависимости в ее личных, поземельных, судебных и, разумеется, крепостнических формах. Она несовместима с феодализмом и феодальной реакцией. Точно так же несовместима она и с социализмом, в последовательной советской форме, запретившим продажу рабочей силы на открытом рынке и, тем самым, сознательно или бессознательно, положившимся на подневольный труд. Уже это вело к сращению феодальных и социалистических начал, одинаково держащихся внеэкономическим принуждением и одинаково антилиберальных.

Залогом преодоления внеэкономических зависимостей в либеральном обществе становятся новые социальные институты, не сводящиеся, однако, к самой по себе подаче голосов при избрании органов власти, - крепостные легко отдадут голоса барину. Важна независимость голосующих, а ее декретом не создашь, она возникает лишь при хозяйственной множественности. Таков второй постулат общественной жизни, - конкурентная множественность эффективнее монополии. Не велика разница, стал монополистом феодал-латифундист, капиталистический сверхконцерн или социалистический общегосударственный синдикат. Освобождение крестьянства от феодальных зависимостей одновременно было становлением множественности независимых крестьянских хозяйств. Еще до появления наемного рабочего свободный крестьянский труд на своей земле был выражением ценности рабочей силы, хоть еще и не обособленной от ценности земли, на которой труд совершался, и еще не выступавшей отдельно как товар. Не напрасно либерализм первоначально взывал к природному человеку, свободно работающему на земле. При всей исторической наивности такого подхода, в нем просматривается позднейшее осознание ценности рабочей силы.

Соответственно, первым шагом либеральных реформаторов должно бы стать восстановление крестьянского землевладения. Начальный переход к нему мог совершиться путем безвозмездной передачи земли желающим того крестьянам в собственность, кое-где в обмен на уже признанные колхозные паи или, если они еще не признаны, прямым выделением пахотной земли, которой, кстати, у нас на душу населения больше, чем в любой стране. Владельцами таких участков стали бы, понятно, по преимуществу нынешние деревенские жители. Лишь небольшую их часть составили бы люди, утратившие связь с землей, но способные доказать, что она была конфискована у их отцов, дедов или прадедов.

Естественно, иные новые землевладельцы тотчас же или со временем захотели бы свои участки продать, и это стало предлогом, чтобы не возвращать крестьянам землю. Уверяли, что иностранцы или банкиры скупают всю Россию. Между тем, нет ничего проще, чем законодательно оговорить право на покупку пахотной земли лишь за гражданами России. Сверх того, хоть в этом и нет нужды, на какой-то срок можно бы даже оговорить обязанность владельца так или иначе лично участвовать в обработке земли, а в противном случае ее продать. Этого более чем достаточно, чтобы закрепить землю за отечественным крестьянством. И если земля ему еще не возвращена, то только из обоснованных опасений правящего класса, что миллионы свободных крестьян-землевладельцев будут, как и до 1929 года, желать реальных экономических отношений.

Появление множества независимых производителей в сельском хозяйстве подорвало бы принудительный труд и в промышленности, где рабочую силу стали бы оплачивать по ее ценности. "Англичанин-мудрец, чтоб работе помочь, изобрел за машиной машину" - поется в русской народной песне. С чего бы у англичан эта гуманность, и почему у нас не

хотели “работе помочь”? Изобретатели ведь появлялись и у нас. Конечно, паровая машина Ивана Ползунова была несовершенна, сам он умер, не успев ее завершить, но почему никто не продолжил его дело? Да потому, что оно было выражением его личного таланта, но еще не общественной потребностью. Владельцам крепостных мужиков менее всего надо было их работе помочь. А в Англии машину Джеймса Уатта никакие крепостные мужики заменить не могли, их там просто не было. Приходилось нанимать рабочих за деньги. Машина там выступила не как воплощение мудрости или проявление гуманности, а как способ достижения экономических преимуществ, от которых, вопреки Марксу, уровень жизни рабочих не падал, а рос.

Причиной его роста на западе стало конкурентное частное производство, а наши реформаторы не дают ему никаких гарантий. Акционирование госпредприятий не мешает владельцу контрольного пакета, - как правило это все еще государство, - действовать по своему усмотрению. Допущение частных лиц в финансово-банковскую сферу, тоже не мешает сохранению руководящей роли за государством, то есть за чиновником. А индивидуальное производственное предпринимательство, подобно индивидуальному крестьянскому земледелию, все еще никак не защищено. Вот и нет у нас хозяйственной множественности и нет поэтому настоящего политического плюрализма.

Наша страна обладает огромными запасами сырья, которое, увы, как прежде продают за рубеж в сыром виде, и грамотной рабочей силой, но у нас по-прежнему нет недвусмысленных законов, обязующих власть и, прежде всего, так называемые правоохранительные органы, безвозмездно охранять частную собственность вообще и частное производство в особенности. Зато конфискационное мышление власти, всегда норовившей отобрать у граждан и личные сбережения и заработки, еще никуда не ушло, и граждане России постоянно его ощущают. В минувшем году дополнительный налог, сверх 12% взымался уже с заработка свыше 20 тысяч новых рублей в год, то есть меньше полутора тысяч в месяц. Как видим, рабочий с неработающей женой и ребенком, получающий эти жалкие деньги, дающие ему лишь прожиточный минимум на каждого члена семьи, представляется нашей власти богачом, у которого каждый заработанный сверх этого минимума рубль она норовит обложить повышенным налогом. Экономическая политика власти возбуждает не стремление сделать больше, чтобы честным трудом заработать больше, а стремление ограничиться минимумом, сверх которого все отберут, или работать в “тени”.

Нуждаясь в инвестициях, власть охотно берет на западе займы у правительств и международных банков, но плохо способствует созданию у нас не совместных, то есть опять же подконтрольных государству, а сугубо иностранных частных предприятий. А оно пошло бы на пользу и рабочим, которые, получая там меньше, чем западные коллеги дома, получали бы много больше, чем отечественные коллеги на госпредприятиях. Оно пошло бы на пользу и государству, поскольку западные предприниматели без сомнения были бы честными

налогоплательщиками. Оно пошло бы на пользу стране, налаживая в ней современные предприятия. Пошло бы оно, хотя бы по началу, на пользу и отечественным частным инвесторам, которым западные проложили бы дорогу. Но власть явно не хочет независимых предпринимателей и независимых рабочих, которые, подобно независимым крестьянам, дорожили бы экономическими отношениями и обеспечивающими их либеральными ценностями.

Уверяют, что последние чужды русскому менталитету. Словно проживающий в США миллион этнических русских (не говоря о других выходцах из России) прозябает на дне, а не врос в благополучные слои. Многие нынче в России, конечно, опасаются экономических отношений, но это не национальная, а социальная особенность менталитета, ведь таких отношений почти восемьдесят лет не было вовсе, они преследовались в уголовном порядке, да и сейчас по существу их нет. И крестьян, и рабочих и предпринимателей у нас сознательно удерживают в круговой зависимости от государства, даром, что именно она побуждает и тех. и других и третьих требовать у государства постоянные субсидии. А оно не платит и заработанного.

Свободное крестьянство, свободный рабочий класс, свободное предпринимательство в социалистическом государственно-монопольном синдикате отсутствовали. Их надлежит создавать заново. Но корпус научных работников, вопреки произволу советской власти, существовал и при ней, и достаточно было бы укрепить его социальный фундамент. Научный потенциал России, служивший, главным образом, военному производству, но не каменной стеной отделенный от гражданских приложений, мог бы стать для нашей формирующейся экономики важным источником ценностей, хотя бы в виде патентов или наукоемкой продукции для мирового рынка. Но советская уверенность, что умственный труд ценности не создает и лишь требует расходов, и тут удержала наших реформаторов от серьезных реорганизаций в пользу науки, хотя тут требовались меры не столь радикальные.

Зато вздыхают над “утечкой умов”. Но утечка умов началась не с отъездов ученых, а с того, что умы пропадали в отечестве зазря, поскольку доступ к науке ограничивался и беспартийностью, и социальным происхождением, и наличием репрессированных родственников, и этнической принадлежностью и многим другим. При разработке ядерного оружия Сталин, правда, пренебрег своими принципами “подбора кадров” и еврей Харитон и беспартийный Сахаров сыграли там как раз важнейшую роль. Но и это не побудило “поступиться принципами” в других сферах. А уважительное отношение к личности, преодоление уверенности, что “незаменимых нет”, и Россия без любого обойдется, сократили бы “утечку умов”.

Социальные требования, без которых экономика не работает, выпали из поля зрения реформаторов, и мероприятия, проводившиеся под видом реформ, лишились рационального экономического содержания, оказавшись только судорожными попытками спасти утопающее государство

от кризиса в который его завело советское хозяйствование. Но продление жизни страны в таком виде лишь продлевало кризис.

МОСКОВСКАЯ МЕТРОПОЛИЯ

Когда марксистско-ленинская фразеология отброшена, а либеральные реформы ограничены новой фразеологией, заметнее становится нарощее под прежней, уже неспособной свои наросты объяснить. Маркс, считавший себя космополитом, гражданином мира, плохо сообразуется с борьбой против отечественных космополитов, которую развернул Сталин, и таким несоответствиям коммунистических деклараций и советской практики нет числа. Когда над Москва-рекой, неподалеку от Воробьевых гор, уже переименованных в Ленинские, выросли особняки для членов Политбюро, москвичи называли новый поселок “Заветы Ильича”. А звучал призыв превратить Москву в образцовый коммунистический город.

Ныне Москву выставляют образцовым капиталистическим городом. Кажется, что в этом больше правды. Город застраивают по зарубежным образцам, на каждом углу картины мелкого местного бизнеса, и улицы подметают. Западные люди на эту видимость поддаются, и, при всем скепсисе к происходящему в России, для Москвы делают исключение и поминают ее в доказательство свершения реформ. Бог с ними. Нам же московское исключение любопытно не как набросок будущей России, которой, увы, для такого разворота не достанет денег, но как официальный идеал власти, и не только столичной.

Препираясь с федеральным правительством, московская власть в главном с ней единодушна. Она тоже знает, что общегосударственному синдикату уже не продохнуть, и не льстится на оправдывающую его прежнюю идеологию. Что в Москве у власти демократы, доказывают от противного, - заверениями, что в Москве у власти не коммунисты. Лужков и впрямь в некотором роде не меньший реформатор, чем Чубайс, с которым он постоянно полемизировал. Его взгляды не столько в словах, сколько в поступках, из которых надо их вычитывать. А так-то он старается накормить и обогреть горожан, и его облик - облик рядового москвича, отнюдь не простофили. На голове - кепочка, он играет в теннис, как президент, но и в футбол тоже, - коренные москвичи футбол уважают больше.

Между тем, споры Лужкова с Чубайсом - не склока чиновников разных ведомств. за каждым своя концепция выживания правящего класса и сохранения внеэкономического порядка, вынужденного ныне, как в 1921 году, принаравливаться к экономическим критериям. Лужков на подведомственном пространстве заменяет рушащийся общегосударственный синдикат самостоятельным московским, и как его распорядитель, пусть по советскому обычаю прямо не числящийся ни монопольным собственником, ни держателем контрольного пакета акций, вынужден спорить с федеральной властью, тяготеющей к иной модели, чтобы удержать господство над пространством всей России. Это спор о путях неизбежного, при продлении внеэкономических порядков,

феодалного дробления империи. Спор о том, дробиться ли ей на обособляющиеся территории, как при распаде Киевской Руси или насаждении совнархозов, призванных вытащить страну из кризиса, в который завел еще Сталин, или все-таки держаться за учрежденную Сталиным верховную хозяйственную власть, лишь прорубая в ней щели побольше, чтобы не задохнуться.

Спорящие не сопоставляют продуктивность вариантов, а олицетворяют противоречие общего и отдельного. Московский вариант возможен лишь там, где не стесняет удавка безденежья, недостаток оборотных средств, да и само хозяйство имеет, как говорится, свою специфику. Неверно изображать Москву городом бездельников и чиновников. Здесь работают крупные заводы и исследовательские институты высокого класса, не говоря о вузах, музеях, театрах, издательствах и прочем. Лужков не лжет, уверяя, что Москва вносит в госбюджет треть, если не больше, его доходной части. Он только умалчивает, каким достатком она владеет и откуда его взяла.

Глазом не моргнув, Лужков требует компенсации за выполнение Москвой столичных функций, А как раз статус столицы дает Москве простор для быстрого обогащения, начиная с интенсивного строительства гостиниц для приезжих деловых людей. Переместись столица России по географической справедливости, скажем, в Томск, одинаково отдаленный от Петербурга, Краснодара и Магадана, - рубежных точек на северо-западе, юго-западе и Дальнем Востоке, или даже в нашу историческую столицу Владимир-на-Клязьме, коль скоро Киев остался Украине, Москва тотчас лишится этих доходов, сильно превышающих затраты на строительство и обслуживание гостиниц. Но она лишится еще и доходов, предопределенных столичным статусом не в бытовом, а в политическом ракурсе.

Зарубежные дельцы, плохо разбирающиеся в российской перспективе, полагают, что под боком у президента больше шансов, что вложения не будут конфискованы или разворованы. Если каждый чих президента, на который, как известно, не наздравствуешься, вызывает падение российских ценных бумаг на 10%, не удивительно, что в Москве застревает от 70% до 85% всех заграничных денег. Но это не все. Заинтересованная в столичном спокойствии федеральная власть со своей стороны подкармливает столицу более мощными внебюджетными поступлениями, чем могла бы прямыми бюджетными прибавками. Фирмы, держащие конторы в Москве, живут доходами от продажи сырья, добываемого в дальних краях, но платят налоги в Москве, где они хотя бы отчасти переппадают и городским властям, а отечественные Кувейты, из которых это сырье черпается, остаются нищими, не имея средств даже на обновление добывающей технологии.

Пользуясь такими и другими преимуществами, московские банки сильнее всех других, и если даже в Питере их доля в хозяйственных делах выше доли местных, что говорить об остальной стране. Весь этот разнообразный приток денег в столицу возвращает ей привилегии, которые прежде давала советская административная система. Деловитость

московского мэра неоспорима, но преимущества Москвы и ее жителей созданы все же не так усердием Юрия Михайловича, как былыми привилегиями имперской столицы.

Столица, как раньше, так и теперь, у нас не просто административный центр, но метрополия, вознесенная над империей. А империя, как другие феодальные империи, начиная с Карла Великого, у нас не национальная или, точнее, не ставшая вполне национальной, какой пребывала при царе, хоть Сталин тоже старался внушить русским, что их положение лучше, чем у остальных, поскольку они, дескать, первые среди равных, и именно их язык и культуру навязывают другой половине жителей СССР. Но все знали, что уровень жизни покоренных эстонцев или литовцев не уступает уровню жизни русских даже на Кубани или на Дону, а если равнять с Орловщиной, не касаясь еще более бедных областей, выходило, что первые среди равных нередко живут чуть ли не хуже “последних среди равных”. Ссылаясь на это, порой даже уверяют, что империи у нас и нет. Но феодальная империя держится не чисто этническими привилегиями, в ее господствующее сословие, как меньшинство, допускаются и выходцы из покоренных народов, - татарское происхождение многих русских дворянских фамилий общеизвестно, и даже евреев, пока Сталин, вступив в союз с Гитлером, не склонился к прямому антисемитизму, принимали в номенклатуру. А на территории, где правящее сословие концентрируется, привилегии перепадает и прочим жителям. При советской власти Москва стала привилегированной территорией. За успехом и лучшей жизнью туда стремились даже из Ленинграда, тоже имевшего некоторые, хоть и гораздо меньшие привилегии.

Перебираясь в 1949 году из Москвы, где по окончании университета я безуспешно обходил отделы кадров в поисках работы, в Ленинград, где получил работу мой отец, как генетик, незадолго перед тем уволенный вместе с еще тридцатью коллегами из Академии Наук, я разговорился в паспортном столе милиции со стариком, который, овдовев, перебирался к сыну, работавшему в закрытом институте. Но принесенные им бумаги не удовлетворили начальника, который, впрочем, обещал старика прописать при подаче еще какого-то ходатайства. Заходя в кабинет без всяких ходатайств, лишь с собственноручным заявлением, я ничего хорошего для себя уже не ждал, но майор, хоть и не слишком любезный, заглянув в мой паспорт, тотчас наложил резолюцию и сказал, что завтра утром я могу получить паспорт с пропиской.

Старик меня ждал и, удовлетворив любопытство, сказал: “Это потому, что вы - москвич, а я из Казани. Москвичам везде у нас дорога”. По этой фразе он мне и запомнился. Действительно, получив прописку и став ленинградцем, я опять, как в Москве, оказался для отделов кадров прежде всего евреем, и больше года найти работу не мог. А для майора милиции, особых указаний на сей счет еще не имевшего, я был прежде всего москвичом, и в силу этого имел явное право на менее ценную ленинградскую прописку. Конечно, сегодня административная вертикаль действует не так железно, и меня бы, возможно, не прописали, даром что нынче прописка формально, вообще, отменена. Но отчасти сознательно,

отчасти не задумываясь о последствиях, Москве и сегодня внеэкономически создали привилегированные условия для обогащения отнюдь не за счет производства больших ценностей, то есть позволили по-прежнему жить за счет других.

А при мощном денежном притоке, позволяющем жить лучше других, Москва уже не так остро нуждается в либеральных реформах, необходимых для более эффективного ведения хозяйства. И в августе 1991, и в октябре 1993 можно было думать, что значительная часть москвичей склонна к демократии. Но в ходе последних выборов городской Думы люди голосовали по списку, который без стеснения опубликовал мэр, то есть выборы фактически проходили так же, как некогда выборы в Моссовет или Верховный Совет, с тем лишь печальным отличием, что тогда выбирали "из одного", а теперь выбор был немалый, и все же люди слепо следовали указанию начальства. Это не только знак отхода немалой части столичных жителей от демократических стремлений, но и подтверждение того, что и сам отход отвечал на предоставление Москве внеэкономических преимуществ.

Искусственное обогащение привело Москву к открыто антилиберальному курсу, не сводящемуся к грубым угрозам Лужкова в адрес той или иной иноязычной диаспоры. Лужков - не отец антилиберального курса, а его работающий сын, и не стоит прельщаться разоблачением культа его личности. Культ личности, как и в случае Сталина, - следствие, а не причина того, что либеральные реформы не совершились. Но московский пример привлекает других субъектов федерации. Они не прочь взять в собственность все, что было на их территории общегосударственным. На этом партия Лужкова "Отечество" и сошлась с партией губернаторов "Вся Россия". Области, менее Москвы склонные к демократии, еще быстрее с таковой прощаются. Если Москва воспаряет над остальной Россией, кажется, что это в порядке вещей, но, уподобляясь ей, другие увеличивают угрозу феодальной раздробленности и конфликтов с центром, теряющим советское положение собственника всего и вся, и не обретающим, без либеральных реформ, рычагов для воздействия на хозяйство.

Разоблачители тяги к сепаратизму не отличают стремление людей к самостоятельности, к частной жизнедеятельности и преодолению постоянного диктата, от стремления местных властей к неограниченному распорядительству на доставшейся территории по примеру Лужкова. Москва увешана частными вывесками, в сфере обслуживания и торговле частник активен, да и акционирование предприятий, если не выяснять у кого контрольный пакет, придает им видимость приватизированных. Эта сфера подкармливается городской властью и ею управляется. Но такой сословно-групповой сепаратизм ведет к превращению субъектов федерации в территориальные хозяйственные синдикаты по образу и подобию вчерашнего СССР, только поменьше. Москва подала пример поддержания прежних порядков в обновленных, но отнюдь не либеральных, формах. Но самостоятельные субъекты федерации не вправе отменить отделение хозяйства от государства, а государство это не только

правительство страны, но и губернские власти. В самой крохотной государственной единице должны сохраняться открытые для граждан других областей России экономические отношения, иначе страна и впрямь распадется. Беда не в том, что бывшие советские республики стали суверенными, а субъекты Российской Федерации часто строптивы, но в том, что взаимовыгодные экономические отношения между ними часто пресекаются, то завышенными таможенными сборами, то налогом на добавленную стоимость, лишь недавно, слава богу, отмененным на украинской границе, а то и просто закрытостью внутриобластной торговли. А единство страны удерживают либо оккупационные войска, либо общий рынок, третьего не дано.

Наши любители постоять за российское единство тяготеют к первому, доказавшему свою пагубность, варианту Второй для них неприемлем, поскольку предполагает либеральные нормы. Внедрить бы нам, по примеру Европы, либеральную взаимную торговлю, преграждая путь лишь оружию, наркотикам да скверному спирту, и окрепли бы отношения с бывшими союзными республиками, и ослабел сепаратизм русских областей. Да, кстати, и неразумно наличие в Федерации, наряду с национальными, чуть ли не семидесяти русских субъектов, как правило, мелких. Их слияние, согласно с историческими традициями, в двадцать и даже меньше крупных субъектов вело бы к более активным обменам уже внутри каждого. Но, выбирая: экономическое развитие или внеэкономический “порядок”, власть предпочитает последний, - только им она и держится, по-прежнему в ущерб стране.

А БЫЛИ «МОЛОДЫЕ РЕФОРМАТОРЫ»?

В России спорят не столько о политических позициях, сколько о лицах, и реальный предмет полемики лишь смутно угадывается. Газетам и телевидению интересны не пути хозяйства и адекватное им устройство общества, а новые и новые компроматы. Началось это не сегодня. Одним из самых скандальных было “книжное дело” Анатолия Чубайса. Люди, не слишком сведущие в авторском праве, возмутились, что аванс платят до появления тиража, и утверждали (но не доказывали), что хороший гонорар - это взятка. Самого Чубайса президент защитил и на время даже удержал в правительстве, но менее виновных (сочтя подозрения за доказательства) его соавторов уволили, якобы по нравственным соображениям. Но если за групповую аморалку рядовых казнят, а главаря журят, поскольку он - человек нужный и, вообще, придает власти импозантность, под сомнение подпадает мораль самой власти. Вот и задумываешься, кому “книжное дело” было выгодно.

Сей полузабытый ныне, но характерный, конфликт вспыхнул при продаже акций “Связьинвеста”, полученных ОНЭКСИМ-банком мимо других покупателей, винивших Чубайса в том, что будущие доходы не поделили на всех, кто помог президенту при выборах. Но Чубайс предъявил алиби, - он отдал “Связьинвест” тому, кто заплатил больше. Деталь, подрывающая алиби, в ходе скандала потерялась. А состоит она в том, что ОНЭКСИМ-

банк сумел заплатить больше лишь потому, что платил хранимыми им деньгами Таможенного комитета, на что права не имел. То есть, за покупку акций государственной фирмы плачено государственными деньгами, - в этом вся соль, а предпочтение того или иного из конкурентов значимо для них, но не для страны. Отдай Чубайс "Связьинвест" Березовскому, а не Потанину, или даже подели поровну между претендентами, страна бы не выиграла. Но ни Чубайс, ни Березовский, не углублялись в проблему, поскольку рациональное ее обсуждение вскрыло бы, что происходит вовсе не продажа государственного имущества частным лицам, не так называемая "денежная приватизация", а перераспределение имущества между фактически государственными конторами.

На деле Чубайс виноват не в том, что у кого-то украл или кому-то помог украсть, а в том, что его приватизация - никакая не приватизация, но лишь реорганизация общегосударственного синдиката, позволяющая отдельным его частям действовать более самостоятельно и гибко, - конечно, не без выгоды для себя, пусть и в рамках закона. Это разделение государственного синдиката, на полуавтономные части выдают за переход к капитализму. Но, право же, если бы в Штатах остались только "Дженерал электрик", "Майкрософт" и еще пяток подобных компаний, капитализм и там бы кончился, ибо он держится на множестве средних и мелких фирм, способных вдруг, как тот же "Майкрософт", быстро ответить на общественную потребность.

Можно, конечно, возразить, что и там сегодня средние и мелкие фирмы попадают в зависимость от крупных монополий и даже прямо насаждаются ими, однако зависимость от монополий сплошь и рядом остается частичной, и отождествлять ее с нашей так же неправомерно, как феодально зависимого французского виллана с русским крепостным. К тому же, процесс поглощения отнюдь не охватил еще все или даже большую часть средних и мелких фирм, балансирующих между монополиями, полностью не подчиняясь ни одной. Не зря важнейшую роль в США продолжает играть антитрестовское законодательство.

У нас этого множества мелких и средних компаний не существует, и капитализмом рядят так называемую "семибанкирщину". Но это не капитализм, и они не банкиры, а все те же совслужащие, хоть и с более заметными доходами. Не зря Березовский был заместителем секретаря Совбеза, а Потанин - даже первым заместителем Предсовмина, то есть сидел на месте Чубайса. Влияние этих людей на государственные дела неоспоримо, но объясняется оно не просто деньгами. Телекомпания ОРТ на 51% принадлежит государству и долгое время была официально подконтрольна Чубайсу, ведавшему СМИ, а у Березовского лишь 7% акций ОРТ, однако Сергей Доренко, не смущаясь, еженедельно выгораживал Березовского и выговаривал Чубайсу, то есть влияние Березовского на ОРТ определялось не тем, что он владеет какой-то его долькой, а традиционными советскими отношениями. Березовского, Вяхирева, Потанина и прочих именуют "олигархами", хоть даже задним числом так не кличут Жданова с Маленковым или Берию с Поскребышевым, а споры, которые те вели под ковром единого советского синдиката, если были

иными, то лишь тем, что части синдиката ныне автономнее и "олигархи", не то что члены Политбюро, спорят публично и даже завели потешные бои Доренко, Киселева и Сванидзе.

Для реальных экономических отношений Чубайс сделал не больше Лужкова. Но Лужков и не скрывает, что стоит за советское, по существу, хозяйство, за "социализм", только не под знаменем марксизма, а под сенью храма Христа Спасителя. Он и называет себя социалистом. А Чубайс хочет слыть либералом. Но он мог бы напомнить Лужкову и Зюганову, что, ограничив срок действия ваучера, он-то и помешал его превращению в ценную бумагу, а тем самым и реальному переходу государственного имущества в руки частных граждан. (При выпуске ваучера было обещано, что по стоимости он превзойдет две "Волги".) Уже сама идея *временной* передачи в собственность и аннулирования приватизационного чека, не вложенного в краткий срок в инвестиционный фонд, показывает что и представления нашего главного приватизатора о частной собственности и государственном долге, не далеки от советских.

Зло коренится в государственном имуществе, числящемся то общим, то ничьим, но фактически находящемся в распоряжении должностных лиц, власть которых ограничена только сверху, а наверху - ничем. Такой порядок возник задолго до рождения Чубайса и составил суть советского произвола не только в политике, но и в хозяйствовании. Ныне с ликованием обнаруживают в швейцарском банке счета на имя Ельцина, забывая, что на имя Сталина там тоже были счета. Коррупция неодолима пока борьбу с ней сводят к отдельным преступникам и обходят преступный характер государственного устройства, при котором государство ни за что не отвечает, а, значит, не отвечают и властные лица.

"Книжное дело" не уличило Чубайса во взятках, во всяком случае, доказательства так и не представлены. Я верю, что в денежных делах честны и Гайдар, и Примаков и Степашин. Но никто из них или других начальников не счел своим первым долгом преодолеть безответственность государства. А это требует не пополнения контролеров, а отделения хозяйства от государства. Чем больше роль государства в ведении хозяйства, тем меньше оно в состоянии о нем судить. Вот и привольно тем, кто на руку не чист. А отличить "чистых" от "нечистых" тут способен лишь независимый суд, которого в стране нет, и судиться с государством невозможно.

Приватизация, для успеха нуждалась в предварительном возникновении частного хозяйства, чтобы людям ощутить на деле своими и ферму, и фабрику, и счет в банке, и акции и ценные бумаги. Среди последних были бы и ваучеры, на которые тоже покупали бы у государства то, что оно готово продать. Будь этот процесс открыт и обусловлен известными правовыми нормами, злоупотребления не стали бы столь огромны. Но то-то и оно, что Анатолий Чубайс не так открывал простор частной инициативе в производстве, как удерживал оное под рукой государства. Он защищал централизованный синдикат от сепаратизма областных властей, и от Лужкова первого, жаждавших все местное прибрать, да и впрямь влияние Березовского или Потанина, в отличие от

территориальных обособлений хозяйства, грозит не целостности России, а "лишь" демократическим переменам.

На фоне Зюганова, Жириновского и Лужкова, Чубайс держится либеральным государственным, "молодым реформатором", но ни он, ни другие "молодые реформаторы" так ничего, по существу, и не реформировали. Провал Гайдара тоже объясняли тем, что ему, дескать, не дали провести реформы. Но почему сам Гайдар не заговорил об этом первым? Почему он, напротив, поддержал сменившее его, отнюдь не реформаторское, правительство? Почему сразу не указал на президента, имевшего возможность удержать его на посту премьера, как на виновника отказа от реформ? Почему на выборах 1993 и 1995 годов не выдвинул последовательную либеральную программу в противовес правительственной? Почему не поспешил выступить против войны в Чечне, как это немедленно сделали Ковалев, Явлинский, Памфилова и другие? Почему, наконец, его партия поддерживала не оппозиционные либеральные предложения, а псевдолиберальную власть? Этому нет объяснения, кроме того, что Гайдар, искренне либеральный в отношении советского режима, хотел все же не коренных преобразований, но, как некогда Косыгин, какой-то рационализации государственного управления хозяйством. То же самое и Чубайс. Оба они настоящие советские люди, лишь признавшие, что административная команда не срабатывает.

Но если в перестроенной и постперестроенной России так и не сложилось последовательное либеральное движение, не приходится удивляться, что коренные перемены не свершились, и хозяйство не оздоровилось. Дивиться можно, что люди это плохо сознавали, что псевдолибералов принимали за либералов и даже антилибералов за буржуазных реформаторов. И не то, что не было других суждений. Но "свободная" печать и, особенно, "свободное" телевидение, "свободно" замалчивали демократическую оппозицию президенту, не часто пропускали, либеральные критические голоса, широко демонстрируя зато коммунистическую критику власти. Им удалось создать впечатление, будто страна разделена лишь на стоящих у власти "молодых либеральных реформаторов" и единственно противостоящую им непримиримую коммунистическую оппозицию, и, кто не хочет возврата коммунистов, просто обязан поддерживать псевдо-либералов, которые на деле от коммунистов уже не слишком отличаются. Шедшую от Сахарова подлинную либеральную оппозицию псевдо-либеральные власти намеренно отчуждали от массового сознания, хоть если у людей была надежда, то именно на нее.

К экономическим отношениям ведет не госкорпоративность по Чубайсу и не губернаторизация собственности по Лужкову, а массовая людская инициатива, если, конечно, у нее будут правовые гарантии. Тогда появятся новые отечественные и иностранные производства и потянут за собой старые, побуждая их тоже производить современные конкурентные товары. Затем и нужна либерализация, но не одних только цен, а всей экономической жизни, и потому не сводящаяся к дележке.

Ощущая недовольство псевдо-реформами Ельцина, Гайдара, Черномырдина и Чубайса, упустивших годы для создания новой экономики, и не различая оппозиционной активности подлинных либералов, люди разочаровываются в самой возможности плодотворных общественных преобразований, и это нынче главная беда российского общества, которой зато радуется власть, выгадывающая от падения доверия к политике. На фоне массового отчаяния и рождаются надежды на некомунистических, но отнюдь не либеральных вождей, сулящих чудеса, вроде “московского”, и уверяющих, что особенное положение, созданное за счет всей страны, харизматический лидер, Лужков или кто другой, мигом распространит на всю Россию.

В НАДЕЖДЕ НА ЧУДО

Людам хочется чуда. Особенно, когда жить день ото дня все страшней, заработать на сносную жизнь все трудней, а пенсия гарантирует лишь нищету. Потому люди и в бога верят, что творит чудеса. То накормит пятью хлебами и двумя рыбами тысячи мужей, то исцелит прикоснувшегося к краю его плаща от неизлечимой болезни. Про такое есть и в Ветхом Завете, и в Новом, и в Коране и в других священных книгах. Начальный энтузиазм строителей социализма тоже держался надеждой на чудо, на то, что чудо станет законом, словно понятия “чудо” и “закон” не противоположны по смыслу.

Экономические отношения тоже ввергают в стихию, пусть не столь очевидную, как разгул природы или произвол внеэкономического хозяина, но и от ее угроз спастись раз и навсегда не получается. Надежда Маркса, не говоря о Ленине, как выяснилось, означала возвращение к произволу. Но проблема спасения в вихрях экономической стихии от этого не перестала быть актуальной. Сложность российской ситуации в том, что спастись от заведшего в тупик произвола можно лишь вверившись экономической стихии, но одновременно и от нее самой надо искать спасения. Есть ли способ это сделать, не придушив стихию новым произволом, чего хотят коммунисты? В Англии от торжества экономической свободы до начала борьбы за социальные гарантии прошло чуть не триста лет, а в России приходится думать о том и другом разом.

Уверяли, что рынок сам все расставит по местам, но смысл слова “рынок” не проясняли. Между тем, товарный рынок существует с незапамятных времен. Иван Грозный налаживал торговлю с Британией. Русские помещики продавали свободным европейским странам хлеб, выращенный на барщине крепостными. Да и Советский Союз при Брежневе успешно продавал нефть и газ, а на вырученные деньги покупал хлеб и развивал военную промышленность. Мы и тогда кругом зависели от рынка. Сперва цены на нефть, не без нашего подстрекательства, подскочили, и, как крупнейшая нефтедобывающая держава, мы обогатились. Но многократный подскок цен повел к освоению новых ресурсов и энергосберегающих технологий, и цены на нефть опять упали.

Это, кстати, и стало одной из важных причин нашего нынешнего кризиса. Говорят о рынке, но помалкивают о том, что социальную ситуацию меняет не, вообще, рынок, а, прежде всего, рынок рабочей силы, рынок как альтернатива насилию. Коль скоро с переходом от принудительного труда к наемному возникают экономические отношения, объективная цена рабочей силы становится первой социальной гарантией.

Что такого рынка нет у нас и в помине, видно по массовым невыплатам зарплаты. Но и ее своевременной выплатой в экономическом обществе не обойтись. Положение наемного рабочего, учителя, врача, инженера, ученого там зависит от колебаний стоимости производства и цены товара. У людей в экономическом обществе меняются заработки, спрос на их профессии падает или возрастает, порой они теряют работу, а бывает, что временно, а то и навсегда, теряют трудоспособность. По опыту западных стран видно, что это не личные беды пострадавших, как думают наши реформаторы.

Тем более не сочтешь личной бедой нерентабельный характер большинства советских производств, не способных оплачивать используемую рабочую силу по объективной стоимости, да и стоимость эту установить не так просто, поскольку ее на рынке сегодня снижает внезапное изобилие рабочих рук, которые и по более низким, советским ценам невозможно оплачивать, поскольку внеэкономическое хозяйство исчерпало свои компенсаторные источники. Между тем, человеческие ресурсы, совершенствующие свое качество, нынче главное достояние любой страны, и они сегодня - главная надежда России. Но их продуктивное использование возможно только если они не погибают при экономических колебаниях.

Западные страны создали защиту от такого постепенно, долго развивая экономические отношения наряду с продолжавшимися внеэкономическими. А советская власть после 1929 года ни в 1939, ни в 1945, ни в 1956, ни в 1965, ни в 1985 году не допустила существования, наряду с внеэкономическими государственными предприятиями, экономических, частных, как допустил их Китай при Дэн Сяо-пине. И не потому не допустила, что в России не было своих Дэнов (их успешно расстреляли или, как потом Косыгина, отодвинули), и не потому, что Россия менее Китая способна к экономическим отношениям, но как раз потому, что еще более способна, и это еще быстрее обнажило бы, как нынче в Китае, что государственные предприятия, в сравнении с частными, убыточны. А значит еще быстрее стала бы неизбежна та самая "смена вех", любые поползновения к которой еще товарищу Сталину правящий класс поручил беспощадно пресекать.

Социальные гарантии в СССР носили, как и все другое, внеэкономический характер. Первой из них объявили сам социалистический строй, жить при котором, даже в нищете, считалось престижней, чем влачить на себе ярмо капитализма при полном достатке. Известной гарантией, уже материальной, была и возможная в монопольном внеэкономическом синдикате "полная занятость", то есть скрытая безработица, при которой всем числящимся на службе выдавалась

зарплата, пусть невысокая. А сверх того по указаниям властей регулировалось распределение "бесплатных" благ. Поскольку бесплатных пирожных на свете, к сожалению, не бывает, важно видеть за счет чего оплачиваются "бесплатные" блага. Монопольный социалистический синдикат, устанавливая заниженные зарплаты, до поры мог за счет части этих гигантских недоплат оплачивать "бесплатные" или отпускаемые по сниженным ценам блага, зовя это социальной справедливостью.

Переход к "экономическому" обществу начался у нас с того, что не только "бесплатные" блага исчезли, но и зарплаты резко сократились. Поэтому система социальной защиты, утвердившаяся в экономическом обществе, где, за редкими исключениями, трудящийся, наряду с работодателем и государством, принимает участие в создании защитных страховых фондов, регулярно внося туда определенные суммы из своей зарплаты, к России сейчас неприменима, разве что для "новых русских". Стало быть, первым условием успеха реформ было отыскание источников социальной защиты. Одним из них могла бы стать немалая финансовая помощь, оказанная нашей стране Международным Валютным Фондом, Всемирным банком, Соединенными Штатами, Германией и другими странами. Увы, наши реформаторы нашли ей иное, не вполне очевидное назначение. А людям предложили спокойно пройти период первоначального накопления и дикого капитализма, словно у грабительского социалистического государства совсем ничего не было, хотя в его руках оставалось хозяйство всей страны. Уверяли даже, что гибель миллионов, не способных приноровиться к псевдо-реформам, ради этого вполне допустима, вторя речам Сталина или Мао о человеческих жертвоприношениях ради лучшего будущего всего человечества.

Разумеется, сбалансировать хозяйство, сделать его рентабельным, необходимо, но проделывать это за счет наемных тружеников, которым и прежде недоплачивали, стали потому, что не хотели выпускать хозяйство из государственных рук, а государство органически не способно преодолеть его убыточность. Вот оно и предпочитает продолжать нерентабельное производство, не выплачивая зарплату работающим, но тратя при этом деньги на сырье, энергию и прочее, вместо того, чтобы, разобравшись, что из прежнего и впрямь необходимо сохранить и, пока не объявятся самоокупающиеся конкуренты, там и оплачивать рабочую силу по реальной стоимости. А другие убыточные предприятия продать, а нет покупателей, - закрыть, вместо нерентабельных затрат платя нормальное пособие потерявшим работу.

Хозяйство СССР, даром что было нерентабельным, могло до поры существовать и развиваться благодаря обилию в стране компенсаторных источников, как природных, так и социальных. Но волонтаристская растрата свела их почти на нет, страна не может больше жить природой. Она должна научиться жить прибыльным трудом, физическим и умственным. Потому и необходима экономическая свобода. Надо только ясно понимать в каких отношениях с ней может находиться государство. Оно, конечно, может и должно ее установить и охранять, и не так просто переориентировать органы пресекавшие всякую

свободу на ее защиту, возможно, правоохранительные органы надлежало создавать просто заново. Оно, конечно, может и должно, особенно на первом этапе, взять на себя обеспечение социальных гарантий, прямую помощь людям, не выдерживающим остроты перехода к новым социальным отношениям. Но оно не может возместить собой свободу. Это ведь по-началу пытались делать и большевистское государство, неотвратимо пришедшее к сталинскому террору. И напрасно в России и за границей твердят, что взяв себе всю власть, Ельцин избавил страну от обанкротившегося общегосударственного синдиката. Его всевластие, напротив, подтверждает, что государство по-прежнему железной рукой держится за хозяйство.

КТО ПРАВИТ РОССИЕЙ?

Никто, говорят, не правит и в стране безвластие. Так кажется при сопоставлении нынешней жизни с советской. Тогда партия и правительство ставили перед народом задачи и вели от победы к победе. Судя по газетам, мы отлично справились с определяющим, решающим и завершающим годами пятилетки, не говоря о великих стройках коммунизма. Занимавшее власть по-настоящему было государственной тайной, и мало кто любопытствовал ее знать. Теперь задачи тоже объявлены: рыночное хозяйство, правовое государство и все такое. Но эра лицемерия миновала, пришла эра беззастенчивости, и в газетах ничего хорошего, кроме поступления денег из МВФ, не видать, и кажется, что власть слаба, ничего не делает, все течет само собой. А власть, как всегда, просто делает не то, что говорит.

Вопреки суждениям господина Клинтона и иже с ним, ее занимают вовсе не демократия и наладка экономических отношений, а, напротив, поддержание привычного, понятно, в обновленном виде. В прежнем его просто уже не удержать, хоть не все еще это поняли. Прежде, власть сосредотачивалась в руках Генерального секретаря ЦК КПСС, бывшего по совместительству главой государства или главой правительства. Теперь она у президента и ей нет ограничений уже не по традиции, как раньше, а по Конституции. Прежде главный пост занимал Первый секретарь Днепропетровского обкома, потом Ставропольского. Ныне - Свердловского. Совсем другое дело!

Скажут, что прежде ЦК и Верховный Совет единогласно поддерживали Первого, а нынче Дума в оппозиции и до импичмента доходила. Сценарий вроде новый, но по старому образцу. У Думы власти немного, но все же, помимо законов, она определяет важнейшие текущие дела, - утверждает бюджет и премьер-министра. И хоть она это делает не в пример живописней, чем Верховный Совет, где на манер Жириновского себя не распускали, результат прежний, - главные предложения президента и правительства принимаются. Какие только слова не произносились по поводу того, что за полтора года президент сменил пять премьер-министров. Но Дума-то всех новых утверждала, что ж валить на одного

президента? А чтобы не давать ответа на интригующий вопрос: кто правит Россией.

Спросите любого на улице, ответят: демократы. И скажут, что Ельцин - гарант этой "демократии". Наемная горстка бывших интеллигентов особенно рьяно твердила это в пору затеянной им чеченской войны. Но в Думе большинство у коммунистов, они могли бы стоять на смерть. Ан нет, утверждают. Ну, ладно, утвердили Кириенко, все же секретарь обкома комсомола, свой парень. Ну, ладно, утвердили Примакова, и впрямь свой, еще при Сталине выдвинулся. Но Степашина-то зачем утверждали? Это не менее любопытно, чем то, почему Ельцин его уволил. Уж его-то преданность президенту наперед была видна, и даже после увольнения сохранилась. А Дума с первого захода его утвердила. И Путина тоже. Этому нет иного объяснения, как то, что думским коммунистам общность с гарантом нынешней демократии дороже, чем разделяющие частности.

Не все сразу поняли, что зонтик марксистско-ленинской идеологии прохудился, и под ним в сильный дождь далеко не уйдешь. И после провала ГКЧП не поняли, и после попытки Верховного Совета захватить, пусть не почту и телеграф, как в 1917, но все же телецентр. Ельцин, чуть его из Московского Горкома вывели, смекнул, что без нового приклада не обойтись, и тогда же сообразившие это товарищи по партии за ним пошли, и было их немало. Он облачил не слишком изменившийся порядок в новую идеологию, объявив себя демократом, а свою диктатуру - демократией. А разве не демократия? И книжки читать можно, и даже за границу съездить. Но ведь и при большевиках до 1927 года с этим не так было плохо, совсем иначе, чем потом, а называть их власть даже и в те годы демократией язык не поворачивался.

Наивно, однако, думать, что стремление народа к демократии обернулось ничем из-за властолюбия Бориса Николаевича или, как твердят последнее время, его неуверенности в безопасности семьи после ухода с должности. Политический смысл происшедшего в том, что с Ельциным себя отождествляет множество бывших коммунистов во властных структурах. Там борьба за самосохранение и прежде была едва ли не главной заботой. Но в брежневские годы начальники не гадали, когда сверху камень на голову свалится, - разве что Первый помрет, что при геронтократии случается чаще нормы. А тут окончание конституционного срока, похороны при жизни! Дело новое, надо подготовиться, и лучше всего начальникам быть заодно. Создать объединенную партию начальства, чтобы тут и Лужков, и Примаков, и хорошо бы Степашин, и побольше губернаторов да президентов автономий. Не обязательно быть единомышленниками, обязательна только готовность делить власть в своем кругу. Вместе победить на выборах, пока не восстановлены выборы из одного, и самим решать кому какое место, а места хватит, сколько надо, столько мест и будет. Словом, расставание с властью тревожит не одного Ельцина.

Партия будущей власти не одинока в стремлении отмежеваться от президента, за которого все ее лидеры, начиная с Лужкова, держались,

пока не пробил его час. Псевдо-либералы вроде Немцова вдруг вспомнили, что никаких реформ они не провели, и винят в этом президента, оставляя публике гадать, почему они молчали про это раньше и почему заговорили теперь. Впрочем, большинство поныне не заговорило. Открытые коммунисты, тоже шесть лет успешно сотрудничавшие с президентом, теперь особо напирают на свою оппозиционность, - увольнение Степашина и Зюганов, и Селезнев публично объявили глупостью, не умея или не желая объяснить его смысл. А Ельцин во многом виноват, но не в глупости. Глупый бы в такой ситуации не взлетел, а взлетел, так на десять бы лет не задержался. И премьеров он снимал не по глупости. Другое дело, чего хочет этот незаурядный ум.

С Гайдаром просто: Гайдар сделал свое дело, и мог уходить. Цены и без него уже росли, отчего на прилавках и появились товары, а если денег нет хлеба купить, так это, казалось, у меня нет. К тому же президент злодея Гайдара, мог удержать, а прогнал, и поставил человека старого закала.

Черномырдин потому долго и держался. Конечно, о готовности ладить со старыми товарищами говорила и амнистия деятелям ГКЧП и зачинателям октября 1993, штурмовавшим Останкино и московскую мэрию, и призывавшим бомбить Кремль. Но люди не забывали, что на военные действия Руцкого, Хасбулатова, Макашова и других Ельцин и сам тогда ответил военными действиями. А Виктор Степанович, и с Думой умел поладить, и с Чубайсом и с Басаевым, и как бы обещал уход от гражданской войны, - главное, в чем нуждаются люди, поскольку быстро в ней победить шансов ни у кого нет. Черномырдин терпеливо ждал своего часа, и при увольнении Ельцин даже объяснял, что дает, таким образом, Виктору Степановичу возможность готовиться к новой работе. Такой ход можно назвать по-разному, но не глупостью.

Кириенко, не просидевшего и пяти месяцев, сняли как бы за дело, - невнятное слово "дефолт", означало для России подскок цен в четыре-пять раз, приведший искусственную стоимость доллара в большее соответствие с другими товарами. Рост цен снова спас государство от банкротства. Более реальный рубль отчасти даже пошел на пользу хозяйству, но людям жить стало еще трудней. Повторилась история Гайдара, с тем лишь отличием, что Гайдар объективизировал и взвалил на население хозяйственные последствия советской власти, а Кириенко - хозяйственные последствия семилетнего правления Ельцина, Черномырдина и других. И президент опять прогнал наглядного виновника взлета цен. Тоже трудно назвать это глупостью.

Примакова призвали в качестве компромиссной фигуры, еще более старого разлива, чтобы смягчить негодование, большинства граждан, чего он и добился полным бездействием. Но и Примаков, при всей его ловкости, не сумел скрыть свою едва уловимую готовность не расстраиваться, если придется исполнять обязанности президента. Ельцин тут же показал хватку и решительно убрал союзника, готового брататься с противниками. Разве это глупость?

Остается Степашин, никак не провинившийся, ни по существу, ни по форме, и свалить на него нечего, и выглядит не берущим взятку, и ни с какой политикой себя не связал. Прежде чем объяснять его снятие президентской глупостью, стоило предположить, что на сей раз - впервые - задача состояла не в том, чтобы убрать премьера, а в том, чтобы поставить нового. Не надо переоценивать слова Ельцина, что Путин - его преемник. От этого шансы Путина на выборах летом 2000 года не выросли, но, если были, то упадут. Цель назначения, конечно, другая, ее и надо понять, да не хотят.

Между тем, если прежде Ельцин удерживал заданную им в 1991 году коллизию: президент-демократ против ретроградов-коммунистов, которая работала на него и подобных, то атмосфера импичмента, пусть и несостоявшегося, да еще при измене Примакова и перетекании партии власти к Примакову и Лужкову, показала, что и другие бывшие коммунисты овладели ельцинской коллизией. Уже не он один способен в новых декорациях обеспечить большинству прежнего правящего класса сладкую жизнь. Это стимулировало президента. Возможно, мысль о наступлении возникла еще когда убирали Примакова, но убирать надо было быстро, был верный человек, и поиски более подходящего отложились, тут он и нашелся.

Чем Путин отличается от Степашина Зюганов с Селезневым, да и вся российская общественность, не углядели. Очень уж разительно сходство. Однако различие есть. Степашин, в ту пору директор ФСБ, был видной фигурой чеченской войны, но единственный публично признал эту войну и свое участие в ней ошибкой. Это не вязалось с новыми планами. В роли премьера он успел побывать в Дагестане и осудил вмешательство Басаева в тамошние дела, но без акцентов, которые вскоре зазвучали у Путина как трубный глас.

В промежутке в Москве устроили взрыв в торговом центре, а потом взорвали две девятиэтажки подряд, погубив триста человек. И, не выяснив, кто это сделал, не обнаружив улики, высшие официальные лица наперед сообщали, что преступление в Москве совершили чеченцы, перед тем взорвавшие в Дагестане, на территории военного городка, дом, где жили наши офицеры. Оно, конечно, нет доказательств, что и это сделали недовольные поставленной нами властью дагестанцы или их чеченские союзники, но это все же произошло в зоне военных действий, где и мы регулярно делаем подобное, и такое предположение, хоть тоже нуждается в проверке, в какой-то мере естественно.

А даже предположить, кто взорвал жилые дома в Москве, не так просто. Ответ не лежит на поверхности. Не зря кивали на то, что взрывы выгодны желающим сорвать выборы и продлить власть Ельцина. Я бы и такие намеки не абсолютизировал. Если преступление совершали те, кому оно выгодно, столь же вероятно, что это сделали желавшие дать повод московскому мэру, еще в ту чеченскую войну кричавшему: "Мы этой диаспоре врежем", хватать чеченцев за то, что они чеченцы, и требовать от постоянно живущих в Москве заново прописаться, то бишь перерегистрироваться. Да и движение в защиту армии Ильюхина и

Макашова не скрывает, что взяло на вооружение непарламентские методы, а нынешние бездоказательные обвинения как бы подкрепляют их шовинистические призывы.

Да и чеченских моджахедов исключать из подозрения не надо, надо только сохранять непредвзятость и здравый смысл. Дудаев в свое время грозил взрывать, правда, не жилые дома, а ядерные электростанции, напоминая, что на войне у сильного есть такие уязвимые места, каких у слабого нет. Но в ходе той войны, чеченцы ничего в России не взрывали не потому, что Басаев добрей бывшего министра внутренних дел Куликова, спокойно стиравшего с лица земли Грозный с детьми и стариками, да часто еще и русскими. Просто цель у чеченцев другая, - они воевали, чтобы отделиться от России, установив с ней потом, как Индия с Англией, нормальные отношения, а мы воевали, чтобы они знали свое место под нашим сапогом.

Некоторые израильские комментаторы, сочувствуя Москве, в которой, возможно, и сами прежде жили, делясь огромным, к сожалению, израильским опытом борьбы с террором, рекламировали ответные удары, странным образом забывая, что для начала надо выяснить, кто виноват и кому отвечать. Враги Израиля давно и открыто кинули клич: сбросим евреев в море, и не вполне отказались от этой мысли. Но никто на Кавказе никогда не говорил: сбросим русских в Ледовитый океан. Террористы в Израиле, как правило, подписывают свои взрывы и для того их и производят. Если мы во всю нашу мощь затеем новую войну против Чечни, - а Хасавюртовские соглашения не случайно объявляют недействительными, - не то что Басаев, но и Масхадов, глядишь, что-то взорвет в Москве, но объявив миру, что это ответный удар. Делать это тайно ему нет смысла, разве только по заданию московских сил, заинтересованных в антикавказской истерике, а такого все-таки быть не может.

Между тем, не только бомбежки Чечни, но и то, что почти все наши видные политики, от Ильюхина и Зюганова до Гайдара и даже Явлинского, единодушно стали ее обличать, не дожидаясь обнаружения виновников московских взрывов, свидетельствует о консолидации политической элиты на старой советской, если не царской, имперской платформе. Не то что между Макашовым и Гайдаром или Зюгановым и Явлинским нет различия. Но и прежде наблюдались различия между, скажем, Л.Ф.Ильичевым и А.Н.Яковлевым. Да жизнь была обустроена так, что не то что рядовые люди не влияли на вес в верхах более симпатичных персон, но и сами они подчеркивали не свое различие в деталях, а единство в главном.

Умный Явлинский недавно метко назвал свою партию цветком в петлице ельцинского режима. Видимо, в таком положении трудно вырваться из хора и сказать президенту и премьеру: установите, кто погубил в Москве триста человек, мы тоже за суровое наказание террористов, но пока вы это не установили, не снимайте подозрение с возможных преступников, не разжигайте ненависть к тем, на кого вам удобнее и очень хочется это свалить. Увы, таких простых слов не произнес никто из наших политиков. Были лишь частные заявления, что уничтожить

надо все-таки не всех чеченцев. Кажется, и сам Путин такое сказал. Порадуемся, что не всех. Но сколько все же. чтобы, как Путин тут же заявил, "стереть терроризм с лица земли", что не удастся ни Израилю, ни Турции, ни Британии, ни Штатам? Понятно, не одного-двух, даже не один-два десятка. Но, когда уничтожаются десятки тысяч и среди них старухи и младенцы, не стоит именовать это борьбой с терроризмом. Это война. А преступники, взорвавшие в Москве два дома, какой бы национальности ни были, - это поджигатели войны. Отчего же на их призыв мгновенно с готовностью откликнулись и наш президент, и премьер, и Дума и Совет федерации, и весь консолидировавшийся правящий класс?

Прежде его именовали номенклатурой, сам он теперь зовет себя элитой, можно сказать, что это коммунисты, можно - партия власти. Еще будучи комсоргами, они вцепились в эту власть и не хотят выпускать. Кто-то из них в пылу гнева уже вопит: сегодня Чечня, завтра Татарстан, а послезавтра Карачаево-Черкессия, что же от России останется? Пылкий патриот готов кидать бомбы не только на Грозный, но и на Казань, и на Черкесск, а, может, и на Питер, где есть желающие видеть его вольным городом. Дойдет ли до такого, покажет жизнь. А покамест взрывы в Москве и в Грозном ликвидируют главное приобретение времен Горбачева и раннего Ельцина. Тогда люди переставали бояться, а теперь опять охвачены страхом. Кого и чего бояться, - не так важно, важно, что запуганными людьми легче править. Уже казалось, власти поняли, что и в первый раз это был пагубный не только для Чечни, но и для России, шаг, а оказывается, как Бурбоны, ничему не научились и ничего не забыли. Наш правящий класс, как видим, в любую минуту готов вернуться к любому из прежних своих приемов, на словах отвергнутых. А что об этом и, в частности, о постоянном военном положении, думают рядовые люди, сидящих наверху не занимает, как не занимало ни советскую, ни царскую власть.

Казалось бы, теперь в стране регулярно проходят выборы, но выборы эффеkтивны, если возможен осознанный и осмотpительный выбор. Для этого недостаточно выдвинуть побольше кандидатов. Когда их много, голосование в один тур не позволяет определить предпочтения. За симпатичную тебе партию или кандидата часто голосуют немногие, и если нет возможности во втором туре выбирать из двух, получивших наибольшую поддержку, голоса доброй половины избирателей пропадают, не сказываясь на состоянии страны. Коммунисты, единственная крупная партия среди множества мелких, собирая чуть более четверти голосов, потому и получают больше половины мест в парламенте, что голоса, поданные за мелкие партии, заведомо обесценены. В декабре придется опять выбирать из 198 партий, и голоса опять пропадут. Правящему классу предварительный сговор партий любезней медленно вызревающих предпочтений граждан. За гражданами не углядишь, а сговор партий поддается манипулированию.

Надежды, что Дума станет адекватна народным симпатиям, невелики. Тем менее адекватен им Совет Федерации, в котором заседают по должности в областном руководстве, а не в результате прямых выборов.

Шансов на сформирование здоровой власти, сознающей жизненные нужды страны, а не только государства, убажывающего правящий класс, немного. Но движение к здоровому смыслу тормозит не один Ельцин, а и Дума, и Совет Федерации и губернаторы. Ни гарантий экономической свободы, ни социальных гарантий, ни независимого суда в стране нет. К ее жизни власть безучастна. Патриоты с бомбами, - почти по Станиславскому, - любят не Россию в себе, а себя в России. Вот они по-прежнему и правят для себя. Не слабо правят.

ВОЙНА С ЧЕЧНЕЙ НА СОВЕСТИ КЛИНТОНА

Началась вторая чеченская война. Впрочем, почему вторая? Ермолова разве не было? А князя Бяратинского? А генерала Серова? Воюем с чеченцами почти двести лет, убиваем пачками, выселяем поголовно, а они еще составляют в Чечне восьмидесятипроцентное большинство. Мало охотников там жить, места не богатые, если не считать нефти. Там живут в нищете. Но не покоряются старшему брату. Уже бы и покорились, перестань он бомбы кидать, но старший брат не таков, сперва покоритесь, потом подумаем.

Проиграв предыдущую войну, вроде уже и подумали, подписали Хасавюртовские соглашения, президент России встретился в Кремле с президентом Чечни, получившим явное большинство на выборах, они подписали в мае 1997 договор о мире и принципах взаимоотношений. А теперь мы передумали, мало ли соглашений мы заключаем, но не выполняем, и теперь не считаем чеченского президента – президентом. Наши начальники не ощущают себя связанными предыдущими государственными соглашениями. Не только Путин не отвечает по обязательствам Черномырдина или даже Степашина, но и Ельцин не отвечает за подпись Ельцина. Передумали, и весь сказ. Патриоты любят напирать на особенности нашей державы, а главная особенность – право передумывать. Заключили с американцами договор ОСВ-2, они его ратифицировали, а мы передумали. Пусть Клинтон, Олбрайт, Тэлбот, уверявшие сограждан, что с Россией договорились, потом вернутся. Лишь бы покамест денег побольше дали.

Прошлый раз войну с Чечней вели от имени чеченцев. Воскрес даже Первый секретарь Чеченского обкома товарищ Завгаев и другие товарищи. Теперь пошли открыто, и объявляем, что чеченцы, - как нельзя более кстати, - взорвали две девятиэтажки в Москве. Не имея доказательств, что это сделали чеченцы, не торопясь карать реальных преступников, чеченцы они, русские, татары или евреи, погубивших в этих домах триста человек, наши власти хотят проучить чеченцев, пусть дома и не взрывавших. Самостоятельные чеченцы нам как кость в горле. С татарами или евреями покамест еще погодим.

Не бывает войн, имеющих лишь внешние причины. С внутренними на сей раз ясно. Не в том цель, чтобы сорвать выборы, можно и провести, но нужен порядок, а где же порядок тверже, чем в тылу во время войны. Брошен клич: не давать слова пособникам чеченцев, взрывающих наши

дома! Вот и будут свободные выборы, проголосуем сердцем, как нынче 90% москвичей сердцем требуют выселять из столицы непрописанных, то бишь незарегистрированных, даром, что прописка по закону упразднена, а регистрация должна носить чисто уведомительный характер. Пусть я обязан известить Лужкова, если приеду, хоть и это сомнительно, поскольку установлено московским, а не общероссийским законом, но Лужков и его уполномоченные не вправе мне запрещать или разрешать провести в столице моей страны столько времени, сколько мне нужно. Для российских граждан Москва – столица или заграница? А повторная регистрация с Конституцией и вовсе не вяжется. В Москве бы и восстановить конституционный порядок. Ан нет, нелегитимным сочтен не Лужков, а Масхадов!

Не то что чеченцы, даже и не взрывающие домов, святые. Если московские взрывы на них взвалили голословно, то поход Басаева в Дагестан не мог не вызвать противодействия и в России, и в самом Дагестане. Только не надо наводить тень на ясный день, и валить вину одного или даже сотни чеченцев на сотни тысяч. Ситуация в Дагестане не проста, его нынешнее руководство не пользуется всеобщим уважением, и там, возможно, зреет гражданская война. Но не дело Басаева эту войну форсировать и нести народам Дагестана свет ислама, как было не дело Че Гевары форсировать гражданскую войну в Боливии и нести ее народу свет социализма. Пускай люди разбираются сами и сами выбирают свое счастье.

Но Москва чурается столь простого взгляда не только потому, что поныне ценимое нашей властью в коммунисте Геваре не дозволено мусульманину Басаеву. Куда важнее, что Фидель на наши средства активно поддерживал Гевару, а Масхадов поход Басаева в Дагестан отнюдь не одобрял и не поддерживал. Но нас-то беспокоит именно Масхадов, олицетворяющий самостоятельность Чечни. В подготовке таких, как Басаев, партизан-интернационалистов и террористов (хотя бы знаменитого Карлоса) у нас огромные успехи и в наших силовых органах вполне сознают, что для выдворения Басаева из Дагестана (если у него там нет сильной поддержки) нужны были не войсковые части и не бомбежки, а профессиональное спецсоединение, какие и у нас есть. И с взрывами в Москве не армии разбираться. Но затеяли-то опять бомбежки и убийства мирных людей, у соседей Чечни уже десятки тысяч беженцев. Наивно думать, что это наперед не просчитано. Стало быть, не во взрывах в Москве и не в басаевском рейде дело, они - повод, а причина в том, что при авторитарной центральной власти пора каждому знать свое место.

Где же место чеченцев, а точнее Чечни, коль скоро люди не живут непременно там, где родились их прадеды? Больше миллиона русских живет в Штатах, чуть не миллион немцев жил в России, не одни евреи разбросаны по свету, и если московских чеченцев сегодня преследуют, пусть даже за неоспоримо преступные похищения людей в Чечне, словно они виновны в совершаемом совсем другими людьми того же происхождения, - это и есть фашизм, уже не грозящий, а реальный. В СССР Чечне отвели место, с которого потом всех чеченцев выселили. Те,

кто выселял, возможно, забыли, но чеченцы помнят, - как евреи помнят, если не рабство египетское, то Треблинку. При развале СССР не одни чеченцы захотели жить по-иному. Когда Россия принимала новую Конституцию, Чечня, - единственный из предположенных субъектов нового государства, - за нее не голосовала, то есть отвергла предписанный Конституцией порядок. Его нельзя поэтому в Чечне восстановить, можно лишь силой установить.

По какому праву мы норовим это сделать вопреки четко выраженной воле народа, составляющего там большинство? Как потомки завоевателей, зверство которых запечатлели еще Лермонтов и Лев Толстой? Или по традиции КГБ, переименованного в ФСБ, депортировавшего чеченцев? Чечня - не Россия, как Алжир - не Франция. Там тоже шуровали генералы, то и дело уверявшие, что вот-вот победят, но был генерал де Голль, прошедший войну с Гитлером, видевший, что французские солдаты в Алжире воюют против Франции, и покончивший с бессмысленной войной. А наши генералы до Чечни прошли войну в Афганистане.

Поймет ли у нас кто-нибудь, что русские солдаты в Чечне воюют против России? Никто в свое время не хотел понимать, что наши солдаты, входили в 1968 году в Прагу, чтобы остановить в Москве движение, которое в 1985 все равно возродилось, только в худших условиях. Войну в Чечне потому и возобновляют, что это не тактическая мелочь, предназначенная свернуть выборы или отвлечь от коррупции и отмывания денег. Она - дело стратегическое и ее цель: покончить с поворотом к демократии, по мере укрепления Ельцина скукоживавшимся, но еще не вовсе испутившим дух, и вопреки всему продолжавшим теплиться в вольных разговорах людей меж собой, хоть уже и не попадающих ни на телевидение, ни на страницы газет. Если сегодня выселяют из Москвы чеченцев, завтра ничто не помешает выселять любую другую категорию людей, национальную или социальную. Большинство жителей Москвы, поддерживающих такое, к сожалению, забыло, что стоит лишь начать. Вот и надо помнить. Как учил рабби Гилель, не делай другому того, чего не хочешь, чтобы делали тебе. Я бы писал эту заповедь везде, где прежде писали "пролетарии всех стран, соединяйтесь". Сегодня 50% жителей России поддерживают бомбежки Чечни, считая ее при этом частью России, то есть пролетарии одной страны не хотят выпустить из подчинения пролетариев другой.

Но и капиталисты не плошают. Пока разворачивалась новая война господин Камдесю подтвердил, что подкинет России денег. Сосчитав стоимость каждого вылета на бомбометание, помножив на примерно 65 вылетающих в день самолетов, а потом на дни бомбежек, получаем круглую сумму, и убеждаемся, что без помощи МВФ война была бы невозможна, равно как без поддержки господина Клинтона и его сотрудников. Если бы я не был уверен, что КГБ слишком серьезная организация, чтобы привлекать к своей работе такого бойкого, но ненадежного субъекта, как нынешний американский президент, я бы подумал, что его политика направляется умелой рукой. Но есть вещи более опасные, чем "рука Москвы". Это равнодушие к судьбе собственной страны

и к деньгам американских налогоплательщиков. Они, конечно, готовы оплатить вакцину, которая спасет русских детей от инфекционных болезней, но едва ли готовы оплачивать убийства чеченских детей российскими бомбами. А в том, что их бросают, виноват не только российский, но не в меньшей мере и американский президент, ставший на сторону сильного против слабого. Клинтон и Олбрайт не могут объяснить, почему они спасают албанцев от Милошевича и не спасают чеченцев от Ельцина. У Милошевича, конечно, нет армии, способной, вопреки всей болтовне, нанести ответный смертельный удар, которая есть у Ельцина. Но и против Милошевича не пришлось бы применять военную силу, если бы Клинтон прежде ему не потакал, изображая его балканским миротворцем. Военное вмешательство в чеченскую проблему стало бы безумием. Но не меньшее безумие повторять, что это внутреннее дело России.

Такой формулой Олбрайт, Холбрук и Тэлбот внушили Сербии, что убийства в Косове, а Индонезии, что убийства на Тиморе, - их внутренние дела. Сегодня за продолжение насилия на Тиморе американцы грозят Индонезии прекращением отношений, но упорно помогают России, закрывая глаза на геноцид и этнические чистки и даже признавая их. Есть ли лучшие примеры двойной морали? Вот и не стоит цинизм москвичей, на слово верящих, что террористы это чеченцы, и тут же распространяющих недоказанную вину на всех чеченцев подряд, объяснять национальной ментальностью. Ведь остальной мир согласился, что нам все дозволено, и не беспокоится о правах человека "кавказской национальности".

ТАКИЕ РАЗНЫЕ ТРАДИЦИИ

А может это судьба? Кто говорит: не доросли, не дозрели. Кто, наоборот: мы не такие, как другие, у нас своя традиция. Головы нынче заняты этим куда больше, чем раздумьями о том, почему государственный произвол ценообразования назван "либерализацией". Слова у нас не соответствуют словарным значениям. Социальный и политический груз коверкает их смысл. Но не принято оговаривать, что они означают.

Мы не такие, как другие. Это верно. Но все не такие, как другие. Англичане и французы, соседи и даже родственники, - как антиподы. Их истории, отчасти общие, несхожи, и революции несхожи. В Англии более склонны к компромиссу, а во Франции к логике. Однако и там, и тут казнили королей, - не мы одни, и одолели внеэкономические отношения. А в ни на кого не похожей Японии, хоть императора и не казнили, тоже перешли к экономическим отношениям. Своеобразие не помеха сходству.

Еще трудней с традицией, особенно чтимой в единственном числе. А Руси, если считать от Киевской, больше тысячи лет, и самых разных традиций у нас великое множество, есть примерчики на любой случай. Сталин то объяснял, что Россию били все, кому не лень, "и польские паны, и турецкие беки", то поминал великих предков Александра Невского и Дмитрия Донского, Суворова и Кутузова. Тут он даже не лгал, только говорил о победах и поражениях врозь, абсолютизируя то одно, то другое.

Некрасов выражался точнее: “Ты и убогая, ты и обильная, Ты и могучая, ты и бессильная, Матушка-Русь”.

Социализм задолго до Ленина объявили отечественной традицией и возвели к крестьянской общине, у других европейских народов распавшейся раньше. А что общину сознательно укрепляла феодальная власть, как опору крепостника, молчали, выдавая общинную круговую поруку за национальную социалистическую избранность. Тоталитаризм тоже сводят к традиции Золотой Орды или Ивана Грозного. И не то, что те совсем не при чем. Но только были и противоположные традиции. Можно начинать с Новгорода, можно вспомнить русские религиозные движения, аналогичные европейскому протестантизму, можно вспомнить, что Иван III, переставший платить Орде дань, поставил священников-реформаторов во главе важнейших московских храмов.

Конечно, традиции Орды и Ивана IV продолжал “неудобозабываемый тормоз” Николай I, а потом Сталин. Но ведь и мечта Пушкина увидеть “рабство, падшее по манию царя” не вовсе оказалась пустой. Была в России и либеральная традиция. Сила власти и сила сопротивления до времени неравновелики, тем более, что и власть и сопротивление не однородны и не одной традиции следуют. Великое заблуждение евразийцев в том, что, обозначив упускавшиеся прежде реальные тенденции, они закрыли глаза на их противоборство с иными, шедшее и подспудно и открыто не только на берегах Сити, или Дона или Угры. Противопоставлять России и Европе - означает отменять историю Руси, начатую в Европе. В начале XI века Ярослав Мудрый выдал дочерей за французского, норвежского и венгерского королей. Тяготение к Европе после монгольского ига как раз и было верностью традиции.

Певцам империи интересна лишь ее внешняя жизнь, взятие Казани и Астрахани, покорение Сибири, присоединение Украины, потом Кавказа, Польши, Прибалтики, Финляндии, Средней Азии. Им безразлична собственно Русь, русские люди, русская земля, ее внутренняя жизнь. Патриотизм, обращенный вовне, остается внешним, лишь обращенный внутрь сознает, что отношение к внешней жизни империи у людей разное, правящим слоям она дает легкую наживу, а большинству - тяжелое бремя.

Между тем, и на Руси давно спорили, как жить. Уже в переписке Грозного с Курбским, у начала самодержавия, обсуждается, вправе ли самодержец по прихоти казнить и миловать холопов, как именует царь своих русских сограждан. Пушкин писал: “Мне жаль, что нет князей Пожарских, Что о других пропал и слух”, но мы не задумываемся, почему не осталось ни Пожарских, ни других, почему российская аристократия истреблена задолго до революции. Самодержец обычно слывет у нас носителем прогресса, а бояре - реакции. Пушкин вроде принимал эту схему и в черновиках поэмы “Езерский” писал, что, когда Петра не стало, усмиренное им боярство предалось надежде вернуть былое. Но неожиданно из уст этого мятежного боярства у Пушкина звучит: “Примером нам да будет швед”. А Дмитрий Михайлович Голицын хотел ввести в России Конституцию как раз по шведскому образцу.

Аристократия в России не только противодействовала прогрессивным новациям самодержцев, но и стояла за ограничение самодержавной власти, и величайшее заблуждение - считать это злом. Плодотворное единство достигается согласием, а не покорностью единому приказу. За продиктованными Дмитрием Голицыным условиями возведения Анны Иоанновны на престол ("кондициями") стоял план создания представительной власти, выражающей интересы и аристократов, и дворянства, и посадских людей (третьего сословия), как в свое время в английском парламенте. Но молодое российское дворянство больше полагалось на милости самодержца. Анне Иоанновне удалось расстроить планы Голицына лишь благодаря поддержке дворянства и его лидеров, особенно Василия Татищева. Ему, позднее первому нашему историку, мы особенно обязаны тем, что представительная власть возникла в России почти на два века позднее, чем могла. Еще в 1730 году Голицын стремился к созданию правового государства. А право, как противоположность произвола, и есть воплощение либерализма, вот как далеко восходит у нас его традиция. Хоть последний боярин и первый русский конституционалист погиб в Шлиссельбурге и забыт, русский либерализм рос не на пустом месте. Правда, и царю-освободителю Александру II не поставили памятника, сопоставимого с монументами его отцу, Николаю I, и сыну, Александру III. А его брата, великого князя Константина Николаевича, одну из главных, если не главную, либеральную фигуру царствования, и вообще помнят лишь историки.

Но конец XIX и начало XX века были ознаменованы появлением множества мыслителей и политиков (от Ковалевского и Струве до Бердяева и Федотова), начинавших часто с марксизма, то есть ощутивших перемену социальной картины мира, но уловивших, что новые противоречия, в отличие от прежних, одолеет не насилие, а свобода и уважение к личности, и наивно надеяться на пролетарскую революцию по образцу буржуазной. Сочинения многих таких людей нынче извлечены на родине из забвения и опубликованы, но по-прежнему говорят, что у нас только одна традиция.

Венгерский коммунист Янош Кадар однажды выговорил: "не знаю ничего глупее лозунга "Кто не с нами, тот против нас", я выдвигаю другой лозунг: "кто не против нас, тот с нами". Но российская советская власть даже такого минимального шага не совершила и от старого, перенятого у эсеров, лозунга не отреклась. А уже в перестройку Александр Невзоров бросил словечко "наши", и по Петербургскому телевидению пошли десятиминутки ненависти к "ненашим". Кто-нибудь регулярно рассказывал как он ненавидит, - то Галину Старовойтову, позднее убитую, то еще кого-нибудь.

Агрессивная ненависть стала идеологией, вроде даже отбросившей сложный и уже несообразный с повседневностью советский марксизм-ленинизм, но, совершенно как он, противостоящей либеральным ценностям, правам и свободам отдельного человека, без которых у экономических отношений нет перспективы. Традиция общества, стоящего на ненависти, - продолжают ее патриоты, или коммунисты, или коммуно-

патриоты, - на сколько-нибудь долгий срок ничего, кроме тирании, нищеты и войны, предложить не может.

На западе сегодня друг другу противостоят преимущественно социал-демократы и консерваторы, но и те и другие по-преимуществу усвоили важнейшие либеральные постулаты. Говорят, и на западе неолиберализм уже не отказывает государству в регулирующей роли. Но неолиберализм требует от государства не ограничения рынка, а ограничения монополии на рынок, нарушающей его свободу. Увы, наше государство и прежде и теперь - само монополия и "автономию" дает зависимым монополиям. Потому Россия и нуждается в либерализме, то есть в понимании того, что порядок не может быть неизменным, как верят консерваторы, но и не может быть изменен по прихоти, как верят социалисты.

Материалистическое понимание истории, то есть признание зависимости общества от материальных условий его жизни, либо доводится до неотвратимой предопределенности, либо подменяется волюнтаризмом, не только ленинским. Человек в обоих случаях остается рабом, то вчерашнего дня, то завтрашнего, то истории, то вождей. Между тем, материальные условия оставляют и обладающим властью, способной помочь или помешать тому или иному ходу вещей, и, тем более, миллионам, место для выбора. Люди - не безгласный объект истории, их пассивное сопротивление или равнодушное повиновение сказываются на их жизни и стране больше, чем принято считать. Вот политики и заполонили телеэкран. Мы смотрим политические телеспектакли и отвлекаемся от того, что определяет и эти спектакли, и нашу жизнь.

СОЦИАЛ-ЛИБЕРАЛЬНЫЙ МАНИФЕСТ

Коммунистический манифест 1848 года остается самым ярким памятником коммунистической пропаганды. Пока коммунисты не взяли власть и не заткнули скептикам рты, им приходилось доказывать, что для счастья человечества надо ликвидировать экономические отношения, едва начавшие приносить плоды, и вернуться к внеэкономическому строю, пусть иного толка. Недостаток доказательств подменялся могучей верой. Примечательно, однако, что романтический манифест сочинил человек, лучше многих ощутивший зависимость устройства общества от материальных обстоятельств его существования. Он сознавал, что обстоятельства меняются и будут меняться, но, вопреки самому себе, выводил будущее из окружающей жизни, сведенной к противостоянию буржуа и пролетариев. Нынче легко видеть, что общество стало иным, что предсказанное абсолютное обнищание пролетариата не сбылось, да и самый пролетариат в развитых странах не так уже растет и не образует подавляющего большинства. Растет зато число научно-технических работников и другие социальные слои, отчего у общества все меньше оснований полагаться на мессианство пролетариата. Но еще примечательней, что истовой прочих в манифест поверили люди, наперед наплевавшие на необходимость для мессианства хотя бы

назначенного его авторами уровня развития общества. Ленин призвал к победе пролетариата в "слабом звене", то есть там, где буржуазные отношения менее развиты. А критикам, клеймившим его отход от Маркса, отвечал, что нечего ждать пока созреют условия для победы пролетариата и вырастет самый пролетариат, что сперва надо взять власть, а потом даже легче будет дойти до нужного уровня. В итоге не только в России власть сочли главной материальной силой общества, но и волюнтаризм власти назвали материализмом.

Двойственность Маркса, совмещавшего склонность к материалистическому пониманию истории и к волюнтаристскому отождествлению отдельных интересов пролетариата с общими интересами человечества, коренится в двойственном развитии Германии, где буржуазные отношения даже и к 1848 году не одолели феодальное сознание, отчего ее потом, под властью феодальной Пруссии, Бисмарк объединял "железом и кровью". Вот и Маркс, уходя от абстрактно-божественной унитарности Гегеля, противопоставлял ей "лучшую", пролетарскую унитарность. В России, еще нагляднее двойственной, где Петр Великий ставил крепостных овладевать европейской техникой, Ленин, сознавая неразвитость буржуазных отношений, наводил порядок по теории, выраставший из предельного развития этих отношений. Вот и Ленин, отвергая самодержавие царей, противопоставил ему "лучшее" самодержавие партии.

Между тем, стихийно-материалистическое понимание истории обнаруживалось как раз в далеком от Маркса и Ленина либеральном приятии многообразного материального развития и порождаемых им общественных сдвигов. Либерализм утверждался не так манифестами, как практикой хозяйственного процветания свободной экономики. Сама по себе она не снимала социальные противоречия, но ее либеральная природа допускала разнообразные системы социальных гарантий и социальной защиты. Сопоставление плодов либерализма и волюнтаризма, то есть жизни большинства граждан западных стран и большинства граждан России, - наглядный социал-либеральный манифест.

Россия и в конце XVIII века, и в 1825, и в 1881, и в 1917 и в 1929 годах под натиском правящего класса, сперва одного, потом другого, от его, диктовавшихся жизнью принципов поворачивалась к антилиберальным идеалам, лишь в последние сто лет окрашенным марксизмом. В этом причина всех ее кризисов. Но власть, никогда не желая признавать их реальные причины, объясняет тяжкое состояние страны чем угодно, только не собственными действиями.

Вот и сейчас одни клянут происки "мирового империализма", хотя на нашу ускоренную гонку вооружений "империалисты" до Рейгена отвечали слабо, даром что соотношение вооруженных сил быстро менялось не в их пользу.

Другие уверяют, что советский режим пал под ударами диссидентов. И это неверно. Смысл диссидентства с самого начала точно выразил Александр Есенин-Вольпин: "Соблюдайте собственную конституцию!" Диссидентское движение было правозащитным, отстаивало гражданские, а

не экономические свободы, и не посягало на советский монополичный хозяйственный синдикат. В некотором смысле оно даже силилось его усовершенствовать, сделать более честным и, тем самым, более работоспособным. Не случайно, когда в ходе перестройки гражданские права официально были признаны, диссидентство во многом потеряло свой пафос.

Третьи твердят, что никакого кризиса и, вообще, не было, а просто Россию предала верхушка КПСС, Горбачев, Яковлев, Ельцин и другие, словно уже при Брежнев, не заглядывая дальше, прилавки не пустовали и хлеб не покупали за рубежом. Перестройка, на которую пошли вынужденно, - не причина, а следствие кризиса. Даже Яковлев, в бытность свою замзавотделом пропаганды ЦК, всего лишь пытался удержать партийную пропаганду в официозных рамках, ограничить бесстыжий шовинизм, к которому партия "интернационалистов" шла со сталинских времен. При Зюганове, не говоря о более откровенных, шовинизм уже неотъемлемая часть коммунистической идеологии. Что же до Горбачева или Ельцина, то они всегда были верны политике партии, и лишь истощение доступных ресурсов, безуспешное покорение Афганистана и нарастание катастроф, грозивших немедленным крахом, вынудили их к необычным шагам по спасению строя, от которого Горбачев так и не отрекся, а Ельцин - лишь на словах.

Кризис коммунизма - результат волюнтаристского контроля за каждым дыханием, нежелания освободить могучие силы страны, способные к созданию новых ценностей, то есть поныне продолжающегося противодействия экономическому либерализму, его объективным, а не навязанным, законам. Приговор нынешнему порядку не в том, что неизбежно падало нерентабельное, неконкурентное и никому по преимуществу не нужное производство, созданное прежним режимом, а в том, что рядом не росло свободное частное производство, готовое перенять рабочих и инженеров с предприятий, приходящих в упадок, а там и эти предприятия преобразовать.

Несостоявшееся преобразование России наглядно опровергает заполонившие мир при распаде СССР заверения американца Френсиса Фукуямы в неизбежности победы либерализма во всем мире, столь же нелепые, как заверения в неизбежности победы коммунизма во всем мире. Ни единой цели, ни неотвратимого движения человечества к ней, не наблюдается. Люди все еще по-разному осваивают и разрешают открытия и проблемы, и их сочетания, взаимодействия и противодействия как раз и образуют историю человечества, которая оборвется не с обретением идеального порядка, но лишь с гибелью самого человечества. А пока люди живы, они творят историю своими предпочтениями.

Из того, что нет лестницы прогресса, не следует, что социальные формы равноценны. Но развитие бывает не только прогрессивным, а и регрессивным, и каким оно будет, зависит не только от материальных предпосылок, но, хотя бы отчасти, и от того как ими распорядились. В отличие от спортивных состязаний тут проигрываешь не потому, что другой оказался сильнее и ловчее, проигрыш общества - плод предпочтения,

порой бессознательного, пагубного варианта, пагубность которого, однако, прежде, чем он приведет к гибели, можно постичь умом. И Россию можно понять умом. Если чем она отличается, так тем, что в ее истории тесней сплетены разные тенденции и традиции, и совмещение их острей. Ожесточение противоборств часто доводит до крайностей, до буйной яркости и беспощадной прямоты.

Либеральному развитию, утверждавшемуся на западе, Петр Великий противостоял как пророк феодальной реакции, опиравшейся на крепостничество, и до поры не без успеха, вслед за либеральным обществом, овладевавшей техникой, пусть сперва и заемной. Но и такое происходило не в одной России, и не только там в XX веке из феодальной реакции пророс новый феодализм (у нас именовавшийся социализмом, в других странах - национал-социализмом, исламским социализмом, фашизмом и т.д.), враждебный либерализму.

Кризис советского хозяйства, прервавший холодную войну, породил иллюзию будто западные страны в ней победили, и либерализм восторжествовал, по утверждению Фукуямы даже навеки. Между тем, он не победил и в России, внутри которой схватка между новым феодализмом и либерализмом продолжается. А в Китае или Иране, благодаря большей гибкости, позиции нового феодализма даже укрепились. Но и в России он все сильнее и успешнее препятствует реальным экономическим реформам. Социальная политика псевдо-либерального режима, сознательно или бессознательно, вела к тому, чтобы в минуту падения его опять заменил ново-феодальный режим, коммунистического или другого толка. Поэтому политическая задача желающих процветания России в переходе от псевдо-либерализма к подлинному.

О ЧЕМ СПОР?

Три враждебных отклика на мои публикации в "За рубежом" бьют в одну точку. Разные в остальном взгляды и стиль трех читателей, тоже вдруг сливаются в единый глас: "Не трогать еврейского мудреца Маркса!". Все трое верят, что дурные практические воплощения марксизма не порочат теорию. Доктор Боголюбов с академическим сарказмом спрашивает: "А какое отношение имеет так называемый "социализм" бывшего Советского Союза к коммунистической теории....., разработанной Марксом?" "Надо очистить Маркса от ленинской клеветы" требует Дон Козленко. Словом, зло только в практике,- дурные исполнители попались. Я не спорю с тем, что практика марксизма далека от его теории. Кто читал мои статьи, знает, что я и сам в оценке этой практики от моих критиков недалеко ушел, но все же не настолько, чтобы считать Маркса к ней вовсе непричастным. Повсеместные извращения всегда и вынуждали меня задумываться, может ли такое быть, чтобы верная теория воплощалась лишь злостными извратителями, и за полтора столетия ни разу не явила себя в реальной чистоте? Да еще создана теория для более развитых странах, а интерес к ней рос не там, а, напротив, в Китае, в России, в родной Марксу Германии, где долго царили феодальные порядки.

Даже доктор Боголюбов признает: "коммунизма в марксовой интерпретации я лично на горизонте не вижу". Не нашлось на земле для него места. А социальная теория, не обретающая места на земле, это и есть утопия. Иная, конечно, чем у Томаса Мора или Роберта Оуэна, но тоже утопия. А осуществляя неосуществимое, его неизбежно искажают. О чем, казалось бы, тогда спорить? Через сто с лишним лет после мудреца мы можем либо думать, что все, кто его теорией прельщался, - прохвосты, как сегодня думают многие в России, но не я, либо понять, в чем он заблуждался, из-за чего его последователи, еще пострашней заблуждавшиеся, из лучших намерений вместо рая построили ГУЛАГ.

За попытки выявить эти заблуждения мои корреспонденты и дают мне тут же по рукам в полную меру советских проработок. Александр Ветрочет, бранится: "матерый фальшивомонетчик", "перелицевавшийся бывший сталинский ортодокс", "самый гнусный охаиватель национальной терпимости и социальной справедливости", не заботясь, дают ли факты пищу для подобной брани. У доктора Боголюбова злобу оттесняет высокомерие: "это смешной детский лепет", "это говорит о невежестве автора", "Ну. это уже вообще чепуха!" "либо сам не знает о чем говорит, либо выкручивает нам руки в угодном ему направлении".

Доктор Боголюбов объясняет, что "от мысли до ее воплощения в оборудование надо еще много, много физического труда затратить", и чтобы пользоваться сырьем тоже придется приложить физический труд. Но, право, менее всего я спорю с тем, что "без труда не вытащишь и рыбку из пруда". Спор идет о том, прав ли Маркс, считая физический труд, без которого людям, конечно, не обойтись, не только непременным участником сотворения ценности, но именно исключительным ее творцом. А на этой исключительности и держится марксистское мессианство пролетариата, занятого физическим трудом.

Для Маркса понятия постоянный и переменный капитал отнюдь не тождественны понятиям основной и оборотный, как решил Боголюбов. Заглянув в учебник политэкономии можно вспомнить, что переменным капиталом у Маркса именуется та часть авансированного капитала, что идет на покупку рабочей силы. Именно этот переменный капитал по Марксу ВОЗРАСТАЕТ в процессе производства, поскольку рабочая сила, сверх затраченного на ее приобретение, создает еще прибавочную ценность, присваиваемую владельцем средств производства. Это основа теории Маркса. Очень не хочется отвечать доктору Боголюбову по принципу "сам дурак", и упрекать в невежестве его, но если бы я в свое время, то есть больше пятидесяти лет назад, на экзамене отвечал, что переменный капитал это просто оборотный, и забыл о коренном отличии переменного капитала от постоянного, затрачиваемого на приобретение средств производства и по Марксу НЕ ВОЗРАСТАЮЩЕГО в ходе труда, боюсь, дело не свелось бы к простому "почитайте и придите еще раз", а дошло бы – и на сей раз даже поделом – до обвинений в отклонении от марксизма.

Я и впрямь от него отклоняюсь, но в другом. Я думаю, что схема Маркса работала в его время и тем более в традиционном обществе, пока доля физического труда в производстве явно преобладала. Но положение

изменилось. История, в том и состоит, что положение меняется, и, в частности, доля умственного труда в производстве возрастает, ничего не поделаешь. Конечно, физический труд по-прежнему завершает сотворение ценностей. Но все в большей мере он переносит в производимые товары ценности, "снимаемые" с оборудования, все чаще обновляемого, а туда их "закладывает" не только физический труд рабочих-станкостроителей, но и умственный труд изобретателей станков. Рост производительности труда рабочих – плод не столько большей интенсивности их труда, сколько большей наукоемкости оборудования. Доктор Боголюбов уподобляет будущих роботов рабам, вырывая труд из социальных отношений. Но робот в социальном смысле тем и отличается от человека, что у него рабочую силу отдельно от него не купишь, его покупают как оборудование, расходуя постоянный капитал, при посредстве которого теперь по преимуществу и создается прибавочная ценность. Неужто же и ценности производимые роботами считать сотворенными лишь рабочими, которые их собрали, а изобретателей и создателей программ по-прежнему, по советски, числить людьми второго сорта, не создающими ценностей?

А такое отношение к ним в СССР непосредственно вытекало из марксовой абсолютизации физического труда. Я готов поверить, что старик Маркс, доживи он до времен Сталина и Брежнева, если бы счел этих мракобесов за товарищей, тотчас бы им сказал: "Да что вы, ребята, я же и предположить не мог, что наука до такого дойдет", но ни в "Коммунистическом манифесте", ни в "Капитале", он советов, как быть при подобном противоречии его теории, не оставил. И разорвавшие с Марксом почти во всем, наши коммунисты в абсолютизации физического труда остались последователями Маркса. Вот партия и руководила наукой, закрывала генетику и кибернетику, подбирала научные кадры по политическим качествам, проводила в научных учреждениях этнические зачистки, в частности, антисемитские. Абсолютизация физического труда и все из нее вытекающее - не глупость, а идейная позиция, реакционная в самом прямом смысле, держась которой принять изменение роли науки в производстве и свободу общества, интеллектуальную и экономическую, как условие его перспективного технического развития, даже при желании очень трудно. Вот Советский Союз и рухнул, вот бывшие коммунисты перестроить советский режим и не могут.

И с проблемой сырья, в которую не буду здесь входить за недостатком места, тоже не так все просто, как у доктора Боголюбова. Труд-то прикладывать, чтобы его добыть, конечно приходится, но и само наличие в стране ископаемых - не последнее дело в экономике. Окажись кувейтские источники нефти на территории Израиля, да еще на той ее части, которую покамест не надо отдавать палестинцам, и очень многое бы изменилось. Интерес к Марксу держится сегодня не на его теории пролетарского нового порядка, не принесшей обещанных плодов ни так, ни этак, а на развернутом им попутно широком круге проблем, оставленных в пренебрежении его политическими последователями. Парадоксально, но его собственный вклад в историю как пророка коммунистического движения, так и не стал предметом материалистического понимания

истории, великим мастером и пропагандистом которого он был. О Марксе чаще говорят не как об ученом, подобно Аристотелю или Ньютону, порой заблуждающемся или видящем лишь часть истины, но как о вероучителе, и в руках ретивых продолжателей это усугубило последствия его заблуждений и промахов.

Александр Ветрочет уверяет что "для евреев всегда особо опасны выкресты". Оставим школе другого еврейского мудреца, Зигмунда Фрейда, искать психологическую связь между статьей Маркса "К еврейскому вопросу" и тем, что четырех лет он был крещен и не вернулся к вере отцов. Заключительная фраза статьи: "Освобождение еврейства состоит в освобождении общества от еврейства", чем ее ни объясняй, плохо совмещается с образом гуманиста. О, разумеется, Маркс не имел в виду то "освобождение общества" которым сто лет спустя занялся Эйхман, он, конечно, под "еврейством" во втором случае разумел буржуазные отношения, и хотел сказать, что евреи станут полноправны, когда уйдет буржуазный порядок. Я не про то, что он ошибся, и дело врачей затеял отнюдь не буржуазный порядок. Ошибки в предвидении на сто лет простительны. Я про то, что великий ум и тонкий стилист не заметил жуткого прямого смысла своей, претендующей на остроумие, метафоры и не содрогнулся. Нет, нет, Маркс не несет ответственности, тем более уголовной, за Эйхмана и его начальников, которые, конечно, сами дошли до этой мудрости. Но то, что в своих обобщениях, не только в этом, при противоречии общего и отдельного, он запросто переступал через отдельное, абсолютизировал физический труд или превращал надобность защищать права и интересы рабочих в верховенство рабочих над прочими тружениками, как раз и создало новую ментальность, характерную не так теми или иными догмами, как самим принесением отдельного – факта или человека, или миллиона фактов и человек - в жертву общему. Она тоже выросла в советский социализм, в другом ушедший от теории.

Когда Ленин говорил о ликвидации кулачества как класса, он тоже не кровью хотел упиться, он лишь хотел чтобы в социальной структуре не было слоя сильных крестьян, способных сопротивляться партийцам и комбедам. Миллионы мужиков, баб, детей, погубленных ради этого, он и в мыслях не держал. Это именуется идейностью, где уж на людишек оглядываться. Вот его ученики и сгубили русскую деревню, хоть сперва он сам наделял крестьян землей. Почти как в старой пародии: вот до чего идейность доводит! Маркс, конечно, делал оговорки о правой цели и неправых средствах, но и сам их не помнил, кончая статью "К еврейскому вопросу", включенную в список обязательной литературы по марксизму как раз во время дела врачей. Тоже, не совсем, значит, отошли от марксизма.

Уже и Советского Союза нет, и коммунисты России не на Маркса молятся, а прямо на Сталина, но образ мыслей, побуждавший убить думающих иначе, а если не убить, так оскорбить, обхамить, оплевать, не слушая, что они говорят, все еще жив и не в одной России. Ощущая в полученных письмах знакомый тон и дух, я с горечью увидел, что

советский строй мыслей перебрался и в Израиль. Вот и отвечаю, чтобы потом не жалеть, что промолчал.

ИСТОКИ РУССКОГО ФАШИЗМА

Говорят, русского фашизма не может быть, поскольку Россия победила фашизм в Отечественной войне. Но победила она не, вообще, фашизм, а немецкий националсоциализм, который, боясь ассоциаций, у нас не зовут по имени. На деле Союз Советских Социалистических Республик победил национал социалистическую Германию. Немецкое явление называли итальянским именем не только, чтобы прикрыть немецкую прямоту, но и обозначая общее разным странам. Общее звали частным именем одного из тоталитарных движений. Ныне чаще отдельные движения зовут общим именем – тоталитаризм.

Он возник на почве феодальной модернизации. Многие страны, спасая свою феодальную природу, перенимали технический прогресс буржуазных. Феодальная реакция вселяла в массовое сознание надежду, что техника укрепит прежние силовые начала, веруя что технику можно развивать при них. Нелепо называть Петра Великого отцом большевизма или Фридриха Великого отцом национал- социализма, но свое заемное просвещение их странам платить оплачивать дороже, чем буржуазные революции, а выиграли они меньше.

Теоретически сменить феодализм положено капитализму. Так было во Франции, и еще раньше в Нидерландах и Англии. Но в остальном мире, даже в Европе, теория буксовала. До буржуазных революций не доходило или их подавляли, жизнь не вмещалась на прокрустово ложе теории. Внеэкономические феодальные державы Пруссия, Австрия, Россия, соперничая с экономическими буржуазными странами, старались выстоять. Но, претендуя на равенство, утыкались в двойное социальное сопротивление. Рабочие и там стали защищать свои права, но и крестьяне попрежнему противились феодальному гнету, да и возникавшая буржуазия хотела экономической и других свобод.

К двадцатому веку напор зашел далеко. На какой бы стороне мировой войны ни воевали внеэкономические империи, они проиграли. Война упразднила Оттоманскую, Германскую и Российскую, готовые «овладеть всей культурой человечества», что подтверждают итальянские дворцы в Петербурге и голландская деревня в Потсдаме. Но жизнь пошла иначе, не сразу обнаружив, куда поворачивает.

Неспособность феодальной реакции устоять еще не означала, что неизбежен буржуазный строй. Где он и впрямь утверждался, а где на миг высывал нос. Революционные буржуазные преобразования отчасти, конечно, шли и в Турции, и в Германии, да и в России, в которой их произвела не только Февральская, но, если помнить Декрет о земле и Декларацию прав народов России, и Октябрьская революция. Но вскоре эти преобразования были преобразены или упразднены, а природа социальных порядков, утвердившихся на обломках империй, не всюду уточнилась.

Верша волевою модернизацию, феодальная реакция не сберегла стабильность, поскольку, компенсирующие экономический механизм, сложившийся к западу от Эльбы, где победили буржуазные революции, вела силовые реформы. Но, когда власть волевыми мерами направляет хозяйственное развитие, и революционеры надеются скачком одолеть социальное, а не только техническое, отставание. Вот Петр и кажется нам революционером. Такие надежды вдохновляли и всамделишных революционеров. Смолоду их питал Маркс, потом с особой силой Ленин. Такие надежды смягчали социальное, национальное, религиозное и прочее ущемление и многими поддерживались. В умах нередко сливались буржуазное понимание революции, как устранения помех экономическому развитию, и ее коммунистическое понимание, как скачка к разумному внеэкономическому устройству.

Маркс, живший в промышленной Англии, был убежден, что капиталистический строй строит фундамент коммунистическому будущему. Но в странах феодальных и полуфеодальных его последователи все меньше полагались на такое саморазвитие фундамента и все больше на волевой революционный скачок. Поскольку жизнь не следовала теории, они меняли взгляды. Развитие экономики позволяло буржуазии демократических стран Запаदा достигать с рабочими компромисса. Ожидавшееся Марксом «абсолютное обнищание пролетариата» не наступало, и к революции рабочие не рвались. А страны, отягощенные феодальным строем, по теории, могли шагнуть в утопию коммунизма лишь вместе с передовыми странами Запада, при их поддержке. Но этим не пахло. А феодальная реакция тоже не могла уже жить по-старому, довольствуясь мелкими уступками. Старый сук, на котором она сидела уже трещал.

Катастрофа Мировой войны не допустила возрождения предвоенной жизни. Возродить экономическое общество на прежних началах было немисливо. Многие сочли возврат к внеэкономическому куда большим прогрессом, чем дальнейшую эволюцию. Не только Ленин сеял веру в развитие без экономической свободы, и на обломках империй стал складываться новый социальный порядок, названный позднее тоталитарным. В разных странах он выступал под разными лозунгами и провозглашал разные цели, что мешало угледеть его общие свойства. Он рос из протеста – где против социальной, где против национальной, где против религиозной ущемленности. «Революционный Запад» стал пассивней, но «алел Восток». Оформился давно зревший раскол социалистического движения на социал-демократов буржуазного Западе и коммунистов Востока. XX век этим начался, но не кончился.

В Италии, расположенной на стыке Запада и Востока, возник неожиданный (на первый взгляд) гибрид. Феодальная реакция, опасаясь полного крушения по уже обозначившемуся российскому образцу, выступила против либерализма и демократии в союзе с маргиналами социализма. В 1919 году редактор газеты социалистической партии «Аванти» («Вперед») Бенито Муссолини создал новую партию, назвав ее фашистской от слова «фации», -- наименования связки прутьев, знака

власти консулов в Древнем Риме, как символа народного единства, единогласия, не казавшегося еще зловещим. Придя в 1922 к власти, фашисты создали «корпоративное государство» -- централизованное, с жестким регулированием экономики. Но о последствиях задумался лишь лидер итальянских коммунистов Грамши, раздумья которого в «Тюремных тетрадах» не влияли ни на его товарищей по партии, ни на других коммунистов.

Пренебречь глубокими мыслями Грамши толкали русские большевики, еще раньше поднявшие революцию с лозунгами единства партии и централизации экономики. Казалось, вбросивший их Октябрь 1917 пресек феодальную реакцию. А оказалось, он-то ее и укрепил. Маркс, мечтавший об обществе, где «свободное развитие каждого станет условием свободного развития всех», понимал, что общественный характер производства не отменяет индивидуального характера труда, подразумевающего и индивидуальное присвоение тружеником своей доли в общем результате. Но марксистская утопия не вникала в это индивидуальное присвоению. Не только из-за удержания прибавочной стоимости и отчислений на общие нужды, а просто потому, что социалистическое общество предполагало не индивидуальное, а общественное присвоение и административное распределение присвоенного сообща. Но такое распределение заведомо не адекватно норме «каждому по труду» и, тем более, каждому «по потребностям». Практике мало красивых социалистических и коммунистических идей, ей нужны гарантии, что распределение адекватно, а утопия их не давала и ссылалась на моральное превосходство чиновника, над хозяйчиком. Но опыт подорвал веру в нравственность чиновника государственной монополии, в отличие от которого частный работодатель поневоле считался с конкуренцией.

Глядя на историю СССР, не надо думать, что всякий коммунист заведомо корыстен и коварен. По началу, напротив, меж них было немало чистосердечных и самоотверженных людей. Дорога к Октябрю вымощена благими намерениями. Но, чтобы их осуществить, коммунисты были готовы применять любые, казавшиеся им плодотворными, средства. Формулы заслоняли реальность. Они не думали, что средства могут изменить цель. А Маркс предостерегал: «Не может быть правой та цель, для которой нужны неправые средства!» И даже допуская, что коммунисты искренне стремились к высоким целям, обильно применявшиеся ими средства, погубившие в России не один десяток миллионов людей, невозможно счесть правыми. Не только из-за неслыханных масштабов жестокости, но и в силу прямой несообразности с реальностью. Маркс звал к революции на высоком уровне развития капитализма, создающего, как он думал, предпосылки для коммунизма, а Ленин – к революции в «слабом звене», в отсталой стране. Теоретически коммунизм предполагал право народов на самоопределение, а в России, взяв власть, давил национально-освободительные движения. Свобода пресекала феодальных тяготы крестьян, но их загоняли в колхозы, то есть, возрождали крепостное право.

Политический проект Ленина менее утопичен, чем у Маркса, и сильно от него отличается, хоть зовет себя марксистским. В центре его внимания, однако, вера не в “развитие производительных сил”, а в “партию”. Большевики понимали, что для устройства лучшей жизни в отсталой стране недостаточно насильственно устранить политические препоны развитию хозяйства, что дело не просто в дурной власти, но и в уровне хозяйства, который одно насилие (“повивальная бабка истории”), не изменит. Они строили порядок, в котором насилие стало не только повивальной бабкой, но и нянькой дальнейшей истории, воспитательницей и учителем, и руководило всей жизнью, начиная с производства, то есть, государство не отмирало, а неуклонно укреплялось и проникало во все сферы жизни, остававшиеся не только в буржуазном, но и в феодальном мире, приватными. Уже традиционный феодализм, чтобы наверстать буржуазные успехи, обращал частично зависимого крестьянина в кругом зависимого крепостного, а новый тоталитаризм, стремясь превзойти капитализм, жаждал абсолютной власти над всеми подданными.

Понятием “партия” он обозначает не просто объединение людей, сходно думающих, но союз всецело единомыслящих, нетерпимых ни к индивидуальным мнениям, ни даже к оттенкам общего. Поскольку десятки миллионов советских граждан заведомо не могли совпадать во всех мыслях, нормой стало безоговорочное подчинение личных мнений руководству партии и соответствие действий и поступков единой воле большинства ее членов, ее правящего слоя, ее аппарата, ее вождей и даже лишь одного гениального вождя.

Нормы, устанавливаемые партией для себя, стали обязательны всем институтам государства и гражданам страны. Единство партии понималось как единение с ней государства, армии, народа. Маяковский точно сказал: “партия рука миллионнопалая сжатая в один могучий кулак”. Каждый был обязан соблюдать единство беспрекословной покорности, ставшей идеалом строя, намеренного вытеснить капитализм. Это единство, распространяясь на все сферы жизни, разом отстаивало и свою единственность, не допуская никаких других партий, кроме признающих вечную правоту этой единственной, коммунистической. Ее идеал антикапиталистичен уже тем, что своей единственностью отвергает плюралистичный идеал повседневного капитализма, тоже тянущегося к монопольности, но не способного ею в полной мере овладеть. Это тяготение, как признак уязвимости капитализма, едва ли не первым подметил Ленин в книге «Империализм, как высшая стадия капитализма», не думая, что вскоре сам возглавит крупнейшую монополию в истории – не капиталистическую, а советскую.

Важность этого наблюдения в установлении того факта, что капитализм атакуют с двух сторон, -- с одной -- партнер буржуазного хозяина, пролетариат, с другой его соперник, монополистический капитал. И тот, и другой, воюют с экономической природой капитализма. Сближение ее противников не случайно. Для монополистического капитала, вскормившего итальянский фашизм и немецкий национал-социализм, не было тайной, что термин «социализм», сперва внедрялся в рабочее движение.

Социализм одинаково влек русских коммунистов и немецких национал-социалистов. В Германии эти разные на словах социализмы сперва развивались параллельно, противостоя друг другу и один другого обличая. А различались по преимуществу слова и детали, хоть в силу различной истории порой важные. Немецкие коммунисты походили на советских. Национал-социалисты не все положения социализма подхватили, но выступали тоже от имени «пролетариата». Они напирала на то, что социализм немцев национален, чем и отличен от тезки в многонациональной России, где русских не вознесли над инородцами. Коммунисты и впрямь, удержав колониальные владения, сперва не возвышали русских, по населению составлявших половину жителей, хоть и населявших сильно меньшую часть территории. Однако, еще до войны в СССР провозгласили русский народ первым среди равных, а после войны русский великодержавный шовинизм тоже стал неотъемлем от советской пропаганды.

При сходстве и родстве тоталитарных систем немецкого и российского социализмов, исторические различия у них были, и по крайней мере два существенно сказались на судьбах обеих стран. Германия еще до первой Мировой войны зашла сильно дальше в капиталистическом развитии не только города, но и деревни. К националсоциализму ее подтолкнул мировой кризис 1929 года, до того Гитлер и его партия, десятью годами раньше пытавшиеся захватить власть, успеха не имели. Крестьянская проблема там была не столь остра, как в России, и немецкий тоталитаризм до насильственной коллективизации не дошел. Уже это после полного разгрома в 1945 позволило Германии успешно возродить в свободной ее части капиталистическое хозяйство и даже его укрепить.

Существенна и большая откровенность, в сравнении с Россией, характера общих перемен в Германии при национал-социализме. Его открыто излагавшиеся планы и намерения пользовалась сочувствием немногим более трети населения. Немногим меньшее число граждан сочувствовало коммунистам и их стремлениям. Ни одна из партийных программ не имела на свободных выборах поддержки большинства немцев. После смерти президента Гинденбурга рейхсканцлер Гитлер сосредоточил власть в своих руках, просто захватил ее явочным порядком. При этом сторонники коммунистической партии, выступавшие против национал-социалистов, тоже не стремились к демократическим действиям и, во всяком случае, не поддержали буржуазно-демократическую треть населения, голосовавшую против Гитлера, что изменило бы ситуацию. Важной чертой удержания власти национал-социалистами было и то, что они сохраняли свое единство, лишь немногих своих сторонников, в чем-то перечивших руководству, как глава штурмовых отрядов Рем, они убили.

Положение в России было совершенно иным. Ленин тоже сразу провозгласил задачи, которые его партия перед собой ставила, но далеко не все ее сторонники их полностью разделяли и поддерживали. Русские большевики, в отличие от немецких националсоциалистов, в массе сами сперва не вполне понимали, что они делают, и предметом их внутренней

борьбы как раз и было уточнение и уяснение этого, приведшее жаждавших исходной утопии к расстрелам и в лагеря. Конем не объедешь того, что партию большевиков, совершившую в Октябре революцию и взявшую власть, в подавляющем большинстве физически уничтожили, преобразили, сохраняя ее имя за занявшей ее место фактически как бы уже другой партией. При захвате власти в 1917 году партия большевиков была тоталитарной в меньшей мере, чем национал-социалисты захватившие власть в 1933, лишь к этому времени большевики наверстали свое. А долго шли курсом, заданным Лениным, Троцким, Сталиным и другими вождями, разногласия которых стали непримиримы лишь после коллективизации, когда партия и стала вполне тоталитарной.

Историки российской коммунистической партии этот феномен не объяснили. Большевики 1917 года, да еще пройдя Гражданскую войну, просто не могли построить марксистскую утопию, поскольку буржуазное хозяйство России, едва начавшее всерьез развиваться, не создало для этого серьезных предпосылок. Но и Ленин, и других революционеры 1917 года, и сменившие их товарищи, имели в виду совсем другую утопию, ленинскую, не просто освобождающую от царского гнета, а силой создающую новый общественный порядок, сочтенный наилучшим. Перерождение, в котором Троцкий винил партию, поначалу марксистскую, она пережила до революции, между 1898 и 1917 годом, переступая основные положения Маркса. Другое дело, что успех революции, которую большевики обещали, был невозможен ни в марксистском, ни в ленинском варианте не только в силу их теоретических ошибок, начиная с отрицания еще Марксом роли умственного труда, а уже потому, что и по его теории она была возможна лишь в развитой капиталистической стране, какой Россия не была.

Ленин и люди, вступавшие в партию до революции и во время нее, видимо, все же считали ее возможной. Но при чтении статей и выступлений большевистских лидеров, начиная с Ленина и Троцкого, видно, что результаты не ответили ожиданиям и не вели к желанному строю. Чтобы исправить положение, Ленин предлагал ввести в ЦК сотню «сверхпроверенных» рабочих. А Троцкий говорил о перерождении партии, отвлекшись от того, что вместе с Лениным, Сталиным и другими сам и создавал разочаровавший его новый строй. В борьбе за такой строй партия еще при Ленине подвергала себя радикальным чисткам, исключая до четверти своих членов. Потом ее еще более радикально чистили карательные органы, обратившие, например, подавляющее большинство делегатов XVII партсъезда во врагов народа и преследуя их уголовно. Одних только расстрелов официально было около миллиона.

□ Имевшие место события не оставляют сомнений, что советский строй с начала коллективизации был тоталитарным. Почему же, в Германии он выступал таким с самого начала, а в России на его самораскрытие понадобилось двенадцать лет? Видимо, все же потому, что он не был таким задуман, во всяком случае, не был общим стремлением партии, а Ленин, Троцкий, Сталин и другие сделали его таким в борьбе партии за власть, которую иначе было не удержать.

При полном различии идейных источников русского коммунизма и немецкого национал-социализма, их сходство объяснимо схожестью социальных ситуаций, в которые обе страны в начале XX века попали. Обе, хоть и по разным причинам, потерпели поражение в Мировой войне. Обе не находили выхода из кризиса, который навлекла война, и из всемирного кризиса 1929 года. Национал-социалисты набирали силы после него, а русские коммунисты, его не ожидая, поддерживали НЭП, и никто не знает, как, не будь этого кризиса, Россия жила бы дальше, дошла ли бы до коллективизации и какой характер та бы приняла. А различие объяснимо большей глубиной российского кризиса и тем, что крестьянская революция, при всех дальнейших потерях и возможных оговорках, все же облегчила участь крестьянства до 1929 года. Пока оно существовало, тенденция к тоталитаризму, а с ней и планы коммунистов, в России слабели. Потому коммунисты и стали пресекать НЭП, а коллективизация была его ликвидацией.

Из советской истории вычеркнули происходившее с 1921 по 1929 и его смысл. А 1917 год еще не был окончательным поворотом русской истории. Им был все же 1929, не зря названный годом великого перелома. Что тогда переломилось? Переломилась буржуазная революция, которой произойти бы до Наполеона, на худой конец в 1825, а она застряла почти на сто лет. В 1917 большевики ее сорвали, бросив крестьянству временный Декрет о земле, а к долгожданной демократии так Россия и не повернула. Расплатой за это и стал тоталитаризм, русский фашизм, прикрывшийся советской властью, и России его всё не преодолеть, хоть прошло еще почти сто лет.

ЕДИНЕНИЕ ИЛИ ЕДИНОНАЧАЛИЕ?

Наш несчастный город, объявленный культурной столицей России, как раз перед тем, как его отрезали от всероссийского телеканала «Культура», вещающего из административной столицы, все еще мечется в поисках статуса. Точь-в-точь как наша несчастная страна, желая цивилизации и богатства, мечется, ища к ним особенный путь.

Помня, что преимущества московской жизни во многом предопределены давнишним отделением города от Московской области, мы, отделившись от Ленинградской совсем недавно, уже слышим сверху призывы к «воссоединению», обращенные к Петербургу, но не к Москве.

Одновременно звучит призыв к независимости Петербурга, и не от одной лишь области, но от России. Едва ли не главный довод – неминуемый распад Российской Федерации, от последствий которого надо город наперед обезопасить обособлением, и ведь не то чтобы эта опасность выдумана. Мне симпатичен лидер автономистов Данила Ланин, воскликнувший: «Жить в государстве, которое убивает своих собственных граждан, и делать вид, что это в порядке вещей, -- нельзя». Я бы охотно за него голосовал. Но оторопь берет, когда он всерьез говорит: «Нужно быть полным кретином, чтобы начать воевать с Петербургом». А чтобы с Грозным, разве не было нужно? Ничего, справились. Нами правят, как

говаривал Сталин, люди особого склада, и мысль о неповторимости творений Растрелли и Воронихина их от бомбежек не удержит.

О городе спорят из страха, что Россия развалится подобно Советскому Союзу. Но почему развалился Советский Союз, мы думать не хотим, лишь предаемся ностальгии да браним беловежских зубров, не задумываясь, каким волшебством они побудили утвердить свое решение и Верховные Советы республик и Съезд народных депутатов СССР. Мы все не наберемся духа признать, что Советский Союз развалился оттого, что он не был союзом. За единство выдавалось подчинение единому для всех московскому начальству.

Для советско-абсолютистского государства, соединившего в себе власть и владение, отчасти расхолодившиеся уже в последние полвека Российской империи, грады и веси отечества были только цехами единого синдиката: Узбекистан – хлопковым, Иваново – ткацким, а Ленинград по наследству – и военно-промышленным, и научным, и культурным, хоть наука и культура по мере возможности перетягивались в столицу. Оказавшиеся после 1991 года в составе России советские цеха провозгласили субъектами Федерации и теперь твердят, что Российская Федерация, как некогда Российская империя, едина и неделима. Но федерация – это союз, объединение государств, сохраняющих известную самостоятельность. То есть федерация, даже если едина, по определению делима, а ежели неделима, -- уже не федерация, а империя.

Но зло не только в самом имперском духе, не только в огромности территории, но прежде всего в том, что в нашей империи хозяйство так и не отделено по-настоящему от государства, а власть и собственность слитны и от показной приватизации друг с другом не разлучились. Британская империя, занимавшая некогда даже четверть земной суши и отнюдь не более милосердная к колониям, тоже уходила оттуда не по доброй воле, но английские демократические порядки оставила не только землям, заселенным выходцами из метрополии, вроде США или Австралии, но и огромной Индии, не уклонившейся от них при всех сложностях. Что оставили мы, видно по примеру не одной Туркмении, но и самой нашей Федерации. Президент Ельцин, начав войну с Чечней, обнажил, что на деле печется о сохранении прежнего сталинского режима. Будь Ельцин тем, за кого себя выдает, не упустил бы возможности с определенными уступками установить с Чечней вместо иерархических союзные отношения. А если предпочел войну, гибель десятков тысяч чеченцев и русских, то ведь не ради удержания нищих аулов, а чтобы другим не было повадно.

Сторонники питерской независимости ослеплены пылающей необходимостью нашего города в демократическом самоуправлении и не видят, что подобную необходимость испытывают почти все, не только инациональные, субъекты Федерации. Иные, конечно, попали в ряд самостоятельных случайно, их сделали областями для удобства прямого управления из центра, и трудно судить, впрямь ли есть специфические интересы у Липецкой, скажем, области, принципиально отличные от Воронежской, или у Брянской от Орловской. Определение субъектов Федерации и их границ совершалось без самоопределения жителей. Но у

большинства даже и нынешних субъектов, а не только у нашего города, нужна в самостоятельном принятии жизненных решений остра.

Имперский центр их узурпирует, уверенный в своем праве подавлять центробежные порывы силой. Милошевич в Сербии еще в 1989 году упразднил установленный Тито после войны автономный статус Косова, где 90% жителей – албанцы, а ныне сетует на возникновение вооруженных сепаратистских организаций. Наш центр поддерживает Милошевича, не смея сказать, что он и есть творец косовского сепаратизма. И понятно почему – и наш центр своей бесцеремонностью плодит сепаратизм, и не только в инациональных, но и в русских регионах, не считаясь с тем, что, обретая самостоятельность, люди на местах – и это стоит внести в программу петербургской независимости – не только себе, но и всей России принесут больше пользы. Но начальство думает не о пользе единения, а об удобстве единообразия. Покуда с единообразием мирятся и спорят лишь о лучшем общем образе, будут правы твердящие, что Петербург и Москва «несовместимы и им нет места в одной стране». Но если не признавать единообразие и всякое узурпаторство центра обязательным для России, мы разглядим, что и Москва не вся из воров и взяточников, и Питер не из одних праведников. Нынешнее положение предопределено тем, что центр держится не соблюдением разумного закона, а силой своей воли, все равно президентской или думской. Ни той, ни другой не интересно истинное единение, то есть взаимодействие разного, что видно уже по распаду российского информационного поля. Раньше его уродовала цензура, а нынче цензуры вроде бы нет, но общедоступную информацию дают лишь два центральных канала телевидения. У питерского распространение на Россию отобрали. Министерство связи обложило газеты и журналы дополнительной платой за доставку, равной стоимости подписки. Всероссийские книготорговые организации перестали существовать, книгу, изданную в Питере, как правило, нигде больше не купишь, он уже сегодня отделен от России, и не автономистами, а центром, подрывающим и тиражи, и рентабельность нашего книгопечатания. Федеральный центр боится единения России, его заботит лишь единство ее стояния навтыяжку перед верховной властью.

Юрий Маслюков объявил, что особые зоны нежелательны. А ведь каждый край или подобный Питеру и Москве город по природе и истории – особая зона. В традициях Госплана эту особость теперь будут административно добивать. Вадим Густов потребовал объединения нашего города с областью, утверждая, что разделение якобы прервало хозяйственные связи. Вроде и впрямь нехорошо, если прервало. Но не потому ли прервало, что связи были экономически невыгодны, а вчерашнему губернатору области, взлетевшему наверх, хочется возродить их административно, в ущерб городу! В мимолетных суждениях двух первых замов экономическая программа нового правительства, на отсутствие которой сетуют, очерчена с полной ясностью.

Отсюда надо ждать возвращения к стагнации, истощавшей страну с середины семидесятых, но еще более тяжелой, и нарастания административного сепаратизма, модель которого демонстрирует город

Москва. Чубайс с Лужковым не могли сговориться, хоть оба – каждый на свой лад – отождествляли власть с владением. Но Чубайс отождествлял с ним федеральную власть, а Лужков – городскую, московскую. Имея столичный приток российских денег и 85% поступавших в Россию из-за рубежа, московское правительство могло подчинить себе московское хозяйство, но этого сепаратизма как бы не замечают. Между тем, прочие губернаторы уже видят в Лужкове пример и норовят подчинить хозяйство своих субъектов, хоть и не располагают деньгами, которые столичное положение приносило Москве. А угроза распада России как раз и таится в общем подражании этому московскому примеру, ведущему к замене крупной авторитарной державы восьмьюдесятью девятью не столь крупными, но столь же авторитарными. Центр надеется, что мини-державы меж собой не сговорятся и сверхдержава их удержит. А Россия и уж во всяком случае ее русские края и области нуждаются между тем в реальном экономическом единении, невозможном без преодоления абсолютистского наследия. Не в переименовании империи из Российской в Социалистическую и обратно в Российскую, но в прощании с внеэкономическим порядком.

Страну спасут не областные сатрапы, а появление множества предприимчивых людей, но для независимого, соблюдающего здравые законы частного производства ни в городе, ни в деревне реальных возможностей как не было, так и нет. Возможность давать взятки и воровать их не заменяет. Не Россия в целом, а каждый ее конкретный субъект сообразно воле жителей должен выбрать, как и за счет чего жить, а обязанность федерального государства – охранять свободу совершения выбора и безопасность оставшихся в меньшинстве. Пусть в каждом субъекте Федерации, в каждой деревне каждый сам решает, оставаться ли в бесплодном колхозе или работать на земле самостоятельно, пусть в каждом субъекте Федерации представительные органы решают, продавать там землю или не продавать. И так во всех сферах. Тогда быстро прояснится, кто выигрывает соревнование в труде, от кого прок всей России, а не только центру, какие области и города развиваются по-московски, а какие -- по экономическим ориентирам, по успехам на всероссийском да и на зарубежном, не только сырьевом, рынке. Право самодостаточных областей, как и отдельных людей, на обособление и замкнутость этим не оспариваются, но пусть люди и по отдельности, и в масштабах своей области или города сами определяют предпочтения. К такой жизни, увы, после августа 1991-го не перешли, не то уже бы увидели, нужен ли каждый остальным или только центру, и говорили бы об обратной связи регионов не с центром, а друг с другом.

Лишь при такой практике выяснится, нужен ли Петербург с его российским европеизмом только самому себе, или только Ленинградской области, или только Северо-Западу, которому его нынче сватают, или все-таки всем людям России – одним как школа, другим как сокровищница искусства, третьим как покупатель, четвертым как продавец, нужен ли прямо или опосредованно как воплощение цивилизационных возможностей, нужен ли в той самой единственности и неповторимости,

которую вслед за Сталиным беспощадно истребляет и готова истреблять дальше центральная власть товарищей Маслюкова и Густова.

Когда же не по распределению центра, а произвольно обозначится реальная нужда разных концов России друг в друге и центральная, как и местная, власть сосредоточится на защите свободы и законности в каждом регионе и одновременной защите свободного движения товаров, идей и людей, не имеющих привилегированной московской прописки (вопреки Конституции, сохраняющейся на глазах у ее гаранта), на смену принудительному единству, олицетворяемому единоначалием, придет наконец добровольное единение, и не будет парадоксальной надобности Петербургу отделяться от России.

ЯВЛЕНИЕ БОЛДЫРЕВА НАРОДУ

Страсти поутихли, о судьбоносности питерских выборов уже не говорят. Не твердят ни о демократических симпатиях Петербурга, ни о прикрытой ими, по уверениям Пятого канала, угрозе расчленения страны и передачи города вместе с областью под немецкий протекторат (в связи с этой угрозой губернатор то и дело напоминал об успешном преодолении девятисотдневной немецкой блокады).

На сей раз мы отделались легким испугом. Все остались при своих. Новое Законодательное собрание доставит губернатору не больше хлопот, чем прежде, и он вправе считать себя главным, хоть и не полным победителем. Но непростительно проглядеть проклюнувшееся в ходе выборов новейшее политическое явление, и впрямь готовое стать судьбоносным. Оно именуется «Блоком Юрия Болдырева». Название невнятное, но и традиционные – правые, левые, коммунисты, либералы – нуждаются нынче у нас в уточнении своего социального смысла и места в политическом спектре.

Официально общество расколото надвое – на «коммунистов» и «демократов». Наступившая гласность окончательно прояснила облик коммунистов и проговаривавшееся некогда в закрытых письмах ЦК сегодня звучит с телеэкрана. Коричневый оттенок, обретенный красным цветом, подсветка прежде скрывала от беспартийных глаз, и депутат Астраханкина по привычке ныне требует, чтобы о наиболее содержательных речах лидеров ее партии публику не слишком информировали.

А вот понятие «демократ» утратило определенность. «Демократы», вошедшие во власть, вынудили население снова платить за десятилетия внеэкономического государственного хозяйствования, уклонились от реальных экономических реформ и не разошлись с затеявшим чеченскую войну президентом. Но возникла и демократическая оппозиция. Конечно, Явлинский в роли ее лидера несопоставим с Сахаровым, но сегодня эту роль, хоть и с огрехами, исполняет именно он. Чтобы сей факт затуманить, противники Явлинского винят в тяжелом положении страны не приведшие к краху прежнюю и нынешнюю власти, а их стойкого критика, властью что-то изменить не располагающего. Господствующему сознанию, делящему мир

на красных и белых, кого бы оно ни предпочитало, трудно принять наличие оппозиций с противоположных сторон.

Многопартийная политическая жизнь началась у нас с царского Манифеста 17 октября 1905 года, обещавшего свободы и права. Она возобновилась после 19 августа 1991 года с тем лишь отличием, что при этом сменился правитель. Но и в начале, и в конце века обнажилось многообразие почитавшегося единым общества. Часть его отвергла манифест, как ныне коммунисты отвергают нужду в коренных переменах. Другие, именовавшиеся октябристами, как ныне сторонники Гайдара, Чубайса, Кириенко, взялись изменять жизнь в пределах, очерченных правителем. Третьи, кадеты и меньшевики, как ныне сторонники Явлинского, стремились легально расширить эти пределы, но большого успеха и тогда, в условиях самодержавия, не имели. Большевики поперву еще искали себя, то объединяясь, то разделяясь с меньшевиками. Но после того, как за двенадцать с лишним лет общество не сумело разрешить свои противоречия, они в октябре 1917 во главе с Лениным и Троцким насильственно взяли власть и в большой мере ею еще обладают. Лишь наследники народников, эсеры, после неслыханной атаки большевиков, уже во главе со Сталиным, на крестьянство вовсе выпали из политического спектра, так и не воротившись туда поныне, хоть аграрная реформа остается для России едва ли не главной.

Сегодня, однако, мало сказать, что и большевики, поставив страну с ног на голову, за почти семьдесят лет не разрешили старых противоречий. Их не разрешила и власть, сменившая большевиков под знаменем демократии. И вот вдруг явилось политическое движение, придавшее петербургским выборам, быть может, историческую значимость, -- движение Юрия Болдырева.

Оно, прежде всего, возродило железную партийную дисциплину. Объявлено, что избранные под его флагом депутаты обязаны голосовать не только не по своему усмотрению, но даже и не по решению своей фракции в Законодательном собрании, а по указанию высшего партийного руководства. Голосующие иначе наперед объявлены предателями. Слов нет, политические партии с разработанными программами больше делают для установления разумных и справедливых порядков, чем не подготовленные к такой работе «независимые» депутаты, нередко поддающиеся манипуляциям исполнительной власти. Но партийность плодотворна лишь покуда партийцы-единомышленники продолжают индивидуально мыслить о каждом своем конкретном шаге и сопоставлять его не с указаниями вождя, а с программой своей партии и, разумеется, с реальностью. Большевиков как раз примат единства партии привел к тому, что в жизни, которую они обустроили, от первоначальных программных обещаний почти ничего не осталось, и ведь не только десятки миллионов беспартийных, но и сами проповедники нерушимого единства во имя этого единства физически уничтожались.

Коммунисты по-прежнему непримиримы, но порой и они ощущают, что это себе дороже. Иначе Юрий Маслюков, как обещало руководство КПРФ, отверг бы соображения «проклятых монетаристов» и повел хозяйство к

немедленному, а не хоть несколько отложенному краху. А он не только этого не сделал, но убедил думских товарищей по партии принять бюджет, куда более «монетаристский», чем прежние. Юрий Болдырев опытом пренебрегает, он – большевик не нынешнего, а бывшего образца, когда не загадывали, к чему диктат партийной монополии приведет. Болдырев несомненно искренен, его глаза пылают не от актерского мастерства, а от душевной боли из-за беспорядка. Но уверенность в себе и своих добрых чувствах мешает ему, как в свое время Ленину и Троцкому, которые тоже искренне хотели как лучше, видеть, что он делает на деле, и сознавать, что результаты зависят не столько от благих пожеланий, сколько от методов их внедрения в жизнь.

Не будем возмущаться, что огонь Болдырева направлен на «Яблоко», его сильные чувства к Явлинскому, вместе с которым он растил «Яблоко», но не ужился, свидетельствуют скорее об ощущении своей слабости и вины, особенно на фоне выраженного Явлинским уважения к праву Болдырева думать, как хочет. Ленин тоже с особой яростью бросался на меньшевиков, вместе с которыми тоже некогда создавал единую социал-демократическую партию.

Жаль, однако, что лидер «Яблока» уклонился от квалификации нынешней политической позиции Болдырева. И не потому жаль, что это принесло бы явлинцам один-два мандата – удивительно, что при объединении против них коммунистов, болдыревцев и исполнительной власти, командующей телевидением, радио и в большой мере печатью, «Яблоку» удалось не только не потерять прежние мандаты, но получить дополнительные. Явлинский недооценил угрозу нового большевизма (без портретов Маркса и Энгельса), который – не обязательно в лице Болдырева – именно демократической оппозиции опасен своей ориентацией не на разум сограждан, не на конкретные споры о вековом и разнообразном опыте собственной страны, а на возбуждение средствами массовой информации готовности, как в 1996-м, верить в вождя.

Сильная сторона Явлинского в его отличии от большинства наших политиков, воспринимающих движение товаров и денег как протекающее само по себе, а не между людьми. У Явлинского экономический анализ совмещается с социальным, что и дает ему в спокойном споре преимущество. Но, человек рационального сознания, он ждет рациональности и от избирателей. А люди пребывают во власти социальных мифов и дорожат обликом и обаянием личности больше, чем программой и принципиальностью в ее проведении. Им не побороть надежду на то, что неугодный Политбюро Ельцин, или академик Примаков, или энергичный Лужков, или генерал Лебедь сотворят чудо. Им странно голосовать за рационалиста Явлинского, никаких чудес не сулящего, но ждущего успеха от учета известных законов. Очень уж сильна вера, что нам законы не писаны. Нам не хочется считаться с тем, что то или иное поведение, тот или иной выбор, влекут за собой соответствующие последствия, нам хочется иррационального единственно правильного пути.

Его-то и предлагает Юрий Болдырев. Вся его программа сводится к борьбе с преступностью и повсеместному контролю, словно не порядок наш

худ, а просто его худо соблюдают. Чего он на деле хочет, видно по тому, что преступным он объявляет не столько нарушение законов, сколько принятие не угодных ему законов. Он твердит, что «Яблоко» -- криминальная организация, поскольку принимает законы, с которыми Болдырев не согласен. Темперамент мешает ему заметить, что «Яблоко», обладая в Думе пятью десятками голосов из четырехсот пятидесяти, никакие законы принять не способно, но только предложить или поддержать, и его действия заведомо легальны и совершаются под неотступным оком всех депутатов, в том числе коммунистов, по Болдыреву, являющихся оплотом стабильности. Не исключено, хоть не зная текста – судить трудно, что какие-то из принятых с согласия «Яблока» законов и впрямь нехороши и есть основания их оспаривать, требовать их пересмотра. Но можно ли объявлять преступниками голосующих за или против законным порядком принимаемого парламентом закона, даже плохого? А это и делает Болдырев, убежденный, что отходящие от единственно правильного, указанного им пути, -- уголовники.

С таким убеждением Россия прожила много лет и ныне пожинает плоды. И хоть люди порой готовы признать, что те, кто это убеждение сеял, сами не во всем бывали правы, хоть нынче запросто осуждают, кто Брежнева, кто Сулова, кто даже Ленина, не говоря о Троцком, во многих голосах сохраняется уверенность, что держаться мнения, отличного от единственно верного, -- уголовное преступление, а указания вождей превыше личной ответственности перед людьми. Суть не в том, что именно считается правильным, а в самой по себе единственности дозволенного.

Не стоит обвинять Болдырева, равно как Ленина и Троцкого, в злонамеренности. Но самозабвенность волюнтаризма извращает лучшие намерения, преображает правду в ложь, а всеобщий контроль в полную безответственность. Юрий Болдырев, наряду с Сергеем Бабуриным, участвовал в бесстыжей предвыборной программе Пятого канала «Заговор», а на вопрос, как сие понимать, отвечал, что не знал, для чего берут интервью. Но, помилуй бог, интервью брали представители официальной организации, была возможность оговорить условия и проконтролировать их соблюдение. А если они нарушены, никто не мешал заявить протест, как, кстати, поступили яблочники, и не поступили болдыревцы при внесении их кандидатов в губернаторский список. Можно и в суд подать, если опорочено доброе имя, а ведь общая с Бабуриным работа представляет Болдырева в неожиданном свете. Видимо, Юрий Юрьевич участия в передаче «Заговор» не стыдится. Или контроль, о котором постоянно говорит, даже в такой малости не может наладить. Надежд на соблюдение законности и пресечение преступности все это не внушает.

Активность Болдырева в петербургских выборах в качестве кукловода полезна, однако, для просветления умов. Позволь себе такую активность в избирательной кампании министр обороны или министр внутренних дел, это было бы сочтено прямым вмешательством власти в ход выборов. Но не только для губернатора, а и для зам. Председателя Счетной палаты в Питере нормы особые.

Сам Болдырев уверяет, что его участие в кампании не менее законно, чем участие Явлинского. Высокое должностное лицо запомнило различия меж ветвями власти. Явлинский, равно как Зюганов или Жириновский да и рядовые депутаты, на свое место избран и потому не только вправе, но отчасти даже обязан разъяснить позицию партии, которую представляет. А назначаемые должностные лица с момента назначения представляют не свою партию, а государство как целое и, отстаивая, будучи на государственной службе, интересы своей партии, предадут интересы государства. Болдырев упустил это не по невежеству и не по глупости, а потому, что государство в его сознании идентично партии, ведущей по единственно правильному пути. С демократией такое плохо вяжется.

Путь, на котором вместо хлеба предлагают танки, неизбежно ведет к финалу, в котором мы сегодня барахтаемся. Но Болдырева это не смущает. Выступая недавно в программе «Герой дня», он уверял, что иначе мы останемся без ядерного оружия и нас будут бомбить, как Ирак, -- выходит, по Болдыреву, желание Саддама иметь бомбу вполне обосновано.

Отчего вдруг вырос в нынешней России не рутинный, а чистосердечный большевик, да еще из пламенного демократа? Да оттого же, отчего вдруг выросли Ленин и Троцкий, мало известные стране в феврале 1917-го. От неспособности власти разрешить насущные проблемы, от нежелания царя своевременно провести аграрную реформу и нежелания Временного правительства провести в назначенный срок выборы в Учредительное собрание. Вот и оттого, что для преодоления кризиса, начавшегося не в минувшем августе, а еще в середине семидесятых, так ничего существенного и не сделали, явился и привлек сердца Юрий Болдырев. Он – отражение тупика, в который зашла власть, а на зеркало пенять не приходится.

Но и закрыть глаза наивно, ведь новый большевизм еще опаснее привычного. Чего ждать там, известно. И коллективизация была, и Гулаг и война и великие переселения народов, помиравших по дороге, и много чего еще. Кто голосует за Зюганова, не вправе потом сетовать, что его обманули. Народ, забывающий уроки прошлого, обречен повторять пройденное. А чего ждать от Болдырева, не враз углядишь. Следовать его командам взялся ряд способных людей, но Ленина окружали еще более блестящие. Или их мученические смерти от рук товарищей по партии ничему не научили? Неужто Россия, как Питер, поверит, что при молодом красавце, с усами не хуже сталинских, жить станет лучше, станет веселей?

КОМУ ПРАВИТЬ СТРАНОЙ?

Коммунисты говорят, что президент России не нужен, имея, однако, в виду персонально Бориса Ельцина. Геннадий Зюганов сам баллотировался в президенты, явно полагая, что, займи президентскую должность он, из источника бедствий она тотчас обратится в залог всеобщего благоденствия. Ельцин и его сторонники, даже после Чечни провозглашавшие президента гарантом Конституции, рассуждали точно так же. Борис Николаевич и

Геннадий Андреевич не одиноки, так у нас рассуждают многие, не только коммунисты, вчерашние или нынешние. Неправовому сознанию чужда мысль о разделении властей как хотя бы относительной гарантии объективной справедливости. У нас «государственниками» именуются желающие сосредоточить всю власть в одних руках, и характер государственного устройства для них – пустая формальность, как говорится, лишь бы человек был хороший. Даже правозащитное движение играло у нас существенную роль, пока его лидером был выдающийся человек – Андрей Сахаров. Стоило ему умереть, и с движением перестали считаться. Нас не смущает, что в других странах живут лучше, хотя и там не часто правят хорошие люди. Мы все не возьмем в толк, что настоящие государственники пекутся о государственном устройстве, не позволяющем попавшему во власть дурному человеку всю развернуться.

Упразднение президентской должности только опять обезличит принятие решений. То есть, опять возрастет безответственность власти. Сегодня мы по крайней мере знаем, что войну в Чечне начал Ельцин. Если бы Грачев или Дейнекин действовали без приказа Верховного главнокомандующего, приговоры военного трибунала не заставили бы себя ждать. Значит, приказ был. Шахрай с Егоровым сами его дать не могли, и главная вина на президенте. А кто начал войну в Афганистане? Рассказывают о совещании четверки членов Политбюро: Брежнев, Устинов, Громыко и Андропова. Но что делали отсутствовавшие, которых больше и среди которых глава правительства? Да и в какой мере четверка была единодушна? Все это поныне государственная тайна. А что против чеченской войны сразу выступили Ковалев, Памфилова, Явлинский и другие политики и журналисты, мы знаем.

В эти трудные семь лет мы все же видели, кто что делал, и, поскольку при всем несовершенстве избирательной системы зависимость власти от голоса рядового гражданина выросла, выросла и наша ответственность за происходящее. Ельцин больше всех виноват в том, что корневой системный кризис, до которого довели страну соратники и ученики Сталина, за семь лет не только не преодолен, но и продолжает углубляться. Но разве избиратели, видевшие это и вторично голосовавшие за Ельцина, не разделяют с ним вину? Разве не разделяют с ним вину и Зюганов, и голосовавшие за него сторонники сталинского порядка, приведшего к кризису?

Но три с половиной миллиона избирателей вычеркнули и Ельцина, и Зюганова. Эти три с половиной миллиона не просто не поддержали ни того, ни другого. Дав себе труд прийти на избирательный участок, чтобы вычеркнуть обоих, они выразили свое отношение к навязанной альтернативе, к выбору между бывшим и нынешним коммунистом. Новое общество создают новые люди. Кромвель не состоялся при дворе Карла I, а Дантон и даже Бонапарт – при дворе Людовика XVI. Ельцин не мог провести коренные реформы уже потому, что не мог преодолеть привычки первого секретаря обкома.

Сам по себе президентский пост не виноват, без него или его подобия демократической стране не обойтись. Конечно, в Англии, Швеции, Бельгии,

Голландии, Испании президентов нет, это конституционные монархии. Власть монарха там невелика. Британская королева, как говорят, царствует, но не управляет. Действительно, не управляет, однако, царствует, и это не такая малость, как нам кажется. Ритуальное участие королевы в государственных действиях, конечно, зависит не от ее желаний, а от голосования граждан и решений депутатов. Но только в том случае, если они совершились законным порядком. Королева и есть страж установившегося, приемлемого для большинства, порядка, его прочности и того, что изменения в законах будут производиться законно. Не более, но и не менее. Испанскому королю Карлосу пришлось однажды даже выйти за рамки ритуала и, когда франкисты попытались вернуть себе власть, защитить демократический порядок.

Президент Германии обладает властью едва ли большей, чем английская королева, но не зря эту должность обычно занимают люди с высокой личной репутацией. Не будь авторитетного президента, не имеющего власти, но ее воплощающего, какие-то группы людей, комитеты или съезды легко могли бы произвольно менять любые законные установления. Президенты, избираемые парламентами, есть во многих странах. В Чехии – Вацлав Гавел. Может и России избирать президента так?

Увы, наша страна слишком разодрана долго замалчивавшимися, а в конце восьмидесятых обнажившимися внутренними противоречиями. Авторитет ее президента должен подтверждаться волеизъявлением всего народа, без такой опоры он не сможет, даже если хочет, обеспечить стабильность, то есть мирное разрешение постоянно возникающих противоречий, да так, чтобы решения отвечали интересам не одной социальной группы, а стали компромиссными, никому не закрывая возможности быть по-своему полезным обществу.

Население большинства субъектов Федерации, сколько можно судить, хочет не выхода из нее (как было, даже судя по горбачевскому референдуму, в ряде республик СССР), но лишь реального самоуправления. Президент, избираемый всеми гражданами, служит воплощением добровольного единения. Его власть не должна быть самодержавной, как ныне, но всевластие Думы, а точнее, ЦК или Политбюро партии, занявшей там большинство мест, как мы знаем, не лучше. Демократия складывается в противостоянии властей. Английский парламент, четыреста лет с переменным успехом споря с королем до революции, выучился вести и свои внутренние споры. Настоящий парламент, представляющий личные предпочтения граждан в Думе и их региональные интересы в Совете Федерации, нужен России не меньше, чем президент, но демократии он выучится лишь в ходе повседневной полемики с президентом, воплощающим единение страны, которому для этого покамест требуется все же побольше власти, чем у английской королевы. Но и ему надлежит учиться демократии.

Известны два типа демократической президентской власти. При одном, как в Соединенных Штатах, президент сам и возглавляет кабинет министров. Такая власть огромна – Гитлер, объединив свой пост

рейхсканцлера (премьер-министра) с постом рейхспрезидента, стал диктатором. Но в Америке огромной президентской власти переродиться в диктатуру не дают двухпалатная представительная власть и независимая судебная. Три независимые ветви власти там вынуждены постоянно ограничивать одна другую. Во Франции функции премьера исполняет не президент, а лидер партии, получившей большинство в парламенте, и, особенно если это не партия президента, президентская власть там не столь велика, как в Америке. Но все равно поиски компромиссов идут повседневно, и никакое правительство, никакой президент, уклониться от оглядки на граждан не могут.

Почему же у нас так не выходит? Только ли потому, что власть президента непомерно велика и часто позволяет ему ни с кем и ни с чем не считаться? Но и Государственная Дума не так слаба, от нее зависит и утверждение премьера, и, что еще важнее, утверждение бюджета. Неравенство в том, что президенту легче распустить Думу, чем Думе отстранить президента. К тому же выборы президента более легитимны, чем выборы депутатов. Однако, преобладающая часть Думы добивается умаления легитимности президента, а не прироста легитимности Думы – твердят, что стране не нужен президент, но не говорят, что стране нужна воистину представительная Дума. А все потому, что уже простое дополнение нынешней думской избирательной системы вторым туром голосования, проводящимся при выборах президента, но не депутатов, радикально изменит состав Думы, побуждая избирателей к предпочтению кандидатов и партий с более реалистичными и компромиссными программами.

Четко выговорить, что к кризису привели бессмысленная гонка вооружений, содержание непомерной армии и военные авантюры, когда и без того хозяйство держалось главным образом за счет природных ресурсов, легкодоступные источники которых в ходе гонки исчерпались, а разработка новых стоит дорого, не хотят ни президент, ни Дума. Вот они и не могут ни перестроить хозяйство, ни усовершенствовать армию, а отсюда и прочие беды. Но они себе такое позволяют только потому, что наше государственное устройство не предполагает подлинного взаимного контроля властей при решении конкретных проблем, а третья власть, независимый суд, практически отсутствует. Чтобы исправить положение, надо не упразднить президентскую должность или заменять ее монаршим тронном, а, напротив, сделать воистину представительным парламент, чтобы он отражал волю большинства.

Сегодня в Думу можно попасть, собрав чуть больше пяти процентов голосов от 25% явившихся на выборы, -- так получается, если баллотируется двадцать кандидатов, а их бывает и больше. Легко сосчитать, что по отношению к общему числу избирателей число голосов, составляющих относительное большинство, может не превышать полтора процента избирателей округа. Манипулировать таким числом нетрудно. Вот и неудивительно, что партия, лидер которой в любых рейтингах собирает всего около 20%, в Думе господствует. Создатели такой избирательной системы воображали, что власти легко будет

манипулировать полутора процентами голосов. Но в ходе общего обнищания коммунисты, к тому же единственные, кто располагает действенным партийным аппаратом, справились с этим успешнее, а до выяснения воли более реального большинства, до второго тура, наши парламентские выборы, увы, не доходят.

Обрети мы по-настоящему представительную Думу, она бы куда естественней занималась делами страны и могла бы авторитетно говорить с президентом, да и ему бы пришлось поделить с ней решение многого, что он решает сегодня единолично, и даже не лично, а по усмотрению своей администрации. Администрация Клинтона -- это правительство США. Администрация Ельцина -- это никаким законом не предусмотренный промежуточный орган между президентом и другими ветвями власти. Но такой орган имеет вес, лишь пока другие ветви власти неавторитетны, -- не только Дума, но и Совет Федерации, члены которого ныне не избираются, как предполагалось и было поначалу, а занимают места по должности.

Демократия возможна лишь там, где большинство ее хочет. Предоставить людям самим решать, хотя бы демократии в своей стране или, как чеховский Фирс, считают волю несчастьем, -- это и есть первый шаг к демократии. Власть обязана лишь не мешать свободному волеизъявлению и широкому публичному обсуждению того, что есть, что было и чем сердце могло бы успокоиться, обязана лишь защищать свободу регулярного выбора от тех, кто ее отнимает. Ничего не гарантирующие персональные гаранты демократию не спасут. Она держится не столько на хороших людях, сколько на хороших и хорошо исполняемых законах. А для этого не единая, -- все равно, президентская или думская -- власть должна противостоять народу, а разные власти друг другу, чтобы не просто делать как лучше, а чтобы не получалось, как всегда.

СУВЕРЕННОЕ ПРАВО НА ГЕНОЦИД

Ужасающая реальность происходящего в Косово странным образом сочетается с утратой чувства реальности ее участниками, кроме разве что бегущих албанцев. Десять лет назад Милошевич, тогда президент Сербии, отменил автономный статус, которым провинция обладала в титовской Югославии. Автономность, понятно, была липовой, как впрочем и у самой Сербии, и у Хорватии, и у Словении, и у Черногории, и у Македонии. Но все же правомерность существования албанцев не ставилась под сомнение. Милошевич росчерком пера преобразил их из полноправных граждан в нежелательных инородцев. Ни ООН, ни ОБСЕ, не придали этому значения. Между тем, именно с той поры началось вытеснение албанцев из Косова. Вопреки опыту Второй мировой войны, не только СССР, но и США практически соглашались, что у суверенного государства есть право на этническую чистку. Когда Россия сама по второму разу затеяла таковую в Чечне, объясняя, что чеченцы живут на русской земле, США способствовали ей не только деньгами, поток которых не подумали

ограничить, но и громогласными заявлениями, что это внутреннее дело России. Милошевич поверил, что у него тоже есть суверенное право изгонять албанцев, что это его внутреннее дело. Поскольку, однако, ядерного оружия у Милошевича нет, а терпеть геноцид в центре Европы неприлично, решили, наконец, его пресечь, и НАТО стал бросать бомбы.

Россия заявляет, что у НАТО нет на это права, что пресечь геноцид правомочен только Совет Безопасности. Не так давно, не спросив этого Совета, русская армия, точь в точь, как нынче армия НАТО, защищала самопровозглашенную Приднестровскую республику, отделившуюся от Молдавии (и Абхазскую, отделившуюся от Грузии), защищала, как у нас именуют албанцев, «сепаратистов». Но, что дозволено России, не дозволено другим. А она, обладающая в Совете Безопасности правом вето, не считает изгнание албанцев геноцидом, поскольку, дескать, Косово - сербская земля. Действительно, триста лет назад там преобладали предки сербов. На месте Петербурга в ту пору жили предки финнов, но, если Финляндия захочет получить наш город, очистив его от русских, нормальный человек сочтет это безумием не только потому, что Россия сильнее Финляндии. Между тем, из-за того, что Сербия сильнее косовских албанцев, стремление Милошевича от них избавиться хотят толковать иначе. А преступника, маньяка-убийцу, надо прежде всего остановить.

Вина США и НАТО не в том, что они вроде пытаются это сделать, а в том, что делают это плохо, все еще не сознавая своей вины в подорвавшем к ним доверие частом попустительстве такому. Вопреки не столь давнему опыту, они просто не понимают, что нет на свете злодеяний, от которых бы воздержался коммунистический, равно как любой другой, тоталитарный функционер, хоть бы и бывший, если эти злодеяния счел полезными, пусть уже не строительству коммунизма, а другому своему делу. Ему ведь не только албанцев, но и сербов не жаль. Лидеры НАТО, возможно, ожидали, что после бедствий, которые причинили бомбежки, Милошевич застрелится. А им бы, покуда Милошевич получал новейшие российские МИГ-29, вооружать албанцев для самозащиты. Будь у албанцев возможность сопротивляться геноциду, их политическая защита была бы проще, и Сербия раньше поняла бы преимущества мирного решения, да и Россия осознала бы его необходимость до бомбежек.

В России ими многие возмущены, но размах возмущения обусловлен тем, что средства массовой информации сперва даже не сообщали о гонениях на албанцев. Свободные журналисты обрели у нас право не информировать народ, а выражать народное мнение. Коммунистическая печать всегда уверяла, что выражает народное мнение. А то, что это мнение складывается без достоверной информации, ни тогда, ни теперь значения не имело. Говорят, президент России не мог не откликнуться на народное возмущение, но и президент мог, осуждая бомбежки, рассказать своему народу про геноцид и потребовать от Милошевича его прекращения. Да вот не счел нужным.

Американская политика на Балканах бездарна, начиная с Дейтонских соглашений по Боснии с тем же Милошевичем. Стремясь

сохранить «целостность» Боснии, никогда самостоятельным государством не бывшей, да еще при том, что боснийцы, хорваты и сербы уже убивали друг друга, американские посредники внутри этой «целостности» все же поделили Боснию на сербскую республику и хорвато-мусульманскую федерацию. Не будем сейчас выяснять, последователи какой из трех религий (это ведь все один народ, по ходу истории расколотый обращением в разные веры) оказались более ущемленными. Так или иначе, право боснийских сербов на отдельную республику признали. Почему же эти сербы лишены права выйти из Боснии и воссоединиться с сербами, живущими в Сербии? Вразумительного ответа на это не дают, хотя у албанцев и у сербов есть равное право на самоопределение.

Право боснийских сербов на воссоединение не упраздняется тем, что немалое их число норовило очистить Боснию от боснийцев и хорватов, в ответ на что, как в Крайне, изгоняли и сербов. Неужто американские политики не сознавали, что ущемление прав мирных и не склонных к геноциду сербов внушит даже им ощущение обиды, которой Милошевич сегодня и вскармливает сербский шовинизм, изображая сербский народ единым в желании упразднить албанцев, точь в точь как Гитлер, размахивая ущемлением Германии по Версальскому договору, изображал немецкий народ единым в желании упразднить евреев? Не разумнее ли было в открытых переговорах с Югославией признать равное право сербов Боснии на воссоединение и албанцев Косова на отделение? Едва ли Милошевич, держащийся шовинизмом, мог бы воспротивиться такому предложению, которого, однако, не сделали ни США, ни Россия, а то, глядишь, и бомбы не пришлось бы бросать.

Вот уже месяц НАТО проявляет неспособность образумить национал-социалиста Милошевича и покончить с геноцидом. Естественное побуждение остановить преступника, равно как легенда, что с распоясавшимся фашистом можно совладать авиаударами, лопнули не только от недомыслия и непрофессионализма военной и политической тактики, но от стратегически ложной уверенности, будто НАТО победил в холодной войне. На деле СССР обанкротила и развалила его собственная социально-хозяйственная система с ее геополитическими претензиями, а не НАТО или США, и зазнаваться им тут не с чего, а ведь из зазнайского пренебрежения очевидными опасностями, прежними и новыми, выросла вся бездарная политика Клинтона в отношении России. Что же до результатов холодной войны, то они, в отличие от результатов советского хозяйствования, принесли России обильную контрибуцию от МВФ, США и Германии, и хоть одеяние сверх-державы пришлось чуть подкоротить, образ ее мыслей и действий, как видим, не слишком изменился. Успешное перекрытие информации о геноциде наглядно опровергает болтовню о слабости русской власти. Да и различия в правящем слое, как выяснилось, сильно преувеличивались, - и коммунист Зюганов, и прослывшийся демократом бывший коммунист Гайдар, энергично осуждали НАТО, но ни тот, ни другой, не спешил закричать, что чуть не миллион албанцев сербские солдаты уже изгнали из дому, ни того, ни другого это не заставило содрогнуться.

Впрочем, разве стремление Милошевича очистить от албанцев Косово так уж отличается от стремления Арафата очистить от евреев передаваемые Палестинской автономии земли, сделать их, как выражались его европейские предшественники, judenfrei? А этому Клинтон и Олбрайт даже покровительствуют. Быть может, когда старый лозунг распространят и на Тель-Авив, они, приняв благородные позы, еще выступят защитниками евреев от нового геноцида, но, боюсь, как нынче в Косово, тоже будет поздно.

БЕЗ СВАСТИКИ

Журнал «Звезда» опубликовал в первом номере статью Михаила Чулаки «Нацизм со свастикой и без». Название, скажем сразу, превосходное. Идеи и навыки радикальных движений, приходивших после Первой мировой войны к власти под приметными символами вроде серпа и молота со звездой, или топорика, обвязанного прутьями, или свастики, просочились в сферы, где этих символов избегают, не любят, и тоталитарный радикализм потому по-прежнему и опасен, что, отвергая его деяния, люди проглатывают его нелепые доводы на других наживках. Ничто так не актуально в России, как разглядеть превращения тоталитарного радикализма, различить под позолотой, порой даже антикоммунистической или антифашистской пробы, все ту же свиную кожу.

К сожалению, Михаилу Чулаки это не удалось. Одержимый благородной неприязнью к нацизму (ослабевающей лишь в одном направлении, о котором потом), писатель как он сам говорит, «не претендуя на академичность», объяснил, что называет «фашизмом кровавую диктатуру крайних националистов. Если же националисты находятся у власти, но сохраняют в своих странах ритуальные демократические обряды (потому что за их националистическую программу и так голосует большинство населения), то это - нацизм».

В академичности, впрямь, не упрекнешь. Она, при любых воззрениях, предполагает знакомство с фактами. Конечно, иной академик скажет, что существование древних Греции и Рима недостоверно, но и тогда попытается, пусть безуспешно, это доказать. Чулаки таких попыток не делает, лишь восклицает, и остается тайной, знает ли он, что нацизм - это сокращенная форма от «национал-социализм», самоназвания гитлеровского движения, знает ли он, что фашизм, ранее возникший в Италии, менее кровав, чем немецкий национал-социализм, знает ли он, что за национал-социалистов даже в Германии голосовало отнюдь не «большинство населения», - максимум, собранный гитлеровцами на еще свободных выборах, составлял лишь 37% от общего числа поданных голосов.

Конечно, в советской печати национал-социализм именовали непонятным словом «фашизм», чтобы не сравнивать немецкий национал-социализм с нашим, но сейчас-то зачем бы умалчивать, что гитлеровцы тоже строили социализм, хоть и только для немцев? Бедняге Чулаки это,

видимо, просто неведомо, и не нашлось никого в редакции, чтобы рассказать. А проведай он про это, может, пусть и не академически, оглянулся бы на социальные корни национальной нетерпимости, отнюдь не обязательной для защиты национальных интересов.

От людей, преисполненных лучших чувств, порой слышишь: антисемит Макашов до фашизма дойдет. Конечно, «антисемитизм – международный язык фашизма», как замечал еще товарищ Сталин, пока сам не заговорил на этом языке. Но все-таки не антисемитизм порождает фашизм, а как раз наоборот, фашизм и самое тяготение к тоталитаризму, к идеалу внеэкономического хозяйствования, не сегодня и не вчера начавшееся, порождает антисемитизм. На родине фашизма, в Италии, евреев сперва принимали в партию, поскольку движение было не национальное, а социальное, но по мере его развития их выталкивали. Немало евреев было когда-то и в большевизме, пришедшем потом к делу врачей. Одни только гитлеровцы сразу ощущали, на каком языке говорят. А для Чулаки корень тоталитаризма, фашизма, нацизма в самом, как он выражается, национализме, в национальном сознании, кроме единственно русского.

Строй бывших республик СССР и нынешних автономий России он определяет с легкостью. В Армении, оказывается, нацизм, в Азербайджане тоже. В Осетии – нацизм, в Ингушетии тоже. Грузино-Абхазская война была нацистской. Любопытно. как там в «Звезде» оценивают национально-освободительную войну голландцев против Испании, известную как Нидерландская революция, тоже, небось, как нацистскую? Гарибальди, воевавший против Австрийской империи за национальное объединение своей страны, по Чулаки, видимо, тоже нацист? Или Массарик, создатель славянского государства Чехословакии, вырвавшейся из той же Австрийской империи? Чулаки, видимо, не подозревает, что националисты стоят за самоопределение своего народа, признавая такое же право за другими. Лишь отказывая другим в таком праве, они становятся не просто националистами, а именно что нацистами, которые стремятся так или иначе подчинить другие народы. Национализм и национал-социализм, нацизм, - не одно и то же, и мы относимся к Боливару, Гарибальди, Сун Ят-сену, или Ганди совсем иначе, чем к Муссолини, Сталину, Гитлеру или Мао.

А если у нас разгорелись схватки между покоренными народами, так ведь дальновидный покоритель накидал им яблок раздора, да еще подстрекает обе стороны, мешая мирно разобраться. Прием старый – разделяй и властвуй! Трагично, что в «горячих точках» люди этого не понимают и сами не находят пути к согласию и миру, но при чем тут нацизм? А вот, оказывается, при чем! Внушая, что «нацизм торжествует едва ли не на половине планеты», что «прямо у границ России и даже в собственных ее пределах крепнут нацистские режимы», Чулаки утверждает, что «ответный национализм просто не мог не подняться».

Выбор слов красноречив. «Ответный» – словно Россия никого до того не депортировала, никому не мешала учиться на родном языке, не подрывала централизованными директивами специфическое местное

хозяйство, а злостные нацисты-инородцы зазря на нее напустились. «Национализм» – словно речь о помощи соплеменникам, вынужденным ныне бежать из республик, куда их прежде посылали, чтобы эти республики русифицировать, - увы, реальной помощи им не оказывает ни власть, ни общественность. Пример Германии, принимающей немцев Поволжья, - они Россию не онемечивали, но потомки приехавших при Екатерине на жительство, пострадали за то, что были немцами, - нам не указ. «Просто не мог не...» - словно все происходящее не было наперед очевидно, или провалились инициативные шаги, направленные на отыскание разумных компромиссов, - да не было никаких таких инициатив, то есть никакой ответственности за свои долгие дела. Вот Чулаки и убеждает не только нас, но и себя, что эти страшные южане переполнены национализмом, «до которого самому Баркашову еще расти и расти», не замечая, что Баркашов изначально находился за пределами защитного национализма.

Строительство ли Вавилонской башни или что другое разделило человечество на разные народы, Чулаки видит в этом лишь источник всеобщего мучительства. Но, чтобы не мучиться, надо признать людей, независимо от цвета кожи и языка, равными в правах, не забывая, понятно, что этническая принадлежность и гражданство, которые Чулаки то и дело отождествляет, не идентичны. Права гражданина одной страны на территории другой определяются соглашениями властей этих стран или их доброй волей. Не только выбор места жительства, но и получение за рубежом работы или медицинской помощи, возможность владеть предприятием, жильем, счетом в банке, и даже порой жениться. Разделение планеты на страны без всякой Вавилонской башни оказалось куда жестче разделения человечества на народы, и его трудно преодолеть, пока существует государство. До прихода к власти большевики обещали, что при них государство отомрет, а потом наращивали его роль во всех сферах жизни. Не стоит обольщаться, государственные границы не рухнут в одночасье. Но уж в пределах одной страны надо бы соблюдать равенство граждан в правах независимо от национальности, как, кстати, и записано в Российской Конституции.

Чулаки такое пожелание высмеивает как наивное. Он пишет: «в Ставропольском крае очень трудно объяснить, что преступники не имеют национальности, потому что повседневный опыт доказывает жителю станицы, что скот угнала чеченская банда и людей похитила – тоже чеченская». А ведь и жителю станицы из повседневного опыта известно, что против Чечни, желавшей отделиться, наш со станичником и Михаилом Чулаки президент начал войну, и не то что угнал стадо скота, а разорил до основания, людям нечего есть, у них семьи, дети, если их не поубивали, как у того же Басаева шестерых, и они стали добывать хлеб страшным и, конечно, преступным способом. Чтобы объяснить станичнику, что у преступника нет национальности, не надо ему внушать, что чеченцы - праведники, достаточно напомнить, как несправедны, как ужасны мы сами, и в какой мере виновны в нынешних чеченских преступлениях, да и в том, что ничего не сделано, чтобы чеченцы снова могли мирно добывать свой скудный насущный хлеб. А мог бы станичник и припомнить чувство,

которое он испытывал, когда чеченцев изгоняли, если даже сам не помогал их гнать. Вот ведь Баркашов-то еще когда вырос, задолго до словосочетания «лицо кавказской национальности». Кому же до кого расти? И стоит ли соревноваться в таком росте?

Мысль о неравенстве человеческих рас писатель доводит до принципа коллективной вины, по которому принадлежащие к той же нации, что преступник, если не виновны сами, то должны оставаться под подозрением. Вспомнив захват заложников матросами-дагестанцами на атомном полигоне Новой Земли, Чулаки продолжает: «даже если сказать, что они – просто преступники или психопаты, все равно, доверие будет подорвано ко всем их соплеменникам. Как брать в армию их братьев и земляков, зная, что в любую минуту те могут повернуть оружие?» Проблема серьезная. Я только не возьму в толк, почему Чулаки опасается поворота оружия лишь со стороны дагестанцев? Неужто не знает, что соплеменники большинства наших граждан в Великую Отечественную сформировали на немецкой стороне Русскую освободительную армию? Если, как учит Чулаки, невозможно брать в армию дагестанцев, тем более невозможно брать в армию русских. Чулаки про это молчит, видимо, соглашаясь, что за генерала Власова все русские не отвечают, но для дагестанцев, а тем самым и прочих инородцев, настаивает на противоположном.

Вообще, переходя от инородцев к русским, писатель круто поворачивает свои принципы. Не то чтобы он русских идеализировал, но все-таки, даже упрекая русских жителей Прибалтики в том, что они там жили, «высокомерно не желая изучать и даже понимать язык местных жителей», когда доходит до арестов, расстрелов, высылки в Сибирь этих самых местных жителей, не забывает подчеркнуть, что большинство тамошних русских «ни к какому террору отношения не имеет». Это, разумеется, чистая правда. Как раз в дни массовых арестов мне случилось быть в Риге, и жившие там русские, офицеры Советской армии, рассказывали мне о происходящем с ужасом. Но латыши-то не знают, что ответственность за соплеменников питерский писатель возлагает лишь на инородцев, и, как Чулаки на дагестанцев, косо смотрят на своих русских соседей, не столько из-за того, что те не выучили латышский, хоть и это не украшает, сколько помня дела их соплеменников. Всю статью пронизывает двойная система положенного и дозволенного: русским - одно, инородцам - другое.

Начав с возмущения нацизмом, подверстывая к нему любую национальную самозащиту, Михаил Чулаки сам проповедует основополагающее правило нацизма, - немцам один закон, а прочим – другой, да и закона не надо – обер-лейтенант разберется. Понятно, Чулаки дает такой статус не немцам, а русским. И, конечно, не вспоминает чьему примеру следует. Однако, не предлагает выносить сей статус за российские границы. Более того, в отличие от немецких нацистов и наших коммуно-патриотов, он готов отказаться от ряда земель, заселенных инородцами, чтобы спасти остальные как заповедник особых прав для русских. Не стесняя себя догмами он призывает не то что отпустить, что, конечно, правильно, коли те хотят уйти, но прямо-таки вытолкать

автономии, особенно нищего Северного Кавказа, если они не согласятся, оставаясь в составе России, довольствоваться культурной автономией.

С чего бы так? Чулаки объясняет: «За всеми без исключения южными границами России находятся бедные страны с агрессивно высоким уровнем рождаемости. У нас же громадные малозаселенные просторы. И все излишки населения, скопившиеся над нашими границами, готовы хлынуть на русские равнины, подобно древним потокам монголов или гуннов». И предсказывает, что Краснодарскому и Ставропольскому краям «при нынешнем положении вещей 20-30 лет для смены населения вполне хватит. А там на очереди и Ростовская губерния и Волгоградская. Сталинград от немцев отстояли (Я-то, дурак, пятьдесят два года прожил в уверенности, что его отстояли от фашистов, там ведь и итальянцы еще, и румыны были. П.К.) – удастся ли отстоять Волгоград от двенадцати тюркских, кавказских, да и персидских языков – это вопрос к истории грядущего века». И логический вывод: «Пока высшие власти не знают, что предпринять, пока нет в России национальной политики, баркашовцы там на кавказской естественной границе – страшно сказать! – реально противостоят ежедневному ползучему вторжению с юга, своими brutальными методами делая объективно нужное для страны дело». Вот мы и добрались до сути: **БАРКАШОВЦЫ... СВОИМИ БРУТАЛЬНЫМИ МЕТОДАМИ ДЕЛАЮТ ОБЪЕКТИВНО НУЖНОЕ ДЛЯ СТРАНЫ ДЕЛО.** Само собой, Чулаки оговаривает, что дело надо бы делать попристойней, но от «дела» не отступается.

Примечательно, что, вспомнив Якутию, писатель задумался, «принадлежат ли богатства недр всему государству или провинции, не желающей над своим золотом чахнуть, но спешащей сделаться Сахакувейтом? Русский дух при таком подходе, становится в Якутии совершенно излишним». И следует длинное рассуждение о недопустимости избрания губернаторов, берущих себе много воли, и необходимости их назначения президентом. Но причем оно тут? Якутия – не провинция, не губерния, а автономия, выбирает она себе не губернатора, а президента. Неужто и этого Чулаки не знает? Или, коль до золота дошло, можно и потерпеть инородцев, тем более, что золота в Якутии много, а якутов втрое меньше, чем чеченцев в Чечне. Авось, справимся!

Здесь неизбежно обнажается самое существо национальных противоречий, которое Чулаки старался не задевать. Но народ, живущий на какой-то территории, объединяют не только родство, история, песни и сказки. Люди должны жить, вести хозяйство, как вели испокон веку или поновому, но так или иначе хозяйство сказывается на их личных судьбах, которые они защищают сообща. В составе федерации или вне ее, опора национального существования в самостоятельном хозяйстве. Народам, как и отдельным людям, иначе трудно выжить. А какая же опора, если хозяйственные нормы и нужды целых народов десятилетиями определяли в далекой Москве люди, местных жителей часто в глаза не видавшие и не знающие, как они добывают свой хлеб? О депортациях мы хоть вспоминаем, а о том, что советская власть разрушила хозяйство жителей Кавказа, конечно архаическое, а никаких условий, чтобы хозяйствовать

иначе, не создала, начисто забыли. И ведь от вымирания их спасла как раз мусульманская рождаемость, в которой Чулаки усмотрел новую атомную бомбу. Деторождение – орудие не агрессии, а национальной самозащиты, и именно она Чулаки страшит.

Централизованное наднациональное управление хозяйством разрушило даже относительную самостоятельность национальных хозяйств, и этим, вопреки ожиданию, способствовало не созданию единого советского народа, а центробежным устремлениям многочисленных советских народов. В тоталитарно обработанных головах объединение мыслится лишь как слияние, как утрата самостоятельности, утрата даже права голоса при решении собственной судьбы. В итоге демократические страны, сообразно с нуждами собственных экономик, создают союзы, а там, где тоталитарные навыки не преодолены, принудительные союзы распадаются. В самодержавии центра главная причина бед и Советского Союза, и России, и раздирающих нашу страну национальных раздоров. Но Михаилу Чулаки непомерная уже по Конституции власть Ельцина кажется еще недостаточной. Он хочет большего централизма, он жаждет отнять у автономий жалкие остатки хозяйственной самостоятельности, да и с чего бы, если не из тяготения к самодержавию, говоря о нацизме, о национальных проблемах, так ополчаться на выборность русских губернаторов? Защита централизма Баркашовым, видимо, тоже «объективно нужное дело», пусть это не акцентируется.

Автономию Чулаки допускает лишь культурную, хотя легко себе представить и ныне жалкие культурные возможности, если самостоятельных экономических источников в национальных республиках не останется. Иностранцы исчезнут без новых депортаций, но не просто растворятся, а, утратив прежнюю культуру, станут числиться неполноценными носителями воспринятой, и всегда их и их детей будут этим попрекать. Моих, ассимилированных в четвертом поколении, попрекают. Сам Чулаки уже гневается, что «в Москве то ли полмиллиона азербайджанцев, то ли уже миллион», но не задается вопросом, какая их часть давно обрусела?

В другом месте статьи он с пылом истинного демократа восклицает: «все люди, кто от рождения впитал русский язык и русскую культуру – русские» и обличает фашистов, проверяющих состав крови, но к большинству московских азербайджанцев свое восклицание не прилагает, - у нас без анализа крови, по лицу, выбраковывают нерусских. И ведь в любезном ему Краснодарском крае пуще, чем кавказских мусульман, клеймят евреев, которые и заложников не берут, и стада не угоняют, и как раз от рождения впитали все, что требует Чулаки, а батьку Кондратенке да местным баркашовцам не по нраву, и все тут. У них свой способ определять, кто русский, и куда более прекраснодушные, чем надежды Ганди на мир, советы Чулаки их не переубеждают.

Но они, разумеется, оценят, что глава Союза писателей Санкт-Петербурга, того самого, который в качестве демократического некогда откололся от бондаревского Союза писателей России, да к тому же еще Председатель комиссии по правам человека Санкт-Петербурга, признал их

дело объективно нужным стране. Уж не знаю, называть баркашовское дело фашизмом, коммунизмом или нацизмом, но именно его объявил нужным России Михаил Чулаки в «Звезде». А это нечто совсем иное, чем если бы он напечатал все то же самое в «Нашем современнике».

Я отнюдь не думаю, что Михаил Чулаки сознательно стал баркашовцем, даже, - если такое возможно, - баркашовцем с человеческим лицом. Мне кажется, он просто не сознает, что пишет. Я, опять же, не думаю, что соредакторы «Звезды», Андрей Арьев и Яков Гордин, сознательно предоставили страницы журнала с демократической репутацией нацистской пропаганде. Мне кажется, они просто не сознают, что печатают. Я не допускаю, что редколлегия «Звезды», в которую входит ряд уважаемых людей, хотя бы отчасти разделяет мысль о том, что баркашовцы делают нужное стране дело, а не позорят ее и не уничтожают самую возможность возрождения России. Если, однако, уважаемые члены редколлегии, прочитав Чулаки, не выразили публичного протеста, мне кажется, им просто недостает чувства ответственности за то, что печатается с их пусть молчаливого, но согласия. А это куда тревожнее, чем выходы Макашова или красноречие газеты «Завтра».

Макашов командовал отрядом, штурмовавшим Останкино, чтобы закрыть клапан гласности, - чего от него ждать?. Известно, чего ждать от Зюганова и Лукьянова, от Ельцина и Примакова, от Лужкова и Жириновского, они нас давно не удивляют. Но если люди, слывшие демократами, пишут и печатают, что Баркашов полезен стране, пусть даже «объективно», если к нему потянуло, пусть на уровне бессознательного, людей, искренне считающих себя демократами, отдадим себе, по крайней мере, отчет, что фашизм, коммунизм и нацизм, овладели важным, если не решающим, рубежом.

ОДЖАЛАН И ПИНОЧЕТ

Судьбы двух человек побуждают мир, и особенно Европу, призадуматься, в чем состоит правосудие. Люди они разные, но симпатии и антипатии к обоим одинаково проистекают из политических взглядов. Правосудие нынче, как по Клаузевицу война, – продолжение политики другими средствами. Подручные Оджалана погубили чуть не тридцать тысяч, подручные Пиночета поменьше, около трех тысяч, но даже исполнение одного, вынесенного с соблюдением всех процессуальных норм, смертного приговора Европа ныне осуждает, а уж Пиночет и Оджалан процессуальных норм не соблюдали. Оба - явные преступники.

Иные признают, закон нарушался, но ради высокой цели. Пиночет, говорят одни, спас свою страну от коммунизма и нищеты. Дело хорошее. Оджалан, говорят другие, боролся за свободу, как минимум, десятимиллионного курдского народа. Тоже хорошее дело. Но политики всегда хотят как лучше. И определять меру преступности по провозглашенной или даже достигнутой цели, как раз и значит свести правосудие к политике. Ленин свел к политике даже нравственность, открыто объявив нравственным все, что выгодно победе коммунизма. Одни,

разделяя цели коммуниста Оджалана, по-ленински требуют его оправдания. Другие, так сказать, ленинцы наоборот, точно так же верят, что нравственно все, что служит ликвидации коммунизма, и, разделяя цели антикоммуниста Пиночета, велят считать его безгрешным. Но цели наших преступников противоположны, где же искать судей, способных объективно судить о делах обоих?

А судьи кто? Вопрос великого русского поэта Александра Грибоедова остается актуальным. Испания жаждет судить Пиночета, поскольку испанцев, приехавших в Чили строить коммунизм, убивали наравне с чилийцами. Но она не требует к ответу советских начальников, по приказам которых убивали испанцев, спасавшихся в СССР от Франко, а их убили побольше, чем в Чили, и, в основном, левых, социалистов, коммунистов. Выходит, коммунисты вправе убивать других коммунистов и, тем более, других левых, и левые испанские судьи смотрят на это сквозь пальцы. Более того, их не волнуют даже испанцы, убивавшие испанцев при Франко. Испания встала на путь национального примирения. Прекрасно. Но именно Испания не хочет признать, что у Чили тоже есть право на национальное примирение. Я держусь того мнения, что Пиночета надо судить, но только непременно в чилийском суде, по месту преступления. Он соседей не трогал, этнических чисток не проводил, и на заграничный суд не тянет.

Оджалана уже осудили на смерть. Но осудил суд Турции, которая как раз проводит в Курдистане этнические чистки, почти как Милошевич в Косове. Если в Турции власти и словечка хоть о какой-то автономии курду сказать не дают, и никакой курдской речи, кроме бомб, не слышат, не удивительно, что курды горой стоят за преступника Оджалана, держат его за национального героя. Одно дело, итальянские «Красные бригады», имеющие возможность предлагать избирателям свои альтернативы, но предпочитающие бомбы, - они преступники и только, и совсем другое - огромный народ, не имеющий, кроме бомб, никакой возможности подать голос. Я отнюдь не считаю, что в подобном случае террор дозволен. Террор - всегда преступление, тем более, что ныне он обычно направлен против ни в чем неповинных, случайных людей. Но вина за курдский террор не только на главаре террористов, но и на главе Турции и всей ее верхушке, создавшей ситуацию, в которой преступный террор - единственное средство борьбы против преступного геноцида.

Если Европа уже не понимает, что Пиночета судить надо, но только в Чили, что Оджалана судить надо, но вместе с инициаторами и исполнителями антикурдских зачисток, значит величайшее достижение Европы, правовое сознание, рушится. Люди рассуждают о справедливости, исходя для Испании из одних норм, для Чили - из других, для Турции - из одних, для Курдистана - из других. Но при этом хотят, чтобы Испания судила чилийца, а Турция курда, хотя Пиночет никого не убивал в Испании, но только в Чили, а Оджалан убивал и за пределами Турции, что - чистое преступление, тогда как в Турции, хоть и преступная, но самооборона курдского народа от геноцида. Обоих надо судить, но независимо от их

взглядов и целей, помня и преступные действия и привходящие обстоятельства.

Между тем, не то что политизированная юстиция, но, вообще, никто, ни на западе, ни на востоке, не ищет справедливости разом для обоих, а для начала надо бы выдать Пиночета чилийскому демократическому государству и отменить смертный приговор Оджалану, как раз его передав международному суду, поскольку Турция не готова судить его, признавая собственную долю вины. А покамест выходит, что авторы обращений только против Пиночета или только против Оджалана, или за одного из них, хотят не суда, а расправы. Как видим, дело Ленина живет не в одной России.

РОССИИ ГРОЗИТ НЕ РАСПАД

Двадцатый век перевернул понятия. Многие изменилось, но зовется по-прежнему, а неизменное тоже зовут по-прежнему, и не отличают одно от другого. Так вышло с понятием «национализм». В средневековье его не знали. Национализмом началась новая Европа: голландцы не хотели оставаться под властью феодальной Испании и создали независимое государство. То была первая национально-освободительная война, она и сделала общество голландских «сепаратистов» образцом будущего. Не зря герои той борьбы, граф Эгмонт или Тиль Уленшпигель, популярны не только в Голландии. Три века спустя стал популярен Джузеппе Гарибальди, борец за объединение Италии, раздробленной и стонавшей под властью австрийской империи. А нынче националистами кличут во Франции Лепэна, а в России Баркашова и Макашова – людей совсем другого толка. Неужто Гарибальди не рождаются?

Прежде национализму противопоставляли космополитизм, интернационализм, держа их за синонимы. Маркс, основатель Интернационала, называл себя космополитом, гражданином мира. Его последователи, советские коммунисты, противопоставили плохому космополитизму хороший интернационализм. Но и это понятие перевернули. В Литве мне давно объяснили его новый смысл: интернационалист – тот, кто знает один язык - русский, а националист – тот, кто знает хотя бы два - русский и литовский. Появились воины-интернационалисты, так именовали солдат, оружием устанавливавших в других странах порядки, желанные нашей. «Пролетарский интернационализм» в устах советских коммунистов стал псевдонимом великодержавного шовинизма, того самого, уже не защитного, а агрессивного национализма, который Баркашов и Макашов ныне проповедают не таясь.

Заселенные земли покоряли издавна. "Потонула Русь в мордве и чуди" писал Блок, а на деле мордва и чудь потонули в наплывшей на них Руси. Не только о приокских землях, куда Русь стала сдвигаться чуть не тысячу лет назад, но и о приневских, куда она хлынула всего как лет триста с небольшим, никто уже не спорит, их жители,- быть может, потомки все той же "чуди белоглазой",- по-преимуществу и сами считают себя русскими, и

они правы, народ держится не единством племенного происхождения. Но бывает иначе. Африканцы за неимением общего языка часто объяснялись друг с другом по-английски или по-французски, но, живя в Африке, британцами или французами себя не считали. Они хотели независимости для колоний, в которых жили, и после войны с Гитлером, англичане и французы с этим соглашались. Там тоже кто-то оплакивал империи, но вести себя разумно помогало не только сознание права других людей жить иначе, но и ощущение сохранности того, что дороже завоеванного.

Четко зная, что Сенегал их колония, французы ощущали, что Франция, и без Сенегала, – их драгоценное отечество. Как ни парадоксально, отпустить желавшие того колонии, европейцам помог патриотизм, подразумевающий и нежелание жертвовать своими сыновьями, чтобы удержать чужую землю. Ныне англичан не смутило, что Шотландия восстановила отдельный парламент. Никто, ни на улицах, ни в газетах, особо не волновался. Понятно почему: Европейский союз, в который вошли и Германия и страны, противостоявшие немецкой агрессии, сулит, что национальная самостоятельность будет не помехой, а опорой добрым межнациональным отношениям. Если, конечно, удержатся от шовинистических претензий и наладят равноправное сотрудничество в интересах каждого.

В самодержавной России не помнили, что Варшава, Гельсингфорс, Ташкент, Рига, Тифлис, и даже Киев, это центры российских колоний, все это считалось Россией, и поскольку в 1917 мы не простились с самодержавием, а только сменили его окраску, этого не помнят поныне. Для коммунистов, бывших или нынешних, даже признавших развал СССР, Россия это все еще РСФСР. Если на фоне былой советской унитарности и желание русских субъектов федерации самим решать свои дела воспринимается как сепаратизм, аналогичные требования национальных автономий и вовсе выводят Москву из равновесия. Только и слышно: отпусти одного, и Россия развалится на пятьдесят с лишним государств. Словно без держащих в повиновении внутренних войск, – не случайно они есть только у нас, – никакой России не будет. Но это неправда, во-первых, русские дорожат единством русских областей не меньше, чем немцы единством германских, а, во-вторых, и в национальных республиках захотят отделения только если автономию отнимут, как Милошевич у Косова, или станут очищать землю от местных жителей, как Ельцин с Путиным Чечню от чеченцев. Наличие внутренних войск рождает чувство подневольности, и уже это подрывает единство страны.

Трагедия России в том, что патриотизмом у нас именуют не привязанность к земле пращуров, а желание примыслить чужое. Вступление русских солдат в Будапешт при Хрущеве, или в Прагу при Брежневле считалось патриотическим подвигом. Патриотическое воспитание у нас было вытеснено военно-патриотическим, внешний патриотизм колющего штыка заслонил внутренний патриотизм сочувственной помощи. Двадцать с лишним миллионов русских, которых коммунистическая партия и советское правительство семьдесят лет

посылали русифицировать республики, остались за пределами России, и не всюду чувствуют себя в безопасности. Но ни наши официальные власти, ни общественные организации, не помогают желающим вернуться на родину, как Германия помогает пострадавшим от "пролетарских интернационалистов" за то, что они немцы, предков которых приглашала Екатерина.

Различить защитный национализм и агрессивный шовинизм нетрудно: первый уважает право и других народов на самозащиту, а второй склонен к этническим чисткам, если не к газовым камерам. Наши власти не любят, когда наш великодержавный шовинизм равняют с гитлеровским, а сами легко отождествляют защитный национализм с нацизмом. А ведь "нацизм" – это сокращение от "национал-социализм", и именно социалистическая тоталитарность привела немецкий национализм к государственному шовинизму, в каковом ни Гарибальди, ни Массарик, ни даже Бисмарк, не замечены.

В довоенном Крыму меня в детстве поражало разноязычье – кругом говорили по татарски, по-гречески, по-болгарски, по-еврейски, по-русски. После войны я увидел Крым только в 1960, вдоль дороги к морю были указатели по-английски и по-украински, но говорили уже только по-русски. Раньше несколько народов вперемешку жили на единой территории, теперь территорию делали национально однородной. Русские коммунисты это не сами придумали, они выучились у немецких национал-социалистов. Но и противоположный призыв "без России, без Латвий, жить единым человеческим общежитием" привел к тому, что комендантом общежития стала Москва, и не только латышам, но и русским это вышло в Латвии боком.

После зловещего перерождения "пролетарского интернационализма" стоит трезвее судить о национализме, который помог уцелеть и развиваться и голландскому, и итальянскому, и немецкому, и польскому и чешскому и другим народам Европы. Не клеймить национализм вообще, а видеть его защитную роль, не забывая о грани, за которой и он порой перерастает в шовинизм по отношению к другим. И с той же решимостью, с какой мы вчера отвергали ущемление сербами прав албанцев, отвергать сегодня ущемление освобожденными албанцами прав сербов. Но не зря после войны ради защиты прав и свобод немцев надо было недвусмысленно осудить национал-социализм, партию, вождей и деяния, совершавшиеся от имени немецкого народа, чтобы и немцы, не склонные к самообману, увидели правду. Знать ее полезно не только тогдашним немцам, но и нынешним сербам и русским, от имени которых тоже совершаются преступления.

Русским при кончине СССР нередко казалось обидным, что другие отделяются. Многие говорили: мы тоже не были свободны. Это правда, но, ради ее полноты, не забудем, что одни все же были первыми среди равных, а другие подвергались депортации по национальному признаку, геноциду, и сверх общего бесправия терпели еще и национальное неравенство, которое не кончилось, даже стало откровеннее. Оно и возбуждает национальный сепаратизм.

Если над Россией висит угроза, то не распадается. Ей трудно отпускать колонии, которым она не вполне метрополия, - метрополией советской империи была и осталась Москва, да и то в пределах Садового кольца и нескольких заселенных начальством улиц. А Россия, не только нерусская, но и русская, - ее колония. России грозит не распад, ей грозит и дальше под знаменем великодержавного патриотизма самой быть колонией начальства. А чтобы она это покорно терпела, на разный лад объясняют, что зло от нерусских, от их стремления к сепаратизму. Помочь тут может лишь русский защитный национализм, мирный патриотизм, отличающий родину от империи, дорожащий отечеством без Сенегала. После смерти Сахарова голос этого патриотизма едва слышен. А если и вовсе заглохнет, - страшно будет за Россию.

УРОЖАЙ ВООБРАЖЕНИЯ

Когда открылось, что западные деньги, текущие в Россию, не долго там пребывают, а возвращаются, сменив в дороге владельца, Стрп Тэлбот, вдохновитель помощи России, счел нужным объясниться. Признав, что и коррупция, и бесхозяйственность, и безответственность, и прямая преступность в России наблюдаются, он сказал: "Но зато..." И объяснил, что Россия теперь демократическая, дружественная западу, страна, и стала такой благодаря щедрой помощи.

Как славно в самом деле вышло! Чуть не полвека боролись с агрессией коммунистической Российской империи, назвавшейся СССР. Войну именовали холодной, но сбились со счета ее горячих точек. Кризис был и берлинский и кубинский, войска входили и в Будапешт, и в Прагу и в Афганистан. Про Израиль объяснять не надо, дальновидный Примаков давно этот Израиль разоблачил, и Россия, то бишь СССР, официально и знать его не хотела. И вдруг со всех сторон поют, что холодная война окончена, что запад в ней победил, и Россия уже не серый волк, а девочка, которой надо помогать. Сюжет жалостливый, запад с его великодушием и готовностью помочь вчерашнему врагу выглядит дивно, где уж разбираться, что тут правда, что нет. На этой сказке и сделал карьеру Тэлбот.

Между тем, не так все просто. Даже сказать, что холодная война кончилась, не совсем верно. Может, и поутихла, и запад ее прекратил, и не так часты демонстративные развороты лайнера того же Примакова, уже в качестве премьера, узнавшего в воздухе, что его друга Милошевича, гонителя албанцев, хотят приструнить. Но вообразить запад победителем в холодной войне можно лишь очень плотно закрыв глаза.

Оно, конечно, советская хозяйственная система не выдержала гонки вооружений. Но СССР уже в избытке обладал межконтинентальными ракетами с водородными бомбами и не один раз мог уничтожить остальной мир, что гарантировало от западного нападения, не говоря о том, что вероятность его при тамошней политической системе ничтожна. Погоня за перевесом над взятым вместе остальным миром - обычное безумие советского волюнтаризма. Безоглядная коллективизация в свое время тоже чуть не развалила режим.

Тут заслуги запада нет никакой. К тому же, уйдя из Восточной Европы, из Афганистана, из Прибалтики, ослабив свои позиции в других республиках, Москва стала получать от запада помощь, как бы репарации. При Ельцине запад стал терпим к делам, шумно осуждавшимся при Брежневле. А основу своего вооружения Россия уберегла, и даже ранее заключенный договор ОСВ-2, ратифицированный США, не ратифицировала.

Внутренние перемены тоже относительны. Некоторые административные, то есть проще всего восстанавливаемые, абсурды, отменены. Упростился выезд за границу, эмиграция. За критику президента не сажают, За чтение и хранение книг тоже. Это сильно облегчило многим жизнь. Но на вопрос, что же вам больше нравится, прежний социализм или нынешний капитализм, приходится отвечать: а мы никакого капитализма не видали! Старое хозяйство развалилось, но порядок, какой был, такой и есть. Одно только, что начальство стыд потеряло, прежде воровало тайком, а нынче у всех на виду. Да и начальники те же, только в чинах продвинулись. Преимущества нынешнего режима - во временном отказе от отдельных пороков прежнего, сам он ничего хорошего не принес.

В Россию потекли деньги, чтобы, как уверяют, ей помочь. Надо ли было и надо ли сегодня России помогать? Но что звать Россией, власть или людей? Если людей, то им помогать необходимо. Не только семьдесят с лишним лет советского хозяйствования, но и само его крушение, повергли десятки миллионов в крайнюю нищету. Как, однако, донести до нуждающихся иностранную помощь? Тэлбот и его единомышленники положились в этом на российскую власть, отождествили Россию с ней. Мало того, что часть помощи уходит, вообще, неизвестно куда, не очень ясно, на что идут западные деньги, доходящие до бюджета. На войну в Чечне? На поддержание военной и прочей государственной промышленности? На содержание циклопического государственного аппарата? Но тогда западная помощь укрепляет лишь государственно-монополистический хозяйственный диктат и авторитарность, а вовсе не демократию.

Другой американец, Джордж Сорос, оказывает личную помощь России более здраво. В частности, помогая выжить, он ежемесячно дает по сотне-другой долларов немалому числу профессоров и школьных учителей. Индивидуальный характер помощи позволяет людям России трудиться на благо своей страны, независимо от безучастной к нему власти. По этому примеру строить бы и остальную помощь, тратить бы ее на минуящую казенный аппарат надбавку к грошовым пенсиям, чтобы поднять их до прожиточного минимума, на содержание больниц и врачей, на трудоустройство офицеров, увольняющихся из армии. Это бы укрепило нашу демократию. Отчаявшиеся люди, обретя гарантию скромного существования, могли бы думать о лучшем будущем для себя и страны.

Но запад персонифицировал демократию, сочтя Ельцина ее единственно возможным воплощением и "гарантом", и мир внемлет этой басне. Совет Европы колебался, принимать ли в свои ряды Россию, законы которой предусматривают смертную казнь для убийц. Но он не осудил

проводимые Россией вопреки всем законам массовые убийства ни в чем не повинных детей и старух в Чечне. Не говоря о принуждении сотен тысяч бежать из дому, одного многодневного перекрытия беженцам прохода в Ингушетию и стояния тысяч людей под открытым небом на голой земле, где на глазах у всего мира то один, то другой, то третий умирает, и нет этому конца, хватает, чтобы предъявить Ельцину и Путину обвинение в преступлении против человечности. Но прокурор Карла дель Понте, превосходно квалифицирующая поступки Милошевича, набрала в рот воды.

Беда не только в очевидном попрании Европой и Америкой нравственности, якобы отличающей их от "варварской" России. Беда в том, что помогая не людям, а государству, единомышленники Тэлбота мешают людям самоопределиться и выбирать будущее не только между переодевшимся коммунистом Ельциным и разоткровенничавшимся коммунистом Зюгановым. О, конечно, в свободном выборе между тоталитарным, авторитарным и либеральным правлением есть риск. Но разве его меньше, когда вместо граждан выбор совершают правители? И, главное, граждане могут предпочесть и либеральное правление, к чему правители, увы, не склонны.

Уверенности, что на смену прикровенному национал-социализму советского образца не придет национал-социализм вполне откровенный быть не может. Нынче шумят об участии в выборах движения "Спас" во главе с известным Баркашовым, без помех действующего легально. Но помалкивают о движении во главе с Лужковым, действия и суждения которого по отношению к "лицам кавказской национальности", вполне отвечают программе Баркашова. При демократии Ельцина и Зюганова, Лужкова и Баркашова в равной мере порочат или не порочат их слова и дела. А у нас дают команду свыше, кого из фашистов считать фашистом, а кого – демократом. Есть партии и движения, спешащие править страной по зову президента, - Чубайс именует такие партии ответственными. А другие ждут, чтобы им дали мандат избиратели, и отвергают зов президента, слова и дела которого противоречат их убеждениям, - таких, шибко принципиальных, Чубайс именует безответственными.

Зарубежным доброжелателям тоже стоило бы не совершать за нас персональный выбор политиков, а отстаивать нормы. Каждая страна, не только наша, должна знать, что отходя от либеральных норм, попирая человечность, она потеряет и уважение и поддержку других. Конечно, проще услужать Ельцину, чем служить либерализму. Но уже блестящий скачок на аэродром в Приштине показал, что Ельцин непредвосхитим, и никто не знает докуда дойдет. А по Тэлботу и его покровителю Клинтону дружить с Россией, преступающей все соглашения и нормы, куда важней, чем защитить эти нормы

Защитить, разумеется, не силой оружия, а нравственной твердостью во взаимоотношениях. Холодная война, если что и принесла, так понимание того, как опасно сорваться в горячую, тем более, что опасность возрастает. В дни берлинской блокады, когда в узких проходах над советской оккупационной зоной десятки самолетов перевозили в

западную часть города грузы, которые не дали провезти по земле, Джон Фостер Даллес вымолвил: "Я надеюсь, господин Сталин сознает, что один сбитый самолет означает мировую войну". Но не был сбит ни один самолет, хоть глядя, где они пролетали, трудно понять, как избежали случайностей. Что их необходимо избежать, Сталин понял не потому, что был менее непредвосхитим, чем Ельцин, а потому, что знал за другой стороной чувство реальности. Тем более оно надобно нынче, чтобы не поощрять воскресающую воинственность обещаниями помощи в любом случае.

Кризис коммунизма не облегчил покамест жизнь в России и не избавил запад от новых опасностей, поскольку и на западе, одурманенном мнимой победой в холодной войне, не стало чувства реальности.

ЗА КАМЕННЫМ ЗАНАВЕСОМ

Берлинская стена стояла двадцать восемь лет. Она материально воплотила метафорический железный занавес, за пятнадцать лет до нее, по слову Черчилля, разделивший Европу, проведшую, таким образом, в разделении сорок три года. Многие сетуют, что за десятилетие без стены, надежды, связывавшиеся с ее падением, сбылись лишь отчасти или не сбылись вовсе, и так оно, конечно, и есть. Но предшествующие ему годы вспоминают немногие. Вот разве британское телевидение показало фильм, в котором числящийся либеральным российский комментатор Владимир Познер на английском языке с американским произношением объяснял, что по обе его стороны занавеса было много плохого. Конечно, не только к востоку от занавеса, но и к западу, жизнь была далеко не идеальной. Однако, ни популярный россиянин, ни его левая американская собеседница, не вспомнили, кто построил стену, не вспомнили, что люди из-за занавеса бежали только в одну сторону – с востока на запад, и стреляли в убегающих только с одной стороны. Разницы между сторонами как бы не стало, и даже не было. А помнящим о ней, помнящим, от чего люди тогда бежали, легче понять, почему за десять лет не всюду и не вполне преодолено вросшее за сорок три года, а если не упускать и Россию, то аж за семьдесят с гаком.

Не о разорении деревни или о лагерях, не о выселении народов и ликвидации книг, не о десятках миллионов погубленных жизней, хочу я напомнить. Да и не думаю, что эти ужасы - первопричина нелегкой судьбы, какою ныне в большинстве влачат люди России и многие в освободившихся от ее власти странах. Наши ужасы, сказавшиеся на всем другом, сами, прежде всего, плоды противоестественного хозяйствования, навязанного коммунистами народам и странам. Эта противоестественность со всеми своими плодами и вынуждала людей спасаться тогда и мешает жить поныне.

Испокон веку люди в поте лица добывали хлеб насущный. Кто буквально пахал свой надел, кто шел на фабрику, а ныне, в век все возрастающего разделения труда, какая только работа не оплачивается. Бывали, конечно, времена, когда с трудящимся человеком обходились как с

рабочим скотом, и не только в Греции или Риме, но еще в прошлом веке на земле российской и американской, ему не платили. Но все же хозяйства там вели по-отдельности, и тяжкая повсюду участь рабов, не всюду была одинакова. Иной рабовладелец их щадил, даже не из гуманности, а потому что не было денег других купить. Но создать единое внеэкономическое хозяйство для всей страны и даже целого ряда стран дерзнули только коммунисты.

Почти сразу обнаружилось, что и совещательный голос остался в этом хозяйстве не у всех людей, и не у всех народов, и мечта Маркса, что коммунизм станет практическим гуманизмом, тут же и лопнула. Он, напротив, оказался самым антигуманным порядком, и не потому, что подобрались лидеры кровожаднее других, а потому что отдельный человек в необъятном хозяйстве ничего не значил. "Незаменимых людей нет" учили большевики, а это означало, что хоть и не обязательно сразу всех расстреливать, но можно запросто не считаться с людскими нуждами. А потому и хозяйство вели не затем, чтобы удовлетворять эти нужды, то есть, как учат в теории, чтобы отвечать на спрос предложением, а из высших соображений. Вот общество и переменялось.

К западу от занавеса буржуй, по теории, присваивал прибавочную стоимость, созданную рабочим. Но никто не отрицал, что и прибавочную стоимость, и ту, которую он возвращал рабочему в качестве зарплаты, и компенсацию стоимости оборудования и сырья, буржуй получал лишь в оплату за некий произведенный и проданный товар, и это его вынуждало сводить концы с концами, - иначе разоришься. Коммунистическое хозяйство опиралось на штыки и не боялось разорения, а товары производило в ответ не на платежеспособный спрос, а на спущенные сверху плановые задания. Из тех же соображений оно во множестве создавало новые заводы и фабрики. Видней всего это на производстве оружия. Задумали держать в три раза больше ракет, чем у американцев, и сделали. Такая система командовала не только обороной, конкуренции не было, и всеобщая монополия, в экстазе слившись с государственной властью, вела от Чехии до Камчатки неэквивалентный обмен.

К счастью или к несчастью, плацдармом социализма стала не нищая Япония, способная кормиться только трудом, а безмерно богатая Российская империя, и сочтенными необъятными ее ресурсами, людскими и сырьевыми, до поры компенсировали неэквивалентность обмена, и в более важных сферах платили за труд на уровне прожиточного минимума, а то и повыше. Ресурсы истощались и дорожали, но, в отличие от буржуа, и на пальцах сопоставлявшего приход и расход, социалистический бюрократ даже с компьютером делать это мог лишь на глазок, поскольку в общем хозяйстве, не знаящем конкуренции, у прихода и расхода, у непредвосхитимых утрат и упущенных приобретений, нет объективных мерил. А трудящиеся трудились и ожидали, что государство будет, как обещало, о них отечески заботиться, даст хотя бы жилье и еду.

Государству это было все трудней. Не стало крестьян, чтобы отбирать хлеб, колхозное производство за пропорциями роста городского населения поспеть не могло, все больше тратили на вооружение и армию,

да и личные потребности социалистического бюрократа. - в отличие от буржуйских, не соотносимые с конкретными доходами фирмы, а удовлетворяемые государством за верную службу, - росли, и кризис нарастал. Когда рабочие Гданьской судовой верфи впервые в истории потребовали, чтобы государство, назвавшееся рабочим, выполняло обязательства, они, возможно, верили, что для этого довольно Ярузельскому или, на худой конец, Брежневу распорядиться, а ни тот, ни другой не могли изменить структуру хозяйства, они могли только стрелять или не стрелять. Обнажив это, польские рабочие показали миру, что ведение хозяйства общим социалистическим котлом неэффективно.

Шар, который толкнул Валенса, покатился, Горбачев начал перестройку, рухнула берлинская стена, распались Варшавский договор и Советский Союз, и Россия даже объявила себя демократической. Тут и открылось, что, как особый общественный строй, социализм не просто бесчеловечен, не просто неэффективен, но не дает никому самостоятельно жить, не терпит отдельного существования. Даже и получив свободу, социалистические предприятия, соревновавшиеся лозунгами, как правило, не смогли соревноваться с другими ценой и качеством товаров. А исправлять положение было легче там, где и прежде сильнее дорожили отдельностью.

Через десять лет Венгрия, оттаивавшая себя с оружием в руках, и Чехия, оттаивавшая себя мирно, и давшая последний толчок Польша, хоть Гданьской судовой верфи нет прежнего применения, в целом выглядят сегодня лучше других. В восточной Германии недовольных больше. Западные братья кидают на восток бешеные деньги, бывшая ГДР потребляет в полтора раза больше, чем производит. Но наладить производство, способное выдержать конкуренцию западных братьев на внутреннем рынке, там тяжело, и десяти лет для этого мало. А вся штука в том, чтобы жить своим трудом.

В России и Украине это не получается. Не потому, что наши люди ленивей. или глупей или менее квалифицированы. Ничего подобного. Но у нас отдельное хозяйство больше, чем даже в Болгарии, стреножено. Кажется, что социализма стало меньше, поскольку государство цинично отреклось от обещанных им социальных гарантий, фактически сократило пенсии, бросило на произвол судьбы здравоохранение, но на деле у нас все еще социализм, потому что хозяйством по-прежнему правит государство. Вместо свободы у нас приватизация по Чубайсу или губернские концерны по Лужкову, сохранившие все рычаги в руках власти.

Бывшей ГДР и даже Венгрии, Чехии и Польше нехватило десяти лет, чтобы преодолеть разрушения понятий и навыков, шедшее сорок с лишним лет, но, как говорил Горбачев, процесс пошел. А в России и Украине он по существу еще не начался и начинать его сегодня неизмеримо трудней, чем было бы в 1989 или 1991. Головы российских начальников заняты не тем, чтобы люди могли работать и зарабатывать, а тем, чтобы не разучились повиноваться высшему начальству. Его забота – борьба с сепаратизмом, и она впрямь альтернативна преобразованиям. Если бы у нас хозяйство отделилось от государства и в стране были сотни

тысяч независимых от произвола властей и ограниченных лишь законом ферм и фабрик, стремление к политическому обособлению стало бы не столь острым, и, быть может, даже Чечня держалась бы за наш общий рынок, просто потому, что на другой, как видим, и бывшей ГДР пробиться не легко. Но чтобы это вышло, надо уйти Ельцину и Зюганову, Примакову и Путину, и их соратникам, закусившим удила и уже не способным понять главное, что даже Брежнев с Ярузельским, хоть и далеко не сразу, начали усваивать: лучше не стрелять.

Берлинская стена рухнула, открыв ход к нормальной жизни, которую можно устроить и в своей стране. Одни так и поступили, а другие упустили возможность. Вот об этом, а не о былом ликовании, и надо сегодня думать.

ПЛОДЫ НЕПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ

Уверяют, что Русь исстари живет не правом, а правдой, то есть нравственностью. Оттого, говорят и дожила до наших дней, хоть дожили и другие страны, у которых и с правом и с правами получше, и живут там не хуже нас. Но и у нас не так сперва было плохо. Еще в Киевской Руси сложилась "Русская правда", первый отечественный закон, фиксирующий общественные нормы и наказания за их нарушение. Наши предки тоже знали, что право – неременная принадлежность государства. Это нам нынче невдомек, что государство без права - мафия.

А пренебрежение к праву пошло от того, что обретшая независимость Москва, сделав большое дело - объединив русские земли, принялась за покорение чужих, а русских крестьян ради этого обратила в крепостных. У крестьянина не было правовой защиты от барина, он мог надеяться лишь на его доброту и другие нравственные качества. Вот и стали врать, будто русский крестьянин правовой защиты и сам не хотел. Но не хотела ее власть, исполнительная и законодательная разом. А где нет разделения властей, нет и места для права.

Традиции самодержавия у нас поныне живы, но не стоит, как практикуется, объявлять их национальной особенностью. В Персии или при наших бывших колонизаторах, монгольских ханах, бесправия было не меньше. Не надо путать русский народ с русской властью, которая, не являясь представительной, представляла его лишь в роковые часы. Герои Бородине шли в бой за царя, а герои Сталинграда с именем Сталина, но едва завоеватель был повержен, единство кончалось, подпоручик Трубецкой становился декабристом и потом каторжником, а капитан Солженицын – зэком.

Явлинский верно говорил, что непредсказуемость нашего президента опасна. Только беда не в характере Бориса Николаевича, - в бытность Первым Секретарем обкома он умел держать свой характер на привязи. Но у нас по Конституции президент наделен властью, какой ни один демократический президент не обладает. А, как известно: всякая власть развращает, абсолютная власть развращает абсолютно. В Америке президент сам возглавляет правительство, оно и есть "администрация

Клинтон", и не на кого ему свои промахи валить. А наш, получив по Конституции сверх меры, уже и со скромнейшими ее требованиями считаться не желает. Пункт 4 статьи 11 о его правах при назначении Председателя Правительства гласит: "После трехкратного отклонения представленных кандидатур.... распускает Государственную думу и назначает новые выборы". О кандидатурах не зря сказано во множественном числе, - законодатель, дав президенту непомерную власть, все же подумал о гражданском мире, ради которого роспуск Думы допускается, только если она упряма и отвергает любые попытки к согласию. А у нас ее можно распустить за то что президент упрям и хочет не согласия, а подчинения. И Конституционный суд его поддерживает. Такой взгляд не нов. Еще Иван Грозный считал подданных своими холопами, но он, по крайней мере, не называл себя демократом и, тем более, гарантом демократии. А право начинается с того, что его соблюдает правитель.

У нас, однако, глядят не столько на право, сколько на правильность действий власти. Но жизнь не так проста, нередко кажущееся сперва правильным, оборачивается бедой. Чтобы принести пользу своей стране надо смотреть хоть на три шага вперед. Если оглянемся, убедимся, что правильность цели на деле приносила пользу только рука об руку с правом.

Живя столетиями в бесправии мы часто думаем, что право лишь в соблюдении писанного закона. Но древние законы, и "Русская правда" в том числе, не выдумывались мудрецами, туда записывали сложившиеся нормы отношений. В основе права лежал прецедент. Наши предки за убийство наказывали строже, чем за воровство, а за воровство строже, чем за брань, и мы поступаем так же. Мы оглядываемся, как люди поступали, и наши предки, и чужие.

После стояния на Угре русский царь Иван III перестал посылать хану дань, и русское государство стало независимым. Царь, конечно, поступил правильно, а то поныне были бы мы автономией какого-нибудь социалистического ханства. А стань там ханом Милошевич, автономию бы отнял, и нам бы объясняли, что Москва и Питер – исконные монгольские земли. Это в России понятно каждому, хоть родоначальника русской независимости и не почитают и день этот не празднуют.

Должно быть, поэтому редко задумываются, что у царя было право так поступить, при том, что и силы у ханов, конечно, поубавилось и тяжелей стало держать Русь в подчинении. Но не в одном соотношении сил тут дело. Иван был сведущий человек, женатый на племяннице византийского императора и приглашавший итальянцев строить в Кремле соборы. Он знал, что не первый так поступает, что есть прецеденты, и Русь тоже вправе выйти из подчинения завоевателям, и жить сама по себе.

Еще в конце второй мировой войны на земле было чуть побольше пятидесяти независимых государств, а ныне их больше полутора. Можно сколько угодно спорить, есть ли у наций право на самоопределение, но они это право отстаивают при разных общественных порядках, при разных культурах, на разных континентах, и это более весомый фундамент права,

чем заявления числимых его авторами, то американского демократа Вильсона, то русского большевика Ленина.

Нам говорят, что у Эстонии такое право есть, а у Чечни нет, хоть и эстонцев и чеченцев по миллиону, и те и другие вошли в нашу страну не добровольно, а были завоеваны, да и русских в Эстонии побольше, чем в Чечне. Но одну Кремль зачислил в союзные республики, а другую только в автономные! А вот Карело-Финскую из союзных, ради укрепления отношений с Финляндией, на той же земле сделали автономной Карельской, отняв право выхода. Можно ли после этого замыкаться в декоративных правах, провозглашавшихся советской властью?

Речь, понятно, не о том, чтобы имеющимися правами тут же воспользоваться. Жаль, что у многих народов России нужда пользоваться правом выхода становится все насущней. Путин добивается окончательного решения чеченского вопроса, говоря, что иначе придется заниматься им опять и опять. Забыл, что ли, что его прямой предшественник, генерал Серов, уже в 1944 году решил этот вопрос окончательно. Никаких тебе чеченцев, да и ингушей, в Грозненской области и районах отрезанных Ставропольскому краю и Осетии, не было. А десять лет спустя выживших повезли назад. Потому ли, что Политбюро расчувствовалось, пожалело людей, половина которых перемерла? Или другие причины вынудили сообразить, что мертвые чеченцы, ингуши, карачаевцы, калмыки, балкарцы и прочие припечатались к облику страны, и, если не отмыться, шансов на международную политику нет. И не Америка их запомнит, - плевали ее правители на чеченцев тогда, как и сейчас, - но малочисленные народы составляют большинство, и нет у них без правовой защиты шанса выжить.

Когда Советская Армия разбила Гитлера, нормальные немцы старались очиститься от всего, чем он их замарал, и от геноцида евреев и цыган в первую голову. А мы под водительством Сталина, как были, так и остались национал-социалистическим, фашистским государством. Но вождя не стало, и в Кремле поняли, что с таким лицом далеко не уедешь. Правовые отношения не восстановили, однако создавали видимость стремления к ним, преодолевая конкретные случаи бесправия и вернув большинство репрессированных народов.

Ныне колесо поворачивают обратно. Запад, робея отказаться от своей привычной лжи, будто в России правят право и демократия, списывает это на мстительные инстинкты военных. Но генерал Квашнин, главный неудачник той чеченской войны, не сам себя назначил начальником Генерального штаба. Армия действует бесчеловечно потому, что президент и премьер приказали действовать бесчеловечно.

Путин, пуская ракеты на мирное население Чечни, чтобы изловить неопознанных московских террористов, приговаривал: "в сортире будем мочить". Людей ошарашила лексика, не все знают, что "мочить" идет от старого "мокрое дело". Но не так страшна лексика, как логика премьера. Правоохранительным органам поймать преступников надо не затем, чтобы "мочить", а чтобы негодяи, совершившие провокаторские взрывы в Москве, сели на скамью подсудимых. Еще не нашелся суд, готовый решить, что за

вину неизвестных, быть может, и не чеченцев, но пусть даже чеченцев, надо наказывать всех чеченцев без разбора.

А если из сознания государственных деятелей, шумящих о своей борьбе с преступниками, выпадает правосудие, и его место занимает расправа, с которой силовые органы сами справляются, государство уже не правовое учреждение, а просто еще одна вооруженная банда, тоже предоставляющая, как сказал бы наш премьер, "крышу" от других вооруженных банд. Большинство чеченцев не верило в "крышу" Басаева и голосовало за Масхадова. Под "крышей" Путина тоже не почувствуешь себя спокойней, - впервые со сталинских времен премьер открыто отвергает право и ломит силой. А сила, снявшая правовые предохранители, повернет куда угодно.

РОССИЙСКИЙ АНТИАМЕРИКАНИЗМ СЕГОДНЯ

Прежде антиамериканизма в России не было. Его спустили сверху после Второй мировой войны. А перед Первой Александр Блок даже стихи о России назвал "Новая Америка". Советский комментатор, напирая на слово "новая", не постеснялся написать, что Блок имел в виду отнюдь не Соединенные Штаты, - Уругвай или Колумбию, что ли? Но Соединенные Штаты вызывали у нас симпатии, даже в советские времена. А кто в войну не ценил тушонку и яичный порошок, не говоря о "дугласах" и "студебеккерах". С началом холодной войны слова "американец" и "фашист" в официальной пропаганде стали синонимами, но люди на это не клевали. Антиамериканизм был государственным, но не людским. Людской возникает теперь.

Не сразу и понятно, с чего такое пошло. Россия, выйдя из СССР, устами своего президента, вышедшего из КПСС, объявила себя демократией, и Соединенным Штатам, оплоту демократии, естественно было нам помочь. Америка дала денег, частью займы на льготных условиях, а немало и безвозмездно. То тут, то там, открылись курсы, как стать капиталистом, и само российское правительство позвало американских советников. Только и говорили, как новый учитель Джеффри Сакс прописал Польше шоковую терапию, и вот уже нищая Польша поправляет свои дела.

Где уж было помнить, что шоковая терапия в Польше не сопровождалась псевдо-приватизацией, зато крестьянство там, напротив, "приватизировалось" тридцатью с лишним годами раньше, когда Гомулка, последний лидер коммунистов в антифашистском подполье, естественно, арестованный при Сталине, вернулся к власти и распустил колхозы. Когда же в стране, уже располагавшей миллионами, хоть и бедных, но индивидуальных частных хозяйств, широко открыли двери частному производству в других сферах, стала складываться правовая экономическая структура, и живое хозяйство страны оздоравливалось в состязании со своей тяжело дышавшей государственной промышленностью. Возможно, и Сакс знал реальности Польши, - в Штатах ведь много поляков. А, главное, их знали и возглавившие новое

правительство Тадеуш Мазовецкий и Ежи Бальцеревич, реальные польские демократы. Вот американская поддержка и пошла Польше на пользу.

В России вышло иначе потому, что было иначе и не только тем, что поныне нерушимы колхозы. Советники не знали реальностей России, а своим реальным демократам во власть хода не было. Правовую хозяйственную структуру так и не создали. Гайдар взвалил на людей расплату за растраты советского государства, и все разом обнищали. Чубайсова приватизация по краткосрочным ваучерам большинству ничего не дала, а немногим дала много, да бестолку. Власть над хозяйством осталась у государства. Но американцы ликовали и называли это демократией и переходом к рынку. Тамошние советологи, как известно, не предвидели даже перестройку.

В отличие от Польши, в нашем общественном спектре место реальных демократов заняли коммунисты, ощутившие, что прежние нормы толкают страну к гибели, и досадовавшие, что Горбачев медлит с их преодолением. Ельцин, впрочем, к ним не принадлежал, но прославился своей опалой за то, что резче, чем предполагалось, проводил программу Горбачева и менял в Москве секретарей райкомов с той же легкостью, как потом премьер-министров. Такого опального Ельцина люди предпочитали мракобесу Полозкову, которого, увы, Горбачев, маневрируя, поддержал в борьбе за председательствование в Верховном Совете РСФСР, или Макашову, Жириновскому, Тулееву, Рыжкову в борьбе за президентство в РСФСР. Потом ГКЧП силой оружия хотел повернуть от оздоровительного, хоть и осторожного, курса Горбачева к прежнему порядку, и Президент РСФСР Ельцин оказался лидером демократии. Когда он стоял на танке, сердце наполнилось гордостью за Россию, которая, наконец, противостояла кучке бандитов и террористов.

В те смутные дни казалось и впрямь возникала демократическая Россия. Но осознание прошлого и обретение новых основ жизни перековавшие коммунисты смяли и зажали. То, что должно было наступить в ходе общественных перемен, объявили уже наступившим без таких перемен. Ельцин, умный и умелый политик с многолетним опытом, сообразил, что верней всего удержится у власти в качестве "гаранта демократии". Его "демократию" укрепляла коммунистическая оппозиция, непримиримо олицетворявшая угрозу возврата к прежнему, однако, поддерживавшая всех предлагавшихся президентом глав правительства и все бюджеты. Театр коммунистической оппозиции не был стеснен, и это выдавали за демократичность, а реальным демократам, едва Ельцин слез с танка, становилось все сложнее говорить о демократической оппозиции его фактическому отказу от преодоления прежнего режима и от коренных экономических и политических реформ, о которых лишь разговаривали. Пугало возврата работало успешно, и перед выборами 1996 года, уже ничего общего с демократией не имевшими, Ельцин открыто говорил: Демократы-то за меня проголосуют, никуда не денутся. И все это, при быстром обнищании большинства, одобряли и поддерживали за океаном и лично президент Клинтон.

Америка и впрямь помогала, но не людям России, не развитию в ней демократии, а Ельцину и его доверенным лицам, вторя им, что если не помочь, придут коммунисты. И сегодня, в разгар геноцида чеченского народа, когда глава российского правительства, не моргнув глазом, отрицает и масштабы катастрофы и свою личную вину в страданиях и гибели невинных людей, администрация Клинтона повторяет: надо дать Путину деньги, иначе придут коммунисты. Ельцин выдал из политической сферы демократов-диссидентов, и объявил демократами Гайдара и других, твердящих, что им помешали провести реформы, но поддерживающих тех, кто помешал. В такой "демократии" правят те, кто, подобно Ельцину, знают, что реальный коммунизм не в портрете Маркса или Ленина, не в каких-то догматах и словосочетаниях, которые можно по тактическим соображениям отбросить, а в абсолютной власти государства и беспомощности граждан. Заслуга Сталина, в качестве классика марксизма, в том, что он покончил с "талмудизмом и начетничеством" и показал, что коммунизм - это абсолютная власть силой давить несогласных и лезть в общий карман, а не болтовня. Время иное, и от лицемера Сталина Ельцин отличается откровенностью. Но и она не помогла президенту США увидеть, кого он поддерживает как залог свободы и демократии в России. Или Клинтон не хочет видеть?

Но российские граждане видят как переменялась политика США. Картер защищал права человека и гуманитарные нормы, а Клинтон не напомнит другу Борису, что массовые нарушения гуманитарных норм уже давно по соглашениям, подписанным и Россией, не являются лишь внутренним делом. Прежде США проводили недели поработанных стран, теперь Клинтон заявляет, что "Россия не только вправе, но и обязана защищать

свою целостность". Неужто по Клинтону Польшу, входившую в Российскую империю, надо было и дальше удерживать в имперской "целостности"? И чем другие народы, составляющие большинство на своей территории, хуже? И почему Россия обязана их удерживать, а Португалия или Индонезия, обязаны отпустить? Услужает ли Клинтон особыми законами для России ее коммунистам от Ельцина и Путина до Лужкова и Макашова, или боится спугнуть наших правителей, ввергающих страну в пучину многолетних распрей с соседями и населением национальных автономий? В любом случае, заокеанское потворство нашей власти, не думающей о своем народе, не могло не вызвать в России ответную реакцию.

Новый антиамериканизм объясняют сочувствием сербам Косова, хоть наше общество не слишком сочувствовало даже в более трагичной ситуации сербам Краины. На деле Косово лишь дало повод излить наболевшую уязвленность тем, что демократическая Америка благословляла великий обман, совершаемый Ельциным, утвердившим под видом демократии авторитарное правление и массовую нищету. А равняющие с Косовом Чечню забывают, что мы в Чечне и НАТО в Косове выступали в разных ролях. Там в нашей роли был Милошевич, а НАТО - в роли третьей силы, защитника гонимых. Можно спорить, надо ли было это

делать, или надо бы делать не так неуклюже. Но чеченцев, в отличие от албанцев, третья сила не защищала даже мирными средствами, даже внятыми словами. Клинтон так и не сказал своему другу Боре, нашему Милошевичу: У тебя, оказывается, есть деньги на войну, да еще на новое оружие. Почему же ты не поможешь своим беднякам?

. Госпожа Олбрайт готова любой ценой противиться новой холодной войне, то есть давать деньги на горячую войну в Чечне. А до русских стариков и старух под нашими бомбами в Грозном или чеченских матерей с детьми, бежавших от этих бомб, милосердной даме дела нет. Ей и ее президенту нет дела и до того, что власть творит с народом всей России. Им важно лишь ублажить эту власть. Но чем больше люди в России чтит американскую демократию, тем сильнее они негодуют, что у нас американская власть подпирает отнюдь не демократию. Это открытие тяжким грузом легло на российские сердца, боль которых - от гордыни или застенчивости - не всегда изливается адекватно.

РАССАДКА

Басня говорит: "А вы, друзья, как ни садитесь, все в музыканты не годитесь", и в приложении к нынешней Государственной Думе это верно. Но беда не просто в том, что "избиратели так выбрали". Создавая в XIII веке британский парламент, Симон де Монфор, не слыхавший про классовую борьбу, понимал, что от парламента есть прок, только если там заседают не одни бароны, но и рыцари и горожане. Наша избирательная система, держащаяся на выборе в один тур относительным большинством из двадцати кандидатов или партий, нацелена не на весь народ в его социальной пестроте, а на меньшинство, на правящую "элиту". Но рассадка негодных музыкантов демонстрирует состояние правящей "элиты".

Ведущая группа партий вроде бы обновилась: прежде московский мэр Лужков был опорой Ельцина, теперь он, вместе с Примаковым, - лидер противостоящей ему партии "Отечество" – "Вся Россия". Другая новая партия "Единство" с номинальным главой Сергеем Шойгу ориентирована на президента и премьера Путина. Это партии не того или иного социального слоя, а голой претензии на власть. Обе сложились по примеру КПСС, и потому так схожи с ее наследницей КПрФ. О сходстве партии Примакова-Лужкова с коммунистами по телеканалу ОРТ говорят убедительно и непрерывно, забывая лишь вставить, что и партию Шойгу (Путина) от обеих не отличить.

Слово "партия" пошло от латинского, обозначающего часть. Нормальная партия выражает интересы не всего общества, а его части. Бывает что интересы различаются и внутри одного класса. Вот и возникает множество партий, мелкие сбиваются в крупные, довольно разнородные, но стоящие за определенную часть общества. Социал-демократы возникли как партия рабочего класса. Выйдя из нее, коммунисты тоже именовали себя партией рабочего класса, но сразу подчеркивали, что его интересы совпадают с интересами общества как целого. А менее чем

через полвека нам сказали, что коммунисты – партия не одного рабочего класса, а всего народа. Смысл понятия "партия" при этом стал иным. Почти всякая партия у нас не за часть общества говорит, а за все общество, чтобы самой им править. Как партия всего народа ныне выступают не одни коммунисты, но и партия Шойгу (Путина) "Единство", и партия Примакова-Лужкова, и другие, помельче. Но не у нас одних так бывает. Фашизм, созданный Муссолини, идет от слова "связка", "пучок", и означает социальное единство в корпоративном государстве. Для гитлеровских национал-социалистов единство арийской расы выше классовых распрей

Кругом говорят: главное – не допустить коммунистического реванша, и это верно. Но разве реванш – копия прежнего порядка? Разве Зюганов, признав частную собственность, стал лучше Брежнева? И разве авторитарное правление Ельцина, не проведшего обещанных реформ, зато устроившего геноцид в Чечне, по сути не коммунистический реванш? Дело ведь не в самоназвании. Не только за коммунистов, но за любую "партию всего народа", здравому человеку голосовать нельзя потому, что она человека не видит, значит и обществу прока не будет.

Будь у нас в свое время, скажем, партия защиты науки, имевшая возможность объяснять в парламенте, что нельзя Сахарова ссылать в Горький, а Королева сажать в кутузку, что и в шарашке от таких проку сильно меньше, чем на свободе, что надо создать им такие – не только материальные – условия жизни, чтобы их головы работали по способностям, что применение силы всегда знак слабости, глядишь, обнаружили бы и еще Сахаровы и еще Королевы. А даже эти два человека, как никак, сделали для реальной безопасности нашей родины больше, чем все сотрудники Комитета Государственной безопасности за все годы, включая товарищей Примакова и Путина, и все руководители армии, включая генералов Квашнина и Казанцева. Но судьбы Королева и Сахарова в лучшем случае запали власти в умы как досадные ошибки, а то были не промашки очередного Ежова или даже Брежнева, а следствие органического порока российской государственности, знающей только общее, но не особенное и отдельное. То же самое в иных масштабах и формах все еще проделывают с десятками миллионов, мешая работать, как они могут, и жить, как они хотят. Этим российское государство и губит Россию.

Я никак не хочу сказать, что общие интересы народа не важны. Я утверждаю лишь, что они непостижимы без понимания интересов и нужд его социальных групп и отдельных людей, без выяснения их взаимодействий и противоречий, и, поскольку общность – не единообразие, без непрерывного отыскания компромиссов, на что и надобен парламент. Коммунистический парламент на это был неспособен. Но совершенно так же на это неспособна любая "партия всего народа". Ельцин затормозил развитие страны тем, что, успешно сотрудничая с коммунистами, был бескомпромиссен почти ко всем социальным группам населения. А в лад всевластному президенту за весь народ решают не только партии, претендующие на первые места, но и Жириновский и вновь образованный "Союз правых сил".

Выборы проводят не впервые, и легко сопоставить программы партий с их прежней деятельностью. Красивая программа "Союза правых сил" полна постулатов экономического либерализма и гуманности. Не зная об этой партии ничего, кроме программы, глядишь, и голосовал бы за нее. Но мешает не только знакомая практика Гайдара и Чубайса, а даже предвыборные речи нынешнего лидера Кириенко, - то он говорит, что человек важнее государства, то твердит, что "антитеррористическую операцию" в Чечне, выгнавшую из домов двести с лишним тысяч человек, и не одну тысячу мирных людей уже уничтожившую, надо продолжать. Секретарю обкома комсомола, кем Кириенко был, такое сказать запросто, но звать на убийство тысяч, чтобы поймать полсотни, - не либерализм.

Кириенко не худшая фигура, а типичная. Явлинский говорит о социальных и экономических проблемах еще разумнее и реалистичнее, чем программа "Союза правых сил", но и его партия, - долгое время единственная взывавшая не ко всему народу, а к конкретным социальным силам, и бывшая реальной оппозицией режиму, - смирясь с голословными утверждениями Путина, что дома в Москве взорвали чеченцы, и стало быть новая война правомерна, тоже сдвинулась к "партии всего народа" и заставила меня задуматься: а зачем, вообще, идти на выборы, если ни одной воистину либеральной партии в бюллетене нет? Чтобы вычеркнуть всех?

"Яблоко", хоть не все мне в нем нравилось, было исключением среди псевдопартий, - за речами его лидера была социальная определенность. Это был голос и научно-технической, и немалой части гуманитарной интеллигенции и квалифицированных рабочих невоенных производств. Слой этот не составляет в стране большинства, почему Явлинский даже не вышел во второй тур президентских выборов. Но практическое преобразование тоталитарного государства в либеральное определяется этим слоем. Он заинтересован и в условиях для широкой предпринимательской деятельности, которой понадобится его труд, и он же, более других, заинтересован в социальных гарантиях, без которых при мобильном производстве не выжить. Здесь и корень размолвки наших "демократов", которую глупо сводить к тому, что Егорка и Гришутка не совместили, дескать, свои честолюбия.

Гайдар верил, что предприниматель утвердится и без социальных гарантий, так и повел свою "реформу", и результат известен. Подражали "первоначальному накоплению" в ходе буржуазного развития в феодальном обществе XVI века. Но обстоятельства с тех пор переменились, и пренебрегая людьми, свободную экономику при компьютере не наладить. Вот гайдаровский предприниматель и преуспел лишь там, где присосался к казне и кормится от нее. Общественные перемены плодотворны, если считаются не с одной буржуазией, не с одним пролетариатом, не с одним крестьянством и, уж подавно, не с одной номенклатурой, если представительная система поддерживает подвижное равновесие социальных интересов.

"Демократический выбор России", переросший в "Союз правых сил" изначально этим пренебрег, тоже мысля себя под крылом президента

"партией всего народа", покуда президент ее не прогнал, а она и словечком не попеняла, не ощущая за собой тех, чьи интересы надо отстаивать не только перед думскими коммунистами, но и перед уверяющим, что он не коммунист, президентом. Явлинский был прав, что в холуи не шел. Видя их провал, он острее ощутил нужду в союзниках, но смешно искать их в президентских людях, особенно в Путине. Ничего, кроме отказа от вызывавшей к "Яблоку" уважение реальной оппозиции власти, такая позиция не означает. Пусть даже на это толкнуло отчаянье от нынешней политической ситуации. Но с бескомпромиссной властью поладить не получится, с ней сладит лишь общее ее отвержение честными людьми. Сам Явлинский, кажется, сказал Чубайсу: где сегодня убивают черных, завтра будут убивать рыжих. У нас так повелось, - сперва ликвидировали кулаков, потом ликвидировали большевиков. Вот в чем отличие советской власти от парламента. Он ведь надобен, чтобы не убивать. А партии всего народа расходятся лишь в том, в каком порядке убивать. Партия Ельцина-Путина начинает с чеченцев, партия Зюганова-Макашова начала бы с евреев. Но от перемены мест слагаемых сумма не меняется

В ОЖИДАНИИ СТАЛИНА

Позавчера отцу, творцу и учителю всех народов стукнуло бы сто двадцать лет, а его возвращения все ждут. Одни – как залога державного величия, другие – как угрозы безоглядного произвола. Кто надеется, кто трепещет. Но и те и другие отказывают Сталину в неповторимой роли, поныне не осознанной. Сталинизм отмывали от Сталина, от его тяжелого характера, незаконного происхождения, "восточного" коварства, службы в охранке и бог весь еще каких свойств его личности, но не касались его политического лица. "Умеренный" Сталин, Леонид Ильич, не виноват, что сталинское наследство не спасает от кризиса, не в том беда, что ему нехватило кровожадности, но феодальное хозяйство, эффективное при сохе и убыточное при тракторе, при компьютере разорительно.

Чем полней страна подчинена единой воле, тем пагубней даже малая ошибочка в программе этой воли. И чем сильнее эта воля, чем полней выполняется ее программа, тем пагубней последствия. Сталин не изобрел самодержавие, он лишь вынес его из пепла царской России и сделал последовательней. Твердят, что никто не доказал несовместимости авторитарной власти и рыночного хозяйства, и, не задумываясь, отчего все-таки в Европе свершались буржуазные революции, кивают на Китай. Не видят что ли, что рынок при Дэне или, скажем, при Франко, не говоря о Пиночете, работал в меру отказа власти от авторитарности в производстве, определяющей сфере жизни. Несоблюдение той же меры в остальных ее сферах, конечно, сказывалось и на этой, а что происходит, когда колеса государственного механизма долго едут в разные стороны, показала площадь Тяньаньмынь. Но не все авторитарные правители отказываются от диктатуры даже после смерти, как Франко, и тем более при жизни, как Пиночет.

Мера самообуздания власти и есть мера ее отхода от коммунизма, а лучше сказать, от строя, который под этим именем и знаменем живет. Не говоря о сельском хозяйстве, издавна знавшем такое, феодальная реакция, создав при Петре Великом промышленность на подневольном труде, предвосхитила сталинскую индустриализацию. Вместе с насильственной коллективизацией, то есть восстановлением крепостного права в деревне, она и стала феодально-реакционной основой светлого социалистического будущего. В нравственном и экономическом отношении все это за гранью. Но гениальный дар Сталина тормозить ход истории и поворачивать направление общественных движений, сохраняя их формы и лозунги, примечателен. Ожесточив порядки, навлекшие на себя множество бунтов, мощное освободительное движение и три революции, он числился и продолжает числиться продолжателем этого движения и этих революций.

В перестройку бойкий публицист объявил его параноиком с генетической тягой к убийству, а достоверную картину его деяний опровергал тем, что такое поведение "было бы абсолютно безответственным и непростительным шагом". Какой же ответственности ждать от параноика? Военную верхушку он, говорят, уничтожил перед войной по доверчивости к подброшенным фальшивкам, но не вспоминают, что Рычагова, Смушкевича и других блестящих военных летчиков расстреляли уже во время войны. Значит, были ценности, которыми организатор всех наших побед дорожил больше, чем обороной.

Чем перечислять его пороки, лучше бы понять, почему их носитель мог занять такое место и на нем преуспеть. Сталин вырос не как общероссийский, но как внутривластный политик, его высший успех - почти поголовное уничтожение возвысившей его партии, и не раскусив это главное дело его жизни, не поняв его отношения к провалившейся большевистской революции и марксизму-ленинизму, классиком которого он слыл, смешно рассуждать о том, как ловко он бы разрешил противоречия нашего времени. Он-то ведь во многом их и создал.

Уже перед его смертью страна едва справлялась с послевоенным восстановлением. Кризис вызвал мрачные события 1949-1953 годов от "ленинградского дела" до "дела врачей", но после его смерти политическое давление упало, и кризис притих. Его предсмертные "Экономические проблемы", стоявшие за прямой товарообмен (по нынешнему "бартер"), надежд на лучшую жизнь не сулили. Действие закона стоимости там признавалось лишь "в преображенном виде", то есть так, чтобы стоимость определялась волей партии. И если это не чудотворная воля, с кризисом, неотступным с середины семидесятых, и Сталину бы не совладать.

Ныне, не то что на XX съезде, причины его злодеяний ищут и в действиях Ленина и в заблуждениях Маркса, и Сталин уходит в тень. А это он вспомнил, что делать с объективной реальностью хозяйственной жизни, когда она перечила партии, верившей, что у нее вся полнота истины, это он не смутился, когда сложился, хоть и явно не буржуазный, но и никак не предполагавшийся Марксом и даже Лениным общественный порядок, социальную природу которого так и не опознали.

Ленина она не заинтересовала, хоть он и успел заметить, что возникший порядок не слишком отвечает его идеалу. Назвав главными врагами советской власти, не только безграмотность и взятку, но "коммунистическое чванство" или в другом случае "коммунистическое вранье", он побудил думать, что терзался сомнениями. Ответственность и за себя и за Сталина все равно на нем. Но это не повод проглядеть различие их общественных идеалов. А ими отличался от Сталина не один Ленин, но и значительная часть его партии. Не веря их неосуществимым идеалам, стоит все же видеть как старые и новые, пополнявшие правящую партию, большевики принимали "комчванство" и "комвранье". Все это, повторю, общий плод большевиков, но для одних - неожиданный и шокирующий, а для других – очень даже подходящий и принимаемый как должное.

Сталин убивал пачками не потому, что кто-то в партии симпатизировал Кирову, а кто-то даже и Троцкому. Это не требовало столь обильных кровопусканий. Но гений, строивший светлое будущее в традициях крепостничества и самодержавия, понимал, что в глазах миллионов легитимность новому порядку придает как раз революционная традиция. Это нынче, за ужасами сталинизма, забыли ужасы царской власти, многим уже кажущейся идеалом, а при ней большинство людей в России хотело коренных перемен. Старые большевики, при всей их ответственности за то, что вышло, все же в большинстве неспособны были стать апологетами возрождающегося в новом обличье старого порядка, а тем самым мешали воспринимать его как осуществление прежних утопических идей. Вот Сталин и не мог не уничтожать их, а заодно и всех вообще левых в прежнем понимании этого слова. В этом не было ни паранои, ни тяги к убийствам, лишь циничная шкурная целесообразность. Принять такую целесообразность могли лишь до мозга костей аморальные существа, но для большевиков моральным и прежде было все выгодное их делу. Сталин лишь изменил дело.

Сталин не интересен своей психологией или этикой. А вот в формировании практичной идеологии из обанкротившихся, но еще популярных идей, в выражении кровавой практики условными, не очень внятными, но категорическими формулами, в создании атеистической теологии, видна его самобытность. Этим он, прежде всего, и интересен. С размахом совмещая "правые" в прежнем смысле, реакционные действия с "левой" в прежнем смысле, прогрессистской лексикой, он был уникален. Подобные трансформации случались, конечно, с религиями, из гонимых становившихся господствующими, но не с рациональными теориями. Рационализм демистифицировал представления о мире, свой вклад в это внес и Маркс, а Сталин наново мистифицировал общественную жизнь в атеистическом облике. Не зря самые оголтелые мракобесы и шовинисты, российские коммунисты, поныне именуются "левыми".

Сталин возрос на смешанной почве феодально-реакционного русского порядка, не сломленного Февралем, и утопии Маркса, с которой хотели этот порядок преобразить. Преобразить Россию, как другие феодальные страны, могла либо глубокая буржуазная революция, либо

коренные реформы. Но можно было ее "подморозить", построив социализм бесправия, в котором Сталин, как папа и цезарь в одном лице, стал всемогущ. Конечно, "крот истории" рыл свое, ныне страна у разбитого корыта, и слышна тоска по сильной руке. Но если марксизм-ленинизм стал столь непопулярен, что и коммунисты напирают на то, что в их крови нет инородческих примесей, а другой великой иллюзии нет, Сталину нет работы. Ему воздают должное как великому насильнику и палачу, но забывают, что при этом он был и великим актером и режиссером, покрупнее Станиславского и Мейерхольда, да еще из разнородных наметок Маркса, Ленина и Зубатова сладил трагедию, что твой Шекспир. При нем государственные убийцы не носили масок, - он превратил в маски их натуральные лица. Он выделился из "сброда вождей" тем, что смог выдать свой фашизм за антифашизм, и даже когда пришлось воевать с другим фашизмом, вероломно отвергшим протянутую щедрую руку, Сталин укреплял свой фашизм, размахивая знаменем социального прогресса и даже демократии, которые сам же и попирал. А если знамя выгорело, никакой Сталин не сможет прикрыть им стыд, и, ратуя за Сталина, удастся получить лишь Баркашова, разве что под другой фамилией.

ЧТО ВПЕРЕДИ?

Если бы выборы отменили, было бы, конечно, еще хуже. Но не стоит считать зло добром лишь оттого, что оно могло быть злее. В Вашингтоне новые выборы объявили очередным шагом к демократии, но шаг сделан в обратную сторону. Наш президент выразил надежду, что парламент займется не политикой, а делом. Но парламент и должен заниматься политикой, то есть не штамповать законы по указаниям президента (или генсека единственной партии), - такое дело давно бы сделали, - а сообразовывать их с волей избирателей.

Западные обозреватели вторят легенде о президенте-реформаторе. А исполнители его реформ, Гайдар, Чубайс и Кириенко, лишь урезали оплату труда, и при коммунистах мизерную, да вынудили население платить втридорога, уверяя, что это и есть настоящие цены. Но не бывает настоящей цены на хлеб, если нет настоящей цены на труд. Люди потому и голосуют за прежних коммунистов, что отколовшиеся во главе с Ельциным за труд платят по-советски, а за хлеб берут по-заграничному. Но правительственная пропаганда уже и не атаковала коммунистов, поддерживавших все бюджеты и всех премьеров, вплоть до Путина, и они даже подняли свои 22% голосов по федеральному округу до 24%.

Телевизор звал к единству по старым образцам: "народ и партия едины" у нас, или "мы в одной связке" у фашистов, ("фашизм" - от итальянского слова "связка", то есть "единение"). Но если выбирать не из одного, какое же единство? Чтобы народу разобраться, ключевые вопросы должны стоять четко, и каждый выберет партию и человека, с предпочтительным для себя решением, а из них и сложится общее решение России. Байки про то, что Шойгу - славный парень и не

теряется на пожаре, а Лужков кого-то пришел, да не сел, поскольку тогда был за нас, к делу не относятся. А заокеанские надежды, что новая Дума пособит иностранным инвестициям, беспочвенны, пока ненадежны инвестиции российских граждан. Не то вас поощряют, как недавно на покупку облигации. Вот и кушайте!

А за рубежом гуляет больше ста миллиардов российских долларов. Особенность нашей демократии в том, что деньги, при ней заработанные, не инвестируют на месте, чтобы еще заработать, а увозят, - место больно ненадежное. Чтобы вернуть сто миллиардов, надо убедить, что Россия – место надежное, не на день-два, а навсегда, - и не иностранцев, польстившихся на напаянный на Лубянку плакат "Демократия", а своих россиян, которые нашу власть знают, и ей не верят. Вот и надо выбирать власть, чтобы ей верили, чтобы она не лгала.

Говорят, нужен сильный человек, будто Борис Николаевич слабый. Нужен, говорят, наш советский Пиночет. Да ведь Пиночет не войну затеял, а сделал свою страну надежным для хозяйства местом. Симпатий он не вызывает, раз кровь пролил, пусть поменьше, чем Путин в Чечне, пусть даже кровь рушивших хозяйство, но он не обманывал. Если бы Путин в Пиночеты глядел, он был бы против войны. Разведчик по профессии, он знает как борются с террором. Это дело его бывшего ведомства. А если террористов столько, что против них нужна армия, танки, бомбежки, ракеты "земля-земля", это уже не террористы, а восставший народ, так и надо говорить.

Господин Березовский, кажется, единственный, кто в этом, хоть и цинично, но признается. На его взгляд Ельцин успешно наладил новую политическую и экономическую систему, и портит дело лишь нерешенный национальный вопрос. Вот Путин его и решает в Чечне. Развивая мысль патрона, обозреватель ОРТ даже заявил: "Россия не воюет против Чечни, потому что Чечня это Россия", из чего следует, что против Чечни воюют чеченцы, и когда ее от них "зачистят" или хотя бы поставят на место, будет порядок. Эта "березовщина" и есть главная ложь.

Национальный вопрос, - наглядное следствие имперского внеэкономического правления из единого центра или по его поручению местными сатрапами. Он взрывается оттого, что не годятся экономическая и политическая системы. Национальное сознание остро ощущает повседневный имперский шовинизм центра как национальное унижение и рабскую зависимость. Но и русские регионы центр постоянно унижает, к тому же, вопреки историческим традициям, еще при Сталине они порезаны на мелкие области, числимые ныне субъектами федерации, а объединительные побуждения русского Нечерноземья, Дона, Поволжья, Урала, Сибири, сведены к областническим. Их грабят столь же хищно, как и национальные, не давая при общей свободе для России ощутить свои интересы и развивать свое хозяйство, слитое с другими экономикой, а не оккупацией.

По старому обычаю "разделяй и властвуй" кандидат в президенты Путин развязал оголтелую шовинистическую кампанию вокруг московских взрывов, настраивая русских против нерусских, в ходе военных выборов

противопоставив добрым отношениям самостоятельных людей их единство в рабском подчинении. По официальным данным избиратель голосовал за войну, - единственная партия. да и то с опозданием, от нее отмежевываясь, "Яблоко", набрала 6%. Человек из КГБ готов скрутить страну в бараний рог.

Против коммунистов потому и не вели борьбы, что они хотят того же. Уже Примаков, тоже номенклатурщик, как Ельцин, как Зюганов, как Кириенко, но в силу образования и опыта чуть половчей притворяющийся, власть раздражает. В движении Примакова-Лужкова различима тенденция к либерализации коммунистического электората, к отходу от догматики и шовинизма, которые Зюганов ожесточил даже в сравнении с брежневской КПСС, не зря с Примаковым пошли и Аушев, и Шаймиев. Ему не хватило дерзости занять нишу социал-демократии, как Лужков ни старался, но, если партия не развалится, а продвинется к реальности, она могла бы конструктивней реагировать на неповоротливость реформаторов, чем зюгановцы. Но с ОВР власть не искала единства, и порочила именно их, а не "непримиримых". Даже задним числом власть именуется 13% голосов, собранных новой партией ОВР поражением, а 8,5% Союза правых сил - триумфом.

Это "правые" в традиционном смысле, подобно октябристам по царскому Манифесту 17 октября 1905 года. Они уверяют, что строят не коммунизм, а капитализм, но презирают социальные гарантии, которыми жив капитализм развитых стран. Отсюда их вечные речи о первоначальном накоплении и высокомерие к большинству населения, жертве их умозрительных схем. Власть опирается и на Жириновского и на "Единство", сшитое за два месяца, в которое готовы влиться депутаты по индивидуальным округам от прежней партии власти, "Нашего дома - России". По партийным спискам правые, "Единство" и Жириновский получили вместе 38% голосов, что даст им около 46% мест по федеральному округу, а если по индивидуальным соберут больше, впервые получают в Думе большинство. Консервативная коммунистическая оппозиция по федеральному округу мест получит меньше, а демократическая оппозиция в лице "Яблока" в Думе станет совсем слаба.

Думается, "Яблоко" потеряло известное количество голосов по малодушию во время московской паники, поддержав войну против террористов, не оговарив ее характера и границ, и не отвергнув шовинистический разгул властей, бездоказательно валивших взрывы на чеченцев. Да и союз с бывшим премьером Степашиным не вызвал у электората "Яблока" воодушевления. Потом Явлинский нужные слова произнес, но другие лидеры говорили другое, и принципиальность, как отличие "Яблока", потускнела. Но, хоть голосов могло быть больше, общее положение едва ли бы изменилось. Фланги с обеих сторон ужались, и консервативный остался сильнее демократического.

Срединную часть - "Единство", правых и Жириновского - неверно, однако. считать промежуточной. От ОВР ее отличает преимущественно лексика, да и от коммунистов тоже, хоть от них фразеологических отличий и побольше. Слово "центр" в их устах скорее выдает заботу о правах

центра в субъектах федерации, чем о свободах, обеспечивающих экономическое развитие субъектов. Чеченская кровь нужна власти, чтобы замкнуть давний призыв Ельцина: берите суверенитета сколько сможете, брошенный в борьбе против союзного центра. Истечение президентского срока хороший повод для внесения ясности. Ее и дала война. Но, вопреки Березовскому, Ельцин был прав тогда, а не сейчас. Распадом России грозит не равноправное и равномерное развитие, а то, что правящий слой опять натягивает узду и показательным примером возвращает людей к былой зависимости от центра и былой покорности, которая неминуемо прорвется, и армия из защитника народа от агрессии опять обратится в орудие подавления своего народа.

А желанная Масхадову, да и Дудаеву, суверенность не препятствовала общему с Москвой оборонному пространству, валюте и многому другому, чем наши власти не захотели воспользоваться ради мирных и даже дружественных отношений с Чечней. Люди ищут не обособления, но лишь хозяйственной и культурной свободы от центральной бюрократии. В многополюсном мире люди хотят и страну, да еще такую огромную, как наша, видеть многоглавой, - чтобы не только третий Рим, но был и Милан, и Флоренция. Путин показал, что этого не даст. Вот и ясно, как будущий президент в кампании Шойгу, Чубайса и Жириновского, подпирающих друг друга, представляет себе единство отечества.

ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ АНТОНИО САККА

О нынешнем положении в России. Оно – дитя вчерашнего и позавчерашнего. Перемены, происходившие в России с 1985 года, вопреки хору голосов в стране и за границей, не были качественными, коренными. Они несопоставимы с происходившими в России в 1917 или даже в 1861 (отмена крепостного права) и 1929 (коллективизация). В 1985 году начались косметические перемены, которыми Горбачев надеялся преодолеть глубокий хозяйственный, социальный и политический кризис, не посягая на его главные причины. А корень их в том, что коммунисты вели и ведут свое волюнтаристское хозяйствование вне ценностных критериев и соотношений. Такое возможно пока есть компенсаторные источники ценности, покрывающие повседневную нерентабельность затрат. В СССР их компенсировали: а) изобильные природные ресурсы, прежде всего, нефть и газ (особенно. при высоких мировых ценах), б) обильные человеческие ресурсы и, тем самым, дешевая рабочая сила, в) широкое использование принудительного труда заключенных и солдат, г) исключительное положение государства, как владельца всего хозяйства, то есть, его монополия как производителя и работодателя. Последнее позволяет еще больше занижать оплату и без того дешевого труда. д) удержание большей части старой империи в составе СССР, потом присоединение к нему восточных земель Польши в 1939, и прибалтийских республик в 1940, а после войны единое хозяйствование со странами СЭВ и включение в его орбиту ряда слаборазвитых стран Азии, Африки и

Латинской Америки. За счет этих разнообразных ресурсов, казавшихся неисчерпаемыми, СССР мог добиваться отдельных, порой даже выдающихся, успехов в отдельных, политически важных, и прежде всего, военных областях.

Однако, многолетнее внеэкономическое хозяйствование, производство огромного количества сверхмощного вооружения и, ради него, все более сложных и дорогих машин, оборудования, средств связи и т.п., в большой мере исчерпало собственные природные и человеческие ресурсы СССР, а присоединение новых земель по разным причинам стало более трудным, что выявилось уже в Афганистане, да и развитые страны готовы были оказать сопротивление возможной агрессии. Не говоря о войне, коллективизация и лагеря, обязательные в коммунистической системе, вели к убыли населения. К тому же, упали цены на нефть. Все это резко сократило компенсаторные возможности Советского государства и уже в середине семидесятых вызвало незатихавший кризис, не побудивший, однако, КПСС что-либо изменить по существу в хозяйственной политике, хотя бы отказаться от гонки вооружений, - ее, напротив, лишь наращивали. Даже после 1985, провозгласив «перестройку», партия не шла на существенные хозяйственные перемены, надеясь преодолеть кризис привычным насилием, проявлением чего и был так называемый «путч» 1991 года.

Однако, и после подавления «путча» и распада СССР оставшиеся у власти президент и Верховный Совет РСФСР также уклонялись от коренных реформ, хоть в большинстве и объявили себя противниками коммунистической партии, в которой перед тем не только состояли, но занимали руководящие посты. Был лишь совершен ряд акций («либерализация» цен при сохранении монопольности производства в 1992, объявление неплатежеспособности по облигациям ГКО в 1998, систематические задержки зарплат и пенсий на сроки более полугода, и т.п.), позволивших власти, взвинчивая цены, сваливать и дальше на население расплату за коммунистическое хозяйствование, включившее в себя, между тем, уже и войну в Чечне. Истощение собственных компенсаторных источников отчасти возмещалось займами МВФ и другой помощью запада, прежде всего США и Германии, фактически поддерживавших Российскую власть в ее упорном нежелании коренных реформ, хоть и говорилось противоположное. Кризис все углубляется. Жизненный уровень преобладающей части населения падает. Коммунисты твердят, что при них было лучше, и находятся охотники им поддакивать, забывая, что к нынешнему положению привели именно коммунисты, а преодолеть его не хотят вчерашние коммунисты, спрятавшие партбилеты, но мыслящие по прежним образцам и боящиеся серьезных реформ. Но отказ от экономических реформ означает лишь продолжение внеэкономического хозяйствования.

Не ясно лишь в какой форме оно будет проложаться. Бездействие, которому отдал полгода Примаков, не может быть долговечным. Восемь лет псевдодемократии, обрекшей большинство на нищету, породили недоверие к демократии. Демократическая оппозиция сегодня в России, в

отличие от начала девяностых годов, слаба. С известными оговорками к ней можно отнести, не говоря об отдельных людях, партию «Яблоко», возглавляемую Григорием Явлинским, последовательней других указывавшим на пагубность уклонения от реформ. Но недемократическая избирательная система с голосованием в один тур при участии в выборах чуть ли не сотни партий не оставляет им шансов на завоевание в Думе большинства. Исход выборов определяют манипуляции волей меньшинства, которое, набрав чуть более 5% голосов часто оказывается «относительным большинством».

Можно гадать, кто сменит Ельцина. Среди кандидатов и нынешний премьер Примаков, выделяющийся образованностью, умом и опытом разведчика и дипломата, но ни прежде, ни в пору своего премьерства не проявивший себя как сторонник глубоких реформ. Сохраняются претензии более откровенных коммунистов, выдвигающих Зюганова. Но не имея компенсаторных источников, которыми располагали Сталин или Брежнев, коммунистический реванш сопряжен с ожесточением насилия даже по сравнению со Сталиным. (Стоит заметить, что, к примеру, государственный антисемитизм, процветавший при Сталине и его преемниках, официально не утверждался ни одним законодательным органом, его внедряла партия, командовавшая всей жизнью. Официально государственный антисемитизм проявился лишь в нынешней России, когда ее высший законодательный орган отказался осудить призывы своего члена к уничтожению евреев по спискам, то есть, по примеру Гитлера. Подобное ожесточение неминуемо проявится не только в еврейском вопросе.) Возможен приход к власти вновь созданной партии московского мэра Лужкова, программа которого близка к программе корпоративного государства, хорошо известной в Италии. Известные шансы есть у генерала Лебедева. Если Явлинский не пройдет во второй тур, что мало вероятно, соперничать за президентское кресло будут двое из названной четверки. Но ожидать от любого из них реальных либеральных реформ не приходится.

Страна устала, после очередного великого обмана, которым оказались посулы Ельцина, она полна отчаянья и недоверия ко всякой общественной деятельности. Средства массовой информации почти полностью контролируются коммунистами, бывшими или нынешними, изображающими оппозицию, хоть все правительства и бюджеты за эти восемь лет утверждались при их участии. Поэтому установление демократического порядка и либеральной экономики ныне крайне маловероятно. Понятно, стихийные движения не исключены, но при чрезвычайных событиях.

Положение интеллигенции. В России известная часть интеллигенции всегда состояла при власти и ее воспевала. Положение и общественная позиция этой части и широкого круга интеллигенции обычно весьма различались. Различаются они и ныне. Правда, ныне среди певцов власти и даже чеченской войны попадают люди, прежде державшиеся либеральных воззрений, их суждения используются как свидетельство свободы и благосостояния в России, и запад часто слышит только их. Но

это, хоть и важная, все же частность. Споры нынешней и прежней правительственных интеллигенций, подобные спорам бывших и нынешних коммунистов, хоть и примечательны, тоже остаются частностью. Куда существеннее, что основная часть интеллигенции, пусть и прежде не участвовавшая в правозащитном движении, сочувствовала ему, а теперь она преимущественно разочарована и аполитична. Сколько можно судить и сегодня большая часть интеллигентных избирателей голосует за либералов и, по крайней мере, за тех, кого считает таковыми. Но активным двигателем демократических перемен она сегодня, в отличие от 1988-1991 годов, не является.

Ее профессиональная работа тоже крайне затруднена. Она и прежде, за вычетом угодных власти лиц, оплачивалась крайне низко, но теперь люди часто могут существовать и работать только благодаря фонду Сороса и ему подобным, помощь которых власти к тому же стремятся поставить под свой контроль. Государство беспощадно сокращает не только зарплаты, но и другие расходы на науку (за исключением создающей вооружение), искусство, культуру и просвещение. Отмена цензуры положительно проявилась публикацией многих художественных и научных сочинений, прежде невозможной, нет цензурных препятствий театральным спектаклям, исполнению музыки или художественным выставкам. Но культурная жизнь проходит испытание лишь по сиюминутным коммерческим критериям, не существует ни достаточного количества цивилизованных спонсоров, ни, что еще важнее, разработанных систем финансирования культурных явлений, по природе своей не всегда способных приносить быстрый, а нередко и вообще какой-либо прямой доход.

Несвершенность либеральных реформ ощутимо сказывается и на финансировании культурной жизни, оно по-прежнему определяется государством, которое и управляет культурой. Разумеется, и при свободной экономике культурная жизнь зависит от финансирования, но там оно все же идет из множества негосударственных источников, а государство даже предоставляет налоговые и другие льготы по расходам на культуру. Поэтому отмена цензуры в России, хоть и безусловно отрадна и необходима, но ее явно недостаточно для поддержания культурной жизни. Люди в России и в этих тяжелых обстоятельствах стараются работать, но чувство отчаяния охватывает многих. Когда интеллигентный человек, привыкший читать, не имеет возможности купить газету, журнал, книгу, поскольку нехватает на еду, это сказывается и на коммерческих возможностях культуры и, в конечном счете, на возможностях культурного творчества. То есть узкопрофессиональные и общественные проблемы интеллигенции по-прежнему тесно связаны, но надежды на их разрешение сократились.

БАНКРОТСТВО ЕЛЬЦИНА

Внезапную отставку Ельцина сразу объясняли страхом перед возможным за шесть месяцев выявлением альтернативных Путину

вариантов. Меньше думали, кто принял решение об отставке и когда оно было принято, - под новый год или еще при назначении Путина, и какова мера участия в нем самого Ельцина. Слушая его новогоднее обращение, трудно верить, что решение об отставке было добровольным. Сперва президент здраво говорит о стремлении заложить традиции цивилизованного перехода власти от одной думы к другой, от одного президента к другому, а для этого, он прав, жизненно важно соблюдать сроки. Быть президентом, равно как депутатом, не привилегия, а обязанность перед избирателями, доверившими тебе управление. Конечно, болезнь или признание своей несостоятельности побуждают просить об отставке, но если этого нет, - а Борис Николаевич подчеркнул, что ни того, ни другого нет, - бегство от обязанностей, совершенное самовольно, называется дезертирством.

Не хотел же Ельцин объявлять себя дезертиром, подчеркивая, что на то была его воля: "И все же я принял другое решение". Каковы мотивы? "У страны есть сильный человек, достойный быть президентом и с которым сегодня практически каждый россиянин связывает свои надежды на будущее. Почему я должен ему мешать? Зачем ждать еще полгода?" Здесь все удивительно. Во-первых, Ельцина неточно информировали о надеждах россиян. По итогам выборов в думу можно предположить, что 38%, отдавшие голоса за "Единство", "Союз правых сил" и блок Жириновского, в основном, действительно, с Путиным, но это меньше половины. Ждать еще полгода следует затем, чтобы новый президент, пусть даже Путин, еще России не известный ничем, кроме готовности принимать беспощадные решения, был избран в хотя бы формально объективной обстановке, то есть, как принято, при своем предшественнике, а не тогда, когда он сам держит в руках всю полноту власти. И, самое удивительное, чем может Ельцин, опытный и талантливый политик, сам же и выдвинувший в преемники безвестного человека, этому человеку мешать? Мысль, что он мешают, возникла никак не у самого Бориса Николаевича. И если он эту мысль, как нынче говорят, озвучил, то из каких-то побуждений, далеких от стремления к цивилизованному переходу власти.

Он потому и не углублялся в ход и результаты думских выборов, рекламировавшихся как удачные для Путина, хотя накануне отставки президента сообщалось лишь, что из 450 мест "Единство", "Союз правых" и блок Жириновского вместе получили 137, тогда как коммунисты вместе с ОВР - 160, "Яблоко" - 21, а более 100 депутатов по индивидуальным округам еще не определились и свои позиции уточнят в ходе работы думы, то есть не ранее 18 января. Россия, впечатленная успехом "Единства", наступившего на пятки коммунистам, могла, конечно, верить, что индивидуальным депутатам никуда не деться, кроме как к "Единству" примкнуть. Но квалифицированные сотрудники ФСБ могли сосчитать, что при нейтралитете "Яблока" коммунистам и ОВР для вынесения вотума недоверия правительству Путина достаточно прибавить 55 голосов. то есть меньше половины неопределившихся, и установить что клонящихся к вотуму недоверия среди них и побольше. А вынесение вотума недоверия и, при соблюдении конституции, отставка Путина разом лишили бы его

всех преимуществ при выборах президента. Разогнать вновь избранную думу было бы невозможно и резко бы возросли шансы, если не Примакова, то какого-то другого открыто оппозиционного Ельцину кандидата.

Единственной возможностью такого не допустить и было совершение государственного переворота. Теперь дума не в силах хоть как-то ущемить Путина. Исполняющий обязанности президента по конституции ее утверждению не подлежит. Назначать нового премьера, который бы подлежал ее утверждению, он тоже не обязан. Наша конституция предусмотрела не только установление авторитарного режима, но и его поддержание, передачу власти новому правителю по воле прежнего. Искренние демократы, за эту конституцию голосовавшие, могут поздравить себя с дальновидностью.

Не вполне еще, правда, ясно, когда переворот произошел - после выявления опасности востума недоверия или уже при внезапном увольнении Степашина. Но когда бы это ни случилось, важнее всего кто переворот совершил и зачем. Ельцин не только его жертва, но и виновник, создавший предпосылки для переворота. Он вписан в историю как упразднитель коммунизма в России, но он же его хранитель. Беда не в том, что он не запретил компартию и не предал виновных в ее конкретных преступлениях суду. Стремление к национальному примирению можно бы даже приветствовать, если бы на словах противостоящее коммунистическому государству Ельцин не строил опираясь на коммунистов и на их ментальность, изъясаясь лишь ссылкой на, якобы, единственно верное и всесильное учение марксизма-ленинизма.

Обещанные реформы он свернул, не разворачивая. Реальная политическая жизнь, держащаяся осознанием людьми своих интересов, не началась. А подорвав этим широкую опору, которой пользовался сперва, но не имея возможности после Горбачева разом восстановить прежний тоталитарный порядок, он ограничился наращиванием авторитарности, но все больше опирался на силовые структуры. А даже Сталин, опиравшийся еще и на идеологический пресс, не допускал сближения разных силовых структур. Армия и КГБ в сталинской системе были противоположностями, службы КГБ пронизывали армию и уже одно это мешало офицерам им доверяться. Противостояние КГБ и МВД тоже известно. Ельцин, после событий 1993 года твердо контролировавший все силовые структуры проглядел опасность их сближения.

Он уже в 1995 году не понимал, что война не только милитаристским духом и повседневностью насилия, но и опасностью объединения силовых структур и их возвышения над официальным правлением, подрывает гражданское государство, тем более, у нас и так часто формальное. Не зря заключение мира с Чечней после первой войны Ельцин поручил не своим доверенным лицам, а нелюбимому Лебедю, который, противопоставив авторитет боевого генерала генералам-неудачникам, смог заключить мир. Но Ельцин не воспользовался его успехом и полагаясь на фантастическое соотношение сил, чуть не сто к одному, при самолетах, ракетах и танках лишь на одной стороне, начал новую войну. А поскольку он, отказавшись от демократических реформ, и в

гражданском правлении опирался уже прямо на силовые органы, откуда призвал трех последних премьеров, армия в нынешней войне оказалась под прямой командой человека из КГБ, чего с 1917 года никогда не было. Андропов, считающийся и порой даже воспеваемый, как человек из того же ведомства, возглавил его, в отличие от Путина, не как кадровый работник, а как партийный комиссар. Устинов тоже возглавил армию как партийный комиссар. И это толкало обоих к не столь одностороннему осознанию реальности.

Не будем гадать, чего ждать от наперед объявленного неизбежным президента Путина, известного покамест лишь неограниченной готовностью убивать. С такой репутацией к высшей власти не приходил еще никто, даже Сталин, в изобилии проявивший ее по ходу дела. Путин проявился наперед, чем и завоевал у части сограждан популярность. Инакомыслящим его не остановить уже потому, что слишком различны их собственные мысли. Не сопоставляя главных персонажей нашу нынешнюю ситуацию можно сопоставить с немецкой в 1933 году. Одни считали необходимым остановить коммунистов во главе с Тельманом, и, начиная с президента Гинденбурга, презиравшего Гитлера, его продвигали и 37% голосовали за него. Другие считали необходимым остановить национал-социалистов, и 30% голосовали за Тельмана. В сумме 67% немцев проголосовали за тоталитарный режим, хоть и разной окраски. А была другая возможность, за которую выступали прежние лидеры компартии Брандлер и Тальгеймер, предлагавшие выступать против Гитлера в союзе с социал-демократами и либералами, создать нечто вроде народного фронта, позднее возникшего во Франции и сохранившего демократию. Сталин объявил их предателями и через Коминтерн заменил Тельманом. Результат известен.

Зюганов выдвинет свою кандидатуру и получит меньше, чем Путин, число голосов. Но и неизбежность этого не учит российских коммунистов, среди которых, увы, ни Брандлеров, ни Тальгеймеров нет, не выдвигать своего лидера, а поддержать независимого кандидата, способного выступить с лозунгом не строевого единства, а национального примирения. Может быть, его знамя мог бы поднять генерал Лебедь, может быть другой генерал, тоже, в силу своей профессии и опыта, понимающий опасность размахивания ядерным оружием и щегольства средствами доставки, вроде Воробьева или Громова. Может быть, штатский человек сможет объяснить, что страна Пушкина и Менделеева, Толстого и Сахарова, великой будет вечно, и преступно жертвовать ее благоденствием, ради величия всенародной голодухи. Другого знамени для защиты от Путина, проявившего к диктатуре и к прямой лжи, большие способности и никаких других, к несчастью уже нет.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ МАСКИ

Начальству досадно, если у кого-то есть права, с которыми надо считаться, оттого и права человека государство непрерывно нарушает, а защищают их частные лица и правозащитные организации. Но от них у нас нынче требуют вписывать в уставы, что не сами они защищают права

человека, а лишь помогают государству их защищать. Государство камуфлирует свою нетерпимость к этим правам. Почти как в Библии: есть время предоставлять права и время их отбирать.

Даже в худые времена, властям порой приходилось соблюдать приличия, и людей слали на смерть уже не тройки, а суд, и там, наряду с прокурором, имелись адвокаты и судьи. Понятно, в политических делах это была одна видимость. Делали вид, что советское право это право, состязательный процесс, доводы обвинения, доводы защиты и все такое. Мечтая о демократии, люди ждали, что это станет не показухой, как при Сталине и Брежневле, а будет всерьез. Но еще туда не дошли, а уже возвращаемся: правозащитников ставят на место. Нужда соблюдать приличия явно поубавилась. Запад и так съест.

Егор Гайдар разъяснил ничтожество правозащитников на примере Сергея Ковалева, защищающего мирных чеченцев. Он, дескать, защищает и правого и виноватого, а если мыслить по-государственному, как сам Гайдар да Путин, которого он поддерживает, то террористов не изловить, иначе как кидая бомбы и ракеты на мирных людей, чтобы сотни тысяч побежали из своих домов, не считая убитых на месте. Стоит ли объяснять Гайдару, что правозащитник защищает не виноватого, а того, чьи права нарушены? Журнал "Коммунист" и газета "Правда", где этот демократ сложился, давно объяснили, что у нас обвиняемый всегда виноват, а за права виноватого нечего ратовать. Гайдару удивляться не приходится, не удивляемся же Макашову, удивляет скорей Ковалев, остающийся в гайдаровской партии.

Разошлись-то не по мелочи. Один убежден, что воля государства священна, и противникам войны говорит: если вы против Путина, против нашей армии, скажите как этих чеченцев, посягающих на целостность России, усмирить. А другой даже и про целостность не спорит, нет, чтобы спросить, а разве чеченцы задумали оторвать Питер от Москвы или Брянск от Орла? Он всего только говорит, что триста тысяч человек выгонять из дому нельзя, что стариков, старух, матерей и детей в таких количествах убивать нельзя, да и молодых мужчин убивать не стыдно только в бою, где и тебя убить могут.

Это старая притча. Французский писатель интересовался готовностью, шевельнув пальцем, умертвить в Китае неведомого мандарина, чтобы получить наследство. Русский писатель интересовался, можно ли для счастья всего человечества замучить одного маленького ребеночка. Вот люди и разделились на тех, кто не станет, своей или всеобщей корысти ради, убивать ни ребеночка, ни мандарина, - это и есть демократы, и на тех, кто готов убивать. Им "все дозволено", а "цель оправдывает средства". Не коммунисты такое придумали, но на практике они зашли тут дальше всех. Мы их узнаем не по партбилету, а по этой вседозволенности ради великой, светлой цели. Цель меняется, вседозволенность остается.

Не в том трагедия, что генерал Шаманов – злодей, или даже, что выполняет преступный приказ. Трагедия, что отдают преступные приказы. Явлинский верно говорил, что политик не должен ругать свою армию,

должен ее защищать. К сожалению, Григорий Алексеевич не припомнил, как армию, выполняющую преступные приказы, защищать. А для этого надо требовать, чтобы ей не давали преступных приказов. Как того требовал Сахаров, когда нашу армию преступно послали в Афганистан. Вот и его послали в Горький. Государство у нас по-прежнему мнит, что владеет всей полнотой истины, если усомнишься хотя бы в деталях, как тот же Явлинский, назовут предателем, как назвал его правительственный Чубайс. Истины бывают разные, можно быть разных мнений, но, если в защиту государственной истины приказывают пускать ракеты на мирных людей, значит государство снова стало, или, точнее, не перестало быть, тоталитарным. А демократия от тоталитаризма отличается.

Признаваться, что ты никакой не демократ, и готов на человеческие жертвоприношения своим идеям, не каждый хочет. Гайдар грабил народ России без личной корысти, а непонятливых уверял, что иначе было нельзя. Его идеологическая искренность многих подкупала. Массовые злодеяния нуждаются в подобающей идеологии. Преступления советского государства были как бы не личными, они совершались от имени марксизма-ленинизма, а перед идеологией не то что Уголовный кодекс, а и здравый смысл бессилён. Объяснить, что, выставляя мощи Владимира Ильича Ульянова на обозрение в мавзолее посреди столицы, над покойником надругаются, все еще не удается, поскольку идеология держится не логикой, а верой. Ельцин, чтобы прийти к власти, отбросил советскую идеологию, но тут же заговорил о необходимости завести другую. Сперва ему служили гайдаровские разговоры о рыночном хозяйстве, но по мере того как прояснялось, что у "новой" России забота прежняя – тащить и не пущать, вместо идейных масок в ход пошли матерчатые. Силловые органы наводят порядок закрывая лица масками.

При Сталине сотрудники КГБ входили в дома без масок. Обыск длился достаточно долго, чтобы разглядеть физиономии начальников и лица рядовых. Начальники подписывали протоколы, вы знали их фамилии, обычно настоящие. Они верили, что их пакости полезны родине, а власть их пребудет вовеки. Надевая маски, нынешние их товарищи, выдают свою неуверенность в завтрашнем дне. Государство не ослабело, но его служители уже знают, что власть его не вечна, а дело их не правое, и хотят заслониться, если не поблекшими идеями Маркса и Ленина, так черной тряпкой.

На западе вздыхают, что в Чечне женевские конвенции нарушают по неведению. Да все у нас знают, все ведают! Чубайсу отлично известно, что по женевской конвенции отключать электричество у мирных жителей нельзя, но он отключает Чечню, в полной уверенности, что Гагский суд его не схватит. Для КГБ, из которого пришел Путин, все конвенции действуют за пределами нашей территории, а на ней со своими гражданами государственная сила вольна делать, что сочтет нужным. Внутреннее дело. В этом и состоит советская законность, спасая которую, КГБ не объявили преступной организацией, а просто переименовали. Покуда чеченцы - граждане России, их можно безоглядно убивать. Будь они курдами, живущими в Турции, Путин бы отлично объяснил, что детей и

стариков убивать не гоже, а террористов надо судить, и даже их главу Оджалана отнюдь не следует "мочить в сортире". Но российская власть убеждена: конвенции для Турции, а нам закон не писан, у нас ядерное оружие.

Уже Брежнев не позволял себе вслух выдавать такие мысли, а рассуждал о разрядке. Конечно, и это была маска, но вспоминая, что у нас есть, стоит помнить, что есть у других. Сегодня, ядерное оружие годится лишь для коллективного самоубийства. Однако бывший президент перед уходом размахивал бомбой, а нынешний, даже еще не став И.О., на следующий же день заговорил о наших отличных средствах доставки. Демонстрация силы тоже маска, но имеет свойство прирастать к лицу. Возможно, у части народа уничтожение Чечни повысило рейтинг Путина. Злорадные у нас есть, но в России дураков нет, и всякий понимает, что водородная бомба, брошенная чтобы пугнуть дружка Билла, вернется на наши головы. Ни для кого это не тайна, но власть себя ведет, словно бомба только у нас, и мир не таков, как есть. Средства массовой информации неустанно создают мнимые картины жизни. Священник отец Георгий, говорил по радио о сострадании к беженцам, о том, как дружно жили народы Кавказа в советскую пору, а кучка исламских сектантов и русским и чеченцам испортила жизнь. Слова не сказал о выселении, при котором половина чеченцев погибла, и о тех, кто их убивал. Христианину бы прощенья просить, но отцу Георгию проще делать вид, что ничего этого не было, а чеченцы начали войну.

Запад объяснял Ельцину, теперь объясняет Путину, что и Чечня, и размахивание бомбой, - России не на пользу, да те и сами это знают. Но их мысли о другом, а что до России, так власть верит, что наша страна, как всегда, сдюжит, вот и идет на неоправданный риск. Вот и твердит: вы нас не учите, это наше внутреннее дело! А ведь и эти речи – камуфляж, маскировка. Слов нет, оставаться России и дальше Империей, или все-таки стать Федерацией, то есть добровольным объединением, в котором силой никого не держат, это наше внутреннее дело. Нашим внутренним делом была и коллективизация, не хуже, чеченских войн уничтожавшая мирных людей. И большой террор тоже. А про дело врачей и говорить нечего, конечно, внутреннее: хотим, у них лечимся, хотим, пух из перин пускаем. Путин и министр Иванов только забыли, что эти внутренние дела, как мы их ни маскируем, уже всему миру известны, и от них кровавые пятна у нас на лице. Чтобы выйти с таким лицом в калашный ряд, и ядерного оружия недостаточно. Внутренние дела не спрячешь, лучше жить с открытыми лицами, без масок.

Я поверю, что у нас демократия, когда примут закон, что маски можно носить лишь для забавы, а в других случаях они - отягощающее обстоятельство. Авось тогда и силовики станут работать лучше и ловить террористов, не убивая детей.

ДЛЯ СПАСЕНИЯ ЧЕСТИ

Смолоду меня ставили втупик слова Ленина: "Герцен спас честь русской демократии". Вроде верно, Александр Иванович Герцен осуждал действия власти и армии при подавлении польского восстания. Он видел, что зло, которое Россия там творит, ей аукнется. Но при чем тут русская демократия со своей честью и чем Герцен мог эту честь спасти? Лишь потом я понял, что спас он честь вовсе не русской демократии, которой, увы, не существовало, а России, **показал**, что Россия не вся из Муравьевых-вешателей, и не все русские - насильники.

При всей скромности нынешней скукоживающейся гласности, нескольким российским писателям и публицистам все же удалось осудить в российской печати действия власти и армии в Чечне. Но и мы не спасли честь людей, именующихся демократами и рукоплещущих ракетным обстрелам мирных жителей. А если 8,5% голосовало за них, веря, что голосуют за демократию, стоит подумать, что это слово в России означает.

Ленин, когда писал о Герцене, еще не сбрасывал "грязное белье" демократии, но она была для него абстракцией, отсутствующей в конкретной общественной жизни. Ныне "Нью-Йорк Таймс" объясняет, что "война уже деформировала российскую демократию, подтолкнув многих реформаторов к ненормальной для них поддержке воинствующего национализма". Можно бы порадоваться, что американская газета преодолевает вранье о триумфах российской демократии, но когда же та была не "деформированной"? И можно ли считать демократами и реформаторами людей, поддерживающих то, что газета расплывчато именуется "воинствующим национализмом", а по-русски известно как великодержавный шовинизм. Лидер "Союза правых" Кириенко, в бытность премьер-министром, кроме повышения цен в пять раз, ничем не прославился. Что он за реформатор?

В нашем ново-феодальном обществе слова "демократ" или, еще лучше, "молодой реформатор" - почетные звания, как в старом обществе "дворянин" или "потомственный почетный гражданин", и ни с каким конкретным образом действий не связаны. Представление, будто демократия состоит в осуществлении воли большинства, неверно. Если, скажем, студенческая группа из двадцати юношей и пяти девушек квалифицированным большинством в 20 голосов решит коллективно этих девушек изнасиловать, для нормального человека это не демократия, а преступление. Демократия проверяется отношением к другому, другому человеку, другому социальному слою, другому народу, умением поставить себя на место другого, понять, почему он хочет от нас отделиться.

Задолго до нас и до обеих нынешних чеченских войн было написано, напечатано и перепечатано миллионными тиражами: "О ненависти к русским никто не говорил. Чувство, которое испытывали все чеченцы от мала до велика было сильнее ненависти. Это была не ненависть, а непризнание этих русских собак людьми и такое отвращение, гадливость и недоумение перед нелепой жестокостью этих существ, что желание истребления их, как желание истребления крыс, ядовитых пауков и волков, было таким же естественным чувством, как чувство самосохранения". Это, конечно, читали и президент России, и и.о.

президента, и министр обороны, и начальник генштаба, и новые "Герои России" генералы Казанцев, Шаманов и Трошев. Это наверняка читали и Гайдар, и Чубайс, и, надо думать, Кириенко и Хакамада тоже. И, как видим, никакого впечатления.

Всякий раз, вне связи с текущими событиями перечитывая одну из самых любимых моих книг, и натываясь на эти пронзительные слова, я пугаюсь, не обрушатся ли чувства чеченца, излившего в них свою душу, на всех русских, а даже и сейчас, когда, говорят, 50% поддержало войну, 25% против нее. И вдруг спохватываюсь, что написал это вовсе не чеченец, а русский человек, который, стоит вспомнить, написал великую книгу и о другой войне, в которой над иноземным завоевателем, даже менее жестоким, чем наши на Кавказе, радуя нас, читателей, торжествует "чувство самосохранения" русского народа. Лев Николаевич Толстой потому и понял чувство чеченца, что сперва ощутил такое же чувство самосохранения сам, и с болью потом обнаружил в русском человеке не только чувство самосохранения, но и жестокость завоевателя, кураж сильного над более слабым.

Центральное телевидение показало пятнадцатилетнего подростка с оружием в руках, и обозреватель лет сорока с лишним произносил гневные слова о чеченцах, губящих детские души вовлечением в войну. А когда этого обозревателя на свете не было, советские дети даже двенадцатилетние, десятилетние, брались за оружие против вовлекших их в войну захватчиков. Это была Отечественная война, и у чеченцев теперь такая же, завоеватель уничтожает их отечество. Казалось, войну у нас помнят, а новые поколения уже забыли, во всяком случае, забыли чувства владевшие нами до Прохоровки, где уж им понять чеченцев. Именно в ту пору, начиная со Сталинграда, окрепла в России любовь к прижатой к Волге армии. Теперь великую армию, сперва в Афганистане, и ныне в Чечне, унизили до карательных жандармских операций, а никто не ощущает унижения. Мясник Грозного, генерал Рохлин, в первую войну пробивший его оборону беспощадными способами, которыми действуют ныне, не принял за этот "подвиг" звание "Героя России", все-таки было стыдно, а Шаманову уже и не стыдно.

Откуда быть демократии, если не признаем за другими ни отечества, ни права жить по-своему, нас не спрашивая. Долг нашей власти лишь в том, чтобы оградить невинных граждан от мести за безнаказанные преступления власти. Хорошо бы еще выяснить, кто так ловко проглядел преступный проход Басаева в Дагестан и так удачно дал ему оттуда выйти. Неплохо бы и рассказать о подвигах Басаева в Абхазии, где он был не противником, а союзником нашей армии, возможно, еще не понимая, что за изгнанием грузин последует изгнание чеченцев.

Но чеченский случай не особый, таков менталитет российской демократии. Депутат Государственной Думы Василий Шкандыбин заявил, что если хотя бы один еврей совершил преступление, за него должны ответить все евреи. Это было не у пивного ларька, а в ходе заседания думы, но ни коммунисты, ни "демократы" не спросили коллегу: А как, в таком случае, поступать с русскими, если не один генерал Власов, но с ним

160 тысяч солдат изменили родине, неужто все 120 миллионов русских за них наказывать? Нет сомнений, депутат Шкандыбин охотно признает, что русских, и его в том числе, казнить за власовцев несправедливо. А евреев и прочих - вполне справедливо. И так, видимо, в душе считают все молчаливо согласившиеся с ним депутаты во главе с председателем.

Как опять трогательно выходит: запад логично объясняет, что не существует коллективной вины, а Российская Государственная Дума и не утверждает, что она существует для всех, и тоже, согласно нашим понятиям о демократии, для большинства ее не признает. Но для некоторых, для евреев, для чеченцев и кто там еще возникает, без нее не обойтись. А запад соглашается, что в основном демократия в России установлена успешно, остались какие-то мелочи. Выступление депутата Шкандыбина и молчание думы - не тайна, его по телевизору показывали, но мир и не заметил, даже газета "Нью-Йорк Таймс", а, говорят, "еврейская газета".

Вести об ужасающих фактах чеченской войны до людей доходят. Но крайне редко эти факты не списывают на личное зверство или национальный характер, и видят в них выражение общественных идей. А эти факты сделали расстановку идей наглядной. Уже девятый год власть, состоящая из бывших коммунистов, объясняет как ужасен коммунизм. Но две войны в Чечне, пышные похороны бывшего царя в Петропавловском соборе и появление партии, открыто именующей себя "правой", показали, что они на деле противопоставляют коммунизму. Его тоталитаризму - самодержавие, а Ленину - Николая Романова. Сходства режимов и прямого продолжения чеченских войн как бы и нет. И нет в памяти противостоящего героям и идеалам обеих сторон нашей мнимой альтернативы Льва Толстого.

По поводу круглой даты провозглашали человека века. Журнал "Тайм" выбрал Эйнштейна с теорией относительности. Второе место занял Ганди, как пророк ненасилия. Ганди, конечно, замечательный человек, и он бы не посягнул на лавры своего русского учителя, жившего и в XX веке. Стало быть, нет и формальных препятствий к тому, чтобы провозгласить Льва Толстого человеком этого века. В век насилия, главным очагом которого была Россия, величайший пророк ненасилия тоже был русским. Значит зверства нашего отечества не природные, но плод отвержения того великого, что на его просторах рождается. Если бы власть, в любом обличье жаждущая диктовать миру, как жить, не топтала своими сапогами все живое в стране, ей бы в России не удержаться.

Лев Толстой не политикой занимался, его занимала участь другого человека. Как художник, на небывалую глубину проникавший в далекие ему души, он и как моралист, понимал, что унижением другого справедливости не добиться и достоинства не обрести. Написанное им о Чечне надо в избирательную кампанию перепечатывать в газетах. Пусть никто не забывает, что по одну сторону Николай I, Сталин, Путин, коммунисты, баркашовцы, а по другую Лев Толстой. Не то что у России нет выбора.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕРЕС

На западе национальный интерес складывается из индивидуальных интересов максимального числа людей. Иллюзий по этому поводу напрасны, равенства нет и там, да в современном мире оно и невозможно, но там, в отличие от нас, неравенство сбалансировано, возможность существования и правовая защита сохраняются и на низших ступенях лестницы. Проще говоря, западный мир опирается на общественный компромисс, границы которого, подчас даже в ходе революционных схваток, смещаются, но само его поддержание - важная часть национального интереса.

России компромисс глубоко чужд. В массовом сознании, как и в сознании власти, он идентичен поражению. Отчасти поэтому, даже при желании, России трудны политические компромиссы. Компромисс - это взаимные уступки. Запад, с его буржуазным мышлением, способен на сделку, и ради нашей уступки может уступить. Россия, с ее феодальным мышлением, к сделкам не способна, она знает лишь победы и поражения, все, что не победа, для нее поражение, даже взаимовыгодная уступка, и она не ратифицирует ОСВ-2, ратифицированный США.

В России потому и нет демократии, что демократия - дитя компромисса, а у нас безотцовщина, хоть в метрике нашей демократии пропущенной строки нет. Вписали, напротив, даже лишнюю - "Гарант демократии:". Но опекун не отец, ему чужд инстинкт, толкающий спасать ребенка прежде, чем себя. А выявить национальный интерес без демократии невозможно.

Ныне считается, что наш национальный интерес в том, чтобы снова сделать Россию великой державой. Не вполне, правда, понятно, когда она перестала ею быть. Если, не рыдая о распаде СССР, иметь в виду нашу нынешнюю страну, то все признаки величия, и подлинного, и мнимого, поныне при ней - обширная территория, многочисленное население, водородное оружие, выдающаяся культура, то есть и всеобщая грамотность, и наука, и литература с искусством. Конечно, хозяйство наше в плохом виде, но, за вычетом военной промышленности, кризис нарастал с середины семидесятых, а величия не умалял.

Со всех сторон твердят про обиду каждого россиянина на то, что другие великие державы порой с нами не соглашаются и поступают по-своему. Одновременно учат, что у нас особенный путь и мы вправе по нему идти, ни на кого не оглядываясь. Если разом верить и тому, что другие обязаны делать по-нашему, и тому, что мы с другими считаться не должны, следует искать, наш национальный интерес в том, чтобы править миром. У Ельцина не зря перед уходом вырвалось: "Мы будем диктовать!"

Дело знакомое, на том стояли и цари, и советские вожди, Хрущев говорил: "Мы вас похороним!" К размаху начальства не привыкать, да не от наших обид он идет. Не считалось ведь обидным, что проигравшие войну немцы уже благоденствовали, а советские победители бедствовали, и даже ГДР жила богаче, чем Россия, а поздней побежденные немцы еще помогали нам, победителям. Не считалось обидным, что более пятнадцати тысяч наших солдат напрасно сложили головы в Афганистане. Не

считается обидным, что, обладая подавляющим превосходством и новейшим оружием, наша армия уже четыре месяца, и не без жертв, все еще воюет с "чеченскими террористами". Власть скорей готова допустить, что генералы, хоть и беспощадно жестоки, но плохи, и их надо заменять, чем признать, что чеченцы вовсе не террористы, а партизаны, защищающие свою родину от оккупантов, что меняет характер войны. Уничтожение в Чечне тысяч людей, в том числе и русских, реальные обиды российского народа не компенсирует, и совершается оно не из национального, а из начальственного, номенклатурного, интереса.

Как-то в Англии я удивился, что свежие лимоны мгновенно сохнут. Жена объяснила: "Паровое дали". Мы гостили в частной квартире с отдельным отоплением, которое сами включали, как хотели. Но брала верх привычка, что наши судьбы решают помимо нас некие "они", подразумеваемые глаголами в третьем лице множественного числа. "Дали", "выбросили", "разрешили", "подняли", "снизили", "забрали". Так говорят в России и о дурном и о хорошем. Кто дал или забрал, уточняют редко, да и к чему? Жаль, что Маркс не узнал, сколь бесстыже при социализме "отчуждение", которое он мечтал преодолеть. Чтобы такое принимали, как должное, государству и надо быть великим и сильным. Тогда воображают, что можно безнаказано диктовать.

Диктовка за рубежом от имени России - плод отчуждения начальством в свою пользу национального интереса. Когда Ельцин пригрозил бомбой, а Путин средствами доставки, доллар на нашем рынке не упал, но еще ускорил рост. А диктовку по нашу сторону границы "они" особенно ценят. Уклонение от реформ и нежелание преодолеть советское внеэкономическое централизованное хозяйство тем и вызваны, что иначе сократится возможность диктовать, а номенклатурное начальство верит, что, нажав сильнее, оно добьется большего. Но чтобы наше хозяйство отошло от края пропасти, стало эффективным и конкурентоспособным, оно должно быть экономическим, то есть плюралистическим, а у нас частное хозяйствование надежных гарантий не обрело, общероссийский рынок не заиграл, вот взамен и стал расти административно-территориальный плюрализм, иначе говоря, сепаратизм.

Он нагляден там, где, как в Чечне, жива двухсотлетняя традиция сопротивления колонизаторам и помнят сталинский геноцид, но нужно быть слепым, чтобы не видеть ту же самую тенденцию в других землях, даже сугубо русских, где центральная власть тоже не дала нормально жить частному хозяину ни в городе, ни в деревне. Чеченская война - не просто выборная махинация, она объясняет каждому, что лучше не выходить потому, что все равно не выпустят.

Между тем, реальная федерация держится добровольным стремлением к единению, и все, что подрывает добровольность, в частности, внеэкономические акции жаждущего унитарности центра, единение ломает. Право выхода для территорий, на которых за это выскажется большинство, не только побудило бы спешащих отделиться подумать, что, при взаимной вежливости, вместе лучше, чем врозь. Оно вынудило бы начальство не диктовать и помнить о чудовищном зле,

которое оно уже два века причиняет этим людям. Ельцин, уходя, в общей форме просил прощения, что не все делал хорошо, но уже не был в тот миг президентом. А Вилли Брандт, будучи канцлером, встал на колени перед памятником погибшим в варшавском гетто. Когда вину признает действующая власть, есть надежда, что не будет возврата к прежнему. Ни царская, ни советская, ни ельцинская власть своей вины не признавала, и повторяла старые ходы. А дорожи мы добровольностью федерации, могли бы, как Европейский Союз, еще ставить условия для вступления, и войти в Российскую Федерацию считалось бы за честь.

Убоясь экономического "сепаратизма", самостоятельности множества предприятий, конкурирующих на открытом рынке, противостоящем хозяйственной монополии государства, ныне доверенной Вяхиревым, Березовским, Потаниным, Чубайсам и прочим так называемым олигархам, центральная российская власть сама и вскормила территориальный сепаратизм, с которым теперь борется. Она не ощущает разницы меж изнасилованием и взаимной любовью, поскольку дети так тоже рождаются. Ну, что ж, давно известно, народ можно привести к тому, что он кричит: "Да здравствует царь Димитрий Иванович!". Пушкин написал именно так, лишь когда цензура это вымарала, переправил на "Народ безмолвствует". С годами Кремль, конечно, усмирит Чечню, ведь ни своих солдат, ни ее жителей, ему не жалко. Однако, такой опыт у России уже есть, он и привел ее к разорению, к отпадению всех, кому она навязала себя в старшие братья, и кто без насильного братания был бы другом.

Наш национальный интерес, прежде всего, в том, чтобы люди России чаще употребляли глаголы в первом лице единственного числа, а оскомина от царского и советского силовых порядков прошла не только в других странах и других республиках СССР, но у всех российских народов, которых выселяли и которых не успели выселить, в том числе и у русского, у его вытесненных из жизни социальных слоев и, прежде всего, свободного крестьянства. Если Россия и впрямь станет не царской и не советской, но уважающей достоинство других, ей легче будет отстаивать национальные интересы. Национальные, а не номенклатурные.

Перед тем как губить частные хозяйства в деревне и в городе, сажать и высылать кулаков и нэпманов, Сталин не спрашивал мнения народного и не открывал, что впоследствии. Подпиравшие его руководящие товарищи и думать не думали, что теперь им надо ждать расстрела или безвозвратной каторги. Путин, в отличие от великого вождя, не лицемерит. Не побывав публичным политиком, заняв, как бог из машины, пост премьер-министра, он принялся уничтожать чеченцев. Избираться в президенты он предпочел уже занимая этот пост, то есть лишив других равных условий избрания. То и другое, даже больше, чем практика тайного агента ГБ, говорит, чего можно от него ждать. Но 26 марта еще будет референдум. На то, что нас не спрашивали, как про Сталина, потом уже не сошлешься. Сказать, что чекист - меньшее зло, чем коммунист, тоже трудно. Не меньшее. Голосующие за Путина наперед знают, что голосуют за то, чтобы страной и дальше правили "они", за номенклатурный интерес. Не национальный.

КТО С КЕМ?

Ну, вот новая Дума и собралась! Предвыборные недоумения рассеялись. Не хотевших голосовать за коммунистов агитировали за "Единство" во главе с министром по чрезвычайным ситуациям отважным Шойгу. Проголосовали. После спасательной операции, Шойгу вернулся в Министерство вице-премьером, а в Думе "Единство" возглавил неведомый Грызлов, и на первом же заседании вместе с коммунистами они открытым голосованием безальтернативно провели в Председатели коммуниста Селезнева. А заодно распределили посты в комитетах, без всяких там пакетных соглашений.

"Единство" выставяло себя противником коммунистов, сторонником разумных реформ. Объединясь с ними оно сменило предвыборное лицо. Между тем, парламентское представительство девяти партий, ни одна из которых не получила большинства на выборах, нуждается в более строгих процедурах, чем представительство двух, как в Конгрессе США, и за сговором образуемого внутри девятки большинства виден противозаконный предвыборный обман. Этак проголосуешь за самую раздемократическую партию, а она окажется отделением баркашовцев. Конечно, сетовать надо не на лихого Шойгу, а на свое легкомыслие. Голосование за партию, возникшую в ходе выборов, которую и не разглядишь, до добра не доводит. Но Шойгу-то обвел Россию вокруг пальца. И не только вдвоем с генералом Гуровым, мастером борьбы с преступностью. За них агитировал Путин. Путину поверили, у него рейтинги, вот и голосовали за "Единство". А Путин поддерживал Селезнева. Сказал: выбрать губернатором Подмосковья. Не получилось, генерал Громов обошел. Тогда сказал: выбрать опять Председателем Думы, - по телевизору показали, что сказал.

Только и Путина ругать нет смысла. Обмануты лишь те, кто рад обмануться. Уже по тому, как он чеченскую войну начал было видно, что с демократией у него ничего общего нет, и он будет действовать как коммунист. Казалось, что сперва, по примеру Бориса Николаевича, под видом антикоммуниста. А он показал откровенность, не стал принципиальное единство смазывать. Пусть избиратели знают, кому отдают голоса.

Но "Союз правых" огорчился. Столько работали, чтобы разъяснить народу, что Путин в душе демократ! Даже те, кто за "правых" не голосовал, воспринимали поддержку ими Путина как доказательство того, что коммунистам ходу он не даст, и, благодаря "правым", многие голосовали за "Единство". Даже когда эти новые "заединщики" наладили единство с коммунистами, лидер "правых" Кириенко обвинил их в измене Путину, даже "яблочник" Лукин сказал, что они его "подставили". Телевизор, видимо, не смотрят, или не опознают преданность партии вождю, без команды которого такого бы не было.

Путин версию Кириенко не поддержал, и от объяснений разумно уклонился, только, говорят, сказал Селезневу, что для него скандал был неожиданностью. И. о. Президента вправе был ожидать, что Селезнев и

другие товарищи не зарвутся, а проведут операцию "Председатель" чисто, сосредоточатся на главном, не станут прихватывать плохо лежащие комитеты. Но и коммунистов здесь трудно винить, всяк следует своей природе, а она им велит брать все, что можно. Еще Ильич учил: "Грабь награбленное!" У Путина дел много, и за президента и за премьера, вот и не доглядел, пустил Селезнева на самотек.

В результате, голосовали лишь "единственники", коммунисты и, ясное дело, жириновцы, а фракция Примакова, "Яблоко" и "правые",- для последних остаться с коммунистами значило бы разом развеять легенду, что они демократы,- в знак протеста покинули зал. Пренебрегли комитетской мелочевкой, и не пошли на следующее пленарное заседание. Но голосов у них не много - чуть больше четверти, Пока единство "Единства" и коммунистов цело, их демонстрации Путину не помеха.

Некоторые, особенно на западе, волнуются, что же будет с демократическими реформами, которые у Путина в душе. Одно "Единство" даже с группой "Народный депутат" и жириновцами 226 голосов, нужных для большинства, не наберет. Чтобы и впрямь проводить реформы, без "правых", а, может, и без "Яблока", не обойтись. Волноваться, однако, не стоит, ведь не только Шойгу пробивал дорогу Путину, но и "правые", просто их роль посложней, и нынче они озабочены сохранением на дальнейшее костюма и грима, а дойдет до нужного Путину голосования, он мигнет и прибегут. А главное, предшественник Путина восемь лет морочил головы заверениями, что он-то до реформ охоч, да коммунисты не дают. Почему же в качестве реформатора не выбрать чекиста, а коммунисты (на то их и держат) и ему развернуться не дадут, что, видимо, и требуется, если не полагаться на чтение в душе.

Если от Ельцина до поры чего-то можно было ждать и даже требовать, поскольку наново он поднялся в демократическом движении и был в одной парламентской группе с Сахаровым, то у Путина никаких обязательств перед русской демократией нет. Ссылаться на то, что он не может не проводить реформы, поскольку они необходимы стране, смешно. Отмена крепостного права была необходима стране еще при первых Романовых, а совершилась двумя с половиной веками позднее. Цели политика можно уразуметь только по его действиям. Происшедшее в Думе любопытно лишь как первый серьезный самостоятельный шаг Путина.

Оставим Березовскому, еще вчера требовавшему запретить компартию, объяснять, что коммунист Селезнев помешал занять это место Примакову, который воспользовался бы им при выборах президента. Березовскому не докажешь, что даже будь это правдой, действовать по принципу "цель оправдывает средства" все равно не гоже. А это еще и неправда, сосчитав голоса, видишь, что и без поддержки коммунистов и даже Примакова, могли выбрать Степашина. Путин этого не захотел не из неприязни к земляку и коллеге, а потому, что избрание Селезнева, - не мелкий выборный маневр, а дело программное.

Раскол КПСС перед лицом хозяйственного крушения был неминуем. Отважся на него Горбачев в девяностом году, наряду с национал-социалистической компартией Зюганова сегодня бы

существовала и, быть может, двигала бы реформы социал-демократическая партия Горбачева, подобная, скажем, социал-демократам Литвы или Чехии, да и другие бы определились почетче. Увы, Михаилу Сергеевичу не хватило мужества, и нынче он пытается сыграть несыгранную игру задним числом. Стычка пошла между ГКЧП и Ельциным, который вместо реформ вел постоянные разговоры о том, что коммунисты, - а это уже были открытые национал-социалисты Зюганова, - хуже него, что до поры было верно, но жизнь не улучшалось, поскольку и стоящая за Ельциным, а не только за Зюгановым, часть правящего класса серьезных, не гайдаро-чубайсовских, реформ не хотела, и страна нищала, топчась на месте. Противостояние коммунистов и ельцинистов стало бессмыслицей. Вот Путин и призван "консолидировать" силы, восстановить утраченное "единство партии". Поддержка Селезнева - первый шаг к этой цели.

Это не значит, что Путин станет во всем слушаться коммунистов. Но он будет не просто сотрудничать с ними по примеру Ельцина, а мирно вводить их в общее руководство, не отдавая его целиком, лишь частично делясь, и равноправно возвращая коммунистов в единый правящий класс, общим лидером которого он станет. В этом назначение "Единства". А дальнейшая политическая и другая жизнь России зависит от того, удастся ли ей противостоять возврату единого класса, правящего закрытыми директивами, а не просто лично Путину.

Примакову с таким не совладать, да и желания нет. Полезней других был бы Явлинский, стремящийся к реформам и противившийся шедшим при Ельцине их деформациям в угоду правящему классу. Хотя он и растерялся, когда странные взрывы в Москве переросли во вторую чеченскую войну, он, единственный из крупных политиков, выступил против ее жестоких методов, как прямой оппонент Путина. Но именно за это его поносят Чубайсы, уверяющие, что долг демократа - сотрудничество с властью, даже не демократической. Для них Явлинский хуже коммунистов, поскольку его принципиальность обнажает их беспринципность, и они без стыда твердят, что он, мол, "хочет остаться чистеньким". А какая демократия в грязи?

Уже при Ельцине демократическое платье власти выгорело, а ныне "Союз правых" стал демократической ширмой Путина. Это не настоящее либеральное движение, "Яблоко" тоже таким не сочтешь, но у него хоть на деле либеральный лидер. Свобода была у нас для "непримиримой" оппозиции коммунистов, у демократической оппозиции ее не было, вот и нет ни согласия в понимании либеральных ценностей, ни принципиального размежевания, лакеи авторитарной власти ходят в демократах. Но Сергей Ковалев, состоящий в "Союзе правых", вошел в инициативную группу по выдвижению в президенты Явлинского. Выдвинут и самарский губернатор Титов, сам входящий в "Союз правых", однако верный Путину Союз и его не поддерживает. Псевдодемократы все ждут милостей от партии и вождя. Но России важнее всего уйти от слишком хорошо знакомого статуса партии и вождя. А то ведь нет гарантии, что это не последние, хоть внешне свободные, выборы. Они судьбоносны. Если Явлинский не дрогнет, я голосую за него.

САХАРОВ КАК ПОЛИТИК

По старому советскому обычаю жить не реальностью, а юбилеями, печать и радио откликались и на декабрьское десятилетие смерти Сахарова и на январское двадцатилетие его ссылки в Горький. Но нередко обходили те его усилия и те личные качества, каких России сегодня особенно недостает.

Андрей Сахаров вошел в историю не только как благородный защитник распинаемых без вины или выдающийся ученый, создатель советского водородного оружия. Еще примечательней его политическая деятельность при монополии на политику, учрежденной руководящей и направляющей силой, как именовалась КПСС. Но как раз политиком, в отличие от других ипостасей, в которых воздают честь, его не признают. Всё хотят доказать, что в стране не было политической оппозиции. С чего же тогда расстреливали и держали в лагерях миллионы людей? А на деле не было у нас даже тех жалких возможностей полуоткрытой политической жизни, какие все же были, скажем, в Польше. Тем больше, вроде бы, заслуга людей, сыскавших иные формы политической деятельности. Ан нет, политиками числят лишь входивших и готовых войти в номенклатуру. Какое уж тут уважение к диссидентам, даже к крупнейшему из них!

О лучших людях нашего отечества, тем более специально засекреченных, мы часто узнавали случайно и обиняками. Когда всплыло имя академика Сахарова, приятель, когда-то учившийся на физфаке МГУ, мне сказал: Этот парень, говорят, сделал водородную бомбу. А позднее он же поведал об обмене репликами, якобы происшедшем, когда создатели нового оружия отмечали первое удачное испытание. Сахаров будто бы сказал: теперь наша родина надежно защищена, так выпьем за то, чтобы не пришлось этой страшной силой пользоваться. А воинский начальник якобы ответил фривольным анекдотом: молодая попадья в постели, муж молится: господи, укрепи и направь, укрепи и направь. А попадья ему: молись, чтоб укрепил, а уж направлю я сама.

Не знаю, было ли так на самом деле, или это выдумка, но выдумка хорошая. Маршал внятно объяснил молодому ученому - Сахарову было тогда немногим больше тридцати, - что его дело крепить мощь государства, а не решать, на что ее направлять. Бытует мнение, что, сделав бомбу, интеллигент Сахаров каялся и, замаливая грех, посвятил остаток жизни милосердию. Никаких оснований этому верить нет. Но после создания бомбы, от маршальского анекдота или сам по себе, Сахаров явно задумался над тем, кто будет решать, когда и как применять созданное им оружие, и в какой мере люди, которые по должности смогут это делать, сознают, что это такое. Он ощутил отчуждение от продукта своего труда не просто как личное унижение или даже унижение людей науки, вообще, но как угрозу стране и миру. И чувство ответственности побуждало думать о безответственности правящего класса и толкало к политическим действиям, напрочь запрещенным. Его предположение, что снятие взаимного страха поведет противостоящие социальные системы к конвергенции, не вполне

сбылось, мы и сегодня от нее уклоняемся, сползая на свой особый путь. Но он первым в СССР оценил и огласил опасность противостояния.

А это не соотнобразывалось с магистральным курсом власти. Хоть она давно перестала говорить о мировой революции, но жаждала ее плодов и шаг за шагом расширяла империю, не сознавая, что следующий шаг может стать роковым. Карибский кризис прояснил, что другая сторона не капитулирует, но новые вожди толковали отрезвление Хрущева, перед тем установившего ракеты на Кубе, как слабость, и дальнейшая гонка вооружений разорила страну. Сахаров видя, что политика, на которую ученому или художнику жаль тратить силы, ведет мир и, прежде всего наше отечество, к гибели, поневоле занялся политикой, противостоящей властям.

Нынче Егор Гайдар, а за ним толпы псевдодемократов, толкуют правозащитную деятельность как защиту пострадавших, чуть не благотворительность, тогда как то скорей была защита права, чем пострадавших от бесправия, уже потому, что реально защитить от бесправия в советской системе, как правило, не удавалось. Только право и, в частности, наличие гражданских возможностей и убедительность запретов, делает государство стабильным и надежным. В советском обществе ничто не было надежным, никто не мог предугадать, что власти надумают завтра. Еще Есенин-Вольпин их логично призывал: соблюдайте собственную конституцию, но всякая конституция ограничивает власть, а советская власть, власть самодержавной партии, по природе неограниченная, отчего и конституция была, да и ныне фактически остается, не законом прямого действия, применяемым в судах, а расписной ширмой.

Сахаров защищал право в государстве, которое его отрицало, и несправедный суд, в зал которого его не допускали, уже этим обнажал свою несправедность. И демонстрация отсутствия права, срывание прогрессивных масок с реакции, были эффективной политикой. Власть не зря дергалась. А когда он открыто выступил против афганской авантюры не удержалась от ссылки. Уточнить, пожалуй, надо только определение его политики как эффективной. Нынче повторяют, что, мол, политика - искусство возможного, а Сахаров, конечно, понимал, что протесты войну не остановят, крымских татар не спасут, и даже отдельным людям не часто облегчат страдания.

Недалекая хитрость его нынешних критиков в том, что, говоря о возможном, они предполагают незыблемость позиции государства и вечность нынешней власти, тогда как Сахаров требовал перемены позиции государства и смены власти. Это и была политика, способная разрешить проблемы, терзавшие Россию триста лет при Романовых и семьдесят пять при Советах. А "политика возможного" и у откровенных и у маскировавшихся под демократов сторонников тоталитарного порядка была, вообще, не политикой, а шкурным делячеством. На деле, однако, в ходе нараставшего кризиса, этим делячеством вызванного, сменилась и власть, и позиция государства, и Горбачев уже требовал правового государства. Но Сахарова и благие намерения власти не побудили

поддерживать ее безоговорочно. Он повторял: мы поддерживаем Горбачева условно, в той мере, в какой он делает то, что говорит.

Не стоит забывать, что при памятном выступлении майора Червонописского против Сахарова, Горбачев, хоть и вывел из Афганистана войска, сидя в президиуме, не счел своим долгом указать майору на преступность этой войны и правоту Сахарова, и предоставил тому обороняться от улюлюкавшего съезда в одиночестве. Но и другие претенденты на демократическую репутацию, начиная с Бориса Ельцина и даже людей, от которых было еще больше оснований этого ждать, не сочли своим долгом вмешаться, и позорную сцену глумления высшего представительного органа страны над величайшим ее патриотом прекратила из сострадания лишь депутат Евдокия Гаер.

Люди, числимые последователями Сахарова, после его смерти поддерживали Ельцина уже безусловно, не предъявляя требований, лишь иногда критикуя за неловкие шаги. Но только в немногих случаях то было прямое отступничество. Чаще обольщались иллюзией свободы, хоть на деле свобода почти сразу стала ужиматься, независимые мнения оттеснялись, и даже официально охранять права человека скоро поручили уже не правозащитнику Ковалеву, а коммунисту Миронову. Но привычка противостоять тирании не срабатывала при автократии, рядящейся демократией. А Ельцин, притормозив установление правовых отношений, опять закрыв доступ к архивам КГБ, приоткрытый при Горбачеве, и уклонившись от массовой реабилитации осужденных по противоправным статьям старого УК, остался любимцем новых демократов, столь же диковинных, как новые русские. Наивно гадать, как держался бы Сахаров при Ельцине, но думать, что он бы капитулировал, оснований нет. Потому его отсутствие так остро и ощущается.

Сахаров поддерживал и защищал не одних единомышленников. Больше других сделав, чтобы наше государство было сильным, он хотел, чтобы оно было еще и справедливым и соблюдало свои обязательства. Недавно министр иностранных дел ФРГ Фишер ликовал, что Путин обещал пустить на Северный Кавказ международных наблюдателей, но министр запямятовал, что Россия обещала это еще в Стамбуле, а до того подписала целый ряд соглашений по которым проблемы прав человека в Европе не являются лишь внутренними делами. Россия, подписавшая соглашение с Чечней, по которому обе обязывались решать споры мирно, не пожелала вступить в переговоры с президентом Чечни, быть может, даже помочь ему справиться с тем, что кажется нам преступным, и вновь действует силой, а президент, с которым Ельцин подписал договор, вдруг стал для нас нелегитимным.

Наши власти опять хотят общаться с другими лишь в едином хоре по нашим нотам, а это никому не нравится, и вместо того, чтобы приобретать друзей, мы наживаем врагов. Демократия нужна, чтобы уживались разные и разное, а навязывают единство. Не войдя в него, будешь отщепенцем, бессмысленно плывущим против течения, - снова учат плывущие по течению.

Сахаров им противостоит, вот они и силятся то замолчать, то заболтать его политический опыт. Что говорить, есть причины сетовать на неудачу, но неудачу не Андрея Сахарова, а России, после его смерти упустившей миг спасения.

ВРЕМЯ ПОНИМАТЬ

Исчезновение корреспондента "Свободы" Андрея Бабицкого прорвало занавес, почти полгода прикрывавший российские события. Рискнем заглянуть в образовавшуюся дыру. Жажда видеоряда, утвержденная XX веком, тяготение к наглядности, не требующей анализа, определили массовое восприятие. Легко ориентироваться, когда исчезает президент Горбачев, Москва заполнена танками, а на экране дрожат руки вице-президента Янаева, объявляющего, что власть теперь в его руках и в руках сидящих рядом товарищей. Бабицкий не Горбачев, только и Путин не Янаев, руки у него не дрожат.

Попытка, аналогичная позднему лету 1991 года, поздним летом 1999 в том же качестве не афишировалась, но, в отличие от прежней, удалась. Вооружение, - не только танки, но и самолеты, и ракеты "земля-земля" - на сей раз пошли в ход, правда, не в Москве, где обошлось двумя взорванными домами, а на Кавказе, населенном "лицами кавказской национальности", выживание которых Россию не слишком обеспокоило, тем более, что власти кого-то из них, хоть и бездоказательно, винили в московских взрывах. Что опять началось на Кавказе, мы не видели, и узнавали от Бабицкого.

Когда он исчез, сострадание и сожаление, что на войне безоружных корреспондентов, подобно врачам и медсестрам, тоже убивают, еще не успели нами овладеть, как объявили, что вовсе он не убит, а, как выразился и.о. президента, "задержан". Это звучало успокаивающе, задержан, - значит, жив, а раз об этом знает глава государства, надо думать, разберутся. В чем-то сплосшал - открыто обвинят, и, если виноват, накажут, а нет - отпустят. Беспокоиться стало как бы не о чем, если не брать в расчет смысл событий позднего лета минувшего года.

Но вдруг Сергей Ястржемский, провозглашенный недавно, наряду с генералом Маниловым, единственным владельцем истины о Чечне, сообщил, что Бабицкого с его согласия передали неведомым чеченским полевым командирам в обмен на трех наших пленных, - поздней владелец истины уточнил, что на двух, но вскоре показали кинозапись обмена, и офицер там говорил о трех пленных и на экране их шло трое. Где уж было успеть сговориться, Ястржемский спешил объявить, что "федеральные власти больше не несут за него ответственность".

Тут и открылась дыра в занавесе, поскольку такой обмен, если он имел место, а не, по обыкновению, сочинен Ястржемским, противоправен. Как никак, Бабицкий - российский гражданин, власти могут предъявить ему обвинение и предать суду, но, если действуют Конституция и законы, как они ни плохи, и сам президент не вправе, скажем, подарить его королю Саудовской Аравии в рабство и уж тем более передать бандитам, а

чеченских партизан российские власти иначе уже не называют. Говорят, он письменно согласился пойти в обмен за пленных, и даже показывают по телевизору его заявление. Под ним различима дата - 31.1, а еще 2.2 шла речь о том, что Бабицкого доставят в Москву, где под подписку о невыезде освободят. Возможно, сперва задумали "обмен" и подготовили заявление, а когда возник шум, решили освободить в Москве, но чей-то властный голос велел вернуться к начальному варианту.

Так или иначе, условия задержания не позволяют свободно выбирать меж согласием и несогласием. Когда Ковалев, Борщев и другие выразили готовность стать заложниками Басаева ради освобождения сотен больных в Буденовске, они находились на свободе. По Ястржемскому Бабицкого тоже освободили и он тут же, якобы, написал свое заявление. Можно бы даже и такое допустить, задержись Бабицкий с заявлением на десять минут и позвони, прежде всего, жене и товарищам, три недели не имевшим от него вестей, но имевшим основания за него беспокоиться уже потому, что он работал на войне. Коль скоро он этого не сделал, значит не был свободен, и рассказ о добровольности обмена, если даже обмен имел место, - прямая ложь. К тому же, и согласись он на такой обмен, его согласие не снимает с должностных лиц обязанность действовать по закону, а закона, дозволяющего менять частных лиц, даже по их просьбе, на военнопленных, не существует.

Весьма сомнительно, что обмен, вообще, имел место, поскольку министр обороны маршал Сергеев не раз и не два заявлял, что никаких контактов у федеральных войск с бандитами нет, и он их не допустит. Неужто ради Бабицкого нарушили приказ? Почему вдруг решили отозваться на просьбу "бандитов"? Впрочем, официально и обмена-то не было, а "было учтено", что "бандиты" отпустили троих наших солдат, в ответ на что по их просьбе им отдали Бабицкого. Опять же, закона, дозволяющего властям просто, не в обмен, передавать "бандитам" частных российских граждан, даже с их согласия, нет. Власть, напротив, обязана их защищать от нелегальных организаций.

Добро бы дело ограничивалось беспомощными отговорками Ястржемского, и по юридической и по части исполнения приказа не слишком владеющего предметом, да и, вообще, профессионально непригодного для работы, которую выполняет. Но у Путина есть профессия, опыт работы, и некоторое юридическое образование, и он не может не понимать, что федеральные власти несут ответственность за Бабицкого уже в силу того, что задержавшие несут ответственность за задержанного. В КГБ, где Путин провел свою трудовую жизнь, запросто могли убить, но только в том случае, если это допускалось высшим начальством, а если даже не Сталин, а просто важный чин говорил: "Вы мне за него отвечаете головой!", так ведь и днем и ночью глядели в глазок, чтобы задержанный рук на себя не наложил.

Путин, в отличие от безответственного Ястржемского, способен отдать себе отчет, что за жизнь Бабицкого больше всех отвечает персонально он. Тем более, что перед глазами есть примеры. Когда Буковского меняли на Корвалана, присутствовал американский посол, и,

тем самым, была возможность протестовать против обмена. Солженицына, не говоря о Троцком, выдворяли публично, множество нейтральных людей сразу могло увидеть его прибытие. Трудно судить, понимал ли Андропов противозаконность своих действий, но он, хоть и не был профессионалом, а пришел в КГБ как партийный комиссар, сознавал, что отвечает за жизнь людей в ходе их изгнания.

Почему же Путин пренебрег его примером? Возможно, как и при распределении постов в Госдуме, избрав цель, он не уточнил средства ее достижения, в Думе призванные хотя бы до выборов не раздражать "правых", создающих ему имидж реформатора. А в случае с Бабицким призванные исключить даже тень причастности и.о. президента к противозаконной сдаче российского гражданина "бандитам", не говоря о его убийстве. Но поступают сведения, что Путин "обмен" одобрил. Возможно, правда, что этим обозначились границы его возможностей. Самый приход его к власти, как я писал, когда он начал исполнять обязанности президента, был результатом государственного переворота, который КГБ совершил не в одиночку, а в союзе с армией, и вполне вероятно, что генералы в Чечне поступали с Бабицким как хотели, полагая, что это их зона власти, и Путин не посмеет их наказать или ущемить. Любопытно лишь, знал ли Путин, жив ли еще Бабицкий, когда заявлял, что знает, что он задержан.

Сопоставляя 1991 с 1999 и преждевременные, как к ним ни относишься, уходы законных президентов, вспоминаешь, что Горбачев, пусть и не отрекся от социализма, хотя бы реально думал о его преобразении, а Ельцин свертывал свободы, под знаменем которых был вынесен в лидеры.

Путин сразу ускорил это свертывание, и дело Бабицкого - не только покушение на права свободной печати и радио, хоть они - неременное условие правовой системы. Это и покушение на право существования граждан России, на жизнь любого из нас. Сегодня никто уже не может быть уверен, что, помешав чьим-то намерениям, объявленным государственными, он не будет передан люберам и даже убит, находясь в руках власти. Конечно, и при Ельцине убили не одного Холодова, но все-таки наш повседневный терроризм приватизирован. Как четко ни доказывали, что за убийством Холодова, и Меня, и Старовойтовой, и Маневича и многих других различимы государственные лица, юридических доказательств нет, - государство их не искало. Но и не спешило признаваться в своей причастности и обнажать ее бесспорные свидетельства, как в случае Бабицкого. С него началась новая история открытого государственного терроризма. Государство опять его не стыдится и не видит нужды лицемерить и карать виновных в том, что государственный след терроризма стал явным. Попросту говоря, мы опять живем в другой стране. В прежней.

В "Независимой газете" Путин обнародовал принцип своей политики: "Государства там и столько, сколько необходимо; свободы там и столько, сколько нужно". Но в пространной статье не нашлось места, чтобы обозначить эти "столько" и "сколько" и сказать, кто их определит. Как

видим, определять их будет сам Путин, само государство, и свободы останется столько, сколько оставили Андрею Бабицкому: успеешь подписать просьбу передать тебя "бандитам", но не позвонить жене и ребенку. Такую свободу Путин предлагает России.

26 марта пройдут не выборы, а референдум - согласна ли Россия снова так жить?

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Представление о национальной безопасности, то есть о защите граждан, независимости и достояния отечества, в России, к сожалению, никогда не было четким, поскольку главной опасностью была собственная власть. Пресловутая "внезапность" при нападении на СССР, давшая Гитлеру начальное преимущество, был создана Сталиным, наркомом обороны Тимошенко и начальником генштаба Жуковым, не считавшими своим долгом проинструктировать войска на случай нападения национал-социалистического союзника. Назвав его вероломным, они признались, что верили Гитлеру. Кроме безответственности эту веру объяснить нечем. Лишь безответственность привела и к провоцировавшей третью мировую войну установке ракет на Кубе. Лишь безответственностью можно объяснить и вторжение в Афганистан. Жизнями своих солдат и, тем более, остального населения советская власть никогда не дорожила. Образ мыслей власти был величайшей угрозой нашей национальной безопасности, и не только по действиям в Чечне, но и по недавно опубликованной концепции национальной безопасности, видно, что этот образ мыслей не переменялся.

Отдельные положения концепции порознь могут даже понравиться, но противоречат друг другу, а часто и правде и здравому смыслу. Опасности, оказывается, окружают наше отечество со всех сторон. Особо сказано: "Возрастает уровень и масштабы угроз в военной сфере". А за минувшие пятнадцать лет было немало внутренних конфликтов, но большой войны боялись меньше, чем когда-либо. Не угадаешь, написано все это для пропаганды или писавшие просто не знают реальности.

Похоже, не знают. Они негодуют, что роль России в мире стала не столь весома. Словно Россия прежде не говорила от имени еще четырнадцати ныне независимых государств и чуть не десятка социалистических, что прибавляло ей вес. Рассуждая о многополярном мире, авторы забыли, что в Потсдаме было три великих державы, и у России самая мощная армия, американская бомба еще не взорвалась. А теперь Германия стала ядром Европейского союза, огромный скачок совершил Китай, важнейшее место заняла Япония, Индия и Пакистан завели ядерное оружие. Потсдамской тройке пришлось потесниться. Англия относится к этому спокойно, Соединенные Штаты держатся мощной экономикой, но ведут себя все глупей, а Россия равняется на них, да еще жалуется, что "активизируются усилия ряда государств, направленные на ослабление позиций России", и сетует на "доминирование в

международном сообществе развитых западных стран при лидерстве США", то есть, воскрешает двухполюсное сознание.

Между тем, авторы концепции сами понимают, что неразвитые страны доминировать не могут, и видят нашу задачу в "преодолении научно-технической и технологической зависимости Российской Федерации от внешних источников". Мысль красивая, да только научно-техническая независимость от внешних источников - такая же утопия, как построение коммунизма. Все развитые страны, включая США, зависят друг от друга, и от России в том числе, и у нее тоже нет иного средства быть развитой, кроме как зависеть от других. Надежда сладить в одиночку все, что остальные создают вместе, еще фантастичней мечты создать армию сильней всех других вместе взятых. Ничего, кроме разорения, она тоже не принесет.

Эта идея самодостаточности идет от желания любой ценой удержать заведенный порядок. КПСС раскололась на тех, кто по-прежнему зовут его социализмом, и тех, кто не держится за слово и прочую мишуру. Но и те и другие держатся за внеэкономическое хозяйствование, руководимое государством. Вот они и требуют "незыблемости конституционного строя", хоть сами пишут о "несовершенстве системы государственной власти". Какая же "незыблемость", если многое, начиная с непомерной власти президента, явно надо менять? Не лучше ли говорить о гражданском мире, о законности? Они порой так тоже говорят, но слово "незыблемость" - не воробей.

Выскочило оно не случайно, тут же сказано о необходимости "обеспечения национального согласия" и об угрозе "социально-политической поляризации". Но об интересах разных социальных слоев, прижатых государственным прессом, которые надо привести, если не к согласию, то к компромиссу, ни словечка. Суть концепции - примат государства над обществом и личностью. Интересы личности для авторов не идут дальше пользования правами и свободами для повышения уровня своей жизни, своего развития и личной безопасности. Интерес личности к тому, как живет общество, как действует государство, концепцией опущен, а в нем смысл и основа демократии.

Искажены не только социальные проблемы, подмененные страховыми функциями, но и этнические, для России важные. Рассуждая о целостности нашей пестрой и разнородной страны, концепция стоит за великодержавность. В числе главных угроз она называет "этноэгоизм, этноцентризм и шовинизм", не уточняя, имеет она в виду шовинизм народов, ограниченных даже в праве обучать детей на родном языке, или народа, составляющего большинство. По демократическим понятиям и у меньшинств есть право на этническое самосохранение. Даже коммунисты, пока сами не впали в великодержавный шовинизм, на словах осуждали и его, а не только местный национализм.

По новой концепции, великодержавный шовинизм - опора государства. Слова об "ответственной национальной политике" не могут перекрыть пренебрежение авторов правами меньшинств. Его выдает уже включение "неконтролируемой миграции" в число угроз, вытекающих из

"этноцентризма". Как в единой стране, да еще отменив прописку, контролировать миграцию? Ввести для всех меньшинств черту оседлости, существовавшую при царе для евреев?

Особо оговаривая очевидную роль русского языка, родного большинству населения, концепция не оговаривает защиту языков меньшинств, зато утверждает, что "духовное обновление общества невозможно без сохранения роли русского языка как... языка межгосударственного общения народов государств СНГ". Воистину наш великодержавный шовинизм не знает границ! А в пяти государствах СНГ говорят на тюркских языках, и какой-то из них мог бы тоже стать языком межгосударственного общения, тем более, что и в России есть тюркоязычные автономии.

Касаясь хозяйства, концепция, не раз помянув рыночные отношения, оговаривает, что хочет допущения частного предпринимательства там, "где это способствует росту общественного благосостояния, прогрессу науки и образования, духовному и нравственному развитию общества". Но возможны ли рыночные отношения, если мало не нарушать законы, за что наказывает суд, а надо еще угождать контролерам, проверяющим, чему рынок способствует? Не станут ли эти контролеры дополнительными органами коррупции?

Столь же примечателен пункт о "защите государственных информационных ресурсов от несанкционированного доступа". Речь идет явно не о специфических военных тайнах или технологических секретах, иначе так бы и сказали, и вопросов бы не было. Но с незапамятных времен жизнь нашего государства окутана тайной, и люди не знают, как с ними поступят завтра. Горбачев вписал себя в историю уже тем одним, что приоткрыл гласность, которая в концепции даже не поминается. Говорят, при опросах больше 50% граждан поддерживает чеченскую войну. Возможно. Но по таким же опросам больше 20% против нее. Отведено ли информации об их точке зрения 20% телеэкрана, радио и печати? Составляют ли люди ее представляющие 20% депутатов Думы? Увы, ничего подобного нет, наша гласность издыхает, информации о самих себе мы не имеем, и сама власть, перекрыв каналы информации, слыша лишь себя, становится жертвой собственной пропаганды.

Особую тревогу за национальную безопасность внушает изложение военных и армейских проблем. В новой концепции отброшена оговорка, что ядерное оружие пустят в ход лишь в ответ на ядерное нападение. Пока ядерных стран было пять, можно было полагаться на взаимный здравый смысл держателей ядерных чемоданчиков. Но если ядерный удар отныне грозит неядерным странам, и они будут стремиться к ядерному вооружению. То есть, концепция подрывает договор о его нераспространении и делает мир более опасным.

Применение военной силы внутри страны, объяснено смутно. Государство вправе, а порой и должно, в предписанных законом случаях применять вооруженную силу. Но в концепции не оговорено, какие вооруженные силы можно для этого использовать. А есть коренное различие меж пришедшим в армию по призыву и нанятым по контракту.

Защита отечества от агрессии признана священным долгом. Но задачи внутренних войск таковым не признаны. А у нас и туда шлют по призыву, хоть граждане вправе по-иному, чем власть, оценивать причины внутренних возмущений и способы их преодоления. Если солдат пошлют "упорядочивать" неконтролируемую миграцию, они, сочтя такое аморальным, вправе уклониться, и власть зря ввергает солдат в моральные испытания, это разлагает армию.

Речами о незыблемости нам внушают, что смена власти даже на выборах, угрожает национальной безопасности. Но это тоже аморально. А наша аморальная забота о безопасности всегда и была опасна и России и остальному миру.

ДИКТАТУРА И ЗАКОН

И.О. президента обещал, что в России не будет диктатуры, кроме **диктатуры закона**. Вроде бы обещал неукоснительно соблюдать закон. Но к чему тут фигура речи, совмещающая несовместное? В пьесе Толстого "Живой труп" герой кончает с собой и, на деле став трупом, демонстрирует несовместимость жизни с официальными формами, установленными церковью и государством. А Путину зачем столь острый прием?

Диктатура и закон - прямые противоположности. Диктатура - это ничем не ограниченная власть, произвол, безудержная воля, беззаконие. Пока диктатура откровенна, она издает не законы, но декреты. А закон, ограничивая граждан и власть, сам ограничен и другими законами, и конституцией и международными актами, и порядком своего применения, предусмотренным правовыми нормами.

Воля диктатуры сама по себе отнюдь не всегда дурна. Декрет о земле был выражением не только воли большевиков или эсеров, с программы которых его списали, но и вековой воли безземельного русского крестьянства. Трагедия в том, что добрая воля обернулась декретом, а не законом, который приняло бы Учредительное собрание. Тогда трудней было бы через двенадцать лет опять отобрать землю и восстановить в колхозах крепостное право. Даже добрая воля диктатуры в силу ее беззакония оборачивается злом. А чаще она выразит злую волю, какую законом, сообразным с реальностью, не навяжешь.

Укрепившись, дикатура придает беззаконию законную форму. Довоенный закон о запрещении абортов, в результате подпольного проведения которых погибли тысячи женщин, был частью великого террора. Массовое уничтожение людей вынуждало думать о пополнении населения, и его добивались принуждением. Разумеется, ничего хорошего в аборте нет, деторождение полезней, и противозачаточные средства безвредней, но издание подобных законов, вмешательство государства в сугубо личную сферу, как раз и есть проявление диктатуры закона, то есть произвола в виде закона.

Не говоря об отсутствии в СССР основной опоры законности - разделения властей, КПСС и КГБ были открытыми носителями воли, не

связанной законами и принципами. И если волю КПСС излагали хотя бы в лживых программах, то воле КГБ надлежало подчиняться, не зная в чем она сегодня состоит. Человек, работавший в этой системе долгие годы, не властен преодолеть свои волюнтаристские навыки. Ум, образование и способности избавят его от волюнтаризма лишь при полном разрыве с прежней службой. У Путина такой возможности не было, и беззаконие снова набирает силу даже не от его злостного умысла, а потому, что Россия сохраняет на высших должностях профессиональных чекистов и парработников, не привыкших и не стремящихся вводить свою волю в рамки закона.

Можно понять желание избежать журналистских глаз, выполняя задачу уничтожить побольше чеченцев, особенно мужского пола. Но президент мог объявить если не войну, то хотя бы чрезвычайное положение в Чечне. Тогда Бабицкому, чтобы туда попасть и впрямь требовалось бы разрешение военных властей, а общей аккредитации, позволяющей ездить в Грозный, как в Петербург, стало бы мало. Стремясь обойтись без признания положения чрезвычайным, но сохранить его в тайне, власть преступает закон ради мнимой целесообразности.

Из такого советского понимания законности выросла вся нынешняя война. Не зря то и дело поминают временное Хасавюртовское перемирие и бранят Лебеда, но молчат о договоре Ельцина - Масхадова. Он, к сожалению, нарушался с обеих сторон. Но в России его нарушали должностные лица, а в Чечне группы, с которыми президент Масхадов не справлялся, да и не ясно, откуда их преступная деятельность направлялась.

Ельцину и Путину надлежало не только добиться выполнения договора нашей стороной, но, конечно, в пределах необходимой обороны, решительно ответить на вторжение в находящийся под нашей юрисдикцией Дагестан отряда Басаева, который по всем законам, если бы не сдался, мы были вправе уничтожить. Сделать это не смогли или не захотели, но сочли возможным уничтожать Чечню, даже не справясь об отношении к разбойной вылазке Басаева законно избранной и признанной нашим президентом местной власти. Мы уничтожали Чечню, как прибежище террористов, даром что и в Москве, и в Питере, и в других русских городах террористические акты стали бытом. Хоть Россия не менее криминальна, чем Чечня, наша власть со своим терроризмом не борется. Сочла это нецелесообразным.

Такая размытость норм тоже восходит к КПСС и КГБ, где неукоснительным было лишь выполнение конкретной вышестоящей воли, а сама эта воля была свободна, и сады то сажали, то вырубали. Сегодня сообщают, что генералов Шаманова и Трошева отстранили, а завтра, что, наоборот, повысили в должностях. Путин говорит, что придется продавать государству 100% валютной выручки, и тотчас разъясняют, что не придется. Сообщают о резком повышении цен на водку, ее закупают ящиками, но Путин вдруг заявляет, что цены не повысят. Печать, радио и телевидение у нас не чересчур правдивы, но в массовом сочинительстве информации от имени власти не замечены, и, видимо, передают все же то, что получают.

Да Путин и в одной фразе успевает выразить две противоположные точки зрения. Он велит спецслужбам позаботиться, чтобы Бабицкий был жив, здоров и свободен, и тут же замечает, что Бабицкий и сейчас свободен, поскольку он там, где сам хотел быть. В показанном нам письме стояло: "согласен с участием в моем обмене", это готовность жертвовать собой для спасения пленных, а Путин говорит: "сам хотел", - из предложенного, если не навязанного, обмена будущий президент, как положено чекисту, шьет дурной умысел. К тому же, если журналист и впрямь у мятежных чеченцев, как могут спецслужбы его защитить? Или партизаны подчиняются нашим спецслужбам и их шефу Путину? Эта неуклюжесть и разноречивой речей идут от желания так повернуть любой факт, чтобы в глазах всех слоев общества он лил воду на мельницу Путина.

Воскрес главный прием советской юстиции. Выгораживая нелепое поведение власти в истории с Бабицким, Максим Соколов в "Известиях" поясняет на чью мельницу льет воду "Свобода", ведущая информационную войну против нас на деньги США. Не объяснено лишь, почему президент и госсекретарь США при этом на нашей стороне и воспевают Путина. Госпожа Олбрайт заявила, что "наши отношения улучшаются, не взирая на чеченскую войну", куда уж дальше. Но редактор "Независимой" Виталий Третьяков идет дальше. Он, как и Соколов, делает оговорки по поводу юридической верности позиции властей, но бросает "Свободе" еще более грозные обвинения и делает еще более решительные выводы, дополнительно проясняющие соотношение диктатуры и закона.

Сам я, признаться, тоже не поклонник "Свободы", хоть и совсем по другой причине. Перебравшись в Прагу и получив бюро в Москве, "Свобода", вместе с другими "голосами" и большинством наших СМИ, к сожалению, тоже восхваляла авторитарный режим Ельцина, внушая, что он - подлинная альтернатива прежнему тоталитарному режиму. Тем временем, вчерашние коммунисты и чекисты Ельцина рука об руку с "непримиримой оппозицией" Зюганова тормозили реальные либеральные перемены и вели к новому откровенно силовому порядку, разве что без фигового листка с портретом Маркса.

Но, в отличие от Третьякова, я не считаю законным пенять на вмешательство "Свободы" в нашу политическую жизнь. А наши станции и сама "Независимая" разве не "вмешиваются" в дела всего мира? Разница лишь в том, что, когда мы ограничиваемся словами, это нам никто не ставит в упрек. Наше радио на западе не глушили, а мы "Свободу" глушили. И доказывая, что ей не место в нашей политической жизни, Третьяков клонит к тому, что надо, если не сразу снова ее глушить, то перекрыть ей допуск в Россию. Но расхождения во мнениях не отменяют закон, гарантирующий всем равные права на свои мнения. А по Третьякову, как по советским образцам, нежеланное, хоть и в рамках закона, а противозаконно.

Порицая неаккуратное обхождение спецслужб с Бабицким, Третьяков с понимаем судит об их мотивах. Сотруднику плохой "Свободы", вещающей о чеченской войне иное, чем Путин и Ястржемский, по

Третьякову надо, - конечно, без незаконных обменов "на кого-либо лично", - дать возможность самому "принять решение о своем гражданстве". То есть, ежели у российского гражданина мнение отличается от И.О., можно и гражданства лишиться, как в славные брежневские дни. Но и этого мало, пребывание журналиста на фронте для Третьякова повод ставить под сомнение, что он "адекватен психически". Тащи его, как прежде, в психушку! Признанное при Горбачеве незаконным, позорящим страну, готов опять практиковать не Баркашов, не Макашов, не Анпилов, не Зюганов, с которых спроса нет, а редактор газеты, где Путин излагал свои взгляды. И Третьяков не попусту уверен, что его понимание законности вполне укладывается в путинскую "диктатуру закона".

Не Путин и даже не Сталин ее придумал. Российский подданный Адам Мицкевич давно определил наши порядки как "объявленный законом произвол и произволом ставшие законы". Давно пора утвердиться у нас реальному верховенству закона. Против произвола и диктатуры. Но будущий президент явно думает иначе и клонит на старый лад.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТЕРРОРИЗМА

XX век радикально обновил представление о терроре. Люди издавна покушались на государственных деятелей, надеясь изменить жизнь. Цезаря убили в надежде, что без него республика не станет империей. Линкольна убили в надежде, что без него черные рабы, давно привезенные в Америку, навсегда останутся рабами. Александра II убили в надежде, что без него крестьяне, которых он как раз и освободил от крепостной зависимости, получат еще и землю и все права людей. Можно понять убийство тирана, хотя такое случается редко. Трудней понять убийство реформатора, если убийцы не реакционеры, а хотят более радикальных реформ, хотя такое случается чаще. Смена власти после Александра II положение крестьян не улучшила, скорей ухудшила. Но одного у Желябова и Перовской не отнимешь, - они организовали убийство именно того человека, от которого, как им казалось, всецело зависит судьба страны. Продуманно выбирали цель еще Брут и Кассий, убийцы Цезаря, и стрелявшие в Линкольна, и в Ленина и во многих других. Террор двадцатого века уже не очень нуждался в прицельной стрельбе.

Конечно, и прежде террор бывал массовым. Погромщики тоже террористы. Мои отец пережил тринадцать погромов, и убивали там не Цезарей и не царей, а простых евреев. Я допытывался, не убивали ли заодно и русских, и отец рассказал, как однажды убили русского, пытавшегося защитить еврейскую девочку. Его убийц потом отправили на каторгу, другие убийцы туда не попали. Это проясняло позицию государства. Погромщики были не просто бандитами, а государственными бандитами, даже если их еще не оплачивали из бюджета.

Так обходились не только с евреями. Ленин однажды обмолвился: чем больше мы по этому поводу убьем священников, тем лучше. Убьем не конкретного священника за именно им совершенные конкретные преступления, а просто за то, что он священник. Потом ликвидировали

кулачество, как класс. Говорили, что класс кулаков исчезнет по ходу преобразования сельского хозяйства. А на деле у крестьян побогаче отнимали все, что у них было, и гнали в Сибирь. Потом так же убивали старых большевиков. Двадцатый век придал массовому террору небывалый размах, пачками убивали инородцев, иноверцев, инакомыслящих.

Часто яблоком раздора была земля. В давние времена считалось, что земля, так сказать, божья или ничья и никакой народ не обладает исключительным правом на ней жить. Люди, особенно в городах, часто жили вперемешку, порой говорили на трех-четырёх языках. В Лондоне на улице Грин Лейнс и ныне вперемешку селятся и торгуют греческие и турецкие киприоты, у себя на острове разделенные штыками. Но двадцатый век ввел в практику "зачистки", людей другой расы или веры захватчики вытесняют с земли, на которой они жили с незапамятных времен. Так в начале века турки убивали армян.

Уничтожив евреев, нацисты объявляли территорию очищенной, judenfrei. Тяга к зачисткам пережила Гитлера. Еще во время войны по другую сторону фронта столь же беспощадно убивали чеченцев, калмыков, карачаевцев, балкарцев, ингушей, крымских татар и прочих. Проивостояние евреев и арабов, даже вроде бы уже склонных к взаимному признанию, уперлось в то, что арабы в Израиле живут, а из арабской автономии евреев изгоняют, арабское государство хочет быть judenfrei, от них очищенным. Вот и продолжается взаимный терроризм.

Но и это не предел. Захватывают самолеты, грозят убить случайных пассажиров, если третьи лица не выполнят какие-то условия, и убивают, сея страх. В стране басков или в Ольстере террористы принесли не одну невинную жертву своим целям, добиться которых всерьез можно лишь на началах взаимности, но ныне террор уже не так путь к цели, как способ сеять страх. В двадцатом веке за терроризм взялись не только одиночки, но государства. Сея страх, террор стал их легальным орудием.

Тут мы тоже впереди планеты всей. ЧеКа, чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем, не раз менявшая название, но всегда сеявшая страх, стала оплотом советского государства. Даже когда оно рухнуло, этот орган узаконенного террора, в очередной раз переименованный в ФСБ, уцелел. Он как бы даже вышел из подполья. Прежде его деятельность была закрытой. В публичную жизнь "органы" вмешивались обычно через своих агентов и снабжая партию "информацией", а при Ельцине люди оттуда пошли на государственные и общественные должности. Прежде убивали в специально отведенных местах, теперь убивают на улицах. Над КПСС был все же устроен фарсовый суд, списавший преступления партии. О суде над ЧК-ГПУ-НКВД-КГБ, даже формальном, о том, чтобы признать эту террористическую организацию преступной, не было и речи. Она-то сегодня, взяв на подмогу армию, и "ведет борьбу с терроризмом".

Не то что с терроризмом в России нет нужды бороться. Но террористическая организация по определению бороться с ним не может уже потому, что делит террористов на своих и чужих. В Москве и

Петербурге они ненаказуемы, не будем докапываться до худшего в их отношения с "органами". В Чечне, как террористов, уничтожают или изгоняют всех жителей, в том числе и русских, и не способных носить оружие. Государственным террористам, как воздушным пиратам, не важно, кого убивать. Убивают этих, чтобы боялись другие, никакого иного смысла в этих массовых убийствах нет, они лишь умножают ряды партизан и выставляют негодной нашу армию, которая, с самолетами, ракетами, вакуумными бомбами, разрушив едва ли не все города и села, уже полгода не в силах "террористов" изловить.

Запад покамест бесстыдно поддерживает российский терроризм в Чечне, морщась лишь при персональных накладках, как в случае с Бабицким. Министр иностранных дел французского социалистического правительства даже счел действия Путина в Чечне высокопатриотическими, чего уж сетовать на безответственного президента США и его госсекретаршу. Но горько, когда в этот хор вступает израильский министр, да еще самолично познавший некогда прелесть нашего государственного терроризма.

Беседу с господином Щаранским вел самый ловкий и осмотрительный из обозревателей растленного ОРТ Александр Любимов. Он подчеркнул большой опыт Израиля в борьбе с терроризмом и с улыбкой попросил поделиться опытом. И господин Щаранский стал нас учить, что, главное, ни в коем случае не вступать с террористами в переговоры. Странно было это слышать от министра страны, еще в Осло вступившей с террористами в переговоры и продолжающей их поныне, что, на мой-то взгляд совершенно правильно, - другое дело, правильно ли свести взаимные уступки к односторонним уступкам Израиля.

А потом пошли практические советы, выведенные из уподобления отношений России с чеченцами отношениям Израиля с арабами. Между тем, общего меж ними как раз очень мало, кроме того, что и чеченцы и арабы - мусульмане, но мусульмане не менее разнообразны, чем христиане или евреи. Если Израилю взаимный террор был с первых дней навязан призывом "сбросить евреев в море" и речь шла о самом его существовании и о жизнях спасшихся из гитлеровских лагерей смертников, что и вынудило к стратегии ответа на каждый удар, то у России с чеченцами подобной ситуации никогда не было. Самые непримиримые и разбойные чеченские командиры, практиковавшие захваты заложников, то есть бесспорный террор, никогда не угрожали существованию России, двести лет уничтожавшей Чечню. Самые боевые чеченцы хотели не боьшого, чем отделение от России. Существовало множество путей эту коллизию разрешить, но военный, дважды прельстивший "демократическую" Россию, разрешить ее заведомо не мог, разве что в очередной раз опять уничтожить сотни тысяч чеченцев. Речи о том, что без чеченского клочка горных земель Россия, по своей инициативе отпустившая Украину, Прибалтику, Закавказье и Среднюю Азию, погибнет, смешны. Но господин Щаранский одобрял геноцид всерьез.

Умный Любимов бросил: говорят, мы нарушаем права человека. Щаранский не смутился: я сам борец за права человека, но сначала надо

защитить его жизнь. Имелись в виду взрывы московских домов, бездоказательно приписанные чеченцам. Господин Щаранский пренебрег знакомой ему по прежней жизни бездоказательностью обвинений, и тем, что именно так, - сначала защитим жизнь, отвечали советские чиновники на обвинения в нарушении прав человека, когда Щаранский еще ратовал за эти права.

Крутой поворот бывшего "диссидента" не удивителен, в России бывают и покруче. Но тем, кто утверждает, что Катастрофы не было, мы возражаем потому, что не только нам, евреям, опасно о ней забыть. Я ведь все равно не забуду, что мою бабушку, кормившую меня в детстве маковками и медовиками, убили в Бабьем Яру. Господин Щаранский, конечно, тоже помнит, что национал-социалисты убивали евреев. Но пример обхождения с евреями взят на вооружение: сербы убивают албанцев за то, что они албанцы, а албанцы сербов за то, что они сербы, и не видно конца. С этим можно совладать лишь отвергая массовый террор всегда и везде. Гарантий от его возврата у нас нет. А кто его поддерживает, пока убивают других, предаёт своих убитых.

СЛУЧАЙ ХАЙДЕРА

Вот, казалось бы, радоваться, что общественность чутко и быстро отозвалась на приход к власти в Австрии партии, лидер которой открыто симпатизирует национал-социалистам. Израиль отозвал из Вены посла, США вроде бы тоже, французский президент Ширак недвусмысленно осудил ксенофобию, а французские министры при встречах в Евросоюзе не подадут австрийским руки. И все это заблаговременно, не дожидаясь пока молодчики Хайдера начнут убивать. Вот бы такую прыть, когда национал-социалист Милошевич упразднил автономию Косова, еще только в душе вынашивая планы изгнания албанцев! Может и не пришлось бы потом, когда сотни тысяч гонимых побежали через границы, вооруженным путем пресекать его суверенное право на геноцид.

Отчего так различается отношение американцев и европейцев к схожим по существу персонам? Почему на культ силы, так сказать, слева просвещенные демократы смотрят куда снисходительней, чем на такой же культ, так сказать, справа? Разве Колыма и Тайшет менее страшны и меньше людей погубили, чем Освенцим и Треблинка? Техника, конечно, была разная, и лучше оснащенные государственные террористы провернули дело быстрее, но это не принципиальное различие, тем более, что в Бабьем Яру, например, убивали по старинке, без печей и газовых камер. Конечно, гитлеровцы больше напирала на этническое, а сталинцы на социальное, но и гитлеровцы, борясь за расовую чистоту, не миловали и чистокровных немцев, противившихся национал-социализму, и сталинцы тоже этнических критериев не чурались, и наполовину, а то и больше, погубили немало народов. С евреями, правда, не успели, окончательно вопрос не решен.

Господин Ширак куда мягче реагировал на появление коммунистов во французском правительстве, чем хайдеровцев в

австрийском. А в Италии премьер и вовсе теперь коммунист, а никто Италию не прорабатывает. Говорят, Хайдер хвалил Гитлера, но Путин, говорят, по случаю столетия Сталина, даже выпил в его память, а по другому случаю публично объяснял, что у КГБ, в котором он проработал двадцать лет, были большие достоинства. Однако, господин Клинтон считает, что "с ним можно иметь дело". Почему тогда с Хайдером нельзя?

Конечно, когда Милошевич, долго поощрявшийся американцами, совсем зарвался, они, хоть и топорно, его остановили. Надо думать, что и в ответ на реальные угрожающие действия другой великой ядерной державы американский президент, - это, слава богу, будет уже не Клинтон и, авось, не Гор, - сумеет ответить не менее твердо, чем Джон Кеннеди, и спасет мир. Но зачем доводить до такой остроты?

Самое грустное, что Хайдеру отдали голоса миллионы людей, и думать бы надо о том, как дошли они до этого. Одна причина на поверхности: после войны, когда на западе Германия мучительно разбиралась с виной в гитлеровских преступлениях, опорой и орудием которых она, не всегда того желая, оказалась, Австрию освободили от такой необходимости, наделив статусом первой жертвы гитлеризма, словно не было последующего равноправного соучастия в преступлениях. Между тем, Австрия с ее недавним имперским грузом нуждалась в осознании прошлого, быть может еще и побольше, чем иные немецкие земли с другими традициями. Но великие державы, и западные и восточная, по конъюнктурным политическим соображениям закрыли на это глаза, и нынешний успех Хайдера отчасти идет от неосознанности народом опыта.

Признав, что если не прямо Хайдера, то сотрудничество с ним, большинство австрийцев выбрало добровольно, мы вновь оказываемся перед проблемой коллективной вины, встававшей перед немцами, две трети которых (67%) в 1933 году голосовали за силовую власть (37% за национал-социалистов, 30% за коммунистов). В 1933 и в предшествовавшие кризисные годы явно имело место массовое ослепление немецкого народа, и соблазн говорить о его коллективной вине велик. Только ведь немцы, голосовавшие за Гитлера и голосовавшие за Тельмана, искренне считали себя противоположностями, мысль о том, что между тоталитарными режимами любого цвета радуги разница невелика, их тогда еще не посетила. По какому же праву их за это винить, если, ведущих мировых политиков она не посетила до сих пор, хотя информации набралось побольше, чем было у немецкого обывателя в 1933 году. К тому же, мир переживал тогда жесточайший кризис и некому было помочь демократическим силам Германии, тоже составлявшим ее треть, удержать законный порядок, да и санкции не могли быть эффективными, - множеству голосовавших за силовые режимы, и впрямь было "нечего терять". Сегодня положение иное.

Но и помощь, и санкции, единственные, кроме пропаганды, средства воздействия извне на сознание населения, ныне используются так, что часто ведут к обратным результатам. Высокомерные Европа и Америка, даже не требующие, как СССР от соцстран, уподобления себе,

не вдаются в реальные ситуации других стран, и отождествляет тамошнюю власть с тамошним народом. А из не простых отношений власти с народом нередко и растет его готовность к силовым действиям.

Отчего сербский народ, как ни прискорбно, на стороне национал-социалиста Милошевича, а оппозиция ему частично от него неотличима, либо не имеет массового влияния? Да оттого, что задолго до воздушных атак американцы, разом поддерживая и Милошевича и народы, стремившиеся выскользнуть из Великой Сербии, которую он создавал, упустили из виду, что народ, бывший главной опорой рушащейся империи, тоже должен обрести права, которые обретают другие. Устанавливая на Балканах справедливость, защитить сербов от хорватов в Хорватской Крайне было не менее важно, чем защитить мусульман и хорватов от сербов и друг от друга в Боснии. А когда, не сделав этого, Европа и Америка вступились потом за изгоняемых албанцев, объяснить сербам, что пришла пора справедливости для всех, уже не было шансов, они по своему опыту верить этому не могли и все еще не верят, поскольку равенство пришло лишь в проявлении взаимной нетерпимости, и это вина не администрации ООН, а предшествующей политики.

Санкции против власти Милошевича, пока он не уйдет, необходимы, но санкции против простых сербов, даже поддерживающих Милошевича, лишь укрепляют его власть. Пора научиться наказывать государства, нарушающие законы, но не население этих государств, и помогать людям, минуя преступное государство. Не может быть суверенных прав на раздачу пищи голодающим. Конечно, не всякое государство такое ущемление суверенитета допустит, но когда прямая помощь станет обыденной, люди, которых власть ее лишит, будут понимать, кто лишает их помощи. Согласие на такую помощь могло, кстати, войти в ультиматум Милошевичу, но и этого клинтоновские дипломаты не предусмотрели. Порой гуманитарные организации вручают преступному государству продовольствие для жертв его карательных операций, а оно передает это продовольствие карателям. А помогать надо не властям, а людям.

В Ираке, люди недоедают, поскольку Саддам ради них не отступит от милитаристских программ. А разве не американский президент спас Садама, когда американская армия, выбросив иракских оккупантов из Кувейта, обрекала диктатора на уход? И разве Австрии при приеме в ЕвроСоюз нельзя было напомнить о несостоявшейся денацификации? Разве нельзя оговорить - уже не только для Австрии - что приход в исполнительную власть партий тоталитарного толка, национал-социалистических или коммунистических, ведет к исключению из союза?

Великое дело суверенитет, и за вычетом оговоренного в международных договорах, каждая страна вправе сама определять, как ей жить. Но и другие в силу того же суверенитета вправе определять свое отношение к ней. Если она, скажем, вступила в Совет Европы и, тем самым, отказалась от смертной казни, не гоже там ее держать, если без суда и следствия бомбами и ракетами, не имеющим электронную аппаратуры для отличения виновного от невинного, она убивает тех, кого без суда объявила преступниками, а заодно их детей и родителей, братьев

и сестер. Наш министр иностранных дел Иванов, выгораживающий Хайдера и его избирателей, о взятых страной на себя обязанностях почему-то вечно забывает. А и в частной жизни от прохожих или соседей мы требуем лишь соблюдения правил человеческого общежития, но от друзей ждем большего. Никто, конечно, не обязан быть европейцем, но можно ли считать европейцами тех, кто веселится в компании, которую портит не один Хайдер.

Между любовью и ненавистью есть много промежуточных чувств. Холодная война красила мир в два цвета, даже третий мир дробили на просоветский и проамериканский. На западе упрямо верили, что секретарь обкома, объявив себя демократом, наведет демократию. В России хотели, зовя исключительного представителя эксклюзивным дистрибутором поднять уровень жизни. Россия с этой иллюзией рассталась, запад, пока не уйдет Клинтон, будет за иллюзии держаться, но время иллюзий прошло. Нелепо менять обретенную было наивную любовь на столь же наивную былую ненависть. Но надо видеть вещи, как они есть. Не только в Австрии.

КТО ВИНОВАТ?

С трудом начав, наконец, признавать, что ее гимны российской демократии беспредметны, западная печать нашла виноватого - это русский народ, для демократии, оказывается, непригодный. Впрочем, такие рассуждения вызывают протест не только расистским духом. Есть в них и ложная задняя мысль: коли русские к демократии не способны, нечего протестовать, когда они бесчинствуют в давно захваченной Чечне. Им же и хуже, - тем больше сил потратят, тем медленней наладят хозяйство, тем позднее возобновят угрозы зарубежью, тем верней себя разоблачат, хотя бы перед мусульманами. Это не враждебность, просто безразличие. Совсем, однако, напрасное.

Виновен ли народ России в том, что назревавший при Горбачеве переход к демократии не совершился, и Ельцин, изображая гаранта демократии, сумел довести эту самую демократию до передачи власти сотруднику КГБ? Вроде виновен, выборные церемонии соблюдаются и не полностью фальсифицированы. Давно ли ГКЧП и танки на улицах Москвы побудили сотни тысяч протестовать, а нынче: "Путин - это наше все!" Тот же народ, а стал иным.

Отчего? Социальные коллизии, в которые он попадает, меняются так быстро, что люди не успевают оглянуться. В семнадцатом феодальную Россию вздыбили три роковых вопроса - война, земля и колонии. Большевики взяли власть под флагом мировой революции, означавшей на бумаге и конец войны, и конец колониальной империи и, коль скоро революция упраздняет собственность (имелась в виду, в частности, помещичья), то и аграрный вопрос решится сам собой. Вышло не так, после трех с лишним лет гражданской войны и насаждения военного коммунизма Ленину с Троцким пришлось переходить к новой экономической политике. Ее успешное развитие предполагало все большее сокращение партийных директив, но партия отказываться от них не собиралась.

Вот важнейшим в политической истории XX века и стало преобразование этой партии, выплеснувшееся так, что новая ее часть, взявшаяся за построение социализма в одной, отдельно взятой стране, перестреляла старую партию мировой революции. И сама, соответственно, обратилась в партию национал-социализма. Ей отчасти пришлось трудней, чем аналогичной партии в Германии, начавшей сразу с шовинизма и наперед открыто объявлявшей, каким будет ее социализм. Новые большевики постигали это не сразу, по мере практической надобности. После Сталина в КПСС пробивалось, но подавлялось, сознание неэффективности волюнтаристского хозяйничанья. От Ленина до Зюганова волюнтаризм брал верх.

Утопия Маркса была изначально большинству партийцев в тягость, и Ленин пополнял ее новыми мифами, Сталин ее мумифицировал и подгонял под свои практику, а она уже все больше и с ленинской утопией расходилась. Давно было пора КПСС отбросить омертвевший марксизм-ленинизм. Но лишь коренной кризис и Янаевский взлом режима, искавшего спасения, позволили российским коммунистам это сделать. Делали они это по-разному. Зюганов и его партия, сохранив название, стали полнее изъяснять свой национал-социализм. Ельцин и стоящие за ним, напротив, отреклись от названия, назвали себя демократами, но желая удержать власть, уклонялись и от реформ, боясь как бы, став демократическим, общество их не оттеснило. Они установили авторитарный строй без идеологии и усердно ужимали нерожденную свободу.

Говорят, Путин возвращает нас к сталинским порядкам. Это верно во многих отношениях, кроме главного. Идеологию марксизма-ленинизма не возродить даже Зюганову. А основное отличие сталинского и маоистского режимов от гитлеровского и муссолиниевского в том, что первые были идеологизированы в несопоставимо большей мере, чем вторые. Мы снова идем к тоталитарному режиму, но не столь идейно фундированному. Россию ждет не менее жестокая, но более откровенная власть. Под национальным знаменем заявки на нее подавали уже Д.Васильев, А.Баркашов, В.Жириновский. Они хотели разом перепрыгнуть с коммунистического коня в седло откровенно национал-социалистического, но такие скачки без переходного периода, как правило, не удаются.

Ельцин куда глубже и тоньше понял ситуацию, понял, что Горбачева с новой утопией "социализма с человеческим лицом" можно выбросить либо под флагом большей "партийности", как хотел ГКЧП, либо, еще верней, большей демократии, каковую Ельцин и посулил своим отречением от коммунизма. Его сотрудничество с коммунистами, поддержавшими его премьеров и бюджеты, шло под прикрытием непримиримого публичного противостояния, только и придававшего демократический вид Ельцину, за которого звали голосовать и Васильев, и Баркашов. Но ни создать реальное рыночное хозяйство, способное вывести из кризиса, ни укрепить опорные державные стояки сталинским диктатом, для которого, впрочем, ни сырьевых, ни людских ресурсов уже и не было, Ельцин не мог.

Он тяготел к привычному государственному руководству хозяйством, его "приватизация" свелась к частичной передаче государственных концернов в руки немногих монополистов, сознающих свою зависимость от государственного совладельца, и нуждающихся в его силе. Не зря три последних премьера - из силовых органов. Но "переходный период" истек, и Путин, хоть и связанный покамест ритуалом псевдодемократии, стал напирать на прямое насилие под национальным знаменем, уже в открытом союзе с коммунистами, отведя им роль младших партнеров. Он привел правящий класс к согласию, создав единый фронт от Селезнева до Чубайса, манипулируя и коммунистами и псевдодемократами, уже открыто впряженными в одну упряжку, несущую его в гору. А торопыгу Баркашова, да сперва и Жириновского, затем от выборов отстранили, чтобы не оттянули у Путина голоса их общего электората, не сорвали победу в первом же туре. И с Жириновским еще не кончено.

Другое дело в какой мере бескомпромиссный волюнтаризм, явленный в Чечне и уже изданных декретах, позволит реально вывести страну из хозяйственного кризиса. Если бы в компьютерном мире успех достигался насилием, неужто его не развернул бы еще Брежнев, при котором кризис разразился, и не сделал бы ощутимых шагов Андропов, и не предложил бы, как альтернативу горбачевской перестройке, Лигачев, и не нашел бы в партийном руководстве поддержки? Путинская попытка безоглядно действовать грубым насилием, поправлять судьбу страны методом генерала Шаманова, ни к чему кроме краха, да еще кровавого, наше отечество не приблизит. Тут и задаешься вопросом, почему же это не ясно десяткам миллионов сограждан, наперед вручивших Путину его могучие рейтинги? Почему они этого не видят?

Во-первых, потому, что несвершение реформ не просто замедлило социальные процессы. Острота кризиса вынуждала государство быстро сбалансировать рухнувшее хозяйство, но просто подымать цены уже было нельзя, нужна была видимость перемен. Так называемой "либерализацией цен" Ельцин с Гайдаром несообразно их взвинтили, сократив зарплаты и обесценив людские сбережения, чем взвалили расплату за убыточность советского хозяйства на рядовых людей, повергли их в нищету и этим подорвали веру в демократию и реформы.

Во-вторых, потому, что Ельцин с Чубайсом не дали ходу свободной экономике, в которой монополиям противостоит множество конкурентоспособных мелких и средних предприятий, а буржуазное государство помогает им выстоять уже тем, что ограничивает и укрощает монополии хотя бы "антитрестовскими законами". У нас же все свелось к тому, что государственные монополии обозначились именами Вяхирева, Березовского, Потанина или самого Чубайса, но свобода монополий, - создали "олигархи" Политбюро или спорят гласно, - еще не демократия.

И, в третьих, потому, что свобода печати, возникшая было при Горбачеве, сошла при Ельцине на нет. Формально цензуру еще не ввели, хоть власть определяет руководителей массовых изданий, и теле- и радиоканалов, контролируя допуск независимых мнений. Но резкое

вздорожание не только бумаги и услуг типографских монополий, а и доставки подписных изданий государственной почтой, да и препоны продаже независимых изданий по всей России, подорвали их самоокупаемость. При резком подъеме прочих цен и падении зарплат и пенсий, газеты и журналы стали почти недоступны. Большинству граждан доступны лишь телепрограммы первого и Российского проправительственных каналов.

. Но общественное мнение складывается только при полноте информации и комментариях, выясняющих истину в спорах. В одиночку трудно разобраться, отвечают ли те или иные действия государства твоим интересам. К тому же информация у нас не просто необъективна, но сама пронизана комментарием, полным страстей. Если человек узнает о стране и мире лишь по телевизору, который темнит, искажает, и речами Доренко или Леонтьева нагнетает человеконенавистничество, он в любой стране собьется с толку, еще и побольше, чем в России, где трудно вовсе вытравить недоверие к казенной лжи.

Ныне положение людей отчаянное, ориентиры во многом утрачены, и не каждому ясны последствия решений, которые приходится принимать. Не вдруг сообразишь, что делать. Но даже справедливо упрекая уставших людей в равнодушии, стоит помнить, что это плод сознательной работы власти. Поэль КАРП

МЕЧТА О ПИНОЧЕТЕ

Путин не первый, кто ратует за "сильное государство", его завел еще Сталин, строивший социализм в СССР и во всем мире. О воле Сталина слагали песни. Он не оглядывался на людей с простыми желаниями. Следовать его воле их вынуждали силой государства. Затем его и сделали сильным.

Государству положено защищать своих граждан от внешней опасности. В середине тридцатых наша армия была, вероятно, сильнейшей в мире, но защитить страну смогла лишь на Волге да под Курском. Сталин перестрелял командный состав, перелопатил прежнюю систему обороны и даже не предостерег армию на случай нападения своего гитлеровского союзника. Военного поражения или отступления до Волги он, конечно, не хотел. Но другое было ему дороже.

Когда государство занято внутренними проблемами, его успехи еще больше, чем от силы, зависят от системы ценностей, которой держится власть. От того, что ей дороже.

Мао выговорил тайную мысль многих правителей: пусть половина человечества погибнет, зато другая живет лучше. Но не всякий возьмется решать за других, как им лучше, и приносить других в жертву своему пониманию лучшего для них. Борцы за лучшее будущее делятся на решающих за других и дорожащих правом других самим решать, что им лучше.

Ориентация на большинство, продолжающее смотреть, что получается, и думать и передумывать, при гарантиях меньшинству,

позволяет сохранять внутренний мир. Так легче разобраться в общих бедах и понять, как их преодолеть, не навлекая новые, еще пострашней. Когда советская власть отдавала в 1917 землю крестьянам, она опиралась на их мнение, когда она, уже не нуждаясь в этой опоре, отнимала у них землю в 1929, их мнение ее не интересовало. На то была воля Сталина. Вот мы потом и покупали хлеб в Америке и Австралии. А ведь не то что коллективное крестьянское хозяйство заведомо бесплодно. Оно успешно там, где его ведут по своей воле, а не воле вождя и сильного государства.

Нам все не взять в толк, отчего наше отечество разорено, отчего отвернулись от нас те, кого наша армия освобождала от Гитлера, отчего распался Советский Союз, отчего наша промышленность и сельское хозяйство неэффективны. А причина всему одна. Самый почитавшийся советской властью писатель, Шолохов писал: "Это ведь только тогда сладко, когда девка сама обнимет", но удивительным образом, хоть его роман многократно переиздан, это осталось непрочитанным, "антитеррористическая операция" полна насилования чеченок. Солдатская мораль такова не от материнского молока, а от сильного государства, которое всюду действует насилуем и учит ему: "Кто хочет, тот добьется, Кто ищет, тот всегда найдет". В песне времен великого террора подкупает это "всегда", - следовательно всегда найдет, что хочет. Была бы сила да воля. Вот Путин и сетует: "Наша первая и самая главная проблема - **ослабление воли**". Он верит, что воля и сила все сладят, а итоги самодержавия и советской власти ему не указ.

Так мыслит, увы, не один Путин, полстраны верит в силу, в сильного, то есть, не знающего нравственных ограничителей, человека, оттого и тоска по Сталину, и любовь к Гитлеру, где уж глядеть, до чего они довели своих сограждан. А если кого результаты все же смущают, к их услугам Пиночет, - и убил-то, говорят, всего-ничего, тысячи три, а хозяйство наладил и привел к демократии. Недавно судья из Испанской державы, и пальцем не тронувшей соратников Франко, отбирал у ее бывшей колонии Чили право решать, что ей делать со своим Пиночетом и его соратниками, - стать ли, подобно Испании на путь национального примирения, или начать новый виток гражданского противостояния. Теперь, слава богу, чилийцы сами разберутся в своем деле, но признание их права на это отнюдь не означает причисления Пиночета к лику святых.

Чилийцы помнят, что в Чили и демократия и свободная экономика начались не с Пиночета, и если возвернулись и Пиночет даже тому способствовал, то потому, что в Чили, в отличие от России, их не приходилось насаждать. В кризисный час свободной экономики президент Альенде видел спасение в ее ликвидации и огосударствлении хозяйства, что привело к нарастанию нищеты, а Пиночет остановил огосударствление и помог оживить прежнюю экономику. Не более того. И если даже говорить лишь о "положительной стороне" его правления, закрыв глаза на стадион в Сант-Яго, Россия должна знать, что Пиночет, хоть и защитил экономическую свободу, отнюдь ее не создал, и не дал повода думать, что так ее создают. Он нам не пример, даже если потерять

совесть. Экономической свободы у нас нет, и защищать нашему Пиночету нечего.

Ельцин, на которого надеялись, ее не завел. То был обман, не меньший, чем в 17, но быстрее обнаружившийся. Ельцин стал разом отчасти нашим Альенде, поскольку мешал создать условия для свободной экономики, и отчасти нашим Пиночетом, поскольку и государственную экономику не спас. Впрочем, спасти ее от нерентабельности было невозможно, а способствовать предпринимательской активности в городе и деревне и переходу госпредприятий к самоокупаемости Ельцин не стал. Но никакой Пиночет потерянное десятилетие не вернет.

А где нет свободы, остается полагаться на волю власти, вот Путин и выступает как носитель воли. Вот он и поминает добрым словом советские времена и КГБ, в котором служил. Можно допустить, что он не сторонник социалистической утопии, труднее допустить, что он не знал о десятках миллионов сограждан, погубленных его учреждением, но даже это не самое страшное. Страшно, что у строителей социализма и сослуживцев он перенял слепую веру во все превозмогающую волю, а это не дает ему видеть реальность, находить адекватные методы разрешения ее проблем, и понимать, что триста лет при Романовых и семьдесят при Советах, полагаясь на силу, по принципу "что хочу, то и ворочу", мы и пришли к нынешнему дню.

Горько, что чехи, первый президент которых, Томаш Массарик, так любил Россию, ищут защиты от нас у НАТО. Но на столько ли мы изменились, чтобы им забыть, как мы въезжали на танках учить их жизни? Неприятно, когда эстонский президент на международном форуме говорит о русских оккупантах. Тут бы встать и объяснить, что Россия помнит свой грех и постарается стать для Эстонии добрым соседом, но присутствующий Путин демонстративно выходит из зала. Не уверен, что это и там не усилит тягу в НАТО. Ужасно, что в Чечне по ходу затянувшегося конфликта и разорения появились бандиты, промышлявшие заложничеством и торговавшие рабами. Но, опять же, кто в этом виноват, кроме нас, кроме царей, Сталина, Ельцина, генерала Ермолова, князя Барятинского, генерала Серова, министра внутренних дел Куликова, двести лет не отличающих бандитов от защитников своей родины. Сильный человек Путин пошел дальше всех, уже не выселяет чеченцев, а истребляет на месте.

Он объясняет в своих интервью, что, если, как Ленин - Финляндию, отпустить Чечню, уйдет и Дагестан, а там и Башкирия и Татария, и Россия развалится. На деле все не так, и Россия так просто не развалится, и вторжение Басаева лишь побудило Дагестан искать у нас защиты. Неправда, что самостоятельная Чечня опасней мятежной. Разве независимый Афганистан был нам опасней развороченного нами, да и нынешнего? Другое дело, что в независимой Чечне, как и в Афганистане, после нас может вспыхнуть гражданская война. Но это, тем более, обязывало наши власти искать согласия.

А Путин захотел править по своей воле, он счел это даже своей миссией. Вот и уничтожил сотни тысяч мирных людей, стер с лица земли

город и множество селений. Любви это, что ли, к нам прибавит? Путин показал миру, что его волю, не остановить. Пиночет пред ним ребенок. Если завтра Казань попытается удержать права, вырванные у Ельцина Шаймиевым, не сотрет ли Путин и ее с лица земли? Да и в нашем прекрасном городе согласия нет, есть террористы и есть даже сторонники отделения города от России - год назад я им объяснял в печати нелепость этой идеи, - но вместо полемики не полетят ли теперь и мне на голову вакуумные бомбы?

Я не думаю, что воля Путина непременно нацелена на дурное. Дело хуже. Он счел, что свою волю вправе навязывать силой. Но применение силы после Гитлера и Сталина допустимо лишь для защиты от насилия, - и на родине, и, тем более, из-за рубежа. Да и то оговорены его пределы. Сторонники сильного государства не желают их знать, и, в конечном счете, губят то, чего, вроде, хотят, - Сталин подорвал равноправие народов, на котором замышлялся Советский Союз, и его осталось удерживать только силой. Она иссякла, и он распался.

Новое царство началось с кровопролития, как бы явившего силу и решимость. Твердят, что это ради успеха на выборах, но зачем бы при таком предвыборном маневре открытый союз с коммунистами, ходящими в соперниках? Не затем ли они совпали, чтобы внушить, что правящий класс опять един и уже ни перед чем не остановится, чтобы возродить былой страх? Но сделает ли страх хозяйство эффективнее или опять развалит?

В КГБ за Путиным замечали недостаточное чувство опасности. Но на прежней работе, с ее повышенным риском, этот недостаток мог порой становиться достоинством. На посту президента, рискующего не только собой, но и страной, для страны этот недостаток смертелен.

ЛИКИ ДЕМОКРАТИИ

Не так горько торжество Путина, после капитуляции Ельцина неминуемое, или успех коммунистов, взявших треть голосов, как скудость либерального электората. Даже прибавив к голосовавшим за Явлинского и против всех сторонников Титова, не набрать и 10%. Чуть не сам Путин заметил, что складывается двухпартийная система. Ее образуют партия коммунистов с рухнувшей идеологией и партия кагебистов без всякой. За коммунистами признано право легально вернуться к власти, хоть уверяли, что их время кончилось. А ведь созыв Съезда народных депутатов СССР или избрание Ельцина президентом России, и впрямь были шагами к демократии.

Первыми шагами. С тех пор многое прояснилось. Когда коммунисты норовили вернуться в бессильной судороге ГКЧП, против них было единство демократов и народ на улицах. Но вскоре Горбачев выпал из числа действующих политиков. Вроде сам виноват, - не спешил преобразить СССР в союз независимых, но экономически связанных, стран, подобный Европейскому, не разделил компартию на социал-демократов, и национал-социалистов. Так или иначе, попытка силовой реставрации

обернулась самоубийством коммунистического режима. Меж ним и либеральным будущим уже не нужна была перестройка, а значит Горбачев стал лишним.

Оставшиеся на сцене демократы, уже без Горбачева, а еще раньше без Сахарова, сгрудились вокруг Ельцина, не требуя, однако, созыва Учредительного собрания. А Ельцин, равно как Верховный Совет РСФСР, никаких серьезных экономических реформ не хотел и соглашался лишь на меры, позволяющие за счет населения отойти от пропасти, к которой привел кризис советского хозяйства. После "либерализации цен" по Гайдару и "приватизации" по Чубайсу, повергших большинство населения в полную нищету, ситуация опять перевернулась, коммунисты обрели в народном обнищании новую опору. В избранном еще в составе СССР Верховном Совете их было немало, и они стали сильной оппозицией Ельцину и демократической программе, с которой он пришел и которую не выполнял. Зато, опираясь на неприкосновенный КГБ и прочие силовые структуры, Ельцин укреплял авторитарную власть. В 1993 вооруженные коммунисты атаковали в Москве мэрию и телецентр, а Ельцин - Верховный Совет. Свою победу Ельцин использовал для закрепления авторитарного порядка новой конституцией. Все еще именуясь защитником демократии от коммунистического реванша, он наладил сотрудничество с коммунистами, утверждавшими бюджеты и глав правительств, а демократические свободы и права на глазах ужимались, так и не обретя должной полноты. Тем настойчивей демократов звали сплотиться вокруг Ельцина.

Многие и впрямь не брали в толк, почему экономисты, тяготевшие к переменам, как, скажем, Гайдар и Явлинский, не могли сговориться о частностях. А расходились они не в частностях, а в том, возможен ли успех реформ, проводимых отдельными, угодными Ельцину мерами, без мысли, куда эти меры сами по себе, без других одновременных мер, ведут, или надлежит пагубную, но целостную, советскую систему заменить другой целостной системой, а не заводить полусоветскую.

При советских понятиях о власти, как общем деле коммунистов и беспартийных, многим казалось, что споры идут об амбициях да теплых местечках, в СССР принадлежавших власти. А в действительности экономистам надо было выбирать, опираться ли на волю самовластного правителя, который регулирует, то есть сводит на нет, реформы, или искать в политической борьбе поддержку избирателей. Первое у нас зовут реальной политикой, второе - идеализмом. Гайдар с Чубайсом выбрали первое, Явлинский - второе. Итоги "реальной политики" у всех на виду.

"Революцию сверху" пресекает правящий класс. Французская знать пренебрегла мудрым Тюрго и получила Робеспьера. Витте дозволяли куда меньше, чем Тюрго, да и Столыпину не сильно больше, а о кабинете кадетов и речь не шла. Результаты тоже известны. Но почему реформы не поддерживает избиратель? Прежде всего, потому, что ощущает себя обманутым, а в монополизированных СМИ нет реальной полемики, нет ее и в ходе выборов, - кандидаты друг друга обличают, но не оспаривают, а

только в спорах прояснилось бы, что обманули не реформы, а их односторонняя неполнота, не считавшаяся с людьми. Не вовсе пусты и подозрения в избирательных фальсификациях, но они могли сильно исказить, а не целиком создать невеселые итоги. Однако, зловещая роль опять у надежды на добрую волю никак ее не проявившего правителя и ее слепых проповедников.

Накануне выборов журналистка Евгения Альбац опубликовала комментарий, сообщивший, что "Чубайс потерял лицо". Процесс потери лица протекал в форме утверждения "Союзом правых сил" под давлением Чубайса призыва голосовать за Путина. Дальше Альбац толково объяснила, что за Путина голосовать не надо, поскольку "ни либеральные идеи, ни торжество закона, ни та же демократическая идея в общем ее видении не являются для него близкими, а ровно наоборот". Уже в предыдущем своем комментарии она дала выразительный портрет Путина, и то, что все же сочла нужным особо оговорить неприглядную роль Чубайса, - пример выполнения честным журналистом своего главного долга: делиться с читателем тем, что видит и думает.

Меня пугает лишь то, что честная Евгения Альбац так долго не видела лица Чубайса, которое он и прежде не прятал, а не то что намеренно потерял. Еще с ноября, когда речи не было о досрочных выборах, и Путин был лишь премьер-министром, назначенным в наследники, Чубайс внятно говорил, что сделает все, чтобы Путин стал президентом. Но Альбац закрывала глаза, любясь им, как "реальным политиком", человеком дела, довольствовавшимся "полушагами, полурезультатами, которые потом складывались в полноценные шаги и результаты". А складывались они, между тем, не только в утверждение Путина 26 марта президентом. Чубайс еще в 1996 руководил повторным избранием Ельцина, которое, даже без коробки из-под ксерокса, тоже трудно назвать честным.

Евгения Альбац противопоставляла реального политика Чубайса Явлинскому, ни с того, ни с сего, голословно, но пылко, заявив, что если бы у власти был тот, "мы давно бы висели под коммунистическими галстуками на всех фонарях". Писалось это когда партия любезного Чубайсу Путина уже вступила в Думе в союз с коммунистами, готовая слепить с ними двухпартийную систему, лишив демократию в России самостоятельного голоса. Возможно, отказавшимся от него ради места в обслуге президента, галстуки на фонарях покамест и не грозят. Но ведь Евгения Альбац вроде к ним не принадлежит и, напротив, открыто теперь выступила против самого Чубайса. Но ей бы прикинуть, сколько избирателей, не заметивших последнего комментария, а веривших прежним ее регулярным речам, вопреки ее же запоздалому призыву, проголосовало за Путина

Не то что я разделяю все конкретные позиции Явлинского. О многом с ним можно поспорить, но главное в том, что он был на выборах единственным демократическим политиком открыто противостоявшим КПСС и КГБ. (Титов, как тоже "реальный политик", все же выражал готовность с Путиным сотрудничать.) А с всамделишным демократом возможен спор, тогда как авторитарные правители публичного спора не достаивают. Если бы в бюллетене не было Явлинского, пришлось бы

голосовать против всех. Примечательно, что Предизбиркома Вешняков заявил, что призывы голосовать против всех незаконны. Главный блюститель порядка на выборах объявил незаконной агитацию за использование возможности, предоставляемой избирательным бюллетенем. Да одно это повод оспорить выборы! А Конституционный суд молчит, и Вешняков сохраняет свой пост. Это тоже обслуживающая начальство "реальная политика", демократия по Чубайсу.

Явлинский был персонифицированным кандидатом против всех, против Ельцина, Зюганова, Путина и иже с ними, против людей, взявших себе право решать за всех. Будет это право именоваться делом Ленина или национальной традицией, не столь важно, как то, что оно в любом виде противостоит демократии. Альбац сводит преображение в умах демократии в "дерьмократию" к тому, что наше народонаселение "душой и телом до сих пор в кромешном ГУЛАГе". Но едва начав при Горбачеве из него выходить, оно противостояло ГКЧП. И сколь бы существенно для нынешнего голосования не было то, что под флагом демократии народонаселение ограбили и обманули, публичная общественная мысль тоже не последнее дело, а либеральной мысли еще при Ельцине перекрыли ход.

Революция 1991 года не состоялась потому, что КПСС не была до конца разоблачена и осуждена (для чего даже не требовалось на прежний манер преследовать ее функционеров, не замешанных в уголовных преступлениях), а КГБ и вовсе не тронут, лишь разделен и переименован, и их люди не ушли в частную жизнь, а наново составили правящую элиту. Советская номенклатура проявила высокий уровень самосохранения, не постояв за ценой, - даже вскормившую ее утопию себе во спасение выбросила. Но, слепо веруя "демократам" из obsługi, люди не хотели слышать, что революция у нас не состоялась. Вот президентом России и стал Путин из ФСБ.

СЛУШАТЬ ЛИ СОВЕТНИКОВ?

Уже на посту премьера, наперед объявленного наследником президента, и еще усердней в должности и.о. президента Путина обзывали "черным ящиком" и строго вопрошали: "Кто вы, господин Путин?" Что ж, президент вышел из потусторонней сферы. Но так продолжается по сей день не только за рубежом, но и на родине, хоть прошло более полугода и новое первое лицо успело себя показать и делами, и речами и обликом, и в печати и по телевизору. Всем этим пренебрегают, и не случайно, а вполне сознательно.

Во всяком случае, в изображении Глеба Павловского, причастного к формированию президенту такого имиджа, Путин фигуры не имеет, и лишь подхватил некий процесс, начавшийся до него, которым, по словам Павловского, не сумел управлять Примаков, и которого, якобы, даже не заметил Степашин. А Путин, словно сказали: иди спасай, встал и пошел спасать, не уточнив, однако, что именно. Процесс назван "выходом из постимперского периода", каковой период, сам, видимо, сочтен выходом из

имперского периода. Рассуждение туманное, и в чем этот процесс выхода из процесса выхода состоит, прямо не сказано, но отрицание отрицания есть утверждение. Речь, стало быть, о возвращении к имперскому периоду, к империи. Да еще объявлено, что в процессе отхода от империи возникла некая “угроза обдумывания вытеснения России за пределы мирового контекста”, которая отождествляется с отказом от ее интеграции. Но почему Россия, в отличие от Англии или Франции, может жить лишь как империя, остается загадкой.

Между тем, Россия при советской власти, как раз упорно уклоняясь от интеграции к примеру, от участия в послевоенном плане Маршалла, занимала в мировом контексте весьма существенное, даром что невыгодное для себя, место. Уже отсюда видно, что “место в мировом контексте” и интеграция, действительно, жизненно необходимая России, вещи разные. О том же говорит не вполне состоявшийся процесс выхода из империи: без восточной Европы и республик СССР место России в контексте, естественно, стало скромней, но реальная интеграция, если не принимать за нее рост государственного долга, всё не сбылась, ей по-прежнему недостает гарантий частной собственности и предпринимательства для граждан России и иностранцев. Их, что ли, даст возврат к империи?

Смешно ожидать в обозримое время от Европы или Америки желая силой навязать России интеграцию, то есть ее колонизировать, содержать и кормить, в ожидании дальнего экономического эффекта. Как ни плохо лидеры западных держав понимают нашу реальность, но не до такой же степени! Отказ запада от его многолетних колоний напоминает, что пугало превращения России в колонию запада устарело. Примыслить недостающее “жизненное пространство” и нас “интегрировать”, возможно, захотят где-нибудь за южными или восточными границами, но и до такого покамест далеко, да и там сообразят, что подавятся. Никакой серьезной внешней угрозы России в обозримом будущем не существует. Зачем же ее сочиняют, господин Павловский в этом не одинок? Мнимая угроза служит доводом в пользу “процесса выхода из процесса выхода”, то есть, аргументом за возврат к империи.

Господин Павловский и его соратники уверяют, что Путин лишь интуитивно, “на уровне здравого смысла” сознает свою задачу, каковую еще надлежит установить, обосновать и обратить в практические рекомендации. В том, что это до сих пор не сделано, они винят оппозицию, неведомые задачи не поставившую, и тем вынуждающую беднягу Путин думать, что ему делать. А это, между прочим, входит в обязанности правителя, и Ленин, и Александр II, наперед знали, чего хотят.

Да и о какой оппозиции речь? О крайне правых, то есть Зюганове и прочих махровых коммунистических мракобесах? Об умеренно правых, то есть Гайдаре, Чубайсе и других, не стыдящихся именовать себя правыми? О либералах, то есть Явлинском? Или о подлинно левых, то есть единомышленниках Джорджа Оруелла, возникавших у нас лишь редкими единицами, как безвременно умершая Виктория Чаликова, и не

составивших, увы, даже политического движения, не то что партии? Другое дело, что господин Павловский еще меньше, чем Путин, хочет, в спорах с ними излагать свое понимание вещей. Недаром у Путина не было даже предвыборной программы. Не то что ее и впрямь нет, ее лишь не хотят предавать гласности. Только дела красноречивей слов.

Если советчики Путина внушают ему, что после возвращения к империи и ее атрибутам, и, в частности, к готовности стереть с лица земли не одних чеченцев, а, по великому Мао, половину человечества, интеграция пойдет как в песне Окуджавы: «каждый сам ему выносит и спасибо говорит», они подведут своего шефа, да и отечество погубят. Запад, конечно, полон новыми Чемберленами, но общество там сильнее государства и знает, что пресловутые права человека – не роза в петлице, а условие новых технологий. Возможно, Путину такая мысль чужда. КГБ пользуется новейшей техникой и ее разрабатывает, но социальные размышления он пресекает, - вот и господин Павловский ждет идей от оппозиции.

Но зачем изображать Путина марионеткой, ждущей кукловода? Новый президент и словом и делом показал, что его понятия о России и своем назначении, даже, как он сам говорит, миссии, вполне отчетливы. Он откровенней и, если угодно, честней своего высокомерного имиджмейкера. В отличие от Сталина, одного из самых выдающихся российских актеров и режиссеров, при всей свободе интерпретации идеологической пьесы, добивавшегося от сцены точного следования своему прочтению, Путину не свойственна игра. Нужду в двуличии он, как профессионал разведки, сознает, и объявив зарубежному телевидению о готовности вступить в НАТО, тут же разъяснил соотечественникам, что НАТО придется ради этого преобразить чуть не в Варшавский пакт. Но в нем есть прямота, нежелание прятать лицо под личиной европейца. А если он при схожих мыслях не доходит до бесстыдства Баркашова или хотя бы Жириновского, защищающего нынешнюю российскую политику на Кавказе открытой угрозой массового уничтожения и недовольных ею европейцев, то это различие темпераментов.

Глеб Павловский, украшая президента, как бывший диссидент, разоблачает “миф” о всеилии КГБ. Опровержение этого «мифа» дано на примере салазаровской охраны, в которой не обнаружили следов поголовной слежки. Но, помилуй бог, поголовная слежка технически невозможна, - не хватит людей, обрабатывать ее данные, профессионалы ведут слежку избирательно. И если бы КГБ на располагал ее обильным плодами, едва ли Ельцин спешил бы закрыть его архивы, на миг открытые Бакатиным. Сама нужда сослаться на португальскую ситуацию, показывает, что собственная и десять лет спустя все еще закрыта. Отсюда и наша «обреченность» на борьбу с не упраздненным КГБ, которая нынче смешит Павловского.

А вот представление, будто диссиденты это непременно благородные герои демократических убеждений, вроде Сахарова или Ковалева, и впрямь миф. Когда запретным было любое, отличное от официального, суждение, в число диссидентов и безвинно наказуемых

запросто попадали люди самых разных, в том числе глубоко реакционных убеждений. Не стоит забывать и того, что в диссидентскую среду, запускалась агентура, и там не только рождались разнообразные подозрения, иногда самим КГБ направлявшиеся против честных людей, но демократическое движение стало правозащитным в силу юридической неуязвимости этой позиции, и не диссиденты, а КГБ в борьбе с ними, постоянно нарушал официальные советские законы. От этого КГБ и привыкло считать свой диктат диктатурой закона.

Резонно замечая, что при Ельцине положение как экономики, так и диссидентского движения изменяли магическим освобождением некоторых категорий от преследования, приказом их “не трогать”, господин Павловский както забывает, что других очень даже “трогали”, и убийства были в изобилии, но ни одно не раскрыто, то есть государственную власть они не смущали. Между “не трогать” и “трогать” объективной разницы нет, лишь субъективная, личная, вот господин Павловский и судит о вещах по собственному положению, которое власти не трудно менять, а чтобы вырваться из антитезы “трогать” “не трогать”, нужны не амнистии, а честный суд, в грамотных процедурах устанавливающий вину или невиновность, на что КГБ, он же ФСБ, неспособен по своей природе.

А поскольку выбор у нас прежний и снова надумали “трогать”, правящему классу понадобился в лидеры человек с опытом КГБ, и не только зарубежным. Владимир Путин, как известно, начинал на внутренней работе, и диссидентам не потворствовал. Его усердие и смышленность заметили и перекинули в зарубежную сферу. Начальство оценило его личные качества и среди них искренность и твердость требуемых убеждений, видело, что новый работник будет прям и не отступит. Мы можем убедиться, что начальство не ошиблось. Как ни относиться к новому президенту, отказать ему в определенности лица невозможно, сколько ни силится господин Павловский это лицо размыть.

Другой не стал бы после выборов, отмечая успех соперника, говорить, что тот располагал меньшими возможностями, чем победитель. Это чистая правда, но, тем самым, и признание того, что победителю на выборах создали условия наибольшего благоприятствования. Другой не стал бы вступать в дело Бабицкого, и не из почтения к безумству храбрых, а чтобы не обнаружить свою неприязнь к свободе информации, а наш и этого не стыдится. Другой не стал бы уклоняться от встречи с комиссаром ООН по правам человека Мэри Робинсон, тем более, что едва ли ее отказались везти в фильтрационный лагерь вопреки указаниям президента. А наш в гробу видал права человека, так прямо этим уклонением от встречи и говорит.

После выборов западные Чемберлены даже взбодрились. Дескать, надо еще посмотреть, что там в черном ящике. Как в анекдоте: «Опять проклятая неизвестность!» А наш президент не смущается, и все видно. Если не закрывать глаза.

РАЗВОД УКРЕПЛЯЕТ СЕМЬЮ

Пока брак нерасторжим, его добровольность, а тем самым и доброкачественность, не очевидны. Возможность развода укрепляет взаимность, нарушение которой, нетерпимое для другого, ломает брак. Конечно, разводы выносят интимные трагедии на свет божий, но браки при них реальнее. Так не только у людей, но и у государств. Бракоразводная инициатива ПАСЕ еще не развод, однако необходимость выяснить отношения. Лучше бы, конечно, делать это раньше, но браки совершаются в небесах.

Предложение исключить Россию из Совета Европы за грубые нарушения прав человека в Чечне побудило российскую печать твердить о начале холодной войны. Когда-то в том же винули Черчилля, сказавшего вслух, что Советский Союз лишил страны восточной Европы, освобожденные Советской армией от германского завоевания, права демократически сформировать свою власть. А мы отвечали, что выбор власти в присутствии Советской армии, - внутреннее дело этих стран, вина запад в развязывании холодной войны против социалистического лагеря.

Потом Тито взбунтовался и отстаивал право своего барака, хоть тоже социалистического, на суверенитет. Потом не столь демонстративно то же самое проделал Мао. Потом было венгерское восстание, потом пражская весна. Потом ломали берлинскую стену. Советский Союз распался. Но память о пятидесяти годах толкает наши братские страны и бывшие республики стучаться в двери НАТО, чтобы обрести на будущее защиту от Москвы. А в Москве мыслят по-прежнему и твердят, что это НАТО их настраивает против нас. Признать, что мы сами их вынудили нас бояться, и на их примере запугали весь мир, не хочется. Ведь мы принимали этот страх за уважение. Конец холодной войны настал с отказом Горбачева от такого уважения. Благодаря ему Россия стала вызывать уже не страх, а сочувствие.

И вот мы опять обвиняем запад в начале холодной войны, хоть это опять наша работа. Прежде всего, никто нас в Совет Европы не тащил, напротив, мы долго этого добивались, и нам шли навстречу, хоть мы и по сей день не все предварительные условия выполнили, - смертную казнь еще не отменили. Но при вступлении мы подписали общий договор, по которому многие дела для всех государств – членов Совета перестают быть внутренними, в особенности соблюдение прав человека. Заявления должностных лиц о том, что это наше внутреннее дело, основаны на недостатке информации о договоре, который наша страна подписала.

Вообще, в этом деле недостаток информации играет худую роль. Президент Путин прав, когда об этом говорит. Но вопреки все тому же договору, сам же Путин и закрыл источники объективной информации о Чечне, не допускает туда ни корреспондентов, ни официальных представителей Совета Европы и ООН, и назначил единственными информаторами Ястржемского и Манилова, сообщения которых еще менее достоверны, чем сообщения представителя повстанцев Удугова. Но при своих информационных возможностях президент мог бы понять, что само по себе бегство чуть не трехсот тысяч человек, равно как ликвидацию

городов и сел и применение против террористов, которых бесспорно надо ловить, авиации, ракет и вакуумных бомб, нельзя не счесть грубым нарушением прав мирных жителей, даже если закрыть глаза на прочее насилие, мародерство и фильтрационные лагеря.

Между тем, в Страсбурге нашу страну представляли Rogozin и Жириновский, заведомо не склонные признавать за другими человеческие права. Европейцам, успевшим позабыть о гитлеровском геноциде, заместитель председателя Думы внятно сообщил, что мы готовы подвергнуть геноциду всех европейцев, не признающих за Россией права вести себя, как ей вздумается. Смысл речей Жириновского, которого многие держат за шута горохового, хоть у него на языке часто именно то, что у власти на уме, разумеется, не в том, что вакуумные бомбы и впрямь полетят на Страсбург и Брюссель завтра. Первая цель - отстоять особое положение и особые права России в Европе, добиться признания того, что хоть все государства, конечно, равны, но Россия – равнее других и от соблюдения договоров свободна. Сегодня – договора о правах человека, завтра – договора о возврате займов, послезавтра – договора о гарантиях инвестиций и так далее. Есть отчего дрогнуть беспечности. Вот ПАСЕ и не обошлась очередными поучениями, - ведь признав за нами особые права, она обрекла бы ФРГ со временем повторить опыт ГДР, а Францию и Италию - опыт Венгрии и Чехии. Наш министр иностранных дел прямо говорит, что за свои интересы мы будем стоять агрессивно. Безграничность наших интересов не скрывали ни цари, ни КПСС. А дальновидность западной исполнительной власти продемонстрировал еще Чемберлен.

Наш правящий класс готов слыть кем угодно, хоть коммунистами, хоть антикоммунистами, хоть европейцами, хоть азиатами, лишь бы признавали, что нам закон не писан. Интернетная «Газета Ру» недавно объяснила, что полковник Буданов, официально обвиненный в изнасиловании и убийстве чеченской девушки, не только ее не насиловал, но убил за то, что она враг, чеченский снайпер, даром что убил не в бою, что хотя бы сообразно с логикой боя, а при допросе. А убийство при дознании, уверяет некий Матяш, – всего лишь дисциплинарное нарушение, и нечего полковнику шить уголовное дело, обойдется служебным взысканием. Военная прокуратура подтвердила, что изнасилование и удушение имели место. Но статья Матяша не вызывает протестов ни прокурора, ни Союза журналистов, вступившегося за Бабицкого, ни министров обороны, внутренних дел и безопасности. Таков распространенный у нас ход мысли, лучше всех его выразил Сталин: «С врагами будем действовать по-вражески». Тут не до процессуальных норм.

А права человека это и есть процессуальные нормы. Они вовсе не означают, что всякий по-своему прав. Речь лишь о том, чтобы отличать правого от виноватого. Басаева давно пора поместить за решетку, и самый милосердный суд во имя справедливости не сможет это не сделать. Но не убивая при этом его детей, его соседей, его земляков или однофамильцев, не говоря уже о русских старухах, которых наши генералы якобы защищают. Конечно, органам, назвавшимся правоохранительными, для

этого нужна квалификация. Но без нее нынче никак, она нужна и для атомных, не только бомб, но и электростанций, - иначе выходит Чернобыль. Вот и война в Чечне – это Чернобыль политики непреодоленного советского устройства.

Опять деятели отечественной культуры, среди которых, как прежде, некоторых видеть горько, спешат доказать, что наши должностные лица, достойные сидеть на одной скамье с Басаевым, кругом правы. И уверяют, что происходящее в Чечне лишь предлог для Европы, завидующей нашим хозяйственным успехам, досадить России. Неужто хозяйственные успехи в том, что нефть в мире вздорожала или после Кириенко, взвинтившего все цены в пять раз, можно не только дешевый прежде импорт, но и что-то отечественное купить? Да и сколько народу все равно ничего купить не может. Добро бы мы не только нефтью – даром природы, но своим хлебом или хорошими машинами завалили Европу, был бы хоть повод для зависти. Но ведь нам без западной помощи, увы, не обойтись, и Путин это понимает. Мэри Робинсон он не принял, а Стэнли Фишера с деньгами МВФ не упустил. К тому же, будь у нас хозяйственные достижения, Европа бы первая радовалась, ведь могла бы не помогать нам, не принимать беженцев, а продавать нам свои товары.

И еще нашли довод: на последних выборах 52% проголосовали за Путина, по инициативе которого ликвидируют чеченцев, значит народ России так хочет и надо считаться с его волей. Не входя здесь в обсуждение характера избирательной кампании и ее результатов, стоит все же заметить, что нет оснований считать, что все голосовавшие за Путина голосовали за войну, которая идет, и приписывать России и ее народу коллективную вину. Референдум «хотят ли русские войны?» не проводился. За Путина голосовали не только как за Потрошителя чеченцев. Многие, возможно, потому, что он не Зюганов и необоснованно кажется, что при нем возврат к тоталитарной системе будет не столь полным. Не стоит деятелям культуры приписывать народу оголтелую кровожадность, словно он только из Рогозиных и Жириновских, Будановых да Матяшей, и состоит.

Потому и плохо ему остаться вне Европы, от которой неотделимо народное благоденствие. Решение ПАСЕ дает повод еще раз подумать. Перед его принятием иные на западе говорили: мы не можем привезти Путина в наручниках в Гаагу, значит, нет смысла обсуждать, что он делает в Чечне. Принятое решение выводит их абсурдных альтернатив. Впервые после Горбачева, оно заводит с Россией серьезный разговор о взаимности и равенстве. Расслышав его, мы смогли бы не числиться в Европе формально, а реально в нее войти. Это во власти Путина, по конституции безмерной.

Возможно, на сей раз комитет министров, за которым последнее слово, еще не примет рекомендацию парламентской ассамблеи, и наше отторжение от Европы свершится не тотчас. Но «процесс пошел». Как бы Клинтон ни старался сгладить впечатление, в Чечне мы опять напугали мир. Начать войну Путину было легче, чем остановить, хоть растет понимание того, что победить Чечню можно лишь уничтожив чеченцев. Но он уже президент, а не И.О. Милошевич упустил возможность установить

мир с Руговой. Если упустить мир с Масхадовым, плоды непредвосхитимы, хоть нам грозят не бомбы. Способен ли Путин измениться и избежать пагубного для России развода с Европой?

ЧТО ДЕЛАТЬ С «ОЛИГАРХАМИ»?

Не у нас одних магнаты норовят быть властью над властью. Пренебрегать ею, направлять ее, диктовать ей. Но происхождение доходов зарубежных магнатов их землякам известно, не то, что нам про наших. Откуда богатство Генри Форда знает каждый – он превратил автомобиль в предмет ширпотреба. Откуда богатство Билла Гейтса тоже, – привел компьютер в каждый дом. Не будем здесь выяснять роль магнатов в хозяйстве и обществе, о ней часто судят по ситуации. Ленин до революции одним из первых понял пагубность монополий, а потом загнал все хозяйство России в сверхмонополию, которая и правила советской жизнью. Он так поступил не по глупости, а сочтя, что монопольная власть компартии над всем хозяйством страны важнее продуктивности хозяйства. Кризис стал смертельным через шестьдесят с лишним лет после смерти Ленина.

Тут все вспомнили, о продуктивности свободной экономики и стали кричать: Приватизация! Приватизация! Но вместо того, чтобы принять законы, позволяющие вести частное хозяйство, власть совершала магические действия, в ходе которых и возникли олигархи. Мелкие и средние частные хозяйства, составляющие западный мир, у нас рождались туго. Там магнаты росли из существовавших хозяйств, а у нас из ничего. Читаешь список пятидесяти самых богатых людей России, фамилии знакомые, Березовский, Вяхирев, Потанин, Черномырдин, Чубайс, люди все не глупые, порой способные. Афоризмы Черномырдина великолепны. А Чубайс, говорят, недурной администратор. Но деньги-то у них откуда?

Народ считает: украли! Увы, дело гораздо хуже. И не только потому, что не пойман – не вор. Воровство невозможно признать **главным** источником их богатств просто потому, что не у кого было столько украсть. Скажут, у государства! Вроде и правильно, ни у кого больше ничего не было, такова социалистическая собственность. Но разве государство могло это не заметить? Тем более, что не все, кто правил, воровали, многие с чем в государство пришли, с тем и ушли, богатства нет ни у Горбачева, ни у Гайдара, ни у Лигачева, ни у Генерального прокурора Казанца. Неужто все они закрывали глаза, видя как лезут в государственный карман?

Но раз не украли и не заработали, пусть сперва как небольшие предприниматели, значит, получили как-то иначе. В ответе на вопрос, как они свои богатства получили, и кроется тайна нынешнего хозяйственного порядка. Она незамысловата: их олигархами назначили. Вяхирев, а до него Черномырдин, возглавляли Газпром, который не переставал быть государственной организацией. Но происходившие «реформы» в том и состояли, что, не допуская свободного частного предпринимательства, государство сняло со своих организаций ограничения, которые прежде тормозили продуктивность, но, одновременно, и возможность обогащения

руководителей. И дело пошло! Не так, правда, по части продуктивности, как по части обогащения.

Черномырдин прежде был советским министром и уже в этой роли проявил способность торговать. Не все вышли в «олигархи» столь прямо и, по-своему, честно. Кого назначили по знакомству, кого за услуги или еще как, но это мало что меняло, - то было не столько устройство личных дел, сколько придание государственному хозяйству большей оперативности. Карманы государства «олигархи» обильно пополняют. Но стоит задуматься, почему людям ничего хорошего они не принесли. Не то что Генри Форд или Билл Гейтс, тоже не бескорыстные правдоискатели.

Разгадка этой тайны в образе мыслей, возобладавшем в ходе крушения марксистского восприятия общества. Уже Ленин на деле отверг материалистическое понимание истории, предложенное Марксом, и, как волюнтарист, стал строить перечашую ему социалистическую утопию основоположника. Когда выяснилось, что ни по производительности труда, ни по развитию технологии, «реальный социализм» не поспевает за реформирующимся капитализмом, в СССР оскудела теоретическая мысль, ее вытеснили политические технологии. Государственные марксисты перестали интересоваться взаимосвязью хозяйственных, социальных и политических структур в органичном процессе развития. Они сочли, что перемены в бюрократическом аппарате подымут эффективность хозяйства, и поверили в социальные и политические манипуляции, именуемые нынче технологиями. Когда СССР рухнул, такой подход возобладал, и вместо того, чтобы снимать преграды перед органичными экономическими и общественными процессами, новые власти положились на организационные перемены, «затяжили игру в квартет». Ее двигателем стала «приватизация», под флагом раздачи госимущества ограбленному народу, как раз и отдавшая имущество в распоряжение новых «олигархов», частью сменивших прежних командиров экономики из ЦК КПСС, разве что с большей свободой инициативы. Те тоже были олигархи, но прятались за «первого», Хрущева или Брежнева.

Технологизм сознания, пренебрегающего общественными отношениями, овладел самозванной «элитой», вышедшей из прежней «номенклатуры». Бывший министр экономики Ясин, уверяет, что права человека в Чечне – это «игры для лордов», а на деле запад интересуется лишь надежностью инвестиций. Что говорить, иные западные магнаты, тот же Форд, охотно строили в СССР заводы, и советское правительство с ними честно расплачивалось. Но от помощи зарубежного капитала характер советской внеэкономической монополии не менялся. Если Ясин хочет ее возродить, так бы и сказал. Но России-то, не говоря, что платить уже нечем, западные инвестиции нужны как толчок и школа иных, экономических, отношений, чтобы в нашей свободной экономике, с западными конкурировали тысячи отечественных производителей. А тем кто пойдет не просто за деньги услужать нашему правительству, а войдет в российскую экономическую стихию, пресловутые права человека да надежность общественных институтов и суда только и служат гарантией.

Легко различить на западе два похода к деловому партнерству с Россией. Одни хотят иметь дело с властью и поставлять ей заводы по производству, как чудно говаривал Ленин, веревок, на которых мы их повесим. Другие готовы вместе с нами войти в нашу экономическую жизнь, этим нужны те же условия, что и нам. Но Ясину, воспитателю Гайдара и других «реформаторов», видимо, не вполне ясно, что на пользу России сотрудничество лишь со вторыми, которым и платить не надо, а они налоги заплатят. Лишь конкурентные отношения избавят от назначенных «олигархов».

Избавление от «олигархов» - едва ли не главное нынче требование. Но смысл этого справедливого требования не однозначен. Одни нападают на «олигархов» с отчествами и фамилиями, производными от библейских имен, и вспоминают, что Березовский - Борис Абрамович, а есть еще и Абрамович, и молчат о Потанине или Вяхиреве. Но суть сей антисемитской пропаганды в том, чтобы вернуть нормы советского хозяйства. А избавляться от «олигархов» надо чтобы, напротив, уйти от норм советского хозяйства, то есть, чтобы вынудить людей, претендующих быть магнатами, выживать не покровительством власти, а реальными достижениями, проверенными конкурентным рынком.

От того, что социалистическое общество оказалось несостоятельным, не стоит считать буржуазное - идеальным. Но на западе, учтя социальные требования продуктивного производства, оно все же позволяет людям жить трудом, а не, как мы, подачками за счет природных ресурсов, которые вдруг истощаются или добыча их дорожает. Вот и нам, для перехода к экономическим, то есть буржуазным, раз других таких не бывает, отношениям, нужен не разбойничий капитализм, введенный Ельциным, Гайдаром и Чубайсом, в котором откупщики - «олигархи», опираясь на власть, орудуют, как хотят, а охрана государством экономической свободы без привилегий, но с социальными гарантиями.

Наш социализм от продажи рабочей силы, естественной формы экономических отношений, отказался, поскольку она, дескать, ведет к присвоению капиталистом прибавочной стоимости. В СССР поэтому пренебрегали реальной стоимостью труда и чудовищно занижали цены на него. Отсюда в советском обществе и шел патернализм, люди часто не могли выжить без «помощи» государства, которое оказывало ее за счет занижения их же зарплат. Пока этот советский порочный круг не разорван, и труд не оплачивается по его рыночной стоимости, мысль о том, что вчера было лучше, многих толкает голосовать за коммунистов, хоть они ничему не научились и ничего не забыли, или предпочли, как Путин, идеологическим знаменам политическую технологию.

Наш новый президент как-то обмолвился, что среди политиков, образцом ему кажется де Голль. Начинались их жизни по-разному, де Голль создавал «Сражающуюся Францию» и возрождал страну. Путин служил своей стране на другом поприще. Но потом судьба предложила обоим совпадающую ситуацию. Второй приход генерала к власти был связан с терзавшей Францию войной в Алжире, застрельщиками которой были его друзья и соратники. Слабые люди часто думают, что применяя

оружие они выглядят сильными. Де Голль, как впрямь сильный лидер, твердо выступил против старых друзей и предоставил Алжиру независимость. Он дорожил своей страной больше, чем ее владениями. А Путин возобновил истребительную войну в Чечне. Видимо, и с «олигархами» он, если, вообще, рискнет, тоже станет кончать силой, то есть возвращать хозяйство к советскому чиновному управлению. Экономическая свобода слишком связана с остальными, чтобы выжить при оккупационном режиме, даже и в малой части страны.

ПОСЛЕ КАТАСТРОФ

Слаженная Петром империя легко переносила внутренние катастрофы и, слишком большая, чтобы ее сокрушали внешние, росла и ширилась. Но посреди XIX века попытались примыслить еще и Балканы, а промышленное развитие уже преображало технику войны. Доблесть русских солдат и таланты полководцев не уравнивали наш парусный флот с британским паровым, и катастрофа в Севастополе побудила нового царя преодолевать феодальную реакцию. Крепостное право отменили. Замаячила эволюция.

Однако, царь-освободитель, и тем паче его сын и внук, не завершили великие реформы, и малоземельные крестьяне, составлявшие большинство жителей, оставленные в общине, обрели экономическую свободу лишь отчасти. Аграрный вопрос заслонил все другие, и подъем промышленности, науки и культуры, охвативший страну в конце века, не спас от новых катастроф, - проигрыша войны с Японией, повлекшего за собой революцию, и неспособности выдержать мировую войну, повлекшей еще две. Россия пала жертвой социальной реакции, деформировавшей экономику. Царь-освободитель ее недостаточно смягчил, а Ленин под флагом прогресса еще более ожесточил. На смену самодержавию Романовых пришло самодержавие компартии и ее генсеков. «Оборонка» росла, деревня скудела. Новая катастрофа нарастала с удушением Пражской весны, явив себя в Афганистане и Чернобыле. И, как ста двадцатью годами раньше, вспомнили о связи катастроф с социальной реакцией.

Пятнадцать лет ушло на то, чтобы от этой мысли отмахиваться, и Ельцин умело и ловко отвратил от нее народ России. Ныне блок армии и силовых структур наступает на старые грабли, примат государства перед обществом - снова общее место. Максим Соколов объясняет в «Известиях», что иначе и быть не может. Между тем, слова «Кесарю кесарево, а богу божье» - не новы. Да только с христианством новые христиане не в ладу, как с марксизмом советские марксисты.

Перепутав идеологии и слова, государственниками себя объявили сторонники выхода государства за правовые пределы, желающие править не только «кесаревым», но и «божьим», а труд человека,- не принудительный, не рабский, а свободный, - на свободе он продуктивнее, - дело, так сказать, божье, и не кесарю им командовать, не то выходит каторга. Из забвения этой азбучной истины росли российские катастрофы,

отнодь не неизбежные. Ни природа нынешней России, ни качества населяющих ее людей, на четыре пятых русских, не делают неизбежной нищету, в которой страна, то поднимаясь к пристойной бедности, то снова нищая, живет, пока соседей, не превосходящих нас ни дарами природы, ни людскими дарованиями, их труд обогащает. А мы все не признаем, что наша нищета от безмерной власти кесаря, от гипертрофии государства, и при его катастрофе, ждем, что оно и спасет, чем создаем предпосылки новой катастрофы.

Почему же ни государь Александр Николаевич, ни Ленин, ни Горбачев, не улучшили жизнь людей, чего все трое, хоть и совсем по-разному, искренне хотели? Но хотели при этом удержать власть, если не в собственных руках, то в руках своей династии, сословия или партии. Чтобы правила по-прежнему воля правителей, пекущаяся о более широком круге людей или более милосердная, но по-прежнему пренебрегающая ходом вещей. У Ленина волюнтаризм видней, ибо замысел больше, но и другие преобразователи, не вполне слышали, да и не очень слушали, нужды общества.

А богатство соседей росло из ограничения власти кесарей, освобождения от нее. Свободу признавали условием процветания не только французские санкюлоты, сделавшие ее первым лозунгом. Мы же, гордясь своей несвободой, считали себя великой державой, поскольку навязывали ее другим. Не подавали пример, мало кого обольщавший, а, опять же, проявляли волю, а, значит, и силу оружия. Пора бы, вроде, понять, что для улучшения жизни, надо отринуть прежние манеры и ориентиры, а мы хотим жить по-прежнему, но только богаче. Всё усердней множим абсурды, и живем всё бедней. Но крепостного раба, на плечах которого худо-бедно держалась держава, уже обошли и паровая машина, и электромотор и теперь еще компьютер, и сколько зайца не бей, он их не пересилит. Зря уходят силы и деньги на битые.

Хрущевскому крику души: «Мы вас похороним», то есть, построим социализм во всем мире, конечно, требовалась великая держава, первым делом сжиравшая Россию. России такие претензии ни к чему, глобальное соперничество с Америкой лишь безнадежно выматывает наши силы. Для Америки оно порой тоже нелепость, но они богаты и им есть что разматывать. Наш выход из этого состязания не поражение, а победа над собой, в частности, над крикунами, призывающими гордиться не тем, что всякий в России сыт, одет, обут и имеет крышу над головой, чего, увы, покамест нет, а тем, что наши крейсера курсируют у Огненной земли.

Коль скоро, к примеру, нашу землю омывает Черное море, мы, понятно, не согласимся, на закрытие Босфора и Дарданелл. Для защиты подобных национальных интересов нам, конечно, нужна армия сдерживания, включая покамест и ядерное оружие, чтобы никто не сомневался в нашей способности себя защитить. Но и качественно и количественно это должна быть другая армия, не такая, как осталась от СССР, и содержать ее в полном комплекте и достойном виде Россия могла бы даже сегодня.

Почему же армия не меняется, - хотя и Ельцин и Путин наверняка понимают, что «упреждающая» агрессия была бы самоубийством, по крайней мере сейчас, пока, даже и с американской помощью, мы еще не полностью восстановили бессмысленное в ядерном мире военное превосходство. Да потому, что ей навязана новая роль: из армии – защитницы отечества от внешней опасности, которую народ, особенно в ходе Отечественной войны и после нее, любил и которой искренне гордился, ее превращают в жандармерию по усмирению регионов недовольных федеральной политикой и претендующих на широкую автономию, силой отказывая в которой, власть, как в Чечне, возбуждает тягу к отделению. Здесь внешняя политика смыкается с внутренней.

Легко забывается, что Россия не мононациональное государство, а многонациональная федерация, состоящая не только из областей, издавна заселенных или мирно освоенных русскими, но и покоренных, порой с беспримерной жестокостью, и подвергавшихся дискриминации, как в царской, так и в социалистической, империи. Целостность нашей федерации центр подрывает и своей экономической политикой, толкающей к сепаратизму даже и сугубо русские регионы, о которой разговор особый, и своей политикой пренебрежения интересами других, «малых», российских народов. Подчас и благороднейшие люди, как Сергей Ковалев, не улавливают смысл права наций на самоопределение, хоть не сочтут бессмысленным отказ царя Ивана III хану Ахмату в выплате дани, более пятисот лет назад восстановивший независимость русского государства. А еще до нашей эры фараону говорили «Отпусти мой народ!»

Другое дело, что сбросившие гнет порой попирают другие меньшинства, и тем приходится биться за самоопределение.

Право на самоопределение нередко сводят к праву на отделение, нужда в котором наступает лишь когда самоопределение в одной квартире уже невозможно, и если власть впрямь хочет сохранить целостность, не стоит ей выходить за грань, которую переступил уже Ельцин и за которую стремительно ринулся Путин. А знали и о двухсотлетнем покорении и о советском геноциде - поголовном выселении чеченцев, и, если уж новая Россия назвалась демократической, как правопреемнице прежних, ей стоило публично покаяться, глядишь, и легче нашелся бы общий язык для совместной жизни. Но Россия не признает ни ошибок, ни преступлений, так ей легче их повторять. Нам даже объясняют, что после первой войны Чечня «фактически» получила независимость, а привело это только к разгулу бандитизма, с которым президент Масхадов не совладал. Но тогда она обрела лишь фиксацию неопределенности статуса.

Не знаю, как президент Масхадов, но полковник Масхадов, как грамотный военный, каких явно недостает в нашем Генеральном штабе, понимал, что действия против Басаева и других, поведут Чечню к внутренней гражданской войне, открывающей нашим генералам путь к победе, который им сегодня преграждает гражданская война против нас, самими генералами навязанная. А дай мы тогда Чечне официальную независимость, Басаев и другие, выступив против Масхадова, мигом разоблачили бы себя как ее противники, и республика бы успокоилась.

Тогда и отношения с Россией могли стать не менее дружественными, чем, скажем, у недавно независимой Тувинской республики, выходец из коей возглавил в России президентскую партию.

Трудно допустить, что Ельцин и Путин со своими советниками столь простые вещи не просчитали наперед. И если ими пренебрегли, то не по глупости, а потому, что войну в Чечне затеяли не только, и даже не так, чтобы смирить Чечню, как, чтобы усмирить Россию, точь в точь как Брежнев танками, вошедшими в Прагу, вразумлял Москву, слишком уж тогда тоже размечтавшуюся о реформах.

Дело не только в том, что наши нынешние потери – 2000 убитых за полгода - в два с половиной раза интенсивней потерь в Афганистане, где пятнадцать тысяч погибло за десять лет. Сама надежда на войну, на волю и силу, возвращает Россию к Романовым и КПСС, от первых - двуглавый орел, от вторых – святые мощи Ильича. Они прекрасно совмещаются, вместе питая и волю и силу, подчас дарившие стране внешнее величие, но никогда – благоденствие. К нему - другие пути, и чтобы ступить на них, надо сойти с этих.

ОБЩЕСТВО ВНЕ ГОСУДАРСТВА

На выборах, регулярно проводившихся в СССР, неизменно побеждал блок коммунистов и беспартийных. Что это выборы без выбора, было ясно всем, - нельзя выбрать из одного, а кандидат в каждом округе был один. Но в пропагандистское клише «блок коммунистов и беспартийных» мало кто вдумывался. Между тем, устойчивые пропагандистские штампы всегда таят в себе какой-то смысл, в который стоит взглянуть. В данном случае слово «коммунисты» и значило коммунисты, партия, правившая созданным ею советским государством, и, тем самым, само это государство. А слово «беспартийные» обозначало всех других граждан, в партии не состоявших, но и отдельно от нее не рыпавшихся, а как бы всецело доверившихся ей, ее государству, даже не пытаясь, если не образовать, так хотя бы изобразить, самостоятельное общество. Пытавшиеся это делать считались отщепенцами, диссидентами.

С тех пор как СССР рухнул, стране недостает не то что денег или демократов, ей недостает общества, ее все еще составляют никак не структурированные десятки миллионов одиноких людей. Даже правящий класс, начав сознавать себя лишь после смерти Сталина, не сразу и не вполне в этом преуспел, тем более не преуспели другие слои. Но чем страна разобщенней, тем усерднее декларирует свое единство. Мы в одной лодке, у нас одна страна, и только общие интересы. Вот нам и велют пуще всего беречь единство, то бишь «Единство», партию нового президента. А ведь в России заметней, чем где-либо, что в общем есть и особенное и отдельное, которых у нас, любя не живую Россию, а миф о России, видеть не хотят.

Дедовская вера в гегельянство сыграла с нами не одну злую шутку. О единстве, и еще раньше о партии всего народа, а не одного лишь рабочего класса, заговорили, начав сводить классовую борьбу к

противостоянию Варшавского пакта и НАТО. Когда-то, переняв у французов понятие об общественных классах марксизм по-гегельянски обрел в нем пример «единства и борьбы противоположностей». Марксу еще казалось, что борьба завершится органичным единством, которое не придется обеспечивать полиции, то бишь государству, и оно в итоге отомрет. Ленин еще твердил: «когда будет социализм, не будет государства». Сталин прояснил, что, ежели построим социализм в одной стране, а не сразу всюду, как воображал Маркс, то и государство будет жить, да еще как! Вот оно и жило, и живет, упразднив за ненадобностью общество.

Горбачев возродить общество не успел, тем более не возродил Ельцин, занятый возрождением авторитарного порядка. Кругом говорили о демократии, но странным образом мысля ее не свойством общества, а лишь способом формирования государственной власти. Теперь кандидатов выдвигали хоть отбавляй, но порядок выборов позволял исполнительной власти формировать не мешающие ей представительные органы. Нынче в Думе к либерализму склонно менее 10%, а тверды в нем человек 10. Половина избирателей за «Единство» Путина, то есть компартию без марксизма-ленинизма, треть за коммунистов Зюганова, формально еще не вполне порвавших с прежней идеологией.

Это, однако, не означает, что пять шестых и даже больше наших граждан хотят тоталитарного порядка. Просто после первых съездов народных депутатов, при избрании которых коммунистических руководителей часто проваливали, люди, испытав гайдаровскую «либерализацию цен» и чубайсовскую приватизацию, не то чтобы совсем беспочвенно, решили, что, кого ни выбирай, их интересы по-прежнему во власти не представлены. И кандидатов стали оценивать не по политическим позициям, а по профессиональным качествам. «Единство» победило без политической программы, поставив впереди безвестного списка бесспорных профессионалов своего, отнюдь не политического, дела, Шойгу, Гурова и Карелина. А Явлинского, не причастного к исполнительной власти и не связанного с ее практическими действиями, сочли болтуном, словно оппозиционер, не имеющий власти может послужить обществу чем-то кроме открытой критики. Вера в нерасчлененность общества ведет к представлению о нерасчлененности правящей «элиты». Еще в советские годы теплилась надежда, что член Политбюро, отличный от коллег умом, или образованностью, или тем, что не воруется, в роковой час им что-то объяснит и спасет страну от гибели.

Трагедия наших выборов, конечно, не только в пороках общественного сознания. У всех на глазах манипуляции власти. Это и избрание президента, наперед занявшего этот пост в качестве И.О., хоть у его предшественника еще хватало сил даже для туризма в далекий Иерусалим. Это и умолчание о том, что до романтической для многих службы во внешней разведке новый президент более года посвятил борьбе с диссидентами, отличившись в которой и был переброшен на еще более ответственный участок. Это и, вообще, недостаток у избирателей, сбитых с толку массовой информацией, прежде всего, государственным телевидением, необходимого для серьезного выбора знания стоящих

перед страной проблем и призванных решать эти проблемы кандидатов в депутаты, губернаторы и президенты. И все же главная беда в отсутствии общества и общественного сознания, в непонимании того, что рабочий, крестьянин, ученый, учитель, врач, инженер, предприниматель, ради успеха работы и благополучия жизни должен и вправе требовать от власти своего, особенного. А от нее ждут общего попечения. Но без четкого выражения интересов разных социальных слоев и разных территорий государство даже и не может эти интересы сбалансировать, и исходит лишь из своих, а точнее, интересов тех, кто им правит.

Вот наша политическая жизнь и свелась к защите интересов разных групп правящего класса, вот люди к ней и остыли и клюют на частные сиюминутные послабления, не различая фундаментальных действий, подрывающих жизнь. У двух основных частей правящего класса, коммунистов и «заединщиков» различны, прежде всего, формы присвоения общественного продукта. Первые требуют ведения его, как и управления хозяйством, сетью госчиновников, вторые, допускают известную автономию в отдельных участках хозяйства, то есть чиновную власть с более длинным поводком. Различие количественное, а не качественное, хоть и небольшая автономия хозяйственных единиц позволяет реальнее измерять стоимость и доходность производства и, связав доходы отдельных лиц с конкретной областью хозяйства и успехами в ней, увеличивать доходы правящего слоя не только общим перераспределением. Борьба двух групп сводится к поиску взаимоприемлемой длины поводка.

Но ни та, ни другая, не хотят иной природы хозяйства, его свободной конкурентной множественности, а значит не способны, прежде всего, преодолеть главную язву нашего хозяйства и жизни, коррупцию, неизбежную при любых разрешительно-запретительных занятиях чиновника, подменяющего собой и закон и независимый суд, этот закон охраняющий. Но вред от гипертрофии чиновничества не исчерпывается его несправедливым обогащением, а толкает к хозяйственной политике, укрепляющей позиции чиновничества. Милитаризация отвечает его интересам и тем, что ориентирует бюджет на непроизводительные и неконтролируемые расходы, и тем, что повышает авторитет чиновника, как гражданского офицера, и тем, что ее психологическая атмосфера укрепляет всеобщую покорность.

Но важнее всего рост у милитаризованного государства способности подавить непокорность, всегда тлеющую в стране не имеющей устойчивой общественной структуры с часто несовпадающими национальными и территориальными интересами. Вдумчивые наблюдатели армии, вроде Павла Ферлингауэра, подметили противоречие нашей военной доктрины, уцелешее и в новом варианте. Обладая могучей ядерной силой, надежно оберегающей нас от нападения других ядерных держав, мы, в отличие от США, все еще удерживаем огромную армию, избыточную, даже если вообразить, что агрессия против нас совершит неядерная держава, - как в 1940 году уверяли что Финляндия на нас напала. Но содержание огромной армии не глупость. Не нужна против соседей, она нужна против своих в Чечне.

Ленинское понимание государства, как диктатуры эксплуататоров, мало кто нынче поминает, а и советское государство, и нынешнее российское, как раз воплощают такое понимание государства, опускающее великую роль государства как инструмента поддержания социального компромисса. Наши бескомпромиссные «государственники» от Ленина и Сталина до Ельцина и Путина воюют не с анархистами, а с государственниками, бьющимися за социальный компромисс, за выход общества из придушенного состояния, за учет и сбалансирование интересов разных социальных, национальных и территориальных групп людей, и их единство на почве компромисса, а не принуждения. Но выполнение этой задачи не под силу правящему классу самовольных командиров, поскольку он при социальном компромиссе не нужен и теряет почву под ногами. Вот он и становится беспощаден.

Оттого наши выборы и не позволяют выбрать «доброе царя», мановением руки дарующего народу и достаток и демократию. И то и другое придет лишь в связке и не разом, а в ходе общественной борьбы, и, если вырастет, то снизу, а не сверху. Но только если борьба пойдет не за разрушение, не за ликвидацию, как класс, не за беспощадность, и дальше по известным примерам, а, напротив, за вытеснение насилия, за право голоса отдельного и особенного и возможную их гармонизацию. Этим права человека, в частности, его право быть услышанным, и ведут к развитию страны.

ЕДИНЕНИЕ В СТРОЮ И В МЫСЛЯХ

Одного у нашего нового президента не отнять, - он прилежный работник, трудяга, от дел не уваливает, на других не сваливает, не пьянствует, работает и принимает решения сам. Это достойное уважения качество побуждает тем более пристально вглядываться в его дела, не объяснять их нерадивостью и глупостью шестерок, а думать, почему происходит то, а не иное, так, а не иначе.

На первой же неделе официального пребывания в должности Владимир Владимирович совершил яркие антиконституционные шаги, хоть и совпадающие по политической направленности с чеченской войной, доньше главным его достижением, но совсем с другой стороны проливающие свет на будущее нашего отечества. С Чечней срабатывало магическое слово «сепаратизм». Большинство чеченцев и впрямь хотело и хочет выйти из под власти России, непрерывно истреблявшей их двести, если не больше, лет, что, впрочем, не обязательно означает разрыв отношений и могло бы даже, по примеру Финляндии, сделать их добрыми. Но инициатива принадлежала Дудаеву, а мы вынуждены были отвечать, и не будем здесь спорить, как лучше бы отвечать и стоило ли дважды захватывать Грозный.

Но посылать полтысячи вооруженных людей в масках на захват здания информационного холдинга «Медиа-Мост» президента ничто не вынуждало. Скажут, президент тут не при чем, это ФСБ. Но сколь ФСБ, как нераскаянное КГБ, ни порочно, это не повод подозревать ее руководителей в идиотизме. Они, как профессионалы, знали какой резонанс такая акция

вызовет и не занялись бы самодеятельностью, не имея заручки. Пресс-служба президента тоже, видимо, не самовольно на вопросы о судьбе свободы печати отвечала, что свобода печати нерушима, но закон един для всех.

Можно, конечно, предположить, что мальчики и девочки из пресс-службы не знают, что мы такое уже проходили. Будучи подростком, я слышал как кто-то из взрослых говорил, что «любимца партии» Бухарина расстреляли из-за разногласий со Сталиным по коллективизации. А другой возмущенно ему отвечал: «Как вы смеете такое говорить? По сталинской конституция свободу слова нерушима, но что же делать если Бухарин оказался английским, французским и японским шпионом? Закон един для всех». Если у ФСБ есть подозрения, что, скажем, Малашенко – японский шпион, а со своей короткой стрижкой и в очках он смахивает на японца, так он ведь в Москве и можно законным порядком разобраться. Еще проще с Гусинским, который ко всем своим достоинствам, еще и вице-президент Всемирного еврейского конгресса. Но и Гусинский в грозную минуту не из Москвы сбежал в Израиль, а наоборот, из Израиля полетел в Москву.

Но законными способами проверки подозрений на сей раз пренебрегают не только ради поддержания традиции. Путин и его ФСБ отлично знают, что Гусинский с Малашенко им отнюдь не идейные враги. В 1996 году они вместе с Березовским и ОРТ вели компанию по переизбранию Ельцина, дав образец нынешней компании по избранию Путина. Они не только тогда не поддержали Явлинского или кого другого из демократических кандидатов, но и теперь, по сути не поддерживали ни Явлинского, ни совсем не демократов Примакова с Лужковым, хоть и широко предоставили им всем свою трибуну.

Гусинский и Малашенко, как дельцы, вообразили, что распространение информации теперь и у нас может быть доходным делом, если, понятно, поставить его как следует, то есть, предоставлять слушателям и зрителям широкий ассортимент фактов и мнений, а не довольствоваться навязыванием залежалых государственных догм. Акция ФСБ внятно объяснила им и всем прочим, что здесь бизнес не уместен, поскольку двух мнений о власти быть не должно.

Это именуют «консолидацией» и уверяют, что, коль скоро народ доверил президенту выражать его волю, то говорящим ему поперек, лучше помалкивать. Но возвращение к единомыслию задевает не только Гусинского и Малашенко, зарабатывающих на тиражировании разных мнений, а любого желающего знать о своей стране больше, чем готовы сообщить президент и Березовский. Касайся дело лишь Моста, его бы приструнили, а то и разорили, не мараясь. Но, чтобы и другие прикусили языки, требовалась демонстрация. А мундиры отмывают от грязи по методу гоголевского городничего: унтер-офицерская вдова сама себя высекла.

Единение опять почитается у нас высшей ценностью. В минуты роковые оно, слов нет, ею порой бывает. В годы Отечественной войны я не видел симпатизировавших гитлеровцам. Число их явно было ничтожно. Власовскую армию формировали из военнопленных, и, не оправдывая тех,

кто туда шел, можно сообразить, что туда толкало их все же не желание увидеть гитлеровцев на Красной площади. Но обычно от всеобщего единства больше вреда, чем пользы. Если истина рождается в спорах, то отказ от споров это отказ от истины, от науки, от реального понимания вещей. Принудительное единомыслие привело к распаду СССР. На таком фоне все мы беспокоимся за целостность России. Но попытки удержать от распада силой ведут как раз к распаду.

Туда же ведет и указ о разделении страны на семь округов и назначении в них президентских представителей. Вроде бы президент вправе назначать своих представителей куда и как вздумает. Но конституция, кроме разделения на 89 субъектов, другого не предусматривает. А президент их произвольно группирует, ставя под контроль единого представителя. Почему Пермь, например, будут опекать не из соседнего Екатеринбурга, а из далекого Нижнего? Да потому, что Пермская область входит не в Уральский военный округ, а в Поволжский, а президентские округа совпадают с военными. Даже если посланники президента будут без погон и их не назовут генерал-губернаторами, сама ориентация гражданской жизни на расположение воинских частей – знак милитаризации гражданской власти. К войне, что ли, готовимся?

Конечно, сталинское административное деление РСФСР, исходившее из удобств унитарной власти, не отвечает интересам свободной федерации. Ей бы состоять из 12-15 исторически сложившихся русских регионов и известного числа национальных автономий. К такому и надо с согласия тамошнего населения постепенно переходить, объединив, скажем, Брянскую область с Орловской или Воронежскую с Липецкой. Да и территории национальных автономий полезно уточнить, исключив, опять же, с согласия там проживающих, из Татарской республики земли, сплошь населенные русскими, и включив в нее земли, населенные татарами, ныне входящие в Башкирскую республику. Но делать это по закону.

Под грузом всевластия губернаторов отдельным субъектам федерации грозит уход от соблюдения записанных в конституции норм и свобод. Преодолеть эту опасность независимым от губернатора прокуратурам или управлениям ФСБ явно не удастся, но ничего не прибавит и еще одна вертикаль. Законность, как федеральная, так и областная, поддерживается не диктатурой одной, а равновесием нескольких властей. Не столько навязанными вертикалями, сколько верно проведенными горизонталями.

Создавая центральная власть областную не по своему авторитарному образу и подобию, а заботясь о том, чтобы губернатор не формировал, глумясь над населением, законодательное собрание себе в угоду, да еще чтобы соблюдалась независимость суда, не стало бы почвы для сепаратизма, поскольку все специфические проблемы легко решались бы на месте, в областях и республиках, а единство страны крепили бы экономические и культурные связи, а не полицейские меры и военная оккупация. Такое единство разом рухнуло в 1917 году, и точно так же в 1991.

Хотелось бы думать, что новому президенту наше отечество все же не безразлично. Кроме как в Чечне, единственной, не голосовавшей за нынешнюю конституцию, и стараниями нового президента слишком замордованной, чтобы хоть какое-то время не пожить и впрямь независимой, специфические проблемы еще всюду при желании поддаются мирным решениям. Займись Владимир Путин ими, он обрел бы реальное уважение, а не внушенное телезрителям Березовским, Доренко и Леонтьевым. Но, к сожалению, его тянет наводить единство по царским и советским образцам. А это отечество по третьему разу едва ли выдержит.

Что говорить, для единства свободной России меньше, чем мог, сделал даже Горбачев, хоть он мыслил шире других, бывших тогда у власти, и старался избежать крупных провалов. Даже эпизодические выглядели при нем всеобщими и огромными. Ельцин мыслил не так широко, что и привело его к кровопролитию в борьбе с взявшимся за оружие Верховным Советом и увязанию в Чечне, но он обладал природным инстинктом опасности и ряд силовых соблазнов в себе одолел. Путину с первых же дней наглядно вредит его гэбистский навык, пронизавшая органы вера, что нет таких крепостей, которых нельзя взять силой.

Но двадцатый век дал убедительные примеры бесплодия силы, и фашистской, и национал-социалистической, и коммунистической. Создание разумной машины, побудило вдвойне оценить человека, как мыслящее существо, с которым надо считаться. КГБ, да и вся советская система, к этому не готовы, а именно это необходимо, чтобы спасти нашу страну. Спасти от собственной власти, которая так или иначе уничтожает людей тем, что с ними не считается.

Ползут слухи и о других новых проектах. Но если они будут походить на обыск в Медиа-Мосте или управление обществом по военным округам, уже не придется доказывать, что 26 марта страна села в поезд, идущий в обратном направлении.

ВТОРОЕ КРУШЕНИЕ ФЕДЕРАЦИИ

Российская империя для начала побывала монгольской, вернее, входила в ее состав. Русские князья за утверждением власти ездили не то, что в Сарай на Волге, а и в Каракорум, к великому хану. Два с половиной века прошли под монгольским игом. Нынче, правда, уверяют, что никакого это было не иго, а чуть не лучшая пора, и во главе с монголами мы били бы Европу с ее претензиями. А сорвалось, сетуют, оттого, что русские, хотели независимости. Но в независимой Руси мысль об империи воскресла. Иван Грозный стал собирателем нерусских земель.

В XX веке затрепавший феодальный порядок потянул за собой империю. Всем вдруг тоже захотелось независимости. Польша, Финляндия, Литва, Латвия и Эстония ее обрели. Но в Грузии или Средней Азии порывы пресекла Красная армия. Ленин, возглавив Россию, повторял верную, в сущности, мысль, что, избавясь от самодержавия, колонии могли бы жить с Россией на новых началах, и на равных с ней

правах образовать федерацию. Он лишь не учел, что сам не допустит демократии, а новое самодержавие федерацию съест.

Сперва национальное равенство в СССР соблюдалось. Страну официально возглавлял даже не один, а четыре равных Председателя ЦИК. Конечно, реальной властью обладал другой комитет - ЦК партии, сперва национально тоже пестрый, но по мере возвышения Сталина (уверявшего Ленина, что народам равноправие не нужно, хватит автономии), даже и с автономиями выходило не кругло. Одни – упразднили, а население сослали, другие уцелели, но детей в школах учили не родному языку, а русскому. После смерти Сталина не всем дозволили вернуться в родные места, да и положение вернувшихся оказалось не очень веселым. За полвека с лишним СССР стал империей, державой. Поэтому в перестройку при обсуждении государственных проблем национальные заслонили другие, не менее важные.

Самороспуск СССР и призыв Ельцина к российским автономиям брать столько суверенитета, сколько проглотят, и провозглашение России федерацией, казалось бы, открыли дорогу новому пониманию государственности, и центральная власть даже обсудила с Татарской и другими автономиями их специфические права. С партработником Шаймиевым сговорилась, а с генералом Дудаевым сдуру пошла воевать.

Но федеративность не только защищает национальные права. Федеративное устройство позволяет полнее учесть интересы и русского народа, составляющего 82% населения независимой России. Едва ли нормально, что в СССР, где русские составляли половину жителей, не было, наряду с другими, русской республики, а она заняла бы добрую половину РСФСР. Сегодня, возможно, нужды в этом нет, но хоть субъектов с русским населением в составе федерации немало, сами эти субъекты мелки, экономически не самостоятельны и не ориентированы на историческую и культурную специфику сложившихся регионов России.

А в отличие от национальных республик Кавказа или Поволжья, в иных больших регионах местное население растворилось среди заселившего их земли русского, и за три-четыре века там образовались специфические характеры и свои интересы. Казаки, уральцы, сибиряки, жители черноземья или других русских регионов вправе в составе Федерации определять свою судьбу по-своему, и таких крупных русских регионов наберется 12 - 15. Будь субъектами федерации они, им не нужны бы постоянные субсидии центра, и вместе с крупными национальными автономиями, вроде Татарской или Якутской, они служили бы становым хребтом федерации.

Однако, вторично провозглашая федерацию, власть не думала о природе федеративности, об отличиях федерации от унитарного государства, и не вполне сознавала, что разнородные субъекты в общих интересах добровольно создают единую социальную целостность на основе компромисса, по которому входящие в федерацию от определенной части самостоятельности (прежде всего, в обороне, внешней политике, финансах и во многих нормах права) отказываются, сохраняя ее в других областях, согласно самобытности, отнюдь не только национальной. Не

было даже внятно оговорено, что равноправие субъектов федерации не означает их идентичности, и ради укрепления федерации каждому ее субъекту, русскому и нерусскому, необходима возможность, оставаясь в ее составе, решать свои специфические проблемы, не нуждаясь в полном суверенитете. Федеративность – единственный способ сберечь целостность таких стран как Россия (или Индия), а, надевая во имя целостности на страну смирительную рубашку унитарности, в ней, как учит опыт царей и советской власти, и не желая того, накапливают динамит для распада.

Забыв об условиях эффективности федерации, наши законодатели механически составили ее из 89 прежних административных единиц, не для того созданных. На этой почве, наряду с тенденцией, даже и в русских областях, к сепаратизму, обозначилась еще дальше зашедшая тенденция губернаторского произвола, перенесения в субъекты федерации авторитарных начал федерального устройства, принимающая все более пагубный характер. А разумное государственное устройство федерации важно для решения всех других насущных вопросов страны, и можно бы радоваться, что новый президент именно с него начал свою официальную деятельность. Но вместо укрепления федеративности он сводит ее на нет, спеша вернуть страну к унитарности. О том свидетельствуют первые внесенные им в Думу законопроекты

Смысл их очевиден: сосредоточить управление в руках президента, дав ему возможность идти к желанным целям приказами, отстраняя недостаточно рьяных исполнителей. Даже если цели Владимира Путина прекрасны, в XX веке такой путь неминуемо ведет в обратную сторону. Президент, являясь высшим должностным лицом страны, отличается от императора-самодержца тем, что ограничен другими властями – Федеральным собранием и судами, включая Конституционный. Претендуя на увеличение своей власти президент нарушает баланс властей. Чисто юридически, новые законопроекты - это государственный переворот.

Доводы в их пользу не выдерживают критики. Президент намерен при упорстве законодательного собрания субъекта в принятии противоречащего федеральным законам решения собрание распустить. Понятно, действие противозаконного решения должно быть остановлено, хоть и не президентом, а Конституционным судом. Однако, это не повод запросто аннулировать волеизъявление избирателей.

Сколь бы дурным ни было решение, едва ли оно в наши дни принималось единогласно. Но и депутатов, голосовавших против неверного решения, президент тоже жаждет лишиться мандатов. Видимо, для острастки. Это и есть беззаконие и произвол.. А надо бы, если речь не идет об установленной судами, вплоть до Верховного, прямой уголовщине, прежде всего, установить, не были ли возможности такого решения специально для данного субъекта федерации предусмотрены особым соглашением с ним, иначе законопроект выглядит попыткой отказаться от всех заключенных центром ранее соглашений с субъектами федерации. Но даже если такого соглашения нет, неверное решение должно бы стать поводом к

выяснению не только его соответствия существующим законам, но и потребности в нем людей и жизни. Никакие законы не могут раз и навсегда предусмотреть, что стране в целом и данному субъекту федерации, в частности, нужно, и президент бы должен проявлять к таким потребностям особую чуткость, а не казнить думающих об обновлении законодательства, даже если данное решение неверно и после рассмотрения по существу Федеральное собрание и Конституционный суд его отвергнут.

То же и с отрешением губернаторов. Президент обязан сдерживать их авторитаризм, но для этого надо не отстранять их от должности, а уравновесить власти на горизонтальном уровне, обеспечить свободу выборов в законодательные собрания и независимость местных средств информации. А их положение и на федеральном уровне ухудшается.

И уж никак нельзя дать власти субъекта федерации право отрешать местное самоуправление, иначе дикое обращение губернатора Наздратенко с мэром Черепковым станет общим правилом. А ведь волеизъявление граждан на выборах - фундамент государственности, и подвергать его, как нынешний президент, сомнению означает разрушать основу государства, насаждать диктатуру, а она независимо от воли диктатора, пагубна для развития страны.

Одновременно, новый президент хочет верхнюю палату федерального собрания обратить в собрание случайных людей. Опять же, нынешнее соединение в одном лице губернатора и сенатора неоправдано. Но надо вернуться к первоначальному порядку формирования верхней палаты, то есть всенародно выбирать по два депутата от каждого субъекта федерации, а не вводить на сей случай двухступенчатые выборы с ничтожным числом выборщиков, не поддающиеся объективному контролю.

Ко всему, президент, поделив страну на семь округов, сопадающих с военными, еще назначил, - опять же, не народ избрал, - семь чрезвычайных комиссаров для наблюдения за гражданской жизнью. Его усердие в отказе от выборности должностных лиц и вотрешении их от дела, доверенного избирателями, возвращает к советским образцам. И это лишь начало, в запасе есть и царские и ханские. Вот только Сталин уничтожал народы по опыту коллективизации русских крестьян, а Путин пресекает русскую демократию, опираясь на свой опыт в Чечне.

МИРОВОЗЗРЕНИЕ И ИДЕОЛОГИЯ

Просвещение подорвало священный характер общественных норм, они стали светскими, их утверждали уже не жрецы, а общество и государство. Покуда самые раздумья об этих нормах вновь не объявили крамолой, на виду оказались персональные мировоззрения. Карл Маркс, прожив жизнь частным лицом, этим и отличался от Иисуса или Магомета, каждый чих которых был священным. Такое, конечно, говорили и про Маркса, только задним числом. Но потом государства и общественные движения сакрализировали уже и светские мировоззрения, и они, став светскими религиями, именовались «идеологиями».

Маркс над понятием «идеология» еще глумился. Едва ли не важнейший след его философского самоопределения «Немецкая идеология» - сочинение почти сатирическое. Где было догадаться, что и его собственные суждения образуют «идеологию», преображающую их почти сатирически, однако, ее создателей сочтут, напротив, его последователями. Маркс, к примеру, полагал, что насилие служит повивальной бабкой, когда старое общество беременно новым. Прав он был или не прав, но уже Ленин, признав сколь полезно тут насилие, усомнился в необходимости обществу быть беременным, чтобы на свет явился ребенок. Вера в то, что насилие не просто помогает при разрешении от бремени новым обществом, но способно его породить без всякой беременности, то есть, не в развитых странах, а в «слабом звене». составила основу «марксизма-ленинизма».

В 1991 году марксизм-ленинизм низвергли с пьедестала официальной идеологии, но вера во всемогущество насилия всё владеет у нас умами. В 1993 году ей следовали и президент и Верховный Совет, действовавшие друг против друга. В конце 1994 послали войска в Чечню. Тем временем Ельцин не раз призывал к созданию новой идеологии для претендовавшего слыть демократическим государства. Ее так и не выработали, зато уход Ельцина ознаменовала новая чеченская война. Путин изъясил добровольность даже из лексикона. Уверяют, что целостность отечества удержит лишь сила, хоть Путин своими глазами видел, как немцы ломали берлинскую стену, чтобы жить в единой стране. Уже и за рубеж несутся обещания бомбить Афганистан, то есть опять грозит война с ним. «Идеология» как бы ушла, но ее содержание уцелело в личной ментальности, и не так даже в словах, как в поступках.

Не трудно показать, что имел в виду Маркс, поминая повивальную бабку, не говоря уже о том, что признать насилие повивальной бабкой отнюдь не велит признать его также кормилицей, нянькой, воспитательницей, учителем школы, профессором университета и отдать ему все другие роли в социалистическом обществе, как потом вышло. Можно даже показать, что грубо искажавший Маркса Ленин тоже имел в виду нечто иное, чем потом практиковали Сталин и Брежнев. Но это дело историков, не облегчающее современникам жизнь.

Тратя время на уличение политиков в отходе от светской религии, приверженность которой они декларируют, мы как бы принимаем эту религию всерьез. Между тем, идеология – уже не личный взгляд, а партийная платформа. Если для философа сочинение утопии – игра ума, то практики ее преобразуют, и под ее знаменем делают другое. Оно, конечно, и в самой фантастической партийной программе зоркий глаз вычитает реальные намерения авторов, но они туда проникли помимо их воли, по той же причине, по которой танцовщик, выходя на сцену неволью выдает зрителям тайны своего нрава. Просто не все по характеру движений их читают. Вот и по действиям политиков не все опознают их реальное мировоззрение, проистекающее из рухнувшей идеологии. А дивятся, что ветры возвращаются на круги свои.

Маркс считал насилие за акушерку из убеждения, что никак иначе одни общественные силы власть другим не отдадут. Он представлял себе ее передачу по примеру Французской революции, перехода от внеэкономического мира к экономическому. Я, грешный, думаю, что в наши дни возможны иные ситуации. Но в любом случае нелепо говорить о революции, насильственной или мирной, если власть не перешла от одних общественных сил к другим, если революция свелась к тому, что первым лицом в стране вместо Секретаря Днепропетровского ОК КПСС стал Секретарь уже не Ставропольского, а Свердловского ОК. Беды отечества объясняют тем, что Ельцин тяжело болел и пил горькую. Можно бы возразить, что зато несомненны его обаяние и чувство юмора. Но на деле ни то, ни другое значения не имело. Имело значение то, что он – Секретарь Обкома и люди вокруг него соответствующие.

Скажут, разве не было во власти разлада, не навис над страной зловещий ГКЧП, и не Ельцин встал ему поперек? А разве при Сталине не было разлада между Ждановым с одной стороны и Маленковым и Берией с другой? Различие лишь в том, что в 1991 разлад было уже не удержать на Старой площади и он выплеснулся на улицу. Кто знает, что было бы сейчас, удержишься он в «закрытых письмах». Но танки на улицах накренили политический корабль, и возможность кровавой схватки в столице вынудила их отвести. Тому дают два объяснения: одним многотысячный людской протест показал, что пробил час, когда прямым насилием людей уже не запугать, другим подтвердил, что аппаратная ловкость партии в обращении с массами перспективней воинской решительности. Так или иначе, мятежников арестовали ненадолго и амнистировали. А суд над коммунистической партией и вовсе окончился ничем.

Но генерал Варенников, возглавлявший военные операции, и уже этим повинный, по крайней мере, в гибели трех молодых людей, задавленных танками, амнистию не принял, потребовал над собой суда и был судом оправдан. Этого вроде уже не требовала идеология, по которой партия всегда права. Судьи его оправдали исходя из своих понятий, а могли и осудив, проявить к виновному милосердие, но то-то и оно, что они дышали прежней идеологией. Можно, правда, наивно спросить, почему тогда они и в новой России остались судьями. Да как раз потому, что не произошла смена власти, власть осталась в руках все той же общественной силы, перетекла от одной ее группы к другой.

Лишь отдав себе в этом отчет, можно понять стремительный взлет Путина. Признаться, меня пугают не столько его успевшие проявиться человеческие недостатки, сколько такое бесспорное его достоинство, как искренность. Человек, родившийся после смерти Сталина, выросший не в самом глухом и диком углу России – в Ленинграде, окончивший университет, да еще по юридическому факультету, сохранил чистосердечную веру в постулаты официальной идеологии, столь наглядно на протяжении всей его жизни обнажавшей свое лицемерие, сохранил веру в насилие, в то, что людей можно заставить продуктивно работать, без элементарных гарантий и свобод. Подобно судьям Варенникова он органично усвоил суть идеологии «марксизма-ленинизма»

и ему нет нужды цепляться за ее внешние атрибуты, необходимые ее лицемерным глашатаям. Отбрасывая их он разом избавляется и от нужды сверять свои суждения с оригиналами Ленина и, тем более, Маркса, и воздавая дань уважения Сталину ориентируется не на теоретические «Вопросы ленинизма», а на его практику.

Легко сказать, что явление Путина это реванш ГКЧП. Трудней объяснить нынешнюю удачу после августовской неудачи. Путину, конечно, пошел на пользу грабительский характер ельцинско-гайдаровско-чубайсовских «реформ», принятых людьми за демократические акции и отвративших миллионы от демократии. Но результативны и его собственные тактические ходы, начиная с того, что Москва увидела на своих улицах не танки, а взорванные дома, а танки были брошены уже не против москвичей, а против инородцев, желающих от Москвы обособиться. Идеологию выражали не слова в духе Баркашова, а самолеты и вакуумные бомбы, что позволяло людям себя уверять, что, поддерживая Путина, они отнюдь еще не баркашовцы.

Дальновидным было и уклонение от выдачи наперед каких-либо экономических или административных программ, и сведение пропаганды к проповеди единства, то есть к безоговорочному доверию власти и презрению к «отщепенцам», путающимся под ногами, болтающим и ничего не делающим, в полном соответствии с канонами советской пропаганды, - народ и партия едины, но без прямой ссылки на него. На пользу Путину пошло и то, что сформировавшаяся и переформировавшаяся за ельцинские годы часть образованных людей, прежде искавших себя в далеких от политики сферах и стыдившихся угодничества властям, ныне, избавилась от стыда. Наталья Геворкян, составившая книгу предвыборных рассказов Путина о себе «От первого лица», уверяет публику, что портрет, ею с коллегами нарисованный, помог определиться не только голосовавшим «за», но и голосовавшим «против», то есть, продолжая обслуживать клиента, журналистка нам внушает, что только объективной книги Путин перед выборами и хотел.

Важно, однако, помнить, что Путина привели в Кремль не одни усилия бескорыстных и корыстных доброжелателей. Он въехал туда по трамплину старой советской идеологии, не осознанной, не отвергнутой и не преодоленной. Еще до фильма Абуладзе, покойный Д.С.Лихачев призывал Россию покаяться. Не знаю, смог ли бы, всевышний, буде он есть, простить грешников, не спешащих удалиться от мира. Но без четкого осознания вчерашнего и отделения его от нынешнего перемены свершиться не могли. Придется стране влечь прежний груз до следующего кризисного витка.

ВОТ И ПОГОВОРИЛИ

Порядок встреч президентов России и Америки нарушен. Прошлый раз именно Клинтон посещал Россию, и теперь бы нашему ехать в Америку. Но Путин проявил здравомыслие и не поехал, - не с чем, да и незачем. Не то что он против щедрых американских даяний, которые именно Клинтон и

наладил, да только как раз приход Путина и ввел многих американцев в сомнение по поводу плодотворности этих американских вложений. Денег не пожалели, а получили то, что получили – демократию с вице-королями и федерацию с бомбежкой ее членов. Сколь блестяща бы ни была речь нашего президента в американском конгрессе о пользе всему человечеству от уничтожения Чечни, она еще меньше, чем речь Клинтона в нашей Думе, убедила бы американцев, да и время Клинтона все равно миновало. Поэтому Путин и в Москве почти ничего, кроме общих слов, не произносил. Вот только признал, что нынче не только США и Россия грозят друг другу, но и третьи страны обоим, и предложил создавать ПРОотиворакетную оборону вместе.

Что создавать и вместе или порознь – вопрос особый, не будем здесь в него входить, а про опасность от третьих стран наш президент говорил со знанием дела. Что это, однако, за третьи страны? Китай? Англия? Франция? Явно нет. Может, новые члены ядерного клуба – Индия и Пакистан? Тоже сомнительно, чтобы имелись в виду они. Опасность и американцам и нам грозит со стороны тех, кто ни ракеты, ни ядерные бомбы не в силах создать самостоятельно, но только при поддержке реальных ядерных держав. И в России, и в Америке и всюду, где создали страшное оружие, ученые, его создавшие, разъяснили политикам, что произойдет при его применении и ответном ударе, и политики, если не считать Жириновского и ему подобных, это усвоили и покамест проявляли осторожность. Даже из кубинского кризиса вышли. Но корейское чучхе, мудрость иранских аятолл и смелость иракских революционеров эту опасность учитывают хуже, и фанатизм ныне грозит нарушить равновесие страха, при котором понимали, что бомбу угодит себе же на голову. Если, понятно, кто-то из ядерной семерки им доверит технологию.

Подозревать в таком американцев, обычно норовящих оставлять серьезные решения за собой, не приходится. Другие на такое не отважатся. А мы, даже и до ядерных бомб, любили действовать на мировой арене через клиентов. И много раз это выходило СССР и России боком. Вооружали, вооружали, учили, учили, надеялись, надеялись, а потом одни неприятности. На сей раз, возможно, еще покрупней, если не роковые. Коль скоро новый президент, в самом деле, взял в толк, что привычка полагаться на клиентов может погубить отечество, и отринет клиентов, то, как ни относиться к другим его шагам, он повысит шанс на спасение России от ядерного пожара. Конечно, не будем класть себе птиц за пазуху, перед приездом Клинтона господин Шустер по «Свободе» сообщал, что наш президент на днях предаст суду сотню военных, из числа нарушавших права мирных жителей Чечни. Дни прошли, а суда всё нет. А пока Путин едет к корейскому другу.

Зато американский президент ни своим землякам, ни нам, не подарил даже маленькой надежды. Американцы, возможно, радуются, что и необратимых соглашений не подписал, но ничего не жалел, чтобы оправдать свою русскую политику перед американскими избирателями. Это ведь к ним, через голову Думы, обращена его речь.

Правда, в кармане Клинтон держит запасной успех на Ближнем Востоке. Господин Арафат уже заявил, что признавать Израиль готов лишь в предвоенных границах, хоть в Осло оговаривалось, что границы должны уточняться. Но бранить Арафата не стоит, он верно понимает, что Клинтон и Олбрайт ему уже и это позволяют. Еще до американских выборов прояснится, дождал ли Клинтон израильтян, и согласились ли они с тем, что Палестинское государство будет *judenfrei*, или права евреев в нем будут много меньше прав арабов в Израиле. На Россию, как на Израиль, не надавишь, но зачем сочинять, что строишь там демократию?

Слушаешь Клинтона, готового и впредь щедро давать России деньги американских налогоплательщиков, и дивишься его нежеланию взглянуть на собственную жизнь России и углядеть, кому в ней нужна, и кому не нужна демократия. А без этого не разобраться кому и на что давать деньги. И ведь не то чтобы впрямь «умом Россию не понять» и невозможно в русской жизни разобраться. Беда в том, что под видом установления в России демократии господин Клинтон, точь в точь как его друг Борис, решал свои проблемы.

Между тем, проблема стоящая перед Россией вовсе не исключительная, ее, все по-своему, решали все развитые страны, - надо перейти от внеэкономических отношений к экономическим, от феодальных к буржуазным. Французы устроили революцию, у нас надеялись на реформу, - Россия ведь была не просто страной феодального абсолютизма, подобно Франции, но, со времен Ивана Грозного, страной глубокой феодальной реакции, подобно Пруссии, и в еще большей мере. Крестьяне были не просто зависимы, как во Франции, а были крепостными, у нас их продавали, как скот. Реформа могла бы вернуть страну к нормальному развитию. Но провели ее лишь частично, а наследники царя-освободителя и вовсе стали давать задний ход. Вот попытки перехода и возобновлялись, хоть по-разному. Их предлагал Витте, их требовала революция 1905 года, их проводил Столыпин, их провозгласила Февральская революция, и даже Октябрьская, но не успевало буржуазное общество сложиться, как его тут же душили. Сложился миф об «особом русском пути». Последние полтора века Россию держат на этом особом пути силой, и крови для этого пролили немерянно.

Россия нуждается не в том, чтобы в ней варяги насаждали демократию, она с этим сама совладевает, поскольку без демократии ей не выжить. Важно, чтобы ей не мешали, то есть, не помогади властям удерживать страну на прежнем «особом» пути. Из «западного» для перехода к экономическим отношениям и демократии нам, по-настоящему, не так нужны инвестиции и даже техническая помощь, как, прежде всего, законы и свободы. А господин Клинтон уверяет, что с демократическими нормами у нас все в порядке, хоть власть упорно уклоняется от их установления и, с западной помощью, идет нашим «особым путем».

Нынче в Думе он подчеркнул, что России открыты двери всех организаций – и НАТО, и ВТО, и других, с тамошними, общими для всех, нормами. Но с чего нам соблюдать общие для всех нормы, если молитвами господина Клинтона, его друг Борис общепринятых норм у нас

так и не завел. И господин Клинтон терпел, что наша власть живет по особым нормам, и соглашался на ее особые права. Не только Ельцин и Путин в них виноваты, но и Клинтон. И эту нашу «особость», и право Российской империи на целостность поныне признает. А за целостность Британской, Французской, Голландской, Бельгийской, Португальской, Испанской, империй американские президенты прежде не выступали. Сам же Клинтон ни разу не заикнулся, что Ольстер это часть Соединенного королевства, а Чечню признает неотъемлемой частью России, лишь сетует, что кровь льют у всех на глазах.

«Особый путь» это наша особенность. Патриарх Алексий требует, чтобы на его территории люди не обращались к другим, даже христианским, исповеданиям. Входят ли в православную территорию, например, Казань или Улан-Удэ? Святейший патриарх недоволен, что храмы, отнятые в 1948 году с помощью КГБ у греко-католиков, в независимой Украине вернулись к владельцам, и требует, чтобы папа Римский отдал эти храмы ему, хоть есть уже и самостоятельная Украинская православная церковь, а не только подчиненная Московскому патриарху. Откуда все-таки у веры, да еще христианской, территория, если Иисус считал, что царство его не от мира сего? Но святейший патриарх вполне от мира сего, и его коллега президент легко принял претензию своей церкви на особые нормы, и, в отличие от Горбачева и даже Ельцина, не пригласил папу в Россию.

Не в папе тут дело, а в признаваемом за нами особом пути с особыми правами и особыми случаями. Вот и военный министр Югославии, разыскиваемый Гаагским трибуналом, к нам летает, а мы объясняем, что это вышло случайно, и все довольны. И господин Клинтон про общие нормы—то говорит и даже не сетует, что Шендерович удачно над ним потешается в «Куклах»,— как западному человеку на такое сетовать, — но о «случайностях» и об «особых интересах», предпочитает не полемизировать. Судьба не только России, или Израиля, но и мира и даже самих Соединенных штатов ему не интересна.

На публику зато вывалили проблемы противоракетной обороны, которой, еще и нет и не скоро она будет, а в случае столкновения наших стран не многих не спасет. Но господин Клинтон, на публике и не вспомнил, что договор ПРО 1972 позволял высоким договаривающимся сторонам соорудить противоракетную защиту вокруг своих столиц. Вашингтон от этого тогда отказался, видимо, считая некорректным спасать жителей столицы, пренебрегая остальными гражданами, а Москва, естественно, такую систему соорудила. Система успешно работает, и уже сегодня дала бы нам преимущества перед американцами. Но не начнут же Россия и США вскорости ядерную войну, вот Клинтон про то и не вспомнил.

А тем, что впрямь необходимо для благополучия людей, в частности, российских, президенты явно не занимались. Каждый думал о своем, о том, как он выглядит, и, надо признать, Путин сыграл чище, он не оставил о себе никакого впечатления. А Клинтон, считавший нужным обелять свою политику, явно провалившуюся уже тем, что против него сидел Путин, и в Думе, и на радио «Эхо Москвы» показал себя человеком

внешним. Впрочем, это не новость, а встреча в верхах никому, кроме него, и не была нужна.

СПАСУТ ЛИ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТЫ?

Михаил Сергеевич Горбачев снова возглавил партию, на сей раз объединенную социал-демократическую. В интервью радиостанции «Эхо Москвы» по этому поводу он признался, что еще года два назад ни о чем подобном не думал, а ныне такая партия необходима. Не оттого ли, что резко упали демократические симпатии? Половина голосует за Путина и КГБ, треть за Зюганова и КПСС, то есть за авторитарную власть, в разной мере откровенную. Оставшаяся одна шестая, противостоять союзу коммунистов и чекистов неспособна, да и лишь половина ее как-то сопоставима с дореволюционными либералами, «кадетами», другие же, сторонники так называемых «правых сил», либерализм которых не выходит за пределы, обозначенные царем, сопоставимы лишь с тогдашними «октябристами». Выход на политическую сцену реальных социал-демократов, как партии людей наемного труда, «левой» в общепринятом, а не в отечественном понимании, по которому «левыми» числят сторонников тоталитарного режима, коммунистов (на деле крайне правых), был бы, конечно, полезен. Но в условиях свободы он был бы полезен и два года назад, и девять, и пятнадцать. И не только как стимул к более точному самоопределению других социальных движений, но и сам по себе.

Наши наспех слаженные партии к общественным противоречиям стоят боком, и выражают не интересы разных социальных слоев, а порой лишь тоску по утраченному. Жалкая советская пайка, в отличие от нынешней, при Хрущеве и Брежневеве все же позволяла большинству выживать, и, чтобы, думая лишь о ней, не голосовать за коммунистов, надо вспоминать, не только Гулаг и права человека, которыми с голодухи многие готовы жертвовать, а еще и то, что сами коммунисты эту пайку с середины семидесятых сводили на нет, все больше и больше тратя на ракеты и танки. Впрочем, работников военной промышленности и это не ущемляло, их пайка держалась, и они голосуют за коммунистов, поскольку не заглядывают в продолжение прежнего, буде оно бы и дальше шло так.

Пропасть, в которую мы катили, в полной мере видела зато верхушка партии, не один Горбачев, но и его реакционные коллеги, потому и поддержавшие его перед лицом неминуемого краха к которому привела попытка обогнать весь остальной мир, вместе взятый, не по мясу и молоку, а по ракетам и танкам. Люди, и при скромной информации заметившие происходившее, нынче голосуют за «Яблоко». Те, кто ничего вспоминать не хотят и верят, что рост числа ракет пайку даже увеличит, то есть остальной мир со страха станет нас кормить, лишь бы мы не запустили ракеты, словно у других нечем ответить, голосуют за Жириновского. Но с чего вдруг, не имея реальной свободы, голосовать за социал-демократов, платформу которых давно и внятно, не находя поддержки, излагал еще Олег Румянцев?

Всем известно, что как раз социал-демократы (большевики) и взяли в 1917 власть, и лишь потом, назвавшись коммунистами, «сбросили грязное белье социал-демократии». Строя социализм в одной, отдельно взятой стране, то есть перейдя к национальному социализму, партия в этом новом белье, на котором пятна не только от чужой крови, но и от крови товарищей по социал-демократической поре, достигая порой многого не только в производстве металлолома, упорно разоряла страну. После смерти Сталина даже иные из ее руководителей задумывались о законах экономики, то есть впадали, как тогда говорили, в ревизионизм, что отчасти и значило возрождать социал-демократические понятия. Воскресали утопические надежды на «социализм с человеческим лицом», пленявшие не одних пражских, а и кое-каких московских коммунистов. К фундаментальному кризису конца семидесятых - начала восьмидесятых партия пришла уже вовсе не орденом меченосцев, какой ее сделал Сталин, ликвидировав совершивших в 17 революцию.

В шестидесятые годы представления ее членов порой тянулись к социал-демократическим. Неверно думать, что чуть не двадцать миллионов членов КПСС поголовно были фашистами и убийцами. Я никогда в этой партии, ни в ее молодежной организации, комсомоле, не состоял, и как сторонний наблюдатель могу сказать, что воззрения ее членов были пестры, и хоть правил национал-социалистический верх, не все одинаково рьяно выполняли предписания. О кризисном распаде говорит само открытое признание волюнтаристской партией Ленина-Сталина в середине восьмидесятых наличия объективной реальности. Почему же Горбачев пятнадцать лет назад не предложил партии, генсеком которой был, разделиться на социал-демократическую и национал-социалистическую?

Задать этот вопрос надо не затем, чтобы тешиться мечтаниями о том, что было бы, если бы. Горбачев этого не сделал уже потому, что социальные отношения оставались для КПСС и ее преемников на заднем плане, и судьба страны определялась интересами одного лишь правящего класса. А что-то изменить в жизни общества по существу можно лишь при хотя бы частичном учете интересов прочих классов и сословий, выражаемых их объединениями, движениями и партиями. Но никогда после 1917 у нас такое не было дозволено. Даже и в перестройку больше рассуждали как построить демократию или обустроить Россию, толковали об общем, но это и значило обустраивать правящий класс, изначально претендовавший быть воплощением общего. Вдруг объявившиеся социал-демократы претендовали тогда быть лучшими, чем коммунисты, устроителями социалистического общества, способными быстрее еврокоммунистов придать ему человеческое лицо. Только граждане в «хорошую» партию уже не верили.

Но общество внятно так и не признало, что ни одна социал-демократическая партия никакого социалистического общества не построила. А пока они остаются партиями либерального общества, они играют в нем порой весьма положительную роль, выступая инициаторами социальных гарантий, необходимых индустриальному и, тем более,

постиндустриальному миру, производственные отношения в котором могут в любой миг бросить на произвол судьбы даже того человека, который в следующее мгновение окажется производству необходимым. Дело не просто в гуманности, не в одной лишь выживаемости, которую крестьянину в феодальном мире давал кусок земли, даже не вполне ему принадлежащий, но в сбережении обществом квалифицированного людского потенциала, без которого невозможны стремительные повороты производства. Экономическая свобода и социальная защита, в постоянной борьбе друг с другом, и создали развитое общество.

Когда же и на западе социал-демократы, пренебрегая заботой о широте и взвешенности социальных гарантий с участием либерального государства, брались за постройку социалистического государства и, даже не записываясь еще в коммунисты, национализировали целые отрасли хозяйства, выяснялось, что государственное хозяйство в сравнении с частным убыточно и не расширяет базу социальных гарантий, а сокращает или сохраняет за счет отставания производства, насаждая зато хозяйственную бюрократию, и на западе претендующую быть воплощением социализма.

Опыт XX века показал неэффективность марксистской утопии для создания лучшего общественного строя и одновременно показал плодотворность социалистических движений для совершенствования буржуазного строя. Верно ощутив долг общества перед человеком, Маркс упустил, что долг этот может быть выполнен лишь пока производственные отношения не обращены ради этого во внеэкономические. Когда же выходит так и исполнение долга общества перед людьми возлагается на государственных хозяев производства, и заработная плата уже не окупает рабочую силу, а выступает как социальное благодеяние, отношения работодателя, которым стало государство, и труженика решительно меняются. Рабочую силу уже не покупают по рыночной цене, а дают прожиточный минимум (которого не дают у нас нынче), упраздняя, тем самым, независимые социальные гарантии. Защитник превращается в охранника, вохровца. Жизнь становится патерналистской, страна к ней привыкла, и досель вспоминает, как при Сталине регулярно снижали цены на спички, повысив перед тем в несколько раз цены на мясо. Чтобы социал-демократизм нам помог, надо было упразднить монопольность работодателя, отделить хозяйство от государства, то есть строить либеральное общество. Уклоняясь от разделения партии, Горбачев показал, что делать это не собирается.

Он увидел, что этого не сделал и Ельцин. Неужто ему показалось, что это сделает Путин? А Путин ничего такого не обещал, ни перед выборами, ни после инаугурации. Ему такое лишь приписывали по косвенным знакам. Самым убедительным казался приход в советники Андрея Илларионова, четче других экономистов ратовавшего за внутреннюю экономическую свободу, противопоставляя ее практике зарубежных долгов. Но недавно президент назначил нового советника представителем по экономическим связям с наиболее развитой семеркой. Это не оставит Илларионову времени для внутренних реформ, придется

ограничиться разъяснением иностранцам добрых намерений президента. А Горбачев обнаружит, что без экономической свободы, без борьбы за нее, социал-демократия способна лишь повторить пройденное с 1917 года. Вот она, ирония истории. При Ельцине нас понуждали забыть, что Горбачев спас страну от краха, к которому пришли социал-демократы (большевики), отвергшие экономическую свободу. Неужто и сам Михаил Сергеевич про это забыл?

ПЕРВЫЙ АРЕСТ

В дни образования Петербургского отделения Российского еврейского конгресса меня пригласили на банкет в «Астории» по сему случаю. Звали не на заседание, где можно бы что-то сказать о тревогах российских евреев, а на банкет с хорошей едой и парадными речами. Досадуя, я отвечал, что президент конгресса Гусинский – богатый еврей, а я – бедный еврей, у нас разные радости, и не пошел. Прошло время, и не то, чтобы я полюбил Гусинского, еще недавно подпиравшего чуждую мне власть Ельцина, но его арест возродил ощущения, возврата которых я ждал все же не так скоро.

Юридический абсурд нагляден. Идеолог путинского режима Глеб Павловский с телеэкрана гневно вопрошал: когда государство вернет себе украденные у него телеканалы? Министру Лесину пришлось публично признать, что четвертый канал, по которому вещает Гусинский, был безвозмездно передан ему Указом Президента. Но Павловского за клевету на арестанта в нашем правовом государстве к ответственности не привлекли. Прочие раздачи и манипуляции с собственностью совершаются схожим образом, - четких законов и гарантий, как не было, так и нет. Это, понятно, неправомерно, и даже преступно, но элементарное понятие о законности требует хотя бы начинать расследование безвозмездных раздач госимущества с тех, кто раздавал, а начали с того, кто получил ценный подарок.

Не будем, однако, объяснять это глупостью власти, вообще, и прокуратуры в особенности, как спешат деятели культуры, голосовавшие за Путина, а ныне уверяющие, что его подставили, что Россия опорочена по недомыслию. Прокурор знал, что Гусинский не только не скрывался, но, услышав о претензиях к своему концерну, спешил из-за границы в Москву, он понимал, что угрозы обществу Гусинский не представляет, никого, находясь на свободе, не зарежет и не изнасилует, и можно бы вызывать его на допросы, покамест суд, куда поступит дело, не вынесет приговор. Чтобы от всего этого отвлечься и произвести арест, одной глупости мало.

Политические мотивы очевидны. Будь дело за возвратом имущества, дававшегося так называемым «олигархам» в надежде, что они принесут казне больше прибыли, чем неповоротливая хозяйственная госмонополия, начинали бы не с Гусинского. Он не самый богатый и, говорят, кругом в долгу. Лавры первого политзэка свободной России Гусинский завоевал тем, что уже после банкета в «Астории», видимо, смекнул, что у поводка в руке щедрого авторитарного государства, – кроме

телеканала еще и орден Дружбы народов, вручаемый ценным евреям, - есть обратная сторона. Он стал первым, если не единственным, из «олигархов», пошедшим против путинского «Единства» на думских выборах и против самого Путина. Телеканал дарили, чтобы служил власти, а он не оправдал доверия. Вот и взяли.

Был ли причастен к аресту Путин лично? Трудно спорить с несознанкой. Но поверить, что он не мог связаться с генеральным прокурором, укотившим в Екатеринбург, никак невозможно. Мне случалось туда звонить по автоматической связи, даже из-за границы, и выходило отлично. Если президенту не удалось запросто выходящее у частного лица, можно подумать, что не стало спецслужб. Но спешить с таким выводом не стоит. После несознанки Путин вдруг счел, что мера пресечения чрезмерна, а вскоре уточнил, что ничего незаконного в ней при этом не видит. С тем Гусинского и выпустили. Примечательно, что в ответ на обращения к президенту за справедливостью прокуратура гневалась, что печать хочет «телефонного права», явно принимая свои постановления за «диктатуру закона», не обязанную считаться с тем, что закон гласит. Но печати не запрещено и в судебном, не то что прокурорском, решении усомниться.

Путина выгораживают не только у нас. Газета «Нью-Йорк Таймс», оговаривая, конечно, чрезмерность ареста, объясняет, как трудно новому президенту обуздать «олигархов», хотя, как видно уже из дарования Гусинскому телеканала, они созданы, вскормлены и живут иждивением государства. Предоставив их судьбе и создав одновременно условия для мелкого и среднего предпринимательства, власть быстро покончила бы с их гипертрофией. Если она этого избегает, значит все разговоры о приверженности Путина свободной экономике – легенда, и прижимать «олигархов» он станет, если станет, лишь для возрождения былой советской государственной собственности. Со всеми ее политическими последствиями. Для СМИ это смерть, что и ощутил Гусинский.

Это, разумеется, не резон счесть его отцом русской демократии. Идеолог режима Павловский признал: «идет неизбежный распад старой ельцинской системы». Признание важное, если помнить что Ельцин провозгласил Путина преемником. Гусинский почуял угрозу до речей Павловского и, в отличие от самого Ельцина, стал спасать приличия старой ельцинской системы. Лишь после ареста он понял, что сам Ельцин, так или иначе, виновен в случившемся, и поддерживать его на выборах 1996 года было ошибкой. Аслан Масхадов заметил: «по-моему уже понятно всем... не только Чечня, но и Бабицкий, и Гусинский, и холдинг «Медиа-Мост» – не быть России демократическим государством...»

Идеолог Павловский сетует, что нынешнее положение все еще, как он выражается, «дает выход всяческой шушере: правой, левой, правозащитной, чиновной и всякой другой». Люди, выступающие за соблюдение прав человека, для идеолога-клеветника – шушера. Ему «надо обнулить ситуацию». Кроме вождя, - (в Германии говорили: «один народ – один вождь») – каковым, вопреки реальностям его взлета, объявлен Путин, все прочие должны стать нулями. До такой откровенности Ельцин, при всей

авторитарности, все же не дошел. Он контролировал телевидение, он душил печать экономически, он не слушал того, что говорилось, но видимость свободы слова соблюдал. Путину с Павловским уже и видимость тесна, им надо Россию открыто «обнулить».

Информационный бизнес при этом погибает первым. Поэтому когда Чубайс и прочие «олигархи» поддержали рывок Путина к высшей власти, Гусинский воспротивился, ратуя за либерализм, и голоса его программ, отличные от прочего хора, отчасти проясняли стране происходящее. А Евгений Киселев недавно даже сказал об угрозе нового ГКЧП. Предостережение запоздалое, ГКЧП объявился не арестом Гусинского, а готовностью сделать Путина премьером и преемником. Кто и под каким давлением это решил, все еще темно, но тогда начался ползучий ГКЧП. Не танки на улицах, а «молодые реформаторы» во главе с Чубайсом уверяли страну, что неведомый полковник КГБ – ее спаситель, и с обычной своей дальновидностью не загадывали, не скажет ли вскоре сам Чубайс об угрозе «полуфашистского режима».

Казалось бы, Путин себя обнажил, оттолкнул уверовавших в него «демократов», не говоря о западной общественности и части тамошних бизнесменов, - другие не прочь вести дела, как при Сталине, напрямую с правительством, не участвуя в российской экономике на равных с отечественными предпринимателями. И у нас и за рубежом пишут о проигрыше власти и советуют действовать не нахрапом, а поосторожней. И хоть я, естественно, не голосовал за Путина, как-то обидно читать, будто президент России – несмышлениш. А в России дураков нет! Надо лишь открытыми глазами смотреть на происходящее, видеть действия, а не только неизвестно чьи декларации о намерениях.

Сколько ни болтают о проигрыше власти, Путин не отступился от желанного ни в Чечне, ни с Бабицким, ни с холдингом «Медиа-Мост», ни с Гусинским, - виновные в его аресте не наказаны. Можно счесть это глупостью для страны в смысле стратегическом, но надо видеть цели стратегов. Сталин, а с ним и правящий класс, под лозунгом величия измучили и истощили Россию, так и не осуществив марксистский миф, но почти тридцать лет делали, что хотели. Трудно счесть это их проигрышем, даже если Сталин умер не своей смертью, да это и не доказано. Конечно, Масхадов прав, и сталинокрратия и путинокрратия с демократией ничего общего не имеют. Но кто велел Чубайсу и Кириенко уверять, что Путин в душе демократ и борец за свободную экономику?

А если снять светофильтры придумок и видеть, что Павловский говорит, а Путин делает, их нахрап, не входя, понятно, в морально-политические оценки, не так глуп. Они действуют по известному принципу: съедят! И в самом деле съедают. Не только западные ничтожества, вроде Клинтона, но и наш замордованный народ, еще недавно первым делом думавший: «Лишь бы не было войны!», а ныне голосующий за беспросветную войну, на которой ежедневно убивают не только чеченцев, но и русских. Первый ГКЧП провалился из-за чрезмерного темпа, из-за своего обрыдшего людям советского облика, из-за того, что реформы еще не начались и была надежда, что они спасут Россию и ее народы, а не

номенклатуру. Шансы нынешнего ГКЧП в неспешном темпе, в уклонении новой власти от прояснения своего лица, в убившем надежды обмане ельцинских псевдореформ.

Еврейский мотив, тут отнюдь не главный, но, как обычно, многое выявляет. Не потому Гусинского взяли, что он президент еврейского конгресса. Но в стране, заряженной массовым номенклатурным антисемитизмом, Путин пренебрег последствиями, даже на его взгляд чрезмерного, публичного глумления над евреем. А они сулят уже не зов сообщца с Гусинским верить в Ельцина, а общую камеру, если не общую могилу. Тем более, что одновременно Россия отвергла резолюцию по Ливану, сочтя отряды хесболлы на границе Израиля, вместо войск ООН, вкладом в укрепление мира. А вот с чеченцами, жаждущими по словам Путина «уничтожения еврейского населения», он говорить о мире не станет. Все это вместе ныне именуют прагматизмом.

НЕ ТОЛЬКО МОРАЛЬ

«Что надо делать, всем вовлеченным в процесс размышления о будущем страны – более или менее очевидно. Спор идет о методах», - пишет одна из самых ярких российских журналисток, и она не исключение. Между тем, опыт показал, что споря о средствах достижения цели, спорят о самой цели, не сознавая того или сознавая втайне.

Ельцин сохранил двузначную систему политического счисления: все, что не тоталитарный коммунизм, объявили либеральной демократией, на словах введенной при нем. Сказывается привычка мыслить о едином государстве и закрывать глаза на социальную стратификацию. Но общество состоит из разных групп, слоев, сословий, если хотите, классов, и у каждого свои цели, и достижение их всех обусловлено сосуществованием и взаимодействием этих групп и слоев. Поэтому «цель» общества, как целого, а точнее способ его существования, создается лишь в ходе социального компромисса, и не раз навсегда установленного, а подвижного, коль скоро силы сословий и классов и их нужда друг в друге сами зависят от условий и возможностей социального поведения, то есть от политического строя.

Нашему строю издавна чужда мысль о компромиссе, о взаимности уступок, обусловленных не «слабостью» власти, а признанием взаимной необходимости социальных слоев. Православие, как опора самодержавия, и марксизм-ленинизм, как опора партократии, служат не смягчению и разрешению реальных социальных конфликтов, а превращению социального противостояния в борьбу «правильного» с «неправильным» и подчинению, и даже ликвидации последнего. Не так важно, что именно сегодня «правильно» и кто сочтен эксплуататором. Важно, что, сведя социальную жизнь к противоречиям эксплуататоров и эксплуатируемых, пренебрегают частичным единством их интересов в ходе производства. Без этого в борьбе по поводу компенсации вклада каждого в производство упраздняют существующие производственные отношения, не гадая, что придет им на смену и в какой мере новые эксплуататоры будут щедрей. У нас интересуются не так конкретной социальной ситуацией, как

правильностью пути, то есть незыблемостью правящего класса. А «правильно» для его власти - не дать миллионам людей определять свои предпочтения на практике.

В большом почете «особый русский путь», на котором Иван Грозный, а за ним Петр I и Екатерина II овладевали новыми европейскими достижениями на старый феодальный манер, и покуда Запад шел к буржуазным революциям наша феодальная реакция закрепощала крестьян. Но у нас не только националистическое, а и социалистическое сталинское сознание проложило «особый русский путь», объявив его всеобщим. Ныне Борис Кагарлицкий, яркий публицист социалистического толка, справедливо оспаривая нашу уникальность и отвергая «тупик русского пути», записывает Россию, и допетровскую и екатерининскую, в капиталистический мир в качестве его периферии, и, точь в точь как сторонники российской исключительности, объясняет отечественные невзгоды пагубными действиями Запада, уверяя, что «наша отсталась была условием их развития».

Но Россия никогда не была западной колонией и ее отсталость – результат нашей феодальной реакции, а их развитие – результат их буржуазных революций. При Петре мы производили больше стали, чем Англия, но свобода плодотворнее принуждения, и мы свое преимущество потеряли именно потому что шли по «русскому пути» принуждения. Не стоит обманываться тем, что, якобы, «Без наших жертв и наших потрясений сегодняшний Запад не был бы тем, чем он стал». Не стоит и забывать о том, что Россия удержалась в кругу сильнейших держав, освоив паровую машину Уатта (работа Ивана Ползунова пошла прахом), освоив лампочку Эдисона (лампочка Лодыгина массовой не стала), освоив радио (изобретенное Поповым, но не у нас пущенное в производство), освоив многое другое, взятое на Западе не потому, что Россия не могла быть среди стран, такое создающих, а потому что ей мешал феодальный строй, а Западу помогал буржуазный. Вроде бы азбука, а уже забыта. Главные заблуждения Ленина - пренебрежение продуктивным эффектом социальных отношений и вера, будто к росту продуктивности приведут высокие идеальные позывы, а когда их нет, жесткое принуждение. Кагарлицкий на свой лад проповедует то же самое, веря, что выйдет лучше.

На деле особый русский путь был не очень-то особым. Сходные с нашими черты являли и Пруссия, и Польша, и Турция, и другие страны. Слабый английский феодализм не мог привязать крестьянина, там приходилось уже для работы на земле нанимать рабочую силу, что еще в средневековье заложило там основы буржуазных отношений. А сильный русский феодализм, столь ценимое ныне «сильное государство», превратили крестьян в рабов, и наша страна стала жертвой собственного строя, а не чужих успехов, которые не от нас зависели, даже если кто-то и покупал у нас «лес и сало», за которые и к нам немало везли «по ботническим волнам». На свободном рынке, куда мы выходили, по одну сторону прилавка было множество западных буржуазных дельцов, а по другую наше феодальное государство, абсолютная власть которого определяла «путь».

То же самое, в сущности, произошло в советские времена. Россия после 1861, после 1905, после 1917 годов и впрямь могла стать во всех отношениях великой, но, в СССР уничтожили условия для свободы хозяйствования и положили все яйца в корзину военного производства, вот мы и рухнули под грузом волонтаристской военной ориентации хозяйства. Такое могло произойти только там, где государство монопольно распоряжается хозяйством, а двести миллионов - лишь лишенные выбора исполнители. Вопреки Кагарлицкому, отождествляющему наше государственное хозяйство с государственным регулированием хозяйства на Западе, их разделяет социальная пропасть: у нас государство само и владело всем, а на западе вынуждено было считаться и с миллионами владельцев частных производств и с десятками и даже сотнями миллионов там работающих.

Наше крушение – никак не достижение Запада, который его даже не предвидел, оторопел и стал воображать, что он победил в холодной войне. Но и у нас попытки его понять упорно игнорировали социальные процессы, происходившие после Октября, после коллективизации или перед перестройкой. По Кагарлицкому еще советская бюрократия «обуржуазивалась», но реально-то, - если не считать участие в «теневом хозяйстве», тогда бывшее все же скорее исключением, чем правилом, - росло лишь ее стремление удовлетворять личные потребности. Если по началу в буржуазности винили юношу, надевшего галстук, то теперь приобретали, отнюдь не воруя, а по льготам, даруемым казной, дачи и машины. Но в них ничего буржуазного нет, буржуазным бывает способ производства товаров, но не сами товары и уж тем паче не их потребление. Тут Кагарлицкий проговорился – он верит, что надлежит жить без мысли о потреблении, пайкой, хотя не только паразиты живут иначе.

Не ратуя за превращение своей пайки в паек, он ощущает нравственное преимущество перед советскими бюрократами. Беда только, что моральной чистоты, необходимой социальной жизни, ей все же недостаточно, что-то надо и потреблять. А Кагарлицкого больше волнует мораль, он сетует что после крушения наше «общественное мнение сделало поворот «направо кругом». Но вполне справедливо отмечая, что «все как бы выворачивается наизнанку: левые начинают называться правыми, а правые – левыми», он, к сожалению, не входит в выяснение того, где право, где лево, и когда этот выворот наизнанку на деле произошел.

А если не забывать, что эти обозначения возникли в начале XIX века в ходе борьбы между реставрированным, хоть и с уступками, феодализмом и крепнувшим капитализмом, надо бы признать, что Ленин, упразднивший слабый русский капитализм, был на деле еще правее цвря, не отдававшего капитализму власть, но его все же не запрещавшего. А Сталин, ликвидировавший индивидуальное крестьянское хозяйство, был еще правее Ленина. Оттого, что наш строй назвали «социализмом», он не перестал быть на деле воплощением феодальной реакции, новым государственным феодализмом. Но Хрущев и Косыгин, пытавшиеся ввести в волонтаристское хозяйство какие-то экономические регуляторы, хоть и

убого, меньше, чем, скажем, Сперанский в начале XIX века, сдвигались влево.

Только и продвинувшийся дальше их Горбачев коренного поворота влево не совершил, а Ельцин, объявив себя реформатором, отверг лишь давно омертвевшую идеологию. На деле у нас так и не ликвидирован государственный феодализм, а именуемые «буржуазными» свободы, в том числе свобода частной собственности и деятельности, установлены в основном на бумаге. Главное, мы не добились подлинных социальных гарантий! А поверженная Германия после разгрома национал-социализма поворот совершила.

Однако, Кагарлицкий с чистым сердцем твердит, что социализм «левее» капитализма, словно не знает, что реален лишь наш «реальный социализм», то есть внеэкономический государственный строй феодальной реакции, а западные движения за социальные гарантии трудящимся не сломали экономическое общество и защищали его либеральность не затем, чтобы успешней ломать. А Кагарлицкому либерал Явлинский ненавистней правого реакционера Зюганова. Обоим он противопоставляет мифологический социализм, ради которого большевики не только убивали других, а и сами шли на смерть. Но именно их святая волюнтаристская вера учредила в России государство, ставшее «бандитским» еще до великого террора и даже до коллективизации.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ВИНА

Сколько себя помню, слышу, что евреи распяли Христа. Еще не знал, кто был Христос, не знал даже, что такое «распяли», а что евреи распяли Христа, знал. И не то что несколько евреев совершило дурной поступок, о котором поныне говорят, - виновными сочли всех евреев, и живших спустя тысячу, и две тысячи лет, и меня тоже, хотя я твердо помню, что никого не распинал.

Так я и пребывал в недоумении, пока уже в юности знакомый немец, без всякой связи с Христом, однажды не сказал: «Русские сожгли протопопа Аввакума». Аввакум Петров был одним из величайших русских писателей, его я тогда уже читал, и даже запоминал наизусть куски прозы. Я сразу возразил: «Но ведь его сожгли не потому, что он не русский». А немец ответил, что именно поэтому. «Русскими» он считал православных, приверженцев государственной церкви, а Аввакум, хоть и сам был сперва, конечно, православный, но старообрядец. И только тут до меня дошло то, что я и раньше знал, - что Христос, которого распяли евреи, сам был еврей.

Разница лишь в том, что Аввакум стоял за старую русскую веру, а сожгли его сторонники новой, заведенной патриархом Никоном. А Христос, напротив, сам был сторонником новой еврейской веры, потом перенятой и другими народами, а недовольны им, как вольнодумцем, были сторонники старой. Правда, и они Христа не распяли, поскольку распинать могли только римляне, а у покоренных римлянами евреев права такого не было, да и казни такой они не практиковали. Но в обоих случаях молодая вера вытесняла старую. Вот молодая вера и ставит распятие Христа и в вину

всем евреям, хоть они и не распинали, а кто рискнет поставить сожжение Аввакума в вину всем русским, хоть его сожгли? Ведь никонианское православие правит поныне. Смерть Христа, носителя новой веры, нам вменяют как национальную вину, а гибель Аввакума, сторонника старой веры, как бы ничья вина, коль скоро никонианское православие восторжествовало.

Если что тут странно, так то, что понятие национальной вины расцвело у христиан. В начальном христианстве, как и в иудаизме, представление о вине неотделимо от личности и ее индивидуального поведения. Христос предсказывает апостолам, что все они соблазнятся, но и по Матфею, и по Марку и по Иоанну он четко говорит: «один из вас предаст меня», и хоть по Луке выразится отвлеченней: «рука предающего меня со мною за столом», там зато апостолы спорят, кто именно из них предаст. Всюду по дальнейшему рассказу донес все-таки только один из двенадцати, хоть остальные и проявили малодушие. Христианству люди в наибольшей мере обязаны чувством индивидуальной судьбы и персональной жизни, хотя бы как пути к личному спасению,

Но вопреки этому христианские церкви две тысячи лет говорят о национальной вине евреев. Католическая лишь в наши дни перестала распространять ее на ныне здравствующих, а православная так на том и стоит. В России широко продаются сочинения не так давно почившего митрополита Ленинградского Иоанна, злостного антисемита, не слабее советских и даже гитлеровских. Тут бы можно выяснять, в какой мере, вообще, христианские церкви на деле восходят к Христу, к Иисусу из Назарета, - видимо, все же лишь отчасти. Но, так или иначе, тысячелетняя проповедь коллективной национальной вины въелась в умы и стала преградой правовому сознанию.

Само понятие о праве и законе, вроде еще античное, утверждалось с трудом и поныне не вполне утвердилось даже в самых демократических обществах. Первый киевский митрополит местного происхождения Иларион в «Слове о законе и благодати» уверял, что не закон, - по нему живут евреи, а лишь прямое вмешательство бога, благодать, творит правду и справедливость, и жить надо не по закону, а по благодати. Так проведовали в XI веке, но и сегодня вера в благодать, в светском обиходе чаще именуемую харизмой, как показал Макс Вебер, выступает двигателем социальной жизни. Законы рушатся под грузом своих несоответствий ее переменам и скачкообразно обновляются по воле харизматических вождей и целых харизматических движений, уже не обязательно ссылающихся на высшую силу, но действующих, словно обладают божьей благодатью.

Подобные социальные преобразования не обходятся без коллективной вины. Ради неправых действий по установлению желанной праведной жизни носители благодати как раз и взывают к спасителям, - к сошедшему на землю богу, или к рабочему классу или к избранной арийской расе. Соответственно, выявляется и кто виноват, что лучшая жизнь все не наступает, и виноваты, оказывается, отнюдь не ее устроители. На взгляд верующих – виновны еретики, язычники, иноверцы,

особенно имевшие возможность уверовать в истинного бога, как некогда евреи во Христа, а уклонившиеся. На взгляд неверующих - виновны капиталисты, кулаки, эксплуататоры. На взгляд людей высшей расы – виновны другие расы. Марксизм сперва свел коллективные вины к социальным, что тоже было упрощением, но хоть выглядело наукообразно. Однако, «научность» рухнула, поскольку и в марксистском сознании социальные вины, как мы видели, перерастают в национальные. А расовые теории, тоже наукообразные, напрямую возрождали старые национальные вины, учась по их архивам.

При всех различиях «праведников» и их призывов, с завершением харизматического периода, «праведные движения» становятся схожими, отрекаясь, если не всегда на словах, то на деле, от своих основополагающих, казалось, принципов. Христиане начинали с того, что нет ни эллина, ни иудея, но все и во всем Христос, а пришли к митрополиту Иоанну и ему подобным, отнюдь не изгнанным из храма. Точно так же коммунисты начинали как интернационалисты, в партии Ленина доля угнетенных национальных меньшинств – и поляков, и латышей, и армян, и евреев была выше их доли среди населения империи и в первое советское правительство даже включили еврея – Л.Д.Бронштейна (Троцкого). Но через тридцать с небольшим лет партия стала оголтело антисемитской, убила Михоэлса и затеяла дело врачей, не входя в готовившееся за ним.

Однако западные антисемиты закрывают глаза на эту трансформацию. Находятся даже историки, утверждающие, что уничтожение европейского еврейства Гитлером было естественным и необходимым в борьбе с коммунистами, поскольку это, дескать, еврейское движение. За такие сочинения недавно в Германии вручили почтенную премию. Похожие суждения о евреях, как главных виновниках установления советской власти, легко обнаружить и в российской, и еще в советской фрондировавшей печати, в частности, у некоторых писателей и критиков «деревенской прозы». Им, как и неогитлеровцам, дела нет до реальных евреев. А то бы заметили, что, прежде всего, евреи – коммунисты не составляли большинства в партии и, главное, не составляли большинства российских евреев.

В то самое время, когда в деревне шла коллективизация, то есть на деле национализация, в которой активно участвовало немало евреев-коммунистов, шла такая же точно национализация в городе, и жертвами ее оказывались куда более многочисленные евреи, - предприниматели и торговцы. Советская власть загоняла их в «парилки», не избегая уже тогда открытого антисемитизма. В городе и в деревне шел единый процесс ликвидации НЭПа, и если нынче, вопреки известным фактам, из него хотят вывести «национальную вину евреев» перед русским крестьянством, восстановление справедливости вовсе не в том, чтобы признать аналогичную «вину русского народа» перед еврейскими жертвами ликвидации НЭПа. Признать надо, что ни той, ни другой национальной вины нет, но есть вины конкретных людей и политических движений, мешавших другим людям жить, есть вина тех, кто шовинистической проповедью все еще сбивает с толку старающихся понять, на чем Россия надорвалась.

Если виноваты евреи, значит, надо просто избавиться от евреев, а по существу ничего не менять, и убежденность в этом – среди причин того, что Ельцину позволили ничего не сделать для внедрения правовых отношений, без которых не могут успешно хозяйствовать ни евреи, ни антисемиты.

Российская власть все еще живет национальными винами. Когда депутат Думы рабочий Шандыбин в заседании заявлял, что за вину одного еврея должны отвечать все евреи, ни один из народных избранников, не говоря об обязанном это сделать председательствующем, не напомнил, что по такой логике и все русские должны бы отвечать, даже не за одного генерала Власова, а за целую власовскую армию, не говоря о прочем. Но ни один из депутатов не сказал, что такая логика нелепа и для русских, и для евреев, и для чеченцев, что вина - дело индивидуальное, и коллективной становится, лишь если преступление совершено сообща или по сговору.

В Катастрофе виновны не все немцы, жившие тогда, и тем более не последующие поколения, но новым поколениям немцев стоит помнить былое, и отрадно, что премия историку-гитлеровцу тут же вызвала протесты в ряде крупнейших немецких газет. Не все русские виновны в царской и советской колониальной политике, но русским стоит о ней помнить, и отрадно, что в в дни постыдного голосования за колониальную войну Сергей Ковалев и Анатолий Приставкин показали, что не все русские держатся за колонии. Нам, евреям, издавна гонимым и подвергающимся наветам, стоит помнить, что не только наша «национальная вина». но и национальная вина других – пропагандистская химера, немцы это, русские, чеченцы или арабы. Вина всегда на конкретных людях, и если даже виновных тысячи, - она у каждого отдельная и своя.

ЧТО ИЛИ КАК?

Не прошло и года как Владимир Путин фактически обрел высшую власть, и вот, наконец, он изложил свою программу. Сперва новый президент наглядно продемонстрировал средства, избранные для ее осуществления, и лишь теперь, в послании Федеральному собранию, обозначил принципы и цель. Подобно царям, генсекам и прямому предшественнику Б.Н.Ельцину, Путин, разумеется, хочет как лучше.

Под сомнением, однако, соотношение благих намерений и применяемых для их осуществления средств. Как известно, не только орден иезуитов, но и ВЧК, а за ним и КГБ, верили что ради высокой цели все средства хороши. Дурна в этом популярном суждении не одна аморальность. Моральные критерии политических средств, хоть и необходимы, но недостаточны. Вот ведь Маркс наперед сознавал, что «не может быть правой та цель, для которой нужны неправые средства», да только это прозрение никого из практических «марксистов» не схватило за руку, когда они пачками убивали людей для счастья человечества. Важно, к чему средства спасения ведут на практике.

Путин свое главное средство не прячет - это сильное государство, построенное по вертикали. Но есть туманность, predeterminedенная многозначностью самого понятия «государство». Государство – не просто территория, это еще и механизм политической власти, и она у нас всегда принадлежала помазаннику божьему, царю, или руководящей и направляющей КПСС. Но и такое государство не вполне едино, - правящий им чиновный аппарат не всегда соотнобразуется с правовой системой, совокупностью норм, записанных в законах и Конституции.

Демократическое государство, отвечающее воле если не всех, то хотя бы большинства своих жителей, начинается с открытого разделения властей. Одна – формирует право, издает законы, у нас это Государственная Дума и Совет Федерации. Другая - оберегает право, это суды, решающие гражданские тяжбы, карающие уголовные преступления, и защищают государство от злоупотреблений других властей, и прежде всего, третьей, исполнительной, на практике и служащей лицом государства. Путин хочет видеть сильным отнюдь не государство, а именно эту третью власть, ставя другие в зависимость от нее. Позиция традиционная. Цари и КПСС на законы тоже не очень оглядывались. Условная ельцинская демократия тоже задыхалась от непомерной власти президента. Но Путину уже и ельцинского всевластия мало. Вот его и манит вертикаль.

При ней, как жить и что делать каждому из нас, решает если не богоравный Сталин, то Политбюро. Оно «спускает» свои решения в аппарат ЦК. Оттуда - в обкомы. Оттуда - в райкомы. Оттуда - на предприятия и в учреждения. Нижестоящие выполняют указания вышестоящих. Новая вертикаль от всемогущего президента спускается к семи командующим округами, от них к легко смешаемым губернаторам, от них к легко смещаемой местной власти. Держа страну за общую массу, не различая в ней ни отдельного, ни особенного, вертикаль не нуждается в том, чтобы соотнобразовывать свои директивы с отдельным и особенным, с природой и обществом. Она приказывает.

Послание вспоминает о сокращении населения России, обходя его главную трагическую особенность. Так-то ведь демографические сдвиги при социальных переменах неизбежны, и Европа тоже пережила резкое сокращение рождаемости, но ни один из ее народов не погиб. Но у нас страшит не так само сокращение рождаемости, как двенадцатилетний разрыв в продолжительности жизни между женщинами и мужчинами, у которых она ниже пенсионного возраста. Такого в мирное время не происходит нигде, и причина тому - не оглядывающаяся на человеческие нормы жизни центрированная вертикаль. Советская власть сразу опрокинула семью, как институт, и непрерывно обособляла мужчин, устанавливая непомерные сроки службы в армии, отправляя их на разного рода спецработы, заполняя ими лагеря, посылая их в афганский и чеченские карательные походы. Более сильные, но более хрупкие существа, они этого напряжения не выдерживают и умирают первыми, как в ленинградской блокаде. Тревожь президента истребление российских мужчин, он вспомнил бы, что «с божией природой царям не совладать», и

полагался бы не на силу, а на разум. Но Путин закрыл Министерство по охране природы.

Пренебрегая объективной реальностью и в других сферах волевая вертикаль как раз и загнала нашу страну в тупик, и вынудила к перестройке, которая, не забудем, тоже спускалась по той же самой вертикали. Страна треснула отнюдь не потому, что в Политбюро, в ЦК, в обкомах и райкомах не было умных, способных, энергичных и даже лично честных людей, искренне хотевших как лучше. Но то-то и оно, что их дарования и энергия двигались по вертикали, не допуская оглядки на всамделишную жизнь. Вероятно, и Путин человек способный, энергичный, и я готов даже верить, что не вор, но он тоже не глядит на реальность.

Вертикаль - порождение волюнтаризма, верующего, что из Москвы все видно, и «нет таких крепостей», которые нельзя взять по ее приказу. А Россия менее всего способна плодотворно развиваться по директивам единого центра, - слишком уж она многообразна. Это ведь не просто национальное государство, как, скажем, Франция, тоже имевшая колонии, но в Африке или в Индо-Китае. Российская империя не знала четкой границы меж метрополией и колониями, и рухнула вместе с ними. Революция посулила преобразование «единой и неделимой» в союз, в федерацию, но СССР, подчиняясь вертикали, вскоре снова стал единым и неделимым. Наступивший в результате экономический кризис опять взорвал его в этом уязвимом месте.

Но и суверенная РСФСР осталась соединением разных народов, живущих не только в рассеянии, но и исторически сосредоточенными на своих землях, и это побуждает к федеративности не на словах, а на деле. Но в сознании и послании Путина представление о национальной разнородности нашей страны полностью вытеснено вертикальным стремлением к единству и неделимости, именуемым «целостностью». Нас возвращают к программе, высмеянной еще в XIX веке: «Друзья, ура, единство! Сплотим Святую Русь. Различий, как бесчинства, Народных я боюсь. Катков сказал, что дискать, Терпеть их – это грех. Их надо тискать, тискать В московский облик всех!». Вот и опять втискивают! А удержать наши разные национальные образования вместе, притом развивающимися, а не ставшими выжженной землей, как по воле Путина Чечня, можно лишь считаясь с их своеобразием.

Если автор послания не видит пагубности вертикали для отечества там, где она о себе кричит, неудивительно, что он обходит невозможность и регионам с этнически русским населением, жить по единой команде. Сибирь – тоже русская земля, но для нее губительны порядки, при которых может процветать Кубань, а та, в свою очередь, едва ли будет процветать, если не признать ее отличий от Смоленщины. Национальный автономизм лишь часть жизненно необходимой России федеративности. Она – краеугольный камень для российской демократии. Что говорить, Ельцин слишком часто ориентировался на политиканские соображения и игнорировал суть вещей, но в его плохой Конституции государственное устройство все же демократичнее, чем в брежневской, именно потому, что она продвинулась к федерализму. Но и в ней

преобладает исполнительная вертикаль, а не горизонтальное ступенчатое равновесие, тормозящее самоуправство губернаторов.

А власти и законы настоящей федерации держатся не вертикалью, а четким разделением на общефедеральные, субъектные и местные уровни. Конечно, центральная власть не только вправе, но и обязана пресекать через суд субъектные и местные уклонения от Федерального договора и Конституции. Но она не вправе посягать на субъектное и местное волеизъявление, законно формирующее тамошнюю власть и тамошние нормы в положенных рамках. Федеральный президент не вправе посягать на свержение избранной исполнительной и тем более законодательной субъектной и местной власти, которое возможно лишь в том же порядке, что и низложение самого президента.

Это, понятно, не значит, что нынешнее федеративное устройство хорошо. Страну разделили по старым сталинским наметкам на непомерное число субъектов, большинство которых неспособно себя прокормить, и уже поэтому неспособно к самостоятельности. Баланс власти не соблюденный меж президентом и федеральным собранием точно так же не соблюден меж губернатором и губернским собранием. Дв и Совету федерации надо бы состоять не из губернаторов, являющихся исполнительной властью, а из избираемых гражданами сенаторов, как по началу и было. Ни на федеральном, ни на субъектном уровне, Ельцин не дал представительной власти эффективно контролировать исполнительную. Да и сама ориентация на относительное большинство избирателей не дает представительным органам отразить реальную волю большинства населения. Все это нуждается в радикальных переменах, и можно бы только радоваться, займись ими новый президент. Но он не чинит ельцинский порядок, а возвращается к сталинской вертикали.

Несомненно, послание, особенно в экономической части, не лишено здравых соображений, но нет и попытки выяснить, способна ли вертикаль эти соображения ввести в практику или она-то и не даст им хода. Отрадно напоминание о необходимости свободы печати. Но подчеркнуто, что частное владение средствами массовой информации чуть не упраздняет их свободу, и ее должно обеспечить государство. А, как известно, свобода, ставшая монополией государства и его Министерства правды, тут же и прекращается. Растет же она с ростом числа независимых владельцев СМИ. Вот слова о необходимости свободы и выглядят лишь фиговым листком.

Отрадно признание, что «ключевая роль государства в экономике – это защита экономической свободы». Но сам же президент справедливо говорит, что и теневая экономика и коррупция порождены государством, «нечеткостью правил и неопределенностью неоправданных ограничений». Неужто же положение изменят бюрократические уточнения вертикали? Это под силу лишь повседневным открытым юридическим диспутам, судебным спорам разных властей и властей разных уровней. А президенту внутренняя полемика властей кажется «взаимоуничтожающей схваткой», хотя именно такие «схватки» оборачивают власть лицом к реальности и вынуждают считаться с ней и с людьми.

Агитируют за управляемую демократию, но это выражение – оксюморон, как «горячий лед» или «сухая вода». Демократия – это самоуправление народа. А если над самоуправлением воспарил управляющий, это уже самодержавие, тоталитаризм. Чтят ли при нем марксизм-ленинизм по Зюганову, национал-социализм по Баркашову, православие по Победоносцеву, ислам по Удугову или еще что-то – разница невелика.

С ОКРАИНЫ ГЛОБУСА

Могучие демонстрации в Сиетле в дни заседаний Всемирной Торговой Организации, сорвавшие, в конце концов, эти заседания, велят задуматься о глобальной общности людей. Снятие торговых барьеров меж развитыми и так называемыми развивающимися странами, понятно, дает преимущества развитым, наладившим дешевое производство, и разоряет другие. Тамошние жители, лишаящиеся работы и обреченные на нищету, естественно, возмущены. Но выйти из порочного круга невозможно, не признав, что не одни природные ценности - общие для человечества.

Автомобиль, равно как паровая машина или компьютер не принадлежит одной или некоторым национальным культурам. Уже этим предопределен обмен товарами. Но люди обмениваются не только товарами, и стоит приглядеться к обмену нетоварному, от которого и товарный зависит, - ну, хотя бы к тому, как строятся безденежные культурные взаимоотношения, отчасти моделирующие остальные. Древние греки, как известно, считали иные культуры варварскими, и не будем задним числом доказывать, что они порой ошибались, и, скажем, Библия под их определение не подойдет. Равно как многое другое, и более раннее и более позднее. Утверждение европейских национальных литератур и культур в противовес церковной латинской и борьба за культурное равноправие были важнейшими вехами истории человечества. Но, в культуре, и точно так же в социальной, и в экономической жизни, равноправие не означает равенства. Вроде бы это признано самим делением стран на развитые и развивающиеся. Но не так все просто.

Призыв защищать малолюдные культуры, которыми их носители живут, пусть это на душу населения встает дороже поддержания культур многолюдных, глубоко справедлив. Но с таким призывом на устах их носителям нередко преграждают параллельное глубокое овладение иными культурами и одновременную жизнь в них. А развитие стран и народов явно неравномерно, и чужими открытиями приходится овладевать. Но все еще спорят о правомерности культурной ассимиляции. Прежде бывали города, жители которых с детства говорили и читали на трех-четырех языках. Зато ныне порой уверяют, что, знакомя аборигенов затерянных в океане островов с европейским искусством, им мешают в полной мере ценить самобытную культуру предков и напрасно внушают, что Тициан и Рембрандт по части художества были посильней.

Защищая самобытность от «иностранины» у нас, бывало, снимали со стен музеев импрессионистов, с театральных сцен - Шекспира и Шиллера, и даже французское пирожное «наполеон» переименовывали в

«слоенное с кремом», а французскую булочку в булочку за 36 копеек. Наши марксисты-ленинцы и науку объявили национальной, твердя, что Россия – родина и паровоза и самолета. Тут же шли погромы «западной» науки, порой даже полезной на случай войны, как кибернетика. Русские марксисты боролись с комополитизмом, еще не переименованным в глобализм. В этой борьбе укреплялся российский национал-социализм.

Справедливость требует, впрочем, признать, что Сталин все же не вполне поддавался собственной пропаганде, и преследуя космополитизм, делал исключение для сотрудников КГБ, усердно и успешно занимавшихся заимствованием зарубежных научно-технических военных достижений, сам, таким образом, втайне действуя как космополит и глобалист. Выяснив, что создать ядерное оружие способна лишь современная физика, он, конечно, не пресек атаки физического факультета МГУ на космополита Эйнштейна и прочих, но все же не дал исключить новую физику из вузовских программ. Обычно в советской стране здравый смысл перед идеологией капитулировал, но в жизненно важных для режима областях власть сама порой пыталась, хоть далеко не всегда успешно, его сохранять.

Такой двойной счет присущ не одному Сталину. Развитые страны не только сотворили великую живопись и музыку, их обогатили не только Декарт и Кант, но и переиначили свое общественное устройство на пользу развитию. Стремление развивающихся стран догнать развитые не только в советской стране оборачивалось попытками получить аналогичные результаты без аналогичных условий. Так оно у нас пошло задолго до Сталина. Ведь наша страна была едва ли не первым образцом развивающейся страны. Достижения запада привлекали уже Ивана III, приглашавшего католиков-итальянцев строить в Кремле православные соборы. При нем еще можно было думать, что Россия возвращается в европейский дом, из которого нас вытащили Чингиз и Батый. А еще при Ярославе Мудром Русь не сильно отличалась от других европейских стран образом жизни и развитием. Не зря его дочери стали женами французского, норвежского и венгерского королей, и Анна даже какое-то время самостоятельно правила Францией как регентша при юном сыне. Двести пятьдесят лет монгольского владычества разорили и затормозили Русь. Евразийцы потом обращали это несчастье в добродетель. А несчастье состояло в том, что преемники Ивана III были не столько, подобно ему или, тем более, Ярославу Мудрому, европейскими правителями, сколько «московскими ханами». Иван Грозный, Борис Годунов и Петр Великий, тоже учась у запада и перенимая его достижения, ожесточали старый социальный порядок, что и поставило Россию в положение вечно догоняющей.

По принципу психологического замещения нашим вечным врагом и соперником выступает не хан-колонизатор, а ушедшие вперед западные страны. Князя Александра Невского, победно отражавшего недалеко метившие атаки шведов и тевтонского ордена, но распластавшегося ниц перед ханом, давно провозгласили святым. А героя Куликовской битвы – Дмитрия Донского причислили к лику святых только в наши дни. По сей

день держится в православии страх открытого состязания с католицизмом, хотя в католических странах проповедь православия не возбраняется. Но светские умы живо сознают достигаемое Европой, и Америкой, как ее продолжением, и еще не будучи провозглашенным, в нас живет призыв «Догнать и перегнать!»

Но есть и совсем другие примеры. Не только европейские эмигранты в Америке, но и древняя Индия, сбрасывая колониальную зависимость от Британии, заимствовали у бывших колонизаторов парламентскую систему, и их последующее развитие, при всех противоречиях и распрях, оказалось все же несопоставимо менее кровавым, нежели российское. А, казалось бы, уже история России делала ее куда более близкой западу, нежели Индию. Приехав в Россию француз Матисс обнаружил в старой русской иконе европейское искусство высочайшего ряда. Искусство Рублева существует в единой системе ценностей и с современными ему итальянцами, вроде Симоне Мартини, и с новейшим французом Матиссом. А общество и хозяйство после Рублева все больше отличались от западных.

Итак, искусство – свидетельство единства человечества. Еще верней это единство подтверждается развитием науки. Нет математики для китайцев, физики для негров, биологии для индусов или географии для шведов, науки обращены к объективной реальности, узнавать которую так или иначе, приходится всем. И здесь тоже сперва одни опережают в развитии других, но добытое все равно – общее достояние. Да и посеместные социальные перемены свидетельство потребности отнюдь не только европейцев и американцев в развитии, витриной которого стали Европа и Америка.

Противники глобализма твердят, что развивающиеся страны овладеют их достижениями по-своему, без чужого социального, научного, производственного и художественного опыта. Подобным шовинизмом, вопреки заветам отцов-основателей, щеголяют коммунисты, но не они одни. А практических примеров успеха на этом пути нет. Даже дорожащая самобытностью Япония переняла многие европейские социальные нормы. А русский опыт показывает, что если пренебрегать связью социального развития с экономическим, даже при непомерных затратах удаются лишь отдельные рывки, но не полное и полноценное развитие. Это доказано и нашими великими достижениями в искусствах и науке и, к сожалению, тем, что наше хозяйство и наша жизнь снова и снова сбиваются на прежние дороги и снова отстают.

В глобальное хозяйство мы вступаем лишь как владельцы сырья, производители оружия и носители дешевой рабочей силы, а ни одна из этих сфер не сулит в мирном глобальном соревновании таких успехов, какие бывали у нас в науке, литературе и искусстве. Отсюда и опасная нервозность российской власти, вполне сознающей, что с советскими привычками перед критериями экономического равноправия не устоять, и в то же время не способной позволить отечеству современное развитие. Не дико ли, что колхоз, приведший Россию с ее посевными площадями к закупкам хлеба за границей, все еще жив, разве что переименован?

Но не одна Россия утыкается в проблему выживания в новом общем мире, она лишь первая в очереди. Нищим африканским странам одним сырьем да дешевыми рабочими руками, тем более, трудно продержаться в общем хозяйстве. Их спасет не отрыв от глобуса, а новое социальное и экономическое сознание, не вовсе оторванное от Тициана и Рембрандта, Декарта и Канта. Развитые страны могут поддержать развивающиеся не свернув торговлю, как требовали толпы в Сиетле, а, напротив, по своему примеру помогая их обществам умножать реальные ценности для вклада в глобальное хозяйство. Наш опыт и тут поучителен: радуясь росту цен на нефть начальство свертывает еще и не устоявшиеся демократические институты, словно забыло, что их нехватка и обрекла страну на отставание.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ АБСОЛЮТИЗМ

Принято считать, и не попусту, что демократия - плод буржуазного развития. Об афинской демократии и, тем более, римской говорят как о нетипичных. А феодальный строй держат за противоположность демократии, и, опять же, не зря. Так диктует ход европейской истории. Во Франции до буржуазной демократии цвел феодальный абсолютизм, то же самое и в Англии, то же самое и в Нидерландах, пусть там абсолютизм не отечественный, а испанский, что, кстати, и придало еще первой буржуазной революции качества национально-освободительной войны. На феодальный мир мы глядим как французские санкюлоты, пренебрегая различиями его развития, в одних странах легко допуская буржуазные отношения, а в других – их долго пресекавшего.

Сходство Киевской Руси с государствами германцев, а Ивана Грозного с английским Генрихом VIII или французским Людовиком XI, заслоняет суть и итоги происходившего. А стоит взглянуться в совершившееся под покровом схожего. До поры сходство перевешивает. Феодальный строй всюду утверждается как любезная нынешнему начальству вертикаль, держащаяся, однако, не на прямых директивах верхов, а на взаимообязанной иерархии власти, включающей в себя и собственность, но, опять же, не в нынешней буржуазной полноте, а лишь частичную, оставляющую место нижестоящему феодалу, располагающему своей долей самостоятельности или, если угодно, суверенности. Так от верховного сеньера вассальная лестница спускается до простых рыцарей, тоже располагающих зависимыми от них крестьянами. Зависимыми, но отнюдь еще не крепостными. Крестьянская зависимость в Европе была не столько личной, сколько поземельной и судебной. До Грозного так было и на Руси, с тем, может быть, отличием, что концентрация знати при дворе князя у нас была плотней, знать больше кормилась от общего княжеского хозяйства, чем от собственных. Но перед князем она еще не раболепствовала, да он этого еще и не требовал, и не зря считалось, что в германских и славянских обществах, заведших феодальный строй, по началу царил «военная демократия».

То, что феодализм в сравнении с другими социальными преобразованиями первобытных племен, - с азиатским деспотизмом или греко-римским рабовладением, выглядит царством свободы простых людей, остается в пренебрежении. Конечно, и там свобода была весьма ограниченной, да и сопоставляют ее не с первобытностью, а с парламентаризмом и свободой печати. Но, так или иначе, феодальное общество своей рыхлостью открывало человеку – и рядовому, и знатному - известный простор личных инициатив. Самая наглядная из них – расселение на свободных от других земледельцев землях. Поземельные отношения и самый труд на земле не определялись тогда одним принуждением, конечно, обеспечивавшим повинности перед господином. Но жизнь зависимого крестьянина, в отличие от раба, составляли не одни повинности. Выполнив их, он, не всюду обязанный работать на господском поле, до поры мог на своей земле делать, что хотел. Тем более он был волен, отказавшись от земли с лежащими на ней повинностями, делать что-то иное. И, соответственно, вассалы тоже могли менять сеньеров.

Сквозь завершавший его абсолютизм феодальный порядок смотрится как деспотический, но на деле власть князя или короля до поры не всюду бывала жесткой, а порой, как в Англии, король под давлением высшей знати был вынужден признавать права подданных, и король Джон выдал Великую хартию вольностей. А его сына Генриха III бароны во главе с графом Лестерским Симоном де Монфором вынудили согласиться на создание парламента, в котором заседали не только они, но и представители рыцарей и горожан. Если у нас бояре числятся злодеями, а царь добрым, то здесь наоборот, бароны, защищая от королевского произвола себя, отчасти защищают и простых людей. В других странах королевская власть быстрее пресекала и ограничивала аналогичные усилия аристократии. Во Франции Генеральные Штаты не созывались полтора века, да и в Англии королям хотелось, а порой и удавалось, править без парламента. Но никуда не деться от того, что он все же ощутимо сказался на характере тамошней жизни.

Неприязнь к феодализму, которой дышали разные общественные течения - и просветители, и идеологи буржуазных империй и марксисты, побуждала забывать, что парламент – институт по происхождению феодальный, что уже в феодальном обществе, пусть не везде и не всюду, осознали, что без учета, пусть сперва не в равной мере, нужд людей и без достижения стабильных компромиссов меж разными социальными силами, общество трудней живет. Мы помним произвол феодальных властителей и забываем, что порой они смиряли произвол и искали согласия, и не только достигали его на время, но осознали необходимость в постоянно действующем государственном институте по поддержанию взаимности, каковым и стал парламент.

Неверно, однако, считать, что его возникновение, как мы привыкли думать обо всем на свете, было исторической неизбежностью, что ему не было альтернативы. То-то и оно, что была, и феодальный произвол отнюдь не всегда смирялся и искал согласия. Разные люди даже и в схожих обстоятельствах, - а они бывали и очень разными, - вели себя по-разному,

и потому схожие тенденции в одних случаях брали верх, а в других попирались. В конце XIV века и в Англии, уже располагавшей парламентом, феодалы усиливают натиск на крестьянство, известный как феодальная реакция, но крестьянство отвечает могучим восстанием Уота Тайлера, и феодалам приходится отказаться от дополнительного нажима. История феодализма, и западно-европейского, и российского, и восточного пронизана борьбой между компромиссом и насилием, между, так сказать, парламентским феодализмом и феодальной реакцией.

Строго говоря, само установление абсолютизма было в большой мере формой феодальной реакции даже там, где оно совершалось уже при наличии в обществе буржуазных слоев и даже прямой опоре монарха на них. Так или иначе, даже понимая, как Людовик XVI, необходимость реформ, он защищал привилегии феодалов. Феодальная реакция проявлялась возрождением и усугублением личной, а не только поземельной, зависимости крестьян от феодала, то есть крепостным правом. Оно тоже возникало по-разному и было в разной степени жестоким, но оно существовало и в Пруссии, и в Польше, а не только в России, хоть именно у нас дошло до прямой продажи единоплеменников и единоверцев.

Этому есть разные объяснения. Вряд ли случайно закрепощение русских крестьян началось одновременно с выходом за пределы объединившего к тому времени все русские земли национального государства и созданием империи Ивана Грозного, где насилие казалось ключом к успеху. А в битвах смутного времени бунтовавшему народу не удалось опрокинуть барское насилие не в последнюю очередь потому, что нависала угроза иноземного насилия. А потом просвещенная Екатерина II, при которой крепостное рабство было нормой, легко закрепостила и украинских крестьян, в свое время добровольно входивших в состав России, чтобы спастись от польского гнета. Таким образом, в одних царствах брал верх парламентаризм, в других феодальная реакция.

Буржуазные революции оттеснили феодальную реакцию, но в странах их не знавших, как наша, и буржуазное развитие шло под ее пятой. Любимое ею насилие казалось вернейшим путем к идеалу. Вот и Александр I после победы над Наполеоном отказался от реформ, нужду в которых смолоду создавал. Из веры в эффективность насилия выросло и контрнаступление феодальной реакции после убийства Александра II, и вся жалкая политика последнего царя, печально кончившаяся для него самого и его семьи. А не имея традиции феодального парламентаризма, не имея опыта общественных компромиссов, русская демократия, и свергнув царя, сама не устояла.

Более того, долго теснимая царизмом, она пала жертвой новых радикальных течений, столь же свято веровавших в эффективность насилия. Они мечтали о социализме, но их ментальность сложилась под пятой феодальной реакции и в противостоянии ей их идеал становился зеркальным подобием ее идеала. Понятно, что ратуя за победу социализма «в слабом звене», в неразвитых странах, Ленин повернулся спиной к Марксу, но мало кто видит, что, поступая так, Ленин мыслил как

реакционный феодал, и социализм, построенный под его знаменем, стал новой феодальной реакцией. Большевики смели зыбкую российскую демократию, уничтожили миллионы людей, виновных лишь в том, что жили при старом порядке, но быстро обнаружилось, что новый порядок очень похож на старый. Только теперь самодержавие партийного вождя звали властью советов, наново закрепощенное крестьянство - колхозным, а правящий слой - не открыто дворянством, но - втайне номенклатурой, поскольку учили, что такого слоя нет.

В древности восставшие рабы, даже и победив, не прекращали рабство, но строили новые рабовладельческие государства, в которых уже сами были господами. Вот и социализм при Сталине утвердился как вид феодальной реакции, новый феодализм, и Россия все еще живет при нем. Отстаивая в Чечне абсолютизацию насилия новая власть именует феодализмом попытки субъектов федерации отстаивать свои права, но молчит о собственной куда более реакционной абсолютистской феодальной природе, предпочитающей насилие компромиссу и самодержавие парламенту. Какой уж компромисс, когда президент России волен гнать избранных президентов и губернаторов субъектов федерации и разгонять их законодательные собрания!

КРОТ ИСТОРИИ

Недавно мне довелось повидаться со старым другом, и снова обсуждать, велики ли еще у отечества надежды на благоденствие и демократию. Я стал их терять, когда Борис Николаевич Ельцин слез с танка, на который смело забрался в августе 1991 года. Уже в ту пору мне казалось, что Ельцин исчерпал себя в роли демократического лидера, а «либерализация цен» и «приватизация», как их «обустроили», да к ним еще авторитарная конституция, независимо от авторов, влекут страну вспять.

Острее всего мы спорили в 1996. Мой друг голосовал за Ельцина, уверяя, что иначе неизбежна победа Зюганова и возрождение коммунистического режима. А я голосовал против обоих, поскольку избирательный закон обещал, что если против обоих будет больше голосов, чем за каждого, то назначаются новые выборы, в которых прежние кандидаты не вправе участвовать. Провал ложной альтернативы позволил бы стране выбрать президентом человека, который не был коммунистическим функционером. Как чехи выбрали Вацлава Гавела, а поляки Леха Валенсу. Это позволило им провести всамделишные реформы, и хоть не все у них и ныне хорошо, но сильно лучше, чем у нас. А победа Ельцина, естественно, привела к Путину и нынешним спорам.

Не то что мой друг готов простереться ниц перед властью, вопить, что «Путин – это наше всё» и уверять, что Путин – демократ, поскольку сотрудничал с бывшим питерским мэром А.А.Собчаком, ныне, увы, покойным. Тем не менее надежды, что можно с прежним руководством создать новое государство, увядшие было за последние ельцинские годы, в старом товарище вспыхнули опять. Он мне все указывал, что Путин обещает ввести в стране свободную экономику, а это и впрямь самое

главное, все остальное тогда приложится, и рано или поздно восторжествует не показная, а реальная демократия. И все поминал великого философа, некогда сказавшего: крот истории роет глубоко, а меня спрашивал: почему же ты не веришь, что Путин действительно хочет открыть дорогу свободной экономике?

А я, между тем, охотно верю, что он этого хочет, совершенно так же, как верю, что Владимир Ильич Ульянов, тоже пришедший к власти в 47 лет, искренне хотел принести свободную и счастливую жизнь всем труженикам земли и, во всяком случае, России. Моя неприязнь к Владимиру Ильичу вызвана, прежде всего, тем, что, при разгоне Учредительного Собрания, его гениальный ум ему не шепнул, что всего через пять лет он сам признает: «Я безмерно виноват перед рабочими России» и станет писать письма к партии, призывая пополнить ЦК сотней «сверхпроверенных» рабочих, забывая, что проверять их некому, кроме тех самых руководителей, от которых он хотел партию предостеречь.

Ленин успел увидеть, что средства, которыми он надеялся придти к цели, к ней, во всяком случае, не привели. Но его предсмертное отчаяние, запечатленное на последних фотографиях, страна оплатила слишком дорого. Когда силовая машина Лубянки была заведена, преемник смог ею пользоваться по своему усмотрению и физически уничтожить не то что десяток, а почти поголовно всех тех, кто разделял ленинскую веру в силовое установление лучшей жизни и сочувствовал разгону Учредительного Собрания. Победила сила, но не лучшая жизнь, и не важно, во что Сталин верил.

Я допускаю, что Путин верит в свободную экономику, но думаю, что это тоже не так важно. Не в том даже беда, что он пришел из КГБ. Это позволяло сказать: сограждане, я по опыту знаю, что эта организация преступна, и горько сожалею, что по молодости ею прельстился, но теперь мы будем строить жизнь иначе. А он, как известно, напротив, своего бывшего начальника Калугина, высказавшегося в таком роде, когда это было еще рискованно, объявляет предателем. У него на глазах сильное советское государство было не слишком эффективно, и в Афганистане, и в создании новой техники, и в уровне жизни людей, но на это он закрывает глаза. Он говорит о сильном государстве, веря, что сила даст желаемый эффект. А если советские годы чему-то учили, так тому, что не все осуществимо силой. Эффекта, которого ждали Ленин, Троцкий, Бухарин и другие силовики-идеалисты, она не дала. Но, зная все это, Путин ставит телегу силы впереди экономики. Или все же, в отличие от Ленина, но подобно Сталину, он в свои цели нас не посвящает, и первым делом занимает его не свободная экономика?

Буквально на днях он заявил: «Фактор военной силы является важнейшим для сохранения стабильности в России, обеспечения ее целостности и суверенитета». Бесспорные истины смешиваются с сомнительными суждениями. Для сохранения независимости нашей родины, ее суверенитета, военная сила и впрямь жизненно необходима, и можно бы только радоваться, если новый президент приведет армию в соответствие с реальными внешними угрозами, улучшит ее техническую

оснащенность, увеличит материальное обеспечение солдат и офицеров, резко подняв их оплату, сократит численность и сроки службы, и, станет ли армия наемной или будет по-прежнему формироваться по призыву, установит, что солдат срочной службы ни при каких обстоятельствах нельзя посылать стрелять в сограждан.

Уже для сохранения целостности военная сила хороша, лишь когда на эту целостность посягает внешний враг. Сама возможность удерживать те или иные части страны, желающие из нее выйти, военной силой, меняет статус государства, превращая его в колониальную империю. Понятно, в том, что Санкт-Петербург отделится, - а есть уже партия, за это ратующая, - ничего для России, да и для города, хорошего нет. Я – убежденный противник такого отделения, и заявлял это публично. Но еще меньше я хочу, чтобы на мой город бросали ракеты и вакуумные бомбы. Тут надеяться надо не на военную силу, а на политику, признающую особые интересы разных регионов, находящую и создающую мирные стимулы к согласию.

И уж совсем удивительно заявление, что военная сила – важнейшее средство поддержания в стране стабильности. Оно явно предполагает использование армии против населения, пусть и не отделяющегося, но так или иначе, даже мирно, выступающего против тех или иных действий власти. Это и зовется военной диктатурой. Не менее Путина желая иметь надежную военную силу для защиты нашей независимости, но сознавая ее ограниченные возможности в других направлениях, понимаешь, что вышеприведенный призыв президента, в который он тоже, видимо, верит, не укрепляет стабильность и целостность страны. Еще меньше возможности силы и сильного государства в экономике.

Стоит помнить, что по-началу буржуазия нуждалась в государстве лишь как в «ночном стороже». Сегодня этим не обойтись, за государством важные финансовые и социальные проблемы, да и суд, без которого экономическая свобода перерастает в криминальную, важнейшая, но независимая от исполнительной власти, ветвь государства. Конечно, не только у нас государство выступает в качестве регулятора экономики. Но его регулирование дает эффект пока не уничтожена экономическая стихия, которую оно взялось регулировать. Когда же государство само ведет хозяйство или обращает каждое частное хозяйство в исполнителя своих директив, подменяя собой стихию свободной экономики, оно неизбежно приходит к обратному результату. Не зря государственные предприятия, как правило убыточны. Советская власть на том и погорела, что была всевластна и покончила со стихией, как таковой, вот ей и остался хаос ее аппарата, никакому продуктивному регулированию не поддающегося. А законодательная ветвь государства должна создать правовые условия, в которых свободная экономика возможна, тогда исполнительная будет не командовать хозяйством, а исполнять предписания закона и судебные решения, а судебная – в каждом конкретном спорном случае определять соответствует ли закону поведение граждан и, не в меньшей мере, самой исполнительной власти.

На государство в развитии хозяйства нельзя полагаться вовсе не потому, что всякий чиновник – непременно вор и взяточник, а потому, что и кристально честный чиновник не может знать наперед, какое конкретно предприятие будет работать успешней, - это выясняется только на практике, в конкурентной борьбе. Ленин, покуда сам не превратил страну в супермонополию, понимал какой ущерб хозяйству чинит монополизация. Всесильный чиновник, назначенный генерал-губернатор, право увольнять избранных губернаторов и разгонять законодательные собрания, крепят государственную, и, при наших порядках, одновременно и хозяйственную монополию центра, сковывающую свободную экономику по своей природе, а не потому, что Путин нарочно обманывает. Я не священнослужитель, и мне важно не то, во что президент верит, а то, что он делает.

И великий немец, сказавший про крота истории, и до него просветители, и задолго до них христианские вероучители, уверяли, что путь человечества – это путь к спасению, пусть они все это спасение понимали по-разному, Отсюда и выросла теория общественного прогресса, все еще имеющая большой успех в изложении Маркса, но не подтвержденная жизнью. Реальный прогресс имеет место лишь в науке и технике, да и там нередко деформируется сторонними интересами. Само собой, технический прогресс сказывается на жизни общества и общественном развитии, но не адекватно и не параллельно. Технику и производство можно перенять в более развитых странах и до поры укреплять режимы менее прогрессивные. Такое случалось не раз, но мы не всегда и не сразу понимаем, куда роет крот истории, и, как мой старый друг, верим, что он ведет нас вперед, к лучшему. А он роет и в других направлениях.

ОПЫТ НЕРАВЕНСТВА

Со времени Французской революции, если не раньше, считается, что люди рождаются равными, и неравенство, в котором они пребывают, противоречит их исходному равенству, как бы нарушает законы природы. От этого, так или иначе, идут идеи социального уравниательства, и борьбу за равные права подменяют борьбой за равный достаток, за одинаковую лагерную пайку. На деле, однако, люди рождаются как раз неравными, и не так по достатку и титулам, как по природным качествам, и стоя у колыбели новорожденного мы не знаем и не можем наперед узнать, на что его, так сказать, сподобил господь. Мало того, что природные дарования людей не тождественны и не равны, - их разнообразие никак не предопределено ни расовыми, ни национальными, ни классовыми, ни религиозными, ни другими различиями в происхождении. Чтобы в полной мере выявить свои природные дарования все люди должны иметь равные права, по крайней мере, в пределах своей страны.

До поры выявление природных качеств занимало лишь самих людей да их близких. Ныне, когда от работника требуется все больше умений и навыков, и все большее место принадлежит умственному труду, квалифицированных людей не хватает, и необходимо выявлять все

имеющиеся дарования, в этом залог развития общества. Но выявить природные дарования мешает другое неравенство - социальное и материальное. Причины этого неравенства многообразны – тут и различие стран по природным условиям и наличию полезных ископаемых, и уровень культурного развития, который застаёт новорожденный, и общественный порядок, и правовое устройство, и степень экономической свободы и научно-технического прогресса, и само общественное осознание нужды в одаренных людях. Уравнительной дележкой такое неравенство не преодолеть.

Понятия о правах человека родились не просто из гуманных соображений, их защита - знак осознания неведомой ценности отдельного человека и нужды общества в ней. Сознание это приходит не сразу. Незабвенный царский министр просвещения Делянов, тот самый, который ввел процентную норму для евреев, тогда же ограничил обучение «кухаркиных детей». Царская власть верила, что обойдется без Ломоносовых, которые могли быть среди этих детей. Коммунисты, при всех декларируемых отличиях от царских сатрапов, мыслили точно так же и, даже временно используя «спецов», надеялись обойтись без помещичьих, купеческих и кулацких детей, а потом стали сортировать поступавших в ВУЗы по этнической принадлежности.

Ссылка выдающегося физика Андрея Сахарова в Горький справедливо рассматривается как грубое беззаконие и расправа с виднейшим правозащитником. Но прежде у нас еще и покруче расправлялись с выдающимися учеными, к тому же отнюдь не говорившими власти публично о ее преступлениях, и на фоне умерщвления, скажем, Николая Вавилова, расправа с Сахаровым, при всей ее жестокости, выглядит более осторожной. Конечно, можно себе лгать, что его защитило влияние запада. Но западные правительства, как правило отлично проглатывают бесчинства нашего и только еще больше хотят с ним дружить.

Генсеки и Политбюро, конечно, понимали, что Андрей Сахаров, всерьез говоря, - величайший патриот, сделавший для защиты родины от внешней опасности больше, чем весь ЦК КПСС и все советские генералы и маршалы вместе. Но их сдерживало не чувство благодарности, Вавилов тоже сделал для страны немало. Видимо, до советских начальников дошло, что с Сахаровым, при всех его нежелательных речах, страна утратит невозполнимые потенциальные возможности его постигавшей физику головы. Сознание руководящих коммунистов еще не вполне прояснилось, даже Горбачев еще допускал глумление над Сахаровым на Съезде Народных депутатов, но ощущение опасности перехода необратимой для обороноспособности СССР грани было и у Брежнева с Андроповым. Пусть еще как исключение и к исключительному человеку, но ощущение ценности человека не по тому, что он – академик и трижды герой, - цену значкам начальники отлично знали, поскольку сами их давали, - а потому, что он Андрей Сахаров, уникальный сплав природного дарования, семейного воспитания и обучения в хорошей научной школе. Осталось лишь сообразить, что среди полутора миллиона россиян может найтись

еще две-три, а то и полдюжины таких драгоценных голов, и сотни, и десятки тысяч, и миллионы, не столь, быть может, грандиозных, но тоже надобных отечеству.

В СССР их выявление помимо политики сдерживалось культурным неравенством. Московские и ленинградские школы, тоже не все равноценные, давали все же лучшее образование и культурную ориентацию, чем провинциальные и особенно сельские, хоть не приходится думать, что деревенские дети менее одаренны, чем городские. Сказывалось и то, что образование, даже и в школах, велось преимущественно по-русски, а половину населения СССР составляли нерусские, хоть и знавшие русский язык, но не все достаточно свободно. Руководство страны, от большого ума мечтавшее, к тому же, ликвидировать потомственность интеллигенции, это понимало, и в ВУЗах сложилась негласная система поощрительной снисходительности к тем, кто не мог учиться наравне с выпускниками лучших московских и питерских школ. Снисходительность считалась помощью, но вела лишь к снижению квалификации выпускников. Со временем выяснялось, что высокой квалификации достигали те деревенские дети и выходцы из национальных республик, которые обходились без снисхождений и на свой страх и риск вступали в состязание с более удачливыми сверстниками, а при незаурядном даровании или упорстве их побеждали. Казалось бы, уже это расслоение говорило, что неравенство легче одолеть не снисходительностью к необученности, а упорством в учении и обучении, скажем, созданием деревенских школ более высокого уровня, с более высокой, чем в городе зарплатой для лучших учителей. Но на это не шли даже ненавистники потомственной интеллигенции.

Особенно остры оказались неравенство и расслоение в национальных республиках, ощутивших в результате распада СССР и порой бегства «русскоязычных» недостаток квалифицированных специалистов. Сказалось то, что прежняя подготовка «национальных кадров» нацеливалась на создание опоры для союзной власти, и люди учившиеся в снисходительном режиме, ощущая свое несовершенство, больше зависели от своего послушания. Сверх того, подготовка тех, а не иных специалистов определялась не нуждами национального хозяйства, а решениями союзного центра. Не подлежит сомнению, что при советской власти колонии, поименованные национальными республиками, развивались, но волюнтаристски деформируясь, поскольку их развитие в очень малой мере отвечало интересам жителей. На их примере видна связь неравенства людей и неравенства народов. Преодолению неравенства людей в бывшем СССР и во всем мире могло бы послужить право наций на самоопределение. Важно, однако, как они этим правом воспользуются, не станут ли ущемлять еще меньшие меньшинства или, при недемократическом режиме, ограничат в правах и самоопределившееся большинство.

СССР дал пример «малой глобализации» при недемократическом режиме, и его опыт поучителен при переходе мира к всеобщей. Он показал, что подобный режим, а они возникнут не только под знаменем

марксизма-ленинизма, не служит ни подлинному развитию, ни благоденствию населения. Не ведет к ним и другой соблазн развивающихся стран – надежда на благополучие за счет подаяния развитых стран. Оно обогащает лишь авторитарную элиту. К тому же, для граждан развитых стран, отказывающих себе, скажем, в многодетности, требование содержать многодетные семьи в развивающихся странах, не очень убедительно. Да и куда идет гуманитарная помощь российский опыт тоже показал.

Между тем, вхождение развивающихся стран в глобальное хозяйство не только неотвратимо, но и необходимо им самим, чтобы не погибнуть, при отказе от достижений цивилизации. Но, чтобы ими овладеть, никто покамест не проложил иного пути, чем тот, который прошли западные страны, одолевая, пусть еще и не вполне одолев, неравенство, и, прежде всего, в доступе к образованию.

Ныне национальная независимость, демократическая государственность и права человека стали основными факторами развития. Но отвергая ленинские утопические схемы, по которым диктатура партии, вопреки очевидности, равнозначна благоденствию граждан, теперь пропагандируют другие утопии, в которых между хозяйством и устройством государства связи видеть не хотят, веря, что желающий того диктатор всюду – от Китая до Чили, наладит процветание на неопределенный срок. Но диктаторов в развивающихся странах полным полно, а процветания куда меньше.

Без развитых стран расцвет не придет, но важно понимать, где их помощь впрямь помогает, а где вредит. При вопиющем неравенстве возможности людей и народов к самореализации, для освоения глобальных ценностей жизни важнее всего, повышать эту возможность. Ради этого от помощи государствам, да еще с деспотическими режимами, надо переходить к прямой помощи людям. А то ведь деспотическое государство и зарубежную помощь, как и свои природные богатства, - тратит не на просвещение, а на оружие и роскошь для начальства. В XXI веке развивающиеся страны делятся на диктаторские и демократические, и от того, как встретит это запад, с кем подружится и кому поможет, зависит судьба мира. Увы, в XX веке не так Россия, как запад, был крепок задним умом.

ПРИВАТИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Частное и государственное – привычные антиподы. Владельцы дорожат даже немногим, понимая, что если отберут огородный участок, можно и с голоду умереть. Но в России люди бедны, а социальные перемены идут так, что большинство еще и беднеет и по-прежнему ждет подачек от государства, которое доводит до нищеты. Поэтому не одни государственные люди у нас государственники. Старая песня: «Жила бы страна родная, и нету других забот», весьма популярна, хоть не дает ответа, на что все-таки людям жить.

Песню сочинил не Путин, не Ельцин, не Брежнев, не Сталин, у нашей страны испокон был хозяин. Государь император Николай

Александрович на вопрос переписи, кто он есть, не таился: «хозяин земли русской». Считал государство своей собственностью. За рубежом тоже не всегда было лучше. Французский король объяснял попросту: «Государство – это я». Люди давно подметили, что государство, ставшее собственностью одного или немногих, – это чудище, сверхзверь. Это понял еще Гоббс, считавший его, однако, необходимым для защиты от людского зверства.

Да и как обойтись без государства? Людей даже в малой стране много и без механизма, как-то регулирующего их поведение и отношения, обществу не выжить. Беда в том, что этот механизм не только короли, но порой и мелкие чиновники присваивают, используя в личных или групповых интересах. Нормы государства формулирует обычно конституция, основной закон, где оговорено, что государство – дело общее. Конституции возникают в республиках или при готовности монархии им отчасти уподобиться. И само слово «республика» означает «общее дело». Им владеют все. Над былыми претензиями русского царя или французского короля уже было смеялись. А напрасно. Им сыскалась замена.

Люди, занимающие в современных государствах важнейшие посты не всегда руководствуются конституциями, но в демократических странах нарушения, даже сперва не заметные, все же выходят наружу и вызывают скандалы, вроде Уотергейтского, когда президенту США Никсону, нарушившему нормы предвыборной борьбы, пришлось оставить свой пост. Но нередко нарушения конституции – не исключение, а правило. Конституция порой совсем недурна, как Сталинская в СССР, но провозглашенные там нормы не соблюдались, а рисковавших требовать их соблюдения, отправляли в тюрьму как уголовных преступников. Это звали диктатурой пролетариата, а потом диктатурой всего народа.

Словом, государственность не однозначна, и определяется тем, соблюдает ли само государство свои законы. Становится ли оно, хотя бы отчасти, механизмом социального компромисса или только орудием по угнетению одного класса другим. Государственным людям везде дают особые права, но не везде обременяют особой ответственностью. Новый министр экономики Герман Греф сетует на низкие оклады своих чиновников, намекая, что из-за этого они ищут дополнительные заработки, в том числе и не всегда законные. Министр, конечно, прав, человека, принимающего важные государственные решения, надо освободить от личных материальных тягот, и зарплата в 1000 долларов в месяц для заместителя министра не чрезмерна. Но, сопоставляя ее с куда меньшими доходами крупных ученых, Греф и слова не сказал о том, что большой оклад чиновника сопряжен с большей его ответственностью.

Даже не вспомнил, что ответственность чиновников у нас меньше ответственности рядовых граждан. За абсурды и просчеты приватизации ответственность ныне возлагают на так называемых «олигархов», которым государственное имущество досталось за бесценок. Прокуратура норовит конфисковать это имущество, утверждая, что его получили не вполне законно, по заниженной цене. Я верю, что так оно и есть. Но разве за незаконную передачу госимущества или продажу его по заниженной цене главную ответственность не несут именно

государственные лица, начиная с президента и премьера, разве ответственность тех, кто его приобретал на предложенных государством началах не меньше? Но о государственных лицах, проводивших такую приватизацию, прокуратура молчит. А новый президент именует это диктатурой закона, демонстрируя, что и на его взгляд закон ограничивает лишь граждан, но не власть имущих. Закон у нас не писан не только дуракам, но и сметливым чиновникам

То же самое и в «борьбе с коррупцией». Клянут взяточдателей, а государственных деятелей извиняют тем, что их зарплата мала. Вот борьба с коррупцией и не задевает взяточников. А было бы только естественно, если бы государственные служащие за преступления против государства карались суровой, чем рядовые частные лица. Государственную службу, вообще, надо бы считать отягощающим преступлением обстоятельством. Если Греф хочет ввести смертную казнь за неуплату налогов, то для государственных взяточников или раздатчиков госимущества по заниженным ценам он мог бы предусмотреть пожизненное заключение. Но министр ни о чем подобном не заикается.

Проведенная Ельциным с подачи Чубайса приватизация была бы оправдана лишь после установления в стране реальной экономической свободы, но, быть может, еще печальней, что приватизировались не только предприятия или телеканалы. Фактически была как бы легализована приватизация государственных функций, подпольно шедшая уже при коммунистическом правлении. Тогда ее практиковали не только некогда опозоренные, а ныне забытые, секретари обкомов Ларионов или Медунов, но и многие их более осмотрительные и ловкие коллеги. Сам размах теневой экономики, при отсутствии частной собственности, говорит, что и раньше государственной собственностью пользовались как приватной, частной, и государственные чиновники управляя ею, умножали не одни казенные доходы.

Приватизация Ельцина-Чубайса леглизовала и расширила такие возможности в надежде на большие выгоды правящему классу, державшему «олигархов», взявшихся за управление, на коротком поводе полузаконности их действий. На деле такая приватизация отнюдь не переводила от государственного хозяйствования к частному и к свободному рынку. Она лишь еще резче дифференцировала общество, резко повысив доходы правящего слоя и его «приватных» пособников за счет основной массы населения. Внутри правящего слоя, среди так называемых «элит», блага стали распределять уже не по единой, спускаемой сверху, пайково-конвертной коллективной системе, а более индивидуализировано, сообразно не с местом в партийной иерархии, а с приватными услугами приватизировавшему государство начальству.

Обделенная и обиженная часть номенклатуры уже при Примакове пыталась вернуть распределение к прежним образцам, и это вело Примакова к конфликтам с «олигархами». Новый президент, тоже пытаясь сплотить правящий класс централизацией по старому образцу, если не сломал, то подорвал веру в ельцинский «рынок». Однако, централизованная административная система, после кризиса, приведшего

к перестройке, никаких дополнительных ресурсов для разрешения экономических и социальных проблем, кроме роста мировых цен на нефть, не обрела, и за год пребывания Путина премьером и президентом никаких реальных шагов к экономическому развитию не сделала.

Вот процесс приватизации государства и возвращается на советский или царский путь, к отказу от представительной системы и передаче государственных функций прямым назначенцам президента, без выборов или под угрозой отстранения избранных. Не так важно, в какой мере избиратели впрямь надеялись, что новый президент улучшит их жизнь, а в какой к его победе на выборах привела успешная работа мастеров избирательных кампаний. Куда важнее, что государство для Путина не совокупность независимых взаимодействующих и взаимоконтролирующих институтов, но административно-командная система, спускающая власть сверху. Не случайно его утверждение, что прокуратура независима и ее действия не могут быть оспорены, и даже критиковать их в печати не подобает.

Но даже по конституции, и Сталинской, и Брежневской и Ельцинской, прокуратура все же ответственна не только перед конституционным судом, но и перед судами обычного права. А, как видно по опротестованию дела Никитина, теперь она открыто пренебрегает решениями не только городского, но и Верховного суда, и не признает его оправдательный приговор на том основании, что в ходе процесса права обвиняемого нарушались, - прежде всего, самой же прокуратурой, - а суд, вопреки этому, обвиняемого оправдал. Гипертрофия прокуратуры, в сущности, тоже - форма приватизации власти. Без прокуратуры, как и без государства, конечно, не обойтись, но уже сплетение в ней обвинения и надзора за законностью ведет к ее бесконтрольности, что тоже подмога групповым и приватным интересам.

Новый президент опять перекраивает государственную структуру, наращивая личную власть, а тем самым и приватную власть своих назначенцев и порученцев. Эту наново приватизируемую власть еще усерднее отождествляют с государственностью, а критику властей с антигосударственной деятельностью. Но критикуется-то как раз безответственность государственных функционеров, их тяготение к приватизации власти. У нас не государственные лица, а их критики, защищают государство, где граждане жили бы не милостями «добротного царя», а их представители не затевали сговоры в шкурных интересах и не угождали царю, а согласовывали и сбалансировали отдельные, особенные и общие нужды граждан, зачем и надобно государство.

ОСКОМИНА ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

О холодной войне говорят как о тридцатилетней и даже столетней. Не потому, что и она длилась полвека, а потому, что поспешно оттеснена в давнюю историю. Кто с кем воевал и за что, толком не помнят. Договорились до того, что в холодной войне равно виноваты обе стороны. О войне с Гитлером такого, слава богу, еще не говорят, хоть и Англия, и

Франция, и СССР не безгрешны. Та война была горячей, и пока убитых и замученных помнят, помнят, что войну затеял Гитлер. А что холодную затеял Сталин, боятся вспоминать.

Антигитлеровскую коалицию разломила общая победа. Очень уж в разных позициях пребывали союзники. Англия, выстоявшая один на один. Америка, освободившая Западную Европу. СССР завоевавший Восточную Европу. Американцы шли в будущее со златом, они предложили Европе и даже СССР помощь по плану Маршалла. Сталин помощь отверг, поскольку шел в будущее с булатом, сохранял могучую армию. Прими он помощь, пришлось бы допустить ее и в Польшу, и в Венгрию и в другие завоеванные страны, а это подорвало бы там советское господство. «Все купить» злато может и без войны, даже холодной. Но булату, чтобы «все взять», без войны не обойтись. Вот Сталин и опустил железный занавес, и повел борьбу с иностранщиной и низкопоклонством перед Шекспирами, Рембрандтами и Моцартами. Дело, казалось, понятное, - броня крепка, и танки наши быстры.

Совсем, однако, не вспоминают, что диспозиция холодной войны, предопределилась еще до горячей, в пору нашего союза с Гитлером, который по хорошему тону ныне и вовсе замалчивают, в лучшем случае сводят к тактическому маневру. Между тем, статьи в советской печати тех двух лет обнажили глубокое родство отечественного социализма и немецкого национал-социализма. Для того и другого общим врагом была «плутократия», как они именовали либеральную демократию. Зарубежные коммунисты, в частности американские, после советско-германского пакта свернули обличение нацизма. Гитлеровский министр Риббентроп признавался, что в Кремле чувствовал себя среди товарищей. А ныне велят не сопоставлять два режима, и для пущей убедительности старую «Правду» не читать.

Сходство режимов идет еще от давнего, прошловекового, раскола левого движения на демократическую и деспотическую ветви, борьба меж которыми и заполнила XX век. Первая боролась за торжество права в буржуазном обществе, за то, чтобы на всеобщем рынке, где богатели монополии, продающие нефть и сталь, отстаять права тех, кто продает свою рабочую силу, свои умения и ум. Вторая ломала самый рынок, заменяла продажу принуждением, и созданием всеобщего монопольного синдиката по крепостническим образцам, уже тогда равняясь на крайне правый деспотизм. Еще Петр Ткачев осуждая жестокости царей из-за их дурных целей, утверждал, что для благородной революционной цели такие жестокости еще как пригодятся.

Различие между «левым» и правым деспотизмом свелось к словам о разных целях. Споры сталинского и гитлеровского социализмов по началу именовали борьбой левых и правых, тем более, что субсидии Круппа нацистам были известны, а субсидии Саввы Морозова большевикам забыты. Правые, консервативные силы западного общества в XX веке пребывали в растерянности и во внешней политике искали союза то с Гитлером, то со Сталиным. А во внутренней то поощряли своих

гитлеровцев, то осознавали нужду в компромиссе с демократической левой, в ходе которого консерваторы нередко становились либералами.

Трансформация деспотических «левых», продленная Сталиным до открытого идейного сближения с Гитлером, обнажила недостаточность старых ярлыков. Союз диктаторов был недолог, но их рассорили не идейные разногласия, а различие конкретных интересов. Более авантюристичный и отчаянный Гитлер начал горячую войну, за что и поплатился. Но после его разгрома Сталин не менее решительно, хоть более осторожно, начал войну холодную. И самым глубоким его идейным противником стал не консерватор Черчилль, после речи в Фултоне объявленный поджигателем войны по второму разу, как некогда за призывы противостоять Гитлеру, но демократический левый британец Джордж Оруэлл.

Советские «левые» блокировали Берлин, давили танками Будапешт и Прагу, ставили ракеты на Кубе. За вычетом уникального случая, когда Кеннеди вынудил эти ракеты убрать, западные консерваторы лишь иногда и не слишком удачно сдерживали атаки советских вассалов, а потом и вовсе удовольствовались переименованием «холодной войны» в «разрядку», под прикрытием которой СССР наращивал производство зарядов, а берлинская стена продолжала стоять. В целом запад холодную войну проиграл, но западные демократические левые, антикоммунисты и антифашисты, выявив природу Большого брата, победили в ней идейно.

К середине восьмидесятых необъятное производство оружия обострило кризис в СССР, он привел к «перестройке» и остановил холодную войну. Проигравшие ее западные политики вообразили это своей победой. Но их эйфория была беспочвенна. Травма по ходу тренировок у одного из боксеров, вынуждающая отложить состязание, - не резон засчитывать другому победу. То есть, засчитать-то можно, но чваниться ею не стоит. Тем более, что, лишившись многолетнего противника, консервативный запад тут же отрекся от идейной победы западной демократической левой. Возобладала так называемая «реальная политика», присущий буржуазному мышлению примат сиюминутных сделок перед стойкими интересами.

Ленин давно объяснил, что буржуи продадут нам веревку, на которой мы их повесим. Но и мудрый Ленин не догадывался, что эту веревку дадут в долг, а долг сперва отстрочат, а там и спишут. Оставим западу оценивать дальновидность своих нынешних Чемберленов, твердящих: Россия нам сегодня не грозит. Не станем напоминать угрозы, которыми и Ельцин в конце правления, и Путин не брезговали. В долгосрочной перспективе важны не так заявления политиков, как социальное устройство страны, побуждающее угрожать и даже открыто создавать сильное и недемократическое государство, твердя, что оно никому не грозит. Петр Великий был хотя бы искренен, и, по слову поэта, открыто объявлял: «Отсель грозит мы будем шведу»

О победе и даже просто о реальном окончании холодной войны можно бы говорить, если бы в России реально изменились социальные

отношения, и в противовес деспотической «левой» верх взяла демократическая левая, а не просто, как у нас, часть деспотической «левой» объявила себя «правой». Конечно, главная ответственность за то, что перемены не были коренными, лежит на тех из нас, кто доверял вчерашним начальникам, обещавшим вести дела по новому, и не проверял их. Но не малая доля и на западных лидерах, Биллах и Гельмутах, напроць забывших, что наша бедность больше плод, чем причина антидемократической системы хозяйства, и с ней не совладать простым вбрасыванием денег, без коренного изменения общества.

Надежда русского европеизма усвоить политические принципы, приведшие запад к экономическим успехам, - а это и государство, представляющее волю большинства, и разделение властей, и социальные гарантии, и уважение к правам человека, в том числе к праву наций на самоопределение, и реальный федерализм, и т.п.,- свелась к расчету на то, что «запад нам поможет». Он и давал нашим властям, тратившим получаемое неведомо на что, деньги в долг, отяготивший нас, но, видя нашу экономическую слабость, уже не очень нами интересовался. Приход Путина, административный пафос которого, при возрастающих претензиях, лишь затруднит оздоровление экономики, их не обеспокоил, вот они и не прочь попить с ним чайку.

Конечно, западные державы не могли изменить наш политический строй, как они изменили его в Западной Германии, тем более, что нас они и не победили. То была наша забота. Но готовность запада принимать российскую демократическую косметику за коренные реформы, да еще обильно поддерживать их несвершение, как раз и позволила правящему классу выживать без реформ, не думая о большинстве населения. Обманувшись в надеждах на перемены, оно позволяло власти глушить демократическую оппозицию, а теперь, когда перед Путиным капитулировало даже «Яблоко», и вовсе ее ликвидировать. Тем временем, как бы независимо от всего этого, в Германии, и не в ней одной, растет правый экстремизм. И объявились новые охотники выгораживать левый деспотизм.

Лишь немногие на западе открытыми глазами смотрят ныне на нескончаемые нарушения нашей властью прав человека, и прав наций на самоопределение, и на самый ее авторитарный характер. Но этих немногих, и Гюнтера Грасса, и Андре Глюксмана, у нас уже винят в разжигании холодной войны. В «Известиях» их равняют с «соловьем генштаба» Александром Прохановым, несколькими днями раньше воспевавшим политику Путина и обещавшим ему всякое содействие, между тем, как Грасс и Глюксман, напротив, осуждают затеянную новым президентом горячую войну. Ельцина еще поругивали за непомерность власти, а при новом президенте без ощутимых возражений упраздняются даже слабые противовесы его всевластию, и структура государства уподобляется командной структуре КПСС. Поворот Путина к реставрации не беспокоит западные верхи, верящие, что мы не скоро оправимся от кризиса. И впрямь наша страна, хоть уже и скликает былых советских вассалов, новую холодную войну еще не объявила. Но начала.

С ЧЕГО БЫ ВДРУГ?

Еще с царских, времен у нас в ходу два ключа к нелепостям нашей жизни. Главный, конечно, злонамеренность. Известное дело, “староверы”, “масоны”, “студенты” “жиды, армяшки, полячишки”, “меньшевики и эсеры”, “кулаки и подкулачники”, “вредители”, “троцкистские и иные двурушники”, “врачи-отравители” и прочие злодеи пакостят нашей родине. Вера в злодеев - традиционная российская религия. Другие различают соперников и союзников, делят тех и других на постоянных и временных, даже примечают, что соперники в одном оказываются союзниками в другом. Только у России, как больше ста лет назад заметил русский царь, нет друзей, все ей враги, одни на передовой, как ныне американцы, дающие нам деньги, как говорят, лишь затем, чтобы нас унижить. А прочие под подозрением, как, скажем, норвежцы, которым мы позволим помочь нам достать со дна морского тела погибших моряков, но только при условии не ступать на борт затонувшей подлодки, - бдительность прежде всего! То же и с внутренними врагами. По официальным понятиям наши граждане любят родину и уважают власть, которую теперь, к тому же, сами себе выбирают. Но как только доходит до конкретных сограждан, любого запросто обвинят в готовности продать родину, индивидуально или в составе целого народа, как чеченцы. Они и отделиться хотят, и жилые дома взрывают. Нет даже нужды доказывать, что взорвали именно они, - известное дело, враги! В середине тридцатых Б.Эйхенбаум, пошутил, что названию появившейся в ту пору книги Р.Олдингтона “Все люди - враги”, недостает одного слова: “все люди - враги народа”. Тогда эту шутку повторяли с восторгом и ужасом, но и ныне она справедлива.

Впрочем, порой наши беды толкуют иначе и корень зла видят в глупости начальства. Опять же, знаменит старинный анекдот: у человека на улице вырывается: “Эх, дурак!”. и его тут же хватает городской: “Знаем, знаем, кто у нас дурак!” Подразумевался царь Николай, ныне причисленный к лику святых. Вот и партийных руководителей на кухнях непрерывно корили за глупость, восклицая: “Неужели они не понимают?” Понимать надлежало ущерб, наносимый стране то коллективизацией, то уничтожением специалистов плохого социального, а потом и национального, происхождения, или крупных военачальников, понимать надлежало неприличие союза с Гитлером, и абсурдность партийных указаний, как писать музыку, и много еще чего. В число государственных глупостей дрожавшие граждане включали и невежество партийных вождей и самого товарища Сталина, “во всех науках знающего толк”.

Где уж было видеть, что глупость в высших партийных сферах - большая редкость. Ведь партийными функционерами у нас, не то что в Северной Корее, становились не по наследству и, чтобы стать “вождем”, надобна была смекалка. А злонамеренность встречалась и того реже. На Сталина, погубившего десятки миллионов человек, так и не было

совершено ни одно, пусть безуспешное, покушение Но в миллионах голов все же крепко засело, что жизнь тяжела оттого, что кругом враги, а командуют нами дураки.

И вот загорелась Останкинская башня. В Москве погасли телеэкраны. Даже у нас в Питере канал НТВ сутки не работал, - повезли в Москву запасной передатчик, а тут сломался главный. Но министр внутренних дел признал, что виноваты не террористы, и никакой злонамеренности в пожаре не было. Опять же, никакой особой глупости ни за строителями, ни за эксплуатационниками не замечено. Все шло обычным чередом, и вдруг загорелось. Больше ста лет назад Чехов писал: “в рассказах часто встречается “но вдруг”, авторы правы жизнь полна неожиданностей”. Не всякую неожиданность можно предупредить. Однако некоторые можно, и прояснить причины свершившегося и тем отчасти обезопаситься на будущее, - первое дело. Но когда причины беды не злонамеренность и не глупость, как в случае с башней, докапываться до них и, особенно до их корней, у нас не любят, и если не молчат, то лгут. А это страшней случившегося пожара, ибо сулит новые.

Ложь, так прочно вошедшая в нашу общественную жизнь, скрывает отнюдь не государственные или технологические тайны, какие есть у всех, а нежелательные очевидности. Как, опять же, давно сказано: “правду знают два министра и все мальчишки в городе”. Советчик нашего президента Глеб Павловский уверяет, что “у нас в двадцатые годы люди приветствовали Сталина, потому что они устали от гражданской войны”. Но в двадцатые годы сколько-нибудь широкие слои людей отнюдь не приветствовали Сталина, его реальное массовое признание родилось лишь в ходе победоносного завершения Отечественной войны. А главное, гражданскую войну прекратил отнюдь не Сталин, а Новая Экономическая политика, НЭП, Сталин же, как раз напротив, НЭП упразднил и возобновил гражданскую войну, которую после передышки большевики под его водительством повели против большинства деревенских жителей и многих городских. Зачем же беспардонно лгать, ведь заслуги товарища Сталина в коллективизации, а отнюдь не в утверждении НЭПа, равно как сроки того и другого, общеизвестны? Но Павловский лжет, чтобы внушить, что без нового Сталина, без жесткого насаждения единомыслия, вместо якобы шедшей при Ельцине “холодной гражданской войны”, России не обойтись. А причины пожара на башне, примись Павловский их честно прояснять, как раз показали бы, что ничто для России нынче так не пагубно, как новый Сталин.

В печати и по телевидению профессионалы рассказывали, что башня была перегружена, что на нее навесили много кабелей, и когда все они работали разом, башня перегревалась. До поры перегрев ни к чему худому не вел, но в какой-то миг, “вдруг”, он превысил обычный уровень и какой-то кабель загорелся. Тут бы и вспомнить товарища Сталина, в свое время возглавившего борьбу против “предельщиков”. то есть ученых-техников, посмевших уверять, что у техники есть эксплуатационные пределы, и паровоз нельзя вести на большей скорости, чем рассчитанная создателями. Товарищ Сталин приказал вести паровозы быстрее, и они

пошли быстрее. Конечно, они быстрее изнашивались, конечно, и без крушений не обходилось. Но пока речь шла об одном маршруте одного, отдельно взятого паровоза, товарищ Сталин был прав: в чрезвычайных обстоятельствах паровоз и впрямь мог идти быстрее. На этом основании все маршруты и работу всей техники сделали чрезвычайными, И хоть башню строили уже без Сталина, и загорелась она без него, именно он, а с ним его последователи, герои постоянной чрезвычайности, - Павловский не одинок, - поныне относящиеся к технике по-сталински, довели до пожара.

Можно, как многие телеведущие за рубежом, уже обходиться без башни, можно, наоборот, строить дополнительные башни, можно постоянно контролировать уровень перегрузки, можно заведомо его сократить, жить по средствам, не зарясь на то, что не под силу. Но то-то и оно, что мы хотим иметь больше, чем можем при наших порядках произвести, а всерьез менять порядки не хотим. Мы не останавливаемся на достигнутом и не щадим затрат, а обнаруживая, что нет денег, верим, что деньги и не нужны, а нужна сильная воля. Как пели при Сталине: “кто хочет, тот добьется, кто ищет, то всегда найдет”. Мысль, что можно упорно искать, и все же не найти то, чего нет и быть не может, что одной воли к победе для победы мало, неприятна российскому сознанию.

Повсюду у нас когда-то висели портреты Карла Маркса, который, хоть, сочинив социалистическую утопию, сам изменил материалистическому пониманию истории, все же стоял за объяснение жизни людей ее реальными обстоятельствами и отношениями. Но с легкой руки Ленина, объявившего, что глупо дожидаться пока для лучшей жизни созреют обстоятельства, Россия, еще пуще, чем при самодержцах, уповала на сильную волю. Определяли желанные цели, планы, не слишком вдаваясь в возможности их выполнения и достижения. Русский язык обогатился словом “долгострой”. Но никто не хотел видеть в этом новом слове свидетельство неуважаемого государственного волюнтаризма. Нам мало было иметь сильную армию, мы хотели иметь самую сильную. Нам недостаточно быть солидной державой, мы непременно должны быть сверхдержавой. А в результате от армии в мирное время требуют постоянной чрезвычайности, не всегда выносимой даже и на войне, да еще используют армию отнюдь не для защиты отечества, а потом, дивясь, что она этого не выдерживает, ищут злоумышленников, виновных в ее развале. И точно так же, вытолкнув страну в сверхдержавы накоплением оружия за счет всех других ее потребностей, когда она впрямь разваливается, ищут злодеев, которые ее развалили.

Начальство ищет злоумышленников не по глупости. Не сочини оно вредителей, пришлось бы ему признать, что оно-то само и виновно во всех бедах страны, кроме разве ураганов да землетрясений. Виновно тем, что навязывает ей свою волю, не считаясь с разнообразием воли ее граждан. Оттого у нас и государство, призванное служить людям, создавая каждому правовую возможность строить свою жизнь, не нарушая такого же права остальных, упраздняет все эти права в угоду начальству. В его руках государство из средства жизни превращается в самоцель. А отдай

оно людям, “все права людей по царской милости своей”, его великие планы бы переменялись, их пришлось бы сообразовывать с индивидуальными планами каждого. Возникла бы обратная связь, при которой, глядишь, кто и полюбопытствовал бы, не перегрета ли телевизионная башня, а кто бы и предложил более выгодный и безопасный способ передачи телевизионного сигнала.

Тут и обнаруживается не просто несоразмерность вознаграждения труда нынешних начальников с доходом, который он приносит, и ущербом, который наносит, но пагубность самого государственного волюнтаризма, которым жил СССР и продолжает жить Россия. Беда не в злонамеренности и даже не в глупости, а в безответственности. Советская система, как до нее самодержавная, и чрезмерной централизацией, и неразделенностью властей освободила служилое начальство от ответственности перед нижестоящими, и пока правит этот слой, или, если угодно, класс, хозяйство не сбалансировать. А последние десять лет как раз и ушли на то, чтобы номенклатуре удержаться у власти. Где уж было проверять, не перегревается ли техника!

КОНЦЫ В ВОДУ

Развитие техники, увы, чревато катастрофами и все большей пагубностью человеческих ошибок. Недавняя гибель французского «Конкорда» – свежий пример. Но в России техника в особой чести. Не так давно у нас даже смена общественного строя понималась как техническая задача. Советская власть объявила, что для наступления коммунизма ей довольно провести электрификацию, и люди верили. За техногенной катастрофой или ошибкой оператора у нас непременно ищут злой умысел. Когда флотские во главе с министром, намекают, а депутаты Шандыбин и Митрофанов вопят, что «Курск» потопили американцы, они не просто выгораживают адмиралов Куроедова и Попова, но защищают главный пункт российской идеологии, как царской, так и советской и нынешней: власть непогрешима.

Мы едва ли узнаем, что стряслось на подлодке. Версий много, среди них и старая мина, и испытание новой торпеды, и случайное попадание нашей боевой ракеты, и чего только не говорят. Но намеренно лодку никто не топил, и роковые последствия были непредумышленными. А тогда встают неудобные вопросы, и, прежде всего, почему на Северном флоте, а, возможно, и на других, не предпочли вместо одной из боевых лодок держать спасательный корабль с водолазами вроде норвежского или английского, спешивших нам на помощь? Можно пойти дальше и спросить, была ли нужда в 1990 году, когда разоренная страна держалась западной помощью, тратить свои скудные средства на постройку «Курска»? Можно пойти еще дальше и спросить, была ли, вообще, нужда в проводившейся репетиции удара по флоту НАТО, - другого вероятного противника в регионе нет, а угроза нашей стране с его стороны отнюдь не растет.

Глупое высокомерие заокеанских, а порой и европейских, политиков, твердящих, что Россия слаба и можно о ней не думать, наше

начальство раздражает. Катастрофа «Курска», хоть и вызвала на западе сочувствие и готовность помочь, тоже кажется свидетельством нашей слабости. Но нам нечего раздражаться, - нелепые доводы недальновидных американцев в российских интересах, - если Россия слаба и не грозит остальному миру, Америка не будет тратиться на оружие. А сами-то мы знаем, что при всем ущербе, который понесли страна и армия от нашей мудрой военной политики, мы остаемся второй ракетно-ядерной державой, и большая война на достаточно долгий срок нам не грозит. Вот и надо этот срок использовать не на демонстрации мощи, а на реальное развитие страны и укрепление сокращенных армии и флота, совсем обойтись без которых покамест нельзя. Но и для этого надо реально видеть всамделишные причины разорения страны и дезорганизации армии.

Казалось бы, что-то, а их-то у нас знают. Владимир Путин говорит: «Наши вооруженные силы должны соответствовать потребностям и возможностям государства» и поясняет: «Армия должна быть компактной, но современной и хорошо оплачиваемой». Лучше не скажешь! Естественно ожидать, что человек так четко формулирующий эту непреложную истину, сознает, что армия и флот дезорганизованы, Россия разорена, а Советский Союз и его восточноевропейская империя развалены, прежде всего, именно тем, что наши вооруженные силы не соответствовали ни возможностям, ни потребностям государства. Но, вопреки своим же речам, президент Путин подымает военный бюджет, твердя, что армию ослабили средства массовой информации.

Очевидность разлада мыслей и дел президента не позволяет свести происходившее в стране после гибели «Курска», к его личным ошибкам или дурным советам. Дело куда серьезнее. Началось с того, что о катастрофе страну известили не сразу. Потом сообщили, что изнутри лодки стучат, стук еще не был объявлен механическим, и уверяли, что с моряками перестукиваются и чуть ли не обсуждают, как их спасать. Потом вдруг объявили, что все моряки погибли в первый же миг, а проникнуть на лодку нельзя, поскольку вход заклинило. Потом норвежцы, которых сперва туда не пускали (англичан так и не пустили), легко в лодку проникнув, обнаружили, что внутри вода. Все это сообщали не журналисты, а флот, устами высших своих чинов, либо специальных представителей. Потом президент сказал, что в первый миг погибло 80% моряков. Что было с оставшимися двадцатью и как долго они умирали, так и осталось неясным.

Полная несообразность одних заявлений с другими показывает, что информация, шедшая непосредственно от государства и от государственной телекомпании, единственной допущенной к месту событий, была прямой ложью. Остальным предоставили гадать, что за ложью кроется. Оттого и катастрофа «Курска» вызвала не просто скорбь о погибших и сострадание их близким, как катастрофа «Конкорда», но заставила задуматься о природе власти государства над страной и людьми. При нарастающей апатии силящихся выжить людей к общественным проблемам происходившее вокруг лодки всколыхнуло страну, давно потерявшую веру в добрые намерения власти.

Соглашаясь на участие норвежцев в подъеме тел погибших, наши особо оговаривают, что норвежцы на борт лодки больше не ступят, что от них требуется лишь познакомить наших водолазов со своими приемами и приборами. На такое обучение отводится время, хоть ясно, что мешкать нельзя, что в октябре море все меньше будет благоприятствовать подъему погибших, и разумнее допустить норвежцев к работе. Но тайна нашему государству важнее долга перед людьми, даже перед погибшими военными. Что ему гибель погибших на лодке, если, даже по официальным данным, столько же солдат гибнет в Чечне каждые две недели, а их родным не выдают ни ста двадцати окладов, ни сберкнижек с более чем двумя третями миллиона рублей.

Что, однако, за тайну из тех, какие государству и впрямь надлежит хранить, могли бы углядеть на борту лодки норвежские спасатели? Явно не стратегическую, не технологическую, не коммерческую, только тайну гибели лодки. Они увидели бы, в каком она состоянии, что и как в ней повреждено, и лучше бы судили о причинах взрыва, фактами опровергая надуманные версии. Мы сетуем, что американцы, тоже хранящие тайны, не показывают нам свои лодки, находившиеся в роковой миг неподалеку, хоть столкнувшись с громадным «Курском» они тоже не избежали бы повреждений и недалеко бы своим ходом ушли, но наши собственные власти не хотят, чтобы хоть кто-то видел погибшую лодку, даже ради того, чтобы, может быть, спасти людей, и, во всяком случае, отдать им последний долг. Доказывают, что лодку поднимать незачем, хоть это необходимо уже по экологическим причинам, да и погибших, уверяют, тоже незачем, поскольку затонувший корабль признается, как объяснил адмирал Попов, братской могилой.

Еще говорят о том, чтобы лодку все же поднять, но будет ли это сделано, неясно. Не то, глядишь, откроется всем известная тайна безответственности российского руководства перед российскими людьми. Наше государство помнит только, что у гражданина есть долг защищать государство, но решительно не помнит, что у государства есть долг защищать гражданина, и особенно гражданина, вставшего на защиту государства. Оно не защищает новобранца от дедовщины, солдата срочной службы от участия в работах и боевых действиях, отнюдь не защищающих родину, а офицера от бездомности и нищеты. Перевод из немецкого плена в родные советские лагеря своих солдат, попавших в плен чаще всего из-за преступной безответственности властей, начиная со Сталина, но не кончая им, не осознан как преступление государства перед армией и составлявшими ее гражданами. Россией правят прежние люди, так и не ужаснувшиеся жизни, которой она жила, вот мы и не живем иначе.

Нынешние беды объясняют слабостью страны и ратуют за силовое государство. Ради этого силовые структуры, даже и Сталину служившие лишь помощниками, которым он воздавал за службу не милосерднее, чем прочим, заняли ныне командные высоты. Путин – выразитель их силы, другой он и не ищет, поскольку никакая другая не в состоянии и дальше поддерживать сложившийся и лишь чуть обновленный правящий слой, ничего, кроме собственных выгод, не желающий знать. Не стоит бранить

Путина и удивляться, что инстинкт не толкнул его немедленно лететь в Североморск, - он, и подумав, заявил, что такой порыв был бы показушным. У правящего слоя советской страны, от народа не зависевшего, такие инстинкты не вырабатывались, Сталин обратился к народу лишь третьего июля, на двенадцатый день войны, и не потому, что времени нехватало.

Наш президент отлично понимает, какая армия нужна для защиты отечества. Но ему-то куда нужней армия для защиты правящего слоя, для усмирения отечества, вот и в Чечне не вполне удающегося. Не зря пошли в военном ведомстве споры о предпочтительности, - поскольку и на то и на другое денег нет, - ядерного щита или подвижных частей, способных противостоять партизанам. Вот и раздувая флот, экономят на спасательных кораблях, от которых в Чечне проку нет. Война против отечества сегодня куда более реальна, чем война против НАТО. Открыто это не скажешь, и приходится регулярно лгать. Отсюда и мысль сделать все телевидение опять государственным, и не прямо лгать, а умалчивать.

Страшной технической катастрофы нежелание властей говорить о ней правду. А лгут не только про одну лодку, но, точно так же, и про нашу общую лодку – Россию, населением которой власть дорожит не больше, чем экипажем «Курска». Лгут ради, как нынче говорят, информационной безопасности. Интервьюеру, спросившему в Америке, «Что с вашей подводной лодкой?», Путин, лукаво улыбаясь, ответил: «Потонула!» Потонула, - и концы в воду.

ИНФОРМАЦИОННАЯ ОПАСНОСТЬ

Утверждение президентом доктрины информационной безопасности не связывается в массовом сознании с параллельными уголовными процессами, даже со скандальным протестом Генеральной прокуратуры против оправдания эколога Александра Никитина, ныне окончательно оправданного Верховным Судом. Комментаторы говорят, что доктрина скучна и не содержит ничего нового. Они подметили, однако, что там нет четкости в определении государственной тайны, разглашать которую и впрямь не положено. А информация, не разглашающая такую тайну, не нарушает безопасности. Но смысл новой доктрины именно в нечеткости. Будь внятно сформулирован закон о государственной тайне, не нужна бы особая доктрина. Общественная информация, не являющаяся государственной тайной, в нормальном обществе общедоступна, ложную и тем паче клеветническую опровергают публично, а ее распространителей публично призывают к ответу. На то и нечеткость, чтоб государственной тайной стал самый состав государственной тайны в данный миг, и его тайно определяла исполнительная власть, - не закон, но прокуратура, над которой, по словам президента, никто не властен, МВД и ФСБ.

Дело Никитина в этом ракурсе куда занятней, чем как пример банального нарушения прав человека. Эка невидаль! Слава богу, не замордовали, не заразили в тюрьме туберкулезом или еще чем. Можно сказать, что Никитину повезло. А вот, что запросто сварганили дело, не один год держали человека в тюрьме, а потом еще протестовали против

его оправдания судом, на том только основании, что он собрал данные, опубликованные в открытой печати, и **повторно** представил их на обозрение, - конечно, ни в какие ворота не влазит. Но устроители этого дела, и следователи, и тюремщики, и министры, и прокуроры, не то что сидят на своих местах, а продолжают делать карьеру!

Власть это не украшает, но вести себя иначе она не может, поскольку все больше сосредотачивается в своем исполнительном русле и все сильнее централизуется. Разделение властей опять фикция, и верховный правитель как бы сливается с государством. Несогласие с ним обретает вид антигосударственной деятельности. Нельзя же ей потакать! А суды, ссылаясь на законы, выносят критиканам вроде Никитина или Григория Пасько мягкие приговоры. Чтобы найти на новых диссидентов управу, начальство хочет лишить суд права определять, нарушена ли государственная тайна. Поскольку, в чем она состоит, знают только спецтоварищи, им видней, им и решать, - а суд пусть назначает меру наказания. Пока не уточнено, в чем состоит гостайна, доктрина информационной безопасности позволяет квалифицировать, как ее разглашение, все, что квалифицировали прежде как антисоветскую пропаганду, и президент, следуя советской логике, такое утвердил.

Иные скажут, что с Никитиным все же промашка вышла, и верней ориентироваться на законы и суды, чем на тройки и ГБ. Но это зависит от того, каким мы видим и хотим видеть общество. Если все его члены равны в правах и несут равную ответственность за правонарушения, конечно, от законов и судов, состязательного процесса, презумпции невиновности и прочего реальной борьбе с преступностью больше толка. Но если самое страшное преступление не убийство или разбой, а несогласие с властью, суд, и при законах, недееспособен, поскольку власти видней, кто ей мешает. Тройки и КГБ процветали не потому, что члены Политбюро питались человечинной. Они бывали даже вегетарианцами. Но общество с неизбираемой руководящей силой, распоряжения которой надлежит не обсуждать, а выполнять, создает присущую ему карательную систему, в которой нет места судье, выясняющему, какая сторона права. Наперед права власть. Президент Путин, прошел эту школу, не отрекался от ее норм, и не таил, что понимает правосудие именно так. Винить его в этом смешно, стоит лишь поразмыслить, почему половина пришедших голосовать голосовала за него.

А поступили они так потому, что разделяют его понятия,- хоть в КГБ не служили, но привыкли к повседневному советскому двоеправью и принимают его за норму. Сколько раз, вышедшие в свет книги подвергались у нас идеологическому разгрому с тяжелыми последствиями для авторов и даже порой редакторов. Но крайне редко с ними разделял ответственность цензор, хотя, предотвратить «идеологическую диверсию», при всей абсурдности этого понятия, надлежало именно ему, автор мог и не подозревать, что его суждения власти не по нраву. Но цензора, как правило, не наказывали, разве что делали замечание.

Сегодня цензуры как бы нет, но Сергея Доренко снимают с экрана. Доренко не жаль, его выступления во славу Путина были столь отвратительны, что можно ощутить даже злорадство, видя его в яме, которую он рыл другим. Будь он отстранен за инсинуации, которые себе позволял, можно бы только радоваться. Но отстранение Доренко лишь за то, что он выступил против власти точно так же, как раньше выступал за нее, фактически означает установление цензуры, то есть, власть сама попирает право. Признаваться в этом она не хочет, начальству можно.

Основной принцип внеэкономической элиты, феодальной или социалистической, – двоеправие, начальству можно, а простому человеку ни-ни. Если бы начальник пограничной заставы на сообщения о действиях агрессора реагировал подобно нашему вождю товарищу Сталину, он был бы по законам военного времени расстрелян, как изменник Родины. Обойтись так с товарищем Сталиным никому и в голову не шло. Конечно, стратегически это могло бы увеличить хаос и нанести родине еще больший ущерб. Но знать, к чему вождь нас вел, людям бы надо. А никто и не думал их об этом осведомлять. Хранили информационную безопасность. В результате люди шли на смерть с возгласом «За Родину, за Сталина!». не догадываясь, что верней бы кричать просто «За Родину!» или уж добавлять «За изменника Родины Сталина!» Поскольку это не было осознано ни своевременно, ни при разоблачении «культы личности», наша страна, выиграв войну, оказалась в худшем положении, чем проигравший ее противник. Поражение вынудило немцев покончить с прежней ложью и державшимся на ней режимом, а мы остались при ней и при нем, чтобы рухнуть без войны.

Но и это ничему начальство не научило. Суд ждет Игоря Сулягина, уже почти год сидящего в тюрьме. Он посмел не только повторить уже опубликованное другими, но и сам, обдумав открытую информацию, пришел к негодным начальству выводам, и опубликовал их в отечественном научном сборнике «Стратегическое ядерное вооружение России», до публикации опять же предъявленном для ознакомления в ФСБ, которое, тем не менее, выступает не поделельником, а обвинителем. Сулягина винят в том, что он думал и делился своими мыслями, а должен бы, хоть и тайн никаких не знал, и допуска не имел, держать свои мысли втайне. Такое требование со стороны внеэкономической элиты логично, - всякая живая мысль ей опасна. Лишние мысли начальство беспокоят.

Путин понимает, что если публично выяснять, кто прав и в чем, система, при которой один человек опять взялся решать за всю Россию, как ее лучше обустроить, опять развалится, и рано или поздно начнется новая перестройка. Предыдущая оборвалась потому, что Ельцин с Гайдаром и Чубайсом подменили переход к экономическим отношениям массовым ограблением населения, скомпрометировав самую мысль о таком переходе и породив отчаянье и апатию. Сам Ельцин повернул вспять, а Путин вывел реванш из подполья, и стал ломать даже видимость свободы печати, так авторитарный режим наводит информационную безопасность.

Логика тут есть. Самодержавию опасна правда. Не зря большевики, когда были против самодержавия, назвали свою газету

«Правда». Поздней ей пришлось выдавать за правду чудовищную ложь, поскольку правда по самой природе человеческого знания не может принадлежать одной газете, одной партии или особому Министерству. Ее непереносимое условие – свобода, позволяющая обществу в непрерывной полемике постоянно выяснять, в чем правда состоит. Иначе этого уже не видит и сама правящая элита, все безоглядней полагающаяся на силу воли и святость приказа.

Путину не нужна свободная печать, то есть, обратная связь, он сам «знает, как надо». На этом и стоял советский строй, пустив на фиговые листки фрагменты марксовой утопии, давно коммунистам надоевшей. Если где Александр Солженицын и оказался пророком, так это в «Письме вождям», призывая их всего-навсего отказаться от марксистско-ленинской идеологии и уверяя, что без нее существовавший порядок сам приведет страну к процветанию. По поводу процветания точности с писателя спрашивать не будем, поскольку оно невозможно без ненавистных автору «Матренина двора» экономических отношений. А что советский строй найдет замену «диаматам» и «истматам», автор «Случая на станции Кречетовка» понял правильно. И еще раз воздадим должное президенту, который, затыкая рты Бабицким да Гусинским, догадался опровергать обвинения в зажиме свободы слова визитом к старому и заслуженному диссиденту. И великий диссидент позволил воспользоваться для этого своим именем и репутацией.

Перед лицом спора о том, надо ли ограничивать, информацию, стерлось различие меж бывшим сотрудником КГБ, до перехода в разведку успевшим выводить на чистую воду инакомыслящих, и не на шутку пострадавшим от этой организации узником и изгнанником. Обоим кажется, что не всякая правда нужна людям, составляющим народ.

СОЦИАЛИЗМ ИЛИ ДЕМОКРАТИЯ?

Да разве меж ними надо выбирать? Разве их неразрывное единство давным давно не стало мечтой человечества? Разумеется, стало. У пленительной мечты один недостаток, - неосуществимость. Появление понятия «демократический социализм» свидетельствует, что сам по себе «социализм» демократию в себе не содержит. В реальном социализме, российском, немецком, китайском, кубинском, ею и не пахло.

Стремление к социализму, однако, моложе стремления к демократии. Его отсчитывают от начала XVI века, когда Томас Мор написал «Утопию». А через сто с небольшим Томмазо Кампанелла - «Город солнца». На излете средних веков рушилась привычная устойчивость. Социальной защиты, которой в какой-то мере служили подаяние, церковная благотворительность, общинная взаимопомощь, уже не хватало, чтобы голодным и сирым не перемереть. Желание преодолеть угрозу всеобщей нищеты не было абстрактным. Саму-то бедность считали идеальным состоянием истинного христианина. Кампанелла принадлежал к нищенствующему ордену доминиканцев, да и англичанин Мор - католик.

Но в нараставшей бедности было не выжить, отсюда и мечта, что утопический строй спасет, иной надежды не было.

К концу XVIII века она, меж тем, появилась. Машины изобретались и раньше, и человеку помогали, но его даже отчасти не заменяли, пока не создали паровую машину. Она открыла простор производству, способному одолеть бедность. Вместо принудительного труда и подаяния она предложила добровольный труд и заработок. Но нехватало экономической свободы. Не только свободы торговли от государственных стеснений, борьба за которую, кстати, тогда же в Англии и развернулась, но и от других препон росту производства, от преград личной инициативе и личной готовности к риску. Угадать, кто и как лучше ответит спросу, невозможно, и к экономическому состязанию надлежало допускать всех.

Плоды экономической свободы сперва оттеснили заботу о социальной защите. Заработок позволял обойтись без подаяния. А вот демократия экономическую свободу укрепляла, и Англия первенствовала в промышленном производстве не только потому, что паровую машину изобрели там, но, быть может, еще больше потому, что с феодальных времен государство там опиралось на демократический институт – парламент, и демократические навыки. Демократия политически адекватно воплотила экономическую свободу уже тем, что сама была выражением взаимной терпимости и подвижным компромиссом участников хозяйственной жизни общества.

В силу компромиссной природы демократии отчетливой сделался потом и голос социальной защиты, компенсирующей стремление свободных производств к рентабельности, нередко тоже оставляющее других голодать. Начавшись в Англии в первой трети XIX века требованиями сократить рабочий день, тяга к социальной защите и там обретала социалистическую окраску, тоже ища спасения в идеальном общественном строе. Но такое не долго в английском рабочем движении держалось, силен был прагматизм, ратовавший за конкретность социальной защиты.

Уже к середине прошлого века вроде бы стало ясно, что экономическая свобода, политическая демократия и социальная защита – неперенные условия развития индустриального общества. Прошло полтора столетия, общество уже именуется постиндустриальным, к паровой машине прибавился компьютер, но три условия развития хозяйства и терпимой жизни людей остались неперенными. Однако иные поныне норовят обойтись без социальной защиты, заново повторяя опыт первых предпринимателей, и уверяют, что, не пройдя стадию «дикого капитализма», хозяйственных успехов не достичь. Их не тревожит мысль о людях, сегодня, возможно, и впрямь не нужных «дикому капитализму» ни как труженники, ни как потребители, но жизненно необходимых развитию завтра. Другие, напротив, не видят нужды в экономической свободе, а, тем самым, и в частной собственности, равно как и в политической демократии, свято веря, что государство даже лучше наладит хозяйство, поскольку сможет производить именно то, что обществу нужно. Этим, опять же, не тревожит мысль о людях, из которых состоит общество, о том, что нужно

им, равно как не заботит, почему при идеальном строе государственная оплата рабочих и служащих, как правило, ниже, чем частная при дурном. Возникают и гибриды, отвергающие все три условия развития хозяйства разом, как в России при Ельцине, когда и земля осталась государственной, и производство вели полугосударственные монополии, подконтрольные государству, и социальная защита сошла почти на нет.

Социализм как раз сохранял социальную защиту, но ирония в том, что в хозяйстве, ориентированном не на индивидуальные, но лишь на «общие», «государственные» потребности, хоть социальная защита и существовала, зато сведенный, как правило, к прожиточному минимуму заработок обращался как бы в ее часть. Советское государство – монопольный предприниматель и монопольный работодатель, взяв на себя минимальную социальную защиту, думать не думало о стоимости рабочей силы и самом ее рынке, и этим исключило трудящихся из экономического процесса, лишив их, тем самым, и определенного места в обществе. Общество потому и объявили бесклассовым, что ни за одной социальной группой никаких особых интересов в социально-экономическом процессе при социализме не признавали.

Создатели английского парламента, не знакомые с учением о классовой борьбе, понимали, что у каждого социального слоя есть свои интересы, и признали необходимость избрания в парламент представителей разных слоев, хоть еще и не всех и не пропорционально. Советские марксисты не видели в этом нужды, поскольку отрицали классовое строение социалистического общества. А вместо права отстаивать хотя бы адекватную оплату рабочей силы трудящимся давали надежную, хоть и жалкую, социальную защиту. Немудрено, что при Ельцине, ее фактически упразднившем, а реального рынка рабочей силы не создавшем, немалое число людей затосковало по прежней, хоть и жалкой, но надежной жизни, и голосовало за коммунистов. Так и не став субъектами экономической свободы, миллионы тружеников, обманувшись в Ельцине, утратили стимулы к демократии, обязательной для производства, но отнюдь не для распределения подаяния.

А не ощущая нужды в свободе, видя в ней лишь причину возросшей бедности, люди уже не видят зла в главном свойстве социализма - отказе от частной собственности на средства производства. Уже не помнят, что без нее социалистические страны, даже при выдающихся успехах в отдельных производствах, в целом не могли выстоять в состязании с западом, и страну разорил не Горбачев, как им напрасно кажется, и даже не так Ельцин, как долгое хозяйничанье государства. А уверяя, что социализм может преуспеть, ссылаются на страны, где частная собственность существует, и лишь платит большую дань социальной защите, что, впрочем, при переборе тоже разоряет страну.

Экономические преимущества частной собственности объясняют по-разному, - и большей заинтересованностью частного собственника в рентабельности, и большей его ответственностью от сознания, что рискует он собой и своим достатком, а не другими людьми и казенным имуществом,

а, с другой стороны, бюрократизмом и коррупцией казенного управления, и, опять же, приоритетом при социализме общегосударственных нужд перед индивидуальными. Хотя эти и прочие объяснения справедливы, тщетность усилий социализма в «соревновании двух систем» вызвана другим.

Даже у глубоко изученных в научно-технических и организационных ракурсах производств, за оградой - океан неведомого. Природа, из которой растет производство, равно как общество, для которого оно растет, не могут быть столь упорядочены, как само производство. Это стихии. За стихией рынка, обращенной к производству непосредственно, различимы голоса других, натуральных и социальных. А перед лицом стихий важны не так и даже не столько средства безопасности, как способы ориентации, помогающие не только выжить, но и обращать стихии во благо себе и людям.

А в постижении и укрощении стихий первенствуют личные усилия, нередко героические, однако оправдывающие себя далеко не всегда. Как ни парадоксально, у отдельного человека в противостоянии стихии есть преимущество перед могучим государством, он может быть смелее уже потому, что ошибка или незнание тут, как правило, и губят его одного, тогда как государственная ошибка запросто становится роковой для многих, для страны, а то и для самого государства. При всех преимуществах, какие есть у монополии, особенно государственной, она свое развитие стреноживает, а множественное конкурентное хозяйство, в котором разоряются отдельные участники, в целом успешно развивается. Но государство, ведущее хозяйство, это даже сверхмонополия, и склонно к внеэкономическим методам.

Как гоголевская невеста мечтала соединить дородность Ивана Павловича с развязностью Балтазара Балтазаровича, всё мечтают соединить социализм с демократией, и неудачи объясняют случайностями, - то вождь плохой, то народ, то климат, то еще что-нибудь, а беда в том, что внеэкономическая диктатура, игнорируя социальную дифференциацию, лишает общество демократической саморегуляции. Эту диктатуру можно называть диктатурой закона, диктатурой благих намерений, диктатурой любви, дело не в названии. Просто любовь сильна взаимностью, и жизнь общества тоже, а там, где вместо взаимности - руководящая сила, демократии места не остается.

РОССИЯ, НИЩАЯ РОССИЯ...

Пушкин писал: черт догадал меня родиться в России с душой и талантом. Иные выводят отсюда, что Пушкин не любил Россию. Не зря, мол, мечтал о дальних поездках, хоть в Китай, и тяготился тем, что был невыездной. На деле Пушкин Россию, конечно, любил и подтверждений тому хватает. Но любил с открытым взором, видел, что Россия хороша, но жить без души и без таланта в ней легче, а с ними невмоготу. Сказано это не о России, а о российских порядках, тяготивших не одного Пушкина, но

множество русских людей, так или иначе почти всех, - кроме отъявленных мерзавцев, гревших на таких порядках руки.

Не вглядываясь в прежние порядки, ничего толком и в нынешних не углядишь. Оттого, должно быть, на западе о нас твердят так много вздора. Все казалось ясным, пока мир был расколот на два лагеря. Западные коммунисты, да и, вообще, многие «левые», помогали советским коммунистам. Замалчивали и даже опровергали известную им правду о внутренней жизни нашей страны, правду о многомиллионных лагерях, о геноциде, о бесправии, о низком уровне жизни трудящихся и роскоши граждан начальников. Все это, конечно, из лучших побуждений, ради оплачивавшейся КГБ борьбы за мир, толкавшей запад к мирной капитуляции, чтобы нам без войны и разрушений освободить Европу и Америку от империалистов. Сталин затем и затеял холодную войну, затем ее и продолжали, чтобы не переходить к горячей. Большинство «левых» хотело капитуляции запада.

«Правые», естественно, вели себя иначе. Они клеймили каждый шаг СССР по расширению его владений, сопротивлялись агрессиям его вассалов в Корее и Вьетнаме и, в ответ на советскую гонку вооружений, тоже вооружались. Было, однако, заметно, что так решительно они противятся лишь внешней политике СССР, и, не желай он их «закопать», готовы делить с ним планету, не зря считая, что устоять в мирном соревновании им легче и, во всяком случае, дешевле, чем воевать. При Брежнев и Киссинджере такая политика утвердилась под именем «разрядки». Гонку вооружений она не остановила, но как бы страховала от случайностей, хоть от последствий Чернобыля Европу не уберегла.

Большого интереса к происходившему внутри нашей страны «правые» тоже не проявляли. До книги Солженицына их пропагандисты не часто вспоминали ГУЛАГ, хоть не только правительства имели о нем достаточно информации, но и в печати появлялись достоверные рассказы очевидцев. Солженицын был не первым, открывшим западу глаза, но раньше там не хотели их открывать и смотреть на советский образ жизни. Западные «правые» ощутили, что при Брежнев разница меж коммунизмом и режимами хунт, с которыми они отлично ладили, во многом стерлась. Дома «правые» не очень боялись коммунизма, веря, что он грозит лишь извне.

Только тонкий слой западной интеллигенции левого толка воспринял холодную войну не как геополитическое, а как социальное и идейное противоборство. Иные из них сами раньше верили в коммунизм, но отшатнулись от его трансформации. Поняли, что начальный отказ от демократии, как идеалистический способ добиться ее всеобщего торжества, и создал отталкивающий тоталитарный режим. Они, в отличие от других, как раз интересовались реальной внутренней жизнью СССР и покоренных им стран, ее несходством с начальными обещаниями, ее духотой и лицемерием. Это движение, в отличие от первых двух, действовало открыто, его оружием было слово. Реакционный Маккарти не любил таких за приверженность демократии, а прогрессивный Сартр за нежелание счесть концлагерь путем к демократии. Если на публикации им порой

перепадали американские деньги, люди, бравшие советские деньги не на слова, а на сомнительные дела, их травили и шельмовали.

Однако, события показали, что правы были они. Вместо того, чтобы мирно победить, СССР мирно проиграл. Берлинская стена рухнула. Но рухнуло и стремление понимать, что происходит в России. Запад впал в эйфорию от мнимой победы в «холодной войне». Фукуяма объявил, что над землей сияет солнце либерализма, и люди, пытавшиеся разобраться в реальности, стали никому не интересны. Противоборство «левых» и «правых» утихло, «левые» стали правее, а «правые» левее, ныне они почти слились в экстазе либерального консерватизма, правящего западным миром.

СССР исчерпал ресурсы, которые без счета тратил на холодную войну, и, как геополитическое явление, она, слава богу, кончилась. Правда, одновременный возврат к дружбе с Северной Кореей, Ираком, Ливией и Кубой выдает тоску по ней, но советским танкам нынче не перейти Одер. Однако перековкой мечей на орала, - судя по маневрам в Баренцовом море, еще и не состоявшейся, - идейный спор не исчерпан. От счастья, что угроза третьей мировой отодвинулась, запад забыл откуда такая угроза растет, - и не только в России.

Торжествует миф о крушении советского коммунизма не от кризиса системы, а под натиском запада. Уже мало кого занимает, чем наш коммунизм на самом деле был, и чем стал нынешний строй без марксистско-ленинской фразеологии. Одни западные авторы, каких впрочем немного, пускают в ход не социальные, а почти расистские объяснения того, что в Чечне русские brutally беспощадны, - в их понятие о воинском долге входит, якобы, готовность к применению любых средств, не знающая нравственных ограничений. Не помнят, что против такого воинского долга энергичнее всех выступал величайший русский писатель, бывший офицер Лев Толстой, моральный авторитет которого у нас несопоставимо выше любого из былых и нынешних кавказских генералов.

Другим неловко, что запад, пусть лишь неофициальный, все же чеченскую войну не одобряет, хоть и западный колониализм бывал brutally беспощаден. И вроде признают, что преступления французского генерала Массю не оправдывают преступления русского генерала Квашнина, да велят интеллигентам помалкивать. Меж тем, и Англия, и Франция, впрямь действовавшие прежде не лучше нас, переоценили свое поведение. Роль Массю кончилась, когда, возглавив Францию, генерал де Голль, дал свободу Алжиру. А полковник Путин, возглавив Россию держит Квашнина начальником Генерального штаба, а свободы Чечне не дает.

Нам внушают, что война в Чечне, - пусть досадный, но лишь эпизод, не отменяющий окончание холодной войны и крушение коммунизма. Россия, говорят, просто не созрела до цивилизации, и со временем все образуется. Между тем, чеченские войны, восходящие к сталинской депортации, ставят под сомнение крушение коммунизма, за важнейшие свойства которого нынешний строй держится, хоть и под другим названием. Начиная с тяги к закрытости общества. Нынешнюю войну в

Чечне окружили тайной, какая первую, и, тем более, войну в Алжире, не окружала. Было понятно, что Путин соберет голоса хотя бы половины из двух третей пришедших на выборы избирателей лишь в том случае, если народ России не сразу узнает, что делают в Чечне его сыновья и в кого там превращают его сыновей. Закрытость, помимо применения новейшего оружия, и отличает эту война от предыдущей. Сообщать о ней не дозволено никому, кроме Ястржемского и Манилова. Никаким Бабицким.

А все потому, что в Чечне решают не чеченский вопрос о «народе-террористе», а русский, дают образец дальнейшей жизни России. Де Голлю Франция была дороже империи, вот он и отпустил Алжир, хоть, вероятно, с болью в душе. А нашему внеэкономически правящему классу, восемь лет под водительством Ельцина уклонявшемуся от подлинных реформ, империя необходима. Британская или Французская отличались от Российской меньшей жестокостью отнюдь не к колониальным народам, а к народу метрополии, в которой сохранялась и развивалась демократия. У нас было иначе и теперь иначе. Крепостное право вовсе не исконное свойство Руси, крестьянская зависимость не слишком отличалась у нас от западной до поры, покуда Иван Грозный не стал собирать нерусские земли. Для этого и понадобилось надеть на русских крепостное ярмо. И не случайно толчком к его отмене стало военное поражение, показавшее несовместимость внеэкономического режима с развитием новой техники.

Советскую внеэкономическую державу надорвали траты на армию и оружие, - чтобы угрожать всему миру, армии надо было давать всё больше. Когда же страна отдает ей всё, что имеет, и даже более того, пренебрегая другими, не менее насущными нуждами, армия еще какое-то время сильна, а страна рушится. Эта изнанка холодной войны с российской стороны была видней, многие у нас понимали, что борьбу с иностранщиной ведут не против Америки, или даже евреев, а чтобы не платить за труд. Но на западе не хотят видеть, зачем, отказавшись от холодной войны, держащая раздаточный ковш номенклатура затеяла горячую войну в Чечне. А не начни она войну, демократия оторвала бы ее от властной кормушки. Не Ельцина или даже Путина, которому тоже не жалко дать бумагу, что он не виновен ни в чем, а всех вцепившихся во внеэкономические источники благополучия.

Путая русскую власть и русский народ, нам лгут, что беды России – от порочности или отсталости русского народа. А коммунизм, как долгие годы царская власть, губил Россию насильем, своей внеэкономической природой. Отказавшись от него, создав видимость демократии, законной экономической свободы стране не дали. Чтобы и не давать, правящий класс держится за империю, как за идеал внеэкономической власти над людьми, включая русских, оттого и остающихся в нищете. Надо отречься не просто от коммунизма, но и от империи. При равноправии, большинство автономий не уйдет. Надо только не удерживать силой желающих уйти. Лишь тогда нищая Россия, не только, по слову поэта, «не пропадет, не сгинет», но и перестанет, наконец, быть нищей.

МИР БЕЗ ВЗАИМНОСТИ

Казалось бы, нет ничего нелепей арабо-израильской войны. А она все распаляется, хоть ясно, что военного решения нет. Не впервые два народа считают одну и ту же землю своей, не впервые в истории оба столетиями не имели над ней власти. Евреи живут в Палестине чуть не четыре тысячи лет, арабы поменьше, а тоже без малого полторы. Но столетиями там правили не те и не другие, а завоеватели.

Нынешний спор начался при турецком султানে. Герцль еще не решил воссоздавать еврейское государство, а от бесправия и погромов российским евреям уже негде было спасаться, и они бежали в страну предков. Но безучастны к ним были не только султаны. Англия, взяв мандат на управление Палестиной, включавшей нынешнюю Иорданию, и начав с декларации Бальфура об очаге евреев в Палестине, закрыла им туда въезд, когда немецкие национал-социалисты взялись за «окончательное решение вопроса». Советский Союз предложил ООН создать еврейское государство (наряду с арабским), и в ноябре 1947 решение приняли. Но не прошло и двух месяцев, как убили Михоэлса, и, выстояв длинную очередь для прощания, я не забуду ужас неведомого, висевший над людьми. Мать говорила мне, что подобное испытала только в юности, стоя в толпе у суда, в ожидании приговора Бейлису. Появление в Москве Голды Меир было еще впереди, но поток советского оружия в арабские страны не стал неожиданным. Соединенные Штаты, стабильней помогавшие Израилю, тоже не только при Клинтоне жертвовали его жизненными интересами ради дружбы с нефтеносными арабами. Поддержание великими державами добрых отношений с обеими сторонами могло послужить решению конфликта, но служило лишь размещению казавшихся выгодными ставок и на той и на другой стороне. А существо конфликта и пути его мирного преодоления великим державам не были любопытны. Они не ощущали нетерпимость положения и арабов и евреев, а и те и другие поныне часто ощущают лишь нетерпимость своего.

О катастрофе написано много, но редко помнят, что она заставила уцелевших иначе воспринимать жизнь, быть готовыми уже не к процентной норме и черте оседлости, а к тому, что и с ними поступят как с калмыками или чеченцами, раз уж такое практикуется. От тоталитарного государства дедовская еврейская самооборона защитить не могла. Надо было либо бежать, а это было шоком, либо, если ты врос в страну, где вырос, и, вопреки всему, ощущаешь ее своей, быть ежедневно готовым к гибели, сколько бы Молотов ни заявлял, что «антисемитизма у нас нет». А свободного места, где не жили бы другие люди, никто еврейским беженцам не предлагал. Восточную Пруссию, очищенную после войны от немцев, и не подумали предложить евреям, хоть немцы, возможно, сочли бы это более справедливым, чем заселение ее поляками и русскими. Земля предков, Палестина, была заселена. Но бежать евреям было больше некуда.

Местные арабы, понятно, не радовались еврейским беженцам. Да и за Хрустальную ночь или дело врачей ответственны не они. И трудно ожидать, чтобы они учли, что вторжение их предков в Палестину полторы

тысячи лет назад тоже вынуждало евреев быть еще тогда палестинскими беженцами. К тому же, и новую, арабскую, волну палестинских беженцев подняла не оборона от нападения арабских стран на едва возникший Израиль, а призывы нападавших уйти, чтобы вернуться, когда евреев сбросят в море. Однако никуда не деться и от того, что не было сделано ничего, что побуждало бы местных арабов принять ооновский раздел, и независимо строить себе лучшую жизнь, чем при султанах и под британским мандатом.

В самом начале мандата, практически одновременно с декларацией Бальфура уже был произведен раздел Палестины, и отрезанную Трансиорданию вход евреям сразу воспретили. А ООН, производя свой раздел, отвлеклась от прежнего, хотя могла, передав часть оставшейся земли еврейскому государству, отдать другую ранее выделенному из той же Палестины арабскому. Уже это проясняло бы ситуацию. А правовая невнятность земель, своей государственности тогда не пожелавших, служила не арабам, но лишь политическим играм великих держав с Израилем.

Антиизраильская позиция СССР, поощрявшего молодые тоталитарные арабские режимы, вынудила США к произраильской стратегии в холодной войне, но глубокая их связь с консервативными арабскими режимами превращала ее нередко лишь в предвыборное шоу. Пожалуй, ни в одном регионе позиции СССР и США не были столь взаимовыгодны. Сложившаяся ситуация годилась и для внутренних нужд обоих, - американским евреям правительство США подавало защиту их единоплеменников, как противостояние антисемитизму, а советской власти существование Израиля и его самозащита, объявленная «агрессией», служили внешнеполитическим прикрытием ее нарастающего сползания от псевдо-марксизма к русскому национал-социализму.

Окончание холодной войны побудило искать выход из тупика, до поры устраивавшего великие державы, но не палестинских евреев и арабов, более всего нуждавшихся в мире, хоть подступы к нему даже и в сознании были трудны. Отдадим должное генералу Рабину, приступившему к поискам мира в Палестине. Само осознание возможности мира для палестинских арабов и евреев столь важно, что ошибки не страшны, если их видеть. А видеть их тем более необходимо, что часто они совершаются под давлением все тех же великих держав, не считающихся с реальностью, им не столь важной. Соглашения в Осло нехороши тем, что пренебрегли принципом взаимности, открытым признанием того, что ни у евреев, ни у арабов, нет исключительного права на владение Палестиной. В Осло главенствовал принцип «земля за мир», без уточнения, какая земля и какой мир. Но одинаково нелепо говорить евреям об арабах, и арабам о евреях: «они живут на нашей земле!» То-то и оно, что на этой земле по праву живут два народа и обоим надо это понимать, чтобы цивилизованно развестись. СССР этому мешал, потворствуя войнам, а «мирному процессу» мешают США, которым вне военного противостояния с СССР Израиль стал стратегически неинтересен, тем более, что нефти там нет.

Но разве не США были вдохновителями и организаторами самого мирного процесса? Конечно. Пока, еще в пору холодной войны, они помогали Израилю и арабским странам обрести взаимопонимание, они заслужили благодарность, - мир, подписанный Бегином и Садатом, пережил обоих и держится. Но во внутриапалестинском конфликте Клинтон и Олбрайт не ограничились посредничеством и помощью, а, восполняя недостаток готовности сторон к взаимным уступкам, - не только у лидеров, но, увы, еще у многих арабов и евреев, не убеждали тех и других, а надеялись на сделку с лидерами. Бранят Шарона, визитом на Храмовую гору обнажившего неравенство евреев на арабской и арабов на израильской стороне. Но если одна не дает жителям другой даже входить на территорию, и для нее священную, - каким будет мир? Мир возможен лишь с арабским государством, у еврейского меньшинства которого не меньше прав, чем у арабского меньшинства Израиля, имеющего депутатов в кнессете. А мир без взаимности, мир с арабским государством, которое жаждет быть judenfrei, зачищенным от евреев, то есть создание двух взаимонепроницаемых гетто, на деле означает лишь разжигание ненависти. Вот эта ненависть уже и выплеснулась в глумлении над трупами и в разрушении гробницы Иосифа. Но и не опускавшиеся до такого арабы, выступили как открытые противники соглашений в Осло.

Можно гадать, обманывал ли Арафат евреев, говоря, что арабы готовы на мир, или до времени не открывал всех карт арабам, рассчитывая с помощью Клинтона мирно вытеснить Израиль с территорий, организовав там самоуправление и вооруженную полицию, чтобы, опираясь на них, продолжать войну. Так или иначе, в отличие от Садата, он не стал искренним партнером на переговорах, мир двух народов не был его целью. Вот и усиленное давление Клинтона на Барака, уже готового почти на все, лишь возбудило у Арафата соблазн надавить и со своей стороны, и массовому насилию надлежало это сделать, вспыхнуло оно по приказу Арафата или стихийно. Во всяком случае, он не призвал прекратить «побиение камнями», не велел своей полиции его пресечь.

Он сообразил, что великие державы ныне хотят не взаимности сторон, а капитуляции Израиля. На людях Ширак гневается, что во Франции поджигают синагоги. Но ведь призыв палестинских арабов убивать евреев всюду, где их увидишь, не делает для Франции исключения. И поддержав одностороннюю резолюцию Совета Безопасности (А и США не наложили на нее вето.), Ширак сам и поощряет поджигателей. А надо останавливать насилие с обеих сторон, убийство камнем, совершаемое гражданским лицом, ничем не лучше убийства пулей, совершаемого военным, да и у арабов в руках автоматы. Кто хочет мира, сам должен находить управу на своих экстремистов, подрывающих мир. Полиции Арафата не поощрять бы, но останавливать арабов, занятых массовой казнью всех попавших в поле их зрения евреев. Но приказа нет, и останавливать их приходится израильтянам. За это их осуждают, выдавая потаенное желание, чтобы Израиль сдался и не путался под ногами большой политики. Зато Арафата, отказавшегося остановить насилие, не осуждают.

Но провал Осло не отменяет нужды в мире с арабами. Не исключено, что участники Хамаза и Хизбаллы, о которых так не подумаешь, и даже иные их вожди, ощутив безнадежность войны и пользу мира, могли бы стать однажды партнерами по переговорам. Надо лишь впрямь искать взаимности и мира, а не поспешно помогать господину Клинтону выиграть выборы или урвать Нобелевскую премию.

МАТЬ ИНТУИЦИИ

При Сталине я увлеченно читал официальные издания, и обнаруживая в стократ проверенной газете отклонение от привычных клише, порой угадывал объяснение. Однажды, я поделился предположением с приятелем. Но когда оно подтвердилось, он жаждал знать, кто мне такое заранее сообщил. Пришлось признаться, что партийный орган «Правда». По этому поводу я впервые и услышал формулу: «информация – мать интуиции». Информация живет даже там, где ее хотят скрыть, лишь бы что-то сообщали. Место информации тогда почти целиком заняла пропаганда. Но она тоже информирует, если мы не жалеем умственных усилий.

До Горбачева, провозгласившего гласность, доступ к информации был ограничен, даже научные журналы держали в спецхране. А политическую информацию дозировать и того проще. Местные «Правды» являли образ и подобие центральной. В каждой квартире была тарелка радиотрансляционной сети с одной программой на страну. Потом появилось телевидение, программ стало две, даже три, но в серьезную минуту напрасно было их переключать, всюду Леонид Ильич, улыбаясь, говорил: «Верным курсом идете, товарищи!» Оно, конечно, из-за бугра вещали голоса, но советская наука изобрела глушилки, бесстыже торчавшие в разных районах города. В нынешней догме: «информация – это единственное, что объединяет страну» тогда было больше правды, хоть я, признаться, и тогда как-то считал, что мою страну объединяет нечто иное.

Но в промежутке между советской практикой и нынешней случилась научно-техническая революция. Из тарелки звучали проверенные песни. Они были массовыми. Твардовский с горечью замечал: Ах, песня в поле!... В самом деле,

Ее не слышал я давно.

Уже казалось мне, что пели

Ее лишь где-нибудь в кино.

Но появились портативные магнитофоны, а там и компактные диски, и давно уже на улицах люди в наушниках, слушают каждый свою песню, которая льется не из тарелки, а ему одному в собственные уши. Развитие техники позволило выбирать из обильного потока информацию себе по вкусу, по интересу, по надобности, и, главное, по доверию. Горбачев дозволил так выбирать не только музыку, но информацию. А ныне, чтобы информация опять объединяла страну, завели в интернете газету «Страна.ру», - чистый голос государства.

Ничего худого в том, что государство побольше расскажет о своем отношении к происходящему в стране и обществе, разумеется, нет. Худо, что его словам нет и не может быть доверия, слишком много оно прежде лгало и нынче лжет. Сперва сообщает, что переговаривается с моряками на затонувшей подлодке, а потом сообщает, что с самого начала знало, что все сразу погибли. Как после такого верить? Понимая это, оно и хочет себе опять особую, управляющую и контролирующую роль в информации, как и в иных сферах. Но уже видно, что управляемый рынок это не рынок, управляемая демократия – не демократия. Вот и управляемая информация – лишь материал для вычитывания непреднамеренно просочившегося. Если отсутствие открытого рынка создает теневую экономику, то отсутствие свободной информации создает теневую информацию. Это мы уже проходили, и власти стоит подумать, выгодно ли ей пресекать открытую информацию. Ведь ошибочные и даже клеветнические выступления в открытой печати можно открыто опровергнуть, хоть министр Греф и жалуется американцам, что компенсация оклеветанным начальникам у нас много меньше, чем приходится тратить на опровержение. Но теневую информацию не опровергнуть ни за какие деньги, – опровержения ее лишь подтверждают.

Создатели новой газеты, претендующей быть истиной в последней инстанции, объявляют, что «нынешняя власть не намерена платить за лояльность» в отличие, видимо, от прежней, платившей вольностями за поддержку. Но, помилуй бог, откуда подписавшим манифест «Страны.ру» Марине Литвинович и Михаилу Рогожникову известны намерения власти? И кто оплачивает расходы их газеты? О последнем нигде не сообщается, а подозревать Марину и Михаила в том, что они самозванцы, и власть не уполномочила их говорить от ее имени, оснований тоже как-то нет. Но за лояльность ныне платят уже не допуская лишних вольностей. Вот «Страна.ру» и выглядит вполне официозно, не хуже «Правды».

Она объявляет, что «старому медийному рынку подписан смертный приговор». Людям при власти видней, но почему приговор массовый? На старом рынке, если именовать то, что есть, рынком, действуют все же разнообразные издания и персоны. Редактора газеты «Завтра» Александра Проханова, к примеру, принял президент, и Проханов беседой остался доволен. За что же ему-то смертный приговор? Да и с медиа-магнатами не кругло выходит: первым посадили в Бутырку Гусинского, мало кто его любит, но давно ли можно опять угодить в кутузку за то, что тебя не любят? Да он, говорят, задолжал, а платить долги – святое дело. Но давно ли, дав займы на определенный срок, можно требовать отдачи долга до истечения срока, как вдруг потребовал у Гусинского Сбергательный банк?

У нас, конечно, все можно, если задеты государственные интересы, а Сбербанк – учреждение государственное. Но примечательно, что опять ради государственных интересов власть встала выше, пусть не социалистической, но какой-никакой законности. Конечно, в ходе выборов Гусинский проявлял нелояльность к будущему президенту. С чего-то он,

верно служивший прежнему хозяину, вдруг взбрыкнул. Может и впрямь недоплатили, не знаю. Но в любом случае, «Страна.ру» не договаривает, а факты говорят, что власть намерена не только не платить за лояльность, но и казнить за нелояльность. Покамест неторопливо. Вот она добром предложила Гусинскому уйти из информации, и тогда обещала не казнить, министр подписал обещание, - понятно, с ведома и согласия премьера и президента, иначе он не то что из правительства бы вылетел, а под суд угодил за преступный сговор. Сам Гусинский уперся, а теперь жалуется.

Березовскому, усердно служившему при выборах и новому хозяину, но взбрыкнувшему позднее, тоже указывают еще не на мыльную веревку, просто велят знать свое место. Равняться на Потанина, - никто и не вспоминает, что тот тоже медиа-магнат, сыгравший решающую роль в уничтожении едва ли не лучшей газеты ельцинских времен, «Известий». Потому как лоялен. Это факт. А заявляют, что наши СМИ неспособны видеть факты. И даже ставят в образец пудовые американские газеты и СиЭнЭн. где каких-то фактов не узнаешь. Но не только умалчивают, где на такое денег взять, но забывают сколько в американских газетах и на СиЭнЭн не только информации о фактах, но и суждений о них. Простим, что «Страна.ру» не спешит сообщать о нежелательных фактах. Но совсем не хочет она нежелательных суждений.

А как раз серьезных суждений о происходящем в России больше всего и недостает. Нам опять внушают, что достаточно узнать факты, отобранные уполномоченными товарищами, и все станет ясно. А что это не так, видно не только на собственном опыте. Нас уверяли, что НАТО, бомбежки, санкции, пропаганда, лишь способствуют авторитету диктатора Милошевича, сообщали его рейтинги, а оказалось, что сербы, кроме живущих в Черногории и Косове, добивающихся независимости от Сербии, рады от Милошевича избавиться. В первом же массовом голосовании после бомбежек большинство сербов в собственно Сербии оказалось против него. Такой поворот событий был полной неожиданностью для наших политиков и СМИ. Путин и Гусинский, Березовский и Павловский, оба Ивановых и Хакамада, Селезнев, и Сванидзе и прочие, понятия не имели о реальном положении вещей. Остановив эти перемены Милошевич подтвердил бы, что за ним лишь сила. Что-то у нас с информацией, действительно, неладно. Не от презрения к новостям, по манифесту «Страны.ру», а от единого образа мыслей. Советского, официального или неофициального.

Средства массовой информации бывают государственные, общественные и частные. Друг другу противопоставляют государственные и частные. Общественные называют более надежными. Но какие считать общественными? Откровенные единомышленники подписантов манифеста прямо говорят, что общественные – это государственные. Конечно, сегодня есть общественные организации и кроме КПРФ, перенявшей издательские возможности КПСС. Они тоже могли бы издавать газеты и иметь время на телевидении, окажи им, независимо от их лояльности, помощь государство. Но и они не исчерпали бы голоса общества. Хор общества включает и государство, и общественные организации и частных лиц,

издающих газеты ради прибыли, зависящей от спроса, а значит и от мнений и доверия миллионов.

Не то плохо, что СМИ принадлежат лживому государству и малосимпатичным Гусинскому, Березовскому или Потанину, а что кроме них у нас мало владельцев газет и телеканалов, медийных акционерных обществ. А голосом общества не говорит никто в отдельности, даже законно избранный президент, - большинство общества либо не пошло за него голосовать, либо голосовало против него. Ради более надежной информации и более глубоких комментариев надо доустить увеличение числа газет и телеканалов, а не выносить им смертные приговоры. Выяснению правды служит само сопоставление разных неправд. А когда кто-то, не одни Марина Литвинович и Михаил Рогожников, но и гениальный Ленин, объявляет, что у него вся правда, и не дает говорить другим, известно, к чему это ведет. Вот претензия «Страны.ру» на руководство истиной и пугает. Ничего страшей монополии на информацию нет.

ГАЗЕТНАЯ ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ

Рядовые граждане, ограбленные реформами, именовавшимися демократическими, определили свое отношение к демократии, вставив «р» с мягким знаком после второй буквы манившего прежде слова. Но наблюдаются и умственные реакции. Иные твердят, что в России демократии быть не может, потому как «особенная статья». Писатель Кабаков не ограничивается Россией. Он подвергает невнятное слово анализу, устанавливает, что в переводе с греческого оно означает «власть народа», и логично, хоть не без иронии, доказывает, что счесть властью народа власть его большинства никак невозможно. При этом повторяет старую неправду, будто «нацизм был сознательным выбором подавляющего большинства свободолюбивого германского народа», хотя широко известно, что на свободных выборах нацисты больше 37% никогда не собирали, а Гитлер, став рейхсканцлером, произвел государственный переворот. Кабаков, впрочем, знает, что другие порядки еще хуже демократии. И не то что так уж хороша демократия, даже доподлинная, а не разыгранная нашей номенклатурой. Но обозначаемое явление и слово, его обозначающее, не всегда совпадают по смыслу. Чтобы что-то понять, стоит не просто переводить, а взглядеться в обозначаемое.

Обнаружится, что и в Древней Греции, на родине демократии, слово «демос», переводимое как «народ», отнюдь не обозначало, как нынче, всех людей. Рабы в народ не входили, иностранцы тоже. Демос был лишь частью древнегреческой общественной структуры, о которой, за недостатком места, мы здесь не говорим. Но его власть, «демократия», отнюдь не состояла в том, чтобы, как ждет от нынешней «демократии» Кабаков, расстрелять 49% оставшихся на выборах в меньшинстве. Она лишь вела к большему учету интересов этого слоя, а не одних богачей или аристократов. А в Англии демократия внедряла социальные компромиссы

еще нагляднее. Неотъемлемые атрибуты демократии, парламент и разделение властей, противостоят абстрактному правильному пониманию того, как надо обустроить жизнь, предлагаемому религией или передовым общественным учением, их пророками и вождями. Пророкам и вождям приходится делать выбор - или представительные органы, способные к учету реальностей и компромиссам с разными слоями общества, или «Комитет» по праву захвата, - вводимый им порядок, подобно Кабакову, зовут демократией лишь в насмешку. У нас власть не склонна к компромиссу, и разные слои общества трудно понимают друг друга.

От этих самых других не только у нас давно хотят избавиться. Давно поют: «Лишь мы работники всемирной великой армии труда владеть землей имеем право, а паразиты никогда». Паразитами объявляли не только помещиков и буржуев, тоже не только паразитировавших. К ним относили и создателей машин, - луддиты ломали машины, чтобы освободить рабочий класс. И так мыслили не только в конце XVIII века. В СССР долго объясняли, что компьютер тоже вещь никому не нужная, но усугубляющая эксплуатацию. Перебить все эти компьютеры, их операторов и создателей, положить конец их распространению по свету, многим хотелось, да и нынче порой хочется не меньше, чем легендарному подмастерью Лудду сломать свою машину. Многим слоям разных обществ кажется, что нужны только они, а без остальных отлично можно обойтись. Тем более, что над промышленными странами висит угроза безработицы. Но вдруг выясняется, что развитым странам даже более, чем неразвитым, недостает квалифицированной рабочей силы.

Потому людям и не построить идеальное общество, что, по потребностям развития, ему все время приходится изменяться. Иным кажется, что можно не то что пренебречь развитием, но направить его в желанную сторону. Опыт Советского Союза, выдающиеся достижения которого не только не спасли его от провалов в других областях, но как раз и толкнули к крушению, увы, еще не побудил Россию понять, что социализм ложен, прежде всего, своей бескомпромиссностью, и избавиться от нее важнее, чем переименовать Ленинград в Петербург. Ради компромисса и надобно демократическое устройство. Трагедия России в том, что под видом демократии номенклатура подсунула ей либерализацию лагерного режима. А демократии, как не было, так и нет, и нет компромисса меж социальными слоями: номенклатура стала жить лучше, а десяткам миллионов сократили советскую лагерную пайку.

Такое, конечно, несправедливое, но по-советски проведенное перераспределение стало могучим аргументом в руках тех, кому милы советские порядки. Михаил Леонтьев открыто уверяет, что Россия только и может существовать как военно-колониальная сверхдержава, иначе, дескать, никакой России не будет. Доказательств тому нет. Англия, некогда владевшая четвертью земного шара, потеряв все, остается в первой семерке и не на седьмом месте. Германия, от которой после поражения отрезали треть, а потом еще от оставшегося взяли треть под ГДР, тоже не

потерялась. Почему пропадет Россия, обладающая куда большими ресурсами, и территориями, заселенными русскими, понять нельзя, тем более, что у большинства колоний нет страсти к разрывам, они хотят лишь некоторой самостоятельности, чтобы самим не пропасть. Однако угрозой гибели России нас предостерегают от движения к демократии, при которой, конечно, кидать бомбы на Чечню было бы трудней. Симпатии Кабакова и Леонтьева, вроде, не слишком схожи, но недоверие к демократии у одного и культ военной мощи у другого показывают, как под другими именами реставрируются в умах советские идеалы. Ни Кабаков, ни Леонтьев, по крайней мере сегодня, сколько я знаю, не коммунисты и пишут не в коммунистических изданиях, но как невольные (Кабаков) и вольные (Леонтьев) сторонники реставрации, как беспартийные большевики.

Некогда Жозеф де Местр, понимая пределы реставрационных возможностей, говорил, что Людовик XVIII сел на трон Наполеона. Но Наполеону предшествовала революция, перевернувшая Францию, перевернуть ее обратно иностранные войска, посадившие Людовика на трон не могли. Французская революция поныне самый цельный и наглядный пример революции, и на ее опыте часто выверяют ход не столь очевидных. Вот и наши события порой примеряют на французском манекене. Глеб Павловский, в связи с новыми мемуарами Ельцина говорит о масштабном политическом проекте, который тот проводил последние четыре года. и находит, что Ельцин «конвертировал революцию в государственность», поддержание которой и поручил Путину. Можно бы придраться и к сроку – не четыре года, а все восемь, и к тому, что реставраторская работа, какую проделал Ельцин, в большой мере удалась ему потому, что революция у нас как раз не состоялась и Россию не перевернула. Но заслуга Ельцина перед теми, кто сочтет это заслугой, и впрямь в том, что он эту революцию не допустил, остановил, не дал ей ничего «разрушить до основанья», только создать неизбежный в таких случаях беспорядок.

Несколько обескураженный интервьюер из газеты «Сегодня» для ясности решил сверить услышанное с французским образцом: «Получается, что Ельцин совершил термидорианский переворот. Тогда нынешняя эпоха – это Консульство?» И Павловский отвечает: «Ельцину удалось то, что в России до сих пор не получалось: соединить революцию с элементами термидора». Неосмотрительно, конечно, сказано, что «не получалось», - выдающиеся заслуги товарища Сталина, опять же для тех, кто сочтет их заслугами, в этом именно и состояли, он-то ведь и впрямь был участником революции и, под ее же знаменами, все, что революция сулила, пресек. Ельцин, если не выдавать сопротивление ГКЧП за революцию, лишь позволял считать себя гарантом демократии, эту самую демократию непрерывно ужимая. Но его ведущая роль в нашем термидоре несомненна, и едва ли не впервые она так четко признана сторонником Путина. До сих пор, как о защитнике прежнего строя, пусть без обветшавших знамен, о Ельцине говорили лишь его критики, и в устах его преемников это признание дорогого стоит.

Примечательно, однако, что, продолжая разговор, Павловский отверг предположение, будто мы вступили в эпоху Консульства (Первым Консулом стал, как известно, генерал Наполеон Бонапарт.). Для него «Путин – это скорее Ришелье». Интервьюер даже спросил, не приведет ли чрезмерная концентрация власти к авторитаризму, и Павловский отказался дать гарантии, что так не случится, лишь выразил надежду. Но куда любопытней другое: откуда после термидора, а, тем самым, после революции, Ришелье? Ришелье-то и был великим строителем абсолютизма, преуспевавшего во Франции почти весь XVII век, и негибкость его постройки, неспособность к реформам, и вызвала революцию. То есть, нам предлагают не просто реставрацию, а возврат к предреволюционному порядку, реставрацию без революции.

Путин, однако, не Ришелье, но и не Наполеон, который, в отличие от Пиночета, Франко и других любимых героев нынешней России, был все же не только усмирителем революции, как Сталин, но ее сыном. Он-то как раз перевел революционность в государственность. Изданный им кодекс был не только действенным государственным нормативом, но и воплощением антифеодальных понятий о свободе. Путину мешают сделать то же самое не столько даже различие масштабов личностей, сколько отсутствие у него за плечами революции, которую Ельцин и не допустил, и не восполнил реформами. Вот в образцы и ставят Ришелье, предлагая России по второму разу сыграть в ту же самую игру, авось на сей раз выиграем. Вот и вся философия истории.

ФАКТЫ И СРАВНЕНИЯ

Борис Кагарлицкий не первым сравнил войну России в Чечне с войной Израиля в Палестине. Израильский пример у нас давно используют как довод, чтобы чеченцев «мочить в сортире». Кагарлицкий в «Новой газете» хочет вроде иного, - уступок России и капитуляции Израиля. Но реальность изображает так же фантастично, как его оппоненты. Здесь прорезается важное свойство нынешней российской политической мысли, - свои позиции в конфликтах именуют по-разному, но ситуации видят почти одинаково. Между тем, дискуссии имеют смысл лишь проясняя реальность.

Не то что между русскими и евреями нет ничего общего, напротив, в некоторых отношениях они очень даже схожи, чем отчасти объясняется глубина еврейской ассимиляции в России, - вспомним хотя бы присущее обеим культурам мессианское мышление. Но судьбы их государств столь кричаще разные, что без намерения это из виду не упустить. Евреи утратили государственность почти две тысячи лет назад, но возникший заново Израиль всегда был демократическим государством. Россия свою государственность так или иначе удерживала от сотворения, даже под монгольским игмом, но демократической не была никогда, если не считать

нескольких месяцев между февралем и октябрём семнадцатого года. Русское государство стало Российской империей, более того, сверхдержавой, куда до него Израилю! Видящему это, - а Кагарлицкий, как человек левых взглядов, должен бы видеть, - видны и коренные различия отношений России с чеченцами и Израиля с палестинскими арабами. Россия насильно включила чеченскую землю в свою империю, не жалея на это ни чеченской, ни русской крови. Но стремление к свободе там не слабело никогда. Россия боится, что уход Чечни повлечет ныне за собой распад империи, и требует полной покорности.

Совсем по-иному сложились вековые отношения евреев и арабов. Прежде всего, ни те, ни другие, не вправе считать Палестину только своей землей, - это земля обоих народов, из этого исходила и ООН, принимая резолюцию, при всех ее недостатках, четко признающую права обоих народов на этой земле. Не будем пересказывать другие доказательства. Если в чеченском случае ясно, кто там империалист, то в палестинском империалистом является тот, еврей он или араб, кто требует себе исключительное право на эту землю. Нетрудно понять, что главное условие прочного мира между русскими и чеченцами – одностороннее признание Россией независимости Чечни, - чеченцы независимость России под сомнение не ставят, а главное условие прочного мира в Палестине – признание каждой стороной независимости другой, и тут мир не может быть достигнут односторонне.

Кагарлицкий сетует, что перемирия в Хасавюрте и Осло не разрешили основных проблем, а Чечня и арабская Палестина получили лишь «отложенный статус», и сводит к этому причину войны, не задумываясь, почему война шла до этих и впрямь несовершенных перемирий. А тут-то и бросается в глаза коренное различие. Не Дудаев начал войну против России, а Ельцин против Чечни, требовавшей независимости. Можно, конечно, спорить какой была бы жизнь в независимой Чечне, но можно спорить и о том, какой была жизнь в сталинской или ельцинской России. Это было бы внутреннее дело чеченцев. А начни они угрожать соседям, - есть средства такие угрозы пресечь с помощью той же ООН или ОБСЕ, да и, вообще, убеждение, что независимая Чечня пойдет войной на Россию, грозя ее завоевать, может сложиться только в богатом воображении чекиста. Статус Чечни был «отложен» в Хасавюрте просто потому, что Россия не хотела для нее никакого иного статуса и надеялась, что перемирие ослабит сопротивление и позволит восстановить «порядок». Заслуги наших товарищей в создании в Чечне атмосферы беззакония, неподчинения законному и признанному Россией президенту, тоже не стоит умалять. Кагарлицкий во внутреннем неустраивании чеченской и палестинской «отложенных» автономий тоже ищет причину войны, но и в Чечне оно не повод для России нападать, и в Палестине не повод восставать не против коррумпированного, по словам самого Кагарлицкого, руководства, а под его водительством против Израиля. А сходство тем, что «Путин намекает на контакты с Масхадовым, а Барак прямо едет встречаться с Арафатом», - просто выдумка. Путин не только не намекает, но такие утверждения прямо опровергает!

В Палестине само осознание необходимости мира шло трудно на обеих сторонах. Израиль искал мира добиваясь соглашений с окрестными арабскими странами, в 1948 году стремившимися его уничтожить. Частичный успех тут пришел лишь в 1979 году с Египтом. Никуда, однако, не уйти и от того, что до войны 1967 года арабского движения за палестинское государство не существовало, хотя на землях западного берега и других, после резолюции ООН почти двадцать лет управлявшихся арабскими государствами, никакой Израиль не мешал такое государство создать, пусть даже, как и другие арабские страны, не признающее Израиль. Стоит все-таки помнить, что это не было сделано. Да и само существование тогда отдельного палестинского арабского народа, отличного от других арабов, как, скажем, египтяне, - предмет дискуссий.

Быть может, самая досадная из упущенных Израилем возможностей - то, что после победы в войне 1967 года он не сумел, - а президенты США Джонсон и Никсон не помогли, - вернув арабским странам, прежде всего Иордании, большую часть захваченных тогда земель, заключить мир и установить границу. Это тоже не было сделано. Вот Осло и осталось лишь полушагом в правильном направлении, обе стороны не ощущали пути к подлинной взаимности и удовольствовались ненадежным, как выяснилось, принципом «мир за землю». То есть, статус арабского государства в Палестине был «отложен», вопреки Кагарлицкому, совсем иначе и по иным причинам, чем чеченского. Отнюдь не потому, что Израиль не хочет существования двух государств, еврейского и арабского, - легко видеть, что значительная часть евреев разделяет эту мысль, но потому, что этого не хочет значительная часть палестинских арабов, что и в Осло тормозило готовность Израйля сразу признать их полную суверенность.

У большинства чеченцев и мысли нет уничтожить Россию, и даже в ходе войны их ненависть падает на русских, осуществляющих волю империи, а тамошние мирные русские жители нередко получают от них помощь и защиту. А большинство палестинских арабов, как показали недавние события, увы, по-прежнему хочет ликвидации Израйля и очищения от евреев не то что Палестины, но и всего остального мира. Призывы убивать евреев и многочисленные нападения в Европе тоже свидетельствуют, что речь идет, в отличие от Чечни, не просто о национальной независимости, но что формируется выходящая за ее пределы идеология известного образца. Кагарлицкий на нее не оглядывается, хоть знает, что не ислам движет палестинцами и, тем более, чеченцами. Но сочиняет им сходство, не менее фальшивое, чем у объединяющих их жупелом «исламские террористы».

Казалось бы, он ищет социальные причины, толкнувшие на разбой, но и эта прекрасная склонность не побуждает его признать, что и сами «исламские террористы», вместе с сочувствующими составляющие меньшинство мусульман, социально распадаются на два враждующих движения - фундаменталистское с опорой на Иран и социалистическое с опорой на Ирак, воевавшие меж собой. Но Кагарлицкому как-то больше с руки искать «державность» в Израйле среди российских эмигрантов, которые «едят сало по субботам» и читают газету «Завтра». Такие евреи,

конечно, есть. Но их среди избирателей и правителей Израиля слишком мало, чтобы можно было так объяснять переход Арафата (кстати, ничем не схожего с Масхадовым, с которым его равняет Кагарлицкий), от дискуссии к восстанию. Это метода испытанная: евреи сами во всем виноваты. Так и глумится: «Своя нация всегда в осаде, всегда обижена. И при этом мы никогда ни в чем не виноваты!» И объясняет, что от града камней, - которыми, хоть и впрямь убивают мальчишки, но организуют их отнюдь не дети,- евреям защищаться ни в коем случае не следует. Тогда и придет угодный Кагарлицкому мир!

Его доводы, как бы зовущие к миру, на поверку не отличаются от доводов, зовущих к войне. Он не замечает, что сходство тут обратное: Российская империя уничтожает крохотную Чечню, как арабское сообщество крохотный Израиль. Разница лишь в том, что евреи чему-то научились на опыте своей катастрофы, а чеченцы на опыте своей в СССР научиться не могли, - тем достойней их стойкость.

Но статья Кагарлицкого приметна не только конкретным духом. Еще любопытней она как пример преобразования левых убеждений, чуть они разорвут с реальностью и демократией. Самые страшные ужасы в XX век приносили строители социализма от Сталина и Гитлера до Ким Ир Сена и Саддама Хуссейна. В ответ общим местом стали хвалы царскому режиму и другим реакционным порядкам. И мало кто признает, что трагедия века в том, что, переступая через демократические нормы, написанные на знаменах, левое движение в самых разных странах преобразалось в новое правое, даже превосходящее реакционностью тех, кому шло на смену. Сторонники прежней реакции объясняют это тем, что левые, якобы, просто обманщики и дурят народ, чтобы пролезть во власть. К сожалению, дело обстоит гораздо хуже. Обманщиков разоблачить не сложно. Но Борис Кагарлицкий пишет искренне и, поскольку не одобряет власть, не без риска для себя. Он только весь опутан предвзятостью, мешающей видеть, что происходит на деле. Точно так же она мешала Ленину, Троцкому или Дзержинскому, тоже, в отличие от Сталина, Зюганова или Ельцина, вполне искренним, но из-за забора предвзятости не видевшим и на шаг вперед к чему вело чинимое ими насилие.

ПРЕВРАТЯТ ЛИ США В СССР?

Свежеиспеченный сенатор Хилари Клинтон, еще не приступив к своим обязанностям, сочла конституцию США архаичной и жаждет ее изменить. У нас Владимир Лукин, в прошлом посол России в США, тоже узрел в американской конституции что-то средневековое. Многих удивляет, что один может получить большинство голосов избирателей, но президентом станет другой, получивший большинство голосов выборщиков. А дело простое, - в США этих самых выборщиков отдельно выбирает каждый штат. Более населенные выбирают и больше выборщиков, но ими всюду становятся только сторонники того кандидата, который собрал больше голосов в данном именно штате. Даже если штаты Нью-Йорк или

Калифорния проголосуют единогласно, они не получают больше выборщиков, чем им положено. Но, имея даже небольшое преимущество, победитель получит в каждом штате все места выборщиков. И запросто может быть, что в нескольких единогласных штатах за одного кандидата подадут больше голосов, чем с меньшим перевесом за другого в большем числе штатов, вместе имеющих больше выборщиков. Чтобы стать президентом, нужно получить большинство не просто в стране, а в большем числе штатов. Вот и поразмыслим, дань ли это средневековью, которого, строго говоря, в Америке и вообще-то не было, или подобная система необходима грядущему веку, и не только в Америке?

Слов нет, то, что выборщики должны потом отдельно собраться и формально избрать президента, - впрямь пережиток неуверенности в том, что народ может определить достойного и его не придется поправлять. Жизнь показала, что этот страх напрасен и церемония формального избрания не нужна. Но закрепляя за каждым штатом, то есть за каждым государством, вошедшим в федерацию Соединенных Государств (штатов), отдельный голос, пусть (сообразно с их населенностью) не у всех штатов одинаково весомый, отцы-основатели США проявили мудрость, которой страна обязана тем, что развивалась не только в угоду сложившемуся старому центру. Найдя формальное воплощение структуры федеративного государства, американцы, уже при избрании президента, уравнивают интересы разных частей страны, и вынуждают президента, считаться не только с центром.

Сломав Российскую Империю Ленин вроде бы тоже хотел заменить ее равноправным союзом бывшей метрополии с бывшими колониями, и тоже придумал формальные гарантии их равенства, к примеру, избрание сразу нескольких президентов (председателей) Союза, по одному от каждой республики. Трудно сегодня судить, делалось это всерьез или показухи ради, но, так или иначе, его структура не сработала, и фактически в обличье Союза возродилась империя.

Ускользнувшие в революцию ее части по-разному возвращали в имперское лоно. Одних, как прибалтийские республики, насильственно загоняли в СССР, другие, как Польша, сохраняли отдельность, но с угодным Москве порядком и ходом жизни, третьи, как Финляндия, сохраняли самостоятельность, но не перечили, а нередко и угождали СССР. На пике холодной войны порой казалось, что СССР скоро вынудит к такому угодничеству всю Европу, и говорили о ее «финляндизации». Но совсем иначе смотрелись степени имперской зависимости изнутри СССР. Положение Польши казалось жителям советских республик завидным, а положение Финляндии и вовсе недостижимой мечтой.

Руководство СССР, занятое поглощением и русификацией бывших колоний, не сознавало остроту федеративных проблем и не использовало опыт, которым располагало. Примесь оно за «финляндизацию» не Европы, а, напротив, СССР, или за предоставление республикам, не только союзным, но и автономным, статуса стран «народной демократии», СССР,

пусть не как империя, но как реальное содружество наций, быть может, жил бы поныне. Но то-то и оно, что надобность перейти от империи к содружеству, надобность преодолеть нежелание большинства считаться с меньшинством, трудно входит в людское сознание. Даже там, где эти принципы издавна определяют государственное устройство, порой выступает неуважение к меньшинству.

Тому есть, конечно, объективные причины. На рубеже третьего тысячелетия явно обострилась тенденция к объединению целых стран в союзы и блоки. Этого требует техническое и экономическое развитие. Но одновременно обострилась и тенденция к государственному обособлению отдельных областей, не всегда даже национально самобытных, поскольку интересы таких областей в ходе общего развития часто ущемляются, и опыт показал, как часто это подрывает объединительную тенденцию.

В новое время идеи всеобщего объединения мира открыто выдвинули коммунисты, ратовавшие за мировую революцию, но народы на их призыв не всюду отзывались. Народы хотели сами решать свои судьбы. Практическим объединителем Европы выступил Гитлер, он распорядился от Ламанша до Волги, но не только на Волге, а почти везде вызвал сопротивление, которое его и смело. Аденауэр и де Голль, заложившие основы нынешнего Европейского объединения, в которое, в отличие от гитлеровского, тянутся, понимали порочность и гитлеровского порядка и советского. Де Голль ратовал за Европу государств, то есть штатов. Этот яростный антиамериканец, сознательно или бессознательно предлагал Европе структуру, шедшую от американской, то есть федерацию, в которой за ее членами на деле сохраняется голос и известная самостоятельность. А ныне уже в Америке мечтают отнять у штатов их голоса, то есть заменить федерацию унитарным государством.

Тяга к этому прорезалась в связи с тем, что на президентских выборах никто не одержал убедительной победы. Признаться, будь я американским избирателем мне тоже трудно было бы решительно предпочесть кого-то из нынешних кандидатов. Мне не нравится претензия Буша отнять у женщины право выбора - рожать или не рожать, на которое не смеет посягать даже близкий ей мужчина, муж. И уж совсем не нравится мне Гор, на взгляд которого президент, совершивший клятвопреступление, как его шеф Клинтон, может оставаться на своем посту. Среди американских президентов и прежде бывали далеко не святые, но когда они попадались на антигосударственных деяниях, - а это, конечно, не сами по себе личные отношения Клинтона с сослуживицей, а клятвопреступление, - им, как на нашей памяти республиканцу Никсону, приходилось уходить. Я бы не голосовал за человека, который считает, что президенту США дозволено врать не только повседневно, как врут обычно государственные деятели, а даже под присягой. Все это, понятно, внутреннее дело американцев, которые и решат, как считать голоса и кого выбирать в президенты. Но убеждения часто вылазят наружу по случайным поводам.

А ломка демократической структуры Соединенных Штатов задевает всех нас, в какой бы стране мы не жили. Хилари замахнулась на самостоятельность штатов при выборе президента, на место которого, кстати, и сама метит. На этом пути будет логично пересмотреть потом роль Совета Федерации, то бишь Сената, - отнять у него важные функции, предложить, чтобы более населенные штаты выбирали больше сенаторов. А дальше естественно потребовать для нового президента право отстранять губернаторов. Эту дорожку как раз только что протоптал новый президент России Владимир Путин, отнявший у субъектов российской федерации даже ту скромную самостоятельность, какую они получили при развале СССР.

У Путина это как-то понятней, пред ним - унитарная традиция Сталина и прежних российских самодержцев. Но Америка ориентировалась на традиции Джефферсона, с чего же вдруг сенатор Клинтон ныне от них отрекается и равняется на Россию и даже СССР? Еще ничего необратимого, конечно, не случилось, брошен лишь первый пробный шар, но, если он покатится, Соединенные Штаты уже не будут соединенными штатами и станут единой, унитарной страной, которой придется дать новое имя, назвать ее, скажем, Хилария. Поэтому представлять себе, куда влечет свою страну новый сенатор, стоит уже сейчас.

Что толкает Америку, - а Хилари не одинока, - на этот путь? Не то ли, что, сочтя свою страну единственной отныне сверхдержавой, иные американцы готовы решать свои глобальные задачи, пренебрегая мнениями и интересами собственных сограждан? То есть поступать так, как поступал Советский Союз и при Сталине и при Брежнев. А это радикально изменило бы картину мира. Роль Соединенных Штатов часто бывала благотворной и даже спасительной для других, - они решили исход обеих мировых войн, они спасли принявшие помощь страны планом Маршалла, они отстояли мир пред лицом советской угрозы. Но взвешенность и осмотрительность их действий определялась необходимостью считаться с многообразием и многоголосием собственной страны. Когда считаться с ними не станет нужды, не станет и предохранителя от авантюризма тех, кто, отождествив свою власть, поддержанную большинством, с демократией, заткнет рты остальным американцам, а потом и большинству, и США сами станут угрозой всему человечеству.

Покамест свободе, улыбнувшейся миру при падении берлинской стены, страшна, прежде всего, реставрация тоталитарного строя в России, на угрозу которой остальной мир еще закрывает глаза. Нынче ногу для первого шага в том же направлении подняли США, и их движение к иному порядку не заметить будет трудно. Народу России с властью, поднатворившей в его усмирении, не совладать. Остается надеяться, что американский народ во время спохватится, и не даст обойтись с собой таким же образом.

ПАМЯТИ БУРТИНА

На смерть Юрия Буртина откликнулись немногие. Человек известный, он был не из шумных знаменитостей журнализма, номенклатуры или диссидентства. Между тем, это едва ли не самая большая утрата демократически мыслящей России после Андрея Сахарова. Его присутствие в общественной жизни вынуждало признавать, что в вихре косметических перемен не вовсе забыты давным-давно надобные стране глубинные перемены, ради которых она не раз вставала на смертный бой сама с собой, и которые ей все не давались.

Ельцин свел политику к демонстративному и потому никчемному противостоянию коммунистам, из рядов которых вышел. Никчемному не только потому, что преступления КПСС и КГБ не были обнародованы, обдуманы и осознаны, а архивы остались закрыты. Но и потому, что коммунистическое движение изображают джином из бутылки, напустившимся вдруг на Россию. Почему этот джин носит нибб борца с самодержавием, которое он-то как раз, и укрепил в другом виде (вместо царя-самодержца секретарь-самодержец), ни Бориса Николаевича, ни его псевдо-демократическую свиту не занимало. Они торопливо забывали недавнюю историю отечества. Для них борьбы за освобождение крепостной и полу-крепостной России как бы и не было. Уже уверенно твердили, что декабристы, революционные демократы и народники именно и привели к власти советскую номенклатуру. А и без архивов известно, что она пачками убивала не то что эсеров, продолжателей народников, но и большевиков, не забывших о целях освободительного движения, то есть, большинство своих былых товарищей.

Буртин, как историк литературы по образованию, не обличал по пересказам, а сам читал и Герцена, и Чернышевского и Добролюбова. Он видел, чем большевики-ленинцы, коммунисты-зюгановцы, и «анти-коммунисты» - ельцинисты от них отличаются. Он первым исчерпывающе называл ельцинскую эпоху: «Номенклатурная приватизация», «Украденная революция». Субъекты его размышлений – не Ельцин, Зюганов, Гайдар или Путин, а общество, народ. Он не впадал в народопоклонство, но понимал, что надо покончить с положением, «при котором народ бесправен и безгласен, при котором рядовой человек лишен возможности воздействовать на ситуацию в стране, предопределяющую во многом и его личную судьбу, когда он бессилен перед хапугой-чиновником или самодуром-«работодателем», не знающими над собой никакого закона, и ни органы власти, ни партии, ни профсоюзы пальцем не пошевелинут, чтобы защитить его от произвола». Можно спорить, как такое изменять, но необходимые России перемены обозначены.

Буртин не раз упрекал в равнодушии к ним ту часть интеллигенции, которая, прельстясь послаблениями, поневоле допущенными властью в ходе кризиса, слепо поддерживала эту власть, отвлекаясь от ее природы и социальной реальности. Упрекал справедливо, хоть перемены застряли не только от подлости людей, чтобы попасть в новую номенклатуру, что им прежде и не мечталось, оправдывавших даже войну в Чечне. Человек следующего поколения, Дмитрий Фурман, многие взгляды Буртина

разделявший, в этой связи однако заметил: «Какая элита – такой и народ, какой народ – такая и элита».

Сетуя на «силовое навязывание народу либеральных и буржуазных реформ», Фурман счел, что даже возврат власти КПСС был бы не отказом от демократии, а ее развитием. А Россия – не Польша, где революционные преобразования состоялись, и коммунист Квасневский уже не в силах мирно восстановить сломанное годами правления Валенсы. И в польской компартии верх к тому же взяло либеральное крыло, а в России фундаментализм молодой компартии РСФСР.

Вину тут не разделишь меж народом и либеральной интеллигенцией, тем более, что «перестройку» затеяли не те и не другие, а более дальновидная часть верхушки партии. Ощувив масштаб кризиса, к которому КПСС привела страну, и надеясь «революцией сверху» упредить революцию снизу, неизбежную, если жить по-прежнему, сама КПСС и «навязывала» перестройку. Руководители, ощутившие кризис, -- а это, конечно, не только Горбачев, Шеварднадзе и Яковлев, но и Лигачев и прочая вожди, за немногими исключениями, - смутно понимали в чем этой революции сверху надлежало состоять. К тому же, в «перестройке» сомневалось большинство среднего слоя номенклатуры, возможно, и не ведавшего реальное положение вещей. Либерально настроенная интеллигенция сперва лишь использовала щели гласности, чтобы вставить словечко. А народ в своей массе был пассивен, хоть на введенных Горбачевым выборах уже проваливал партийных руководителей. Но отношение народа к «перестройке» сказалось 19 августа 1991, когда толпы людей вышли против ГКЧП и никто не вышел его поддержать, хоть быть заодно с танками безопасней, чем против них.

Возражая Буртину, Фурман сетовал, что «народ не может быть другим». А народ, хоть и не был инициатором перемен, в роковой день вел себя недвусмысленно. Но полгода спустя он и впрямь стал иным. И одновременно раскололась либеральная интеллигенция. В руках Ельцина были главные средства массовой информации – телевидение, радио, и крупные газеты, и легко вспомнить, кто шел за ним. Однако, другая часть интеллигенции, которую знают хуже, поскольку у нее не было возможности говорить с народом, составила не столь уж малую, хоть и реже слышную, демократическую оппозицию, к которой принадлежал Буртин, и отчасти его критик Фурман. Около десяти процентов собирал на выборах Явлинский, до окончательной победы Путина державшийся довольно стойко, а еще процента два избирателей голосовали против всех. Они и составляли российскую либеральную интеллигенцию, в немалой части не поддавшуюся даже таким умелым организаторам ельцинских избирательных кампаний, как Чубайс и Малашенко. Неужто винить ее за то, что ей было не пробиться к государственному микрофону? Мог ли, опять же, народ, под властью вчерашних коммунистов, ряженных демократами, различить, что противостояние вчера перекусившихся коммунистов оставшимся откровенными -- искусственно, что положение могли бы изменить лишь настоящие демократы, голос которых до людей не был допущен? Наивно ожидать, чтобы рядовые люди, оставив все

усложняющуюся заботу о хлебе насущном, сами отдались разработке политических позиций. Такое происходит стихийно, как 19 августа. Сознание становится общественным либо в условиях свободы, когда каждый слой общества видит, как защитить свои интересы, либо, если жить совсем невмочь.

Если российский народ себя не защитил, это не вина его, а беда, обусловленная во многом тем, что и дальновидные силы КПСС во главе с Горбачевым были не слишком все же дальновидны, надеясь на постепенные административные перемены, без народного соучастия. Они недооценили неприятие перемен аппаратом своей власти, особенно его вооруженной частью. Вот и дождались ГКЧП.

Но ответом на ГКЧП стала не только минутная народная инициатива. Его провал поощрил средние слои номенклатуры, к тому времени рассредоточившейся меж компартией, Верховным Советом РСФСР и окружением президента Ельцина. Хоть они-то и были главной надеждой ГКЧП, и единодушно предпочитали авторитаризм, -- если не прямо тоталитаризм, -- они повели себя по-разному. Компартия сочувствовала ГКЧП. А Верховный Совет и Ельцин, благодаря провалу ГКЧП, добив Горбачева, стали высшей властью, заплатив за это распадом СССР, все равно назревавшим.

Ельцин и Верховный Совет сообразили, что привычные привилегии и порядки возможны не только в привычных одеждах под привычным красным знаменем, что авторитарно-элитарную власть можно вырядить и демократической. Борясь за власть и привилегии эти группы тоже потом расходились и даже шли друг на друга с оружием, одни атаковали телецентр Останкино и московскую мэрию, другие в ответ – Верховный Совет. Но еще до того обе отказались созвать Учредительное собрание, призванное определить как новой России жить дальше, и страну охватили гайдаровские «реформы».

Люди не от «народной отсталости» отвернулись от «демократии», под флагом которой прошел «шок без терапии», не давший демократической оппозиции возражать. Скорей проявилось народное чутье к природе нового режима, иными методами осуществившего цель ГКЧП, не давшего ходу революционным переменам, сведя их к переодеванию. Оттуда и открытое реставраторство Путина, и в память Сталина выпившего, и с гекачепистом Крючковым свидетелем. Но корить Путина за откровенность было бы так же странно, как народ за «отсталость».

Куда полезней взглядеться в складывающиеся социальные отношения, что как раз и делал Юрий Буртин. Без него понимать начавшееся за поворотом будет много трудней.

ВПЛОТЬ ДО ОТДЕЛЕНИЯ

Охватившая Россию реставрация началась с возврата к унитарному государству. Столь же непринужденно, как империю именовали Союзом, новое унитарное государство именуют «настоящей федерацией», и отбирают обретенные было ее субъектами права, пусть более скромные,

чем у земель Федеративной Германии или американских штатов. Особо чествуют национальные автономии и клеймят «этнический суверенитет». Но рушатся империи – Испанская, Османская, Австрийская, Британская, Французская, Голландская, Бельгийская, Португальская, а отчасти уже и Российская, и число национальных государств стремительно растет. Эта тенденция не исчерпана, вот имперские люди и подменяют общепринятое слово «национальный» не столь почтенным «этнический», чуть ли не расовый. Против права народов на самоопределение выступают не только власти. Известная правозащитница Лариса Богораз утверждает, что «реализация этого права привела бы к невероятному хаосу в мире», хотя число членов ООН утроилось, а хаоса не стало больше. Но и правозащитница не может внятно объяснить почему у миллиона эстонцев или четверти миллиона исландцев есть право определять свою судьбу, а у миллиона чеченцев нет.

Нормы отношений преобладающего этноса и рассеянных среди него этнических меньшинств давно осознаны и номинально признаны многими, в том числе Россией. Государственные дела ведутся на языке большинства, и меньшинствам естественно овладеть этим языком. Но столь же естественное право меньшинств обучать детей и родному языку у нас не соблюдается. Обличая Украину в недостаточном внимании к русскоязычному населению, при том, что там русских школ тысячи, Россия, в которой живут миллионы украинцев, не заводит для них не то что украинских школ, но хотя бы таких, где украинский язык и литература входят в программу. Едва ли нерусские жители России жаждут забыть родные языки. Просто наше государство с ними не считается.

Меньшинства рассеяния защищены от власти лишь декларациями о правах человека, вписанными в Российскую Конституцию. Но меньшинства, живущие не рассеянно, а компактно, завоеванные империей и составляющие в местах проживания отнюдь не меньшинство, имперский шовинизм вынуждает искать более эффективную защиту, - «самоопределение вплоть до отделения». Конечно, всякое самоопределение предполагает полноправность возникающих при нем меньшинств. Суверенитет не означает свободы лишь для этнического или религиозного большинства. Но справедливость – дело взаимное, и официальные выступления России в поддержку русских там, где они в меньшинстве, оттого часто и безуспешны, что сама Россия подает пример неуважения прав меньшинств.

Именно оно доводит стремление к самоопределению до необходимости отделения, не всегда даже выгодного отделяющимся. Право на отделение - не обязанность отделяться, как право на развод - не обязанность бросать жену или мужа. Но эти права необходимы, если совместная жизнь стала адом. Там, где империя не в силах покончить с привилегированным положением лиц одной крови или одной веры, нередко доходит до необходимости отделяться. В царской России привилегированным было положение православных. Лишь им доверяли определенные должности. В советской России привилегией стала

этническая принадлежность. При царе ограничивали лиц иудейской веры, а при атеистической советской власти и неверующих евреев.

Между тем, еврейское меньшинство, жило на Руси до образования там государства, и не вошло тогда в единый русский народ вместе со славянскими, варяжскими и финскими племенами лишь потому, что ко времени их отказа от язычества давно не было языческим, вот и сохранило прежнюю веру. Но советская власть и тысячу лет спустя объявляла евреев «некоренным» населением. Сколько тысяч лет народу надо прожить на земле, чтобы считаться коренным, осталось тайной недоучившегося православного священника Сталина и его учеников. Только тогда бы признать, что и русские, селившиеся в Татарии или Башкирии не более пятисот лет, а в Чечне даже и меньше двухсот, не являются там коренным населением, да и в районе Москвы они тоже живут лишь около тысячи лет. То есть, русские – коренные жители лишь малой части нынешней России. Сознавая это, советские власти, напирая на этнические привилегии, не отказывались и от идеологических, вознаграждавших веру уже не в небесный, а в земной рай. Она обозначалась членством в КПСС, и еврея с партбилетом как бы уравнивали с беспартийным русским, для которого, да еще если он не был «политически грамотен и морально устойчив», тоже закрывали определенные должности, библиотеки или зарубежные поездки.

Нет единого, на все случаи годного, способа разрешить противоречия в землях, населенных двумя, а то и несколькими народами. Да и заселены они так не всегда в силу их мирного взаимодействия. Не всегда известно, в какой мере оно было мирным, - даже между славянскими, варяжскими и финскими племенами в ходе образования ими русского народа. С другой стороны, массовые депортации не лишают народ права на обжитую землю. Так или иначе, надо глядеть в лицо сложившейся реальности. Изгнание из прибалтийских республик всех, чей родной язык – русский, как ныне говорят, русскоязычных, не было бы справедливым. Далеко не все они - соучастники преступлений советской империи в Прибалтике, - те, кто их совершал должны нести за это личную ответственность. Но другие, порой не сознавая того, лишь пользовались плодами преступлений, а третьи и вовсе – сочувствовали поработаемым народам и уважали их культуру и язык. Стричь всех под одну гребенку и юридически и нравственно неправомерно, и, к счастью, на такой путь в Прибалтике все же не встали, хоть межнациональные отношения там и не безоблачны.

В России обхождение с меньшинствами рассеяния много хуже, чем в Прибалтике, хоть те и не завоевывали Россию, а попали туда в ходе российских завоеваний. Угрозы «врезать» нежеланной диаспоре, то и дело слетающие с уст московского мэра, расправы на улицах с «лицами кавказской национальности», которых в Москве по подозрению укладывают лицом в землю и бьют ногами на глазах у телезрителей, или антисемитские речи губернаторов Кондаратенко или Михайлова вполне выразительны.

Когда новый курский губернатор объявил, что сообщая с президентом Путиным сокрушает евреев и позволил себе антисемитские выпады против предшественника, на четверть еврея, президент, понимая неприличие

происходящего, через своего полпреда заставил нового губернатора принести извинения старому, но от рекламы своего с ним общего дела откаться не стал. Это не значит, что Путин - антисемит. Брежнев в частных ощущениях, как достоверно известно, антисемитом отнюдь не был, но его внутренняя политика была антисемитской. Важны не ощущения Путина, а его политика.

Говорят, государственный антисемитизм остался в прошлом, но он лишь растворился в государственной ксенофобии, дискриминирующей уже не одних евреев, но и кавказцев и среднеазиатов и даже украинцев. В СССР, где русских было лишь 50%, без хотя бы показной дружбы народов не могли обойтись. Но в России русских уже 80%, и правящий слой обращает шовинизм, открыто обращенный прежде против евреев и иностранцев, и на другие народы, страдающие от имперских притеснений. И если глава государства, - хочется думать, не приверженный ксенофобии, - не выступает открыто против оголтелых ее проявлений губернаторами и депутатами, понятно сколь глубока она в правящем слое.

Не имея возможности преодолеть ксенофобию в масштабах страны, народы, живущие компактно, ищут спасения по отдельности, в своих республиках, на своей земле, именно ради спасения хотят суверенитета. Он так же мало должен ущемлять права других народов, живущих в республике, как российский суверенитет - права других народов России. Но и в республиках нельзя не считаться с языком и традициями преобладающего населения. Это не повод к разрыву. При всей неуклюжести, попытка превратить РСФСР в федерацию, гарантирующую компактно живущим народам самостоятельность в своих делах, вселяла надежду, что Россия сохранится как содружество подобное Европейскому Союзу. Советский Союз не признал за своими республиками такой самостоятельности, отчего и развалился.

Российский правящий слой не извлек отсюда урока и под улюлюканье пропагандистов против этнического суверенитета вновь загоняет попираемые народы в унитарное государство, сея русофобию и тягу к отделению. Разумеется, не каждый народ пойдет на вооруженную борьбу за отделение, да и чеченские войны не чеченцы начинали, они лишь отказались покориться оружию. Но и без войны национальное неравенство разрушительно для России. Кто желает ей процветания, понимает, что ради этого ей, в отличие от Советского Союза и социалистического лагеря, надо стать добровольным обществом, чтобы в ней жили те, кто хочет в ней жить и строить судьбу. А для это нужна не только свобода эмиграции, но и право на самоопределение. Оно не менее важно, чем жизненно необходимые экономические реформы и демократические преобразования. Нового президента Югославии бранят за фразу «Сначала – Сербия, потом – демократия». Но наши-то патриоты твердят: «Сначала – Чечня, потом – демократия»! А для блага страны надо отпускать не только отчаявшихся евреев или немцев, но и захваченные земли, удерживаемые насильно. Право народов на самоопределение – ключ к процветанию России.

СТАРЫЕ ПЕСНИ

В эту трудную для России пору, когда люди замерзают и недоедают, когда их продолжают убивать, больше всего жарких суждений и горячих откликов вызвала, однако, государственная символика, флаг, герб и гимн. С флагом проще всего, где-то его взяли, как-то перешили и триста лет, за вычетом советских, он символизирует Россию. Ссылки на то, что под ним воевал предатель Власов за уши притянуты. В гражданскую войну полстраны воевало против другой половины, но старое русское знамя за тех, кто его подымал, ответственности не несет. Можно с ним жить и дальше.

Сложнее с гербом. Вроде бы он еще старше флага, но символизирует не просто Россию, а Россию византийскую, и худо не то, что византийскую, греческую, – флаг ведь тоже заемный, голландский, - а что Византийскую империю, второй Рим, по примеру которого Москва как раз и хотела быть третьим Римом, диктовать всему миру, как ему жить. Двуглавый орел выдает эту старую претензию, в советские годы именовшуюся пролетарским интернационализмом. Когда надежда установить со всем остальным миром, вместе взятым, военный паритет и даже его превзойти, довела наше отечество до краха, Ельцин не отрекся от претензий на верховенство над планетой. Не то давно бы сыскался иной герб. К сожалению, серп с молотом, куда более изящный, символизирует лишь физический труд, согласно Марксу, только и создающий ценности. Сыщись символ, столь же красиво соединяющий с трудом рабочего и крестьянина, тоже, кстати, пережившимся, труд инженера, ученого, врача, учителя, и всех людей, полезных стране, чья не только труд избранной их части, хороший вышел бы герб.

Но всего примечательней получилось с гимном. Со старым имперским гербом соединили старый советский гимн. Именуют это компромиссом, хотя по смыслу имперская символика идентична советской, и видно, что для нынешних властей власть – самоцель, а под каким идейным соусом ее подадут, не столь важно. Президент Путин почти целиком посвятил пространное заявление теоретическим суждениям о возможности и невозможности использовать ныне в государственной символике знаки и образы былых времен, царских и социалистических. Он верно отметил, что и в то и в другое время «были свои репрессированные и свои инакомыслящие». Он четко подчеркнул, что «всегда были времена, когда власть относилась к своему народу необоснованно жестоко, и действия ее нельзя было признать справедливыми». И совершенно справедливо говорил о том, что и в эти мрачные времена имели место выдающиеся достижения народа, культуры, науки. Я ведь тоже уверен, что отречься от Пушкина, от Кутузова, от Лобачевского от Чайковского, равно как от Шостаковича, от Улановой, от Гагарина, на том основании, что они жили при дурной власти, было бы полным кретинизмом.

Признаться, читая заявление президента я впал в благодушие и ожидал, что вот-вот он скажет о нашем долге в любое время различать великое, чем мы и сегодня можем гордиться и числить доброй приметой нашего отечества, и позорное, чего и сегодня честному человеку стоит стыдиться, понимая, что это дурная метка. Вместо этого Владимир Владимирович сказал: «мы не только можем, но и должны использовать сегодня все основные символы нашего государства». Так и сказал «ВСЕ», без всякого разделения, и перешел к похвалам старому советскому гимну на музыку Александрова. А восхваляя его, добавил, что если старый гимн отвергнуть, придется «признать, что целое поколение наших сограждан, наши матери и отцы прожили бесполезную, бессмысленную жизнь, что они прожили эту жизнь напрасно. Я не могу с этим согласиться ни головой, ни сердцем».

Я тоже не могу с этим согласиться ни головой, ни сердцем. А я как раз принадлежу к поколению, о котором президент говорит, поскольку по возрасту вполне мог бы быть ему отцом. Вот я и думаю, предложи Путин сделать гимном песню Шостаковича из кинофильма «Встречный» или «Песню о родине» Дунаевского, хоть в ней и пришлось бы часть слов выбросить, или даже песню того же Александрова «Священная война», хоть там, поскольку вся она о войне, слова пришлось бы заменить полностью, споры, если бы и пошли, то чисто вкусовые, и я не хочу их заводить. Но президенту наверняка докладывали, что старый гимн не просто дитя советского времени, да и не сразу стал государственным гимном, а был сперва гимном партии большевиков и в этом качестве, хоть и без слов, исполняется на коммунистических съездах поныне. Наверняка он знает и об обстоятельствах при которых гимн партии стал гимном государства.

Шла война, и, с одной стороны необходимость поддерживать отношения с западными державами, материально-техническая помощь которых была нашей армии жизненно необходима, а с другой нараставшее преобразование нашего социализма в русский национал-социализм, вынудили Сталина распустить Коминтерн, некогда созданный как штаб мировой революции, и вести дальнейшую работу по разжиганию оной из международного отдела ЦК. Международный гимн коммунистов на слова Эжена Потье с музыкой П. Дегейтера «Интернационал» не мог при этом оставаться еще и государственным гимном СССР, и Сталин после попыток создать новый гимн пришел к остроумному решению совершить рокировку, и в 1944 году гимн партии большевиков Александрова стал государственным гимном, а «Интернационал» – гимном партии большевиков. Рокировка позволила делать вид, что существенных изменений в идеологии не произошло, хотя они были очевидны.

Этот-то гимн, двадцать с лишним лет после Сталина исполнявшийся без слов, а с 1977 с перелатанными словами, Путин и хочет опять перелатать и удержать, прекрасно понимая его содержание, живущее не в одних словах. Даже Сталин только о музыке Шостаковича говорил: «она

бренчит и ничего не выражает», более простая музыка Александрова и для него была выразительной, не наобум он ее выбрал. А Путин - ленинградец, смолоду ходил в Кировский театр, у него там близкий приятель в оркестре, и содержательность музыки самой по себе для него не тайна. Его выбор гимна – не причуда вкуса, а вполне осмысленный шаг, столь же осмысленный, как и его гордость службой в КГБ. Нельзя осуждать романтического мальчика, желающего порадовать отечеству, за то, что он приходит в КГБ, ничего о нем толком не зная, и просит послать его разведчиком. Но совсем иначе приходится судить о человеке, который всю жизнь в этом ведомстве прослужил, правду о нем не мог не узнать, но, оценивая прежнюю жизнь, продолжает правду игнорировать.

Конечно, мы-то и прежде старались жить не напрасно, но президент и сегодня не хочет признать, что государство, КПСС и КГБ часто делали наши усилия напрасными. Чтобы не перечислять известное всем о миллионах и не тревожить тени великих – Николая Вавилова или Осипа Мандельштама, ограничимся напоминанием, что два человека больше всех сделавшие для армии и обороноспособности страны, Сергей Королев и Андрей Сахаров, ни в чем, кажется, друг на друга не похожие, и в разных обстоятельствах, оба были жертвами КГБ. Дело не только в ущербе, который любимая организация президента тем самым нанесла обороноспособности нашей родины. На примере людей, которых, казалось бы, должны защищать сами плоды их труда, мы видим, что незаурядный человек уже в силу своей незаурядности становился объектом давления партии, государства и КГБ. Сознательно или бессознательно, эти мощные силы были заняты стрижкой отечества, принижением всего, что возвышалось над средним уровнем. Это, повторяю, не только не повод перечеркнуть то, что под прессом этих сил было сделано, но даже повод для большего уважения сделанного и делавших. Но то, что многое все же было сделано, Путин обращает в индульгенцию для родного ему ведомства и методов которыми действовали сталинско-брежневские государство и партия, методов, которые он возрождает вместе с гимном и двуглавым орлом.

Новый старый гимн впервые при нынешней массовой апатии вызвал широкие протесты. Среди протестующих, конечно, немало людей не политических, чистосердечно возмущенных бесстыжим реставраторством, как, скажем, Майя Плисецкая, отца которой при Сталине расстреляли, а мать посадили. Но иначе выглядят протесты людей открыто поддерживавших Путина, за него голосовавших, а ныне указующих ему на ошибку, людей очень разных, от Солженицына до Чубайса, но поддерживавших действия, вполне отвечающие музыке Александрова, начиная с войны в Чечне. Что это они все вдруг заволновались? Неужто надеялись на светомаскировку, на то, что ведя войну, душа гласность, распаяя шпиономанию, Путин не дойдет до открыто советских форм, приветствовать которые Солженицыну, да и Чубайсу, вроде еще неловко. Но они свое дело сделали, придти к власти помогли, и Путину нет больше нужды скрывать свои предпочтения. Западные державы ему не указ, их лидеры, как некогда Чемберлен и Даладье, долго еще будут нас

умиротворять и давать нам деньги. Наша свобода - наше внутреннее дело, а внутри страны демократическая оппозиция сведена на нет. Не только Березовский, но и Солженицын, и Чубайс и многие из ныне протестующих против старого гимна, все, что могли, сделали, помогая власти удушить ее в зародыше. Ныне они вопрошают, «по какой исторической логике» Путин возвращает Россию в СССР? Да по той самой, по которой вы, господа хорошие, бросались защищать от демократической критики Бориса Николаевича Ельцина, объявившего себя гарантом русской демократии, а приведшего к власти Путина. Вот и настал час откровенности.

ПРЕДЕЛЫ ИНТЕРНЕТА

В записной книжке Ильф отметил, что от всеобщей радиофикации ждали всеобщего счастья. Между тем. радио есть, а счастья нет. Эта запись казалась мне заготовкой пародии на одно из главных положений коммунистической идеологии, на веру в адекватность технического и общественного прогресса. Сперва твердили, что Гагарин в космосе свидетельствует о превосходство нашего общественного строя над буржуазным. Потом, правда, как-то не выяснили о чем свидетельствует Армстронг на луне. Поначалу верили в Маркса, потом от Маркса отrekliсь и на связи техники и устройства общества уже не настаивают. А связь-то есть, только не всегда адекватная, как казалось основоположнику. Великий Сталин спешил завести ядерное оружие, а электронику и кибернетику не ценил. Их поносили в печати. Он бы повсеместно их запретил, но сие, как заметил еще Гоголь, от него не зависело. Вопреки его заботам доперло до персональных компьютеров, соединившихся в единую международную сеть. До того нам это дико, что никто не говорит по-русски «международная сеть», только по-английски «интернет». По официальным данным к сети подключено лишь 2% россиян. Но уже это задает задачи, – от технологических до психологических, – так или иначе сказывающиеся на коренных проблемах общества. Однако их решение поныне зависит не только от возможностей машины и способностей человека, но и от характера самого общества. Приходится думать и о самокупаемости, и о борьбе с хакерством, и о защите в сети авторских прав, и о прочих юридических проблемах. А тут еще и политические проблемы.

Распространилась иллюзия, будто сеть сделала заведомо свободным обмен информацией и автоматически упразднила политические ограничения слова и печати. На деле, однако, свобода в сети гарантирована лишь там, где она и без нее была, то есть в странах либеральной демократии. В странах, эту свободу еще только пытающихся обрести, сеть выступает лишь ее непредусмотренным и нерегулируемым каналом. Государство, жаждущее контролировать и фальсифицировать информацию, неизбежно ожесточает свои отношения с сетью. Китай уже проявил такую инициативу.

Проще всего связь оборвать, запретить подключение компьютеров к телефонам. Но российское, как впрочем и китайское, государство, сознавая нужду в сети для связей, полезных ему в других сферах жизни

и хозяйства, одной рукой способствует компьютеризации страны и развитию сети, - к 2003 году предполагает увеличить объем интернетного рынка более, чем вдвое. А другой рукой ограничивает доступ к интернету. Противоречие вызвано тем, что сеть, покамест не возникли другие сети, едина и неделима. Человек, сидящий за компьютером неведомо где, способен заниматься всем, на что способен его компьютер и открытые ему каналы связи. Но государственная мысль современной России раздвоена и различает сеть, как сферу общественную, и как сферу, так сказать, деловую, то есть, и научную и хозяйственную. Поскольку такому разделению нет соответствия в технологии, его проводят внетехнологически. В отношениях государства с сетью возрождаются его отношения с самиздатом, тамиздатом и переносчиками того и другого.

Разнородность участков сети сильно напоминает поток самиздатских рукописей, случайно попадавших в руки. Глубокое и поверхностное, талантливое и бездарное, существенное и ничтожное не имеют отличительных знаков. Поисковые устройства, вроде Яндекса или Гугла, покамест выдают достаточно случайные ответы и сильно уступают каталогам современных библиотек, помогающим отыскать нужную информацию. Создать указатели изобильно текущей информации в сети – задача куда масштабней их создания для одной лишь книжной продукции. Системная каталогизация интернета, содержимого его сайтов и одновременно внесетевой, печатной, продукции, жизненно необходима для плодотворного пользования сетью. Но альтернативой хаоса, случайности и стихийности при этом может стать и легко становится манипулирование информацией, еще более безответственное, чем в печати, где предусмотрена хотя бы юридическая ответственность за клевету и, к тому же, сама клевета возникает в реальном, а не только виртуальном мире, и газета, в отличие от файла, - вещественное доказательство.

Интернет и в общественной, а не только деловой, сфере, требует уточнения старых и установления новых юридических норм. Однако, стремление государства поставить сеть под свой контроль на практике ведет к обратному, к грубейшим нарушениям существующих норм. В частности, российскими законами предусмотрено, что наблюдение за подозреваемым, прослушивание его телефонных разговоров и перлюстрация писем, могут производиться лишь с предварительного согласия суда. Конечно, органы безопасности на такие нормы у нас прежде не оглядывались, но никто прежде и не называл нашу страну демократической. Сегодня она на это претендует, однако уже установила правила, по которым провайдеры обязаны за собственный счет обеспечивать беспрепятственный доступ органов безопасности к любому сайту по простому их запросу, без всякого суда. Словом, легализована всеобщая слежка за пользователями сети.

Но дело не просто в слежке. Возложение на провайдера расходов по наблюдению за подозреваемыми, при том, что он не может переложить расходы на самих подозреваемых, поскольку не вправе им открыть, что за ними следят, делает предоставление доступа к сети лицам,

подозреваемым в какой-либо оппозиционной деятельности, убыточным для провайдера, что на практике уже само поведет к отключению от интернета всех нежелательных властям лиц. А никто не может гарантировать, что это лишь подозреваемые в уголовных деяниях, тем более, что в России политические преступления тоже числятся уголовными. Фонд «Гласность», собирающий сведения о нарушениях прав человека, уже сообщает, что такой информации на его сайт стало поступать меньше, и отнюдь не потому, что права нарушают реже.

Наивно ожидать, что, возвращая страну под другими именами к прежнему порядку, власти в борьбе с нежелательной для них информацией ограничатся запретительными действиями. Свободный доступ к интернету давно позволил использовать его для самой нелепой и бездоказательной пропаганды. Но в последнее время и здесь наметились новации. Создан политико-пропагандистский центр, именуемый Фондом Эффективной Политики (ФЭП). Бытует мнение, что его задачи состоят в общей разработке средств и методов или, как нынче говорят, политических технологий для достижения целей, ставящихся верховной властью. Но характерным методом пропаганды, организуемой ФЭПом, уже стала симуляция множественности позиций, на деле внушающих один и тот же строй мыслей и единообразное поведение.

КПСС не скрывала, что наводит единомыслие. Спущенная сверху идея единообразно выступала и в газете «Правда», и в журнале «Коммунист» и во всей печати, партийной и беспартийной. Ныне, учитывая, что за смутные годы население как-то дифференцировало свой образ мыслей, и возникли определенные предпочтения, ФЭП, в отличие от идеологических отделов ЦК, прилаживается к различиям исходных позиций разных людей и их самоидентификации. Чтобы навязать людям разной ориентации единое мнение, он параллельно создает как бы разные каналы информации. Почти одновременно создан сайт «Страна.ру», как «национальная информационная служба» и обновлен сайт «Вести.ру», вещающий как бы от «правых».

Доводы у тех и других вроде разные. Постоянное вранье о происходившем вокруг затонувшей при неясных обстоятельствах подлодки подавалось в «Стране.ру» как данность, как чистая правда. «Вести.ру» активней кидались на подвергающих начальственную правду сомнениям. Публикация записки капитан-лейтенанта Колесникова там особо трактовалась как свидетельство правдивости начальства, хотя явная несообразность опубликованного со стремлением отважного подводника сообщить, что произошло с лодкой, сразу побуждала думать, что, как и оказалось, опубликована не вся записка. Но итог одинаков, - нас убеждают: не суетитесь, начальство заведомо право, все знает и думает за вас.

Если прежде власть, оправдывая свой произвол, опиралась на жесткие идеологические догмы, то ныне она с той же целью легко меняет системы доказательств и пользуется совсем несовместимыми доводами. Насытив сеть как бы разнообразными сайтами, дующими на деле в одну дуду, она уже этим мнимым разнообразием практически отвлекает пользователя от поисков более созвучных ему сайтов,

вызывающих большее доверие. Самиздат друг другу передавали единомышленники, способные вместе как-то сознавать, в какой мере доверять написанному. Сеть дает как бы необъятные знания и мысли, но человек с ними один на один, поэтому манипулированием и перекрытием каналов проще разрушать общественное сознание. По свойственной людям привычке считать чужую жизнь подобной собственной, либеральный мир не видит, как деформируют сознание граждан в авторитарной России и других постсоветских странах, и уверяет себя и других, что поставляемые им компьютеры служат демократии.

ИГРА И ДЕЛО

Кант отмечал: «При работе приятно не занятие само по себе – его предпринимают ради какой-нибудь другой цели. При игре же, наоборот, приятно само занятие без какой либо иной посторонней цели». Так и было веками. Работа – дело серьезное, работают, зная зачем или хотя бы почему. А играют для развлечения, чтобы время провести. Так поныне считают многие. А, выходит, не совсем так. Даже не сводя, вслед за Хейзингой, автором «*Homo ludens*», культуру к игре, не проглядим сколь серьезны игры, в которые нас увлекают.

Подневольный труд не игра. Раб – лишь исполнитель, не участвующий в определении конечной цели. Не он, как правило, определяет надобность своей работы, не он ее выбирает. Дело ему предначертано и, добросовестно сделав дело, он не в ответе за результаты, они ему безразличны. Раб действует в искусственном мире, где господин все знает наперед. Такая работа несообразна человеческому естеству, и природному, и социальному. Превращение стада в общество как раз и состоит в пробуждении личных понятий об общем и личных предпочтений устройства общего.

Насилие не дает рабу реализовать свои предпочтения, совершить желанный выбор. А возможность выбора и есть свобода. Но выбор, при заведомой неполноте знаний, уже отчасти игра, и нешуточная, порой с роковыми результатами. По мере преодоления обществом внеэкономического принуждения и подневольного труда росло значение выбора, а тем самым игры, в жизни и хозяйстве. В середине века Джон фон Нейман создал математическую теорию игр как опору экономического поведения. Но игра искони была сферой, где, пусть еще без практических целей, осознавалось наличие неосуществимого выбора, тяга к иному, чем есть. Социальное самосознание, зажатое принуждением, пробуждалось в игре.

Фридрих Шиллер видел причину игры в «избытке силы», в том, что «избыток жизни сам побуждает к деятельности». То есть к совершению выбора, к принятию решения. Дело не просто в происходящей по ходу игры психологической компенсации и самореабилитации подневольного или зависимого труженика. Существенно и дыхание социальной почвы. Обретая в игре доступ к деятельности, недоступной в обыденной жизни,

совершая выбор, в реальности еще принадлежащий не ему, человек, пусть не всегда это сознавая, не только корректирует душевное состояние, но проясняет себе свой человеческий статус и проверяет свое соответствие желанному статусу.

Когда игра расширяет возможности самореализации или открывает новые аспекты самореализации, она так или иначе пробивает путь к иному делу, чем вынужденное. В СССР было множество знаменитых евреев-шахматистов, а в Израиле, где евреев уже не меньше, чем было в СССР, видных шахматистов куда меньше. Там люди, ограниченные в реальной жизни, находили себя в игре, но когда ограничения отпали, они, даже обретая в жизни место не столь заметное, уже не отдаются игре целиком. Однако взаимозамена игры и работы – самое простое проявление их единства. Окончание подневольного труда, дающее каждому какой-то выбор, вносит нечто от игры в жизнь и работу.

Шансы на выигрыш во многом предопределены доступом к необходимой для выбора информации и умением читать наличествующую. Чтение, конечно, зависит от образования и дарования, но мера доступа к информации (не углубляясь в гносеологию) задана социальными обстоятельствами. Подневольный труженик, видя нелепость не им принятых решений, рассуждал о них, так сказать, на кухне и лишь молился, чтобы бог спас. Ему, возможно, было легче жить. Но XVII – XVIII века, сделав подневольный труд убыточным и, обострив нужду в наемном, а в перспективе и свободном, вынудили миллионы глядеть на жизнь более обстоятельно и думать о мере личного участия в собственной жизни.

Уже никто не может быть уверен, что проживет жизнь там, где родился, и будет работать по профессии, освоенной смолоду. Принятие решений все большим числом людей увеличивает неопределенность исхода игры, которую они ведут. Парадокс XX века в том, что колоссальный рост знаний умножил неопределенность, оттого и наука не так строго противостоит религии. Самым дальновидным оказывается действовать по Кальвину, то есть, и не зная предназначен ли ты к спасению, поступать, словно ты к нему предназначен.

Жизнь в условиях даже относительной свободы, еще до осознания ее игрового характера, возбуждала интерес к источникам неопределенности. Случайность – первый из них. Но наша догматическая идеология, ища в случайности лишь форму проявления необходимости, фактически отождествила случайность с необходимостью. На этом стояла вера в абсолютное предвидение партии. Внушенный иллюзорным предвидением выбор журавля в небе побуждал пренебрегать игрой по ловле синицы, которая к тому же не всем попадала в руки. Абсолютизация всеведения власти разрубила идеологическую систему на теоретические положения и практику, а практики, знали с какой стороны бутерброд намазан маслом и вели свою игру за синицу, покуда другие в положении вне игры надеялись на предпочтённого журавля, сомнения в котором пресекало насилие. Так непреодоленная неопределенность, способствуя выигрышам отдельных функционеров, подрывала общее развитие страны.

Состязательностью развития, только и способной уловить упускаемое всеведением, у нас пренебрегали. Между тем, источник неопределенности кроется и в неизученности игровых комбинаций и их результатов, которые до конца наперед не просчитать. По ходу партии, не только шахматной, совершается и перебор известных вариантов, и открытие новых, и неизвестно, кто выиграет. Можно вообразить, что однажды все комбинации и варианты будут изучены сверхмощным компьютером, но чтобы на это надеяться в натуральных, а не шахматных, состязаниях, сперва надо доказать, что мы сможем дать сверхкомпьютеру исчерпывающую картину факторов состязания. Неведомость намерений соперника тоже умножает неопределенность исхода состязательной игры. Изучая природу можно верить Эйнштейну, бросившему: „бог коварен, но не злонамерен“. В игре соперники не столь надежны, как бог.

Все эти неопределенности пронизывают толщу жизни и работы. С ними не совладать, иначе как наращивая точность решений, сбивая неопределенность. Но последняя растет и вместе с числом игроков,- уже не только вышестоящие играют, а нижестоящие оплачивают их проигрыши, - так или иначе все ведут жизненную игру. Общество свободных людей составляют не безработные с неограниченным пособием, а работающие игроки. При наемном и, тем паче, свободном труде их состав расширяется. Принуждающих к труду заменяют предоставляющие работу, и понятие „безработный“, при подневольном труде абсурдное, означает выход из игры.

Замена принуждения к труду покупкой рабочей силы, появление рынка рабочей силы, только и делает хозяйство рыночным. Всякие другие товарные рынки широко опирались на принудительный труд во внеэкономическом хозяйстве. Российское хозяйство уже потому нельзя считать рыночным, что рабочая сила там месяцами не оплачивается, да и стоимость ее стараниями государства искусственно занижена. Но рынок рабочей силы и образует главное поле игры, где проступают результаты всех других социально-экономических игр в их зависимости от случая, мастерства игроков и знания ими вариантов. Отсутствие всего этого в России не менее чем отсутствие правил игры, - и моральных и юридических,- первопричина невозможности там честного хозяйствования.

Не то что буржуазные работодатели жаждут расширять состав игроков, они бы тоже рады сохранять решения за собой. Но то-то и оно, что игра с одним участником уже не игра. Единоначалие над обществом, - чинит его наследственный самодержец или революционный диктатор, - подсекает экономическое хозяйствование. Внеэкономические действия, - а это и монополизм, и ограбление колоний, и жизнь за счет природных ресурсов, - размывают экономические нормы, тем более, что держать колонии все дороже, а природные ресурсы истощаются. А главное, усложненное производство все больше требует принятия решений, а не просто физических действий. Вот в игре, как правило, и побеждают гибкие решения на местах, и проигрывают централизованные решения по шаблону.

Социальная справедливость при этом состоит в гарантиях проигравшему, защищающих его и его семью от гибели, чтобы и он вернулся в игру, а вовсе не в прекращении игры ради уравнивания всех, независимо от игровых рабочих качеств. Социализм вместо конкретного оказания помощи там, где человеку не совладать в одиночку, превращал граждан в государственных иждивенцев, обязанных, однако, не быть „тунеядцами“ и выполнять трудовую повинность. Возвращение к подневольному труду и привело к краху.

Россия проиграла экономическую игру, отняв у граждан принятие решений, а играющий запад ощутил недостаток граждан, профессионально подготовленных к принятию решений, и ныне парадоксально использует людей из России. У нас это зовут утечкой умов, тогда как на деле это наше пренебрежение умами. Беда не в недостатке у России умов, нужных для игры, а в нежелании вести игру. На чужой ход неограниченная власть отвечает не ходом, а готовностью опрокинуть доску, не только шахматную. Россия в этом не исключение, а лишь крупнейшее святилище насилия, - за ней, - а порой уже против нее, - полчища возвращенных ею террористов. Террор, и государственный и индивидуальный, срывая игру, как метод реального прогресса, возрождает под знаменем прогресса стародавнюю реакцию.

ТЕХНОЛОГИЯ КАК ИДЕОЛОГИЯ

Русский язык обогатили словом «политтехнолог». Явление вроде не новое. Политики издавна думали о технологии власти. Новое слово вошло в обиход в силу разделения труда. Ныне одни сочиняют технологические проекты, сами к власти как бы и не стремясь, а другие по этим проектам ее получают. Прежде такого деления не было, крупнейший политтехнолог России Ленин был и одним из крупнейших ее политиков.

Не сыскать другого видного политического деятеля так много и упорно думавшего о теории и методике политических действий, обдумывавшего как, вообще, организовывать революцию, как подымать восстание или вести гражданскую войну. Этому у него учились и люди совсем других взглядов. В книгах Абдурахмана Автарханова исследована технология, сросшаяся с мировоззрением, ставшая важнейшей его частью. Ленин разрабатывал политическую технологию для себя, для своей партии, предавшей, конечно, его идеалы, но поныне беззаветно верной его политическим методам.

Обособление методики от идеалов, самим же Лениным совершенное, и привело к разделению труда технолога и политика, и политтехнологами числят людей несопоставимого с Лениным масштаба, вроде Сергея Кургиняна, Андраника Миграняна или Глеба Павловского. Нынешние политики, в отличие от Ленина, и даже Сталина или Гитлера, верят, что возможна методика вне идеологии и вне социологии. Сталин, следуя за Лениным, еще вполне сознавал, что свободное крестьянство само порождает капитализм, и чтобы этого не допустить, стал, по слову поэта, мужикоборцем, разработал методику ликвидации русского крестьянина,

переделки его в колхозника. Практика Ельцина и Путина, говорящих о «рыночном хозяйстве», но тоже не жаждущих возрождения свободного крестьянства, потому и обходится чистой технологией без идеологии, что никакой идеологией свободный рынок с колхозным крепостным правом не увязать.

В сталинской идеологии реальность все же отдавалась хотя бы тем, что крестьянина объявляли кулаком и губили как такового. Ныне к социальной структуре нет интереса, для власти общество не система социальных отношений, а сброд, который надо держать в руках. Она думает не о гармонизации разных, но одинаково необходимых обществу его составляющих, но об их унификации. Оттого и забота лишь о том, какой методикой толпу легче успокоить и оболванить. А начинать бы надо не с «либерализации» цен, а с опознания структуры общества и выяснения ее ценников.

Опознание затруднено тем, что структура общества подвижна, некогда крестьянская Россия стала городской. Порой политические перемены побуждают заявлять, что мы живем в другой стране. Технологическое мышление верит, что от переименования Верховного Совета в Государственную Думу, люди, туда помещаемые, все разом меняются. Между тем, власть тоже узнается по плодам, по тому как при ней перелопачивается социальная структура. Мало констатации того, что «процесс пошел», надо видеть куда он идет.

Затяжное сопротивление российской феодальной реакции буржуазным реформам не прошло бесследно. По спинам обращенных в рабство крестьян феодальная структура нашей страны, вполне сопоставимой с европейскими при Ярославе Мудром или Иване III, вопреки могучему развитию сперва подхваченной на западе, а потом обогащавшей запад элитарной русской культуры, пошла при Петре, Екатерине и Николае вспять. Когда Александр II стал подводить под наше отечество новый фундамент, уже ощущалась несообразность количества земли, множества нуждавшихся в ней крестьян и того их числа, которое могла поглотить быстро развивавшаяся промышленность. К тому же, экономические преобразования не подкреплялись политическими, и вместо социального компромисса все острее делался внутренний разлад. Чеховскому Фирсу, уже не мальчику при великих реформах, воля казалась несчастьем, как многим нынче крушение советского режима и СССР.

В этой ситуации большевики, как до них народовольцы, были почти неизбежны. Не потому вовсе, как писали в советских учебниках, что развитие буржуазных отношений вызвало к жизни рабочее движение, в Германии, да и во Франции, в ту пору во многом марксистское. Европейский политический марксизм, именуемый у нас меньшевизмом, большого развития в России, как известно, не получил. А вот его антипод, большевизм, заслонившись промахами и просчетами экономической и социалистической теории Маркса, расплевался с подлинным открытием своего классика, с материалистическим пониманием истории, и, опять же подобно народовольцам, ударился в чистый волюнтаризм, и в этом качестве набирал силу.

Думая о прошлом нашей, все той же, а не всякий раз другой, страны, надо бы видеть, почему борьба против реакции была у нас волюнтаристской, да еще перенимавшей методы той самой реакции, против которой велась. Нам всё норовят внушить, что в этой борьбе, вообще, не было нужды, поскольку царствование дома Романовых никакая не реакция, а благодать, и сам царь Николай, виновный в Ходынке и расстреле на Дворцовой, прекрасный семьянин. Получается, что волюнтаристы были просто злодеями, а это не так. Почти все они искренне, хоть и, конечно, безосновательно, верили, что несут людям добро, и прежде чем убивать других, готовы были жертвовать собой, что и отличает их от позднейшей партийной, советской и гебистской номенклатуры.

Понятно, вооруженную реакцию самосожжениями не остановить. Государство насилия считается только с силой. Всякое отличное от казенного, мнение слывет в нем безумным, а политическое движение недопустимым. С чего бы вдруг Алексей Константинович Толстой, приятель царя-освободителя Александра, так прямо ему и сказал, что русская литература надела траур в связи с арестом Чернышевского. Едва ли он ценил прозу Чернышевского и уж никак не разделял его политические взгляды. Но, как здравый человек, он понимал, что благие перемены наступают лишь сообразуясь с людским самосознанием, которое и помогает разным силам придти к компромиссам, приемлемым для большинства. Но власть хотела победы над инакомыслием, и Чернышевский до конца дней остался узником и ссыльным. Однако новые инакомыслящие, народовольцы, взаимоприемлемых решений не искали, а стреляли в царя.

Потом уже Николай II, сперва вынужденный революцией даровать свободы, совершил государственный переворот, изменил состав новообразованной Думы, и все еще насущно необходимая земельная реформа стала Столыпинской, не оглядывавшейся на большинство крестьянства, а потом и Столыпин, в отличие от царя, еще хоть как-то сознававший нужду в реформах, был убит агентом охраны. Вот положение, усугубленное войной, и дошло до новой, Февральской революции. Царю пришлось отречься. А Временное правительство не спешило созвать Учредительное собрание и слушать разногласия граждан. Оттого немалая их часть и пошла за Лениным, что прежним, побывавшим у власти, силам верить стало трудновато.

Не хитро сегодня повторять ту бесспорную истину, что совершилась трагическая ошибка. Важней, однако, понять, почему не худшие из сограждан, ее совершали и в ней упорствовали, покуда им не заткнули рты и не выстрелили в затылок. А ведь большевики взяли верх еще и потому, что по другую сторону фронтов гражданской войны царские генералы душили правительства эсеров с меньшевиками, пытавшиеся править от имени разогнанного Лениным Учредительного собрания, в котором у эсеров-то и было большинство. Пора признать, что на выборах 1917 года воля России была демократически выражена с полной ясностью, но большевики-ленинцы и царские генералы противопоставив воле большинства свои частные воли, помогали друг другу прижать

большинство. В итоге неведомое новое самодержавие одолело хорошо знакомое старое.

Эта история продолжается. Ни Ельцина, ни Гайдара, ни Зюганова, ни Чубайса, ни Путина, ни Березовского, зовут они себя демократами, патриотами, или тем и другим разом, не заботит разнообразие стремлений сограждан. Их влечет не признание противоречий и компромисс, а единство с руководящим центром, решающим за нас, как нас обустроить. Твердя о реформах они пользуются советской технологией, хоть и без идеологии марксизма-ленинизма.

Крушение надежды, сперва на социализм волонтариста Ленина, а потом на демократию коммуниста Ельцина, усугубило недоверие к политическим идеям. Не случайно программы нынешних партий сложены из одних и тех же кирпичиков, лишь по-разному поставленных. Но отказ от идеологии, даже как вывески политической технологии, вовсе не означает, что в самой технологии нет реального идейного содержания, да оно и при социализме не соответствовало официальной идеологии, еще при Ленине, не говоря о Сталине, обращавшейся в декорацию. Ленин реального смысла содеянного им в гонке за недостижимым, возможно, не сознавал, хоть и ощущал неладное. Сталин оценил пользу и соблазн безнаказанного насилия. Вот только наступившая, как назло, научно-техническая революция потребовала иного устройства общества, державу стало не удержать, что вконец скомпрометировало стократ перекареженную идеологию. Вот Ельцин, ради сохранения российского остова державы ее и отбросил. А Путин, не видя в ней нужды, позьзуется политтехнологами, и, реставрируя прежний порядок, легко сочетает двуглавого орла с гимном партии большевиков. Да и велик ли меж ними разлад?

ПЕРЕХОДЫ

Социальная структура предреволюционной России была неоднозначна. Если верить большевикам правили помещики и капиталисты. Столоначальников пропаганда оставляла в тени, как бы предчувствуя в них предшественников номенклатуры. Но и помещики бывали разные, одни - сами капиталисты, только сельско-хозяйственные, другие, однако, - дети феодального мира, часто беспомощные в новом, - Чехов не зря писал «Вишневый сад». Да и с капиталистами выходило не кругло. Свободное предпринимательство и в деревне и в городе росло. Но не только, как частное, - на сходных, казалось бы, началах действовало немало государственных и полугосударственных предприятий, и там, где верховным хозяином было не частное лицо, а государство, сам капитализм становился государственным, а государственный капитализм, в сущности, феодален. С другой стороны, к октябрю 1917 года рабочие были меньшинством трудящихся, а большинством - совсем бедные крестьяне, как раз и принесшие победу ленинской революции. Россия была реакционной феодальной страной, разъедаемой буржуазным развитием, и от ленинской пугачевщины она рухнула.

Этим начался переход к иной экономической и социальной структуре. Деревня, согласно декрету о земле, стала как бы буржуазной, но и там вскоре ввели продразверстку. Промышленность сразу перешла в прямое управление государства. Вопреки позднейшим объяснениям, военный коммунизм учредили отнюдь не временно. Ненадолго в деревне и отчасти в городе под давлением кризиса допустили НЭП, ограниченную буржуазную инициативу, в 1929 пресеченную, и государство опять стало править хозяйством. Промышленностью напрямую, сельским хозяйством частично так же, но, в основном, через колхозы, в которых фактически восстановили крепостную зависимость.

Такой порядок именовали социализмом и ему отвечала сталинско-брежневская политическая система. Сложилось единое правящее сословие, «номенклатура», включавшее в себя руководящие слои партийных, хозяйственных, и так называемых правоохранительных органов и армии. Она распоряжалась государственным имуществом, в том числе и отданным колхозам, как своей коллективной собственностью. Номенклатуре подчинялись трудящиеся слои – работники умственного труда, промышленные и сельско-хозяйственные рабочие, крепостные колхозники и заключенные тюрем и лагерей. Хозяйство было волевым, внеэкономическим.

Фактически под именем социализма был восстановлен феодальный строй, конечно, отличавшийся от прежнего составом дворянства, но не принципами. Кстати, в русском феодализме коллективность собственности феодалов, а не только крестьян, была прямой и ощутимой, чем на западе. Понятно, реальный социализм не буквально совпадал с классическим феодализмом, опиравшимся на сельское хозяйство, и, тем более, с предреволюционным, хоть и неохотно, но отступавшим. Социализм стал новым феодализмом. В семидесятые годы этот новый феодализм, уклонившись от обещанных было XX съездом партии реформ, пришел к кризису. Перестройка пыталась усовершенствовать его нормы и обычая, но так их и не преодолела. Ельцин-Гайдар-Чубайс декларировали переход к современным буржуазным нормам и объявили новый переходный период. Однако, и на сей раз перешли не к обещанному.

Вместо споспешествования рождению многочисленных частных хозяйств в городе и деревне, которые только и могли бы стать опорой экономических отношений, противостоящих государственной внеэкономической монополии, новая власть резко взвинтила цены, назвав это их «либерализацией». При том, что хозяйство осталось в руках государства, ни к чему, кроме крушения надежд на лучшую жизнь при демократии и возникновению тоски по прежней, хоть и жалкой, но гарантированной большинству, пайке, это привести не могло. «Приватизация» государственной собственности обернулась передачей ее в руки связанных с государством так называемых «олигархов», отчасти подобных «откупщикам» былых времен, обслуживавшим власть без стеснений, тормозивших ново-феодальную советскую систему.

Можно спорить, стояло за этим сознательное стремление сохранить основы ново-феодального порядка и власти единого правящего сословия

или только безответственность и малограмотность «реформаторов». Важно, что оформившийся при Сталине и упорядоченный при Брежневой строй в сущности своей при Ельцине удержался, пополняясь лишь дарованными Горбачевым в пору кризиса свободами говорить, читать и, при наличии денег, выезжать за рубеж. Новая социальная структура за десять лет так и не сложилась, отчего и росло стремление жить не столько собственным трудом, сколько подаянием за счет государственного долга, продажи сырья или ограбления более удачливых сограждан. И не потому, что люди России бездельники (за границей, они работают не хуже других), а потому, что в стране нет минимума условий для экономически оправданного труда.

Увы, великий обман Ельцинских псевдореформ отбил у людей охоту снова бороться за создание таких условий, и это позволило правящему сословию откровенней крепить ново-феодалский порядок. Люди, кто с отчаянием, а кто и с наивной надеждой на восстановление былой пайки, вполне сознают, что Путин начал реставрацию. Нового президента порой даже называют большевиком, чуть не сталинистом. Но чтобы понять, что он на деле реставрирует, надо видеть не одного Владимира Путина, не очень-то и таящегося, но и предыдущие этапы становления нашего нового феодализма.

Президента не слишком влекут утопии Маркса и волюнтаристские планы Ленина, прилепленные к борьбе за права наемных рабочих, за социальный прогресс и основные свободы. В сочинениях обоих, даже далеких в целом от истины, то и дело натыкаешься на суждения несовместимые с реальностями нового феодализма. Даже Сталин, его практический создатель, не рискнул напрочь отказаться от той идейной оболочки, в которой режим возник, и вынужден был постоянно лицемерить, облекая апологии террора в формулы свободы. Между тем, новый феодализм рождался не только у нас, - в Германии его вводил национал-социализм, в Италии – фашизм, в Ираке – исламский социализм, - разные идеологические оболочки успешно воплощали в разных странах различавшийся оттенками тоталитарный порядок и сообразно его потребностям смещали идеи. Возраставшее шовинистическое крыло КПСС давно тяготилось марксизмом-ленинизмом, не говоря уже о портрете старого еврея с бородой, которого в партийных и советских молельнях все реже вывешивали, но партия не рискнула принять более откровенную идеологию. Она и после 1991 года не отказалась от названия коммунистической, хоть сообразного утопии Маркса не то, что у Зюганова, но и у Полозкова и даже у Сталина на деле оставалось немного.

Но, как сказано, не было бы счастья, да несчастье помогло. ГКЧП, пресек горбачевское смягчение режима, на миг опрокинул сложившуюся систему, и это позволило Ельцину, отбросив прежнюю идеологию, облечь ново-феодалский порядок в иную словесную упаковку, провозгласить его демократическим. Было даже провозглашено право частной собственности, в СССР немыслимое. Но другие формы нового феодализма и прежде терпели частную собственность, лишь бы она работала под контролем и руководством государства, как это и пошло теперь у нас. От того, что

государственные монополии обретают видимость акционерных обществ, их связь с властью у нас не слабеет. Если командующие там «олигархи» влияют на политическое руководство, так и прежде руководители хозяйственных ведомств влияли на политиков. А массовое, среднее и мелкое производство, в частности, сельско-хозяйственное, так и не развернулось. Деревенский житель остался подневольным.

Не обозначилась социальная дифференциация, присущая свободному обществу, признающему интересы всех слоев и ищущему меж ними компромисса. У нас же по-прежнему хотят единства в интересах правящего сословия. В ходе борьбы за самосохранение оно сперва разделилось на стоящих за возврат к старым формам власти, группирующихся в КПРФ, и стоящих за не столь идеологизированную форму нового феодализма, сплотившихся вокруг Ельцина. Важным шагом президента Путина стало сближение тех и других, опирающееся на державность советского гимна и царского герба, не нуждающуюся в утопии мировой революции. А остальные социальные слои остаются подчиненными и бесправными.

При Ельцине не преуспели социально ориентированные партии, отстаивающие общественные права людей. Ныне возможность организованной демократической оппозиции сведена почти на нет. Для того и гонения на хоть сколько-нибудь независимые телевидение, радио и печать. Для того и ликвидация всякой самостоятельности на местах. Любопытно, что борьбу с последней выдают за укрощение самоуправства губернаторов. Но они - копии авторитарного президента, которому непредставительная и ограниченная в правах Дума не указ. Сдерживать распоясавшихся губернаторов надо бы не уздой президента, а усилением представительности и прав местных законодательных собраний.

Путин воплощает мечту правящего сословия о богоданном праве владеть и княжить без обанкротившихся марксистских резонансов. Он форсирует начатый Ельциным переход от одной формы нового феодализма к другой, более откровенной. Ожидать, что она со временем сама перерастет в демократию, не приходится уже потому, что демократия - это разрыв с феодальным прошлым и настоящим.

ЗА ЧЕМ ДЕЛО СТАЛО?

Едва ли Горбачев, назвав «перестройкой» свою инициативу, итоги которой нынче подбивает Путин, сам до конца ощущал сколь он точен лингвистически. Не революция, не реформа, а именно перестройка: строй по сути прежний, но что-то нарочито выдвинуто вперед, а другое покамест укрыто не идейной, а матерчатой маской, в какой прежде чекисты не видели нужды. Горбачев спасая страну от катастрофы, к которой ее невольно, но неизбежно, толкала советская система, желал, однако и систему сберечь. Ельцин, не долго колебавшись, и тем более, Путин, осуществили выбор, перед которым дрогнул Горбачев. Они предпочли спасти систему, не смущаясь катастрофой. Надежда России на спасение, в лучшем случае, отложена.

Правящая номенклатура неспособная на обновление, рискнула лишь удлинить поводок, на котором вела заводы и колхозы. А чтобы спасти страну, надо было создать условия, для возникновения и деятельности в деревне и в городе независимых от государства хозяйственных единиц. Дело и ныне за этим. Затем и надлежало менять политическую и юридическую системы, и утверждать гражданские свободы. В конкуренции независимых хозяйств меж собой и с государственными предприятиями только и могли утвердиться реальные экономические отношения и понятия.

Но вместо того, чтобы, обнаруживая несостоятельность заводов и фабрик, продавать их платежеспособным покупателям по реальным ценам, номенклатура провела «приватизацию», то есть фактически произвольный раздел государственного имущества, позволивший держать новых, во многом номинальных, владельцев на привязи. Дарованная им относительная оперативная свобода была сродни прежнему советскому произволу и не вмещалась в юридические рамки, без которых экономические отношения невозможны. Раздел лишь передал управление в другие руки, но монопольное хозяйствование не разломал. Вот и после перелицовки, то бишь перестройки, старая система мешает здоровой экономике.

Казалось бы, об этом и думать демократической оппозиции. Не случайно, однако, полноценной демократической оппозиции режиму Ельцина не было. Нет ее даже более откровенному режиму Путина. Все решается внутри правящего класса, объявившего себя элитой. На демократическую оппозицию Ельцину больше всего походило «Яблоко» и, особенно, его лидер Явлинский. Но и они сбавили тон и даже поддержали многие шаги Путина, в том числе, губительные для федеративного устройства. Ныне «Яблоко», игнорируя природу обновленного режима и его прояснившуюся направленность, тоже часто уверяет, что поддерживает здоровые шаги власти, в частности, самим «Яблоком» давно предложенное снижение налогов, и критикует ложные. Но в экономике и политике лишь направление движения проясняет смысл шагов. «Либерализм цен», абстрактно рассуждая, - неперемное условие свободной экономики. Но когда Ельцин с Гайдаром его у нас ввели, сохранив государственное командование производством, взлетевшие цены, ограбив граждан, подсекли свободную экономику. Снижение налогов, возможно, вывело бы теневиков из тени, если бы они там укрывались лишь от высоких налогов, Но укрываются-то ведь из страха перед произволом государства, как прежде ничем не ограниченным.

Создание эффективной экономики не сводится к внедрению плодотворных при другом строе мер. Ни либерализм цен, ни снижение налогов, ни возможность банкротства, ни совершенствование банков, ни даже защита частной собственности, введение частной собственности на землю или реформа судебной системы, жизненно необходимые России, при нынешнем устройстве государства и нынешнем понимании его назначения сами по себе коренных изменений не принесут. Надо отказаться от взгляда на государство, как на вожатого, знающего дорогу, и

следующего старому пионерскому принципу: не умеешь – научим, не хочешь – заставим. Ради него Путин и желает видеть государство сильным или, как он поясняет, эффективным. Но принять этот принцип, признать, что государству известна некая истина, не столь ясная гражданам, означает отвергнуть инициативы, права и свободы людей и, прежде всего, свободу слова и печати. Ленин после революции упразднял эти свободы не по злобе и не по глупости, а исходя из веры в непогрешимость государственного, властного знания. Из нее же исходит и Путин, проповедуя свою «вертикаль».

Но государственное знание – всего лишь представления людей, обладающих государственной властью и средствами массовой информации. Даже если они честны, но не слышат других, не считаются с чужими доводами, уклоняются от прямых ответов на насущные вопросы, не говоря уже, если явно лгут, государству, которым они правят, как пирамиде, нельзя верить. А сила государства не в спецназе, но в доверии. У советского государства были все атрибуты силы, от водородных бомб до КГБ, но оно не могло себя прокормить и рухнуло в одночасье. А мы все не хотим признать, что грозное сталинское государство с показным величием и концлагерями на деле было слабым.

Почему, однако, оно не могло себя прокормить при наибольшей в мире посевной площади на душу населения? Говорят, оттого, что хозяйство не было рыночным. Но по существу, а не по видимости, оно и не стало рыночным. По форме и сталинское хозяйство было товарным и в нем имел место обмен товарами, часто даже в виде покупки и продажи, но в силу прямого вмешательства государства и искусственности денежных отношений товарный обмен был неэквивалентным, и в масштабах страны хозяйство, как единое, управляемое партией, целое, стало по существу натуральным, хоть и выглядело товарным. Наш рынок остался неэквивалентным. Не зря цены на все товары растут у нас куда быстрее, чем цена доллара.

Эквивалентность обмена коммунисты подсекли не только упразднением частной собственности и всеобщей монополией государства. Еще пагубней оказалась легенда о том, что у нас правит рабочий класс, и потому, якобы, он работает на себя, а не продает рабочую силу работодателю, крадущему прибавочную стоимость. Беда не просто в том, что государство рабочих, как работодатель, на этом основании снижало до немыслимого при капитализме уровня их заработную плату, отнюдь не спеша уравнивать с ней, как сулил Ленин, оклады партийного и советского начальства. Забыли главное, забыли, что именно массовой продажей рабочей силы рыночное хозяйство нового времени отличается от хозяйств древности и средневековья, поставлявших товары на знаменитые рынки Вавилона или Афин, а потом городов Италии, Германии или Руси. Продажа рабочей силы противоположна принудительному труду, и продавец товарной рабочей силы, с повышением квалификации все более дорогой, тем самым, из закулисного

подсобника стал важным участником рынка. Наши «рыночники», мыслившие по-коммунистически, это проглядели.

Они перестраивали хозяйство, не считаясь с тем, что его ведут люди, и о рынке рабочей силы не думали, вот его у нас и нет. Большинство нынче, если не безработные, то работающие за жалкую зарплату и даже не получающим никакой. Но зло не в надуманной «русской пассивности». Просто самостоятельное движение в экономической стихии у нас опасно, ведь государство не защищает от криминальных структур, нередко само с ними сращено, и его чиновники тоже охулки на руки не кладут. Оттого и невозможно, да еще при монопольном хозяйстве, определить рыночную стоимость рабочей силы. И нет гарантирующей жизнь зарплаты и платежеспособного спроса на рабочую силу, да и не сменить место жительства, если где-то спрос есть. Государство не способствует конкуренции и среди предпринимателей, там ее заменяет насильственное устранение соперников, - печать сообщает лишь об убийствах, а есть много иных возможностей. И монополии, правит власть ими прямо или через зависящих от нее «олигархов» (на прмере еще вчера могучего Березовского видно, как ей легко при желании их растоптать), мешают созданию средних и мелких хозяйств, дающих рабочие места.

Потому избиратели и отдают голоса сулящим прежнюю патерналистскую «заботу о людях». Ведь коммунисты, числя трудящихся безгласным скотом, пусть и не сразу, все же осознали, что скотину следует хоть по-минимуму кормить, а для ельцинских обновителей люди не были живыми существами. Не нужных в данную минуту производству они предоставляли их собственной участи, даже гибели, не признавая социальную защиту формой обязательного страхования рабочей силы, не менее важного для производства нежели страхование других его частей. Подобно коммунистам, из рядов которых вышли, они опирались не на свободное изъявление противоречивых интересов участников общественного производства, но на всевластие, - пусть не генсека и политбюро, а потакающего им президента, Ельцина или Путина, и объявили это демократией.

А чтобы заработал иной экономический механизм, мало его формально разрешить, нужно соорудить ему иное отношение к человеку, закрепленное в социальном и политическом устройстве, в признании права других людей «на жизнь, свободу и стремление к счастью». Экономическая свобода нуждается не в «управляемой», а в реальной демократии, то есть в многоголосии. Оттого и от государства, мы ждем не силы принуждения (по проценту узников и казненных мы и так впереди планеты всей), а умения считаться с различием социально-производственных позиций граждан и приводить их к компромиссу. За Путина голосовало около трети избирателей, за Зюганова около пятой части. Путин воплотил компромисс тех и других, составивших вместе большую половину избирателей. Но не выражена позиция другой их половины, да и трудно сказать, останется ли она меньшей при падении цен на нефть. Одного властного знания стране мало. Кто-то должен

спрашивать с власти за ее заблуждения, ложь и преступления, - и в Чечне, и с подлостью и в борьбе прокуроров со свободой печати. А если свободна только власть, обещания экономической свободы и соблюдения норм ничего не гарантируют, и нет им веры.

ПРЕВРАЩЕНИЕ В ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЬ

При массовом подведении итогов XX века самая, быть может, разительная его новация внимания не привлекла. Между тем, важнейших понятия, поныне употребляемые, после первой мировой войны меняли свой смысл, отчего живущие в России, Европе и Америке переставали понимать друг друга. В Англии консерваторами прежде числили земельную аристократию и хранителей империи, а Маргарет Тэтчер, виднейший консервативный лидер конца века, скорее следовала традиции сошедших со сцены либералов. В России консерваторы поныне стоят за империю, но они и внутри страны, в отличие от английской обуржуазившейся аристократии, верны традициям самодержавия и авторитарности. Не зря консерватор Тэтчер об отходившем от этих традиций Горбачеве, а не о наших консерваторах, сказала: «С ним можно иметь дело». Словом, в Англии консерватор за либерализм, а у нас за самодержавие!

Да и с понятием «либерал» не все складно. Если, в Англии, и вообще в Европе, оно сохранило старый смысл, то в Штатах обрело почти противоположный. В Европе либерал – за экономическую и прочие свободы, против вмешательства государства в хозяйство, а в Штатах, напротив, либералы, входящие преимущественно в демократическую партию, за государственные регуляторы хозяйства и централизацию. В Англии им ближе лейбористы, отчего, кстати, защитой либеральных ценностей в Англии и занялись консерваторы.

В остальной Европе, не говоря о России, рабочее движение развивалось еще парадоксальней, чем в Англии. Некогда оно противопоставляло себя государственным началам и стояло на том, что приход к власти рабочих то ли упразднит государство сразу, по Бакунину, то ли оно станет отмирать, по Марксу. Во всяком случае, Сталину еще приходилось публично объяснять, почему государство не отмирает. Но именно с его легкой руки общественный прогресс все явственней оборачивался реакцией.

Великий дух просвещения в рабочем движении подменился духом «просвещенности» идейного руководства, своего рода просвещенного абсолютизма, обнаружившего свою ограниченность еще при Людовиках. Партия рабочего класса, даже в ленинском варианте, привлекала людей благими намерениями. Но там, где такая партия обернулась государством рабочего класса, этот самый класс потерял не только голос, но и зарплату, и не только сменились ценности того, что по-прежнему звалось рабочим движением, но обнаружилась неожиданная близость рабочего государства к государствам самого тупого мракобесия. И общественные

явления стали различать не по содержанию, не по форме, а по тому какой их краской метят.

Нам внушают, что нет ничего общего между российскими и немецкими концлагерями, между сталинским и гитлеровским антисемитизмом, между царской и советской империями, поскольку иными, дескать, были намерения, и утверждениями «Это совсем другое дело» - нынче оправдывают и наши лагеря, и антисемитизм, и империю, и многое. Но таков метод не одной лишь советской власти, - она только наибольшее достижение атакующего нового феодализма, ростки которого дают себя знать в самых неожиданных местах. А тенденция к нему, как социальному явлению, хоть и не всюду идентичному, заметна повсюду. Президентские выборы в США любопытнее всего именно в этом ракурсе.

Президент Клинтон назвал проигравшего выборы Гора народным избранником. А даже если бы Гору действительно насчитали на тысячу флоридских голосов больше и пустили в Белый дом, считать его, равно как победившего Буша, народным избранником нет повода. Но господину Клинтону не интересно, что народ раскололся пополам, - то ли оттого, что не увидел серьезных различий меж кандидатами, то ли, напротив, раскол произошедший при Клинтоне слишком глубок, чтобы уходящему президенту хотелось его признавать. Оттого, не вдаваясь в суть, он и норовит подать свою позицию, как «народную», в отличие от, на его взгляд, «антинародной» позиции другой половины народа.

Спор вокруг выборов лишь по форме велся о том, как сосчитали голоса. Граждане правового государства, каким покамест, без сомнения, остаются США, отлично понимают, что спор о том, совершенны ли избирательные машины и удобны ли избирателям бюллетени, уместен лишь до выборов, а если участники выборов такие машины и такие бюллетени утвердили, неправомерно оспаривать результат, оказавшийся неблагоприятным. Совершенно так же дискриминация избирателей непременно должна вести к пересмотру результатов, но только там, где протест заявлен прежде, чем результаты объявлены. Я охотно верю, что и машины, и бюллетени никуда не годятся, что чиновники порой мешают гражданам выразить свою волю. Но такое ведь случается не только во Флориде, а и в других штатах, то на пользу одному кандидату, то другому. Если, тем более, обнаружена сознательная фальсификация, изменившая конечный результат, нужны, быть может, новые выборы по всей стране и даже с другими претендентами, но нельзя по сомнительным признакам задним числом выяснять намерения избирателей. Луч света в избирательное безумие проник лишь на первом заседании Верховного Суда вместе с вопросом, почему, вообще, ведутся пересчеты? Разве при первом подсчете (и при втором, проведенном автоматически, поскольку различие в голосах незначительно) обнаружено намеренное мошенничество? Увы, потом и Верховный Суд дрогнул и ограничился замечанием, что следует соблюдать права обоих кандидатов, хоть и это вынудило Гора отступить.

А вокруг избирательных комиссий во весь голос кричали, что за кандидата демократов в целом по стране отдано больше голосов, и стало

быть, ему и быть президентом. Ни сам этот кандидат, как-никак продолжавший исполнять обязанности вице-президента, ни президент Клинтон, не сочли нужным разъяснить кричавшим, начиная с супруги президента, что Конституция страны для избрания на высшие должности требует не просто большинства голосов, но большинства голосов штатов. Если какие-то штаты голосуют дружной, даже единогласно, по Конституции это не повод пренебречь мнением других штатов, не столь единодушных. Потому страна и зовется Соединенные Штаты, что при объединении согласились, отстаивая общие интересы всей страны, учитывать интересы каждого отдельного Штата.

Демократическая партия продемонстрировала явное нежелание их учитывать. Она забыла, что демократия - не просто диктатура большинства, что без сохранения за меньшинством его прав от демократии ничего не остается. И это непременно должны быть реальные права, а не их показушные демонстрации. Намерения демократической партии обычно выглядят куда более благими, чем у консервативных республиканцев, но ее действия часто лишь внешне соответствуют их лозунгам. В Америке, совершенно так же, как в Европе и Азии, происходит едва ли не главный процесс XX века, превращение добрых вроде бы намерений левых политических движений в противоположные действия, вплоть до диктаторских и тоталитарных. Конечно, сегодня США еще очень далеки от того, чтобы под благими лозунгами установить авторитарный режим. Но такое стремление проклевывается, и не только в избирательной кампании.

Демократическая партия США одна из самых явных в мире сторонниц так называемой «положительной дискриминации», то есть предпочтения представителей меньшинств, скажем, женщин или афро-американцев, при избрании или приеме на работу. Я, признаться, разделяю эту позицию и, при прочих равных условиях считаю правильным оказать предпочтение женщине или афро-американцу, поскольку в условиях дискриминации им трудней овладеть равной с соперниками квалификацией. Но именно при прочих равных условиях, то есть, если они по квалификации соперникам не уступают. Между тем, не секрет, что зачастую положительная дискриминация толкуется как повод продвигать людей более низкой квалификации, но принадлежащих к меньшинствам. Худо не только то, что в самолете надеешься на квалификацию пилота, а не на его пол и цвет кожи. Но, пожалуй, еще хуже, что на практике такая положительная дискриминация лишь усугубляет обычную.

В Советском Союзе мы то и дело с ней сталкивались. Ради показушной справедливости всюду поддерживали заданное число женщин или представителей республик, и при самой жестокой дискриминации порой даже евреев принимали в престижные вузы или на престижную работу, что и позволяло советским лидерам уверять, что место, занимаемое евреями в стране, куда больше, чем 0,69%, которые они составляли тогда в населении. Но то-то и оно, что такая удача, как правило, шла далеко не к самым одаренным из евреев, а к имевшим нужные связи и знакомства, и, не имея их, более талантливые евреи оставались за бортом и проявить себя

не могли. То же самое происходило с другими меньшинствами. И нет оснований ожидать, что в США такое обернется иначе.

Примеров того, как в XX веке благими побуждениями мостили дороги в ад, хватает. И хоть президенты из семейства Бушей - не лучшая гарантия прав и свобод, стоит сознавать, что прорезавшиеся повадки Клинтона и Гора опаснее, чем застой. В 1935 году, вскоре после прихода Гитлера к власти, американский писатель Синклер Льюис, один из немногих тогда, кто одинаково остро ощущал и за «правым» и за «левым» экстремизмом тоталитарную угрозу, выпустил сатирический роман «У нас это невозможно». Война с нацистским тоталитарным режимом, а потом холодная война с советским, отвели Америку от такой угрозы и сделали оплотом демократии. Но эта угроза, если ей не противостоять повседневно, нависает не только там, где очевидна.

БЕДНЯГА БОРОДИН

Бог его знает, что за дела вел Бородин со швейцарскими фирмами, брал ли взятки и отмывал ли деньги, свои и чужие. Достоверно лишь то, что по требованию швейцарской прокуратуры его по приезду в Нью-Йорк арестовали. Арестант, да еще земляк на чужбине, если он не душегуб и не насильник, - а такого про Бородина никто не говорит, - вызывает сочувствие. Да и расследование объективнее, когда человек на свободе, а сочтет суд, что он преступник, сидел бы в наказание, но не до выяснения. У нас до выяснения держат куда чаще, чем в Америке, и, если уж так вышло, надо земляку облегчить положение. Слава богу, Российское посольство это понимает и старается Пал Палычу помочь.

Но нашу печать заботит отнюдь не помощь земляку. Шум поднят неслыханный, хотя, при неясности самого дела, обстоятельства ареста предельно ясны. Бородин получил частное приглашение на частное мероприятие по случаю инаугурации, и решил туда съездить, может, попутно было удобно кого-то повидать или заняться другими делами. Но в консульстве визу на его дипломатический паспорт не поставили, поскольку приглашение было не государственное, и, связавшись с Госдепартаментом, даже разъяснили, что потребуется время, и к 20 января виза не успеет. Тогда Пал Палыч, имея общегражданский заграничный паспорт с трехлетней визой, еще действующей, поехал по нему. Это, конечно, был шаг смелый, поскольку по требованию Швейцарии он давно находится в международном розыске, и странам, связанным договором по Интерполу, положено его немедленно задержать. С кем-то официальным он, говорят, советовался, вот и рискнул, а оказалось напрасно.

У нас пишут, что арест его был сознательно подстроен американцами, но отказ ему в визе на дипломатический паспорт велит, напротив, думать, что американцы, понимая что и дипломатический паспорт не всегда гарантирует иммунитет, да и место Бородина в российской власти не столь велико, а в МИДе он не служит, как раз не хотели его приезда, опасаясь, что придется его задерживать. В США юридические процедуры от

исполнительной власти не зависят, и причины опасаться такого исхода имелись, что уходившему Клинтону, слывущему русским патриотом, было ни к чему. Отказ в визе как бы предостерегал. А уж подсказать Бородину ехать по общегражданскому паспорту американцы никак не могли, да это и стало бы известно.

Примечательно, однако, что многие наши разъяренные комментаторы ищут в аресте Бородина враждебную акцию даже не Клинтона, а нового президента Буша, который и при желании касательства к этому иметь еще не мог. Но очень уж кому-то хочется переложить его более жесткое к нам отношение в финансовой и военной сферах на язык бытовых провокаций. Играет роль и неведение зарубежных юридических норм, непонимание того, что швейцарцев занимают не так наши взяточники, как свои «отмыватели» чужих грязных денег, и закрытие нашей прокуратурой дел о взяточничестве для Швейцарии проблему не исчерпывает.

Иные говорят: мыслимо ли, чтобы в былые времена, хоть при Сталине, хоть при Брежневле, нашего чиновника, трижды виноватого, арестовали - а раз они так, значит перестали уважать. Рассуждающие подобным образом запамятовали, что ни при Сталине, ни при Брежневле, будь против нашего человека выдвинуто за рубежом хоть какое обвинение, ему бы не пересечь не то что чужую, а нашу границу, никогда бы не вылететь из Шереметьева или, прежде, из Внукова. При Ельцине и покамест еще при Путине размах деловых связей так широк, что даже для рядовых граждан выезд из своей страны упрощен, а въезд в чужую поэтому усложнился, отчего и острее необходимость знать и соблюдать нормы страны, куда въезжаешь. Пал Палыч совершил оплошность, но, и сочувствуя ему душой, невозможно при частном визите требовать исключительности, предоставляемой при визите официальном государственным деятелям и дипломатам.

Но многолетняя вера в свою исключительность питает в стране убеждение, что нам нормы не писаны. Мы – великая держава и сами знаем, как себя вести, а кто нашему человеку указывает, где переходить улицу, не уважает великую державу, и все тут. А не уважают, значит хотят нам зла, и не просто бедняге Пал Палычу, а всей России. Добро еще приписывают происшедшее с Бородиным козням Гусинского, - вроде, случаи похожие, сперва задержали в Испании по запросу России Гусинского, потом в США по запросу Швейцарии Бородина. И нам на полном серьезе внушают, что арест Бородина организован Гусинским, чтобы обернуть международные нормы, на которые наши власти ссылаются в его случае, против нашей родины. Эту нелепость не стоило бы поминать, кабы не различимое в ней холопье преувеличение мощи Гусинского, создавшего и впрямь профессиональную теле-радиокомпанию, когда Ельцин поручил ему этот важный пропагандистский участок, но разом утратившего свое могущество, едва он рискнул поддержать на выборах не Ельцина с Путиным, а Примакова с Лужковым, и тут же обратившегося в арестанта и эмигранта.

Но есть и куда более опасные политические трактовки, хоть и невеселого, но неполитического, – если не трогать внутреннюю политику, - происшествия. Идеолог нынешнего режима Глеб Павловский объявил его

не больше, ни меньше, как «попыткой вытеснить Россию из Европы». Ему не до анализа, как он выражается «процедуры заманивания», не до доказательств, что таковая имела место, он голословно утверждает, что «было запланированное действие» и выясняет «смысл операции». Хоть Павловский и оговаривает, что считает Россию и США не противниками, а конкурентами, он ищет смысл случившегося в противостоянии национальных интересов России и США, и в частности, их противостоянии в Европе, где расположена нейтральная Швейцария. Уже одно это возвращает к холодной войне, в которой каждая мелочь становилась предметом битвы за национальный, если не интерес, то престиж. Павловский требует, чтобы в этой борьбе, совершенно, как тогда, весь народ, и, во всяком случае, вся «элита» были едины, и утверждает, что у наших конкурентов, «в международных конфликтах, возникших по поводу тех или иных внутренних спорных фигур, национальная элита спланируется вокруг суверенной позиции, то есть позиции защиты национального суверенитета, основываясь на том, что со своими собственными правовыми проблемами будем разбираться мы, а не чужая администрация». А у нас, объявляет он, даже ответственный политик, бывший посол в США В.Лукин, не может «объяснить, что проблема – виноват или не виноват в чем-то Бородин – будет решаться нами, а не американской администрацией и не американским судом».

Вот идеология режима и проясняется. Как известно, даже правонарушения российских граждан на российской территории ныне подлежат международному суду в Страсбурге. И уж тем более соучастие в правонарушениях иностранцев на иностранной территории подлежит суду этих стран, равно как преступления иностранцев в России российскому суду. Утверждение, что швейцарцы не вправе расследовать происхождение денег, которые (что и надлежит доказать) российский чиновник передавал швейцарским дельцам, - прямое выступление против российских законов и международных обязательств. А уж наше высокое лицо, для Павловского, вообще, «находится вне зоны юрисдикции».

Идеолог уверяет, что так думает президент страны, и заявляет, что «силы, на которые сегодня опирается Президент России, оказались просто неспособны действовать в достаточно адекватном режиме». Особо он негодует на правозащитников, не заступившихся за Бородина, и стало быть обслуживающих «тот или иной вариант актуальной текущей американской политики». Словом, всё как писали в советских газетах. Полагаться на «правую», часть общества, Павловской президенту не советует. А ведь она, так называемые «питерские либералы» и большинство СПС, - не будем здесь выяснять, было ли это разумно, - составляла, наряду с работниками КГБ, одну из двух главных опор Путина, когда он утверждался во власти. Если следовать советам Павловского, опорой президента должно быть одно КГБ.

Важно только разобраться, в самом ли деле Путин разделяет эти взгляды. Покамест президент в деле Бородина вел себя вполне адекватно и не вступал, понимая, что ситуация и американцам неприятна, и никакое решение их суда Россию, как государство, не ущемит. А Пал Палычу, чем

сидеть в американской тюрьме, лучше бы поскорей попасть в Швейцарию, опровергнуть наветы, объяснить, если совершал, оплошности, признать, если имела место, свою вину, дать свидетельские показания, - лишь последнего швейцарские прокуроры покамест и хотят. Начинать из-за этого новую холодную войну было бы дико. Павловский, правда, уверяет, что Путин обдумывает адекватный ответ, не обязательно симметричный. Так и говорит: «Путин молчит именно потому, что в этой ситуации необязательно реагировать немедленно и публично». А зачем тут, вообще, политическая реакция, если достаточно оказать землячку, виновен он или не виновен, юридическую и гуманитарную помощь? Это, при нашем количестве чиновников, и без президента можно сделать.

Конечно, хорошо бы еще понять, в какой мере привычка идеолога говорить от лица президента тому по душе. Если Павловский и дальше будет вещать про то, что думает Путин, значит, новая холодная война и наши претензии на превосходство над другими странами, увы, впрямь отвечают замыслам президента. Но если Глеб Павловский сбавит апломб и станет говорить лишь от своего имени, можно будет предположить, что Путина занимает не только реставрация сталинского порядка под двуглавым орлом.

ПРИМУТ ЛИ ЕВРЕЯ В ЧЕРНОСОТЕНЦЫ?

До сей поры казалось, что политический Израиль разделен на «левых» близ «Аводы» и «правых» близ «Ликуда». В России, конечно, знают и про Кахане, и про стрелявшего в мечети, и про убийцу Рабина, но числят их маргиналами. Статья израильтянина Авидора Эскина «Русско-еврейский симбиоз наших дней» в московской «Независимой газете», даже если ошутимое за ней политическое движение и слабей, чем верит автор, обнажила иной расклад израильских сил. Ариель Шарон, изображаемый обычно крайним экстремистом, при Эскине выглядит центристом, даже с левым уклоном.

Надежда движения Эскина – союз с Россией вместо союза с Америкой, которая, сочтя холодную войну оконченной, и впрямь готова, как продемонстрировал Клинтон, за добрые отношения с нефтеносными арабскими странами продать Израиль. СССР защищал Ирак и Ливию, как США Израиль, из идеологических и геополитических соображений, а на нефтяном рынке они, напротив, конкуренты России. К тому же, трудно назвать другую страну, народ которой теснее связан с евреями и сильнее на них повлиял. В русский народ, изначально сложившийся из славян, варягов и финнов, позднее вросли и турки, и монголы и другие, ассимилировавшиеся не так даже антропологически, как культурно. В XX веке российские евреи, и до революции и, особенно после, когда на задний план отошли религиозные различия, в большой мере тоже стали русскими еврейского происхождения. Любовь евреев к России – не выдумка. Но Эскин замалчивает, что общность, желанную и многим русским, неотвратимо ломает державный антисемитизм.

На авторитарную державу, на самых реакционных ее хранителей, он, напротив, и возлагает надежды. Зачинатели сионизма, Герцль, Нордау и другие, для него лишь либералы и «оторваны от еврейских корней». Ему претит, что «их приход в сионистское движение был реакцией на процесс Дрейфуса и прочие проявления антисемитизма в Европе». Но, противопоставляя им русское течение сионизма, он «забывает», что русские евреи точно так же шли к сионизму от нараставшего антисемитизма, черты оседлости, процентной нормы, погромов и процесса Бейлиса. И совсем уже безапелляционно он утверждает, что в нынешней России «государственного антисемитизма след простыл». А на деле, как и многое другое у нас за минувшие десять лет, антисемитизм лишь изменил облик, не слишком изменившись по сути. Ныне он жив не инструкциями ЦК КПСС, а речами и листовками несчетных фюреров гитлеровского толка.

Российский антисемитизм и прежде коренился не в народе. Если провести референдум: не отправить ли евреев в новую Трешлинку, большинство русских наверняка ответит «нет!». Но так же наверняка ответило бы и большинство немцев в гитлеровской Германии. Антисемитизм, которым отравлено меньшинство, власть, сперва царская, потом советская, превращала в массовую идеологию. Советский социализм, объявив один народ первым среди равных и закрепляя неравенство других, вылился в прямое черносотенство. Для приличия его величали социалистическим интернационализмом, и дискриминация евреев, всем известная, шла закрыто. Фамилии и отчества говорили за себя и без паспортов. Но даже готовясь дополнить «дело врачей» массовой депортацией, в Москве с нарочитой пышностью хоронили второсортного функционера еврея Мехлиса и торжественно вручали Сталинскую премию еврейку Эренбургу. Ни при Сталине, ни при Хрущеве и Брежневле, официально антисемитизма не существовало.

С гласностью положение неизбежно изменилось. Если еще в 1979 году в РСФСР была 701 тысяча евреев, то к 1994, после облегчения Горбачевым отъезда в Израиль, осталось всего 400 тысяч, а сегодня еще меньше. Люди уезжали, не веря, что при новом, назвавшемся демократическим, порядке антисемитизм утихнет, и, к сожалению, не ошиблись. Гласность послужила и ему, - говоренное прежде обиняками на закрытых партсобраниях, зазвучало на всех углах. Еще в начале перестройки, пока на Невском в Ленинграде шел ремонт Гостиного двора, забор несколько лет оклеивали погромными призывами, но власти охраняли свободу клеветать, и лишь конец ремонта и ликвидация забора оттеснили юдофобскую пропаганду с главной улицы.

Нынче Россия поддерживает с Израилем нормальные отношения, но российских евреев то и дело винят в сионизме, внушая этим, что они как бы иностранцы, а это при нашей ксенофобии еще хуже, чем быть последними среди равных. Объектом провокации стали даже синагоги, прежде, наравне с другими молельнями, воспринимавшиеся как очаги чуждой социализму религиозной идеологии. Ныне, когда православие оказалось государственным, иудейская молельня худа не так тем, что

она - молельня, как тем, что еврейская, и в синагогах или по-соседству взрывают бомбы.

Российские евреи - в большинстве свободомыслящие, как и большинство русских. Но от этого не легче. Для национал-социализма, в который перерос интернационализм коммунистов, а теперь часто выступающего и без маски, они - плохой народ, и с этим ничего не поделать. Глава коммунистов Зюганов уверяет, что антисемитизм вызван тем, что люди часто слышат фамилии евреев, стоящих у власти, из-за которых жизнь стала тяжелой, и первым поминает Гайдара. Но фамилия Гайдар – литературный псевдоним его русского деда Аркадия Петровича Голикова. Лишь одна из бабок Егора Гайдара была еврейкой, а даже гитлеровские расовые законы четверть-евреев, в отличие от полу-евреев, не приравнивали к «чистокровным». Но вождь коммунистов пошел дальше Гитлера. Его примеру открыто следуют и губернаторы вроде курского коммуниста Михайлова.

Государственная Дума отказалась даже мягко пожурить генерала Макашова, бросавшего с думской трибуны призывы уничтожить евреев по спискам, и этим сделала антисемитизм официальной позицией Российского государства. В ходе думских прений депутат Шандыбин однажды заявил, что «даже если один еврей совершил преступление, за него несут ответственность все евреи», и никто его не спросил, должны ли все русские нести ответственность за генерала Власова и многочисленную русскую армию, созданную гитлеровцами. Правовое сознание Государственной Думы откровенно исходит из того, что народы не равны и некоторые, как евреи или чеченцы, обременены коллективной ответственностью. Практически антисемитизм был государственным, конечно, еще при Сталине, но - неофициально, а ныне волеизъявление парламента опять, после февраля 1917, сделало антисемитизм открытым.

Для Эскина это не тайна, но он возлагает надежды на президента Путина, который принял в Москве участие в праздновании Хануки и даже «сам зажег менору». Вполне возможно, что новый президент по-новому видит Израиль в своей геополитике, да он лично вроде и не давал повода счесть его единомышленником Шандыбина. Однако известно, что и Брежнев не страдал антисемитскими предрассудками и лично ценил еврейский юмор, но положение евреев при нем лишь ухудшалось. Эскин упорно не хочет видеть, что государственный антисемитизм растет не из личных антипатий главы государства, а из природы государства. Держава, не только попирающая колонии, но и держащая в узде народ метрополии, так или иначе, обречена на антисемитизм. Кто думал в 17 году, что большевики, среди которых было немало евреев, ожесточат антисемитизм? А это стало неизбежным с той минуты, когда они, разогнав Учредительное собрание, стали строить советскую державу.

Эскин зовет Израиль брататься с «русскими державниками», певцами «вселенской идеи великороссов», хоть взгляды этих державников, Зюганова и Лукьянова, Макашова и Шандыбина, Баркашова и Васильева, и нет им числа, у всех на виду. Не нужно быть пророком, чтобы догадаться, что возвращение России к великодержавию, отказ от демократии, - пусть

кто-то из государственных деятелей дома при этом поморщится, - станет и возвращением к зоологическому антисемитизму советских и царских времен. А у авторитарной державы, и внешняя политика определяется не так экономическими интересами, как идеологией, потому СССР от соучастия в создании Израиля так легко и перешел к вооружению сталкивавших его в море арабов. Безоглядное принятие Бараком гибельных для Израиля директив Клинтона еще раз показало, что левые, не только в Израиле, но и в США, о роковых последствиях редко думают. Но разве прочней любовь российских черносотенцев и, стоит, как Эскин, протискиваться в их ряды? Неужто он всерьез верит, что штыки великой державы, защищая Израиль от арабов, послужат евреям? Или московская газета его печатает по другим причинам? Или Эскин – «погрома жаждущий еврей»?

Осуждая поведение Барака на переговорах и на последних выборах, не упустим, что одно хорошее дело, сам того не желая, он сделал: показал, что односторонние уступки не ведут к миру, лишь возбуждают аппетит. После безмерных, но напрасных, уступок Барака видно, что Арафат мира не хочет, и для него «мирный процесс» – это мирная самоликвидация Израиля. Но важно не отказаться от мира с арабами, а искать к нему иные пути. Если в буржуазной американской ментальности уступка – знак силы, то в феодальной арабской, да и российской, она – знак слабости. Вот ни американцы, ни русские, и не годятся в посредники. Ни те, ни другие не ищут компромисса, то есть взаимности уступок. Евреям и арабам надо идти к миру самим. Его не сулит ни готовность Барака отдать, что, поднажав, попросят, ни жажда Эскина не отдать и клочка, даже уже уступленного. Не знаю, пройдет ли победивший на выборах Шарон по тропе меж обрывами с обеих сторон. Но оба обрыва угрожают не ему одному.

КРАЙ РОДНОЙ ДОЛГОТЕРПЕНЬЯ

Россия живет будущим, оттого она и – «край родной долготерпенья», как писал тот самый поэт, который написал «умом Россию не понять». Что и острому уму великого поэта было «не понять», поминают охотно. Но не сопоставляют его суждения друг с другом, а прожившему почти всю жизнь в Европе Тютчеву не понять-то было как раз долготерпенья. О долготерпеньи писал и Некрасов:

Вынес достаточно русский народ,
Вынес и эту дорогу железную,
Вынесет все, что господь ни пошлет.

Долготерпенья и внушало надежду:

Вынесет все, и широкую ясную,
Грудью дорогу проложит себе.

Впрочем, острый ум великого поэта толкнул добавить:

Жаль только жить в эту пору прекрасную
Уж не придется ни мне, ни тебе.

Миновало полтора века, русский народ вынес еще и побольше, и прекрасная пора все не настала, а гимны долготерпенью не стихают. Его

почтил сам великий Сталин, если и благодаривший за что-нибудь русский народ, так ведь только за терпение. И был по-своему прав, - без народного терпения тиран, уничтоживший чуть не треть населения страны, не правил бы двадцать девять лет.

Но едва он умер, и еще только в полголоса заговорили о корне зла, о главной причине российских тягот, как сочли, что это, напротив, нетерпение. Именно так, «Нетерпение», назвал свой роман о революционерах один из самых талантливых писателей новой эпохи Юрий Трифонов, сын и племянник видных большевиков. И так думал не он один. Ну, что бы, говорят, потерпеть, дожидаться пока великие реформы царя-освободителя принесут плоды, так нет ведь, открыли на него охоту и убили. Ну, что бы, говорят, потерпеть, пока принесет свои плоды Февраль, так нет ведь, в Октябре пошли за большевиками. А для Солженицына и самый Февраль – выплеск нетерпения, ну что бы еще питерцам потерпеть голодуху, так нет, толпами вышли на улицы против царя.

Что все-таки страшней – терпение или нетерпение? Хорошо ли, что убили царя-освободителя, лучшего среди российских царей? Что говорить, - ужасно. Но ужасно и то, что убивали его отнюдь не бандиты, а люди бескорыстные и самоотверженные, готовые отдать «жизнь свою за други своя». Андрей Желябов, главный из них, уже сидел в тот момент по другому делу, по которому виселица не грозила, но, зная на что идет, сам попросил приобщить его к делу Первого марта, чтобы публично объяснить содеянное. Оправдывает ли это убийство? Разумеется, нет. Но понять, почему убили Освободителя, может помочь. Только мы не хотим понимать.

Первым выстрелил в царя в 1866 году, на одиннадцатом году правления, Каракозов. Уже позади были и великие реформы, и бунты так и не получивших землю крестьян, и Польское восстание. Была ли надежда, что аграрная реформа углубится, и крестьяне, перетерпев трудности «переходного периода», получат землю? История дала ответ: даже в 1903 году, когда С.Ю.Витте объяснял внуку Освободителя, что без аграрной реформы царство погибнет, царь от нее отказался, Витте ушел в отставку, и его идеи лишь после революции 1905 года частично осуществил П.А. Столыпин, верно говоривший, что для изменения ситуации нужно двадцать лет. Но если даже считать от выстрела Каракозова до семнадцатого года, у царей оставалось пятьдесят лет, в два с половиной раза больше, чем хотел Столыпин? Кто виноват, что эти годы пропали зря?

Конечно, не персонально Александр II, отчего его убийство и противоречит чувству справедливости. Политический террор, государственный или индивидуальный, вообще, не бывает справедливым, поскольку жизнь страны и общества зависит не от одного человека или даже большой группы людей, - когда власть попадает к одному человеку, его, как Сталина или Гитлера, террором уже не возьмешь. Критическая ситуация не только обостряет отношения классов и сословий, но и в самом правящем классе возбуждает раздраз. Стремлению царя Александра и его помощников, начиная с его брата великого князя Константина, или Милютина, или Ростовцева, к компромиссному разрешению кризиса, обнаженного Крымской войной, все активней противостояли и взяли

перевес многие помещики-землевладельцы, главная опора трона. Оттого демократическая оппозиция, ждавшая земли и воли, уже не полагались на терпение, на то, что «процесс пошел», - не разрешая кризиса, этот процесс шел к трем революциям.

Причиной победы Февраля был отказ правящего класса от реальных реформ, причиной победы Октября было промедление с созывом Учредительного собрания, толкавшее к большевикам, сперва его даже созвавшим, но вскоре разогнавшим. Из-за этого даже провозглашенные были ими Декрет о земле и Декларация прав народов России с течением времени фактически свелись на нет. Стоит ли все это объяснять нетерпением, отвлекаясь от наглости и бесстыдства властей, уходивших от компромиссов или шедших на них лишь под угрозой бунта, и тут же, едва опасность слабела, бравших уступки обратно. Долготерпение - плод безнадежности, отчаяния, потому оно, вопреки Некрасову, и не проложило России широкую, ясную дорогу. Натерпевшись Сталина и Брежнева страна, с Афганом вместо Крыма, тоже пришла к хозяйственному развалу.

Горбачев, подобно царю-освободителю, обозначил конец долготерпенью, но еще сильнее уклонялся, если не считать допущенной им гласности, от необходимых перемен. Так и не открыл экономике реальную опору, ни по плану Явлинского-Шаталина, ни по какому-то другому. Так и не освободил республики СССР от подавляющего всевластия центра. Опять же, наивно винить в этом его персонально. Номенклатурщики, главная опора социализма, естественно, противостояли его попыткам хотя бы частично ввести советский волюнтаризм в пределы объективных реалий. А у демократической оппозиции после семидесятилетнего террора сил было даже меньше, чем при отмене крепостного права. Глумление над Сахаровым на трибуне Съезда народных депутатов недалеко ушло от гражданской казни Чернышевского. Правящий класс решал общественные проблемы в своем кругу, а реформ, либеральных на деле, он хотел еще меньше, чем тогда.

Номенклатуру тяготила сама атмосфера свободы слова, подчас каверзного и пугающего. Она не стала ждать, пока, утратив надежды на Горбачева, его устранил с политической сцены народное нетерпение. Вице-президент Янаев и другие сами попытались его устранить, пока стихия саморазвития не зашла необратимо далеко. Они не предвидели массовых народных выступлений в его защиту, сорвавших планы ГКЧП.

Но эволюция все же была сорвана, и это позволило средней и низовой номенклатуре, сплотившейся вокруг Ельцина, перехватить знамя преобразований и удержать авторитарный порядок. Конечно, за это пришлось заплатить многим из привычного, - прежде всего, отказом от марксистско-ленинской идеологии и частично от империи, от власти над так называемыми союзными республиками. Но компартия продолжала легально действовать, а КГБ уцелел и при власти, объявившей себя демократической, его лишь переименовали. Отрекшись от вынуждавшей лицемерить идеологии, номенклатура руками Гайдара свалила последствия своего многолетнего государственного хозяйствования на граждан, но и это не вывело страну из тупика. Лишь восемь лет спустя

подскочившие мировые цены на нефть сотворили мираж такого выхода. И вновь пошли хвалы терпеливому ожиданию, как главной добродетели.

Новый президент, однако, не воспользовался благоприятным стечением обстоятельств, чтобы, наконец, провести реальные экономические преобразования, после которых и можно бы чего-то ждать. Зато он энергично занялся администрированием, не совершенствуя, а уничтожая, как-то сложившееся в ходе показного отречения от советского порядка федеративное устройство многонациональной и огромной страны, неуправляемой из единого центра. Ожесточенно возобновили непримиримую войну против захотевшего независимости чеченского народа, и его уничтожение. Развернулась кампания по свертыванию и без того реальной лишь в столице свободы печати. Ее повели под демагогическим лозунгом противодействия информационным концернам «олигархов». Все средства стали хороши, чтобы заставить замолчать «Медиа-мост», в ходе избирательной компании поддерживавший оппонентов нынешнего президента, и подвести средства массовой информации под контроль государства и органов безопасности, как в добрые советские времена. Как ни оценивать информационные концерны, и «Медиа-мост» в частности, ясно, что несколько разных источников в сумме дают более правдивую и полную информацию, чем один монопольный государственный. Год пребывания Путина президентом показал, что пятнадцать лет преобразований не преобразили страну, и беды остались при ней. Разочарованному народу велят их и дальше терпеть.

Но выбор идет не меж долготерпением и нетерпением, а меж покорностью произволу и защитой права. Произвол нарастает не от характера Путина, а оттого, что укрепилась приведшая его номенклатура, а укрепиться, не одолев кризис, она смогла лишь потому, что широкой демократической оппозиции в стране нет и не было. Только она могла и может противостоять формированию ново-советского строя. Опыт России показал, что, даже уразумев, что и для нее спасение в переменах, власть на них идет, лишь ощущая давление их сторонников, а не только сопротивление их противников. Но у нас именующие себя либералами поддерживают автократов, все еще веря, что при Сталине возможна свобода.

Великий Сталин тормозил у нас развитие кибернетики. Он остановил бы его повсеместно, но сие, как заметил еще Гоголь, от него не зависело. Развитие доперло до персональных компьютеров, и они уже соединились в единую международную сеть. До того нам это дико, что никто не говорит по-русски «международная сеть», только по-английски «интернет». По официальным, видимо, все же завышенным данным к сети подключено лишь 2% россиян. Но уже это задает задачи, – от технологических до психологических, – так или иначе сказывающиеся на коренных проблемах общества. Однако их решение поныне зависит не только от возможностей машины и способностей человека, но и от характера самого общества.

ПАРАЛЛЕЛИ, КОТОРЫЕ ПЕРЕСЕКАЮТСЯ

Оборотная сторона массового преодоления нормативного марксизма-ленинизма в том, что, освобождаясь от омертвевших догм, многие, вообще, утратили нужду в миропонимании. Наш кризис шел подспудно, умственные движения, вроде французского Просвещения, у нас не созревали. Судорожно стараясь удержать державу, Горбачев, а потом Ельцин, ничем больше не схожие, одинаково не вникали в доведшее до жизни такой. А распалась не просто связь времен, - сознание упустило связь экономики, общественного устройства и политики. С грехом пополам признана порочность хозяйства, в котором не стоят за ценой. Но, что и само наше общественное устройство держалось тем, что не сводило концы с концами, вспоминают реже. А о том, почему общество такое устройство терпело и чем на него отвечало, и вовсе нет речи. Когда ГКЧП попытался удержать страну силой, и лишь ускорил этим ее распад, новые сословия, в отличие от Франции, вперед не вышли. Вверху остались прежние владельцы, назвавшие усилия по удержанию своей власти либеральными реформами.

Нас не извещали о глубине хозяйственного развала, к которому прежний порядок привел. О социальной защите граждан, вообще, не думали. И свалившиеся на людей тяготы, начиная с «либерализации цен», неизбежно воспринимались, как плоды перемен. Многим поныне чудится, что советский порядок с его скудной, но гарантированной пайкой, мог бы продолжаться, и миллионы голосуют за коммунистов. А те не ищут иных объяснений происшедшему, кроме заговора и измены вчерашних вождей. Однако и желающие сохранить верность «чистой» социалистической теории, но закрывающие глаза на то, что Советская власть началась разгоном Учредительного собрания, не в состоянии освоить, что она вела Россию к крушению.

Среди них Борис Кагарлицкий – из самых искренних. Он бичует не только минувшее десятилетие, приведшее, на его взгляд, к капитализму, но и советские порядки, начиная со сталинских, в отличие от Зюганова, считая их предательством дела рабочего класса. Он убежден, что утопия не состоялась не потому, что она - утопия, а по случайным и субъективным, хоть и весомым причинам. Приняв либеральные речи новой власти за чистую монету, он в статье «Те же, но без Сталина» в «Новой газете» сопоставляет нынешнее построение капитализма в России с прежним построением социализма.

Вглядываясь в различия крайних вариантов, он видит их в спорах Германа Грефа и Алексея Илларионова, числа первого «умеренным», а второго «радикальным», сторонником *буржуазных* преобразований. И отождествляет их со спорами Бухарина и Троцкого, числа первого «умеренным», а второго «радикальным» сторонником *социалистических* преобразований. Отождествление подарочное для тех, кто объясняет беды отечества не заговорами и изменами, а неспособностью

марксистского социалистического сознания воспринимать реальность, даже задним числом.

Отвергая социалистическую теорию Маркса, нельзя не признать, что он – одним из первых - увидел в экономических отношениях почву социальных. Но его социалистических последователей, - начиная даже не с Кагарлицкого, а еще со Сталина, - в экономике занимает лишь состояние да уровень. Кагарлицкий объявляет, что в 20е годы стабилизация ситуации и приток валюты от экспорта зерна, позволили приступить к «строительству социализма». Но, помилуй бог, большевики к нему приступили, не дожидаясь стабилизации и валюты! Уже «военный коммунизм», привел к хозяйственному развалу и восстаниям в Кронштадте, на Тамбовщине и другим. Вот и пришлось отступить, допустив в 1921м экономическую свободу, большую чем в 1992м.

Экономическая свобода и возбудила споры Троцкого и Бухарина. Троцкий опасался, что ее дальнейшее расширение сорвет волюнтаристские надежды партии на социализм. Этого ждали «сменовеховцы», звавшие даже сотрудничать с советской властью, поскольку радикализм Октября и впрямь создал почву для экономического развития, подобного европейскому, и крестьянин, если не полностью в 1917, то в 1921, стал свободен и заинтересован в товарном производстве. Бухарин, ничуть такого развития не желая, опасался новой конфронтации с крестьянством, которая, помимо прочего, лишила бы страну и власть доходов, шедших на индустриализацию. Эта альтернатива прорезалась задолго до мирового кризиса 1929 года, которым Кагарлицкий объясняет ослабление доводов Бухарина, не объясняя, однако, почему при этом были отброшены и доводы Троцкого в пользу «рабочей демократии» и весь вообще, «социалистический проект, в том смысле, как его понимали большевики 20-х годов». Единственный виновник - «центральная бюрократия во главе со Сталиным». Но если не осознано, почему могучая партия не обуздала свою бюрократию, всё и сводится к тяжелому характеру Сталина

Держась за утопию, Кагарлицкий не в силах продвинуться дальше хрущевского разоблачения «культа личности». А, между тем, тяжелый характер Сталина был востребован не просто кучкой функционеров, а большинством партии. Когда социалистический проект, замышлявшийся прежде, обнажил неосуществимость, а деревня предлагала опробованную миром альтернативу, партии надо было либо уйти от власти, отдать ее «сменовеховцам», либо сокрушить деревню. Она хотела «мужикоборца», как назвал Сталина поэт, вот и дала ему перейти от социалистической утопии к тоталитарному порядку, приладив старый лексикон к новой практике.

Ни Троцкий, ни Бухарин, верные прежним понятиям, на это не были способны. Троцкий, звал закручивать гайки, но верил, что рабочий класс останется исключением в тоталитарной системе, которая сможет поддерживать демократию для одних рабочих, хотя жизнь уже тогда показывала, что отдельную демократию не удержать даже для партии, даже для уже складывавшейся номенклатуры. Мыслью о закручивании гаек

Троцкий лишь проложил дорогу Сталину, и оказался теоретиком сталинизма, а Сталин - практиком троцкизма. Не идеализируя, как недавно было модно, Бухарина, тоже не знавшего, как наладить утопию, следует все же видеть, что признание экономических потенций освобожденного крестьянства допускало дальнейшее социальное развитие страны, а если вспомнить, что Бухарин поддерживал руководство немецкой компартии, желавшее вместе с социал-демократами, преградить путь Гитлеру, то и иное развитие мира. Но для Кагарлицкого ничего этого нет. Полагая экономическую свободу злом, он не держит ее за мерило общественного развития и опору других свобод. Опору пусть не достаточную, да и не эффективную без демократии и без социальной защиты, но необходимую.

Оттого смехотворны его отождествления Грефа с Бухариным и Илларионова с Троцким. Троцкий хотел радикального сокращения экономической свободы, тогда как Илларионов, хотя бы декларативно, – радикального ее расширения, и радикализмы обоих, противостоят друг другу. Еще менее сопоставима «сдержанность» Грефа в насаждении экономической свободы со «сдержанностью» Бухарина в ее ликвидации. Да и сопоставляя Грефа с Илларионовым, не забудем, что один – министр, а другой – советник, и министр ограничен разногласиями, как в самом правительстве, так и между правительством и Думой, а советник сосредоточен на экономическом смысле, а не политических противоборствах. Куда важнее их разногласий то, что за благоприятный год, при хороших ценах на нефть, экономическая свобода и ее правовое обеспечение у нас не возросли даже по Грефу.

Подводя не слишком веселые итоги прошлогоднего роста производства, Кагарлицкий выводит из них, что реформы у нас напрасны, все равно, дескать, в Гонконг или Финляндию вкладывать выгоднее. А эти итоги скорее велят признать, что реформы фактически не состоялись ни в самой экономике, ни в должных ей соответствовать правовой, политической и социальной сферах. Но Кагарлицкий твердит, что народ не хочет реформ, хоть народ их не хочет лишь после Гайдара, опасаясь дальнейшего грабежа. На аналогичные утверждения, будто российский крестьянин не хочет земли, ответ прост: а вы дайте, тогда увидим! То же и с реформами: а вы проведите их по-настоящему! Тогда Россия окажется едва ли не самым привлекательным местом для инвестиций, - не говоря о прочем, уже потому, что нигде в мире нет столь недорогой, и при том квалифицированной, рабочей силы. Да и другого способа преодолеть упадок хозяйства, как учит опыт и нашей страны и других, еще не придумали.

Отсюда понятно, не следует, что либеральная реформа обречена на успех, экономическая свобода, конечно, кругом зависит от наличия других свобод и, тем самым, от соотношений политических сил и политических волей, в которые мы здесь не входим. Но и рассуждения Кагарлицкого о шансах нового Сталина вне экономического и социального контекста беспредметны. Время мужикоборцов прошло, они свое черное дело сделали. Сталин, обращая крестьян, вынужденных бежать из деревень, в рабочих, готовых работать за гроши, создал новую индустрию, но то, что он

сделал это таким способом, как раз и придало ей поныне несбалансированный характер, поэтому Сталин, умерший полвека назад, для нас по-прежнему жив. Преодолеть несбалансированность пытались еще Хрущев и Косыгин, но без экономической свободы это невозможно.

А у нас неистребима вера, что свободу можно подменить государственной мудростью, хотя, как раз советский опыт показал, что это дело пустое. Сожительство свободы и государства подобно отношениям реки с перегородившей ее ради электричества плотиной. Пока могучая река течет, вращая по дороге турбины, о многом можно спорить и многое чинить, но свет в домах не гаснет, как ныне на Дальнем Востоке. Когда же реку отводят в сторону или останавливают, плотина сохраняет ценность лишь как памятник архитектуры. Сталин остановил реку экономической свободы, Ельцин не возродил ее течение. Чтобы стране выйти из нищеты, надо одолеть, наконец, противоположный потоку напор, псевдоним которого - Сталин. Нелепо гадать, в кого, если опять не получится, он вдруг воплотится, - некогда ждали, что в Троцкого. Когда же Кагарлицкий наперед отождествляет с Троцким Илларионова, все же ратующего, напротив, за экономическую свободу, он, как некогда «кремлевский мечтатель», сам и торопит нового Сталина.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ ПОД СУДОМ

Говорят, главный вопрос России: кто виноват? А начальство его давно решило. Еще при царях заводилами крамолы сочли студентов. Вождь Октября, натываясь на препятствия, с особой ненавистью обличал интеллигенцию. Сталин тут тоже маху не дал. У нас славили «народную интеллигенцию». Но к реальной интеллигенции относились враждебно и, как бы поделом, - в ее-то среде и заварилось диссидентское движение. Но и при авторитарной «демократии» Ельцина лишь малая часть интеллигенции добровольно влилась в новую номенклатуру, большинство ощутило обман. А нынешнее ожесточение государства и прощание с гласностью, опять ведет к обличению глядящих на запад интеллигентов.

Нельзя сказать, что российская власть всех времен просто по злобе, без причины, ненавидит интеллигенцию. Ненависть идет от того, что государство у нас превышает общества. Государству обидно, оно ведь само поощряло рост культурного, образованного слоя, потому как ни в государственных делах, ни в хозяйственных, без него не обойтись. Но надо же место свое знать! А его еще товарищ Сталин обозначил: интеллигенция - это прослойка. То есть место ее в государстве не самостоятельное, обслуживающее, лакейское. Часть интеллигенции эту роль охотно принимает, и ведет, себя по-лакейски, но все больше людей от ливреи отказывается и, так или иначе, с властью конфликтует.

Дело не ограничивается особыми случаями. Создал, ученый скажем, чрезвычайное оружие, оказавшееся в распоряжении генералов и политиков, по недостатку образованности не способных понимать и соблюдать условия его применения, и, тем более, требования, которые наличие такого оружия предъявляет политике, да и всей жизни. Но генералы и политики,

как дети, которым беспечные родители позволили пользоваться спичками. Создателю «спичек», опасаясь, что неразумные подростки спалют отечество, естественно было их предостерегать, пусть даже рискуя собой. Но конфликты интеллигенции и государства движимы не только патриотизмом, как в случае Сахарова, сперва работавшего для защиты страны от зарубежных угроз, а потом от отечественной власти, при термоядерном всемогуществе обезумевшей и ведшей страну к гибели.

Этот конфликт, не всегда столь наглядный, коренится в природе умственного труда. Возрастание в хозяйстве доли умственного пролетариата, интеллигенции, так же плохо совмещается с государственным командованием, как возрастание рабочего класса с крепостным правом. Страны, строившие экономику на развитии техники, сообразовывали общественное устройство с нуждами эффективного хозяйства. У нас аналогичные преобразования тормозила сперва феодальная внеэкономичность, а потом марксистская идеология, - еще ее основоположник принципиально отрицал роль умственного труда в создании ценностей. Промежуток меж отменой крепостного права и Октябрем отмечен скачком в русской науке, но краток. А плохо сознавая даже нужды многолюдного, хоть еще не составлявшего большинства, рабочего класса, советская власть не могла осознать нужды малочисленного сперва умственного пролетариата. Поэтому, начав щедрым поощрением наук, она пришла к их удушению.

Известно, что в науке нет царской тропы. Но продвижение мысли обусловлено не только личным дарованием да прилежанием. Мысли, чтобы быть плодотворной, надобна свобода. Не часто вспоминают, что так называемые права человека – не одно лишь проявление гуманности, но еще и условие плодотворности умственного труда. Они, как и сама по себе демократия, конечно, заведомо необходимы всем частям экономического общества, поскольку без них и продажа рабочей силы, и конкуренция, и рынок, бесплодны. Но особо они существенны для умственной деятельности. Без свободы слова, без непрерывного обмена мнениями наука задыхается. Советская власть, ощущая это, создавала научные заповедники разного толка – от шарашек до академических институтов, тоже не случайно, вопреки российской традиции, в последние годы размещая их в крохотных городках.

Так обходились, пока решали частные, главным образом военные, задачи. Вскоре, однако, выяснилось, что погоня исключительно за военной мощью именно эту мощь, прежде всего, и подрывает и, не говоря о стране, разваливает армию. Но и заведя служебным пониманием места и роли пролетариев умственного труда советскую систему в тупик, власть заметила лишь «утечку умов», а понять, что вынуждает покинуть родину, ломать жизнь, обрекая себя на трудное приспособление к чужому миру, так и не смогла. И вовсе не по глупости, а потому, что «утечка умов», - не только за рубеж, но и к бутылке, - плод самой природы нашей власти, чрезмерной мощи государства, и царского, и советского. Чем больше государство вмешивается в хозяйство, тем больше в хозяйстве

внеэкономического, тем хуже оно сбалансировано. Власть не нарочно создает разруху, но разруха - плод гипертрофии власти.

Главная ложь минувшего десятилетия в уверениях, что в России сменилась власть, и вчерашних Савлов следует считать Павлами. А ныне объявляют, что эти вчерашние Савлы и есть интеллигенция, и поскольку «просвещенное реформаторское меньшинство не оглядывается на закосневшую в привычном бытии массу населения», интеллигенция и виновата в бедах минувшего десятилетия. Андраник Мигранян, еще десять лет назад ратовавший за диктатуру, нынче, как читатели «За рубежом» могут прочесть в №98, вообще, не видит нужды в коренных переменах и одним миром мажет всех, кто стремился изменить прежние порядки, не отличая Кромвеля от большевиков, натуральных или ряженных при Ельцине «либералами».

Между тем, Кромвель лишь ломал, хоть порой и жестоко, дурной прежний порядок, давая людям известную свободу жить иначе, тогда как большевики заменили дурной прежний таким, в котором свободы стало меньше, а жестокости больше чем было, а при Ельцине учрежденные большевиками порядки по-преимуществу лишь переименовали, - какие уж перемены, ежели до частной собственности на пахотную землю доселе не добрались. Конечно, Ельцина окружали не только такие «интеллигенты», как Сосковец, Коржаков, Грачев или Бородин, видное место отвели даже петербуржцу Д.С.Лихачеву, но не он направлял поступь государства.

Вопреки Миграняну, перед лицом кризиса хозяйства и всего режима перестройку затеяли и вели не интеллигенты, а более здравые силы самой КПСС, Горбачев, Шеварднадзе, Яковлев, надеявшиеся вывести систему из стагнации. Но после атаки ГКЧП реально у власти оказались уже не они, а средний слой номенклатуры, разом возвысившийся, не вполне представлявший себе природу и масштабы тупика, в который зашло хозяйство, и рефлекторными действиями лишь усугубивший кризис. Бывшие диссиденты, либеральные интеллигенты, кроме С.А.Ковалева, на короткое время допущеного на должность официального защитника прав человека, сколько-нибудь серьезного места в ельцинском государстве не заняли. А послушать Миграняна, они-то и навязали населению, предпочитавшему, как следует понимать, советскую власть, нежеланные перемены.

Но интеллигенция не тождественна ельцинской обслуге. Она надеялось на свободу народного выбора, даже новое Учредительное собрание. Да и население в августе 1991 года, вопреки Миграняну, не поддержало ГКЧП, возрождавший советский режим. По нему стали вздыхать, когда перехватившие власть секретари обкомов во главе с Ельциным руками Гайдара и Чубайса свалили на население тяготы кризиса, чтобы удержать свое господство. Деды-писатели и приличные манеры Гайдара еще не делают его выразителем интересов интеллигенции, - как «реформатор» он служил новому государству партсекретарем столь же честно, как до того в газете «Правда» и журнале «Коммунист».

Подскок мировых цен на нефть покамест позволяет России обходиться по-прежнему, но благоденствие населения зависит от характера хозяйства, то есть, от условий и методов хозяйствования. Стране необходим научно-технический скачок, для которого в ней есть кадры, но нет условий. Ради их создания интеллигенция и выходит на идейные баррикады, за это ее и честит Мигранян, не рискуя все же отрицать, что «преодоление либеральной интеллигенции» грозит «забронзовением» бюрократии, то бишь номенклатуры, и, вместо нерожденного гражданского общества, новым, пусть иным, тоталитарным режимом.

Но он неизбежен, пока государство пуще всего жаждет преодолеть либеральную интеллигенцию, то есть именно тот, не сводимый к его холуйской части, слой, который, своим умственным трудом преобразил на западе жизнь. Наше государство и слышать не хочет, что при иной административно-командной системе труд интеллигенции способен лишь, как при советской, преуспеть на отдельных участках, но не сбалансировать экономику и жизнь в целом, а ведь советское государство на этом и подорвалось. Нефтедоллары, текущие опять, заслоняют опыт, и Мигранян внушает, что «либеральная интеллигенция претендует на тотальную гегемонию», когда на гегемонию как раз все откровенней претендует государство, то есть, номенклатура.

Судьба России и впрямь кругом зависит от исхода борьбы власти с интеллигенцией, с «частным человеком», за которого стоял еще осмеиваемый ныне Радищев, от исхода борьбы с его свободой, которую Пушкин восславил «вослед Радищеву». Реформы, которых мы так долго напрасно ждем, затем и нужны, чтобы свобода стала законной. Государство на то и надобно, чтобы защищать свободу людей, и свободно мыслящего человека тоже защищать, а не попирает и преодолевать.

ВОЗМОЖНОСТИ ПОВИВАЛЬНОЙ БАБКИ

Повивальную бабку у нас давно именуют по французскому образцу акушеркой. Старинное наименование уцелело бы, возможно, лишь в словарях, не войди в советский обиход слова Карла Маркса о насилии, как повивальной бабке истории. Старинное наименование, понятно, закрепил у нас не Маркс, писавший по-немецки, а русский переводчик, но, конечно, не случайно. Слово «акушерка» в конце XIX века уже было в ходу, да только признание того, что «насилие – акушерка истории», не стало бы, думается, для нашей истории столь роковым. Акушерка помогает разрешиться от бремени, и каждому понятно, что, коли беременности нет, и самая лучшая акушерка ребенка не примет. А «повивальная», да еще «бабка» у людей XX века, забывших старинное слово, оставила в умах невнятицу.

Социалистическую утопию Маркса до поры уравновешивал его историзм. Маркс и его последователи верили, что к социализму приведет развитие капитализма, и потому симпатизировали акушеркам, помогавшим капитализму выходить на свет из феодального чрева. Дерзкий ум Ленина с историзмом Маркса и, тем самым, с его материалистическим пониманием истории, покончил. Он создал великую партию боевых акушеров, не

оглядывавшихся ни на созревание плода, ни на само наличие беременности. В охватившем XX век противостоянии историзма и технизма Ленин был, вероятно, самой крупной фигурой на антиисторической стороне. Обаяние Ленина, как и позднейших политехнарей, было не случайным. Историзм, не только позитивистский, но и марксистский, не сулил политическому сознанию скорого разрешения обостренных социальных проблем. Вот и влекли радикальные методики и технологии. Терапевтическое насилие обычной акушерки помогает лишь роженице. А по Ленину насилию надлежало и зачать, и воспитать и опекать социализм. Так и шло с октября 1917 до августа 1991.

Но, поскольку и в августовские дни, власть удержали боевые акушеры, частью назвавшие себя демократами, а частью действовавшие под былым знаменем, история протекшего времени осталась неопубликованной. Главные архивы советских лет все еще закрыты. Прошлое поминают часто, но преимущественно для оправдания политических методик и технологий, прежних, но с новыми этикетками. То ли по недостатку квалификации, то ли от избыточного рвения, делают это, как говорится, не щадя живота, причем не только своего, но и тех, кому хотят верно служить. Хотят как лучше, а выходит, как всегда. Трудно заподозрить Глеба Павловского, руководителя фонда эффективной политики, штаба официальной пропаганды, в желании компрометировать президента Путина и его уже открыто реставраторские усилия. Но неугомонность выдает компромат.

Павловский заявляет: *«Сейчас нередки сравнения Путина со Сталиным. Бояться таких сравнений не надо. Сталин во второй половине 20-х годов находился перед близкими возможностями. Он просто выбрал другую стратегию. Он пришел к власти как человек здравого смысла, как лидер экономического оживления и как лидер масс, которых раздражали существовавшие партийные элиты, перегрызшиеся между собой. Здесь сходство есть. Но Сталин изначально решал задачу личной власти, и это существенное отличие от Путина, который является избранным нацией лидером»*. Оставим даже в стороне хрущевскую идею, будто Сталин убивал и грабил миллионы из честолюбия и эгоизма, а партия, свершившая революцию, и народ России неизвестно почему позволили ему себя убивать. Не будем винить Павловского и, тем паче, Хрущева в клевете на Россию и на старую компартию, да и на Сталина, который, хоть и предал былых большевиков, но лишь затем, чтобы создать новых, а не просто тешиться властью.

Примечательна, однако, историческая проекция, в которой даны политические позиции Сталина. Носителем здравого смысла объявлен человек приведший страну не только к гибели четверти, если не трети, населения от голода и репрессий, но и к отступлению армии до Волги. Конечно, Сталин проявил при этом недюжинную волю, но воля и здравый смысл – не одно и то же. Объявлено еще, что он пришел к власти «как лидер экономического оживления», хотя известно, что именно Сталин, это оживление, которому способствовали сперва Ленин, Троцкий, Дзержинский, потом Бухарин и Рыков, напротив, решительно пресек. И.

наконец, никакое раздражение масс спорами «партийной элиты» попросту не имело места, рты еще не вполне были заткнуты и даже в «Дискуссионном листке «Правды» за те годы, можно найти разные суждения рядовых людей. При всей ограниченности взгляда коммунистических вождей на реальность, их споры все-таки отчасти ее отражали, в них еще всплывал первичный демократизм. с которым как раз Сталин, введя единомыслие, и покончил.

Толкуемая этак позиция Сталина, то есть, железная воля, под видом здравого смысла, пресечение экономического оживления, под видом его поощрения, и закрытие «ненужных» дискуссий «элиты», путем ее истребления, выданы за программу Путина, который «является избранным нацией лидером» и решать «задачу личной власти» не станет. Словом, будет Сталиным, получше Иосифа Виссарионовича, Сталиным с человеческим лицом. Здесь, уже не впервые, возникает сомнение в адекватности Путина, изображаемого Павловским, всамделишному, который, как, кстати, и Сталин, вполне понимает, что и личная власть выражает не только личные интересы ее носителя, а интересы большевиков – у Сталина уже не ленинских, а у Путина – и не советских.

Но куда важнее другое. Даже отвергая проект Сталина для России, трудно отрицать, что у Сталина были, во всяком случае, ресурсы, чтобы насильно внедрить этот пагубный проект. У него были десятки миллионов мужиков, которых можно было убивать, если посмеют выражать недовольство жизнью, на которую он их обрек и в деревне и в городе, и, тем более, если посмеют перечить. У него под ногами были богатейшие запасы полезных ископаемых, задешево добываемых. У него была и народная надежда на лучшую жизнь, обещанную революцией, по первому разу еще манившая. У него, наконец, были новые большевики, вступавшие в партию после гражданской, когда партия уже правила, и моральными «предрассудками» не отягощенные. В отличие от французского Комитета общественного спасения, созданную у нас с аналогичной целью Чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией и саботажем, сразу назвали чрезвычайной, и она жила не три года, как французский комитет, а все время, и чекисты продолжали сталинское насилие после Сталина. Опора на произвольное насилие сделала режим криминальным по существу прежде, чем в него вросли нынешние «авторитеты».

Путин смолodu до самого президентства был чекистом, и Павловский ориентирует его по биографии. Но ведь больше ничего из сталинского арсенала у Путина нет. Его спецназовские части надевают на работе маски потому, что не уверены в себе. Вместо изобилия населения у Путина демографический кризис. Ископаемые, лежавшие близко к поверхности, исчерпаны, а разработка новых требует огромных вложений. У людей, наконец, нет надежды, ими владеет апатия, в лучшем случае, личная надежда на себя. Уверять, что Путин схож со Сталиным тем, что «находится перед близкими возможностями», можно только желая ему сломать шею. Едва ли Павловский этого хочет. Но подталкивает президента к волевому сталинскому насилию, потому, что у номенклатуры, у внеэкономических правителей, иной опоры нет. Президент вроде бы

слушается, - война в Чечне и свертывание свободы слова возвращают страну к прежним порядкам. Но, хоть с надобными экономике реформами Путин и не торопится, но и восстанавливать экономический абсолютизм тоже не спешит. Не прельщает ли его китайская модель Дэн Сяопина?

Дэновский путь оказался не столь роковым для крестьянского Китая, как прежние «коммуны». Стань на него семьдесят лет назад крестьянская Россия, возможно, крови бы и у нас пролилось поменьше. Но и Дэн не обошелся без площади Тяньаньмынь, и государственные заводы остаются в Китае убыточными. Однако, как ни станет Китай решать свои проблемы и как бы ни решались они у нас по Бухарину, былой крестьянской России больше нет, Сталин с ней покончил, а нынешнюю Россию, вторую ядерную державу, претендующую на потенциал, сопоставимый пусть не с США, но с Германией, Японией, Англией, Францией, убыточные государственные заводы лишь вернут к брежневскому правлению, приведшему к катастрофе. А ведь Путина сверх того рано или поздно ждет падение цен на нефть и еще более опасное старение основных производственных фондов.

Путин, конечно, идеально подходит на роль спасителя,- говорят: «страны», подразумевая: «номенклатуры», - отводимую ему не одним Павловским. Но вековой кризис не пересилить личными качествами. Уже явно перейден предел возможностей повивальной бабки, и ныне, при непрерывном техническом прогрессе, чрезвычайным сталинским насилием трудно поддерживать необходимое снабжение, даже не всей страны, а только армии и чекистов. Снабжаемая таким образом армия сама, покруче, чем при Брежневле, разорит и обглодает страну, которую призвана защищать.

Путин верит в свое назначение поднять Россию до иллюзорных на деле высот, достигнутых при Сталине, но, в отличие от Павловского и всего вытолкнувшего его вперед правящего класса, не может не ощущать, что это назначение подтачивают и похорошки из Чечни, и вранье о «Курск»е и неизбежность грядущих испытаний. Ныне государству для успеха мало верности чекистов. Сталину было проще.

САПОГ САПОГУ НЕ ПАРА (В ОЖИДАНИИ СПАСИТЕЛЯ)

Дмитрий Фурман, конечно, прав, критикуя в «Общей газете» Явлинского, ныне разом говорящего и об угрозе корпоративного полицейского государства и о готовности с этим государством сотрудничать. Да и само рассуждение Фурмана о нынешних оппозициях, и «левой» и «правой», и фальши их оппозиционности справедливо. Вот только и критика и рассуждение ведутся вне социального контекста, отчего разумные частные суждения и приводят, как он сам признает, к «ненаучному» выводу, будто беды страны от нехватки расторопных лидеров. Между тем, жаждущие спасти Россию в избытке, начиная с Ельцина и Путина, а вот свести концы

с концами в собственных вполне здравых мыслях мало кому удастся. Не удалось, к сожалению, и Дмитрию Фурману.

Странным образом он исключает из своих рассуждений СПС («об СПС мы уже не говорим»), а Явлинского, сверх нынешней его реальной слабости, попрекает тем, что результатом его стойкой десятилетней оппозиции стало, якобы, усиление режима Ельцина. Отмахиваясь от того, что эти десять лет единственным не фальшивым оппозиционером был Явлинский, Фурман фактически повторяет нападки на него состоявших при Ельцине «демократов», и перечисляет Явлинского через запятую с ними, не вдаваясь в реально бывшее, в то, что Гайдар и Чубайс были не фальшивой оппозицией, а верной опорой Ельцина, а потом и Путина.

Кризис социалистической системы, обострившийся после 1968 года и толкнул более реалистичную часть руководства КПСС во главе с Горбачевым либерализовать прежний порядок ради его спасения. Но консервативная номенклатура не хотела за свое спасение платить, надеясь на старые силовые методы, и создала ГКЧП. Кризис был слишком глубок, чтобы начальству разобраться меж собой привычным закрытым порядком. А разборка, выплеснувшаяся на улицы столицы, обнаружила, что ни у ГКЧП, ни у медлившего с реформами Горбачева, реальной опоры нет, и возникла ситуация, требующая быстрых и важных решений, ситуация именуемая «революционной».

В 1917 события сперва развивались похоже. Временное правительство в поисках выхода из кризиса либерализовало режим, медля, однако, с созывом Учредительного собрания, призванного разрешить застарелые проблемы. Их демократическое разрешение пытался осадить генерал Корнилов, как и наше ГКЧП, провалившийся. И в возникшей революционной ситуации, которую легко бы разрешило Учредительное собрание, будь оно своевременно избрано, не слишком дотоле известные широкому кругу Ленин и Троцкий смогли повести за собой немалую часть народа и вооруженным путем захватить власть. Им это удалось потому, что иссякали надежды на мирные перемены. Ирония истории проявилась в том, что не князь Львов или Керенский, а Ленин и Троцкий провели выборы в Учредительное собрание. Его состав показал, что народ, отдавший большинство голосов эсерам, то есть свергнутому Керенскому, хочет демократического порядка, и тут большевики, казалось бы списавшие с эсеровской программы свой декрет о земле, показали, что им важны не программы, а власть. Они разогнали Учредительное собрание, обнажив антидемократичность своей революции и всего последующего развития страны под красным самодержавием.

Оно было нетерпимей царского, и к революционной ситуации 1991 года, помимо КПСС, в стране существовало лишь не организованное в партию, общее демократическое, «диссидентское» движение да движения за национальную самостоятельность, наиболее заметные в Прибалтике, на Украине, в Грузии. При Горбачеве заявили себя, как демократы, отдельные люди, тоже не организованные. Но, - и в этом коренное отличие 1991 года от 1917, - правящий класс, средний слой номенклатуры, во главе с Ельциным, удержал власть. Он сумел сохранить основы прежнего, удобного

ему авторитарного государства, правившего хозяйством внеэкономически, то есть, безответственно, все свои просчеты сваливая на население.

Ельцин цепким природным умом смекнул, что большинству номенклатуры дорога не утопия социализма и не протухшие пророчества Ленина, а привилегии, и смысл его «антикоммунизма» состоял в том, что пока Зюганов и прочие размусоливали великодержавный шовинизм, не заполнявший желудки, Ельцин напялил на советский порядок демократические наряды, и своей номенклатуре, выросшей вдвое, даровал свободу открытого избыточного потребления, даже при Брежнев, не говоря о Сталине, не демонстрировавшегося. И поскольку это именовалось демократией, и сам Ельцин – гарантом демократии, решающим фактором его успеха стало публичное отношение к его политике людей с репутацией демократов.

Ельцин лишь потому, как выражается Фурман, «мог без особых помех обеспечить избрание удобного ему преемника». что ему самому позволили обойтись без Учредительного собрания, без открытого обсуждения своих мероприятий. Конечно, скорее всего, при свободном решении народа каждой республики, Советский Союз все равно бы распался, его подсек ГКЧП, сорвавший переход к равноправным отношениям меж республиками. Но «либерализацию цен» при отсутствии экономической свободы или доверительное распределение наиболее продуктивных госпредприятий под видом «приватизации» никакое Учредительное собрание наверняка бы не допустило. А ведь эти грабительские акции шли под знаменем демократии, и у миллионов людей, не понявших, что Ельцин и его команда сами стали новым ГКЧП и ничего общего с демократией не имеют, они вызвали ненависть к демократии. Явлинский, что справедливо отметил Фурман, не преуспел в противостоянии Ельцину, но прежде всего потому, что, когда он в свое время отказался проводить подобные акции и вышел из правительства, быстро сыскались услужливые «демократы», о которых Фурман и ныне не хочет говорить. А еще совсем недавно, перед выборами Путина, нам показали дискуссию Явлинского с Чубайсом, в которой возражения Явлинского против новой войны в Чечне, даже весьма робкие, Чубайс без обиняков объявил предательством и призвал к войне до победного конца, которую мы и ведем по сей день. Правомерно ли при этом рассуждать о общей «правой» оппозиции? И конфликт Ельцина с Верховным Советом РСФСР, в 1993 году еще правившим «демократической» Россией, вызван именно тем, что несозванное в 1991 году Учредительное собрание своевременно не распустило этот советский орган. Руцкой с Макашовым, конечно, не были демократами, но не был им и Ельцин. Публичную разборку в правящем классе опять вынесли на улицы, к телецентру и Белому дому. На выборах 1996 победа Зюганова была бы опасна, но не менее опасна, как видим, стала и победа Ельцина. Уже в первом туре голосовать надлежало против обоих, чтобы во втором совершать иной выбор. Столь же не прост и ответ на вопрос, что делать сегодня.

Фурман, разумеется, прав, желая альтернативной, а не услужающей оппозиции, но наивно думать, что она родится от «право-левацкого»

совокупления. Пример Украины, вопреки Фурману, показал, что коммунисты как раз работают на Кучму, которого поддерживает еще и Москва. Сплочению оппозиций мешают не так субъективные недостатки политиков, как объективное различие надежд социально и территориально разных частей населения страны. Стоит открытыми глазами видеть, что, вопреки избранию по рекомендации Ельцина, Путин воспринимался многими избирателями как альтернатива, и потому, что молод, и потому, что не пьян, И. как ни грустно это признавать, более всего потому, что чекист. Не только сам нынешний президент, но и большинство его избирателей забыли, чем славна организация, из которой он вышел, - да с чего и помнить, если архивы при наших «демократах» так и остались закрытыми. «Гулаг» Солженицына их не заменяет. А вера в чрезвычайные меры, как раз и олицетворяемые ЧеКа, «Чрезвычайной Комиссией по борьбе с контрреволюцией и саботажем», в народе жива и будет жить, пока не появится нормальное, без чрезвычайщины работающее государство.

Россию спасут не новые спасители, а публичное осознание трудностей и возможностей. Осознание не властью, не оппозицией, а массами людей. Цены на нефть нынче отвлекают от таких мыслей, и люди ищут выход для себя, для своей семьи, или в охватившем их отчаянии и апатии, велящих в одиночку умирать, это и делают. Ельцин растоптал надежду, что личные голоса людей, позволившие президенту РСФСР красиво влезть на танк перед Белым домом, определяют и необходимые стране перемены. Но без них не обойтись, - цены на нефть не вечны, а, главное, впереди обвал устаревающего промышленного оборудования, не поддающийся чрезвычайщине и требующий трезвого осознания реальности. Путин, продолжающий войну, и не налаживающий ни экономику, ни правовую систему, в таком осознании за год не продвинулся, но и оппозиция тоже. А обыкновенные люди не могут бесконечно ждать и терпеть. Великий соблазн – не прикрытый уже ни портретом Маркса, ни демократическими лозунгами, фашизм, различимый не только за формой баркашовцев, но и за текстами Глеба Павловского или Сергея Маркова. Только ведь благополучной жизни миллионам и он не даст, и без демократии России не выжить, не уцелеть. Поэтому, справедливо браня Явлинского за то, что пал духом, грех забывать, что он-то у нас и держал дистанцию с властью. Уверения, что разница меж ним и Чубайсом не существенна, в устах думающего человека, вроде Фурмана, лишь подрубают надежды на демократическое противостояние реставрации.

СМЫСЛЫ АБСУРДОВ

Когда в Париже Бенджамена Франклина ехидно спросили, верит ли он в непорочное зачатие, американец ответил: «Верю. Всякое зачатие непорочно!». Он имел, конечно, в виду не только всех, вообще, женщин, но и конкретно праматерь Еву, вместе с мужем, за первородный грех, за зачатие, изгнанную из рая. Если естественное, добровольное и никому не чинящее зла занятие объявлено греховным, потом приходится объяснять

откуда взялся мессия, сын божий, призванный в час национальной катастрофы спасти еврейский народ, а с ним и все человечество. Неужто и он, как все мы, рожден в грехе? Вот и уверовали, что Иисус зачат непорочно. Еврейским сектантам, еще не подозревавшим, что они создают мировую религию, это не казалось абсурдным, поскольку они не проверяли свою веру на достоверность. Они верили, а вера не нуждается в доказательствах.

В наши дни подобным образом рассуждают и о сугубо земном. Толкнула к такому, конечно, социалистическая вера в царство божие на земле, потому и неспособная поддерживать толерантные отношения с прежними религиями, что слишком на них похожа, только еще абсурдней, поскольку хочет веры в чудесные свершения не сверхестественных, а реальных событий и явлений. И хоть ныне Россия от этой веры на словах отреклась, рассуждают у нас по-прежнему, и категорические суждения политиков открыто игнорируют очевидность, не видя нужды с ней сообразовываться.

Новгородский губернатор Михаил Пруссак, противник избрания губернаторов, уверяет, что Россия до него не созрела, и предлагает хоть полувек назначать губернаторов сверху. Мысль не новая. Три четверти века у нас властвовала «вертикаль», и первых секретарей обкомов и крайкомов КПСС, руководивших краями и областями, фактически назначали. Что из этого вышло, всем известно, но дело не только в этом. Как-никак, Россия – по конституции, даже еще по Ленинской, Сталинской и Брежневской, не говоря о Ельцинской, - это федерация, то есть объединение самоуправляющихся частей, а федерация, в которой нет и видимости самоуправления, - не меньший абсурд, чем непорочное зачатие или единый бог в виде трех отдельных персонажей. Но то личное дело верующих, а федерация, которая уже и вида делать не хочет, что она федерация, меняет жизнь каждого из нас. Пруссаку бы разобраться, почему даже большевики объявили Россию федеративной республикой, и объяснить, как, при назначении губернаторов сверху, хотя бы формально осуществится самоуправление, как будут учтены особенности разных частей страны, и национальных, чтобы не доводить до войн, вроде чеченской, и русских, тоже отнюдь не одинаковых. Но он и не пытается.

Да и зачем, если сам президент рассуждает похоже. Недавно Владимир Путин поделился с гражданами сомнениями по поводу обязанности выплачивать советские долги. И хоть честно признал, что долги платить надо и платить мы их будем, назвал само их признание Россией непродуманным. Тут бы его и продумать вслух, и сказать, как лучше было поступать. Россия после роспуска СССР могла не становиться его правопреемником, то есть, не признавать его долгов, не входить во владение его заграничным имуществом, не претендовать на его места во всемирных организациях. В ООН нас бы все равно приняли, хоть не ясно, осталось ли бы за нами постоянное место в Совете безопасности, которого нет, ни у Германии, ни у Японии, ни у Индии, и по числу жителей и по экономической мощи с нами ныне сопоставимых. Нам бы его, видимо, тоже

дали, хоть, по справедливости, расширив число постоянных членов, то есть уменьшив цену этого членства. Другое дело - имущество.

Как-никак стоимость зарубежного имущества СССР, нами полученного, в два с половиной раза больше его долгов. Сразу отдав кредиторам две пятых этого имущества Россия избавила бы себя от советских долгов и нарастающих процентов. Можно бы понять президента, упрекну он предшественников, что они такую возможность упустили. Но называя непродуманным признание долгов и умалчивая о полученном имуществе, президент внушает согражданам, что имущество-то можно бы взять, а долги не платить. А мы долгами тяготимся, а советское имущество не то что кредиторам частично не отдали, но и другим республикам не уступили. Крепки ли будут наши экономические отношения с другими странами, если строить их на абсурдном предположении, что наследник может не платить долги?

Подобные абсурды у нас проповедует не только президент, не только один губернатор, а подавляющее их большинство, и, еще усердней, думские депутаты, и, конечно, телевидение, радио и печать. Потому мы и не приходим к социальному компромиссу, что не смотрят на реальное положение вещей, а твердят, как глухари, каждый свое. Беда не в том, что от реальности ждут разного, а в том, что не простирают свои ожидания на общее социальное пространство, не хотят видеть, что ждет других, если все делать по-своему. Среди немногих, кто плюет на других открыто, ульяновский губернатор Шаманов, не так занятый бедами Ульяновска, как защитой в Ростове своего подчиненного полковника Буданова, задушившего при допросе чеченскую девушку. Генерал Шаманов, подобно гитлеровцам убежден, что инородцев надо истреблять, так с чеченцами и воевал.

Так и воюет с ними российское государство, но говорит оно другое. Президент даже уверяет, что воюет за спасение чеченского народа, треть которого, покамест истреблена, другая бежала от русских «зачисток», а, главное, мы не считаемся с его волеизъявлением, и абсурдно именуем политическим урегулированием набор чеченских марионеток. А нашему государству выбраться бы из нагроможденных им абсурдов и отдать чеченцам права, отданные эстонцам, которых ровно столько же. А чеченцы противились нашему владычеству упорней, и страдали от нас больше.

Но Чечня, хоть и самый наглядный, поскольку кровавый, не единственный плод старых абсурдов, воплощающих интересы той же «номенклатуры», и социализм строившей для себя, и любое другое знамя готовой поднять, лишь бы под ним она оставалась «элитой», равнодушной к судьбам остальных. Нас по-прежнему уверяют, что у советской власти, хоть и были, конечно, отдельные недостатки. но были и несомненные достоинства. Возражая против сопоставлений российского режима, не вдруг ставшего национал-социалистическим, с германским, изначально бывшим таковым, говорят, что преимущество нашего доказано великой победой над немцами, которых гитлеровский режим привел к национальной катастрофе.

Справедливо здесь лишь то, что победа над гитлеровской Германией и впрямь была великой и российские жертвы ради нее огромны. Но различия режимов она не показала, если не считать того, что немецкий откровеннее, а зачинатели нашего «хотели как лучше», и осталось больше лицемерия. К тому же, многие наши жертвы на совести нашей власти. Достаточно вспомнить сотни тысяч наших солдат, попавших в плен по вине Сталина и советских генералов, и проследовавших из гитлеровских лагерей для военнопленных прямоком в родные советские. К тому же, победа одержана вместе с союзниками, человеческий вклад которых меньше нашего, но технический больше, и нет оснований думать, что мы победили бы Гитлера в одиночку, без «студебеккеров» и «дугласов», и, тем более, если бы Америка и Англия были на его стороне. А не секрет, что в обеих странах, особенно в США, как и у нас в 1939, кое-кто, - хотя бы Генри Форд, - хотел союза с Гитлером.

Но и это не главное. Ссылки на поражение Германии в войне, как на знак качества советского режима, абсурдны потому, что на деле оно как раз показывает, что гитлеровский режим, - возможно потому, что был моложе,- оказался крепче и рухнул лишь в ходе войны, под ударами объединенных сил чуть не всех крупнейших стран мира. А наш в восьмидесятые годы стал разваливаться в куда более спокойных условиях, когда уже и Венгрия, и Чехословакия, и Польша были усмирены, и лишь «ограниченный контингент» совершил агрессию в Афганистан. Но социалистическое хозяйство уже не выдерживало груза гонки вооружений, не говоря о благополучии граждан. То не была «ошибка» или, как считают иные, преступление, Горбачева или Ельцина, и даже Брежнева или Андропова. То была национальная катастрофа, заложенная в природе тоталитарного режима, установленного в январе 1918 года разгоном Учредительного собрания. Народы, покоренные Россией, могли винить Россию, и искать спасение в независимости. Что дело не только в России показывает сравнение независимых Венгрии и Туркменистана или Литвы и Узбекистана. Но России не на кого валить вину. Надо одолеть наркотик коммунистического волюнтаризма.

Не одолев в сознании советские абсурды, стране не выйти из нищеты. А нам твердят, что не все тогда было плохо, не всех людей убили и не все книги запретили, что даже при Сталине, люди любили, воспитывали детей, создавали порой дивные художественные творения и серьезные научные теории, и не сразу погубленный Королев прорвался даже в космос. Надобно большое бесстыдство, чтобы относить его, сидельца, труд, или труд Булгакова, или Пастернака или множества рядовых людей, проживших жизнь не зря, к достижениям советской власти. Даже ее успехи приходили не благодаря, а вопреки ей, ради них она нередко отступала от свойственных ей принципов, но по тоталитарной своей природе не могла не вести и не привести к национальной катастрофе. Вот и привела. Но, спасая в этой катастрофе себя, коммунисты, вцепившись во власть, переоделись «демократами», и мы, в отличие от Польши, Чехии или Венгрии, где к власти и впрямь пришли демократы, до самопознания и самосознания не дошли. А пора.

ГОРИЗОНТАЛЬ

Горько, что в Эстонию, где я регулярно бывал на балетных премьерах, или в Литву, где бывал еще чаще потому, что переводил литовских поэтов, не говоря об Украине, в столице которой родился, съездить нынче не проще, чем в Берлин или Рим. Гражданам начальникам, сетующим на развал Советского Союфза, это тоже горько. Отчего же горечь у нас такая разная? Отчего не то что с местными жителями отколовшихся республик, но и между собой в России нам и в этой горечи не найти общего языка, и не понять сообща, отчего так вышло и что можно поправить. Нас, таких, по опросам - три четверти населения России. Но и среди желающих вроде бы одного, раздрай.

А перед глазами положительный пример, - Европейский Союз. Да еще очередь желающих туда вступить, хоть не всех принимают, и не сразу, требуют подготовки, перемены многих внутренних порядков, и люди в большинстве на это согласны, ждут и надеются, что, в конце концов, примут. И правильно делают, - сообща со многим справиться легче, а от государственных границ легче не становится. Как же Франция и Германия, веками друг с другом воевавшие, обходятся без госграницы? Даже у нас, иностранцев, паспорта на этой границе уже не проверяют, - действует единая шенгенская виза. У нас, правда, еще спросят визу при въезде в Англию, но французам и немцам и тут виза не нужна. А мне без нее в соседние Тарту или Таллинн не съездить. И они скоро тоже войдут в Евросоюз, в очереди стоят. Отчего же туда ломятся, а нас сторонятся? Казалось бы, с нами тоже можно взвимовыгодно сотрудничать, а в Европе полно того, что Эстония способна предложить, но она рвется туда.

Конечно, и в Европе наряду с тягой к единству велика страсть к разрывам. Чехословакия распалась на две страны, а Югославия даже на пять, и обсуждают, не обломятся ли еще две. Не только от России хотят отделяться, и не тем наша власть худа, что она – русская. Вспомним, как начались кровавые события вокруг Косова, о которых ныне только и речи. Начались вроде бы с мелочи, - президент Милошевич, не только наш любимый друг, но и по мнению правительства США – миротворец, отменил автономный статус края Косово, населенного по-преимуществу албанцами. Ни в России, ни в США по этому поводу не шумели. Но вскоре лидера албанцев Ибрагима Ругову, стоявшего за мирную защиту своих прав, в симпатиях рядовых албанцев стали оттеснять сторонники вооруженной борьбы с Сербией. Милошевич начал в ответ ликвидировать албанцев, сгонять их с земли. Полное изгнание остановили только бомбежки НАТО, в Косово вошли международные войска, и албанские отряды поспешили изгонять живших там сербов, а потом и в буферную зону вторглись. Механизм перехода от защиты ущемленным меньшинством своих прав к вооруженной борьбе, ущемляющей чужие права, тут нагляден. Но массовое сознание уже не помнит, как этот механизм завели, - а завели росчерком пера, отменили автономию, отняли у соседей право, пусть в титовской

Югославии чисто формальное, решать свои дела. А это не только национальная проблема.

Много лет назад я присутствовал в Таврическом дворце на выступлении Председателя Идеологической комиссии ЦК КПСС Л.Ф.Ильичева перед ленинградской интеллигенцией. Браня книги и спектакли, в том числе спектакль БДТ «Горе от ума», где на занавесе начертали слова Пушкина «Черт догадал меня родиться в России с душой и талантом», Ильичев вдруг сказал: «Вы спросите меня, по какому праву я предъявляю требования выдающему режиссеру Товстоногову. Я отвечаю: по праву руководства. А то ведь он опять станет жаловаться, что черт догадал его родиться в России». Секретарь ЦК не стеснялся своей особой неприязни к «нерусскому» Товстоногову. И показал достойное советского академика искусство передергивать: Пушкин все-таки сетовал не на то, что родился в России, а на то, что родился с душой и талантом, с которыми в России жить трудно. И Товстоногов тоже. Но примечательней всего убежденность, что жизнь держится руководством сверху, руководящей и направляющей ролью партии, и основа жизни – властная вертикаль.

Хоть властная коммунистическая вертикаль довела страну до кризиса, из которого все никак не выбраться, хоть многие готовы признать, что руководство, даже сам великий Сталин, не говоря о Горбачеве, допускало ошибки, за которые мы сегодня расплачиваемся, большинство наших сограждан поныне не признало, что порочен сам принцип тотального руководства, само выстраивание жизни по некоей вертикали, спускающей указания о том, как ставить спектакли, что сеять, какие науки открывать, а какие закрывать. А вертикаль и была бомбой замедленного действия, взорвавшей хозяйство, культуру, образ жизни и Советский Союз. Давно забыто двустишие: «Прошла зима, настало лето, спасибо партии за это», а нам все внушают, что вертикаль власти – залог порядка, будет она стройной – и подчиняться ей зима и лето, и общественные отношения, и хозяйство, и уж конечно, мигом решатся национальные проблемы, надо только твердо указать всем народам их место. Как Милошевич албанцам.

Завидуя европейскому единству не забудем, что оно создается по второму разу, и первая попытка провалилась потому, что, в отличие от нынешней, держалась вертикалью. Фюреру служили и гауляйтеры и квислинги, и рядовые полицаи, и воля европейцев его не занимала, он считал их недочеловеками, даже если не подвергал геноциду. Исключением стали австрийцы, уравненные Гитлером с немцами, что многим там еще мешает преодолеть надежды на тоталитарную власть и ксенофобию, как это сделало большинство немцев, задумавшихся о том, как их вынудили служить подножьем национал-социалистической вертикали. Послевоенная Германия, сильная и богатая, стала оплотом Европейского союза. Он строится теперь по горизонтали, а под брюссельскую вертикаль, тоже коллективно управляемую, подпадает лишь признанное общим с общего согласия. А мы все полагаемся на вертикаль, не желая понять, что из-за нее-то нас и опасаются и хотят от нас обособиться.

Обособиться хотят не только чеченцы, не только татары,

но и многие русские области предпочитают самостоятельно решать свои дела, а не просто исполнять спущенные Кремлем указания. Но все они, не только русские, но и татары и даже чеченцы предпочли бы лишь обособиться, а не отделиться. А если дело доходит до отделения, до борьбы за него с оружием в руках против явно превосходящего противника, виноваты те, кто, как Милошевич от албанцев, требует покорности, не довольствуясь добрыми горизонтальными отношениями. Даже Александр Григорьевич Лукашенко, наш первый друг, жаждущий создать с нами общее государство, не упускает случая оговорить гарантии самостоятельности Белоруссии в рамках этого государства. Он понимает, что если Масхадова, избранного явным большинством чеченского народа и признанного российскими властями во главе с Ельциным законным Президентом Чечни, Москва, когда захотелось или понадобилось, вдруг объявила бандитом и не сочла обязательным, прежде чем бросать бомбы, обсудить с ним ситуацию, так ведь белоруссов в Москве еще больше, чем чеченцев, и не составит труда подобрать для Белоруссии кого-то и впрямь более подходящего во всех отношениях.

Российское государство губит себя, не желая понимать, зачем народу нужно государство. Российская государственная теория, - по советскому принципу: кто не с нами, тот против нас, - видит только две позиции: кто не за самодержавие, не важно какое, тот за анархию. Между тем, не только на западе, но и в России и в любой мало-мальски развитой стране люди все убежденней отвергают и всевластие и безвластие. Они понимают, что и то и другое оборачивается разбоем банд, - одни, выступая от имени закона, прячут, однако, лица под черными масками, другие даже гордятся бытующим беззаконием. Но назначение государства - быть инструментом социального компромисса честных людей, обеспечить всем участникам общества участие в решении общих проблем и возможность самостоятельно решать свои.

Лукьянов, при Горбачеве второе лицо советского государства, а ныне председатель думского комитета государственного строительства, недавно вновь отвергал разделение властей и твердил, что власть должна быть единой, то есть самодержавной. В России легко меняли самодержцев, после Екатерины трое из пяти – Павел I, Александр II и Николай II были убиты, смерть Александра I окутана легендами, смерть Николая I – тоже темна, лишь Александр III умер естественно. Но самодержавие продлили под красным флагом, и при Хрущеве сеяли кукурузу, как при Екатерине сажали картошку. Но и картошка и кукуруза идут впрок, лишь если люди им рады. А принуждению «по праву руководства», - люди сопротивляются. Нет у государства такого права, а есть обязанность дать гражданам свободу в рамках закона, в котором их расходящиеся и соперничающие воли сбалансированы, и каждой оставлены законные инициативы. Об этой обязанности наше государство забыло. А свободные люди сами перенимали и картошку и кукурузу

Мы хвалим или ругаем новых самодержцев, а страну спасают или губят не их личные качества. Не то что Ельцина или Путина, даже палача русского крестьянства Сталина, нельзя назвать единоличным губителем

России. Ее губит вертикальный принцип самодержавия, вручающий авторитарной власти дела, в которых она по природе вещей не властна. Но ради самоутверждения авторитарная власть отвергает и перекрывает горизонталь, на которой и с Чечней, и с Эстонией, и с Венгрией можно бы жить без ненависти и даже в союзе. В союзе, где среди равных нет первых, где «старший брат» не решает судьбы остальных.

ТАКИЕ РАЗНЫЕ «ЛЕВЫЕ»

В детстве слова имеют четкое значение. Сбивают, конечно, синонимы, но они различаются областями применения. С отрочества я знал, что слово «левый» обозначает не только сторону улицы, но и сторону общества. Но любая сторона улицы могла попасть и в тень, и на солнце, а в обществе «левые» выглядели симпатичнее «правых». Левые за свободу, их преследуют, сажают в тюрьмы. Не то, что я не слышал, что в октябре 1917 все перевернулось, что у власти левые, а в тюрьмах правые, буржуи. Но они ведь сами против свободы. Так бы я и прожил жизнь, деля людей на правых и левых, веруя, что бомба, подложенная левыми, служит добру, а правыми - злу. .

Но начались великие процессы. Судили вчерашних вождей партии. Печатали обвинительные заключения, протоколы допросов, речи прокурора. А я, двенадцатилетний мальчик, их читал, а то и слушал, часами сидя в наушниках у детекторного приемника. Самым удивительным было, что подсудимых часто винули в левом уклоне, говорили даже «левацком». Но я не понимал, я-то думал, что быть левым хорошо, да и власть, которая судила, слыла левой. И вдруг сообразил: правые - это консерваторы, они хотят, чтобы все оставалось, как есть, а левые хотят перемен и сами меняются. Как за сторонами улицы, качество за ними не закреплено.

Великие процессы были пиком гласности, на которую советская власть на моей памяти шла. Даже в начале войны, обращаясь к народу за поддержкой, она утаивала и лгала. Даже Горбачев о многом умалчивал. А тут открыто, на глазах у всего мира, от имени революции судили людей, совершивших эту революцию, в измене которой их теперь обвиняли. Обвинял генеральный прокурор Вышинский, в октябре 17 служивший в милиции Временного правительства, и тоже стоявший не на той стороне баррикады, где подсудимые. Конечно, на процессах лились потоки лжи, вождей партии называли агентами английской, немецкой и, особенно, японской разведок, винули в убийстве Ленина и бог еще знает в чем. Но была выговоренна правда: наша левая власть уже не хотела слыть чересчур левой, не хотела больше перемен. Она хотела, оставить все, как устроила.

Для подростка это было ужасное, но благодетельное открытие. Не то что советская жизнь представлялась мне очень уж хорошей, но, сознавая и себя левым, я надеялся на перемены и верил. что власть тоже хочет

перемен, как всюду писали. Я был октябренок, вступил в пионеры, даже побывал председателем отряда, но после процессов пришла пора вступать уже в комсомол, и я отговаривался, что не считаю себя достойным, и так и не вступил. На том моя политическая жизнь и кончилась, отчего реальная жизнь легче не стала.

Даже по правленным текстам было видно, что процессы отрететированы, и когда Крестинский или Бухарин вдруг возражали прокурору, председатель ставил их на место. Но я не так сочувствовал подсудимым, как был потрясен выставлением напоказ нового лица советской власти. За двадцать лет она из левой сделалась крайне правой, и когда вскоре вступила в союз с немецкими национал-социалистами, удивлялись лишь те, кто преобразования не заметил. Союз вышел непрочный, но война, на время которой Советская власть неожиданно для себя объединилась с народами, борющимися за демократию, и вместе с ними победила, не изменила ее природу. Она стала еще откровенней, и, продолжая именоваться левой, подобно Гитлеру, занялась геноцидом – истребляла крымских татар, чеченцев, ингушей, калмыков, карачаевцев и уже взялась за евреев. Она душила не только политическую мысль, но уже и литературу, искусство, науку. До самой смерти Сталина страх нарастал. Но сильнее страха терзал вопрос, который еще до войны задал великий поэт, тогда же и уничтоженный:

Кого еще убьешь? Кого еще прославишь?
Какую выдумаешь ложь?
То ундервуда хрящ: скорее вырви клавиш –
И щучью косточку найдешь.

Но не только наша государственная печать именовала это свободой. По всему миру левые, даже не звавшиеся коммунистами, уверяли, что в Советской России, в маоистском Китае, в полпотовской Кампучии, в кимирсеновской Корее, в кастровской Кубе, при отдельных несовершенствах, живется куда лучше, чем во Франции или в Дании. И не то что это говорили дураки или невежды. Жана-Поля Сартра к ним не причислить. А такие тоже уверяли, что левый тоталитаризм куда лучше правого консерватизма, хотя по всем конкретным чертам этот левый тоталитаризм был на деле даже хуже, был ультра-правым, но под левым флагом.

Природа перерождения левого движения так еще и не попала в центр общественного внимания, хотя это перерождение было, вероятно, главным общественным событием XX века. О перерождении задумывался еще Троцкий, но, к сожалению, уже после того, как его оттеснили от власти. Перерождение объясняют по-разному, но коренится оно в различиях политических схем и экономических реальностей. В Англии социализм стали строить мирно, тем более, что сам Маркс верил в такую возможность, и мирно национализировали промышленность. Но довольно быстро выяснилось, что в руках государства она становится убыточной. Китай, наоборот, к социализму шел с винтовкой, которая рождает власть, и только

потом, когда хозяйство зашло в тупик, Дэн его укрепил улучшенным подобием ленинского НЭПа. Но поныне оставшиеся государственными заводы работают в убыток. В Англии и в Китае все разное, а социалистические заводы одинаково убыточны. А у нас и колхозы были убыточны, и концы с концами сводились за счет общегосударственной казны, пополнявшейся, за счет полезных ископаемых, не говоря о затягивании поясов.

Но признать, что социалистическая система неэффективна, не хотят поныне. Между тем, эффективная буржуазная система не дарит счастья, да еще равного, всем, и недовольные ищут ей альтернативу. Здравый смысл и опыт говорят, что такой альтернативы покамест не видать, что люди способны лишь создавать страховку, защиту, гарантии на случай неудачи. Но парадокс в том, что такие гарантии тем более успешны, чем выше буржуазное развитие. А у стран полуфеодалных, лишь вступающих на буржуазный путь, нет денег для защиты людей, особенно если нет полезных ископаемых или других даров природы. От безвыходности идет вера, что накормить всех бесплатно может государство, что принудительный труд даст больше благополучия, чем в развитых странах. Люди не берут в толк, что уже при паровой машине, а, тем более, при компьютере так не выходит. Именно поэтому промышленности давно пришлось отказаться от рабства. Вот сторонники левого тоталитаризма и не вспоминают об этом великом отказе от принудительного труда, - они еще верят в возможности рабов.

В России, разоренной семидесятилетием рабского труда, спасение ищут направо, и от Солженицына до Гайдара с Чубайсом идеализируют то царизм, то «первоначальное накопление». Но там, где страдают от несовершенств капитализма, особенно если петух левого тоталитаризма еще не клевал, многие, как когда-то и в России, не загадывают, не окажется ли он еще хуже правого консерватизма, и десятки левых движений все еще мостят ему дорогу. А все тот же великий поэт, наперед обдумывая навязываемый выбор, спрашивал себя:

Ужели я предам позорному злословью...
Присягу чудную четвертому сословию
И клятвы крупные до слез?

Не только у нас левые движения, натываясь на сопротивление объективной реальности и не совладав с ней миром, перерождались и вырождались. Но это не повод порочить ценности, которые они открывали до вырождения, и тех, кто эти ценности утверждал. Я держусь старых левых взглядов, дорожу свободой слова, равенством гражданских прав и правом наций на самоопределение уже потому, что режим, при котором прошла моя жизнь, ничего такого не допускал, что он был оголтело правым, и таковы по сей день его певцы во главе с Зюгановым. Я по-прежнему предпочитаю Радищева Уварову, Герцена Каткову, Соловьева Леонтьеву, Федотова Победоносцеву, Короленко Шульгину. Конституционалистов у нас всегда затаптывало сословие, богатевшее от щедрот монаршей воли:

Дмитрия Голицына – дворянство, Андрея Сахарова – номенклатура. Но номенклатуру создали не идеалы свободы, а изменившие им Ленин и Муссолини, легко приступившие с левыми лозунгами к всеобъемлющему насилию. Вхождение в привычку такого сочетания создало Сталина, а за ним и немецкий национал-социализм, и исламский социализм и много еще других. Эту великую метаморфозу тщательно анатомировал Джордж Оруэлл. Его книги, пусть чуть запоздалое, но еще вполне актуальное предостережение человечеству. Но примечательно, что даже в пору холодной войны, людям левых взглядов, внявшим этому предупреждению, трудно было выступить против левого тоталитаризма, защищая левые идеалы не только от буржуазных предрассудков, но и от коммунистического террора. Трагедию России ныне хотят замолчать, забыть, объяснить случайностями или особенностями национального характера, и левые в Европе и Америке бывают реакционней своих правых оппонентов. А чтобы облегчить жизнь миллионам, надо, прежде всего, понять, что двадцатый век завел социальное сознание в тупик, выхода из которого нет, покуда, тверже, чем правым, левые не противопоставят левому тоталитаризму. Левые чего-то стоят лишь если, опережая правых реакционеров, противопоставит тем, кто с похожими левыми лозунгами повторяет уже пройденное. Братаясь с ними – они их пособники.

ПУТИНСКОЕ БОЛЬШИНСТВО

В информации о событиях, - а перестановка силовых министров, конечно, событие, - существенна не только правда, но и попутная ложь. Новые министры обороны и внутренних дел названы гражданскими, хотя первый – генерал-лейтенант ФСБ, второй – полковник запаса. Уверяют еще, что у нас впервые штатский министр обороны, хоть штатским был уже Троцкий, а потом Булганин, и Устинов. Говорят, впервые военным министром стал второй человек в стране, но и Троцкий был вторым человеком в стране.

Что, и впрямь, впервые, - министр обороны Сергей Иванов - профессиональный чекист. Любопытна, тут, однако, не обычная неприязнь военных к спецслужбам, а самый смысл назначения чекиста главой армии, Претендентом на это место он стал на гребне спора между министром Сергеевым, считавшим основой обороны ядерные ракеты, и начальником генерального штаба Квашниным, уверенным, что усиливать надо, прежде всего, сухопутные войска. Уверенность выросла не на пустом месте, Квашнин командовал Северо-Кавказским военным округом в первую чеченскую войну и, естественно, заметил, что мы повстанцев не победили. Как военный человек, он искал этому чисто военные, а не политические и социальные причины. Как профессионал, он заботился о решении задач, которые перед ним ставят, понимая, что задачу ответного термоядерного удара в обозримое время едва ли поставят, поскольку нам такой не грозит, а на случай и существующих ракет за глаза и за уши довольно.

Оказалось, что позицию Квашнина разделяет комиссия по реформе армии, возглавлявшаяся нынешним министром Ивановым. Это означает, что беспокойство Квашнина разделяет высшее руководство страны, не только второе, но и первое лицо государства. А беспокойство на этом уровне вызвано не одной Чечней, оно, надо думать, растет из предчувствия подобных ситуаций и в других местах, и тогда назначение профессионального чекиста понятно. Подавление повстанцев и «зачистки» - это его дело, а солдаты срочной службы, да и руководящие ими офицеры, для таких дел не годны, другому научены. Возникающее недовольство армией питается ее неспособностью выполнить не свойственную ей задачу. Но армия ли в этом виновата? Назначение армии – защита отечества, и, поскольку после 22 июня 1941 года никто, слава богу, нападать на нас не рисковал, нет оснований сомневаться, что армия и без чекиста выполнит свой долг. Задача нового министра - сделать армию внутренним войском, диктующим гражданам и целым субъектам федерации волю центральной власти.

Но как же иначе одолеть сепаратизм, желание выйти из федерации? Радоваться ему, понятно, не приходится. Когда в нашем городе возникло движение за отделение Петербурга от России, я сам пытался через газету объяснить его сторонникам, что от разрыва с Россией город проиграет больше, чем выиграет. Показывать сепаратистам и их последователям пользу союза с демократической Россией, - дело благое. Только ведь Ельцин, а за ним и Путин, занялись противоположным, они показывают, - и не одним чеченцам, - что от нас лучше держаться подальше. А выбор-то прост: что России нужней - Чечня или демократия? Российская власть не слишком почитает и великого русского сепаратиста, не желавшего жить в могучей монгольской державе, и вышедшего на Куликово поле ради независимости нашей небольшой тогда страны. Дмитрию Донскому в столице поныне нет памятника. Власть не помнит, что именно от ухода монголов явились и Рублев, и дивные строения в Кремле, и великая русская культура, и не хочет, чтобы другие помнили и следовали русскому примеру.

Вот она и изображает воинским долгом не защиту отечества, а усмирение соотечественников, и, назначив чекиста министром обороны, выразила себя с предельной откровенностью. Если после революции пребывание «второго лица» в должности наркомвоенмора выражало представления большевиков о мировой революции, как главной задаче, которую армия сама и начала уже решать под лозунгами «Даешь Варшаву!» и «Даешь Берлин!», то сегодня, ставя «второе лицо» во главе армии, президент Путин отнюдь не стремится тут же начать третью мировую войну. Напротив, штыки армии, которую он совершенствует, обращены будут покамест против населения нашей собственной страны. Возможно, зарубежных военных и политиков, не желающих войны с Россией, это успокаивает.

Но нас такое назначение армии не может не тревожить. Оно толкает иначе взглянуть на многие стороны военной реформы. Долгое время считалось, что профессиональная армия избавит страну от «дедовщины» и

прочих бед, но если армию предполагают развернуть против населения, профессионализм может усугубить ситуацию. Хочется думать, что, в отличие от наемников, солдаты срочной службы в сограждан стрелять не станут. Но в Новочеркасске стреляли. И не только потому, что боялись наказания за неисполнение приказа, но, прежде всего, потому, что выросли с убеждением в непогрешимости государства. Ведь критика государства была уголовно-наказуема. Действующий глава государства был тогда непогрешимее папы Римского, непогрешимого лишь при исполнении обязанностей. Это объясняют манией величия Сталина, но Брежнев гением себя не воображал, а и ему непогрешимость была нужна, поскольку власть не обслуживала народ, она им руководила, направляла, вела. Вот и добивалась единомыслия.

Что его опять добиваются, показывает происходящее с НТВ. Атака началась в день выступления президента с посланием, и обнажила несообразность его слов с делами, которые он поощряет. Но дела вполне сообразны друг с другом, и в частности, назначение чекиста главой армии с обузданием взломщиков единомыслия на телевидении. Иные удивляются, ничего особенного в сдержанных передачах НТВ не было, они отнюдь не призывали дать чеченцам свободу. Но власть раздражал сам выход за пределы еще негласной цензуры, которой уже следуют два других федеральных канала. Можно любить или не любить НТВ, одно в нем любить, другое не любить. НТВ – не сошедший с неба бог. Если часть акций заложена, значит есть за ним долги, - но срок платежа не истек. А с другими каналами и при явных финансовых нарушениях обходятся поприличней.

Власть устроила так, что наши законы предприниматель не может не нарушить. Но правосудие сделала выборочным, карающим не всех нарушителей, но лишь негодных власти, чтобы частной по форме собственностью правило государство. Нам внушают, что свобода НТВ ограничена святостью собственности, но приватизация Чубайса создала у нас не буржуазную частную собственность, на которой свобода как раз и держится, а условную, по сути феодальную, «священную» лишь в руках послушных власти. НТВ не во всем послушно, там можно узнать новости и услышать суждения, какие на других каналах не услышать. Порой спорные, но нарушающие единомыслие. За это, а не за долги, недостатки или даже достоинства, его и ликвидируют. Ельцина, славшего армию стрелять в сограждан и не мешавшего рассуждать о бессмысленности этой стрельбы, ныне изображают демократом. Но при произвольной стрельбе, демократия существует лишь на словах, и Путин не изменяет Ельцину, а продолжает и развивает начатое им удаление от демократии. Остается условной и собственностью, и творец условности Чубайс оправдывает расправу с НТВ.

Послание Путина Федеральному Собранию еще раз показало, что президент, как говорится, в курсе. Иллюзий о состоянии страны у него нет. Он знает, что наша судебная система мешает вести хозяйство. Он знает, что наше хозяйство держится не производством, а сырьем. Но только он убежден, что государство, то есть он сам, непогрешимо, и суд обязан

выносить решения угодные государству. Путин не любит Гусинского, а любовь выше судопроизводства. Президент говорит, что не вправе давить на суд, и это, конечно, так. Но он не только вправе, он обязан оградить суд от любого давления, вынуждающего утром менять решение, принятое накануне, а такого в делах НТВ полно. Увы, этой своей обязанностью гарант конституции пренебрегает.

За президента, однако, большинство, во всяком случае, относительное, - на выборах ему насчитали 52% голосов, то есть 36% всех избирателей. Проблема лишь в том, повод ли это не считаться с меньшинством, пестрым, но, как легко сосчитать, тоже не малым. Главный трубадур власти Павловский велит не считаться, он и вбросил термин «путинское большинство». В дни моего отрочества похоже высказывался немецкий фюрер, обещавший: «Придя к власти, мы уничтожим всех наших противников на законном основании». Для него законом была воля власти. Павловский при власти, и, боюсь, НТВ уничтожат, даже если сохранят название. Но есть еще объективная реальность.

Невозможна современная промышленность с крепостными рабочими. Невозможен капитализм из одних лишь крупных капиталистов, назначенных государством и от него зависящих, при котором, среднее и даже мелкое дело, без поклонов чиновнику не открыть. Невозможно рыночное хозяйство без конкуренции, и разноречие телеканалов - не дискуссия пикейных жилетов, а модель здорового хозяйства, признающего правоту другого, достижение другого. Убрать эту модель, как и убить другого, не только чеченца, можно. Но пора сознавать, что на свободную экономику надеяться при этом не стоит. Свобода слова – это опора демократии и законности, без которых советский кризис не преодолеть.

Ведя нас в мифический рай, КПСС создала тоталитарный режим, разоривший страну. Ныне нас возвращают к подобному даже без мифологии, простым враньем.

НЕ ОДИН ПУТИН

В справедливых осуждениях силового захвата НТВ недостатка нет. Широко признается, что он обозначил новую эпоху или возврат к прежней. Россия сперва надеялась, что «процесс пошел» и сам собой приведет к желанной цели, к благосостоянию, как детищу вдруг замаячившей демократии. Оттого, должно быть, и не очень вглядывалась, куда на деле он шел, хотя направление изменилось уже в тот миг, когда победоносный Ельцин слез в 1991м с танка. Хорошая сторона кошмара, свершившегося в страстную субботу, в том, что возвращается ясность, ночь озарена фонарями новой охраны.

Как у нас положено, ищут виноватого. На сей раз поиски не затягиваются, даже самые смиренные из сознающих происшедшее

вопрошают: почему молчит президент, хотя президент не молчит, а предельно откровенен. Конечно, он лично не приказывал Буданову завернуть чеченскую девченку в одеяло, изнасиловать и удавить. Конечно, он не приказывал Куллистикову ночью перекрыть вход и не впускать строптивых сотрудников на восьмой этаж. Но наша великая литература давно описала, как изъясняют такие желания: «Насчет Федора распорядиться!» Это повесомей крылатого «мочить в сортире!». Путин делает именно то, что от него думающие люди ожидали. Он никого не обманывал. Но Путин, так же, как Буданов или Куллистиков, - только исполнитель.

Не считать же чистенькими Бориса Березовского, ныне сыплющего демократической фразеологией, а прежде щедро тратившегося на избирательную кампанию Путина, или Наталью Геворкян с Андреем Колесниковым, создавших его идеальный образ. Но и они – лишь исполнители, порой не стесняющиеся признаться, что им хорошо платили, а по нынешним понятиям зеленые бумажки смывают стыд. И не стоит валить вину только на них, как и только на Путина.

Круг виноватых куда шире. Можно обсуждать все ли голоса, поданные за нового президента, были реальными, но за него голосовало слишком много честных прежде людей, чтобы сомневаться в законности его избрания. Путин – лицо современной России, так же как Буданов с Шамановым или Кох с Куллистиковым. Можно, конечно, говорить, что люди, их поддерживающие, плохо понимают, что делают, но поймут со временем. Хоть это и правда, от нее не легче. Множество честных людей думает не о том, за кого, а против кого голосовать. Еще в 1996 году они справедливо рассудили, что надо голосовать против коммунистов, но под ураганным огнем массовых внушений не только на государственном телевидении, но и на канале НТВ, упустили из вида, что это вовсе не означает голосовать за Ельцина, во всяком случае, в первом туре. А единственный шанс России на спасение уже тогда состоял в появлении иной альтернативы коммунистам, чем необычайно гибкий и ловкий коммунист Ельцин, затеявший косметические перемены вместо коренных.

Ныне уверяют, что в 1991-93 годах произошла революция и дело лишь за консолидацией и упорядочиванием ее завоеваний. Между тем, никакая революция не произошла, потому президентская власть и осталась, как выражается Дмитрий Фурман, «безальтернативной». В 1996 году мирная революция еще имела шанс совершиться, предпочтя Зюганову Лебедеву, или Явлинского или еще кого-то, а не опять Ельцина, тут же приступившего к передаче власти силовым ведомствам. Гусинский и Малашенко, вклад которых, наряду, конечно, с Березовским и Чубайсом, в победу Ельцина был решающим, думали о бизнесе, а не о политике, и хоть понимали природу нового, кругом зависимого от власти бизнеса, совершили ту же ошибку, что и большинство граждан, - закрыли глаза на связь экономики и политики и на обратное воздействие политики на экономику, чем сами и подготовили нынешний захват НТВ. А вроде умные люди!

Закрытие НТВ объясняют священным правом собственности, толкуя его, однако, не совсем обычно, - 46% в руках Газпрома оказываются более

священными, чем 49.5% в руках Медиа-Моста. Неприкосновенность собственности тоже толкуется необычно, владелец 46% самолично берет себе спорное имущество до того как судом высшей инстанции рассмотрена апелляция. Собственность и вытекающие из нее права понимаются по-прежнему, по-советски. Но помимо процедуры законов о собственности грубо нарушены еще и законы о СМИ, отличающие права и обязанности владельца газеты или телеканала от прав и обязанностей владельца фабрики или магазина.

Но свобода информации, краеугольный камень современного общества, не сопрягается с понятиями советской эпохи. По ним государственное телевидение могло лишь славить власть. У частного телевидения как бы появился выбор, и Гусинский славил Ельцина, добровольно. Но едва он попытался на деле совершить выбор и стал славить не ельцинского кандидата в президенты Путина, а то ли Примакова, то ли Лужкова, для объективности давая слово и Явлинскому и даже Зюганову, ему напомнили, что такое частная собственность в России. Обнаружилась разница меж собственностью Газпрома, выполняющего пожелания власти, и при Ельцине, под его давлением, дававшего в долг Гусинскому, и собственностью строптивного Гусинского, вообразившего, что она у него и впрямь *частная*, а это, как выяснилось, не вполне так. Вот в силу этой разницы Газпром при Путине и требует с Гусинского деньги, данные и потраченные на поддержку Ельцина. И, не дожидаясь окончательного судебного решения, без судебных приставов, захватывает ему еще не принадлежащее. Природа российской частной собственности, оказавшейся условной, частичной, и зависящей от послушания ее обладателя государству, не менее выразительна, чем отсутствие свободы слова. С такой собственностью не то, что свободы слова, а и нормального рынка быть не может. И когда Чубайс оправдывает Коха и Газпром, он, наконец, сам признает, что именно такую, условную собственность и вводил, и подтверждает, что никакой революции у нас не было. А мы ждем свободы слова!

Горбачев вел себя честней Ельцина, он свободы слова не обещал, лишь гласность, то есть открытость власти, прежде во многом тайной, и обещание выполнял. Считается, что свобода слова настала при Ельцине, поскольку цензуру, фактически отпавшую уже при Горбачеве, упразднили официально. Но – тоже «по экономическим причинам» - в сотни раз упали тиражи массовых изданий, и средством массовой информации остались три канала телевидения, обслуживавших власть. Когда же так называемый частный, наконец, попытался не зависеть от власти, все увидели, что свободы у нас нет, и терпеть ее Путин не собирается. От возмущения иным показалось, что прежде она была.

Что, собственно, означает свобода информации? Прежде всего ее полноту, возможность знать любой факт и любое мнение. Кто же такую полноту обеспечит? Опыт говорит, что государство на это неспособно. Если в центре Москвы собирается двадцатитысячный митинг, что не каждый год бывает, а телеканал его не показывает, он расписывается в своей тоталитарной природе. Но, как мы убедились, власть у нас выгуливает и

частное телевидение, хоть и на более длинном поводке. Теоретически произвол владельца, частника или государства, можно ограничить, создав общественное телевидение, оплачиваемое телезрителями, избирающими руководство такого канала. Но судя по недавнему примеру Чехии и тут возможны государственные злоупотребления.

. Дело выглядит безнадежным, и, действительно, пока в стране нет независимой частной собственности, а только собственность по Чубайсу, пока в стране нет независимого суда, способного призвать Иордана, Коха и Куллистикова к ответу за самовольные действия, о свободе информации можно только мечтать. К тому же, не будь президент так уверен в себе и меньше отдавался личной ненависти к Гусинскому, он легко нашел бы более легальные способы изменить характер строптивного канала, а мы бы и не сразу заметили, что опять, как при Ельцине, телевидение дудит в одну дуду. Интерес к НТВ в последние годы вырос именно от разлома единомыслия, от того, что это, конечно, не единственный частный и независимый канал, хоть и самый из них доступный, но единственный говорящий не совсем то, что власть. Он привлекает не только профессионализмом команды, не только очарованием Светланы Сорокиной, - просто нигде больше мы не могли, и уже не сможем, слышать и видеть что-то дополняющее, поправляющее и уточняющее официальные советские сообщения о войне или «Курске». История не выберет героев по анкетным данным, и какие бы прегензии не имелись к Гусинскому и Киселеву, сегодня эти люди заботами Путина олицетворяют свободу России.

Но случись даже вдруг бархатная революция, возникни реальная частная собственность и независимый суд, настань чудесное спасение НТВ, наивно думать, что единственный канал сможет долго пребывать носителем правды и справедливости. Таких каналов нужно много, тогда они вынуждают друг друга, и даже государственные каналы, не лгать и не замалчивать разногласия. Правда и полнота новостей, равно как глубина суждений, - плод конкуренции, результат состязательного процесса. В 1996 году Ельцин, улыбаясь во весь экран, говорил: «Ну, демократы все равно за меня проголосуют, никуда не денутся!» Многие, не покоровившись, никуда и не делись, так и голосовали, и подготовили этим закрытие нынешнего НТВ. А за ним, между тем, уже закрыты газета «Сегодня» и журнал «Итоги». Вскоре, видимо, закроют радиостанцию «Эхо Москвы». Что же дальше? Введут цензуру? Прекратят обмен валюты? Восстановят выездные визы? Начнут сажать? Все это и многое другое президенту наперед позволили те, кто отдал ему свои голоса. Вот и винить пора не так его, как их

РОССИЯ – НЕ КИТАЙ

Еще в начале горбачевской гласности обнаружилось, что общественное мнение в двоичную систему не укладывается. Наряду с советским «Кто не с нами, тот против нас» и демократическим «Иного не дано» зазвучал призыв к третьему пути. Его сторонники тоже критически оценивали состояние советской системы, но ставили под сомнение

европейские ориентиры. Они тоже хотели экономической свободы, но при политической диктатуре. Китай Дэн Сяопина был перед глазами, и третий путь сочли китайским.

Выходцы из номенклатуры, консерваторы они или реформаторы, смотрят на общественную жизнь сугубо технологически, отмахиваясь от социально-исторического опыта. Вот и равняют современную Россию с Китаем 1978 года, когда Дэн стал строить «социализм с китайской спецификой», во многом близкий нашему НЭПу. Русские коммунисты стали прагматиками уже в марте 1921, всего через три с половиной года после захвата власти. Но у нас уже через восемь лет НЭП прикрыли, а вскоре объявили, что построен социализм, причем без всякой «специфики», а китайцы живут по Дэну уже больше двадцати лет.

Обеим компартиям пришлось признать, что грандиозные планы земного рая уперлись в нежелание крестьянства, то есть большинства населения, следовать этим фантастическим планам. Коммунистический идеализм и крестьянская трезвость столкнулись насмерть, и сам Ленин признал необходимым отступить, хотя бы временно. Началась внутривнутрипартийная полемика о том, как долго отступать. Ленин уже в 1922м говорил: «мы год отступали, достаточно». Сталин еще семь лет спустя, вернув партию назад к военному коммунизму, сразу привел страну к голоду. Мао, обретший власть в 1949 был не столь идеалистичен, как Ленин но более догматичен. Сталинский социализм был у него перед глазами, и Мао стараясь превзойти Сталина, совершить «большой скачок» прямо в коммунизм и создать не колхозы, а сразу коммуны, так и не отступил до конца дней.

Китайские коммунисты перешли к прагматической политике почти через тридцать лет после захвата власти. Ввиду многолетней разрухи, доводы Дэна обрели убедительность и для коммунистов и для крестьян, и Китай, допустив независимые частные хозяйства и создав условия для зарубежных инвесторов, стал набирать силу. Однако, противоречие меж коммунистической волей к власти во имя номенклатурного рая и объективными потребностями по-прежнему крестьянского большинства не исчезло. Уже одно то, что государственные заводы Китая стойко пребывают нерентабельными, убыточными, при явных успехах частных соседей, - те самые «ножницы», на которые натолкнулся еще наш НЭП,- напоминает, что и в Китае, как некогда у нас, сожительство политической диктатуры и экономической свободы не вечно. А что от диктатуры коммунисты не откажутся, сам Дэн показал на площади Тяньаньмынь.

Китайский «НЭП» оказался длительнее нашего не потому, что китайские коммунисты умнее русских и лучше владеют технологией власти, - они ведь ее заимствовали у нас. Но то-то и оно, что политическая технология способна противостоять объективной реальности, лишь до определенной грани, за которой жизнь берет свое. Провозгласи Ленин НЭП между революцией и созывом Учредительного собрания, последнее не пришлось бы разгонять, не началась бы гражданская война, и процветающая Россия могла бы не кривя душой называть Октябрь Великим. Но уже в 1927 году наши коммунисты сообразили, что

экономическая свобода все упрямей требует демократизации, то есть предоставления гражданам возможности самим выбирать власть. Эта реальная угроза всевластию партии и была главным аргументом Сталина, поведшего на ликвидацию НЭПа свершавших революцию большевиков, после этого ликвидированных физически.

Почему же Дэн и его преемники держатся, и не уступая, подобно Пиночету, демократии, и не ликвидируя, подобно Сталину, экономическую свободу? Прежде всего потому, что китайских крестьян много больше, чем русских, они и сегодня все еще в большинстве. Существенно и то, что китайцы составляют в Китае – 95% населения, а русские в многонациональном СССР – лишь половину, и даже в нынешней, отдельной России русских лишь около 80%. Как в сказке Андерсена, – в Китае все жители китайцы. Оно, конечно, не все, и в национальных провинциях, начиная с Тибета, китайские коммунисты не милосерднее наших, но при всей его огромности, Китай не столько империя, сколько национальное государство, и национальные проблемы там, не так сильно, как у нас, дополнительно ожесточают и без того острые социальные".

Но и само по себе противостояние неограниченной власти и экономической свободы, приведшее некогда в Европе к антифеодальным революциям, у нас в условиях НЭПа, вопреки стеснениям, нарастало быстрее. Коренная связь между экономическим освобождением и преодолением единовластия осознана в России раньше и глубже, чем в Китае. Этому служили и отмена крепостного права, и, пусть половинчатые, буржуазные реформы и революции, в том числе отчасти и Октябрьская. В России 1917 года буржуазные отношения были естественным выражением ее европейской природы, которую, не говоря о Сталине, усмиряли и Золотая Орда, и Иван Грозный и даже Петр Великий и Екатерина Вторая, казалось бы усердно перенимавшие западные навыки и обычаи, но усугублявшие крепостничество. А Русь принадлежала к Европе еще при Ярославе Мудром, если не при Рюрике. Азия, в лице монголов, ее завоевывала, потом она сама завоевывала Азию, но под азиатским бременем не сгнуло европейское нутро. Упорные споры – Европа мы или Азия, по сути о том, феодальным быть строю или буржуазным.

Подобно прусскому или польскому, наше развитие тоже шло не так быстро, как в Голландии, Англии или Франции. Сперва его замедляло монгольское иго, потом форсирование подневольного труда. Но русский европеизм не искусственно насажден Петром, как уверяли ученики немецких философов славянофилы, а вышел при нем и его преемниках на свет из подспудного бытия, отозвавшись на царское соизволение. Своеобразие русской культуры рядом с итальянской, как итальянской рядом с английской, не мешало всем им быть европейскими, исторически схожими и социальными порядками и принятием христианства.

Российский европеизм обусловил и вращение русской культуры, литературы, живописи, музыки, театра в общеевропейскую. В годы холодной войны никому на западе не шло в голову умалять величие Льва Толстого, как у нас умаляли величие Шекспира. Но и эта дикость шла от социальной, а не национальной природы. Русский европеизм проявился и бурным

развитием науки со времен Ломоносова. Геометрия Лобачевского, периодическая система Менделеева, радио Попова, телевидение Розинга и Зворыкина и многое другое вошло в общий научный банк, и Россия не только из него брала, но и обильно его пополняла. Кстати, и самым реальным успехом советской власти до поры было развитие науки. В Китае все иначе, и ныне его производство идет по заемным образцам. Не потому, что китайцы неспособны к наукам, но социальное место науки у нас иное, и это преимущество, компенсирует китайские.

А возвращение к дэновскому НЭПу сегодня или даже в 1985 году лишь еще наглядней обнажило бы наши слабости. Как ни трагично уничтожение русского крестьянства, оно - свершившийся факт. То есть, опоры, придавшей китайскому «НЭПу» устойчивость, у нас уже нет. Конечно, и сегодня жизненно важно допустить, наконец, уцелевших деревенских жителей к самостоятельному, оплачиваемому рынком, труду. Не следует, понятно, отказываться и от сотрудничества с западными фирмами, которых привлечет наша, более дешевая рабочая сила. Но при нашем не столь большом уже населении, да еще при демографическом кризисе, и того, и другого мало, чтобы войти равноправными соучастниками в состязательное всемирное содружество. Едва ли, опоздав с дешевым производством европейских товаров, мы теперь догоним и перегоним в этом Китай и другие азиатские страны.

Мы живем, продавая сырье на запад и оружие на восток, и тем, что мы ядерная сверхдержава, это не изменить, и хозяйство приказом не сбалансировать. Но шанс достойно жить у нас есть – он в российском европеизме, способном придать производству отзывчивость к разнообразию спроса, и отечественного и зарубежного. Ельцинские «реформы», передавшие ведение хозяйства кучке монополистов, опекаемых государством, пренебрегали не только средними и мелкими предпринимателями, но еще наглядней социальным слоем, с которым только и могут быть связаны надежды страны, - учеными, инженерами и агрономами. Слов нет, этот либеральный слой в меньшинстве, но от труда этого меньшинства зависит судьба большинства и всей России. Он стоит за демократию потому, что она гарантирует меньшинствам, не только национальным, но и социальным, права и свободы. А они - не просто гуманные пожелания, но необходимые условия эффективной деятельности этого меньшинства. Создателям ядерной бомбы, возможно, хватало интеллектуальной свободы внутри закрытого города, даже шарашки. Но науке, как и предпринимательству, чтобы вывести из стагнации целую страну тайной свободы мало. Открытая свобода нужна не пикейным жилетам, она - условие научного труда и самого существования науки, в том числе и общественной, да и самой общественной жизни, которую не подменить усердием бюрократического аппарата. Можно спорить, долго ли ему еще благоденствовать в Китае. Но у нас минувшие века, при всех тяготах, прошли не совсем впустую, и наша надежда в том, что Россия – не Китай.

СТРАНА ВСЕ ТА ЖЕ, ДРУГОЙ НЕТ

Восторги в связи с причислением отечества к сонму демократических государств сменил похоронный звон. Кто только нынче не сетует, что «Россия гибнет, России больше нет». А «мы живем в другой стране» звучало и до Горбачева, - и после 1917, и после 1861, и после Петра. Иные всерьез говорят, что постмонгольская Русь, вообще, не та страна, что домонгольская. Но мы потому только вправе звать страну отечеством, что, как она ни менялась, шла ли речь о крещении или обращении в марксистскую веру, о битве при Калке или у Прохоровки, это была страна наших отцов и отцов их отцов. Перемены и их причины бывают разные. Не всякий отказ от вчерашнего - гибель, порой он - спасение. Дорожащие вчерашним укладом именуется у нас патриотами. А великий поэт, видя пороки отечества, признавался: «Да и такой, моя \Россия, Ты всех краев дороже мне». Но хотел видеть Россию новой Америкой.

Россия нынче в ужасном положении, большинство граждан, усердно работающих, готовых работать или всю жизнь отработавших, не имеет средств к существованию. Откуда это главное наше бедствие и как с ним совладать? Ответы расходятся. Одни считают, что зло в демократии, перенятой, как прежде христианство и марксизм, у инородцев. Другие убеждены, что власть с народом не считается, и так нам и жить в нищете. Третьи взывают к геополитике и верят, что Россию губят США, НАТО и МВФ, советовавшие Ельцину дурное. Прочие ответы сводимы к этим трем.

Одно непонятно, а мы-то сами где были? Голосовали за Ельцина, как за «меньшее зло»? Или за Зюганова, обещавшего вернуть страну к вчерашнему? Да и как, при том, что оба и прежде были не последними среди правителей, она дошла до жизни такой? Не само ведь сделалось, что покупали хлеб в Америке. Бедность, пусть и не столь откровенная, царит у нас давно. Куда же все шло? Не только ведь на ожирение безмерного числа начальников. И не только на ненужную гонку вооружений. Просто не щадили затрат. И не оттого не щадили, что Сталин или Брежнев арифметики не знали. Знали. Видели, что происходит. И даже порой проговаривались. Да хозяйство устроили так, что, дыша не прибылью, а приказом, оно заведомо убыточно.

После того, как матрос Железняков, разогнал Учредительное собрание, а потом - чекисты пресекли разговорчики, даже уклониться от соучастия было не просто, а публичный протест становился самосожжением. Это избавляло начальников и, тем более, рядовых граждан от личной ответственности за происходящее. Порядок завели до нас. А нынче стало обидно. Вот и объясняют, что западный виноград зелен. Вот и винят в своих бедах других. Французы никак не простят американцам, что те в XX веке дважды их спасали. И мы тоже впадаем в крайности, то ждем, что «заграница нам поможет», то верим, что она-то нас и губит.

На деле, однако, о нас там думают не слишком много. Преимущественно об угрозе наших ракет. Но Рейген был, пожалуй, единственным, кто говорил с нами на равных, на том же языке. А до него

нас чаще старались задобрить. Хотели бы сгубить, не продавали бы хлеб, - конечно, они теряли бы доходы, но мы – жизни. За последние десять лет кучу денег дали нашей власти, и в долг, и без отдачи. Другой вопрос, на пользу ли это шло, и кто и на что те деньги тратил, но нужно богатое воображение, чтобы твердить, что это были козни, а не просто глупость. А твердят именно это, дескать, Америка и после холодной войны ведет против России крестовый поход.

Громче всех эту идею популяризует Борис Кагарлицкий в демократической «Новой газете». Для объективности он нашел американца, известного советолога Стивена Коэна, и впрямь сразу говорившего, что демократические реформы ни до чего хорошего нас не доведут. Поскольку ничего хорошего у Ельцина и впрямь не вышло, легко решить, что Коэн оказался прав, и поверить Кагарлицкому, что именно из-за своей дальновидности и откровенности он вышел из моды в Америке, кидавшей в Россию деньги, чтобы ее сгубить.

Но как же все-таки так? Разве интерес к советологам, - Коэн не исключение, - не оттого пропал, что они, как выяснилось, слабо себе представляли, чем на деле живет советская страна и никак не предвидели предстоящего краха? Он стал для них полной неожиданностью. Уже западное радио передавало записку советского социолога Татьяны Заславской в ЦК КПСС о состоянии страны, уже Андропов, а за ним еще отчетливее Горбачев, давали понять, что система нуждается в ремонте и даже перестройке, а советологи все уверяли, что Советский Союз прочен и нерушим. Неужто Кагарлицкий забыл, как советологи разом вышли из моды? Или надеется, что другие забыли?

Да и свои дурные предсказания Коэн мотивировал тем, что «полностью приватизированная система «свободного рынка»... противоречит традициям России». То есть, не в том, по Коэну, беда, что Ельцин со своими Гайдарами и Чубайсами уклонился от подлинных экономических реформ, чем и усугубил кризис системы, обострившийся с середины семидесятых, а беда в самом намерении перейти к экономическим отношениям, чтобы хозяйство жило прибылью, а не приказом. Левый социал-демократ Коэн видит зло в отказе Ельцина от «социалистической» системы, словно не она пришла к краху. А на деле зло в том, что Ельцин и подсознательно, и сознательно держался за эту, привычную ему систему, за ее авторитаризм. «Социализм» не в цитатах из Маркса и Ленина, он управится без них, лишь бы встать поперек экономической свободе, не дать хода вольному крестьянину, мелкому и среднему предпринимателю, и свести реформы к передаче госимущества в управление кучке подобранных лиц, знающих свое место и помнящих, что владения при них, пока они служат власти.

По меньшей мере, наивно предъявлять претензии к Америке за то, что она не взяла на содержание советский социализм. Не слишком убедительны и упреки прибывавшим оттуда и из Европы некомпетентным советчикам. Никто не вынуждал Ельцина, Гайдара и Чубайса следовать их

советам. А соросовские стипендии, между тем, поддержали сотни учителей и реально помогли тысячам детей у них учиться, даром что наши власти облагают благотворительность налогами. Впрочем, еще великий Растрелли заметил, что России свойственна неблагодарность. Но отсюда не следует, что запад вовсе не при чем и ни в чем не виноват. Виноват и ощутимо, но не в крестовом походе.

Профессор Нью-Йоркского университета Стивен Холмс в своей рецензии на книгу Коэна, исходит из того, что «Владимир Путин ... не может демонтировать демократию, ведь, когда он пришел к власти, ее в России и не было». Прежние западные советчики, журналисты и политические лидеры не замечали ее отсутствия. Они усердно твердили, что Россия стала демократической страной, приняли ее в восьмерку, ходили с «гарантом демократии» Ельциным в сауну и, вообще, были на дружеской ноге. Президент Соединенных Штатов Клинтон даже уподобил войну Ельцина против возвращенных из изгнания чеченцев войне Линкольна против рабовладельцев южных штатов, а захват нашей армией Грозного величал освобождением. Осуждая это, Кагарлицкий, конечно, прав. Однако, предвзято решив будто американцы хотят навязать России свои порядки, он проглядел, что они столь же лживо заявляли, будто у нас такие порядки уже почти установились, хоть этим и не пахло.

На самом деле шла давняя политика задабривания, или, как некогда говорили, умиротворения. Внезапной российской ядерной атаки Клинтон, конечно, уже не опасался, но страх перед хаосом, который запросто может у нас возникнуть, побуждал помогать Ельцину, чтобы он держал ядерные ракеты под контролем. Именно запад хочет, чтобы в ядерной России была сильная власть, сильная как раз в том смысле, который популярен у нас, то есть способная держать страну и население под полным контролем. Чеченская война показала, что Ельцин и сам жаждет этого, вот запад его и поддерживал, а о войне мямлил позорную чушь. В остальном мы не слишком ему интересны.

Нам про перемены надо думать самим и понимать, чего мы хотим. Швеция, к примеру, в XVII и еще в начале XVIII века тоже была великой державой, сотрясавшей Европу, и вот переменялась, никого уже не завоевывает, а там живут чуть не богаче всех на планете. Ценящие наше нищее величие выше благополучия граждан, не вправе сетовать на бедность и демографию. Это вещи связанные. Но у нас тоже есть другие возможности, и погибать России не обязательно.

Популярный телекомментатор Сергей Доренко, объясняя свою позицию на думских и президентских выборах, недавно объявил, что не только в наши дни, а никогда у русских не было выбора. Но это прямая неправда. В конце 1917 года крестьянская страна отдала в Учредительном собрании большинство мест крестьянской партии эсеров. Она выбрала здраво, но ее выбор растоптал человек с ружьем. Не только Ленин. Депутатов Учредительного собрания, старавшихся отстаивать демократию за пределами Питера и Москвы, не менее успешно разогнали белые генералы, и

остался выбор меж Лениным и Деникиным, Колчаком и Троцким, Врангелем и Сталиным, и выбрали зло, казавшееся сперва меньшим.

Клинтон и его Тэлботы вправе считать, что Ельцин - меньшее зло, нежели Зюганов, хоть и Ельцин не отверг, как уверяют Коэн и Кагарлицкий, а только переокрасил «социализм». Но они нагло нас уверяли, что Ельцин сам по себе благо. Ему выдали авторитетный диплом демократа, сбив с толку миллионы, прежде понимавшие под демократией иное. А Ельцин не сделал ничего, чтобы спасти сограждан от валивших на них осколков рушившегося советского хозяйства, и люди верили своим глазам, своему быту, а не Клинтону, и вместо того, чтобы полюбить Ельцина, возненавидели демократию. Чтобы теперь обрести ее блага, нужно открыто, мирно и здраво разбираться в происшедшем. Если позволят обстоятельства.

СОХРАНЯТЬ САМООБЛАДАНИЕ

Нет недостатка в объяснениях все нарастающего обострения вокруг Израиля. Только сами эти объяснения, как правило, нуждаются в объяснениях. Ссылаются, к примеру, на рост антисемитизма всюду в мире. Но почему он, действительно, растет, никто не объясняет. Когда интересуешься этим вне связи с Израилем, почему, скажем, он растет в России, уверяют, что вовсе он не растет, и разговоры о его росте - сионистская пропаганда. Ссылаются на позицию Евросоюза, все активнее соперничающего с Америкой за любовь арабских стран. Это тоже верно, но и при такой позиции европейцам не обязательно уверять, что обращение Израиля с арабами тождественно обращению гитлеровской Германии с евреями, как в той самой Норвегии, где заключено известное соглашение, недавно уверял ведающий иностранными делами министр-социалист. Ссылаются еще на из рук вон плохую пропаганду и дипломатию Израиля, и это тоже справедливо, но, опять же, почему? Разве мало в других странах выдающихся дипломатов-евреев? В России известны хотя бы Шафиров при Петре или Литвинов при Ленине и Сталине. А что до пропаганды, так тут обилие евреев всюду стало притчей во языцех, - и в России, и в Америке талантливых журналистов-евреев полно. Что же на еврейское государство за напасть, - ни тебе талантливых дипломатов, ни пропагандистов?

Не найдя объяснения всем этим промежуточным объяснениям мудро объясняют нынешнюю смуту. Ее корни в несовпадении общего, отдельного и особенного. Это не философская абстракция, разные стороны и процессы многомерного мира не прилажены для нашего удобства друг к другу, и то совпадают, то распадаются, радикально меняя ход вещей. Перед рождением Израиля мир ракололся надвое, третий мир еще тогда не подал голос, а прочих не брали в расчет. СССР сперва даже обогнал США в создании еврейского государства, и американцы не пренебрегли этой зоной соперничества. Поздней советский антисемитизм, от «борьбы с космополитами» доросший до «дела врачей», обязывал Америку защитой

Израиля создавать благородный фон советским нацистам. Но холодная война, говорят, кончилась, и на Израиль стали смотреть иначе.

До 11 сентября Запад и думать не хотел о войне, даже холодной, не то что горячей, а евреи нарушали процесс мира, хотя их убивали не на войне, а в мирной жизни, взрывая дискотеки или магазины. И когда ответная пуля попадала в подростка, убившего камнем солдата или старуху, Европа и Америка возмущались. Детей, даже если они убийцы, убивать нельзя. Это не гуманно. Вот только гуманно ли учить детей убивать? Еще вчера считалось, что война кончилась для всех, но для Израиля она продолжалась. На деле, понятно, не только для Израиля. Русские солдаты убили много больше чеченцев, чем еврейские палестинцев. И детей поубивали без счета. Но на чеченскую войну закрыть глаза легко, тем более, что наши власти туда не то что иностранных, но и русских журналистов не очень пускают, по телевизору ее не показывают, значит никакой войны и нет. А Израиль портил общую картину.

Будь израильские пропагандисты в сто раз сильнее, пропаганде не пересилить стремление закрыть глаза на реальность, на возможность атаки на Нью-Йорк, отличавшее демократические страны еще в тридцатые годы. Когда норвежский министр-социалист твердил, что Израиль подобен гитлеровской Германии, где, как ему и без пропаганды известно, не то что в парламенте евреев-депутатов, но и мирного еврейского населения не оставляли, он не просто врал. Он внушал, что гитлеровская Германия не сделала с евреями ничего исключительного, и ведь, в самом деле, русских или поляков убили больше, чем евреев, но только евреев и цыган убивали за то, что они евреи или цыгане, не оставляя в живых никого. И если министру-социалисту нужны аналоги гитлеризму, то ближе всего как раз палестинский давний лозунг «Сбросим евреев в море!» Ему и сегодня одни вторят открыто, а другие, как Арафат, согласны на мир, но только расширяющий базы для применения давнего лозунга на практике.

Отрицая исключительность участи евреев в XX веке, норвежский социалист и его единомышленники, уже как бы не помнят, что именно она, а не просто призывы доктора Герцля и сионизм, привела к особой, исключительной ситуации в Палестине, сделав ее не только исторически землей двух народов. И война длится более полувека потому, что не так Израиль отказывает палестинцам в государстве, - автономия, фактически, уже стала таким государством, а прими Арафат предложения Барака, она, да еще в расширенном виде, стала бы им и официально, - как арабы, не только палестинские, не хотят признать право еврейского государства на самостоятельное и безопасное существование. Как на такое отвечать?

До 11 сентября верили, что на Америку никому не посягнуть. Забыли, как Хрущев, откровенничая, говорил: «Мы вас закопаем!» Сталин говорил меньше, зато был конкретней. Но когда он, то тут, то там, норовил прихватить кусок, Америка спасла не только себя, а всю планету. Она поняла, как на такое отвечать. Джон Фостер Даллес осознал, что для самозащиты нужно самообладание и готовность балансировать на грани

войны, не оставляя без ответа ни одну агрессию, ни в Греции, ни в Корею, ни в Берлине. Агрессия, большая или малая, но отвергающая чужое право на самостоятельность и безопасность, к сожалению, не оставляет другого выхода. Готовность Америки не сдаваться полвека спасала мир от горячей войны.

Клинтон убедил Америку, что уже и холодной войны нет, да и что виноваты в ней были обе стороны, и Америка расслабилась. Не то что ей технически недоступны меры по защите самолетов от угонщиков, успешно применяемые Израилем. Не то что авиадиспетчеры в Бостоне не могли засечь уклонение самолетов от курса. Но Америка стала самодовольна и беспечна, вот и держала два срока безответственного президента. Иначе не понять, отчего террористам удались чудовищные покушения на Нью-Йорк и Вашингтон. 11 сентября на Америку свалились плоды клинтоновщины. Плоды безответственности. Той самой, с которой Клинтон давил на Барака, вынуждая капитулировать, а Барак проявлял готовность. Но односторонние уступки, как видели в Израиле, не ведут к согласию. Генерал Колин Пауэлл тотчас понял, что на 11 сентября надо реагировать как на объявление войны.

У Израиля, против которого войну на уничтожение, не переставая, ведут полвека, нет иного выхода, кроме как следовать давнему американскому примеру. Примеру Джона Фостера Даллеса. Балансировать на грани войны, - то есть следовать Ветхому Завету: око за око и зуб за зуб, пока палестинские арабы не согласятся, что Палестина – земля двух народов, и не перестанут убивать. Новый Завет, призывающий подставлять другую ланиту, когда ударят по первой, которому следовал Барак, к взаимопониманию не повел. Но опасно и выбивать за зуб всю челюсть, Шарон вроде понимает, что и капитулянтство помешает установлению реального мира, и поспешная война его не приблизит, поскольку к миру войной не принудишь, как стерев Афганистан с лица земли не покончишь с терроризмом. Но и Шарон порой отвлекается от конкретности.

В Москве он к радости хозяев уподоблял Чечню, противостоящую России, арабским странам, противостоящим Израилю, и называл терроризм мусульманским, словно Коран учит террору. Исламские фундаменталисты к Муххамеду на деле не ближе, чем Зюганов к Марксу. На деле Израиль больше подобен Чечне, а Россия - арабским странам. И евреи и чеченцы хотят мира, а и арабы и Россия – непримиримы. У Шарона для переговоров одно условие – прекращение огня, и он прав, а Путин требует чтобы Чечня ради переговоров стала жить по Российской Конституции да еще предварительно выдала бойцов сопротивления. Он наперед не оставляет Чечне, которую Россия два века покоряла, выселяла и уничтожала, и толики самостоятельности, а Шарон вроде хочет увидеть у другой стороны реальную волю к миру. Неужто ему самому не заметно различие? Тяга к общим понятиям и здесь заслоняет реальность.

Холодная война, конечно, поутихла, но все-таки преимущественно с западной стороны. А в России открыто антизападный тон все более подконтрольных власти телевидения и печати мешает в это верить. И атомная дружба с Ираном тоже. Да и не Иран ли, кстати, стоит за атакой на Нью-Йорк и Вашингтон? О, конечно, не по приказу из Москвы, но ведь лучше всего учили терроризму у нас, Ильич-Карлос – наш выученик. Да и Басаев – не самоучка. А мы по скромности молчим о советском вкладе в развитие терроризма. Хороших террористов не бывает. Но, тем более, не бывает хороших учителей терроризма. Где теперь и кого учат наши учителя?

О людях и странах судят по поступкам, не только по сегодняшним. Если Путин своим влиянием убедит Арафата, Хамаз, Хизболлу, Сирию, Ирак, в праве уцелевших евреев жить там, откуда их изгоняли и Вавилон, и Рим и арабы, да еще не станет помогать Ирану в ядерной программе, можно будет подумать, что хотя бы внешняя политика у нас теперь другая. А другой за десятилетие стала лишь американская. Обе сверхдержавы оказались против Израиля. Но это не повод сдаваться. Для Америки одиннадцатое сентября тоже не повод сдаваться. Не повод мстить невинным и прощать укрывателей. Но признать, что война и для Запада не кончилась, пора.

ИЗНАНКА ГУМАННОСТИ

Всемирная конференция против расизма без устали обсуждала, считать ли расизмом сионизм. А известно, что еврейской расы не существует, что эфиопские евреи – черные, а у китайских – эпикантус, третье веко, отличительная черта монгольской расы. Сионизм, призвавший всех этих разных по расе евреев строить единое еврейское государство, не только заведомо не имеет ничего общего с расизмом, но как раз первый борец против расизма. Оспаривать сионизм можно, до Треблинки ему сочувствовало сугубое меньшинство евреев. Но утверждать, что это расизм, все равно, что объявить Волгу впадающей не в Каспийское море, а в Средиземное. Между тем, не только враги Израиля, но и вполне грамотные европейцы считали возможными дискуссии об азбучной истине. То есть, конференцию по расизму занимала политика, а не борьба с расизмом, ныне как раз остро необходимая.

Другим ее важным требованием была компенсация странам, откуда в былые века вывозили рабов. Мысль тоже смелая. Рабство, как и расизм, конечно, отвратительно. Но кто и кому должен тут возмещать убытки, не столь очевидно. В Древнем Риме, к примеру, было немало рабов-германцев, как, впрочем, и евреев. Не пора ли Италии выплатить компенсацию Германии и Израилю? Монгольское нашествие нанесло древней Руси великий ущерб, не пора ли взыскать его с современной Монголии? Нелепость таких претензий вроде очевидна. Но разве менее нелепо обращать их, скажем, к Америке, где рабство не только дело давнее, но еще и предмет внутренней, гражданской войны, в которой

белые северяне клали свои головы за освобождение черных рабов. За что взыскивать с их потомков? За что взыскивать с потомков людей, перебравшихся в Америку, когда рабства там уже не стало, составляющих большинство населения США? За что взыскивать, наконец, с потомков бывших рабов, тоже составивших ныне немалую часть американских налогоплательщиков?

Понять смысл всех этих безумных идей под гуманными вывесками помог сотрудник «Газеты.ру» Валерий Панюшкин, взявшийся объяснить и, тем самым, отчасти оправдать нью-йоркскую трагедию. Ссылается он, правда, не на конференцию в Дурбане, а на антиглобалистские выступления в Генуе. Он пишет: «Антиглобалисты – это сытые цивилизованные дети, смысл выступлений которых таков: накормите дикарей, иначе они придут и перебьют нас». Убийство тысяч безвинных в Нью-Йорке – по Панюшкину, наказание за то, что их правительство не хотело кормить «дикарей», а надеялось их приструнить.

Панюшкин даже понимает, что накормить «дикарей» не просто. Сам приводит в пример бомжа, который и деньги, если ему дать, пропьет, и дом, если дать, пропьет. А полагается на программы адаптации бомжей, на которые понадобится куча денег, из которых, как он сам признает, только двадцать процентов пойдут самому бездомному, но другого спасения, якобы, нет. Впрочем, начав считать, сколько же дикарей придется прокормить, чтобы они больше не ломали башни, Панюшкин от первого своего расчета отвлекается. Он вспоминает, что «по статистике из шести миллиардов населения земли, только один миллиард живет благополучно». Вот этот миллиард, говорит он, и должен накормить и «растлить материальными благами» пять миллиардов бедняков, чтобы они стали дорожить материальными благами и собственными жизнями. Только так, дескать, можно победить мировой терроризм. И ради этого Валерий Панюшкин готов посадить за свой стол пять человек лишних.

Но если на это пойти, пятерыми едоками ему не отделаются. Как он сам заметил, на каждого из тех, кто объявлен дикарем, пойдет лишь пятая часть отпущенных денег. Стало быть, каждому кормильцу за стол придется посадить не пять, а двадцать пять человек. Но этим дело не ограничится, ведь миллиард живущих благополучно, составляют не только кормильцы, но и члены их семей. Семьи небольшие, люди, живущие «благополучно», в отличие от «дикарей», отказывают себе в счастье иметь много детей, чтобы как следует выкормить и выучить одного-двух. Но в средней семье там трое иждивенцев на одного работающего, значит кормильцев не миллиард, как счел Панюшкин, а вчетверо меньше, то есть, едоков-«дикарей» на каждого придется вчетверо больше, целая сотня. Возможно, московский журналист при его гонорарах и сотню прокормит ради такого дела, но, и не задавая старого вопроса, будут ли они сыты, ясно, что такое не каждому под силу, и проект нашего спасения непрактичен. Но философия Панюшкина любопытна.

Почему собственно, четверть миллиарда работников, должна кормить не только три четверти миллиарда своих близких, еще или уже работать не способных, но и пять миллиардов работать не желающих? Конечно, люди

нуждаются в социальной помощи и поддержке, когда они теряют работу, или заболевают, или терпят бедствия, потом они поправятся, одолеют беду, найдут работу, и тоже будут работать и помогать другим. Но понятие Панюшкина о справедливости - это старый принцип коммунизма: от каждого по способностям, каждому по потребностям, то есть все должны работать в полную силу, которая у людей разная, а получать на равных, то есть, как было: номенклатуре - по горло, большинству – по минимуму. а немалой части лагерную пайку. Коммунизм обещал накормить голодных «дикарей», а на практике обернулся бесчеловечным обхождением с этими самыми «дикарями». Я, в отличие от Панюшкина, в Генуе не был, но в российских деревнях и при Сталине, и при Брежневе бывал нередко и подолгу, но молока с хлебом, оставленного на окне для беглого каторжника, никогда не видал. Советской власти удалось начисто покончить с былой российской жалостью к арестанту, если это не близкий человек. Да и крестьянин жил немногим сытней каторжанина. Вот и не стоит считать других за дикарей, а лучше подумать, что их накормит и во что обратит привычка жить на чужой счет.

Как лучше прокормиться показали как раз те страны, от которых «дикари» и требуют кормления. Конец минувшего века доказал, что кормит экономическая свобода. Даже допущенная частично, как в Китае, она улучшает жизнь населения, давая желающим заработать своим трудом. Другого способа вывести людей из нищеты и отчаянья, которые и выращивают нынешних убийц-самоубийц, покамест не нашли. В странах, которые Панюшкин велит кормить, экономической свободы нет, и Америка не может принести ее на штыках. Каждой стране надо ее добиться своими силами, но не каждая за нее бьется.

Конечно, в первую голову потому, что в этих странах силен внутренний государственный террор, никаких общественных проявлений вразрез с властью не допускающий. Но немалую роль играет и сознательная ориентация на жизнь за чужой счет. Когда Ирак, руководимый социалистической партией БААС, стремится улучшить жизнь своих «дикарей» захватом богатого Кувейта, «дикари», других надежд не имевшие, власть поддерживают и, конечно, осуждают американцев, и Кувейт захватить не давших и еще Ирак бомбящих, чтобы к этой идее не вернулся. Представим себе, однако, что Америка, по Панюшкину, и Кувейт захватить позволила и еще подкармливать Ирак стала. Начнут ли его жители лучше относиться к Америке или сильнее полюбят Саддама, который такого добьется? И Америка и Советский Союз охотно поддерживали диктатуры над «дикарями», но нигде, за исключением разве что Испании да Чили, местные люди лучше жить не начинали. Виновны тут не западные державы, а народы этих стран, сражавшиеся за цвет диктатуры, за то, быть ей красной или коричневой, но не за то, чтобы противопоставить ей хотя бы экономическую свободу.

Вопреки Панюшкину, человек не дорожит дареным имуществом, как и дареной свободой, но только тем, что сам заработал или отстоял. В России все понимают: как дали, так и отберут, какой же прок вкалывать? «Дикари» не глупее нас. Не надо морочить им головы антиглобализмом.

Не плодотворней ли им тоже включиться в глобальное хозяйственное переустройство, занять в нем свое цивилизованное место и отстаивать свои интересы в цивилизованных формах? Для этого надо не уничтожать чужое богатство, а учась у его творцов созидать свое, но невозможно созидать, если нет свободы, если ее отнимает фанатизм, не только мусульманский.

Я верю в личное добродушие Панюшкина, в гуманность его побуждений, но слишком ныне часто гуманность взращивает зловещие плоды. Мир полон беженцев, все тех же «дикарей», и помочь им в первые недели и месяцы, приютить, накормить, - святое дело. Но когда люди живут годами в лагерях, и назад возврата нет и быть не может, а власти в окружающую жизнь не дают, хоть регулярно кормят, человек такой жизнью уже не дорожит, и любые нелепые проекты обратят его в террориста-самоубийцу. Голодным нужен не чужой хлеб, да еще с молоком, а своя работа, свое место. Америка тем ведь и взяла, что работает не покладая рук. Остановить ее работу, как видим, можно, но это значит вернуть мир в средневековье. Возможно, талибов это устроит. Но московского журналиста едва ли.

Он, впрочем, сердится, что президент Буш не вспомнил место в Библии, «где написано «горе тебе Вавилон» и где подробно объясняется, что любая башня до неба должна рухнуть». Забыл москвич Панюшкин, что в Москве еще раньше рухнула Останкинская башня. Или и нам поделом?

ЖИТЬ ЛИ ДРУГИМ?

После 11 сентября прошли недели, а понять, что это было, человечество не хочет. Бин–Ладен признал, что это его работа. Но разве это злодейство одиночки, и надо всего лишь его изловить и повесить? И разве Баадер-Майнхоф и Красные бригады не убивали, разве ирландская ИРА и баскская ЭТА не убивают? Разве не стреляли в Рейгена и не убили Кеннеди? Террор в XX веке не редкость. Теперь он расцвел в тех исламских странах, где нет демократии, расцвел на экспорт. Вспыхивающий в разных очагах, он кажется имеющим единый центр и назван международным. Америке предлагают капитулировать, тогда, дескать, террористы ее пожалеют, словно опыт не учит, что Мюнхен ведет к Дюнкерку, не говоря о Треблинке. Другие предлагают создать мировое правительство с могучей полицией. Но у нас террористов долго не было, а было террористическое государство, и его органы сами осуществляли террор. В России еще есть кому поделиться этим опытом, но стоит ли его повторять в мировом масштабе? Есть и террористические государства поменьше, они и дома убивают, и, по нашему примеру, шлют террористов за рубеж. Почему же думать, что бин-Ладен – сам по себе? Талибы его укрывали, но едва ли подначили на 11 сентября. Кто же?

Нападение на Америку не удивляет. Удивляет, что его никто не ждал, хотя уже в бумагах преступника, устроившего взрыв в ВТЦ несколько лет назад, описывались схожие с 11 сентября планы. Но никто не ждал. Если

бы ждали, авиадиспетчеры, видя, что самолеты отклонились от курса, а с пилотами связи нет, тотчас информировали бы военную авиацию, и десяток истребителей поднялся бы навстречу и попытался навязать террористам посадку. Неизвестно, чем бы это кончилось, и, возможно, пассажиры погибли бы все равно, но до ВТЦ захваченные самолеты не долетели бы, и эффект был бы другим. Но Америка забыла о самообороне. Катастрофа задала два главных вопроса: почему забыла и почему нельзя забывать? Но как раз на них отвечать не торопятся.

Ответ на первый, между тем, лежит на поверхности. Крушение Советского Союза и высвобождение Восточной Европы освободило сознание западного большинства от прежде висевшей угрозы. А даже не выясняя, в какой мере и на какой срок она и впрямь ослабела, можно бы сообразить, что не только Россия, или даже СССР, противостоит самому существованию демократии в ее западном понимании. Оно чуждо не только Ирану, Китаю или Кубе и другим известным странам. Оно чуждо большей части мира. Но на западе расслабились. Кризис России, прежде самого могучего врага, побудил верить, что врагов никаких и нет. Писали даже, что Америка сочиняет себе врагов. 11 сентября показало, что враги, увы, более чем реальны, но, расслабившаяся Америка не смогла становить, кто они и где. Она бросает бомбы на укрывателей, на сообщников, а инициаторам и заказчикам нипочем.

Во главе с Клинтоном западный мир благодушеествовал. Речь, понятно, не о том, что России не надо было идти навстречу в ее движении к демократии. Напротив, надо было идти навстречу каждому ее шагу, но только если это и впрямь был шаг к демократии, а не, увы, к возрождению государственного терроризма. До первой из нынешних войн в Чечне там террористов не было. Это России развязала террор, бросив современную технику против народа, пожелавшего независимости вопреки векам унетения и геноцида. А запад не счел нужным это заметить. Клинтон занимался Моникой, и было некогда глядеть, куда шагает Россия, а за ней остальной мир, и думать о необходимом обороне. О, конечно, не Россия нанесла удар 11 сентября, но Америка уверив себя, что террор российских генералов в Чечне ее не касается, подставилась другим террористам. Забыла про оборону. А холодная война не стала в свое время горячей лишь оттого, что Америка была к ней после Пирл-Харбора всегда готова.

Забывать об обороне нельзя уже потому, что мир не един. Уверяют, что зло в исламе, хотя идеологией терроризма он стал в сильно извращенном виде. В Коране о реальных причинах происходящего сказано так же мало, как в Библии. Они возникли куда позднее священных книг. Но никто не хочет осознать новый опыт. Признав, что люди равны в своих правах, и у младенца на берегу Ист-Ривер нет никаких врожденных преимуществ перед младенцем в афганских горах, западный мир не думал о последствиях того, что эти младенцы растут не просто в разных мирах, но в разных эпохах. Дошло до уверений, что не только люди равноправны, что верно, но и культуры, к которым они принадлежат, равноценны, и если в

Англии был Шекспир, то в племени мумбо-юмбо замечательный шаман, ничем Шекспира не хуже. Уверения эти – глубоко расистские, поскольку отрицают пользу людям бедного племени от знакомства с Шекспиром и другими свершениями европейской культуры. Говоря о культуре самой по себе, иной политик вдруг ляпнет, что и мусульманская бедна, хотя ее достижения широко известны, но дело не в самом богатстве, а в его характере.

Одно неоспоримо: технотронная жизнь, начавшаяся в XVIII веке, выросла на почве именно европейской культуры с ее Шекспирами, психологическим романом и вниманием к отдельному человеку с его индивидуальной ответственностью. Не то что европейцы умнее или даровитей других. Но на почве их культуры еще раньше сложились экономические отношения, позволившие людям на западе наладить массовое производство и обмен, создать экономический мир, знающий счет ценностям, и потому обогнавший внеэкономический по массовому уровню жизни. Многие западные открытия переняты феодальными странами, но достались там лишь властным и богатым. Социальная природа Чингиз-хана не меняется от того, что ему продают самолеты и компьютеры. Чтобы в их создании преуспеть, нужен другой социальный строй, не идеальный, но без него дело не идет. Отдаленная Япония после войны его себе завела. Исламские страны бедны или живут лишь нефтью оттого, что держатся за феодальные нравы. А Америка, не знавшая феодализма, стала воплощением экономического мира.

Что такое бин-Ладен, когда почти весь двадцатый век прошел в борьбе меж экономическим миром, еще не вполне даже благополучным, и теми, кто хотел с ним совладать силой. Гитлеровская Германия делала это в традициях феодальной реакции, прусской и австрийской, поперченных социализмом. После поражения Германии сталинская Россия, приведя социалистический лагерь в соответствие с традициями самодержавия, полвека держала мир в напряженном ожидании ее упреждающего удара. И сама надорвалась от подготовки.

Германия при новых властях вернулась в Европу, - не в последнюю очередь потому, что Федеративную республику изначально составили земли, и прежде жившие по-европейски. Россия, где власть прежняя, хоть и сидит по-другому, все еще раздумывает, вращать ли ей в Европу или идти былым самодержавным путем, насмерть вцепившись в колонию. Но для многих других стран и проблемы тут нет. Мракобесы-талибы хотя бы честнее других, они хотят сами вернуться и вернуть свой народ к первобытной бедности и дикости, коль скоро народ это терпит. Другие же хотят для себя богатства и роскоши, но откровенно феодальные или названные социалистическими режимы не могут перейти к европейскому развитию при их нынешней власти. Поэтому в самой власти или с ее молчаливого согласия там растут новые Гитлеры и Сталины.

Их философия и стратегия прежние. А тактика, понятно, совсем другая, и террор им сподручнее, чем ракетная и даже танковая атака. Не только в

Израиле так. Просто не надо закрывать на это глаза. Гибель мирных афганцев, замордованных сперва советскими оккупантами, а потом освободителями-талибами, не умерит терроризм, но прибавит Америке врагов, как российская армия в Чечне умножила врагов России. Не отвечать ударом на удар невозможно, но он должен обрушиться не только на пособников, но на виновных, а они не схвачены за руку. И все потому, что Америка, расслабившись, держала свою оборону однобокой, даже защиту от ракет, способных не только из Афганистана вылететь, обратила в предмет дискуссии, а разведкой, кроме как с неба, пренебрегла.

Надо менять политику. Америка и Европа должны поощрять людей и страны всего мира переходить к экономическому образу жизни, создавать ценности, а не проедать подаяния, тем более, что, странным образом, подаяния перепадают и без того богатым, а нищие не выходят из нищеты. Поддерживать надо лишь страны, дорожащие экономической свободой и демократией. Помогать, как правило, нужно конкретным людям, попавшим в беду и старающимся ее одолеть, а не коррумпированным правительствам их стран. Если бы ликовавшие при виде упавших башен палестинцы допускали, что пострадавшая Америка не сможет их подкармливать, и каждому из них станет хуже, не исключено, что переменились бы их чувства. Не все мусульмане – самоубийцы.

Выбор меж экономикой и террором, меж готовностью “жить и давать жить другим”, и готовностью сжигать других, сбрасывать их в море, вставший в XX веке перед человечеством, стоит перед каждым человеком, и помогать надо тому, кто хотя бы не нападает на других. И крепить оборону. Иначе будущего нет, и впереди только прошлое.

МЮНХЕНСКИЕ МЕЧТАНИЯ

Падение Берлинской стены возродило на западе вкус к политике, названной по имени другого немецкого города. Имя это, впрочем, и приверженцы той политики, и ее противники произносят не часто. Ариель Шарон недавно твердо сказал: «Мы – не Чехословакия». Он, однако, не первый эти слова произнес. 21 августа 1968 года, когда наши танки вышли на Вацлавскую площадь, китайское радио регулярно повторяло по-русски: «Мы – не Чехословакия». Китайские коммунисты, еще возглавлявшиеся Мао, не признали за сообществом коммунистических стран право сообща определять порядки в одной из них. Нет такого права и ни у какого другого сообщества, и сама ООН не правомочна упразднить государства, даже с ее благословения возникшие. Лишь пикейным жилетам закон не писан.

Но в тяжелые, как нынче, дни безответственные речи сбивают с толку многих. Поток таких речей хлынул после 11 сентября. От Соединенных Штатов требуют, для спасения от террористов, позабыть про все другие угрозы. Забыть, что Россия и Китай – могучие державы с острыми внутренними проблемами и могут быть опасны. Забыть о противоракетной обороне, - зачем она, дескать, если ракетами стали самолеты внутренних линий? И забыть о праве Израиля на существование, хоть,

справедливости ради, надо бы признать, что в последние годы они не слишком о нем вспоминали.

Гарантий, что такая политика, рекомендованная Анатодем Ливеном в британском журнале «Проспект», упразднит терроризм, а не поощрит его еще больше, конечно, нет и быть не может. А Ливен, предлагал ее еще до 11. На его знамени, понятно, не написано «К новому Мюнхену!», там вышиты красивые слова: «Не хотим новой холодной войны!» Верно, не хотим. Но чтобы ее не допустить, стоит помнить с чего война начинается, и горячая, и холодная.

Вторая мировая началась с Мюнхена. Ощувив готовность запада к уступкам, и сочтя ее слабостью, Гитлер завышал ставки. А Сталину уступали уже в Ялте и потом в Потсдаме. В Ялте, видимо, боялись, что он вернется к союзу с Гитлером, и тот ринется дальше на запад, хоть и Сталину было уже не повернуть. Тогда уступали без оглядки, а когда опомнились, он нахватал уже слишком много, чтобы возвращать. Он даже награбленные Гитлером в оккупированных странах картины не возвращал владельцам. Холодную войну начал Сталин.

К ней и ныне ведет «Мюнхен». Уже не одномоментный, а текучий. Неоправданных уступок запад, включая теперь и Америку, сделал столько, что ставки давно завышены. И коренным образом меняются западные взгляды. Ливен сам был в Чечне, написал книгу «Чечня – могила империи», и наверняка знает, что не Чечня хочет покорить Россию, а Россия покорила Чечню. Но вдруг решил, что запад слишком осуждает Чеченскую войну, хоть западные лидеры так ее всерьез и не осудили. Нынче Ливен уверяет, что осуждать Россию нечего, поскольку и западный колониализм бывал брутально беспощаден, и преступления французского генерала Массю впрямь не слабей преступлений русского генерала Квашнина. Но, хоть и Англия, и Франция, вели себя в колониях не лучше нашего, они свое поведение все же изменили и колонии отпустили. Роль Массю кончилась, когда, возглавив Францию, генерал де Голль дал свободу Алжиру. А подполковник Путин, возглавив Россию, держит Квашнина начальником Генерального штаба и свободы Чечне не дает. На это различие Ливен закрыл глаза. Все просто: при коммунистах России нельзя было спускать ничего, а теперь она другая, и не приставайте по мелочам.

Но это не мелочи. Чеченские войны, восходящие к сталинской депортации, как раз вынуждают усомниться, ушла ли Россия от коммунизма, за важнейшие свойства которого упрямо держится, хоть и под другими названиями. Начиная с тяги к закрытости общества. Новую войну в Чечне окружили тайной, какая первую, и, тем более, войну в Алжире, не окружала. Путин сразу понял, что соберет голоса избирателей лишь если народ России не сразу узнает, что делают в Чечне его сыновья и сколько их там погибает. Закрытость, помимо применения новейшего оружия против безоружных, и отличает эту войну. Сообщать о ней не дают никому, кроме Ястржемского. Никаким Бабицким.

А все потому, что в Чечне решают не «чеченский вопрос», а русский. Там подают пример дальнейшей жизни России. Франция была де Голлю дороже империи, вот он и отпустил Алжир, хоть, возможно, с болью в душе. А нашему внеэкономически правящему классу, восемь лет при Ельцине уклонявшемуся от подлинных реформ, империя необходима. Британская или Французская отличались от Российской меньшей жестокостью отнюдь не к колониальным народам, тут они все хороши, а к народу метрополии, в которой сохранялась и развивалась демократия. Наша империя возникала без социальных завоеваний Англии или Франции, и ее создание лишь отягощало большинство русских.

Крепостное право вовсе не исконное свойство Руси, крестьянская зависимость не слишком отличалась у нас от имевшей место на западе, покуда Иван Грозный не стал собирателем нерусских земель. Ради этого на русских и надели крепостное ярмо. А отменить его не случайно толкнуло поражение в Крыму, показавшее несовместимость внеэкономического режима и новой техники. Советскую внеэкономическую державу, угрожавшую всему миру надорвали траты на оружие. Когда в мирное время страна отдает армии всё, что имеет, и даже более того, пренебрегая другими, не менее насущными нуждами, армия еще какое-то время грозна, а страна рушится. Чтобы удержать власть, правители вынуждены либо провести коренные реформы, либо ожесточить насилие, прежде всего, против тех, кого всегда притесняли особенно жестоко. Но Анатолю Ливену не интересно, зачем удержавшаяся номенклатура затеяла горячую войну в Чечне. А без этой войны демократическое развитие оторвало бы ее от властной кормушки.

Путая русскую власть и русский народ, иные на западе твердят, что беды России – от аморальности или отсталости русских. Но и при царях, и при коммунизме беда была в насилии, во внеэкономической власти. Плохи не русские люди, а российские порядки. Отбросив коммунистический лексикон, создав видимость демократии, страна так и не обрела законную экономическую свободу. Да и политическая на деле продвинулась немногим дальше дозволения читать да съездить за рубеж, если кто оплатит поездку. Государство по-прежнему командует экономикой, - и процветают, пока послушны, назначенные им «олигархи», а широкого круга свободных предпринимателей, как не было, так и нет. Чтобы и дальше сохранять привилегии, правящий класс держится за империю, как за идеал внеэкономической власти над людьми, включая русских, оттого и остающихся тоже в нищете. Знакомому порядку, который Путин наново наводит по всей России, не удержаться без полной покорности населения, сознающего, что претендующих на свои права убивают. А Чечня – пример непокорности.

Израиль тоже. И соглашаясь, что Америка должна защищаться, Анатолий Ливен не согласен, что она должна защищать других, и, в частности, Израиль. А знает, конечно, что не Израиль стремится ликвидировать арабов, хотя бы даже только в Палестине, а, напротив,

арабы с первого дня хотят ликвидировать Израиль. Не Израиль начал войну. Не только изначально, но и в последние годы Израиль был готов к разделу Палестины меж двумя народами. Барак тому наглядный пример. Но хотят не раздела, а «освобождения оккупированных земель», относя к ним даже Яффу, то бишь Тель-Авив, то есть, ликвидации Израиля, в лучшем случае превращения его покамест в еврейскую автономию Палестинского арабского государства. А коль скоро Израиль на это не согласен, говорят, что он не хочет мира. Бин-Ладен, с портретами которого палестинцы выходят на демонстрации, со своей стороны объяснил, что пока в Палестине не будет мира, не будет покоя Америке, 11 сентября будет повторяться. А Ливен в «Лондон ревью оф букс» выражает надежду, что «американские политики поймут, что выживание Израиля, как такового, - вопрос несущественный».

Меж Чечней и Израилем не видят общего. Но в недавнем интервью Би-Би-Си видный чеченский политик Ахмед Закаев вспомнил, что, уходя в отставку и представляя Путина, как будущего президента, Ельцин обещал, что тот окончательно решит чеченский вопрос. И Закаев заметил: «Не вышло у Гитлера окончательное решение еврейского вопроса, не выйдет такое и у Путина». Анатолий Ливен спешит просто и окончательно решить все вопросы. Люди, встречавшие с цветами премьера Даладые, вернувшегося из Мюнхена, тоже рассуждали просто: «своя рубашка дороже чужой шкуры». Теперь-то известно, чем обернулись для Франции те цветы, и что Англию спас не Чемберлен, а Черчилль, которого тогда честили поджигателем войны. Признали задним числом. А сегодня, и после 11, нас опять уверяют, что все обойдется, надо только уступить тем, кто не уступает ни в чем.

Мюнхен и Ялта навязывали односторонние окончательные решения. Но к разумным решениям ведут долгие мирные процессы, реализующие возможности каждого человека, каждой страны, каждой культуры, ибо нет единственно верного пути или высшей расы. Бин Ладен велит «неверным» уйти из святых мест ислама, но если такое справедливо, сперва бы молодому исламу уйти из святых мест более древней христианской и еще более древней иудейской религии. Жизнь - это компромисс, в котором уступки взаимны. Но по Ливену уступать, притом полностью, должна лишь одна сторона. То есть, мусульмане, недобитые генералом Серовым, и евреи, недобитые Эйхманом.

НОВЫЙ ТОТАЛИТАРИЗМ

После 11 сентября всё с большим почтением отмечают, что, ради убийства шести с половиной тысяч, убийцы шли на самоубийство, хоть и не все участники захвата самолетов, возможно, были самоубийцами, - наверняка ими были только пилоты, знавшие свое задание. Но мировая печать и телевидение в это не входят и, осудив для приличия массовое убийство, его героизируют, твердя, что прежде террористы на самоубийство не шли. Трудно судить, оплачена ли эта пропаганда

спонсорами убийства. Современный человек часто и сам неадекватно реагирует на события, и не хочет их толком знать. Холодная война кончилась, но ангажированность растет.

А в давние времена не было еще, как нынче, оружия, оставлявшего террористам верный шанс спастись, и нередко они убивали, сознавая, что сами погибнут. Александру II, воскликнувшему, - уцелев при взрыве бомбы Рысакова, - «Слава богу!», Игнатий Гриневицкий, подойдя поближе, сказал «Еще слава ли богу?» и бросил свою бомбу, вполне понимая, что взорвется вместе с царем. Но кто помнит былых русских террористов и то, что отличало их от нынешних?

Убийцы царя, отменившего крепостное право, нанесли России тяжелый удар, сбили ее с едва замаячившего пути к социальному компромиссу, который едва ли не все русские цари, кроме этого, отвергали. Но, веря, что убийства заставят царей перейти к демократическому правлению, террористы старались убить именно царя или высших чиновников. А когда Иван Каляев, готовый бросить бомбу в московского губернатора, великого князя Сергея Александровича, увидел рядом с князем в карете детей, он бомбу не бросил, пропустил удобный случай. И князя убил в другой раз. Этим и отличались старые русские террористы от нынешних. Когда террорист убил президента США Д.Гарфилда, Исполком «Народной воли» заявил: «В стране, где свобода личности дает возможность честной идейной борьбы.... политическое убийство, как средство борьбы, есть проявление того же духа деспотизма, уничтожение которого в России мы ставим своей задачей». Хорошего террора не бывает. Но стоит различать давний и нынешний.

Нынешний кличут международным, словно им руководит общий центр. Чтобы снять с сандинистов упрек в терроризме, российский чиновник объяснял, что по прежним связям с Никарагуа точно знает, что ни с какой международной организацией сандинисты не связаны. Но оттого, что террористы действуют не по заданиям международного центра, а решая местные проблемы, они тоже не становятся лучше. Не тем нынешний терроризм отличается от прежнего, что исходит из единого центра. Центры такие бывают, в СССР такой был, но не все убийства в мире направлял ЦК КПСС. Международным явлением терроризм сделали схожие процессы, охватившие мир. Его новизна в готовности убивать отнюдь не реальных или мнимых виновников худой жизни, а людей в ней не повинных. Убийства невинных – первая примета XX века.

Их инициаторами были не таившиеся в подполье, а правившие государствами террористы – Ленин, Гитлер, Сталин, Мао и прочие. Они не просто убили десятки миллионов людей, они ввели убийство невинных в принцип. Конечно, они винули убитых во всех смертных грехах. Винули в принадлежности к плохому классу, плохой расе, плохой религии, плохой нации, плохой профессии, плохой компании, плохой семье. Но они не видели нужды доказать конкретную вину конкретного человека, а убивали даже малых детей, за свои поступки не отвечающих. Готовность убивать

невинных неспроста вросла в сознание правящих убийц, они ощущали себя земными богами, хотели сделать мир правильным, отвечающим их верованиям, и вели отбор людей, - убивали непригодных для их иллюзорного мира. XX век по новому отнесся к другому человеку. Если еще в XIX, даже считая, что он «другой» и хуже своих, делали хотя бы вид, что проявляют терпимость и милосердие, то новый век эти глупости отбросил. Девиз XX века: бей других! Не важно, кто этот «другой», русский крестьянин, еврейский интеллигент или тибетский лама. Других убивали для счастья своих. Так стоит ли удивляться, что так поступали не только Сталин и Гитлер, но и Красная Армия в Германии, и Красные бригады в Италии, и нынешние воины бин Ладена?

Достоевский говорил, что для счастья всего человечества нельзя замучить одного маленького ребеночка. Но только ли к террористам, к Нечаеву и народовольцам, обращены эти слова? Причем бы тогда тут маленький ребеночек? Даже Нечаев детей не убивал. Но у писателя в кабинете висела литография Сикстинской мадонны Рафаэля, и по многу раз в день он видел ребеночка, которого потом как раз и принесли в жертву для счастья всего человечества. Принять муки для всеобщего счастья должен был «другой», и принял добровольно. Но Федор Достоевский, хоть и старался быть верующим христианином, не мог эту логику усвоить, не мог примириться с принесением в жертву невинного. В других случаях мирился, звал воевать за Константинополь, сознавая, сколько там будет замучено ребеночков. А тут заело, хоть принимал верование за истину. Но не зря, видимо, признавался, что если истина и Христос не совпадут, он предпочтет быть с Христом, а не с истиной. С Христом, безвинно убитым для счастья всего человечества.

XX век переступил через ужас жертвоприношения маленького ребеночка для великой цели. Цели были вроде и недурны: спасти человечество от неравенства, покончить в России с нищетой одних при богатстве других, избавить Германию от версальского унижения. Но ради этих целей все стало дозволено. Сперва Германия, потом Россия, ощутили тщетность попыток целой страны взобраться по трупам в земной рай, - туда попадали лишь тамошние граждане начальники. Но даже и собственный опыт еще не побудил нас двигаться к преодолению нищеты более результативным путем, по которому шли Европа и Америка. Что ж удивляться, что страны Востока или Латинскую Америку не учит чужой опыт? А вложи арабские страны миллиарды, полученные за нефть, в собственное хозяйство, при демократических порядках они бы сегодня были одним из самых благополучных районов мира. Вкладывая Палестинская Автономия текущие к ней деньги не в оружие, а в развитие, она за минувшие восемь лет стала бы мирным независимым государством, соперничающим, но и сотрудничающим, с Израилем. Они выбрали иной путь.

Смысл его точнее всех выразил бин Ладен, потребовав, чтобы европейцы и американцы ушли с Аравийского полуострова, но ни арабов,

ни, вообще, мусульман, не призвав уйти из Европы и Америки. Прошли бурные демонстрации по поводу гибели от американских налетов сотен невинных афганцев, горечь которой невозможно не разделять. Но в большинстве стран, пожалевших афганцев, не жалели шесть с половиной тысяч американцев, и в этой связи демонстраций там не было. Вот все и понятно. Либо общий счет для всех людей, тогда арабы вправе жить в Вашингтоне, а американцы в Багдаде, тогда нельзя убивать людей ни за то, что они американцы, даже евреи, ни за то, что они афганцы. Либо свой счет для своих и смерть другим!

Наивный американец Буш думает, что на его страну напала, пусть не горстка, но банда преступников, и сговорившись с хорошими парнями Блэром, Путиным, Шредером и Цзян Цзи-мином, он с террористами совладеет. А это не гортка, не банда, а могучее тоталитарное движение, «дух деспотизма», не слабей национал-социалистического и коммунистического. Оно пришло покамест к власти только в Ираке, в Иране, в Ливии, но процветает и в фундаменталистском и в социалистическом (БААС) обличье. Гляньте в лицо террористу Атте, взорвавшему первую башню ВТЦ, - да он пострашней и Гиммлера и Ежова! Но ни Буш, ни Америка, ни Европа глядеть на лицо нового тоталитаризма не спешат, и, как советские обыватели, сводят жизнь к заговору, к бин-Ладену. Некогда в западном мире были организации твердо стоявшие против тоталитаризма под любым именем, против фашизма, коммунизма и национал-социализма. Их больше нет. Или сбивает то, что тоталитаризм исламский?

Но он зовется исламским не потому, что корни его в исламе. Он еще меньше предрекан Кораном, чем Гулаг «Капиталом» Маркса или Треблинка трудами Ницше. Конечно, и Ницше гитлеровцами, и Маркс сталинцами, и Коран бин-ладеновцами чудовищно извращены. Но тоталитарная практика хочет опираться на авторитеты, и почитателям этих авторитетов надо бы выступать в первых рядах борцов против тоталитаризма, как Томас Манн, защищая Ницше, выступал против Гитлера. А исламских Томасов Маннов что-то не видать.

Возможно, могучая американская военная машина осадит, а то даже изловит бин-Ладена. Он уже дрогнул и под напором перепугавшихся талибов обещал не посылать самоубийц. Но у тоталитарного движения в запасе десятки вождей, - хотя бы в Хамазе, в Хизболе, в Народном фронте Палестины. И одергивая Шарона, силящегося лишь укоротить террористов, которых не хочет обуздать Арафат, решивший, что соглашение в Осло ограничивает одних евреев, но не арабов, Буш, как прежде Клинтон, готовит катастрофы в Америке. Чтобы усвоить урок 11 сентября надо осознать опасность нового тоталитаризма, не только исламского. Ни от одной попытки силой ликвидировать «других», под каким бы флагом, где бы и кем бы она ни совершалась, нельзя отмахнуться ради минутных выгод.

В ЗАЩИТУ ЛИБЕРАЛИЗМА

Либерализм – дитя нового времени. Терпимость всплывала и в иудаизме, и в христианстве, и в буддизме, и даже в исламе, не упраздняя, однако, религиозную нетерпимость. «Неправильное» терпели, но держали в уме, что оно не «правильное». Либерализм – едва ли не первое общественное движение без претензий на истину в последней инстанции. Либералы предоставляют вещи их собственному ходу, лишь бы ход был органичный, а не принудительный. «Либеральный» значит «свободный». Смысл либерализма – свободная продуктивная деятельность, и на практике, и в дерзновениях мысли. Либерализм снял ограничения внеэкономических порядков, феодального и других. Он возник вместе с экономическим порядком, как условие его существования.

Разумеется, либерализм, как и сам экономический порядок, не строит рай на земле, да и не обещает такого. Он лишь стоит на том, что для развития общества необходима свобода, хоть ее одной и недостаточно. Недостаточность – частый предлог оспаривать необходимость. А беда не в пропаганде готовых рецептов всеобщего счастья, выданных пророками, которые, по слову популярного барда, «знают, как надо». Беда не в глупости или корысти рецептов, а в принудительности. Силой заставляя следовать предписаниям и не глядеть на ход вещей, пророки уродуют и губят чужую жизнь, а либералы на нее не посягают.

Величайший волюнтарист всех времен и народов Ленин, презирал либералов, поскольку откровение господне, не на Синае, так у Разлива, внушило ему, что текущие человеческие жертвоприношения на вечные времена покончат со всякой несправедливостью. Он чистосердечно этому верил, и на реальность не оглядывался. А великий мужикоборец Сталин, перестреляв остальных ленинцев, препятствовал развитию кибернетики и электроники, отнюдь не затем, чтобы подорвать обороноспособность нашей родины по заданию японской разведки. Он, а вместе с ним и ЦК КПСС, и вся партия и беспартийные большевики, искренне считали нужным, определив свои предпочтения, все другое не просто предоставить его участи, но непременно опорочить и придушить. Не в том зло, что Лысенко нравился Сталину больше Вавилова, а в том, что, веря Лысенко, он, как настоящий большевик, не мог оставить Вавилова в покое, а считал нужным непременно его погубить. Советская жизнь была антитезой либерализму.

Нынче русскому революционному размаху часто противопоставляют китайский путь, а Ленину и Сталину осмотрительного и мудрого Дэн Сяопина, готового к компромиссам с реальностью. Но одно преимущество за ними все же надо признать, – в своем мракобесии они были не менее искренни, чем лидер Талибана мулла Омар. Ненависть к либерализму, к «гнилым интеллигентам», к честной конкуренции, состязанию, соревнованию разных форм хозяйствования, разных научных теорий или художественных течений, они выражали прямо. Они не очень скрывали, что наперед решили, где правда и кому подыгрывать. Для установления истины им нужна была не свобода, а КГБ, и, назвавшись материалистами,

они уповали на сталинскую стальную волю. Уже после Сталина, эти упования застолбила стихотворная строка: «Добро должно быть с кулаками».

Бесчестными были зато уверения, что коммунистические ненавистники либерализма - единственные продолжатели либеральной традиции. Они возводили свои кровопускания к Марксу, что, при всех его промахах, не слишком точно, поскольку первоучитель, все же требовал насилия на высшей стадии экономического развития, когда хозяйство фактически уже стало общественным, а не, как Ленин, в «слабом звене», сознавая, что хозяйственная и политическая реальность этого «звена» неминуемо обернут адом благие намерения спешащих в рай, и не призывал насаждать принудительное счастье.

Но если Маркс к большевизму все же причастен, то Новиков и Радищев, равно как декабристы и петрашевцы, а по объективному смыслу их деятельности, и Герцен и Чернышевский, тут не при чем, поскольку в феодальной стране боролись за свободу и буржуазные реформы, хоть и мечтали о социализме. Стоит помнить, что либеральную программу преобразований Кавелина напечатал именно Чернышевский, и не их обоих вина, что царь этой либеральной программе не следовал, поскольку помещики, опора трона, сопротивлялись даже частичным переменам, на которых настаивал сам царь.

Характерно, однако, что когда советской власти под грузом хозяйственного провала пришлось менять лицо, яростной атаке подверглись не так коммунисты, правившие три четверти века, как старые демократы, которых они лживо провозглашали своими предшественниками. Россия вновь обернулась к «православию, самодержавию, и народности», понимая под последней великодержавный шовинизм. Либерализм, отвергнутый царями и большевиками, остался не востребован.

Между тем, пример большевиков, рядившихся борцами за свободу, и как бы ради нее обративших отечество в Гулаг, ныне подхвачен западными волюнтаристами, и тамошнее общественное мнение числит коммунизм и другие формы насилия над обществом проявлениями либерализма. То тут, то там, люди, именующиеся либералами, особенно левыми, то есть самыми свободолюбивыми, поддерживают террор, и в респектабельных изданиях восхваляют то Милошевича, то Саддама Хуссейна, то бин Ладена. Беда, понятно, не в отсутствии цензуры, а в ментальности авторов и читателей, наученных двадцатым веком не искать в словах смысла и называть миром войну, правдой – вранье, а свободой - рабство.

Если девятнадцатому веку иллюзии еще простительны, то насильственная «справедливость» двадцатого, шла ли речь об эксплуатации рабочих или пороках Версальского договора, приведшая к советскому и нацистскому геноциду, места иллюзиям не оставила. Люди, ратующие под флагом «левого либерализма» за террор и уничтожение западной цивилизации, - на деле все те же большевики, нацисты, фашисты. Как и в двадцатом веке они, - быть может, тоже не вполне это

сознавая, - готовят новую Колыму и новую Треблинку, куда и сами, если доживут, в большинстве угодят.

После 11 сентября немало американцев, да и европейцев, отшатнулось от воспеваемых так называемыми «левыми либералами» массовых убийств, и даже в России пропагандистская речевка «Америку не жалко» оказалась в противоречии с официальным состраданием. Парадокс, однако, в том, что справедливый протест против нового тоталитаризма и его умиротворения «мюнхенской» поэтапной капитуляцией, тоже порой оборачивается против либерализма, и подозреваемых в причастности к террору требуют судить без соблюдения элементарных юридических норм, и даже, следуя примеру КГБ, изобретенными там специальными «тройками». А как раз такой поворот либерального общества к порядку, заведенному коммунистами и нацистами, стал бы торжеством нового тоталитаризма и служащих ему «левых либералов».

С новым тоталитаризмом не совладать «реальной политикой» подкормки одного тоталитаризма против другого, Сталина против Гитлера, Ирака против Ирана, или Арафата против бин Ладена. Угроза этого «одного», укрепившегося при поддержке либерального общества, на наших глазах возрастала, и бин Ладен с талибами, поддержанные Америкой против советских захватчиков в Афганистане, тому очередной пример. Тоталитаризм различен по цвету, один - за передовой общественный класс, другой - за высшую расу, третий - за лучшую религию, но свобода заведомо неделима и одинакова для всех. Свобода синонимична праву, а оно служит не потаканию преступникам, а выявлению реальных преступников. Отказ от права упраздняет и борьбу с преступностью, и свободу. Противостояния стран и народов вызваны, прежде всего, тем, что они в разной мере свободны и поэтому не все могут себя кормить на растущем техническом уровне, кругом зависящем от меры либеральности общества. Можно на доходы от нефти, как мы по себе знаем, покупать хлеб, но такой путь, как мы, опять же, по себе знаем, ведет к банкротству.

В мире, развивавшемся благодаря либеральным порядкам Европы, Америки и Японии, борьба против тоталитаризма велит и позволяет помогать лишь тем странам, которые тоже пошли либеральным путем, ощутив, что иначе экономические достижения невозможны. Каждый шаг каждой страны, - в том числе и России, и Китая, - в этом направлении достоин поддержки, каждый шаг назад - отказа от нее. Помощь странам, попирающим свои народы, более всего и поощряет их тоталитарные режимы, и потом вынуждает с ними воевать, чтобы остановить геноцид или извлечь из укрытий террористов. А миролюбивых сербов и афганцев, не любивших Милошевича и муллу Омара, но погибших под бомбежками, конечно, жалко, как и погибших точно так же миролюбивых немцев, не поголовно обожавших Гитлера и нередко тоже страдавших от него. Добро либерализма и тогда, и теперь, не в том, чтобы бессильно уступать тоталитарному злу, но в том, чтобы кулаки пускать в ход только для обороны, для защиты, а не для нападения, покорения и уничтожения.

ОГОНЬ ПО ШТАБАМ

Ну, вот, гражданский форум, о котором так жарко спорили, прошел, и задача его прояснилась. Она, впрочем, и не была предметом спора. Спорили, вести ли обществу диалог с властью, и некоторые правозащитники указывали, что демократическая государственная структура как раз и создана для диалога населения и власти, и даже при авторитарной Конституции, их повседневный диалог у нас возможен, если, понятно, власть его хочет, а на собрание приглянувшихся оргкомитету людей идти незачем. Но достойнейший человек, Сергей Ковалев, отвечал, что если бы в то время, когда он боролся против режима, Брежнев его пригласил обсудить проблемы страны, он бы не уклонился, и нынче тоже уклоняться не гоже. Путин с Ковалевым и другими, правда, не беседовал, и, сказав свою речь, удалился, но выжимки чужих речей он, если захочет, получит. И не ясно, почему бы президенту не знакомиться таким же образом с важными выступлениями граждан на других собраниях и в печати, если и за пределами гражданского форума существует свобода слова. Не пришлось бы тратить на форум миллионы. Но тратили их не зря.

Чего от форума ждут инициаторы, понятно по краткой речи его режиссера Глеба Павловского. Он объяснил, откуда Российскому государству ждать опасности. Оказывается, только от собственного бюрократического аппарата, оставленного без контроля. Обобщение сделано широкое: «Власть государства в феврале 17-го, в 64-м, в декабре 91-го отстраняли собственные доверенные лица, высшие служащие государства, а не общество». Тут призадумайтесь, что же Павловский обозначает словами «власть государства»? Речь ведь не только о Николае II, вместе с которым в феврале 17-го рухнуло старое самодержавие, или о Горбачеве, вместе с которым в 91-м рухнул Советский Союз, но и о Хрущеве, хотя в 64-м, политический порядок не изменился, то есть, явно имеется в виду власть первого лица. Государство сведено к одному лицу, прочие правящие фигуры - лишь его доверенные лица, не стоящие доверия. А по Конституции нынче – разделение властей, их, по крайней мере, три, независимых друг от друга. Но Павловский числить их за власть не хочет.

Различие интересов бюрократии и общества не новость. О нем говорили и в царские времена, и при советском самодержавии. Почти полвека назад Джилас издал книгу «Новый класс», потом Восленский книгу «Номенклатура». Павловский открыл, что этот класс, - и впрямь существующий, - враждебен собственному лидеру, и именно этим - собственному государству. Там, где демократии нет или она показушна, социальная борьба и впрямь нередко доходит до закулисной смены лидера, того же Хрущева, как и, наоборот, до пересмотра лидером состава правящего класса, - Сталин, убил не только реальных оппонентов Троцкого или Бухарина, но и Кирова, Постышева и миллионы подобных, до того подсадивших его на трон, и этим ратовавших не за личное, а за классовое.

Интересы бюрократии, конечно, часто не совпадают с истинными интересами страны, но ее лидер не исключение, даже если иногда он находчиво отстаивает эти интересы. Всякий, кому дорога Россия, сочтет, что Путин поступил умно, когда, понимая, что талибан смертельно опасен Средней Азии и потому России, пренебрег растущим антиамериканизмом бюрократии и демонстративно поддержал американцев, взявшихся сокрушить талибов. Но хоть атмосфера при этом смягчилась, перемен ни с противоракетной обороной, ни в Чечне, не видать, - тут с правящим классом пришлось бы разойтись не в одной риторике. Но в том, что Чечня остается «опричной территорией», «зоной ничем не ограниченного насилия», Павловский винит лишь бюрократов, хоть все знают, кто персонально обещал «окончательное решение чеченского вопроса», и стал, благодаря этому, нашим президентом.

Искренне веря, что политическая и, вообще, общественная жизнь сводится к манипуляциям политтехнологов, Павловский договаривается до того, что «гражданскую войну в России запустила придворная санкт-петербургская челядь». Что все-таки сие значит? Ну, хорошо, пусть стотысячные толпы голодных женщин на улицах Питера, требовавшие хлеба и окончания войны, для Павловского не общество, но можно ли счесть за придворную челядь командующих всеми без исключения фронтами, единодушно советовавших Николаю отречься от престола? Очевидно Павловскому кажется, что царь мог не отречься, а вывести на улицы столицы войска и перестрелять этих вопящих баб. Хотя войска были на фронте, для политтехнолога нет невозможного, была бы воля. Но это и есть первый постулат ныне возрождаемого большевизма. А гражданская война, между тем, развернулась после разгона Учредительного собрания, от которого ждали мирных реформ.

Отчего, однако, понадобился новый культ воли? Оттого, что и при авторитарной и даже тоталитарной власти проблемы не сводятся к борьбе групп за кормушку, которая для получивших к ней доступ ныне еще слаще, чем в былые времена. Припавшие к ней уже не думают даже о минимуме для рядового человека, но еще не рискуют старыми чекистскими приемами заткнуть ему рот, поэтому правящему классу приходится думать, как удобней сидеть, чтобы не погореть. Тут псевдодемократы из номенклатуры разошлись с коммунистами, стоящими за испытанную сталинскую систему, даром, что как раз она привела к краху. Они осознали, что социализм провалился не по инициативе Горбачева, а потому, что внеэкономические, командные, методы обрекают на отставание, и с массовыми акциями, способными лишь ухудшить положение, кроме чеченского показательного примера, пока не спешат. Но угроза не только в падении мирового спроса на нефть, а глубже, в пренебрежении работой на отечественного потребителя, без которой отечественное хозяйство не развивается. А чтобы этот потребитель стал платежеспособен, правящий класс должен отказаться от монополии, от единства, как главного принципа, и открыть дорогу честной конкуренции перед лицом сограждан. Именно для этого стране и нужна бы подлинная демократия.

Павловский, да и Путин, видят, что вертикаль власти, на которую президент сперва надеялся, себя покамест не оправдала. Чтобы оправдала, как раз и надо пополнить ее Гулагом, а это и Сталин смог не сразу, долго и упорно работал. Ищут новые формы единства, и Павловский учит, что «нельзя далее откладывать прессинг граждан». Нельзя, он объясняет, не так даже ради борьбы с коррупцией, как потому, что нынешний («проворовавшийся») аппарат не способен втягивать в себя новые, молодые, грамотные, профессиональные кадры, поскольку им «воровать не интересно». На деле уровень воровства государственных чиновников зависит не от возраста, профессионализма или даже любви к воровству, как искусству. Всюду в мире он зависит, прежде всего, от того, насколько открыта их деятельность. Где тень, там воровство, и у западных государств воруют меньше не потому, что люди там честней, а потому, что там меньше тайн, меньше тени, в которой можно укрываться. Чтобы совладать с воровством, нужны открытость и судопроизводство, а с вороватыми государственными деятелями вполне справятся на деле демократические выборы.

Но вместо того, чтобы ратовать за них, Павловский хочет выдавливать неугодных бюрократов прямым «прессингом граждан», и досадует, что приглашенных им на форум спрашивают «А вы кто такие?» Но при всем уважении к любому из них по отдельности, трудно считать выступление на форуме заведомо более убедительным, чем в печати, и мнение даже пяти тысяч произвольно собранных граждан более авторитетным, чем мнение всех граждан, правовым порядком выраженное. Национальному гражданскому комитету, сшитому из сочтенных Павловским общепризнанными моральными авторитетами, не исправить антидемократический аппарат (набираемый, кстати, самой же властью), не способный принять в себя честных и грамотных людей. Это задача по-настоящему демократических выборов, позволяющих провалить бесчестных и неграмотных и продвинуть честных и грамотных. Подмена этого испытанного средства говорит, что и цель у шумной кампании не та, что объявлена, - она, думается, в том, чтобы, удалив от имени общества из аппарата «чужих» продажных чиновников, заменить их, быть может, еще более продажными, но «своими». Усердие окружных комиссаров эффекта не дало. Надо выбрасывать непослушных пачками.

Сталин чистил партию руками КГБ, а Мао провел зачистку «демократичней». Хунвейбины, от лица «народа» (а народу было не сладко), кричали: «откроем огонь по штабам!», «оторвем их собачьи головы!», и прежних бюрократов меняли на новых, из «банды четырех». Мао было за семьдесят, но, укрепив личную власть, он успел разорить страну. Путину нет пятидесяти, и такой порядок был бы для России смертелен. На форуме Путин, поговорив о своей непричастности к его проведению, обеспечил себе алиби. Трудно даже утверждать, что он такого хочет. Все вроде делает один Павловский. Но если его речь получит ход, если не будет ясно, что любые действия, даже против преступников, вне правовых процедур преступны, дело плохо. Павловский сулит «диктатуру закона». Но если власть это не взвешенная правовая система, а лишь

воля царя, генсека, президента, законом считается любая его команда, и зрячим видно, чья настает диктатура.

БЕЗ ИДЕОЛОГИИ

Мечта Ельцина дополнить новый порядок подобающей идеологией не сбылась, хоть не раз и не два он публично просил образованных прихвостней и даже Академию наук таковую сладить. Секретарь обкома, в нем не умиравший, ценил, что идеология избавляет от объяснений на каждом шагу и отвечает на вопросы наперед. Пока ответы глотают, сохраняется видимость порядка.

Ельцинский порядок за порядок не держали. Его обозначили уголовным словом «беспредел», то есть, отсутствие хоть каких-то правил, - а нужду в них ощущает и «вор в законе». Уверяли, что Ельцин ввел капитализм, даром что разбойничий. Объясняли, что переходный период, как называли становление экономических отношений, везде стоял на разбое, иначе, дескать, нет первоначального накопления. «Реформаторов» не смущало, что, вопреки советской идеологии, капитализм пошел не от первоначального накопления, а от экономической свободы, при первых ростках которой возникают и наемный труд, и конкурентный рынок. Крупный капитализм рос в Европе из мелкого, а не, как нам внушают, наоборот: сперва олигархи, а потом - мелкота. Но и ограбленное большинство населения, отвергая новый порядок, не глядит, куда и откуда совершается переход.

Уже с семидесятых быт скудел, но мало кто различал системный кризис, - жили и похуже. Когда пришел Горбачев, минимум, недостающий нынче многим, у большинства еще был, а прикинуть, надолго ли его осталось, люди не могли, поскольку о расходах страны, о ее доходах и их источниках, толком не знали. Ныне многие винят в своей нищете Горбачева, усомнившегося в советском порядке, и, еще больше, Ельцина, его якобы упразднившего. Многие голосуют за коммунистов и клянут занесенные с запада капитализм и демократию. Со своей стороны, преуспевшие при новом порядке объясняют чужую нищету недостаточной предприимчивостью нищих и, вообще, ленью.

Катастрофа советского строя свершилась незримо. Армию вооружили лучше всех в мире, а с афганскими партизанами и за десять лет не совладали. Пахотной земли на душу населения было больше, чем в любой другой стране, а хлеб покупали за рубежом. Но не опознавали в этом банкротство. Разве что академик Заславская из Новосибирска и еще некоторые подавали в ЦК КПСС тревожные записки. Немцы, после безоговорочной капитуляции и оккупации задумались, как дошли до жизни такой. А без наглядности катастрофы вроде и нет повода к массовому самоосознанию, отчего перемены и шли сверху, - там, хоть и не все, угрозу ощущали.

Суть советской системы в слиянии государства и хозяйства, но слияние это – самоубийственно. Уже тем, что снизу доверху образует единую и

абсолютную монополию. А без конкуренции, без свободного платежеспособного спроса на товары и рабочую силу, нет возможности определить реальную ценность того и другого, - выпавшее из реальности не только на счетах, но и на компьютере не просчитать. Вот и не внедрить более рентабельные и плодотворные методы хозяйствования. А капитализм плюралистичен и вынужден повседневно учитывать стоимость акций. Став убыточным он гибнет, а убыточный социализм поддержат внутренние войска. Вот при капитализме и легче жить, чем в социалистическом государстве трудящихся, где с ними можно не считаться.

Если забыть о хозяйственной рентабельности, капитализм жесток, и еще в позапрошлом веке началась борьба за права и свободы, приведшая к социальной защите человека. Идеализировать капитализм не стоит и сегодня. Но и логике и практике противна вера, что от пагубной склонности капитализма к монополизации (в критике которой и Ленин нередко был прав), спасает созданный в России Лениным и все еще стоящий на своем «единый синдикат», - абсолютная государственная монополия, пресекающая независимую экономическую деятельность. О предпочтительности государственного хозяйствования ныне говорят лишь циники да лжецы. Социализм не только еще более жесток, чем капитализм, но, подчинив хозяйство государству, отнимает у труженика возможность бороться за улучшение своей участи, сопротивляться оседлавшей производство власти, и отдает людей на милость чиновников. Свобода слова и печати, свобода знать как живут другие и почему живут лучше нас, хоть вроде и не умней, и не образованней, и не трудолюбивей, потому и надобна всем нашим людям, что ни за что, ни перед кем, не отвечающее государство милостями не балует. Хоть само, в конце концов, все равно рухнет.

Признавать это не хочется. Проще верить, что рухнуло оно совсем не само, а происками США и НАТО, хоть их его крушение пугало больше, чем советский ядерный удар. От советской атаки запад уберегало понимание советским руководством неминуемости смертельной контратаки. А хаос неуправляем. Страх перед ним и вдохновлял Клинтона поддерживать Россию, чинящую в Чечне геноцид, но якобы способную зато держать под контролем свои ракетные базы.

Есть и внутренний козел отпущения: власть, дескать, захватили демократы. С демократами у нас отождествляют интеллигенцию, а ей, дескать, на людей плевать, лишь бы за границу ездить да книжки читать. На деле новые начальники, и Ельцин, и Черномырдин, и Сосковец, и Коржаков, и Гайдар, и Кириенко и прочие никакие не демократы. Они вышли из номенклатуры, и в КПСС состояли, и комсоргами были, а кто и в КГБ служил. Важные роли разобрали активисты, твердившие, что строят русский капитализм, их кличут «новые русские». Но не столь они новы, - еще в шестидесятые сей тип людей возник в картинах зоркого Олега Целкова, потом эмигрировавшего, то есть, и при Брежневэ этот тип существовал. Не обходилось и без интеллигентной челяди, а Гайдар и сам – внук сразу двух известных писателей и зять третьего, но большинство интеллигенции, и тогда и теперь, - в стороне. Не случайно в самом

бедственном положении учителя, врачи, научные работники, преподаватели вузов.

На деле в 1991 году власть взяла не интеллигенция, а та часть номенклатуры, которая в провале ГКЧП углядела опасность дальнейшего упрямства. Кризис системы был слишком глубок, чтобы одолеть его новым НЭПом, хозяйство нуждалось в обособлении от государства, в отказе от абсолютизма. Единственным способом мирно удержать номенклатурную власть стала «революция сверху», которую и приписывают Ельцину. Но революцией, даже и сверху, можно счесть лишь подрыв основы прежнего строя. После Крымской войны все, кто дорожил судьбой России, – от царя Александра Николаевича до отца русского социализма Александра Ивановича Герцена, – понимали, что с крепостным правом пора кончать, и его на деле упразднили. Уже потом Герцен «развернул революционную агитацию». А при Ельцине хозяйство не освободили. Напоказ отбросили «марксистско-ленинскую идеологию». Но идеология – это не слова, а сокрытые под ними установки, прямому смыслу слов, часто и не соответствующие, а у нас давно отошедшие от утопических идеалов, вбитых в те слова Марксом и даже Лениным. В словесной форме идеология мистифицирована, но в социальной практике виден ее смысл. Подобно религии она поддается демистификации. Практика ельцинского правления показала, что в правящих головах советские установки живы.

Первый постулат советской идеологии – всевластие государства, остался незыблем. Оттого и не удалась другая идеология, что ей пришлось бы открыто признать, что власть все та же, правящий класс все тот же, разве что вместо тайного имени «номенклатура» зовет себя элитой, сменив советское лицемерие на бесстыдство. Уже так называемая «либерализация цен», поскольку государство оставалось единственным производителем, только увеличила произвол власти в установлении цен, грабя людей в пользу казны.

Потом так называемая «приватизация», призванная облегчить государственный пресс, уродующий повседневные хозяйственные отношения, обернулась раздачей концернов и трестов узкому кругу лиц, поздней названных «олигархами». Новые концерны, заменившие промышленные министерства, то числились их личными владениями, то, как Газпром и РАО ЕЭС, государственными. В повседневной работе они стали повольней, чем прежние министерства, подочетные отделам ЦК. Но лишь пока следовали велениям власти.

Ликвидация телеканала Гусинского вызвала большой шум по поводу свободы печати, воплощением которой «олигарх» невольно стал. Но суть дела особого внимания не привлекла. А телеканал Ельцин Гусинскому подарил, и в ходе президентских выборов 1996 года тот подарок отработывал. Опять же, долги, взятые Гусинским у Газпрома при содействии власти, шли все на ту же избирательную кампанию. Но стоило «олигарху» и впрямь вообразить себя собственником и в ходе следующих выборов предпочесть кандидату власти Путину Лужкова или Примакова, ему внятно показали, кто хозяин. Березовский, способствовавший избранию Путина, тоже, при всей сообразительности, не понял, что

владеет лишь мнимой собственностью, и распоряжаться вправе, лишь не перечая власти. Прочие «олигархи» это сознают, и это тоже показатель мнимости нашего капитализма. Оттого и капиталы, у нас сколоченные, спешат вывезти за рубеж.

Еще сомнительней утверждение капитализма в деревне. Мало того, что о собственности на пахотную землю – основе фермерского хозяйства, и речи нет, даже и в аренду землю дают лишь колхозы да совхозы, требующие большего, чем своевременная выплата арендной платы. Поверить, что в России нынче капитализм, можно лишь в растерянности от несходства прежнего внеэкономического абсолютизма, при котором всякий экономический шаг приходилось совершать в тени, с обыденностью нынешних бесстыжих афёр, какие государство позволяет своим клиентам, да и себе самому.

Вновь затягивается и удавка централизации. Провозгласив Россию федерацией, что, при всей нелепости превращения в ее субъектов мелких административных областей, было все же способом сохранить связи разнородных русских регионов меж собой и с инациональными, власть за послушание центру позволила губернаторам самоуправство. А теперь, как бы его смиряя, ограничивает регионы в правах вместо того, чтобы укреплять там представительные органы, только и способные обуздать местное самодержавие. Но это бы противоречило одновременно идущему превращению Государственной Думы и Совета Федерации в подголосков президента, чему изначально служит и вся наша избирательная система, игнорирующая реальное большинство граждан. Страна опять становится унитарной. И в политике, и в хозяйстве, демократические и экономические формы полны былым содержанием. Не зря коммунисты, хоть Ельцин их клял на всех углах, ежегодно поддерживали и бюджет и всех назначавшихся премьер-министров.

Реформы, сравнимые по масштабу хотя бы с самыми скромными реформами Александра II, не говоря о замечательной судебной и об отмене крепостного права, так у нас и не прошли. А и те ведь оказались недостаточны, чтобы уберечь страну от катаклизмов. Отсюда отчаянье миллионов, их тоска по невеселому, но устоявшемуся прошлому, и надежды на нового президента, возрождающего былое. Нынче в России живут одним днем, словно не этот народ вышел на улицы, когда ГКЧП устранил еще только сулившего перемены Горбачева. А теперь вроде пропал интерес к политике. Но пропал оттого, что оказался бесплоден и, даже, послужил маскировкой для дальнейшего ущемления людей.

Отчего же „революция сверху“ опять не удалась? Можно, конечно, винить в безответственности правящий класс, предпочитавший, не разрешая кризисную ситуацию, продержаться сперва на зарубежных подачках, а потом на продаже нефти и газа. Но правящий класс и не обязан совершать революцию, он спасается, как может. А Ельцин меж антикоммунистической риторикой и отказом преодолеть коммунистическую практику балансировал даже талантливо. Трудно сказать, сознательно или по могучему инстинкту власти, но в сложнейших условиях он оказался куда более ловким борцом за основы коммунизма, чем противостоявший ему,

как их защитник, Зюганов. Вопреки иллюзиям своих интеллигентных холуев, Ельцин прямо передал власть главному оплоту советского режима – КГБ, откуда вышел не один Путин, но и оба его предшественника на посту премьера. Большинство этого не разглядело и не связало свои надежды с иными, на деле некоммунистическими движениями.

Но то-то и оно, что советский абсолютизм не допускал возникновения в обществе классов, способных противостоять правящему. Главная заслуга Ельцина перед коммунизмом в том, что он и потом не допускал формирования каких-либо неподведомственных власти социальных сил, и за десять с лишним лет круговая зависимость от государства не пропала. Вот советское сознание и не преодолено. Красная площадь – по-прежнему кладбище, а мумия Ленина по-прежнему в мавзолее, и Путин обещает ее там держать, хоть ее выставление на обозрение несообразно ни с философией Маркса, ни с собственными взглядами Ленина. Но в чучеле вечно живого вождя – советская надежда на волюнтаристское чудотворство, которой подпирают претензии государства. И нет, чтобы хоть убрать священное кладбище и мавзолей с главной площади страны, к чему склонялся даже Хрущев, обещавший возвести пантеон! Коммунистические святыни по-прежнему навязывают всем. Отброшены лишь теоретические формулы, кстати сказать, уже Сталина и его преемников, стеснявшие. А практика дышит прежним все откровенней.

Марксистская идеология накладывала, правда, на советский строй ритуальные ограничения. Практически социализм восстановил и расширял Российскую империю, но говорить это вслух официальным лицам не полагалось, и солдат-«афганцев» звали воинами-интернационалистами. А в Чечне нужды в псевдонимах уже нет, и чудовищный сталинский вывоз и гибель народа на чужбине блекнут перед нынешним открытым геноцидом на глазах у страны и мира. От марксистской интернациональной догмы без революции, хотя бы «сверху», сохранив зависимость хозяйства от государства, можно перейти лишь к прямому национал-социализму, и прежде преуспевавшему под марксистско-ленинской вывеской, но ныне идущему на откровенность. Проповедуя в Государственной Думе шовинизм, правящий класс заводит себе новую идеологию не по заказу, а по зову души.

Речь, понятно, об объективном процессе, а не о стремлении Ельцина или даже Путина совершить такой переход. Они, возможно, как не раз бывало в истории, и не догадываются, что делают. Тем более, этого не понимали идеалисты, восторженно кричавшие: «Ельцин! Ельцин!» Ведь дарованные Горбачевым свободы сперва продолжались и расширялись, и это, естественно, принималось как благо. Но сразу было видно, что оно не надолго. И не только по тому, как провели суд над КПСС, не только по тому, что не сочли нужным провозгласить мучеников сталинских и позднейших лагерей, осужденных по заведомо противоправным статьям нашего УК, оправданными ввиду отсутствия состава преступления, а издевательски предложили каждому индивидуально ходатайствовать о реабилитации. То есть, правосознание у новой власти то же самое, что у советской. Выросла не только свобода граждан, но еще больше свобода государства

отречься от элементарных обязанностей. Что же до большей свободы хозяйственных отношений, то она как раз и отличала от сталинского государства гитлеровское, где частная собственность сохранялась, но подчинялась государству не хуже, чем наша государственная. Поэтому посулы Греча, будь они даже выполнены, угрозу не снимают.

Переходный период не завершен, переход еще не произошел. Власть еще в силах спохватиться, понять, что ее якобы либеральный авторитаризм, он же – «управляемая демократия», при хозяйственной катастрофе рухнет в одночасье, и силы, числимые ныне маргинальными, сметут нынешних правителей, если, понятно, те сами, волей «избранного класса», «избранного народа» или другой «элиты», не наведут тоталитарный порядок. Чтобы такое предотвратить, мало сокращать налоги, требуется реальная федеративность, коренная аграрная реформа, сугубо экономическое, а не административное, регулирование хозяйства, независимый суд, пресечение произвола расправо-охранительных органов и эффективная система социальной защиты. Однако власть, порой признавая необходимость всего этого, на практике подменяет реально необходимое мнимым, заведенным лишь для вида, то же в то же как, признав частную собственность, тут же обратила ее в мнимость. Но нет и действенной оппозиции, способной объяснить гражданам судьбоносный характер происходящего.

А совершится ли переход от одной тоталитарной системы к другой, зависит не только от воли правителей, но и от меры сопротивления людей. Судьба России определится тем, переключат ли ее нынешние граждане путь отечественному фашизму, как бы он себя ни называл.

ПАВЕЛ ВИНОГРАДОВ

В английском университетском городе Оксфорде есть могила, на которой написано «Благодарная Англия чужестранцу». Лежит в ней русский человек, уроженец Костромы, профессор Московского университета Павел Гаврилович Виноградов. Англия – остров, здесь больше, чем в других странах дорожат своей отдельностью и особенностями, реже, чем в остальной Европе, не говоря об Америке, иностранец здесь влияет на умы наравне с местными жителями. А таких, чтобы влияли даже больше, можно сосчитать по пальцам, и Павел Виноградов один из самых заметных.

Дело не только в том, что Виноградов с его глубоким интересом к происхождению и сущности феодализма, как социального порядка, искал новые источники знания о нем и уже в первый свой приезд в Англию в 1883 году, двадцатидевяти лет отроду, обнаруживал их в английских архивах. Английский историк Мэтленд позднее писал, что этот молодой русский за несколько недель узнал о важнейших источниках по истории страны больше, чем было известно самим англичанам. Нова была и его трактовка источников. Виноградов, смолоду занявшись историей, видел свою задачу в постижении ее объективной картины. Там, где многие искали

единый ключ ко всему происходившему, он видел как формировали ход истории разные и противоречивые воздействия.

Тогда спорили, восходит ли феодализм к Римской империи, и феодальная вотчина, - в Англии - манор, - к римской вилле, или, напротив, феодализм - особенность германских племен, расселявшихся по Европе. Виноградов, первые работы которого посвящены Италии, показал, что феодализм вырос из противоборстве обоих начал, и складывался тем быстрее и отчетливей, чем больше они перемешивались, как в государстве франков, ставшем как бы идеальным воплощением феодализма.

Тогда преобладало мнение, что английские зависимые крестьяне, вилланы, первоначально были рабами, лишь постепенно освобождаясь. Виноградов показал, что, напротив, сперва они были свободны, но их зависимость от лорда, владельца манора, постепенно росла, и феодализм складывался во взаимодействии манора, и свободной крестьянской общины. В Британской энциклопедии многие важнейшие понятия феодализма поныне изложены так, как излагал их Виноградов.

Один из крупнейших в мире исследователей той эпохи Виноградов создал мощную исследовательскую школу и в России и в Англии. Он был велик не только как исследователь, но и как педагог. Под его руководством был написан гимназический учебник по истории, выдержавший двенадцать изданий, а в 1906-10 годы подготовлена четырехтомная «Книга для чтения по истории средних веков», которую студенты читают поныне. Слушание его лекций и, особенно участие в его семинарах в Московском Университете, а потом и в Оксфорде, само было научной деятельностью. Оттуда вышли крупнейшие специалисты, особенно по аграрной истории, среди которых в Москве - Александр Савин, а Оксфорде - Фрэнк Стентон. Для Виноградова не было границы между преподаванием и исследовательской работой, оно было ее частью, и его ученики изначально дышали атмосферой науки.

С 1890 года у Виноградова дома собирался кружок историков, обсуждавших важнейшие научные проблемы. Туда ходил В.О.Ключевский, приезжал из Петербурга Н.И.Кареев, из Киева - И.В.Луцицкий, там постоянно бывала молодежь. Но вскоре эти собрания сочли политически неблагонадежными. Позднее, участвуя в работе Московского комитета грамотности, он попал под прямой надзор охранного отделения. Виноградов не обособлял историческую науку от повседневной жизни страны. Он, напротив, был убежден, что проблемы и противоречия этой жизни успешно решаются лишь при понимании объективного хода истории, да и сам его интерес к аграрным отношениям западного средневековья во многом был вызван живым интересом к происходившему в пору его юности, при Александре II, в России, которая столкнулась с реальностями, давно ставшими для Запада историческими.

Виноградов был либералом, одним из самых убежденных и последовательных. И всю жизнь страдал от того, что либерализм, то есть понимание необходимости считаться с объективной реальностью, одинаково неприемлем и для самодержавия, которое Виноградов еще в XIX веке считал нужным преобразовать последовательными реформами в

конституционную монархию, и для революционеров. Еще в 1894 году он записал в дневнике: «Как ужасно было бы очутиться эмигрантом», но честность неизбежно вела к этой судьбе.

В начале нового века он возглавил в МГУ комиссию по совещаниям студентов, надеясь и удержать студентов от революционной борьбы, которую, возлагая надежды на просвещение, считал пагубной, и удержать власти от репрессий к вольномыслящему студенчеству. Но наши власти, как всегда, хотели только давить на инакомыслящих, что и разъяснили Виноградову. И он ушел не только из комиссии, а сразу же из университета. Предвидя его разгром, Виноградов в декабре 1901 года писал А.Н. Савину: «Дождаться этого в роли профессора я не намерен и выхожу в отставку. Конечно, за всем этим открывается политическая проблема, которая должна же когда-нибудь разрешиться, а до ее разрешения мы будем вертеться в заколдованном кругу беспорядков и репрессивных мер». Он уехал в Англию, провожаемый толпами студентов и преподавателей, возмущенных отношением власти к университету и украшавшему его профессору, вскоре возглавившему кафедру в Оксфорде.

После революции 1905 года тосковавший по родине Виноградов стал наезжать в Москву, и с 1908 года в первом семестре снова читал в университете лекции и возобновил свой знаменитый семинар. Но уже в 1911 году, после очередного надругательства над университетами, учиненного министром просвещения Кассо, сверхштатный профессор Виноградов вместе с другими видными профессорами ушел уже навсегда. Кассо был, однако, не единственным среди царских министров, чью политику он оценивал как глубоко реакционную. Не мягче он относился к аграрной политике Столыпина, прямо говоря, что она ведет лишь к обострению отношений в деревне и обернется новой пугачевщиной, что в октябре 1917 года и подтвердилось.

Как откровенный противник пугачевщины он выступил еще раньше, публикуя в 1905 году в газете «Русские ведомости» свои «Политические письма». Осуждая революционный радикализм, Виноградов надеялся на глубокие реформы российской жизни, чем, однако, вызвал гнев не только царской власти. На него напал Ленин, написавший в статье «Чего хотят и чего боятся наши либеральные буржуа?», что «Виноградов с редкой рельефностью выразил интересы, тактику, психологию своекорыстной буржуазии», и прямо именовавший выдающегося историка «ученым лакеем российской буржуазии».

А дело было не в семнадцатом, а еще в пятом году, когда Ленин сам не раз винил российскую буржуазии в том, что ей не хватает твердости в борьбе за демократию. И одновременно яростно атаковал именно того, кто был не на словах, а на деле либералом и твердо стоял за движение к демократии, не отождествляя ее с грядущей ленинской диктатурой. А Ленин уже «преодолеl» традиционное марксистское представление о том, что развитие буржуазных отношений в феодальной стране прогрессивно, которого держался еще в книге «Развитие капитализма в России», законченной в 1899 году. Но во втором ее издании в 1908м он уже

отказывал буржуазии в прогрессивной роли, целиком отдав ее пролетариату, и надеясь перемахнуть от феодализма прямо к социализму, что и попытался сделать в октябре 1917. Понятно, что объективный исследователь истории Виноградов вызывал у него ярость, не меньшую, чем у царских министров. Когда Ленин возглавил Российское правительство, Виноградов понял, что родина не скоро выберется из тупика, и перешел в британское подданство.

Он продолжал упорно работать до конца 1925 года, когда, удостоенный звания почетного доктора Сорбонны (Оксфорд, Кембридж, Гарвард, Берлин и других крупнейшие университеты избрали его своим почетным доктором еще раньше.), приехал в Париж и, внезапно тяжело заболев, умер. Но заложенное им продлилось не только в Оксфорде, но и в Москве, где позднейшие исследования А.Н.Савина, Е.А.Косминского, В.М.Лавровского и других по английской аграрной истории вносили важнейшие вклады в ее изучение. Сильнейшая сторона московской медиевистики - традиция Виноградова, заметная не только на английском материале.

Личная судьба выдающегося ученого тоже положила начало традиции, только печальной. Бурное развитие российской науки и в предреволюционные и до поры в послереволюционные годы отрицать невозможно. Первая половина двадцатого века полна у нас яркими талантами и замечательными открытиями. Но уже в царские времена и еще жестче в советские конфликт науки и власти стал одним из острейших в нашем отечестве. Власть воспринимает науку, не только общественную, но и естественную, потребительски. А наука возникла не для удовлетворения чьих-то потребностей - это ее побочный продукт, но для постижения мира. Крупный ученый - обычно либерал, и не потому, что таковы его политические симпатии, а потому, что либерализм, терпимость к инакомыслию, понимание необходимости слышать иные мнение, без чего невозможно составить объективную картину, - первое условие существования и плодотворности самой науки.

Это и вовлекает ее в противоборство с властью, такого не допускающей. Наука, ущемляемая не только конкретными нападкамии, но самой авторитарной и тоталитарной природой власти, скудеет. Ученым, не желающим ее скудения, приходится спорить с властью или перемещаться туда, где демократия допускает свободное развитие науки. Число последних растет, сегодня их тысячи. Власти даже сетуют на утечку умов, не желая признать, что сами ее и создали,- и своим отношением к творцам науки, как к «ученым лакеям», и, еще больше тем, что вынуждают науку прилаживаться к своим политическим понятиям, а ее широкий размах несовместим с вертикалью власти, поскольку в науке нет и не может быть царской тропы.

И пока в стране и обществе не возобладают нормы, необходимые для научной деятельности, Павел Виноградов, твердо стоявший за объективное знание и опору на него, будет, сверх собственных научных заслуг, олицетворять защиту самого существования науки от самоуправства власти.

ПАРАДОКС БЕРЕЗОВСКОГО

Полгода назад Андрей Пионтковский опубликовал в «Новой газете» отличную статью «Вы за Путина или за Березовского?» Особенно я ей радовался потому, что еще в 1996 году сам напечатал в «Новом времени» №32 статью «Философия меньших зол» о фальшивых альтернативах. Пионтковский прекрасно написал: «Каждый раз мы выбираем меньшее зло или то, что нам представляется меньшим злом. И с каждым разом мы платим за этот выбор все большую цену». Но редакция «Новой газеты» дополнила статью вопросом: «можно ли вступить в союз для достижения своей цели с теми, у кого заведомо другие принципы и приоритеты, в том числе и нравственные? (В упрощенном варианте – может ли свобода слова жить на деньги Березовского.)»

Что значат здесь слова «вступить в союз»? На вопросы «Кто Вы, мистер Путин?» или «Кто Вы, мистер Березовский?» ответ давно дан, хоть и не усвоен. Но, проблема не исчерпана тем, что оба они не святые. Жизнь полна конкретных поступков, которые конкретные не святые люди по конкретным мотивам совершают. Нравственность не в том, чтобы назначить очередного святого, а в том, чтобы оценить моральность не одних лишь целей, но и конкретных поступков людей, каковы бы ни были их цели. Ведь и самые высокие цели часто, пусть частично и временно, совпадают с целями тех, у кого «заведомо другие принципы и приоритеты».

Сталин был не лучше Гитлера, отечественный социализм не лучше национал-социализма, и после победы это еще раз подтвердилось и геноцидом «нежелательных» народов, и покорением освобожденных стран, и общим ожесточением. Но и без иллюзий по поводу того, что воспоследует, если Сталин усидит, я всем сердцем желал победы армии, в которой он числился Верховным главнокомандующим. Недостойно осуждать Ахматову или Пастернака, печатавшихся тогда в поливавшей их потом помоями «Правде», за то, что во время войны они как бы «вступили в союз» со Сталиным, у которого были «заведомо другие принципы и приоритеты». Но и они, и он не хотели видеть немецкие танки в Москве и Питере, и нет ничего зазорного в таком конкретном совпадении, если, понятно, оно не перерастает в общее воспевание сталинских принципов и приоритетов. История знает тысячи подобных ситуаций, и нравственные запреты на участие в нравственном деле лишь потому, что по своим соображениям его хотят и безнравственные люди, как раз и были бы безнравственны.

Для ответа на вопрос, «может ли свобода слова жить на деньги Березовского», это знать необходимо, но недостаточно. Надо еще уточнить смысл самого вопроса. А на деньги Гусинского свобода слова жить может? А на деньги Вяхирева? А Потанина? А Чубайса? А Путина, то бишь государства? Если свободу содержит лишь один из них, ответ всюду тоже будет отрицательным, - при монополии на информацию свободы слова не бывает. Если Гусинский стал ее олицетворением, это заслуга не столько

его, сколько Путина, прикончившего единственный телеканал, способный хоть малость возразить государственным. Нет причин ожидать, что у Березовского инакомыслие потерпят, но если потерпят, да и сам он не встанет опять при Путине в единый строй с Павловским и Дугиным, уже это даст хоть каплю свободы. Ведь свобода слова это свобода многоголосия.

Свобода слова, как и вообще свобода, не самоцель, свобода слова – лишь способ узнавать и говорить правду. К сожалению, единственно возможный, единственный надежный. Когда Солженицын, признавая нужду в правде, уверяет, что свобода слова менее важна, он лишь демонстрирует свою веру в правду откровения, изложенную в Библии, или у классиков марксизма-ленинизма, или устами самого Александра Исаевича, призвавшего уже и к введению смертной казни, особенно для чеченцев, - великому гуманисту кажется, что их мало убили. Но социальная правда не выдается лишь в каких-то святых местах священными особами, - это заблуждение, пусть порой невольное, а объективную правду каждый определяет для себя сам, сопоставив разную информацию из разных источников, а где их нет, нет ни свободы слова, ни правды.

Важно не то, на чистые ли деньги существует тот или иной источник информации, пусть даже на деньги Березовского или Путина, даже КГБ или ЦРУ. Важно, чтобы источников было много, - и на деле разных и доступных. Люди в России грамотные, разберутся. Не надо считать русских недоумками, которые без монополии «проверенных», «правильных» суждений тотчас накуролесят.

Вопрос, «может ли свобода слова жить на деньги Березовского», поставлен некорректно. Надо его уточнить и спросить: а на деньги Гусинского свобода слова жить может? А на деньги Вяхирева? А Чубайса? А Потанина? А Путина, то бишь государства? Если свободу содержит лишь один из них, ответ заведомо отрицательный, - где монополия на информацию, там нет свободы слова. Если Гусинский стал ее олицетворением, он обязан этим Путину, прикончившему единственный телеканал, хоть малость перечивший государственным. Нет причин ожидать, что у Березовского инакомыслие потерпят, но если ТВ-6 уцелеет сколько-нибудь независимым, уже это даст глоток свободы. Свобода слова это свобода многоголосия.

Когда Солженицын, признавая, что людям нужна правда, уверяет, что свобода слова менее важна, он лишь демонстрирует свою веру в правду откровения, изложенную в Библии, или классиками марксизма-ленинизма, или самим Александром Исаевичем. Но социальная правда не выдается святыми особами в святых местах, - правду каждый обнаруживает сам, сопоставляя информацию из разных источников, и где нет разных источников, нет и правды.

Важно не то, на чистые ли деньги существует тот или иной источник информации, пусть даже на деньги Березовского или Путина, даже КГБ или ЦРУ. Важно, чтобы источников было много, - и на деле разных и

доступных. Люди в России грамотные, разберутся. Не надо считать русских недоумками, которые без монополии «проверенных» суждений тотчас накуролесят. Трудно разобраться как раз при монополии, поскольку не может каждый самостоятельно анализировать все возникающие проблемы. Но судить о мере убедительности разных комментаторов может каждый. Тут, как в суде: следователь - это профессия, а присяжными заседателями способны быть все честные люди.

Они разглядят, что на деле вдруг развелось Путина и Березовского. Отчасти это видно уже сегодня, поскольку Березовский в изгнании не молчит, и недавно дал обширное интервью «Свободе». Нынче он без обиняков говорит, что в России авторитарный и чуть ли уже не тоталитарный режим и справедливо подчеркивает, что в нашей стране несовместимы авторитарная власть и либеральная экономика. Вот он, дескать, и разошелся с Путиным и решил создать ему либеральную оппозицию, благо есть деньги, способные тому послужить. Но, к сожалению, Березовский не знает, что такое либеральная оппозиция.

Ему бы поддержать наличные либеральные силы, а он претендует сам быть политиком и настаивает на своем, уже при Ельцине обнаружившем несостоятельность, понимании либеральной демократии, мало похожем на либеральную демократию в общепринятом смысле, и потому, даже верно указывая на пороки нынешнего порядка, спорить с Путиным не в силах. У него то же, что у людей Путина, в числе коих он и сам недавно был, технологическое сознание, та же вера, что судьба страны в руках «элитных» группировок, а «народ безмолвствует». Он убежден: «чем более нелюбим правитель России, тем точнее он действует в интересах страны».

Единственными силами, с которыми президент вынужден считаться, он числит региональные элиты и спецслужбы, то есть, вопреки всем оговоркам, сам мыслит бюрократически. Простясь с марксизмом у нас разом забыли, какова структура общества, открытая до Маркса, и не помнят, что народ, хоть и безмолвствует порой подолгу, если припечет, скажет крепко и внятно, как в XX веке случалось не раз – от 1905 до 1991. К тому же, ответы общества на вызовы власти проявляются не так словами, как действиями, а еще чаще бездействием. В 1996м Березовский, Малашенко, Чубайс и прочие успешно переизбрали непопулярного и больного Ельцина, но катастрофу 1998го этим не предотвратили.

За что Березовский больше всего осуждает Путина? За отход от Ельцина, при котором либеральные реформы якобы «выиграли страну», - Россия, дескать, стала страной с рыночной экономикой и «никогда больше не будет коммунистической». Но, помилуй бог, разве не сам Ельцин при участии Березовского благословил на царство Путина, который, - и тут Борис Абрамович вполне прав, - жестко натянул государственные вожжи и усугубил авторитаризм. Но этим Путин как раз продолжил дело Ельцина, пуще всего ценившего привычный авторитаризм. Потому в

России и расцвели не миллионы мелких и десятки тысяч средних предпринимателей, а лишь немногие доверенные «олигархи».

Березовский утверждает, что еще в 1996 году «основная часть народа безусловно была готова поддержать Зюганова». Доказательств тому нет, однако, никаких. Нет оснований думать, что если бы во второй тур, вместе с Зюгановым, прошел не Ельцин, а занявший третье место Лебедь или четвертое Явлинский, Зюганов их бы победил. Тогдашние опросы общественного мнения говорили об обратном. А и Лебедь, и Явлинский, при всех различиях меж ними, не удовлетвоались бы номенлатурным, по слову Буртина, капитализмом, а допустили бы в хозяйственных отношениях большую и юридически лучше фундированную свободу. Не одни «олигархи» испугались, что придется потесниться и впредь обходиться без казенных подпорок. Струхнула и пошедшая за Ельциным основная часть советской номенклатуры, утратившая бы тогда свои привилегии. Они и сплотились в поддержке Ельцина, а, тем самым, и Путина.

Ничто, понятно, не мешает Борису Абрамовичу опаматоваться и признать, что в 1996 году он лишь по видимости защищал страну от коммунистов, а на деле «защищал» ее от реальных реформ. Гусинский признал, что вел себя тогда неразумно. Но Березовский настаивает, что правильно поступал даже продвигая Путина в президенты. Он и нынче восхваляет решение Ельцина не публиковать списки сотрудников спецслужб, как, якобы, залог гражданского мира. А беда не так в том, что не опубликованы эти списки, как в том, что сотрудники этих служб и прочая номенклатура остались на руководящих постах везде и всюду.

Если, как уверяет Березовский, произошла революция, то прежний правящий класс должен бы отойти от управления. Для этого достаточно было законом запретить сотрудникам спецслужб и номенклатуре определенного уровня хоть на десять лет избираться и работать в государственных органах, оговорив, что лишь при таких попытках будут через суд публиковаться сведения об их прежней деятельности. Это способствовало бы реальным реформам, а бывшие граждане начальники могли бы начать новую жизнь в частной сфере, соблюдая новые законы. Но Березовский, поддержавший избрание Путина, никогда не стыдившего органов, в которых вырос и сложился, сетует теперь на нынешнее непомерное влияние сотрудников этих органов, демонстрируя не слишком большую способность смотреть хоть на два шага вперед.

Оно и понятно: зачем ему думать, что будет завтра, когда его влечет вчерашний день, точь в точь, как Зюганова, жаждущего сталинских времен, или Солженицына, грезящего Россией до японской войны, если не до отмены крепостного права. Но трагедия отечества в том и состоит, что его всё пытаются удержать в былом, «подморозить», а поскольку это ведет к неизбежному отставанию от других стран, рывки в будущее бывают судорожны, лед, понятное дело, взрывают, и до спокойного, поступательного развития не доходит. Демократия оборачивается

показухой, а рынок, призванный формировать внутренние отношения, лишь более бойкой, чем прежде, продажей сырья и оружия за рубеж.

Не то что человек заведомо не способен взглянуть на вещи по-иному, чем привык. Сумел же Горбачев, так не заказано и Березовскому, и даже Путину. Можно не каяться в ошибках, но, если желаешь стране реальную экономическую и политическую свободу, не стоит в них упорствовать. Во внешней политике и Путин порой делает здравые шаги, но внутреннюю ситуацию они не меняют. Трагедия России в том, что выплеснутую в 1991м тягу к свободе Ельцин «спустил на тормозах». Но охоты ее возродить ради впрямь либеральной демократии не только у Путина нет, что понятно, а не видать и в ушедшем в оппозицию Березовском. Он огорчен тем, что Путин - не добрый царь, а не тем, что уцелело самодержавие. Вот и не выходит из «олигарха» оппозиционер. Его деньги на ТВ-6 еще идут на пользу свободе слова, да сам Борис Абрамович еще не либеральным ценностям служит

КУДА ДЕВАТЬСЯ ОТ ИМПЕРИИ?

Десятилетие высвобождения советских республик из под тотальной власти Москвы многих толкало рассуждать о смене природы Советского Союза и нынешней России. Одни считали, что СССР развалили Горбачев и Ельцин, другие, что распад был неминуем. Одни повторяли, что распад России неминуем, а другие, что ее развалят дерзкие Дудаевы и хитрые Шаймиевы. Но о природе империи думали мало. А не разобравшись, не понять, что в России происходит и что ее ждет.

Империя - не просто власть одного народа над многими или какого-то класса над другими. Это прежде всего власть внеэкономическая, насильная. И в древности, и в средневековье, империи создавало насилие..Буржуазия противопоставила им независимое государство. Долго жившие Британская или Французская феодальные империи, покорив Азию, Африку и Америку, питавшие их хозяйства, удерживая колонии стали буржуазным.. Но сопротивления колоний - лишь одна из причин распада империй, другая, не менее важная, - их бурное внутреннее развитие. От потери колоний уровень жизни и производство в метрополиях не везде падали, а часто росли.

Соединенные Штаты, изначально буржуазное государство, дишь отчасти переняли повадки феодализма, - истребляя индейцев и завозя черных рабов. Но стали не вполне империей, хоть тоже держали других в зависимости. Но по-преимуществу в экономической. А если применяли силу, как в двух мировых войнах или где еще, то не застревали на чужих территориях, а норовили уйти и даже уводили свои войска. Их успехи и неудачи определяла готовность соперничать не в убийствах, а в развитии.

Нынче повелось жить, словно прошлого, ни советского, ни царского, и не было. Но пребывая в твердой памяти невозможно оспорить, что Советский Союз империей был, и нынешняя Россия ею остается. Лишь веруя в просветительную мощь насилия, в то, что покорность ему – и есть любовь, можно отвлечься от дел Ермака Тимофеевича, Ермолова или

Скобелева. Да и в участь народов, поверивших, как украинцы при Богдане Хмельницком, что, в союзе с Москвой возможно полноправие, а потом, уже при Петре, терявшие самоуправление, и еще при Николае., как крепостные, прикрепленные к земле. Поскольку социализм стал потом новым вариантом феодального абсолютизма, он крепил имперскую традицию. Но Империей, покорившей много народов, официально правил один народ, первый среди равных. Однако, не весь целиком, а его высший слой. Но сил держать ее, при всем прочем, было мало. При Ельцине Россия объявила себя федерацией 89 субъектов, создала Совет федерации, куда по положению вошли главы «субъектов». Но сами субъекты в большинстве были чисто номинальными, и Путин запросто возродил централизованную имперскую вертикаль. Говорили, что СССР распался потому, что не мешал экономическому и культурному развитию нерусских окраин и стран «народной демократии», не русифицировал их, не ограничивал законодательно права нерусского населения. И что был, вообще, не империей, и все люди в СССР были равны.

Читая все такое и помня, что фактически люди не были равны (на то и анкеты, и внутренние паспорта и прописка), диву даешься. Ведь русификация шла активно, - в автономных республиках преподавание с первого класса ныне идет на русском языке. Если сложились советские национальные элиты и как-то развивалось хозяйство в республиках, так ведь иначе земли было бы не удержать. Большинство империй, не только наши, но еще и Македонская и Римская, опирались на местных людей, готовых им служить и часто верно служивших. А ссылки на то, что наше неравенство народов не было законодательно оформлено, лишь выдают непонимание природы советского строя, жившего не правом, а волей партии, не законами, а указаниями. И разве нет разницы меж Пиночетом, давившим свою страну, не входя в этнические проблемы, и Милошевичем, чтобы укрепить свою мини-империю, убивавшим и изгонявшим хорватов, боснийцев и албанцев?

Беда не просто в забывчивости. Имперская структура не сводится к ущемлению покоренных народов. В ней есть другая сторона, разглядеть которую можно на чужих примерах. В Британской империи, например, первыми впали в «сепаратизм» тринадцать ее американских колоний, провозгласивших себя Соединенными Штатами (то есть государствами) Америки. Их отделение сопровождалось гражданской войной в самих новых государствах. Но причины разрыва с Англией, были не этнические, - жители тринадцати колоний сами большей частью были англоговорящими, - а экономические. Потом откололись Канада, Австралия, Новая Зеландия. Были империи терпевшие «сепаратизм», ценившие языки и традиции, но превыше всего - полноправную жизнь.

Говоря об угнетении народов России национальным колониальным противопоставляют русскую землю, как метрополию, поскольку русские солдаты наводили порядок и в Вильнюсе, и в Баку, и в Афганистане, и в Чечне. Конечно, не все русские такого хотели, но их протест был слишком слаб, чтобы угнетенные обособились от царской, имперской воли. Но заслонясь русофобией, трудно угледеть, где в нашей империи была

реальная метрополия. В буржуазной Британской так именовали Соединенное королевство, хоть и там не вполне было ясно, включать ли в метрополию Ирландию, да и Шотландию и Уэльс, и правомерно ли свести ее к собственно Англии. А в нашем феодальном царстве еще сложнее. Из 89ти субъектов Российской Федерации не русских -- менее четверти, а большинство - заведомо несамостоятельные мелкие русские области, неспособные противиться Москве, как раз и ставшей вместе с такими же «субъектами», официальной метрополией. Дело не в этнической разнородности самого русского народа, на западе больше удержавшего от славянских предков, а чем восточнее, все больше состоящего из потомков русифицированных народов и даже других рас, еще в старой России насильственно крещенных и объявленных русскими.

Многим областям России-- административным субъектам федерации себя и не прокормить, и они зависят от подаяний Москвы. Да они и не обладают внутри себя особой общностью, кроме административной. И даже хозяйственные связи разных «субъектов», как в СССР разных республик, задавала Москва, ведшая централизованное внеэкономическое хозяйство, не считающееся с местными интересами и возможностями, не говоря об исторических связях и традициях. Вот и выходит, что не только национальные республики, но и большая часть русских земель -- колонии империи. Конечно, русскому жителю Приморья, получившему московскую прописку, в отличие от азербайджанца или чеченца, не предложат на улице обратиться к себе, но Приморье с живущими там останется колонией.

Жаль не того, что СССР, каким он был, распался, а того, что советское руководство сознательно пресекало равноправие республик, пренебрегая даже нормами, установленными при создании Союза. А это и мешало взаимовыгоде отношений, и даже в Питере возбуждало желание отделиться от России. Советский Союз, больше объединяла единая военная сила, чем хозяйственная или культурная. Потому и распад стал неминуем, и можно лишь радоваться, что прошел мирно. Он наступил не в декабре 1991, а предрешен всей политикой Коммунистической партии Советского Союза, Сталина, Хрущева и Брежнева. Все могло быть иначе, но для этого жить надо было иначе

Распада России могло не быть. Но его взрастила имперская структура, подмявшая формально федеративную, которую должны бы подпирать реальные, а не номинальные субъекты. Чтобы они стали полноценными субъектами федерации, национальным республикам надо вернуть отрезанные Сталиным территории их народов. Но еще сложнее сбереечь единство русским краям и областям. Им бы надо объединиться в двенадцать-пятнадцать крупных образований, обладающих экономической и культурной общностью, способных себя обеспечить и заинтересованных в повседневных экономических и культурных связях с другими подобными образованиями и, тем самым, в цельности России, а не просто послушании Москве. Полнокровные субъекты Федеративной республики Германии укрепляют, а не подрывают ее единство.

Конечно, новые русские «субъекты» должны управляться не комиссарами президента. Им надобны демократические порядки, экономическая свобода, и взаимные «сдержки и противовесы» представительного собрания, губернатора и суда. Лишь став самоуправляемыми на деле, «субъекты» станут субъектами, а федеральной власти останется забота об общем законодательстве страны, финансах, обороне и внешней политике. Выйдя из колониального подчинения крупные субъекты Российской Федерации, соревнуясь, послужат развитию и процветанию страны, а тогда пребывание в ее составе и для национальных «субъектов» сможет стать не вынужденным внешнеэкономически, а отвечающим интересам их граждан. Чтобы не быть империей надо быть добровольным сообществом. Иначе неминуема империя, и в свой час -- ее развал.

НОВОЕ ПЛАТЬЕ ТОТАЛИТАРИЗМА

Убив царя, отменившего крепостное право, русские народовольцы, нанесли тяжкий удар крестьянству, сбили страну с замаячившего пути к социальному компромиссу, который отвергли едва ли не все русские цари, кроме убитого. Но народовольцы верили, что убийство вынудит преемника перейти к демократии, и другого способа добиться этого не знали. Когда в Америке террорист убил президента США Д.Гарфилда, «Народная воля» заявила: «В стране, где свобода личности дает возможность честной идейной борьбы, политическое убийство, как средство борьбы, есть проявление того же духа деспотизма, уничтожение которого в России мы ставим своей задачей». Между тем, именно «дух деспотизма» учил террористов убивать отнюдь не только сидевших на троне.

К террору толкали не одни лишь таившиеся в подполье террористы, но и возглавившие государства, – Ленин, Гитлер, Сталин, Мао, Пол Пот. Мало того, что они убили десятки миллионов, -- они ввели в принцип убийство невиновных. Конечно, убитых винили в принадлежности к плохому классу, плохой расе, плохой религии, плохой нации, плохой профессии, плохой кампании, плохой семье. Но не видели нужды определить личную вину конкретного человека, и убивали малых детей, не отвечающих за свои поступки и, тем паче, за происхождение.

В правящих убийцах не просто злоба возбуждала страсть убивать невинных. Они ощущали себя богами, хотели сделать мир «правильным», сообразным их учению, и убивали казавшихся непригодными своему иллюзорному миру. Если еще в XIX веке, даже считая, другого человека «чужим» и хуже «своих», делали хотя бы вид, что проявляют терпимость и милосердие, то новый век такого избегал. Он взял девиз: бей другого! Не важно, кто этот «другой», русский крестьянин, еврейский интеллигент или тибетский лама. Других убивали как бы ради своих. Не удивительно что так убивали не только Сталин и Гитлер, но потом и воины бин Ладена.

Дважды в XX веке, устояв под напором тоталитаризма, демократия еще дивилась его натиску. На Западе многие верили, что большевизм -

воплощение справедливости, а если не все убийства казались справедливыми, их списывали на «русское варварство». Немецкий национал-социализм был откровенней русского, но все же прилагался к людям другой расы. Запад удивился двухлетней близости немцев и русских. СССР, вынужденный сопротивляться нападению Германии, стал даже союзником Запада и с его попустительством отхватил пол Европы. Советское внеэкономическое хозяйство тормозило гонку вооружений, но, слава богу, холодная война не перешла тогда в горячую.

Ныне крушение Советского Союза и высвобождение Восточной Европы побудили Запад забыть недавнюю угрозу. Либеральная демократия в ее западном понимании поныне чужда большинству планеты, живущей внеэкономически. Но распад СССР, внушавшего Западу страх, побудил его верить, что врагов больше нет. Твердили, что Америка сочиняет себе врагов. 11 сентября выяснилось, что враги, увы, есть, но Америка, не поняв, кто они и где, не доискавшись инициаторов и заказчиков, ограничилась укрывателями и сообщниками.

А враги не с неба свалились. Заемный технический прогресс издавна подпирал феодальную реакцию и деспотизм. Начало этому положил еще царь Петр, усугубивший крепостничество европейской техникой. Перезревший поворот к освобождению крестьян, оставил их, однако, безземельными и скованными общиной, и на деле не состоялся. Ленин усугубляя внеэкономические порядки, подал пример остальному человечеству. Экономической западной модели следовали немногие, хотя ее плоды, вроде противоспаечной вакцины Э.Дженнера, перенимали. Но из стран, спасенных западной медициной от пандемий и массовой смертности, на Запад слали сибирскую язву. Глобализация была разной.

Она не была нова. Ее вели еще Тиглатпаласар и Навуходоносор. И Александр Македонский. И древняя Римская империя и Священная Римская империя германской нации. И арабские халифы и Чингис-хан, и Испания (с Португалией), и Британия, и Россия. Ради нее по призыву коммунистов соединялись пролетарии всех стран. За мировое господство воевали национал-социалисты. Вплоть до глобализации сибирской язвы, все это были силовые, внеэкономические меры. Вот почитатели таких глобализаций и бранят глобализацию экономическую, складывающуюся ныне. Не то, что запад ее ведет безупречно, не сбиваясь на силовые пути. На такие бы сбои и указывать! Но происходит обратное: пропагандируют право на силовые действия против экономического порядка. Простые палестинцы открыто ликовали 11 сентября, а русские, опять же не официально, говорили: «Америку не жалко». Даже право на ответный удар за ней не признают, хоть евангельский ответ, увы, не эффективен. История показала, что в ходе развития глобализация неизбежна. Спорят -- какая? Америка, не знавшая феодализма, обнаружила, что экономическая.

Но не только там сообразили, что это условие развития. Мустафа Кемаль провел буржуазную революцию в исламской Турции, а после войны и далекая Япония завела экономический порядок, влекший ее с

середины XIX века. Противостояние цивилизаций, которым пугает Сэмюэл Хантингтон, растет лишь оттого, что под их покровом противостоят социальные системы. Новый внеэкономический феодализм, назвавшись социализмом и разжившись чужим техническим прогрессом, потому и жаждет погубить мир, где набрался передовой техники, что не мог обогнать свободных людей, а государство такого социализма само решало, давал ли людям свободу, которую оно ненавидело.

Вот на смену старому феодальному деспотизму в разных концах земли и пошел вместо свободы новый деспотизм, шли силовые режимы, возрождавшие крепостное право и даже рабство. Новый феодализм строил хозяйство не на выгоде, а на принуждении. Почти весь XX век прошел в борьбе меж экономическим миром, еще не вполне благополучным, и социалистическими диктатурами. Гитлеровская Германия следовала поперечным социализмом традициям феодальной реакции, прусской и австрийской. Сталинская Россия, приведя социалистический лагерь в соответствие с традициями самодержавия, более полвека держала планету в напряженном ожидании упреждающего удара. Если западная часть Германии после поражения вросла в экономический мир, то Россия и после распада СССР все еще живет внеэкономически.

У нас идут споры, кто лучше, царь Николай или Ленин со Сталиным, словно у белого и красного самодержавия не было общих противников, вроде В.Короленко или Г.Федотова. И за Саудовскую Аравию тоже говорят либо принцы, либо бин-Ладен, а другим арабам заткнуты рты и заморочены головы. А социальная природа Чингиз-хана не меняется от того, что он обрел самолеты и компьютеры и зовет себя социалистом. Если Россия, самая развитая из «развивающихся стран», родина Лобачевского, Менделеева, Павлова, Вавилова, Колмогорова, Сахарова, по сей день всерьез не перешла к экономическим отношениям, трудно осуждать исламские страны, бедные или живущие лишь нефтью, за старорежимные нравы. «Дух деспотизма» растет не из священных книг, будь то Коран Муххамеда или «Капитал» Маркса, а из социальных тупиков, из непризнания различий в плодородности разных общественных начал.

Из того, что люди должны быть равны в правах, никак не следует, что цивилизации, к которым они принадлежат, равноценны, и замечательный шаман племени мумбо-юмбо -- не хуже Шекспира. Уверения эти -- глубоко расистские, поскольку отрицают пользу бедным племенам от знакомства с Шекспиром и другими открытиями европейской культуры. Но, еще больше, чем сам по себе, этот расизм опасен общим отвержением развития. Конечно, цивилизации, отличные от западной, не обязаны ей следовать, и пусть бы не следовали, но технотронная жизнь, включая вакцины, выросла на почве западно-европейской цивилизации с ее Шекспирами, психологическим романом и вниманием к отдельному человеку, обладающему правами и отвечающему за себя.

Не то что европейцы умнее или даровитей других. Ничего подобного. Но в их цивилизации утвердились экономические отношения, позволившие

наладить массовое производство и обмен, создать мир, знающий счет ценностям, и потому обогнавший внеэкономический мир в массовом уровне жизни и человеческих правах. В странах, перенявших у Запада только технические открытия, плоды достаются лишь властным и богатым. А потратив арабские страны нефтяные миллиарды на переход к экономическому хозяйству и демократическому порядку, они были бы среди самых благополучных. Вкладывая Палестинская Автономия текущие к ней деньги не в оружие, а в развитие, она за минувшие восемь лет стала бы мирным независимым государством, соперничающим, но и сотрудничающим, с Израилем. Однако, у арабов, как и у нас, бунтари перещеголяли в деспотизме прежних деспотов.

Бин Ладен выразил их цели яснее всех, потребовав, чтобы европейцы и американцы ушли с Аравийского полуострова, но ни арабов, ни, вообще, мусульман, не призывая уйти из Европы и Америки. Шли бурные демонстрации по поводу гибели афганцев от американских налетов, горечь которой трудно не разделять. Но в большинстве стран, скорбя о сотнях неповинных афганцев, не скорбели о тысячах неповинных американцев, и подобных демонстраций там не было. Вот карты и раскрыты. А нужен единый счет, позволяющий арабам жить в Вашингтоне, а американцам в Багдаде, и нельзя убивать людей ни за то, что они американцы, даже евреи, ни за то, что они арабы или афганцы. А выходит, свой счет для своих и смерть другим!

Мракобесы-талибы хотя бы честнее прочих, они хотят сами вернуться и вернуть свой народ к первобытной бедности и дикости, коль скоро народ это терпит, пока не дошло до оспы и чумы. Но и желая богатства, феодальные и социалистические режимы не способны существовать на экономических началах. Поэтому во власти или с ее молчаливого согласия там растут, а где уже и выросли, новые Гитлеры и Сталины. Философия и стратегия у них прежние. А тактика, понятно, другая, и террор им сподручней танковой и даже ракетной атаки.

Ныне торжествует патерналистское сознание, уверенность, что работающая Америка и, вообще, Запад, должны заботиться о бедных странах больше, чем те сами заботятся о себе. Разумеется, тем, чье хозяйство неразвито, стоит помочь его наладить и войти в экономический мир, но как глядеть на голодных иракских детей, демонстрируемых на телеэкранах, сопроводительные тексты которых умалчивают, что в страданиях этих детей виновен не Запад, а их родители, поддерживающие диктатуру Саддама, тратящего деньги не на детей, а на войну, то против Ирана, то против курдов, то против Кувейта.

Не один Ирак обрел опору силовому порядку в природных богатствах. Надежда обойтись ими, без внутренних экономических отношений, сковала многих. Для России газовое, нефтяное и прочее подземное изобилие стало проклятием, отведшим ей роль сырьевого придатка развитых стран, лишь в оружии ищущего опору величии. А не будь экономические отношения

сдавлены всевластным государством, талантливый и образованный народ обеспечил бы России место среди самых развитых стран и жил бы богато

Чтобы одолеть новую волну тоталитаризма надо осознать, что ее подъем – не случайность, что новый феодализм не был разрушен ни в 1945 с рейхстагом, ни в 1989 с берлинской стеной. Новыми Мюнхенами и Ялтами от него не откупиться. Мир по-прежнему расколот, но его раскол все еще понимают как чисто политический. Одни поныне верят, что Европа и Америка так и будут богаче остальных, хоть это возможно лишь если они, сохраняя первенство в науке и технике, дадут отпор новому средневековью. Другие, даром что зовутся антиглобалистами, на деле тоже хотят единства глобуса, но такого, при котором развитые страны будут отдавать свои заработки на прокорм и вооружение своих могильщиков. А дело не за дележкой, но за переходом в экономический мир, где обмениваются плодами своих рук и умов, а от бедности избавляет не подавание, а труд, но не принудительный, а сознательный, рождаемый чувством ответственности за себя и своих близких.

Самое пагубное - позволить властям уклоняться от экономических норм. Западу надо поощрять переходы других стран к экономическому образу жизни, то есть к созданию ценностей, а не проеданию подаваний, которые странном образом перепадают и без того богатым, а нищие не выходят из нищеты. Надо поддерживать лишь страны, дорожащие экономической свободой и демократией. Надо помогать конкретным людям, попавшим в беду и силящимся ее одолеть, а не коррумпированным правительствам их стран. Если бы ликовавшие при виде упавших башен палестинцы допускали, что обедневшая Америка не станет их подкармливать, и каждому из них будет жить хуже, не исключено, что переменились бы их чувства.

Говорят, фанатиков не переубедить. Но иррациональность присуща не народам, не культурам, даже не религиям в их бытовом бытии, а тоталитарному сознанию. Иррациональные печи Освенцима создала страна великих философов. Однако не гений нового Канта, а союзные армии вынудили национал-социалистов заметать следы. Протрезвеют и нынешние иррационалисты, ощутив, что «другая ланита» не подставлена, а ответ неодолим.

Америка растерялась потому, что не ждала атаки, не видела, откуда ее ждать и не готовила ответа. Наивному Бушу кажется, что на его страну напала, пусть не горстка, но банда преступников, и, сговорившись с «хорошими парнями», Блэром, Путиным, Шредером и Цзян Цзи-мином, он с преступниками сладит. А это не горстка, не банда, а тоталитарное движение, «дух деспотизма», не слабей национал-социалистического и коммунистического. Оно уже процветает, как в фундаменталистском, так и в социалистическом (БААС) обличье. Гляньте в лицо террористу Атте, взорвавшему первую башню ВТЦ, - он пострашней и Гиммлера и Ежова! Но ни Буш, ни Америка, ни Европа, глядеть на лицо нового тоталитаризма не спешат и даже после 11 сентября закрывают глаза на то, что все до

одного террористы были арабы, и в авангарде нового тоталитаризма арабские страны, - не одни Ирак или Сирия, но и Саудовская Аравия.

Это, понятно, не повод счесть убийцами всех арабов и учинять арабские погромы, как неверно было бы считать убийцами всех немцев или всех русских. Но и пренебрегать социальной географией странно. А терроризм сводят к бин-Ладену и его прямым сообщникам, хотя у тоталитарного движения в запасе толпы вождей. Урок 11 сентября велит не просто опять покончить с одним, вступая в союз с другими, а осознать угрозу нового феодализма, нового тоталитаризма, не только исламского, не только арабского. Пробы силой упразднить «других», под каким флагом и кто бы их ни свершил, нельзя спускать ради минутных выгод «реальной политики».

Мирные люди не хотят новой холодной войны, они не хотели и былой, но, коль скоро Сталин ее начал, не отвечать означало сдаться, жить при тоталитаризме. Мирные люди не хотят новой горячей войны, они не хотели и былой, но, коль скоро Гитлер ее начал, не отвечать означало сдаться, жить при тоталитаризме. Франция сдалась, и спасла ее Америка. По Фрейду это верный повод ее возненавидеть. Аналогично поведение левых, после 1917 года трагично вырождавшихся в певцов тоталитаризма. В годы холодной войны еще не все левые воспевали Гулаг, иные твердо стояли против фашизма, коммунизма и национал-социализма. Ныне левые выгораживают бин-Ладена, хоть и предпочли бы правый тоталитаризм не под зеленым исламским, но под привычным красным соусом, обращающим к обанкротившейся утопии.

Ныне тоталитаризм начал с Америки, но это не значит, что он не хочет водрузить свое знамя и на Эйфелеву башню. Если нынешние либеральные власти США не совладают с агрессией, нельзя исключить, что пафос самозащиты и Америку толкнет к тоталитаризму, и больше она спасать Европу не будет. После клинтоновщины американцы не сумели встретить удар и порой действовали недалековидно. Но критикуя их просчеты, стоит помнить, что опасность опять грозит не им одним.

ПОВТОРЕНИЕ ПРОЙДЕННОГО

К концу века началась вторая чеченская война. Впрочем, почему вторая? Разве не было Ермолова? И князя Барятинского? И генерала Серова? Воюем с чеченцами почти двести лет, убиваем пачками, выселяем поголовно, а они еще составляют в Чечне 85-процентное большинство. Мало охотников там жить, места небогатые, если не считать нефти. Живут в нищете. Но не покорн старшему брату. Уже бы покорились, перестань он бомбы кидать, но брат не таков, сперва покоритесь, потом подумаем.

Проиграв предыдущую войну, вроде подумали, подписали Хасавюртовские соглашения, президент России встретился в Кремле с президентом Чечни, получившим явное большинство на выборах. В мае 1997

подписали договор о мире и принципах взаимоотношений. А теперь мы передумали, мало ли соглашений мы заключали, но не выполняем, и не считаем чеченского президента -- президентом. Наши начальники не ощущают себя связанными предыдущими государственными соглашениями. Не только Путин не отвечает по обязательствам Черномырдина или даже Степашина, но и Ельцин не отвечает за подпись Ельцина. Передумали и весь сказ. Патриоты любят напирать на особенности нашей державы, а главная особенность – право передумать. Заключили с американцами договор ОСВ – 2, они его ратифицировали, а мы передумали. Пусть Клинтон, Олбрайт, Тэлбот, уверявшие соглаждан, что с Россией договорились, потом вернутся. Лишь бы покамест денег побольше дали. Прошлый раз войну с Чечней вели от имени чеченцев. Воскрес даже первый Секретарь Чеченского обкома товарищ Завгаев и другие товарищи. Теперь пошли открыто и объявляем, что чеченцы, - как нельзя более кстати, - взорвали две девятиэтажки в Москве. Не имея доказательств, что это сделали чеченцы, не торопясь карать реальных преступников, чеченцы они, русские, татары или евреи, наши власти хотят проучить чеченцев, пусть дома и не взрывававших.

Не бывает войн, имеющих лишь внешние причины. С внутренними на сей раз ясно. Не в том цель, чтобы сорвать выборы, можно и провести, но нужен порядок, а где порядок тверже, чем в тылу во время войны. Брошен клич: не давать слова пособникам чеченцев, взрывающих наши дома! Вот и будут свободные выборы, проголосуем сердцем, как нынче 90% москвичей сердцем требуют выселять из столицы непрописанных, даром, что прописка по закону упразднена, а регистрация должна носить чисто уведомительный характер. Пусть я обязан известить Лужкова, если приеду, хоть эта обязанность сомнительна, поскольку введена московским, а не общероссийским законом, но Лужков и его уполномоченные не вправе мне запрещать или разрешать прописку в столице моей страны на столько времени, сколько мне нужно. Для российских граждан Москва – столица или заграница? А с Конституцией повторная регистрация и вовсе не вяжется. В Москве бы и восстановить конституционный порядок. Ан нет, нелегитимным сочтен не Лужков, а Масхадов! Не то что чеченцы, даже и не взрывающие домов, святые. Если московские взрывы на них взвалили голословно, то поход Басаева в Дагестан не мог не вызвать противодействия и в России, и в самом Дагестане. Только не надо наводить тень на ясный день, и валить вину одного или даже сотни чеченцев на сотни тысяч. Ситуация в Дагестане не проста, его нынешнее руководство не пользуется всеобщим уважением, и там, возможно, зреет гражданская война. Но не дело Басаева эту войну форсировать и нести народам Дагестана свет ислама, как было не дело Че Гевары форсировать гражданскую войну в Боливии и нести ее народу свет социализма. Пусть люди разбираются сами и сами выбирают свое счастье.

Но Москва чурается столь простого взгляда не только потому, что поныне ценимое нашей властью в коммунисте Геваре не дозволено мусульманину Басаеву. Куда важей, что Фидель на наши средства активно поддерживал Че Гевару, а Масхадов поход Басаева в Дагестан отнюдь не одобрял и не поддерживал. Но нас как-то беспокоит именно Масхадов, олицетворяющий

самостоятельность Чечни. В подготовке таких, как Басаев, партизан-интернационалистов и террористов (хотя бы знаменитого Карлоса) у нас огромные успехи, и в наших силовых органах вполне сознают, что для выдворения Басаева из Дагестана (если у него там нет сильной поддержки) нужны были не войсковые части и не бомбежки, а профессиональное спецсоединение, какие у нас есть. И с взрывами в Москве не армии разбираться. Но затеяли-то опять бомбежки и убийства мирных людей, - у соседей Чечни уже десятки тысяч беженцев. Наивно думать, что это наперед не просчитано. Стало быть, не во взрывах в Москве и не в басаевском рейде дело, они – повод, а причина в том, что при авторитарной центральной власти пора каждому знать свое место.

Где же место чеченцев, а точнее Чечни, коль скоро люди не живут непременно там, где родились их прадеды? Больше миллиона русских живет в Штатах, чуть не миллион немцев жил в России, - не одни евреи разбросаны по свету. И если московских чеченцев сегодня преследуют, пусть даже за неоспоримо преступные похищения людей в Чечне, словно это они виновны в совершаемом совсем другими людьми того же происхождения деле, - это и есть фашизм, уже не грозящий, а реальный. В СССР Чечне отвели место, с которого потом всех чеченцев выселили. Те, кто выселял, возможно, забыли, но чеченцы помнят, --как евреи помнят, если не рабство египетское, то Трешлинку. При развале СССР не одни чеченцы захотели жить по-иному. Когда Россия принимала новую Конституцию, Чечня – единственный из предложенных субъектов нового государства, -- за нее не голосовала, то есть, отвергла предписанный Конституцией порядок. Его нельзя поэтому в Чечне восстановить, можно лишь силой установить. По какому праву мы норовим это сделать вопреки четко выраженной воле народа, составляющего там большинство? Как потомки завоевателей, зверства которых запечатлели еще Лермонтов и Лев Толстой? Или по традиции КГБ (лишь переименованного в ФСБ), депортировавшего чеченцев? Чечня – не Россия, как Алжир – не Франция. Там тоже шуровали генералы, то и дело уверявшие, что вот-вот победят, но был генерал де Голль, прошедший войну с Гитлером, и видевший, что в Алжире французские солдаты воюют против Франции, и покончивший с бессмысленной войной. А наши генералы до Чечни были в Афганистане.

Поймет ли у нас кто-нибудь, что русские солдаты в Чечне воюют против России? Никто в свое время не хотел понимать, что наши солдаты, входили в 1968 году в Прагу, чтобы остановить в Москве движение, которое в 1985 все равно возродилось, только в худших условиях. Войну в Чечне потому и возобновляют, что это не тактическая мелочь, предназначенная свернуть выборы или отвлечь от коррупции и отмывания денег. Она – дело стратегии и призвана преодолеть поворот к демократии, скукоживающийся по мере возвышения Ельцина, еще не вовсе утратившего былой ореол, пленявший людей в вольных разговорах меж собой, но уже не похватываемый ни телевидением, ни газетами. Если сегодня выселяют из Москвы чеченцев, завтра ничто не помешает выселить любую другую категорию людей, национальную или социальную. Большинство жителей Москвы, поддерживающих такое, к сожалению, забыло, что стоит лишь начать. Вот

и надо помнить. Как учил раби Гилель, не делай другому того, чего не хочешь, чтобы делали тебе. Я бы написал эту заповедь везде, где прежде писали «пролетарии всех стран, соединяйтесь». Сегодня 50% жителей России поддерживают бомбежки Чечни, считая ее при этом частью России, то есть пролетарии одной страны не хотят выпустить из подчинения пролетариев другой.

Но и капиталисты не плошают. Пока разворачивалась новая война, господин Камдессю подтвердил, что подкинет России денег. Сосчитав стоимость каждого вылета на бомбометание, помножив на примерно 65 самолетовылетов в день, а потом на дни бомбежек, получаем круглую сумму и убеждаемся, что без помощи МВФ война была бы невозможна, равно как без поддержки господина Клинтона и его сотрудников. Если бы я не был уверен, что КГБ слишком серьезная организация, чтобы привлекать к своей работе такого бойкого, но ненадежного субъекта, как нынешний американский президент, я бы подумал, что его политику направляют умелой рукой. Но есть вещи более опасные, чем «рука Москвы». Это равнодушие к судьбе собственной страны и к деньгам американских налогоплательщиков. Они, конечно, готовы оплатить вакцину, которая спасет русских детей от инфекционных болезней, но едва ли готовы оплачивать убийства чеченских детей российскими бомбами. А в том, что их бросают, виноват не только российский, но не в меньшей мере и американский президент, ставший на сторону сильного против слабого. Клинтон и Олбрайт не могут объяснить, почему они спасают албанцев от Милошевича, и не спасают чеченцев от Ельцина. У Милошевича, конечно, нет армии, способной, вопреки всей болтовне, нанести ответный смертельный удар, которая есть у Ельцина. Но и против Милошевича не пришлось бы применять военную силу, если бы Клинтон прежде ему не потакал, изображая его балканским миротворцем. Военное вмешательство в чеченскую проблему стало бы безумием. Но не меньшее безумие повторять, что это внутреннее дело России.

Такой формулой Олбрайт, Холбрук и Тэлбот внушили Сербии, что убийства в Косове, (а Индонезии, что убийства в Тиморе), - их внутренние дела. Сегодня за продолжение насилия на Тиморе американцы грозят Индонезии прекращением отношений, но упорно помогают России, закрывая глаза на геноцид и этнические чистки и даже признавая их. Есть ли лучшие примеры двойной морали? Вот и не стоит цинизм москвичей, на слово верящих, что террористы это чеченцы, и тут же распространяющих недоказанную вину на всех чеченцев подряд, объяснять национальной ментальностью. Ведь остальной мир согласился, что нам все дозволено, и не беспокоится о правах человека «кавказской национальности».

КАКОЕ АРАБСКОЕ ГОСУДАРСТВО?

Французское предложение создать палестинское государство без признанных границ, то есть потенциально вобравшим в себя Израиль, и лишь затем вести переговоры с евреями, обнажило европейскую позицию. Раньше только Лондон, потерявший Ближний Восток, раздражался от

самого факта существования Израиля. Париж, воевавший с арабами, еще вел себя иначе. Тем более иначе вел себя Бонн, помнивший, что именно по инициативе Германии еврейское государство из необязательной мечты стало настоящей необходимостью для не успевших сгореть и опасющихся новых печей. Ныне и дело Дрейфуса, и сдача французских евреев немецким властям, и сам Холокост – давняя история, которую вспоминают неохотно. Поскольку теперь мирных евреев убивают не немцы и не французы, но арабы, решено, что совесть великих наций чиста.

Между тем, евреям и арабам впрямь необходимо разделиться. Вооруженные ответы Израиля на ежедневные убийства оправданы тем, что не отвечать на террор означает его поощрять. Но террор они не останавливают. А большинство евреев снова стать жертвами газовых камер или еще более передовой техники не готово. Но нельзя найти выход, забыв, что завело в тупик. Ответ вроде на языке, - «мир» в Осло, по которому, - не на бумаге, а на практике, - убийство еврея сочтено шагом к миру, а ответное убийство шагом к войне. Так решили европейские, да и американские политики.

Но думать следует не только о пороках такого «мира», а, еще настоящей, о том, что привело к самой мысли об отдельном мире меж Израилем и частью арабского народа, проживающей на «территориях». Утвердилось представление будто враждуют лишь палестинские евреи и палестинские арабы, - первые оккупировали вторых, а те, естественно, борются за свободу. На деле, однако, все почти наоборот. Не Израиль вздумал уничтожить арабов, а арабские страны уничтожить Израиль. Они проиграли начатую ими войну, но от воинственности не отказались и готовили новую. Лишь после их новой неудача, заселенная арабами часть Палестины попала под управление Израиля. Арабские страны отделались легким испугом. Некоторые, как Египет, а потом Иордания, со временем даже наладили с Израилем дипломатические отношения. От арабской агрессии пострадали одни палестинцы, оставшиеся под властью Израиля, что, понятно, не кажется им справедливым.

Ведь агрессорами были не палестинцы, а объединившиеся арабские государства. Это они 15 мая 1948 года, по истечении британского мандата, отмененного ноябрьской резолюцией ООН кинулись на Израиль. Они не считали себя связанными этой резолюцией, поделившей часть управляемой Британией подмандатной территории еще на две части. Да и в ООН не вспомнили, что мандат на территории к востоку от Иордана Британия получала как часть своего мандата на управление собственно Палестиной. Об этом не напомнил и Андрей Громыко, вдруг выступивший инициатором раздела Палестины, - СССР, как вскоре прояснилось, хотел создать не еврейское государство, а распрю меж Англией и Америкой, которая не разгорелась лишь в силу нарастания советской угрозы. А ООН, принимая решение о создании еврейского государства, должна бы, определив его земли, пусть те же самые, присоединить остальные, населенные арабами, не искавшими отдельной государственности, к Иордании, прежде тоже подмандатной Британии. Но арабские государства

и без ООН признали за собой право двадцать лет управлять этими землями. Взаимоотношения там складывались разные, но ни особого палестинского государства, ни автономии, не создавали.

Речь о них зашла, когда эти земли в ходе обороны Израиля попали под его власть. И израильское руководство, в поисках мира приняв ооновскую логику, отправилось в Осло закладывать основы Палестинского государства, хотя не нужна была особая мудрость, чтобы понять, что мир Израиль может обрести только в Аммане, то есть возвратив Иорданию «территории», управлявшиеся ею прежде, оставив их на ее ответственности. Это было, разумеется, не просто, попытки Голды Меир хотя бы наладить отношения с Иорданией к успеху не привели. Но надлежало и дальше его добиваться, поскольку он давал надежду, а соглашения в Осло, как подтвердили восемь лет, - никакой. Лишь ухудшают и ухудшают положение.

Да иначе и быть не может! Израиль стал государством лишь потому, что изначально, создавая на еще подмандатной земле кибуцы, налаживал собственное хозяйство. Он, конечно, получал помощь на оборону, но и мировое еврейство, и возмещения за разграбленное еврейское имущество, и прямые субсидии, прежде всего, американские, и воля самих израильтян создали его хозяйство. А организации палестинских арабов военную помощь тоже получали, но помощь на мирное развитие была с ней несопоставима, да и та, так или иначе, оборачивалась военной. Вот Израиль и обрел экономическое лицо, а палестинская автономия никакого, а оно для самостоятельного государства – первое дело.

Но, опять же, не сами палестинцы тут виноваты. Такого хотят феодальные и социалистические страны Переднего Востока, в реальности по-прежнему ведущие войну против Израиля - не только Ирак, но и Саудовская Аравия, щедро оплачивающая ежедневные убийства евреев. И еще, конечно, Иран, что обнажает социальную, а вовсе не национально-религиозную подкладку полувековой антиизраильской войны. Эти силы ничего не делают, чтобы наладить хозяйство палестинцев, но и сотрудничать ради этого с Израилем не велят. Они вполне сознательно создают ситуацию, способную вызывать у людей только отчаяние, которое толкает к самым нелепым шагам. Это как раз и нужно феодально-социалистическому тоталитаризму, видящему Палестину оплотом борьбы против свободного мира.

Европейцы не хотят признать, что Израиль, нравится он им или не нравится, - это пограничье, отделяющее свободный экономический мир от тоталитарного. Некогда они точно так же не хотели признать такое место за Чехословакией и отдали ее на закланье. Американцы тоже, даже после 11 сентября, не понимают, что Арафат, уверяющий их в своем миролюбии, и бин-Ладен - близнецы-братья. И, увы, израильское руководство, тоже от этого отвлекается. Даже Шарон, вроде усвоивший, что ни единому слову Арафата верить нельзя, не спешит сказать, что эта постоянная ложь - плод не просто характера Арафата, но ложности самой идеи. Если арабы откажутся от уничтожения Израиля, он, конечно, должен отдать земли. заселенные арабами, арабскому государству. Но им, как показал

восьмилетний опыт, не может стать террористическое государство Арафата. Это по-прежнему только Иордания. Разве что в Газе стоит спросить, не предпочтут ли жители власть Египта. И, разумеется, поселенцам придется решать, оставаться ли им еврейскими жителями арабской страны на тех началах, на каких арабы живут в Израиле. Не уверенным, что такое будет обеспечено, надо будет помогать в репатриации.

Дело тут не только за волшебным словом. Помимо конкретизации условий безопасности, уточнения границ, и, может быть, по-началу даже особых мер по их укреплению, понадобится немалая помощь Иордании на развитие хозяйства возвращаемых земель, пятьдесят лет лишь разрушавшегося, более всего отнюдь не Израилем. Но другой надежды нет. Выбор меж благополучной жизнью в арабской Иордании и постоянным жительство на базе террористов, непрерывно совершающих свои вылазки и навлекающих ответные удары, как раз и мог бы избавить палестинских арабов от отчаянья. Выбор меж шейхом Ясином с глядящими ему в рот убийцами и Арафатом с его террористами, - не выбор, поскольку оба делают одно и то же. Ясин лишь не рядится миротворцем.

Обоим удастся вести людей за собой, поскольку то Перес, то Барак, то Бург дают повод думать, что евреи готовы сдаться. Еще немножко нажать, и сдадутся. Взорвать еще одну свадьбу, пожертвовать еще одной арабской девушкой, чтобы убить старого еврея. Поднажать, и разбегутся, и никакого Израиля не станет. Но в этом еврейским политикам напрасно верят. Израиль, как варшавское гетто, быть может, погибнет, но не капитулирует, почему он и выбрал Шарона. А погубить Израиль, в отличие от варшавского гетто, удастся только оружием массового уничтожения. Наивно предполагать, что после арабской ядерной атаки, даже не загадывая способен ли Израиль к адекватному ответу, на «территориях» будет возможна жизнь. Понимание этого побудит палестинцев правильно выбрать, если выбор появится. Но Европа и Америка, настаивая, что палестинское государство – единственная возможность мира, лишают их выбора. А от Израиля требуют пожертвовать своей безопасностью и легализовать террористическую базу, наперед практически отказывающую ему в праве на существование. Не лучше ли вернуть земли, населенные арабами, самой мирной из соседних арабских стран?

Улыбки и рукопожатия бесплодны, если не вернуться к исходной точке, где сделана ошибка. Даже не к резолюции ООН, но к положению, которое просуществовало после нее двадцать лет, чтобы изменить его с учетом опыта последующих тридцати с лишним. Пусть не все разногласия растают и став межгосударственными, но угроза их перерастания в войну будет видна, а ныне стариков и младенцев убивают из-за угла.

ОПЫТ, ХАРАКТЕР И ВЗГЛЯДЫ

Как известно, опыт формирует характер. Работа в КГБ, конечно, развивала бессердечность. Однако и она прививала не одни дурные склонности. Порой она поощряла находчивость, а у разведчика, даже и выдержку.

Президент России проявил, к примеру, блестящую находчивость первым поддержав президента США в намерении разгромить талибов. Афганистан, ими возглавленный, угрожал средне-азиатским государствам СНГ, а тем самым и России, и Путин мгновенно сообразил, что замаячила возможность избавиться от этой угрозы руками американцев. Блестящий политический шаг!

Но опыт формирует не только характер, а и мировоззрение. Работа в КГБ определялась целесообразностью в том ее понимании, какое давали советские установки, что и насаждало неправовое сознание. Оно жило не только в КГБ, им дышало советское юридическое образование и сами представления о партийном руководстве и особой социалистической законности. Не то, что сотрудник КГБ навеки обречен думать так, как учили в школе КГБ. Как всякий, он может взглянуть на себя критически, по-иному оценить свой путь. Это даже легче, чем изменить характер. Беда не в том, что Владимир Путин долго работал в КГБ, а в том, что он так и не взглянул на прежнюю работу критически, отчего и сохраняет прежние навыки.

Президент утверждал, что Пасько передал данные с грифом «совершенно секретно» японцам, чего якобы не отрицают даже его адвокаты, которые, однако, тут же это опровергли. Даже неправый суд приписал журналисту лишь *намерение* что-то передать. Между тем, под грифом шли сообщения о сбросе тихоокеанским флотом ядерных отходов в открытое море, то есть о преступлении, совершенном этим флотом. Министр обороны издал приказ, объявляющий подобную информацию военной тайной. Но по соглашениям, подписанным нашей страной, каждый обязан немедленно публично сообщить о подобном преступлении. Если бы Пасько промолчал, он сам стал бы преступником, наравне с командованием флота. Возможно, оно скрыло содеянное от президента, делая его, тем самым, своим соучастником. Но Путин не спохватился, что это, как и сам приказ его министра, его марает, не счел нужным сам отменить приказ и предать военному суду командование флотом, а не журналиста. Это не объяснить иначе, как недостатком правового сознания. Его нет, увы, не только у президента, но и в Верховном суде России, который вроде признал, что приказ незаконен, но счел его недействительным лишь с момента вступления в силу своего решения, а не издания приказа, - выходит, Пасько нарушил законный приказ.

По поводу ТВ-6, как раньше по поводу НТВ, президент тоже говорил о споре хозяйствующих субъектов, настаивая, что исполнительная власть не может вмешаться в его рассмотрение, на то есть суд. Однако, и это утверждение несообразно с правом. Прежде всего, при окончательном решении «спора» в Высшем Арбитражном суде в начале 2002 года, закон, на основании которого младший акционер требовал ликвидации компании ввиду ее малой доходности, уже не действовал, то есть решение Высшего арбитражного суда было антиправовым. Но дело было антиправовым еще до изменения закона, поскольку сам тот закон на средства массовой информации не распространялся. Касационное рассмотрение, назначенное сперва на 16 января, в угоду истцу перенесли

на 29 декабря, когда закон еще действовал. Но, рассмотрев дело в порядке кассации, московский суд постановил его пересмотреть. И с невиданной в российской судебной практике скоростью вице-председатель Высшего Арбитражного суда уже 2.1 выразил протест, а через два дня суд отменил решение кассационной инстанции и вынес свое, по аннулированному тем временем закону. Но президент пренебрег своей законной возможностью противодействовать несправедливым судам. Он, напротив, их выгораживал, выражая при этом готовность помиловать Пасько, и симпатию ликвидируемому телеканалу. А закон ему позволял, не отменяя, понятно, своей властью решения судов, в качестве гаранта Конституции, обратиться в Конституционный суд. Сделай это именно президент, а не пострадавшие, российская законность выглядела бы иначе.

Независимость судебной власти - это не предоставление ей права на беззаконие. Суд и прокуратура должны осуществлять закон независимо. Но как быть, если они сами закон нарушают? В беззаконных расправах сталинских времен, оформленных через суд, виновны не только ГПУ-КГБ, но и прокуроры и судьи, не только Ежов, но и Вышинский. Независимость судей означает, что приговор, вынесенный ими вопреки закону, подлежит дополнительному публичному рассмотрению, и, если это не умысел, а ошибка, она не влечет за собой наказания судей. Но неправовой приговор подлежит непременно отмене, которая портит репутацию судей. Если же он остается в силе, страдает репутация всей судебной системы.

Она, быть может, важнейший элемент репутации государства. Ею определяется возможность правовых экономических отношений. Конфликты вокруг НТВ и ТВ-6 и у нас и за рубежом толкуют лишь как знак ликвидации свободы слова, которую на деле стали ущемлять задолго до Путина. Но при нем обнажился характер нашей судебной системы и попутно природа собственности, ранее провозглашенной «частной». Последнее особенно важно потому, что частная собственность так и не стала у нас достоянием миллионов земледельцев, сотен тысяч мелких и десятков тысяч крупных предпринимателей. Приватизация по Чубайсу дала прежнее госимущество прежде всего нескольким десяткам так называемых «олигархов».

Сперва могло казаться, что и впрямь дала в собственность. Управляя полученным от государства они действовали предприимчивей советских руководителей и, в отличие от них, часть прибыли брали себе легально, возможно, искренне считая себя собственниками. Ныне Березовский сетует, что вслед за разгромом ТВ-6 государство, вообще, отберет частную собственность. Видимо, Борис Абрамович запомнил, что оно и давало ее «олигархам» в управление с условием, что новосозданные «собственники» будут послушны государству.

Первым забыл про это Гусинский, вообразивший, что, как крупный капиталист, он вправе выбирать, кого из людей КГБ поддержать на выборах, Примакова или Путина. Березовский предпочел Путина и сыграл немалую роль в его возвышении. Но и он сохранил амбиции, и Путину

пришлось ему напомнить, что государство и не собиралось числить полученное и умноженное им имущество его собственностью. Ярость Путина понятна: товарищам Гусинскому и Березовскому дали партийное поручение или, если угодно, боевое задание, изображать себя независимыми Рокфеллерами и Фордами, а они всерьез сочли себя таковыми. Но правота Путина опирается на неправовой сговор, а Березовский нынче обороняется на правовых рубежах. Он не выиграет, но позиция Путина - саморазоблачающая.

Будь Путин всамделишним разведчиком, вроде Абея, служба в КГБ, вероятно, выработала бы у него выдержку и он свою ярость не выдал бы так явно. Но он был не разведчик, а лишь резидент, притом в зоне контролируемой нашими органами, и выдержке не научился. Вот и разрушил видимость коренного изменения общественного строя России, которую, как раз с помощью Гусинского и Березовского, ловко создал Ельцин. А ведь ликвидировать и НТВ и ТВ-6, пусть не так быстро, Путин мог бы и сохраняя декорум.

Конечно, то что наш президент не вполне собой владеет, досадно. В каких-то обстоятельствах это может стать роковым для страны и мира. Но он – тоже человек, а не машина, и ни за какого политика нельзя поручиться, что все роли он сыграет без помарок. Именно поэтому опасно сосредоточение власти в одних руках, вертикальная диктатура, которую Путин ожесточил. Российская пропаганда с особой настойчивостью ныне уверяет, что у него хорошие руки, что наш президент – либерал. Да и сама готовность помиловать Пасько, как и сочувствие Светлане Сорокиной, вроде создают образ хорошего человека. Только ведь хорошие люди у власти бывали, а ничего хорошего из этого не выходило. Великим художественным событием в преддверии страшного века России стало открытие Московского Художественного театра спектаклем «Царь Федор Иоанович». Спектакль жил долго, и даже мне довелось видеть в заглавной роли великих актеров Москвина, Хмелева и Добронравова. У каждого по-своему это был прекрасный русский человек, всей душой желавший исправить окружающее зло, бравшее, однако, верх, - в одиночку и самому доброму царю зло не одолеть.

Зло умеряется только правом. А на почве права Пасько нельзя миловать, поскольку он невиновен. И даже если житейски при помиловании все обойдется, и журналист обретет свободу, зло не ограничится тем, что он, как стрелянный воробей, возможно, уже не полезет на рожон. Куда хуже, что суды, и не только тихоокеанские, станут еще более несправедливыми, поскольку без свободы слова не многие их несправедливых решений дорастут до скандала, и президент сможет лично их смягчить помилованием. Ему бы лучше, не входя в судопроизводство, урезонить подчиненный ему, как Верховному главнокомандующему, флот, и флотские судьи бы поняли, как они замарали наше отечество. А вызволение невинно осужденного без признания отсутствия за ним состава преступления пятно не смоем.

Опять же и признанием профессиональных качеств коллектива ТВ-6 и даже его трудоустройством, не заслонить беззаконие, учиненное Высшим Арбитражным судом. Скажи президент, напротив, что Киселев или Шендерович ему не нравятся, но незаконное устранение их из эфира нравится еще меньше, можно бы надеяться, что тоталитарное правление стране не грозит. А так надежда лишь на царскую милость.

ХОТЯТ ЛИ РУССКИЕ ВОЙНЫ?

Сей провокационный вопрос Евтушенко сделал зачином программного стихотворения и объявил, что, конечно, не хотят, призвав в свидетели жену. Если «русские» - это подавляющее большинство жителей СССР, русских или нерусских, поэт прав, и можно не беспокоить его жену, которая, как и большинство нашего населения, и тогда, и теперь, не решает быть ли войне. Быть ли войне, у нас решают не жители, но правители, а у них по этому поводу нет того единства, что в народе. Они тоже русские, но, так сказать, «другие русские», хотя, в отличие от бизнесменов, их «новыми русскими» не назовешь. Охотники воевать среди правителей были и раньше.

Но в СССР после Отечественной войны говорить вслух о желании воевать не дозволялось. Да и свободы слова и печати не было. Брежнев, Устинов, Андропов и Громыко, начав войну в Афганистане, на весь мир, как нынче Буш, про это не трубили. Считалось, что никакой войны нет, а «ограниченный контингент» просто кого-то там охраняет. И хоть перебили миллион афганцев, да и русских пятнадцать тысяч положили, страна пела правильную песню Евтушенко.

При Горбачеве языки развязались, и хоть «внутренний редактор» уже проводит обыски в нежелательных телецентрах, свобода слова и печати еще трепыхается, особенно в интернете, в чем убеждаешься, читая на известном сайте АПН военного обозревателя Шурыгина. Он пишет без обиняков: «дискуссии на тему «нужны» войны или нет, «хотим» мы воевать или «не хотим» просто глупы», и уверяет, что война неизбежна. К ней якобы толкает уже раздел СССР на «пятнадцать политических фрагментов,... на удельные княжества». (Почему наши бывшие колонии, став независимыми государствами, названы «удельными княжествами» непонятно. Удельные княжества, на которые распалась Киевская Русь, были все русские, почему потом опять объединились вокруг Москвы.) Но Шурыгин не только с «инородцами» пророчит войны, именуя их почему-то «гражданскими», а пишет: «предстоит мощный цивилизационный конфликт с современной цивилизацией Запада, фактически подконтрольной США». Через четыре года будет война.

Далее идут перепевы советской пропаганды, начиная с рассуждения, что Вьетнам, избрав социалистический путь, ничем не угрожал США, словно Вьетнам не был разделен, и Северный не начал социалистический путь с силового захвата Южного. Не вдаваясь в дискуссию, замечу, что не

только можно, но и должно говорить, что северо-вьетнамской агрессии или изгнанию Сербией косовских албанцев США противостояли глупо и бездарно, но не они напали, они защищали жертв агрессии. Знаком войны Шурыгин счел и разведку, наблюдающую за нашей страной, все еще способной стереть США с лица земли. Что и мы ведем аналогичные наблюдения не только за Америкой, но и за Европой или Китаем, он, понятно, не признает.

Из всего этого, да еще из воплей, что Россия уже не такова, как был до экономического коллапса, обреченного его на распад, Советский Союз, следует вывод, что Россия не сможет «отстоять свою независимость и сохраниться, как единое государство», что «без полной мобилизации всех имеющихся средств никакой перспективы уцелеть у России нет», и «у нас просто нет больше времени на глупости», то есть на «общечеловеческие и прочие ценности». Страшно подумать, что по этой логике ждет другие страны, явно уступающие даже нынешней России и в военном, и в территориальном, и в сырьевом, и в научном, и в прочих потенциалах. На деле-то наше плохое положение поправимо, только надо наладить не мобилизационный, а демократический экономический порядок. Война жизнь не поправит. Но атака на «обывателей», каковыми Шурыгин объявил сограждан, не желающих войны, не одинокий клинический случай. Выступления такой направленности пошли косяком.

Католическая церковь назначила в Россию, где католиков чуть не миллион, ряд епископов. Православная церковь, по привычке быть государственной претендуя владеть душами всех христиан страны, пришла в неистовство. Бог с ней. Но чувство реальности потеряли и люди светские. Они забыли, что не один и не два православных епископа издавна ставятся патриархом в Европе и Америке. Почему же и папе не ставить в России своих? Но Дума против. Если инославным нельзя ставить епископов у нас, так и нам бы не лезть туда, где православных, как в Англии, куда меньше, чем католиков в России. Но мы не только в СССР, а и в целом мире претендуем быть первыми среди равных. Им нельзя, а нам можно. Правда на нашей стороне, и мир обязан признать наши особые привилегии. Что положено российскому Юпитеру, не положено заморскому быку.

Опять же Чечня, где мы воюем за территориальную целостность. Не будем и в эту дискуссию углубляться. Но за такую же целостность Грузия воюет с Абхазией, где кстати, процент грузин был много выше, чем в Чечне процент русских. Казалось бы, у России и Грузии общие проблемы, да еще против Грузии усердно воевал наш первый враг Басаев. Но председатель думского комитета по международным делам Рогозин зовет признать независимость Абхазии и чуть ли не включить ее в Россию. Дескать, Грузия позволяет в Панкисском ущелье, где немало беженцев из Чечни, укрываться партизанам.

Не нужна большая мудрость, чтобы сообразить, что партизаны, да и сами беженцы, Грузии в тягость. Но Шеварднадзе с ними не совладать, тем более, что его положение не безоблачно. Нынче он надеется на американцев, возомнивших, что там бин Ладен. Но думцы не могут

простить, что на помощь зовут Америку, а не нас. Уж мы бы там отбомбились! Но Шеварнадзе знает, что американцы помогут и уйдут, как ушли из европейских стран, которые освобождали. А мы уходим нехотя, задерживаемся. Вот и клеймим Грузию, которой это не по вкусу, забывшую, что мы первые среди равных. (Они тут же ответили, что если мы признаем Абхазию, они признают Чечню.) Но мы чужих «сепаратистов» поддержать вправе, а наших не дадим. По Шурыгину у России нет союзников, по Рогозину - это только армия и флот. Но Рогозин не частное, а первое лицо нашей Думы по международной части. Его долг – видеть союзников! Но союзниками мы числим лишь вассалов.

Желание считать положенным себе не положенное другим, повело и к скандалам на Олимпийских играх. Наши спортсмены выступили на удивление хорошо. По сумме медалей две Германии вместе, не говоря о США, наступали нам на пятки и тогда, когда мы лидировали. Нынче у нас чуть не вдвое меньше людей, не говоря о деньгах, вот мы и уступили, но остались среди лидеров. Надо бы радоваться и поздравлять наших ребят, которые честно победили. Но нам этого мало, мы хотим записать в победители и продвинутых туда нечестно. Это, видимо, вина не спортсменов, а тренеров и врачей, - но ведь пришлось признать, что анализ делали не за 15 минут, а, как положено, за два часа, уже не отрицали даже, что допинг Лазутина и Данилова принимали, а думцы и печать все не утихали.

Судейская субъективность в оценке фигурного катания общеизвестна, и давно спорят, что тут делать, то ли назначать судей из стран не участвующих в соревновании, то ли разделить оценку обязательной и произвольной программ, техничности и артистичности, но стыдно требовать для очаровательной соотечественницы золото вместо серебра, если пленка фиксирует ее погрешность. А что мы сами делали с Белоусовой и Протопоповым, совершившими революцию в нашем фигурном катании, но не удобными нашему спортивному начальству? Этого уже не помнят, а нынче не видят, что испанцы бранят не судей, а спортсмена, у которого за допинг на той же лыжне, точь в точь, как у Лазутиной, отобрали медаль. И ведь его медаль мы не защищаем, - нам положено больше, чем другим.

С чего бы вдруг разом вокруг церкви, сепаратизма и спорта разразились схожие антизападные истерики? Официально президент Путин взял стратегический курс на дружбу с Западом. Чтобы дружить, не следует делать другому то, чего не хочешь, чтобы делали тебе, надо признать, что хоть мы считем, нашего Юпитера не в пример симпатичней ихнего быка, но их права, и в религиозной, и в геополитической и в спортивной сферах, равны. Шурыгин этого не признающий, конечно, вправе излагать свои взгляды. Но если этого не признает Дума, значит взят другой политический курс. Покамест хотя бы сам президент в перечисленных случаях вел себя сдержанней. Призвал не делать трагедию из визита американцев в Грузию, не говорил о признании Абхазии, промолчал о католических епископах, посетовал лишь на пристрастность олимпийских судей, но помягче, и дурацкие призывы уйти с Олимпиады заглохли.

Однако то, что антизападная волна разом пошла в разных направлениях, то есть хорошо организована, не только не взволновало президента, но в пропрезидентских средствах массовой информации не вызвало даже реплик в защиту стратегического курса, с которым эта волна никак не совместима. А будь курс и впрямь стратегическим, если не самим Шурыгину, Rogozinu, и в особо деликатной форме патриарху, то публике, объясняли бы их неправоту. Тем и хороша свобода, что можно без страха выяснять истину. А если ее не отстаивают, выходит, что стремление дружить с Западом - не стратегический курс, а лишь тактика Путина. Спасибо и на том. Но, чтобы ответить, хотят ли русские войны, придется опять уточнять, кого мы имеем в виду. Население России по-прежнему войны не хочет. Но кому нужно, чтобы боевые проповеди Шурыгина, Rogozina и прочих, отравляя умы, не встречали публичных возражений? Вот и стоит подумать, чего хотят «другие русские».

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЯЗЫК

Во Франции поджигают синагоги. Президент Ширак говорит, что ему стыдно. Его левый соперник на предстоящих выборах, премьер-министр Жоспен, тоже произносит осудительные слова. Своей вины в происходящем они не видят. Французская печать ссылается на события на Ближнем Востоке, давая понять, что поджоги совершают арабские граждане Франции.

Не будем покамест входить в события Ближнего Востока и чувства миллионов французов арабского происхождения к Израилю. Позволительно, однако, спросить, причем тут французы еврейского происхождения? Разве они противостоят или хотя бы зовут противостоять арабским террористам, ежедневно убивающим в Израиле мирных граждан? Разве многие из них, напротив, не симпатизируют палестинским арабам и сами отвергают право Израиля на существование? Но это их не уберегает. Действует правило, провозглашенное в нашей Думе депутатом-коммунистом Василием Шандыбиным: все евреи в ответе за то, что сделал какой-нибудь еврей.

Держись веры в коллективную еврейскую вину лишь арабы, ставшие французскими гражданами, но не усвоившие демократических понятий французского общества, господин Ширак не за Францию бы стыдился, а втолковал бы ее новым гражданам, что проповедь коллективной вины несовместима с французским законом. И господин Жоспен, хоть социализм, как, увы, показала жизнь, сам стоит на вере в коллективную вину, мог бы им объяснить, что ответственность – дело сугубо индивидуальное. Но если и тот, и другой, отговариваются иначе, на одних французских арабов происходящее не свалить.

Такое уже не только во Франции. Вот и передовая Бельгия, взявшая себе право судить чужих граждан за действия на чужой территории, на своей тем временем тоже учиняет погромы. А в Норвегии, где и арабов-то не густо, комитет по присуждению Нобелевских премий мира сетует, что выдал премию Пересу, входящему в правительство, пытающееся пресечь

терроризм. О том, что одновременно выдали премию Арафату, этот терроризм ежедневно направляющему против мирных людей, норвежские миротворцы не сожалеют. Премию мира обоим присуждать, конечно, было не за что, ее дали, в лучшем случае, из простодушия. Но то, что сегодня не только арабы, а норвежцы, даже не осуждают за убийства обе стороны, но считают убийство евреев актом мира, и лишь их самооборону - актом войны, свидетельствует о новой волне антисемитизма, и стоит видеть, почему она поднимается.

Да потому же, почему и предшествовавшие, когда никакого Израиля не было! «Антисемитизм, - признавал Сталин, прежде, чем сам заговорил на этом языке, - это международный язык фашизма». Фашизмом, - именем итальянского тоталитаризма, - нередко называют и национал-социализм, и советский социализм, и исламский социализм и другие тоталитарные движения. При немалых различиях, все они, сразу или постепенно, становились оголтело антисемитскими, хотя по-началу, в Италии или в России, в них даже принимали участие евреи. Уже из этого ясно, что антисемитизм не первопричина тоталитаризма, а его следствие, однако непереносимое, поскольку установка на тотальность, на вертикаль единства, отсекает и ущемляет все мало-мальски от нее отличное, и не одни евреи стали жертвами тоталитаризма. Но как широко распространенное меньшинство, не имевшее обособленной территории, они - его первые жертвы.

И в Италии, и в России, и в Германии, тоталитарные режимы установились после мировой войны. Но зачатки у них давние. Французская военщина, претендовавшая быть превыше демократии, добилась осуждения по обвинению в предательстве офицера-еврея Дрейфуса. Уже уличили в подлоге и арестовали создавшего материал для обвинения майора Анри, уже реальный шпион Эстергази бежал в Лондон и признался, что это он отправил письмо, поставленное в вину Дрейфусу, а французское правосудие оправдать осужденного не спешило. Оправдало лишь семь лет спустя. Но в ту пору Франция лучше, чем ныне, ощущала, что речь не о судьбе одного несчастного еврея. Защищая невиновного, Золя или Жорес вполне понимали, что грозит французской демократии.

Новому испытанию ее подверг немецкий тоталитарный режим. Французские власти его умиротворяли уступками, и проиграв войну, успешно с ним сотрудничали, обильно отдавая на уничтожение французских евреев. Освободителей-американцев, не старавшихся, в отличие от СССР, освободившего Польшу, подчинить освобожденных себе, Франция отблагодарила антиамериканизмом. Часть французского общества, досадовала, что тоталитарную перспективу, одним желанную на гитлеровский, другим - на советский манер, американцы отняли. Те же силы толкают ныне Францию, да и всю Европу, отступать перед новой тоталитарной волной, - и снова жгут синагоги. Антисемитизм опять не причина, но явное следствие. А причина прежняя.

Новые силы тоталитаризма вызрели в так называемых развивающихся странах, не только арабских, надеющихся, как когда-то Германия или СССР, если не сокрушить опередившие их в развитии государства, то

заставить их на себя работать. Ширак и Жоспен, как некогда Даладьё, не говоря о Петене, тому не противятся, хоть такого, как и тогда, конечно, хочет лишь часть французов. Но, так или иначе, Франция с картины Делакруа «Свобода на баррикадах» ныне поддерживает режимы, никакой свободы не допускающие, социалистические или фундаменталистские. В полувековой войне арабских стран за уничтожение Израиля, она добивается не компромисса, в ходе которого Израиль вернул бы занятые в ходе самообороны земли, заселенные арабами, арабским агрессорам, а они прекратили бы нападения, но помогает уничтожить Израиль. Террористы лишь передовой отряд тоталитарных стран, ежедневно действующий в Израиле по той же схеме, что 11 сентября в Америке. При ответных ударах по убежищам террористов в Палестине, как и в Афганистане, к сожалению, гибнут и ни в чем не повинные люди. Но приравнивающие их гибель к Холокосту перечеркивают исключительность Холокоста, в котором гибли люди, не то что к террору, но и к сопротивлению не причастные. Они были не попутными жертвами, их целенаправленно уничтожали, как израильских детей и стариков нынешний террор. Во имя мира предлагается разделить стороны войсками ООН, которые помешают Израилю отвечать на удары, и у евреев защиты не станет совсем, а проникать в Израиль ООН террористам не помешает, и легче станет его взрывать. Да и саудовское предложение, якобы мирное, настаивает на возвращении арабских беженцев в Израиль, то есть на его упразднении, как еврейского государства.

Конечно, почти миллион несчастных людей, внявших призыву напавших на Израиль арабских стран и бежавших в надежде вернуться, когда евреев сбросят в море, а с тех пор обросших детьми и внуками, достоин лучшей участи, чем лагеря, отведенные арабскими братьями. Но арабские агрессоры своими преследованиями обратили в беженцев и евреев, живших в арабских странах. Израиль их, естественно, принял и обустроил, и уже это обязывает арабские страны принять и обустроить арабских беженцев. Но и остальные евреи Израиля - беженцы. Кто из царской России, кто из нацистской Германии, кто из Советского Союза. В создании этого огромного беженского лагеря, поныне вынужденного отстаивать свою государственность, но все же дающего возможность не идти безмолвно в печь, а оказать сопротивление, роль Франции тоже не последняя. Теодору Герцлю, как журналисту, довелось присутствовать на церемонии лишения Дрейфуса офицерского звания и наград. Тогда он и подумал, что надежды на справедливость для евреев нет и в самой прогрессивной стране, и призвал к созданию еврейского государства.

Приток беженцев не кажется местным жителям справедливым, даже если их предки некогда силой отобрали эту землю у предков этих беженцев. Стремление палестинцев защитить свои права, когда их нарушают, понятно. Но даже террор против государственных деятелей никого еще не защитил, и уж тем более не служит справедливости новый Холокост, который ведет Арафат, продолжая дело Бабьего Яра и Треблинки. А тогда спастись еврейским беженцам было негде, им не отвели и клочка земли, хоть на отобранную у Германии они могли бы претендовать с не

меньшим основанием, чем Польша или Россия, их получившие. Признав право Израиля возродиться, ООН фактически согласилась с Герцлем, что ни одна страна не может гарантировать евреям жизнь. И новые всплески тоталитаризма это подтверждают языками пламени, палящего французские синагоги. Чтобы в этом пламени опять не горели люди, Жоспену мало оцепить синагоги полицией, надо покончить с капитуляцией перед тоталитаризмом, в которой преуспел его давний предшественник на посту премьера, по началу тоже социалист, Пьер Лаваль. Сговор с террористами демократию не выручит, поскольку терроризм - противоположность демократии, противоположность компромиссу, не только с Израилем. Обрекая евреев на гибель, чтобы арабы не вздули цены на нефть, Европа сдается тоталитаризму наперед. А стоило бы помнить историю, как бы зачеркнутую после падения Берлинской стены. Но и американский президент, преследуя укрывателей террористов в Афганистане, для Израиля сделал исключение и требует, чтобы евреи от террористов не защищались. А урок 11 сентября в том, что тоталитарная угроза неделима. Но Франция и Европа склонились на сторону Саддама и Арафата, уже не силясь казаться объективными. Словно надежда минувшего века, что тоталитаризм, перебив евреев, остальных пощадит, уже не обманула.

ЧТО ПРОИСХОДИТ С КОММУНИСТАМИ?

Никто не вспоминает про едва ли не главную странность минувших лет. После речей о преступности советского режима коммунистическая партия, руководившая его преступлениями, благополучно уцелела. Ее судили, и ее криминальный характер был изобличен, но приговор свели к совету организовываться для дальнейшей деятельности не по учреждениям и предприятиям, а по месту жительства. Партию не запретили, а тогда ее запрещение все же побудило бы ее членов задуматься о содеянном, взглянуть на себя критически. Обошлось без этого, и коммунисты взяли себе роль непримиримой оппозиции.

Их непримиримость и служила свидетельством того, что новый, ельцинский порядок был не коммунистическим. Других, если не считать дозволения читать, что угодно, и, при наличии денег, ездить за границу (в соцстранах, вроде Венгрии, дарованного давно, но сущности режима не менявшего), к сожалению, не было. Коммунисты, вышедшие из партии, но оставшиеся у власти, объявив себя демократами, блестяще разыгрывали с оставшимися в партии, но от верховной власти отошедшими, мыльную оперу двухпартийной системы. «Доброму самодержцу» Ельцину противостоял Зюганов, за которым маячили тени былого, и граждане предпочитали зло, в целом бывшее по началу и впрямь меньшим, хоть большинству пришлось, - как опять твердили, временно, - туже затянуть пояса.

Путин, возвращаясь к былому обхождению с подданными, здраво рассудил, что пропагандистские спектакли не помеха тесному

сотрудничеству бывших и нынешних коммунистов по возврату к силовому порядку. Слаженная по его наметке партия «Единство» пакетным соглашением поделила с коммунистами руководящие посты в комитетах без оглядки на более мелкие партии, сократив, а то и вовсе упразднив в руководстве комитетами пропорциональное представительство. Маячило возвращение к однопартийной системе. И вдруг, как гром среди ясного неба, - атака на коммунистов! Путинское «Единство», подмяв тем временем Примаковско-Лужковское ОВР, и поддержанное другими, прежде обиженными группами, пересмотрело пакетное соглашение и оставило коммунистам два второстепенных комитета. Они тут же от обоих отказались и председателю Думы Селезневу предложили тоже подать в отставку, заявив, что опять уходят в непримиримую оппозицию.

Логика коммунистов понятна. Хоть путинские пиарщики, начиная с Глеба Павловского, твердят, что компартия слаба, на деле ее все еще поддерживает более трети граждан, тогда как разросшееся «Единство» - лишь немногим более одной пятой. Коммунисты не только выкачивали по думским каналам большие деньги на свою работу, не говоря о личном обогащении их верхушки, но и успешно тормозили сколько-нибудь серьезные реформы хозяйства и общественной жизни, нежеланные президенту. Они, явно, надеялись со временем возобладать внутри объединения с «Единством» и стать главной опорой президента, укрепив нерушимый союз компартии и силовых органов. Вот только не решались уйти от старой сталинско-брежневской маски, разве что шовинизм наращивали, но это шло еще с лучших для них времен. Упрямылись они не зря, - их маска ассоциируется с прежним, хоть для большинства и тогда скудным, но не до такой степени как нынче, уровнем жизни и влечет избирателей, не помнящих, что до нынешней нищеты как раз коммунисты и довели. Но союзом с их маской Путин обнажал свой реваншизм. Вот и позволил, если не подсказал, «Единству» осадить коммунистов. Заговорили даже о предстоящем запрете партии.

Не то что Путин против прежнего порядка и однопартийной системы. Его двухлетнее правление как раз и было попятным движением, восстановившим не только государственный гимн. Но, как человек вменяемый, он помнит, что многое в догматике уже мешало советскому порядку, и не хочет реставрировать его прежнюю форму, любезную коммунистам. Вера в свою исключительность, нелепые оправдания бедствий советского народа на фоне благополучной жизни большинства на несправедном западе, загнали страну в тупик. Чтобы опять не рухнуть, власть вынуждена, хотя бы на время, быть и внутри более гибкой, и с западом, верящим, что Россия станет добросовестным партнером, не расплевываться. Лишая коммунистов важных постов и отчасти денег, Путин не отрекается от близости, налаженной «Единством» после выборов, и Селезнева поддерживает не дипломатичности ради. Антикоммунистический сеанс лишь напоминает коммунистам, что желающие быть партией власти, должны обновить наряд.

Ельцина коммунисты бранили, но безотказно утверждали все его бюджеты и премьеров. Партия Зюганова знает, что ничего, на деле нужного людям, у нее нет, лишь память о дешевой водке да идеологическая риторика, и без старых словес она потеряет лицо. Откровенные лозунги: «Вся власть райкомам и обкомам!» или «Даешь зачистки не в одной Чечне, а по всей распутившей языки России!», хотя и совпали бы с тайными мечтами власти, доверия избирателей не прибавят, и многие коммунисты это сознают. Вот на пленуме они и не решились исключить из партии держащегося за место Селезнева. Одни еще надеются что от 36%, недалеко до 50% плюс один голос, и с третьего раза Зюганов, наконец, станет президентом. Но другие видят, что шансов нет, что постылый Ельцин спас номенклатуру переодеванием, и им, тогда замешкавшимся, надо быстрее переодеться, тем более, что Путин – не Ельцин, и неприятных реверансов либерализму и демократии не потребует.

Коммунисты ныне не так интернационалисты («У пролетариев нет отечества»), как патриоты. Они часть единого народно-патриотического фронта. А патриотизмом можно именовать, что угодно, даже былой социализм. Селезнев давно это смекнул и, зная где упадет, постлал соломку, в виде группы «Россия», а в нынешних дискуссиях даже объявил, что сперва думает об интересах государства, и лишь потом об интересах партии. Покончив с Марксом и Лениным, патриотическое движение, каким компартия станет, не претендуя, в отличие от нынешней, на президентство, она сможет поддерживать Путина в единстве с наспех слеplеным «Единством». Опыт послушания начальству у стойких коммунистов еще и богаче.

Но при всех достоинствах патриотического и даже социал-демократического наряда единой партии власти Путину явно милей видеть его беспартийным. Ему не нужны партии, отражающие разные интересы разных слоев общества, чтобы их потом согласовывать. У нас и президент беспартийный, и правительство, и губернаторы, и правление беспартийных единомышленников не слабей однопартийного правления коммунистов. Вот и от них ждут облачения в беспартийность.

Поскольку компартия давно уже сугубо бюрократическое образование, а не общественная организация, трудно предсказать, как она до конца преобразится в партию как бы беспартийных патриотов. Всех ли увлечет Селезнев, расколются ли коммунисты пополам, отколется ли селезневская «Россия» или, напротив, группа его главного обличителя, Секретаря Московского комитета Куваева, - любой разворот на пользу управляемой демократии полицейского государства. Кроме запрета компартии, от которой потому и хотят добровольного объятия. Вот запрет ей и не грозит, да и проку от него теперь не будет никакого, поскольку уже сформировалась такая же руководящая партия «беспартийных» с силовой опорой.

Конечно, коммунисты и не были оппозицией, но все же создавали ее видимость, невольно демонстрируя, что народ все-таки не вполне един. На

фоне их мракобесия режим выглядел прогрессивнее, и можно было даже мечтать об оппозиции ему с другой, либеральной, стороны. Когда же режиму нет даже показной оппозиции, - а в том, что наша авторитарная власть, заглотав компартию, и партиям, назвавшимся правыми, велит прикусить язык, сомнений нет, - он становится тоталитарным. Беспартийность тоталитаризму не помеха. Вот и печально, что замена двухлетнего беззакония заодно с коммунистами на беззаконие как бы против них, радует не только глядящую Путину в рот партию Немцова-Чубайса, но и партию Явлинского.

Ее положение - красноречивый фон нынешним «гонениям на коммунистов». На нашем политическом поле только «Яблоко» и стояло разом за экономическую свободу и за социальную защиту проигравших в экономическом процессе, позволяющую им не погибнуть, а в него вернуться. Оно как раз и выглядело либеральной оппозицией. Оно и подвергалось наибольшим гонениям. Но, увы, не касаясь перебежчиков в пропрезидентский СПС Немцова-Чубайса, уже и сам Григорий Явлинский часто отступает. Некогда он среди первых выступил против войны в Чечне, а сегодня говорит, что передачи «Свободы» на чеченском языке - обычная американская бестактность. Конечно, Явлинский не предлагает глушить эти передачи, но в чем бестактность? Или и русские передачи «Свободы» в пору холодной войны сочтем бестактностью, а проявлением такта, напротив, их глушение? Явлинский ощущает, что в российской государственной жизни настало время, когда политику опять надо неустанно демонстрировать патриотизм, а то укажут на его недостатку, и он ищет корректные возможности это сделать. Но возможность лишь одна, - противостоять управляемой демократии. Пусть управляется без поддержки тех, кому готовит главный удар. А с коммунистами обойдется. Если сами не полезут, Путин их не обидит.

ТАЙНОЕ СТАНОВИТСЯ ЯВНЫМ

По телевизору показывают антифашистские демонстрации, сотрясающие Францию. Неужто она, наконец, воспротивилась бесчинствам в синагогах и еврейских школах и осудила потворство президента Ширака и премьер-министра Жоспена террору? Ничего подобного. Счастливый президент, уверенный, что под флагом демократии он обеспечит себе следующий президентский срок, приветствует демонстрантов, а они, сплотившись, кричат: «Нет фашизму!», не вспоминая, кто проложил путь, которым во второй тур президентских выборов прошел даже и во Франции числимый фашистом Ле Пен. Узнав об успехе Ле Пена, премьер Жоспен, которого он обошел, сказал: «Это гром среди ясного неба», и объявил, что уходит из политики. Небо не было ясным, но премьеру, как и президенту, обошедшему Ле Пена в первом туре на 2%, хотелось ясности.

Тоталитаризм, едва отряхнувшись от падения берлинской стены, давно уже вылез наново даже в старой демократической Европе. Хайдер в

Австрии или Босси в Италии выявили его обаяние для многих. Говорят, тяга к тоталитаризму – плод бедности, вот и за Ле Пена голосовали беднейшие районы, множество рабочих. Только беда не в самой по себе бедности, но в готовности одолевать ее не трудом, а силовым способом. Когда сокращается возможность честно заработать на достойную жизнь, насилие прельщает многих. Можно показывать на примерах из российской или германской истории, что до добра оно не доводит, но историю любят забывать.

Успех Ле Пена сегодня ничем не грозит. Президентом, скорее всего, останется Ширак. Но кто, кроме него самого, всерьез сочтет это победой демократии? Как ни страшен Ле Пен, куда страшней, что подлинных демократов нет ни среди демонстрантов, ни среди его конкурентов. Не считать же таковыми троцкистов или коммунистов, а Жоспен тоже в молодости был троцкистом. Если не сам Жоспен, то его прежние единомышленники, придя к власти, навели бы во Франции порядок не лучший, чем их российские единомышленники в 1917 году в России. Почему же левый фашизм страшит французов меньше правого? Неужто лишь из-за откровенности последнего? Но и левые ныне откровенны: если правый отвращает расизмом, то левый - искренними симпатиями террористам и тоталитарным социалистическим режимам. Спор о наименьшем зле, подобен спору, кто лучше – Гитлер или Сталин, а, как говорят дети, оба хуже.

Тяга к разным тоталитаризмам не зря идет параллельно. В предвоенной Германии на последних законных выборах партия Гитлера, набрала 37%, и партия Тельмана - 30% голосов, и Гитлеру, получившему лишь относительное большинство, пришлось совершать государственный переворот с поджогом рейхстага. Но если сложить их голоса вместе, они дают вполне квалифицированное большинство. То есть, большинство немецкого народа клонилось тогда к силовым решениям, пусть по-разному подсвеченным. Сегодня к ним клонится, пусть еще не большинство, но добрая половина французского народа, даром что одни защищают террориста Арафата и диктатора Саддама, и терпимы к поджогам синагог, а другие, хоть объявляют Холокост «деталью истории» и евреев тоже не жалуют, обеспокоены наплывом арабских иммигрантов.

Если судить о происходящем в мире лишь в свете арабо-еврейского конфликта, можно договориться до того, что возросшее число голосов за антиарабского Ле Пена – ответ на 11 сентября и даже шаг Франции к истине. Но разве Ле Пен вступился за не то что даже мирных израильтян, но хотя бы за синагоги на французской территории? И разве евреи страдают от арабов, а не от арабского социализма и фундаментализма, слившихся в экстазе? Нынешний растущий антисемитизм, как и прежний немецкий или советский, не сугубо еврейская проблема, хоть мы - их первые жертвы, а плод общественного кризиса. От того, что из Франции выселят арабов, ни во Франции, ни в Израиле. евреям легче не станет. Чем берет Ле Пен и почему популярны троцкисты, проясняется, если видеть корни кризиса.

Глобализация началась не вчера, но прежде глобус был разделен на два лагеря. Холодная война кончилась, и, во всяком случае, экономика больше не ограничена колючей проволокой вокруг лагеря. Не одной Россия, удержавшейся при распаде СССР, но и другим приходится думать не только о том, что за воз они тащат или на каком сидят, а как дальше жить. Свои проблемы уже не свалишь на всемирное противостояние, а глобализация, то есть открытый доступ к участию в мировом хозяйстве, отказ от деления стран на развивающиеся и развитые, и для тех и для других плодит проблемы.

Опережая развитие демократической глобализации, уже проявились два способа ей противодействовать. Левый, себя уже шумно проявивший, на деле не так отвергает глобализацию, как хочет придать ей внеэкономический, тоталитарный характер, держась старой мечты повелевать миром, и 11 сентября обнажило его куда наглядней, чем уличные беспорядки в Генуе. Правый, как раз и представляемый Ле Пенем, хочет, напротив, обособиться в национальных границах, удерживая свои достижения и преимущества. И те и другие по-прежнему полагаются на силу, как опоздавшие в развитии отродясь.

Новизна 11 сентября вроде лишь в технической оснащенности, а так-то - блиц-криг, призванный одним ударом сокрушить противника. Ново, однако, то, что агрессор не открывает лица. Не Япония напала на Пирл-Харбор, не Германия «внезапно» напала на нашу родину, а девятнадцать мальчишек, к которым усердные поиски ЦРУ добавили разве что сотню сообщников, да полумифический бин Ладен. Не бомбежки погубили рынок в Иерусалиме, а камикадзе. Это меняет международные отношения не меньше, чем КГБ или Гестапо меняли внутренние. Американские удары по Афганистану для левых куда хуже арабской атаки на ВТЦ. Даже новаторская израильская тактика точечных ответов не спасает от обвинений в нападении на ни в чем не повинных людей. А давно ли освободительные армии Эйзенхауэра и Жукова, поражая противника, не оглядывались на попутную гибель мирных жителей, чем их не попрекали, если, понятно, мирных жителей не убивали нарочно. Отлично зная, как начались арабо-израильские войны, европейские и американские политики молчат об арабской агрессии и ее печальных плодах для арабов. И сама ООН, решение которой о создании Израиля атаковали вооруженные силы семи ее членов, забыла кто тут агрессор.

Левые легализовали агрессию, разделив ее на добрую и злую, и уверяют мир, что бывают правильный терроризм и правильные лагеря уничтожения. Тут и стирается разница меж «прогрессивным» левым фашизмом и реакционным старым, меж социалистическими и фундаменталистскими убийцами. И все больше сближаются их конкретные претензии к глобализации. Ле Пена, антиамериканизм которого покруче его антиарабизма, тяготит уже и западноевропейское объединение и он уверяет, что Франция выгадает, выйдя из Европейского Союза, хотя покамест она от него выгадывала.

Спор с фашизмом, и правым, и левым, упирается в возможности хозяйственного развития. В какой мере оно доступно странам по

отдельности, пусть даже природные ресурсы дают им преимущества перед другими? Опыт говорит, что при все растущей значимости умственного труда единение способствует развитию, отчего глобализация и неизбежна. Но трудность перехода к новой жизни, а то и торопливость ее внедрения, часто толкает рядовых людей верить фашистам.

Страны не смогут остаться мононациональными, но мультикультурность - не единственная возможность, тем более, что современные нации сложились в ходе смешения не только кровей, но и культур. Антитеза расизму - культурная интеграция иммигрантов. Нынешней наплыв стремящихся в развитые страны позволяет отбирать тех, кто, независимо от расы, к такой интеграции готов и сам ее хочет. Вместо этого европейские страны создают у себя культурно обособленные сообщества, часто не желающие даже признавать законы страны проживания. Опять же, при экономическом сближении сокращение барьеров тоже неизбежно. Но не обязательно превращать Европейский Союз в новый Советский Союз, в новую империю, в которой Брюссель диктует все и вся, как у нас Москва. Инициатор Европейского Союза де Голль мечтал о Европе государств, а не о государстве Европа, централизованном как Франция. Но Ширак, числящийся голлистом, об этом давно забыл.

Ле Пен имеет успех потому, что у демократии во Франции, да и в остальной Европе, нет реальных защитников. Призывы выйти из Европейского Союза имеют успех, поскольку никто не ратует за его большую гибкость. Как русские большевики, Ле Пен рвется к власти указывая на и впрямь трудные для общества проблемы, но хочет не их решить, а взять власть. Того же и затем же, хоть иначе изъясняясь, хотят левые. А чтоб осознать трудности роста, понимать, что экономическому единству и всеобщности гражданских прав еще долго надобно сочетаться с культурным и даже политическим сепаратизмом, помнить, что глобализация, от которой лучше пойдет развитие человечества, не совершится вдруг, надо быть демократом. А их, увы, не видать. Нет их и во Франции. Отсель все качества.

Процветает уверенность, что народ не должен страдать от того, что у него плохое правительство, и если Саддам морит голодом и болезнями иракских детей, надо посылать этим несчастным детям еду и лекарства. Тот очевидный знакомый с тоталитарными нравами факт, что эта помощь до нуждающихся не дойдет и поможет лишь тоталитарному режиму, Европа не признает. И не по глупости, а из тайного сочувствия диктатору. Европе такие нравятся.

И разве в его атаке на инородцев вовсе не арабы на первом месте, а американцы, своей поп-культурой ломающие французскую идентичность? И разве, хоть не столь прямо, не выдают сходных мнений Ширак и Жоспен. Я, признаться, тоже не поклонник поп-культуры, но ее ведь предпочитают сами французы, французское во Франции не запрещено. Но не один Ле Пен хочет ограничить не французское. Этого и другие хотят, а публика склоняется к тому, кто выражается прямей, он выглядит честней, хоть это и не так.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ СВОБОДЫ

Говорят, Москва – не Россия, и, точно так же, Нью-Йорк – не Америка. С Москвой оно, явно, так. С Нью-Йорком, видимо, тоже. И все же в Москве приезшему прежде всего бросаются в глаза ее общие с Россией черты. И в Нью-Йорке общие с Америкой. Сызмала зная, что это Новый свет, издали трудно понять, чем он нов. А в обличье великого дракона или желтого дьявола, в лучах зависти и ненависти, какую питают к Америке Европа, Россия, Китай, мусульманские и латиноамериканские страны, невнятна реальная новизна, определившая ее нынешнее место в мире.

Что в ней, казалось бы, нового? Разве ее культура и наука, ее буржуазные добродетели и пороки, не из Европы завезены, не англичанами и голландцами заложены, как и Владимирское княжество с возникшей там Москвой разве не русские люди из Киева и Новгорода, из Пскова и Чернигова, создали? Одна лишь малость в Америке нова, но все переворачивающая. Свобода. Всех-то дел, что уходя из отечеств за море, люди там разом отделялись от родных феодальных порядков. Не сокрушали их, а на новом месте начинали жизнь, как бы с чистого листа, пусть местами и запятнаного наследством.

Нынче любят обличать Просвещение, от него, дескать, диктаторство «просвещенных» учителей, особенно марксистско-ленинских. Но они-то дышали феодальной реакцией, с которой соперничали. И еще до них сказано: «Лоск просвещенья на броне татарства – изображение Российского царства». А американские просветители, начиная с Джефферсона, автора Декларации о независимости, легшей в основу тамошнего устройства жизни, создали иной мир, свободный от феодального наследства в главном и тем легче освобождавшийся от «родимых пятен». Конечно, важно, что большинство голландцев и англичан прибыло в Америку после буржуазных революций на родине. Но еще важней, что родины-матери были далеко и осадить обретенную свободу не смогли.

Часто врут, что свобода – удел избранных, а России о ней и думать нечего. Из-за того, что русский язык, именует свободу «волей», ее омоним «волю», упорное стремление к цели, нередко понимают как синоним и замену свободы. Некрасовские строки «Воля и труд человека Дивные дива творят» в советские годы нередко служили девизом советского волевого, силового, феодального порядка. Но поэт имел в виду противоположное. В поэме «Дедушка» он вспоминает: «Горсточку русских сослали В страшную глушь за раскол. Землю и волю им дали. (Воля здесь явно означает свободу. П.К.) Год незаметно прошел». Вскоре «Жители хлеб собирали С прежде бесплодной земли». И поэт заключает: «Так постепенно в полвека Вырос огромный посад, - Воля и труд человека Дивные дива творят!» То есть, дивные дива творит свобода. Русский поэт рассказывает о том же, что происходило и в Америке. Да только Сибирь не отделена от Московии

океаном, как Америка от Англии, а то бы, глядишь, и стала русскоязычным Новым светом, ведь и ее заполнили вынужденные переселенцы, тоже начавшие новую жизнь. Да укрощать ее было легче, и Сибирь осталась символом каторги. Америка же, сперва тоже место ссылки,- символом свободы.

Она в этом качестве нередко служила русскому освободительному движению идеалом. Даже большевики, обратившие Россию в Гулаг, не могли от идеала свободы напрочь отречься. Не зря прекрасный Нескучный сад обратили в ЦПКО, Центральный парк, как в Нью-Йорке. Таких псевдокопий в советской жизни не счесть, а превыше всего был клич: «Догнать и перегнать Америку!» Даже после Сталина звали по мясу и молоку догонять именно ее, а не более близкие Данию или Голландию, где с этим тоже неплохо. Нас учили, что благоденствия, какое Америке дала свобода, мы верней достигнем волевым усилием и насилием. Оттого Америка и оказывалась разом нашим идеалом и лютым врагом. К чему привело насилие видно уже всем, но что оно-то и обрекло на гибель Советский Союз, ни народ, ни власти, не признают поныне, то есть, все еще верят в насилие.

Между тем, банкротство социализма не сняло споров о нужде в свободе для благоденствия большинства, то есть, для прогрессивного развития, которое она-то и вскормила в Америке. Опять узрели, что враг свободы отнюдь не одна Россия, как иным казалось в пору холодной войны, и не только социализм, но и все еще здравствующие традиционные феодальные режимы. Социализм и фундаментализм (не только исламские), левый и правый тоталитаризмы (фашизмы), вместе противодействуют свободе, порой даже под ее флагом. Наследственные и номенклатурные феодалы дружно противятся вовлечению своих народов в глобальный экономический процесс, в котором правящим верхушкам трудней обречь большинство жителей своих стран на нищету. Ныне они усердно обличают глобализацию, хоть старый призыв «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» их не смущал, а подчинению десятков стран и народов единой советской монополии они радовались.

В отличие от нее, созданной феодальным социализмом, могучие американские корпорации, которые, сливаясь они воедино, были бы не менее страшны, слиться в одну как раз и не могут, мешает не только антитрестовское законодательство, но самый дух американской свободы, при которой и старые могучие Рокфеллеры отступают перед все новыми Биллами Гейтсами. Американская свобода не только возвела в Нью-Йорке грандиозные сооружения Нижнего и Среднего города, но сохранила меж ними полосу, пригодную служить местным Конотопом, дух которого проникает и в окрестные небоскребы, внутри, порой, глубоко провинциальные. Но провинциальность и даже плебейство, наблюдаемого в Америке, не порок, а достоинство, поскольку, хоть коммерция и диктует стандарты, за каждым остается его отдельность. Право на сепаратизм

внутри общих принципов, охраняемое не только каждым штатом, воплощает свободу как противовес унитарности.

Порой это принимает комические формы. В музее «Метрополитен», собранием европейской живописи, быть может, даже превосходящем наш Эрмитаж, картины одного художника не всегда висят в одном и том же зале, поскольку подарены музею разными коллекционерами, и так в отдельных коллекциях и выставлены. Понятно, питерского зрителя это раздражает. Но собираетелей это поощряет дарить государственному музею свои коллекции, и он все богатеет, тогда как Эрмитаж только и владеет купленным царями да конфискованным в революцию.

Глобализация экономики означала бы распространение на всю планету норм американской свободы, а вовсе не власть объединенной американской монополии, каковую эти нормы не дают и в самой Америке установить. Конечно, Америка бы от этого выгадала, но еще больше выгадали бы все остальные, входящие в глобальную экономику свободными, при том обязательном условии, что несвободным туда не было бы хода. Условие глобализации экономики – глобализация свободы.

Но американские власти, как ни парадоксально, не заботит утверждение духа свободы на международной арене и сопротивление феодально-социалистическому тоталитаризму. И циничный Клинтон, и более простодушный, но ограниченный, Буш возомнили, что им не страшен серый волк, и США довольствуются ответами на агрессию. Они блестяще ответили еще на захват Ираком Кувейта, безобразно на геноцид албанцев в Косове, квалифицированно, но бесплодно, на укрывательство бин Ладена в Афганистане. А ведь все эти обоснованные удары Америке пришлось наносить по тем, кому она сама, закрывая глаза на их тоталитарную природу, во имя, «реальной» политики, помогала разрастись. Слово не видела угрозы, не уступающей ни национал-социалистической, ни советской.

Американские власти не впервые пренебрегают логикой свободы. С середины двадцатых до середины шестидесятых годов они захлопнули дверь перед спасавшимися от гибели в гитлеровской и сталинской неволе. А ныне, объявив всемирный поход против террористов, продолжают выгораживать самого ловкого из них Арафата. Что уж говорить о поддержке Клинтоном, а теперь и Бушем, российских преступлений в Чечне.

Свобода и благоденствие Америки внушили ее властям благодущие. Они не усвоили, что падение берлинской стены, при всей важности его для Германии и восточно-европейских стран и, конечно, для отношений Запада с Советским Союзом, а теперь с Россией, вовсе не было и не может стать концом противостояния свободы и насилия. Ведь насилие не российская особенность, и если даже верить, что у нас оно ослабело, ни Китаю, ни большинству мусульманских стран, ни большинству стран Латинской Америки и Африки, это не указ. Тяга к насилию возникла не по наущению

СССР. Он лишь учил и вооружал террористов, да помогал идеологически оформиться.

Социальные процессы ввергшие в тоталитаризм Германию и Россию идут везде, где развитие утыкается в нехватку свободы, которую, кстати, и Россия не очень-то обрела. Вот насилие, начатое в 1917 и 1933 годах, и не завершается, и идет новый и, учитывая современную технику, еще более грозный его напор. Одни упреждающие удары по подозреваемым, равно как взятие насильников на щедрое иждивение, их атак не предотвратят, и полиция от них не убережет. Огонь – лишь последнее средство в борьбе против насилия, а первое – отказ от братания с террористами и тиранами, попирающими свободу своих граждан и других народов. Какие бы выгоды оно ни сулило.

СКОЛЬКО ГОЛОВ У ОРЛА?

В России нынче рассуждают о противоречивости политики президента. Свой парень, возродил советский гимн, гордится былой работой в КГБ, а идет на попятный перед Бушем, продает родину Америке, – гневаются у американского посольства коммунисты. Но и люди противоположных симпатий, недалеко от них ушли. Они приветствуют сближение с Западом, но тоже числят его несовместимым с внутренней политикой Путина, в отличие от коммунистов, их не радующей. Даже Григорий Явлинский пустился в рассуждения о том, что внутреннюю политику надо приводить в соответствие с международной, которую Явлинский поддерживает и приветствует.

Между тем, страны сходного социального порядка не обязаны дружить лишь меж собой, и враждовать лишь со странами иной социальной породы. Это выдумка советской пропаганды. Жизнь свидетельствует, что чаще происходит как раз наоборот, страны схожих порядков меж собой враждуют, как СССР и коммунистический Китай или сталинский СССР и гитлеровская Германия. А если вдаваться в историю, еще Англия, давно совершившая буржуазную революцию, выступала против едва ее совершившей Франции. И, наоборот, страны разных социальных порядков при совпадении интересов не чужаются союзов, подобных разношерстной антигитлеровской коалиции во второй мировой войне. Да мало ли какие соображения, помимо абстрактного предпочтения мира войне, могут толкать к сотрудничеству разные социальные порядки!

У Путина. начавшего свою внешнюю политику укреплением дружбы с Северной Кореей и прочими старыми вассалами, первым проамериканским шагом была неожиданная для многих поддержка и даже прямое содействие Америке в Афганистане после 11 сентября. То был, конечно, сугубо прагматический, хоть и блестящий, внешнеполитический ход. Никаких оснований ожидать, что за ним последует отказ от прежних антидемократических внутренних акций, он не давал, но сам по себе безусловно отвечал национальным интересам нашей страны, неспособной сегодня защитить консервативные среднеазиатские, прежде советские,

республики, от напора еще более реакционных фундаменталистских сил, в случае победы угрожающих и прямо России. Понятно, что иных мракобесов, прежде лишь подпевавших президенту, шокировал его смелый и разумный шаг, но трудно понять людей демократического склада вдруг усмотревших в нем надежду на внутренние перемены.

Эти люди все еще не сознают, что установить демократию в России западные державы, даже если им очень захочется, не могут, - ее установление зависит от весомости в нашем народе демократических сил. 19 августа 1991 года эти силы выплеснулись в Москве, остановив реакционный государственный переворот. Но после великого обмана и ограбления десятков миллионов, когда само слово «демократия» в народных устах зазвучало как «дерьмократия», и пропало доверие к демократическим переменам, оснований ждать таких перемен от стимулирования их западными державами так же мало, как прежде ждать реальных перемен в России от звучания зарубежных голосов. Кстати, уже и радиостанция «Свобода», в отличие от многих западных СМИ, не только подпевающая российским властям, не в состоянии давать повседневный социальный анализ происходящего у нас. Это не случайность.

Если Явлинский, однако, полагает, что внешнеполитическая дружба с Западом сама по себе велит думать о сближении и во внутренней политике, то у Путина такой нужды нет, западные партнеры таких претензий ему не предъявляют. Людям, привыкшим думать, что «Запад нам поможет», или, хотя бы, как уверяет Дмитрий Фурман, не станет с нами дружить, если мы выйдем за пределы минимума пристойности, трудно с этим примириться. Но пора осознать, что общественный строй и конкретное правительство – вещи далеко не идентичные, и при самом лучшем порядке к власти часто приходят люди далекие от идеала и отнюдь не идеально блюдущие принципы этого порядка и интересы своей страны.

Да и само понимание ими этих интересов пестро не только из-за личной корысти. Когда разваливался СССР, президент Буш-старший летал в Киев, убеждать президента Кравчука оставить Украину в СССР, хоть еще на горбачевском референдуме против этого там фактически было большинство. Президента США тревожила не судьба Украины или России, а возможность ухода ядерного оружия из под единого контроля. Поскольку такая возможность тревожила и наше руководство, тогда еще претендовавшее слыть демократическим, передачи этого оружия под российский контроль, оно добилось, считаясь с самостоятельностью Украины, Белоруссии и Казахстана, с которой не спешил считаться Буш. А там, где, напротив, наша политика даже преступна, как в Чечне, но не задевает Америку, ее президенты, Клинтон или Буш-младший, нашу власть выгораживают. В сущности, кроме Картера, защищавшего права человека, никто из них за российскую демократию не радел. Да и с чего бы им печься о ней больше, чем наш собственный народ?

Конечно, отношение Клинтона и Буша к происходящему в Чечне постыдно. Но оно подтверждает, что внутренняя и внешняя политика не обязательно идентичны даже в демократических странах. А отечественный опыт напоминает, что внешняя политика Сталина в середине тридцатых

годов вообще не имела ничего общего с его внутренней политикой и никакой необходимости их согласовывать он не испытывал. На международной арене СССР выступал как поборник независимости всех государств, как сторонник коллективных действий против взявшего власть в Германии национал-социализма, а за это вроде были и западные демократические страны. В конце 1933 года установились дипломатические отношения между СССР и США, до того отсутствовавшие, а в 1935 заключен договор о взаимопомощи с Францией. За международную справедливость и соблюдение всеобщих прав ратовал наш народный комиссар по иностранным делам Литвинов, звучавший куда более складно и убедительно, чем нынешний Иванов или даже Козырев.

В стране, между тем, беспощадно уничтожалось крестьянство, а, сладив с ним, Сталин еще жестче стал ликвидировать пережитки либерализма и демократии в повседневной жизни. Великий террор остался в массовом сознании разгромом прежней относительной демократии внутри компартии и ее фактической смертью как политической организации, расстрелами старых партийцев и превращением новой верхушки в правящий класс. Но это только часть правды.

Даже официально, как объявил Хрущев на XX съезде КПСС в стране репрессировали семнадцать миллионов (в действительности, гораздо больше). А в партии и перед самым Октябрем было немногим больше четверти миллиона и даже в начале тридцатых немногим более двух миллионов. Репрессированных оказалось много больше потому, что ликвидировали не только старых коммунистов, не сумевших отказаться от утопических идеалов и потому не вполне способных без рассуждений выполнять любое задание партии. С корнем выкорчевывали приверженцев любых либеральных и демократических, по прежней терминологии «левых», движений, каких после отмены крепостного права более чем за полвека в России появилось немало. Множество самых разных людей, репрессированных царской властью по политическим мотивам, повторно и еще более сурово репрессировались советской. Многие из гонимых царской властью вынуждены были эмигрировать из Советской России. По существу, наша страна поныне пожинает плоды советских репрессий, лишивших ее могучего слоя демократической ориентации. В массовом сознании само обозначавшее его прежде слово «левый» отождествилось с большевистскими палачами, а люди вроде Владимира Короленко или Георгия Федотова из массового сознания выпали. И всю эту бойню, все это изъятие из русской жизни людей и идей, заслоняла внешняя политика, заменившая прежде открытые призывы к мировой революции (потом даже и Коминтерн заменили отделом ЦК). Иные западные люди и казни бывших революционеров сочли за оздоровление страны. Но тут, как гром среди ясного неба, возник союз Сталина с Гитлером, и партийная газета «Правда» принялась оправдывать национал-социализм и обличать западные демократии.

Нападение Германии и наша победа вытравили из памяти предвоенную пору. По молодости Григорий Явлинский в те годы не жил, но трудно предположить, что он о них не знает. Тогда двуглавый орел не имел ничего

общего с государственным гербом, но не это мешало красиво, как ныне Дмитрий Фурман, говорить, что головы нашего орла глядят в разные стороны. Обе глядели в одну цель. Вот и политика Путина, нравится она нам или не нравится, тоже целостна и последовательна. Внешняя, как тогда, декорирует внутреннюю.

Отсюда, конечно, не следует, что опять неизбежен массовый террор. Он ведь и тогда грянул лишь потому, что в стране еще были демократические силы, способные оспорить самоуправство большевиков. А ныне таких сил нет. Путин лишь провел примерки на НТВ и ТВ-6, а кругом уже стоят по струнке, и не надобен ему показательный процесс над Явлинским. Если, конечно, не грянет хозяйственный кризис. А убийство Старовойтовой и при Ельцине не сочли терроризмом. Вот и не стоит искать противоречия там, где все стройно и ясно.

НЕЗАМЕЧЕННЫЕ ПРИЗНАНИЯ

Убийство полковником Будановым чеченской девушки обрело неожиданный, но как-то не вполне осознанный оборот. Новая психиатрическая экспертиза, в отличие от предыдущих, сочла, что полковник на время убийства впал в невменяемое состояние, и, по давней сатире, «хоть убил, говорят, не виновен ни в чем». Экспертизу критикуют, тем более что подписана она Тамарой Печерниковой, диагностировавшей заболевания по указанию властей. Доводы для наказания невиновных нынче не нужны, - в Чечне их убивают пачками, хотя под суд попал один Буданов. Но нужны доводы, чтобы избавить его от заслуженного приговора. И опытные советские психиатры такие доводы сочиняют, опять не боясь, что наш справедливый суд захочет объективной, независимой экспертизы.

Одно непонятно. А ну, как люди примут экспертизу всерьез, поверят, что у Буданова впрямь были периоды невменяемости, никем не замеченные, и не мешавшие ему выполнять боевые задания. Поверив этой экспертизе, можно предположить, что в незаконных действиях и гибели тысяч мирных чеченцев, вообще, виновна не власть, пославшая армию на преступную войну, а психические болезни солдат, офицеров и генералов, лишь по халатности своевременно не обнаруженные и не поведшие к их отстранения от службы.

Тут и призадуматься, призвана ли новая экспертиза лишь выгородить Буданова, готового, как незабвенный Берлага, слыть психом, или она призвана опорочить нашу армию, творящую черные дела якобы в невменяемом состоянии, и выгородить президента и правительство, отдававших армии приказы в здравом уме и твердой памяти? Такого прямого задания Печерникова, видимо, не получала, лишь по советской привычке не подумала, что в ее действиях различим не только угодный власти, но и объективный смысл. А пережитки перестроечной, хоть и не свободы слова, так гласности, еще позволяют видеть вещи не только в идеологической упаковке, но как они есть.

Нынешние государственные деятели порой искренне говорят, что думают, и их мысли, как обнаруживается, неотличимы от гитлеровских или от тех сталинских, какие даже КПСС осудила. Если президент, прошедший школу КГБ, старается говорить подумавши, то его аппарат не проявляет осмотрительности, а депутаты Думы, отнюдь не одни Шандыбин с Жириновским, и вовсе чувствуют себя вольготно.

Русскому языку, вместо уродовавшего его прежде канцелярита, ныне идет во вред бурный наплыв жаргонных новаций, с которыми слабеющим культуре и просвещению не совладать. Думу беспокоит состояние родного языка, что само по себе похвально, да только не законы язык совершенствуют. Запрещая в общественных местах матерную брань, прежде украшавшую речь партийного и советского начальства, авторы готовящегося закона, дабы не сочли антипатриотами, заодно запрещают употреблять иностранные слова, имеющие русские эквиваленты. Конечно, многие сразу заметили, что под запрет подпадет слишком много общеупотребительных слов, и администрация президента, инициатор закона, вроде готова на уступки. Но что она думала раньше, чего хотела? Чтобы говорили не Президент Путин, а Председатель Путин? Чтобы депутаты стали «гласными»? Чтобы слова «Конституция» и «Федерация» вместе с обозначаемыми ими понятиями исчезли?

Власти забыли, что уже с принятием Русью заграничной веры, христианства, в русский язык вошло множество еврейских, греческих и латинских слов, а потом и немецких, и французских, и прочих. Все это знаки общей с Европой жизни России и изымают их, как при борьбе с космополитами, ради обособления и противопоставления нашей страны миру. Официально должностные лица говорят, напротив, что хотят всеобщей дружбы. Выходит, и тут они не подумали, что в борьбе за чистоту языка их тайные мысли вылезут наружу. А чтобы официальное лицо ненароком не сказануло «у нас на флэту» вместо «у себя дома», закон не нужен, надо при назначении или избрании учитывать культурный уровень соискателей и не думать, что малограмотность - признак близости к народу.

В заботах о русском языке власти не обошли вниманием и другие языки. С подачи президентской администрации Дума готова объявить кириллицу единственно законной графикой для документов на территории России. Но, поскольку Россия многонациональна и, многоязычна, ее разные языки имеют разные системы письма. Советская власть вводила единое письмо для всех и сперва замышляла даже перевести русский язык на латинскую графику, как самую распространенную в мире. К счастью, от этого отказались. Языки мусульманских народов, пользовавшихся арабским письмом, сперва тоже переводили на латиницу, а в тридцатые годы - на кириллицу. Но даже Сталин отступил перед заменой грузинского и армянского шрифтов, а, потом латиницы эстонского, латышского и литовского языков.

Ныне поступают решительней. Письмо, вообще, неполно воспроизводит звучание языка, и для смягчения несоответствий часто используют сложные буквенные сочетания и правила чтения. Но даже

английский и французский языки, при диком разрыве букв и звуков, остерегаются поспешных реформ письма, поскольку традиция существенна для языковой культуры. Реформы правомерны лишь для каждого языка отдельно, поскольку только сами его носители, ощущая недостатки своего письма, могут его исправить. А Дума приняла поручение решать такие вещи разом за всех. Неужто и тут проглядели, что любой, открытый конкретный шаг, выдает принципы, о которых молчат.

Ну, какая большинству Думы разница, будут ли, скажем, татары опять пользоваться латиницей, и по мнению турок, тоже перешедших к ней от арабского письма, более пригодной для тюркских языков, или останутся с кириллицей? Пусть бы над этой проблемой ломали себе головы в Казани. Ан нет, даже это предписывают из Москвы, что вполне сообразно с возвратом от провозглашенной было федеративной России к унитарной. Унификация всего и вся зашла даже дальше Сталина, приказавшего культуре была социалистической по содержанию, но все же признавшего, что по форме она может покамест оставаться национальной. Неужто власти не понимали, что их маньякальную тягу к унификации заметят?

Казалось бы, ничего не поделать: хоть все татары и знают по-русски, говорить по-татарски не запретишь. Но власть хочет, чтобы хоть писали русскими буквами, даром что, не зная языка, все равно не понять, что они там пишут. Любопытно, что же теперь будет с документами в Еврейской Автономной области, позволят ли писать на языке идыш еврейским письмом? Или признают, наконец, что область не более Еврейская, чем любое место с еврейским меньшинством (Евреи там составляют 5%, и лишь 0,7% населения считают еврейский язык родным.), и назовут ее просто Биробиджанской?

Ничего, вроде, общего меж психиатрической экспертизой и языковыми реформами нет. Кроме одного. И тут и там вылезает то, что власть не хотела бы демонстрировать, но невольно проговаривается. И нам и всему миру внушают, что нынешняя Россия отлична от Советского Союза коренным образом, а не косметическими деталями. Но у нас не только гимн прежний, а власть по-прежнему не в состоянии без ущерба для себя действовать гласно. Вроде и пытается, да опять, как говорится, мордой об стол. Нынешнее общество, как и советское, не может обсуждать себя открыто, поскольку не хочет, чтобы его видели во всей красе, а при гласности легко сболтнуть лишнее.

Трудно сказать, как поступили бы с Будановым, изнасилуй он и убей афганскую девушку, когда там был «ограниченный контингент». Это зависело бы от воли начальства и установок свыше. Опять же, разноречивой с письмом, - то была воля Сталина, воля партии. Никакой тебе логики, законности. И если советский строй был правомерен, то алогизм в нем логичен, поскольку никакой закон не совместим с повседневным беззаконием.

Прятали не так военные тайны, как лицо социального строя, вот и не было иной возможности, как звать беззаконие законом, соглашаться, что КПСС нами правит не просто потому, что собрала больше голосов на

выборах, а потому, что так записано в Конституции. Затем и была шестая статья. Коммунистическая партия, как император всероссийский, царь финляндский, польский и прочая, тоже правила нами милостью божией. При введении первой Государственной Думы, формально делавшем монархию конституционной, особо подчеркивали, что воле государя Дума не преграда. И Верховный Совет волю партии не стеснял, утверждал единогласно, а многое и, вообще, втайне. Это было логично, коль скоро народ такое терпел. Не только выглядело складно, - подобное царство произвола иначе, как втайне от самого себя, жить и не могло. И ныне свободное слово мешает президентам, по-прежнему отводящим первую роль своей воле, благо Конституция еще автократичней, убедить людей, что настал иной порядок и на первую роль вышел закон.

Прощаясь с советской властью, страна не заметила, что отвергла и что сберегла. Марксистско-ленинская идеология как бы отброшена. Да только ее суть давно уже не во вранье, будто рабочие умней крестьян и инженеров, а в воле правящей «элиты», якобы лучше знающей, что рабочим и всему народу лучше, и потому поступающей по принципу «что хочу, то и ворочу». На этом и стоял советский порядок, поныне живой. Его то и подрывают разговорчики в строю.

ПОГРОМ

После проигрыша Россией футбольного матча Японии в Москве начался погром. Он не был избирательно японским, - на случай проигрыша российской команды японское посольство заблаговременно предостерегло соотечественников от прогулок по Москве. Пострадал японский ресторан да несколько японских участников конкурса имени Чайковского. Громили нашу столицу, ее жителей, ее учреждения и культурные очаги, громили Россию, но погромщики были не иностранцы, не инородцы. Материальный ущерб причинили немалый. Даже Художественному театру, ни к футболу, ни к незадавшейся игре, не причастному. А еще моральный ущерб. Пострадал престиж не только Президента и Правительства, не только московской Мэрии и милиции. Обидно не так за державу, как за народ.

В объяснениях нет недостатка. Винят проигравшую команду. Винят милицию, - в отличие от японского посольства, не проявившую предусмотрительности, - милиционеров было мало и они не оказали погромщикам достойного сопротивления. Винят городские власти, организовавшие трансляцию матча в центре города, на Манежной площади у стен Кремля. Высказывается мнение, что погром не был стихийным, что он организован, чтобы подтвердить нужду в жестком законе об экстремизме, как раз сейчас рассматриваемом Думой.

Еще называют проигрыш новой Цусимой, словно Россия не взяла за нее реванш во второй мировой войне, и кого-нибудь в России еще терзает давнее поражение. Конечно, есть тут и щекотливая страница. В апреле 1941 мы заключили с Японией на пять лет договор о нейтралитете, решив, что в ходе предстоящей обоим большой войны не стоит мешать друг

другу. Договоренность была столь важна, что провожать японского министра иностранных дел Мацуоку на Ярославский вокзал прибыл Сталин. Такого история не знает. Ни Рузвельта, ни Черчилля, ни президентов, ни премьеров, не то что министров иностранных дел, он никогда не провожал. А тут хотел вызвать доверие. И вызвал, - японцы и в самые трудные для нас дни нам в спину не ударили. Но победив Германию, мы ударили им в спину, ссылаясь на союзнический долг, хотя соглашение с союзниками подписали после пакта с Японией. Именно наше вероломное нападение 9 августа, а не атомная бомба, сброшенная на Хиросиму 6, и на Нагасаки тоже 9, вынудило Японию капитулировать. Может быть, память о том, что наша победа над Японией, в отличие от победы над Германией, была не слишком честной, терзает кому-то совесть и рождает злобу? Все версии, кроме винящей футболистов, резонны и должны быть рассмотрены. Но и все они вместе не объясняют погрома.

Ну, не поставили бы большие телеэкраны. Но футбол слушают по транзистору, лежащему в кармане. Неравнодушное обсуждение на улице удачных и неудачных подач и ударов, - обычная норма, и не во власти Лужкова ее пресечь. Не сладить с этим и милиции. При большей профессиональной грамотности она могла лишь наперед рассеять стоящих на площади, чтобы толпа не была сплошной и оттого безграничной. А худые чувства к Японии, которой мы всё не простим свое вероломство, если и разыграли при нынешнем разгуле шовинизма, так ведь в Государственной Думе, которая тоже пострадала, строго юридически ни одного японца нет: Хакамада, дочь генсека японской компартии, по матери, а значит и по паспорту, русская.

Да и допущение, что в толпу сознательно запустили провокаторов, вполне вероятное, не может, однако, объяснить, почему такое множество людей им поддалось. Бесчинства футбольных фанатов - не российская особенность. В Англии они ведут себя не менее безобразно. Но увлечь за собой такое множество людей ни дома, ни при выезде в другие европейские страны, им не удастся. И не оттого, что британская полиция лучше нашей. Вот и разбираться надо не только в том, кто поднес спичку и кто не сумел ее выбить из рук поджигателей массовой страсти, а в том, отчего воспламеняется толпа. Но об этом у нас не думают, и опыт не анализируют.

А опыт у Москвы огромный. В мае 1896 года на Ходынском поле устроили народное гулянье по случаю коронации Николая II. Пришедшим дарили сайку с куском колбасы и пряник. Да еще кружку. Охочие до подарочка отталкивали других. И хоть полиции согноли около двух тысяч, не то что на Манежную, а подарков хватало, - затоптали насмерть чуть не полторы тысячи человек и еще 1300 изувечили. Советской власти тогда еще не было, и она сама винула потом в Ходынке реакционный царский режим. Но в марте 1953, когда объявили, что можно проститься с умершим вождем, пройдя мимо его гроба, желавшие увидеть живого бога мертвым устроили в Москве новую Ходынку, а число погибших и изувеченных председатель похоронной комиссии Хрущев, ответственный за порядок на похоронах, не огласил даже в своем великом докладе о культе личности.

Пренебрежение другим человеком, готовность, ничего против него не имея лично, его растоптать, различимы у нас уже по тому, как, отталкивая других, в метро ступают на эскалатор.

Всюду в мире человек ведет себя в толпе иначе, нежели в одиночку, это заметили давно. Но реже думали о том, что не везде и не всякий человек с толпой сливается, разные люди ведут себя по-разному, и сами толпы от этого разные. Не то что различий не замечали, но игнорировали их суть. Между тем, сближение людей меняется от меры осознания составляющими его людьми своей отдельности, от их разного отношения к стоящим рядом другим, тоже отдельным людям. А в росте такого осознания и состоял сформировавшийся человечество переход от стада к обществу. Этим, прежде всего, и занимались возникавшие религии и философские учения, и наивно думать, что их различия никак не сказывались потом.

Христианство, уповающее на жизнь вечную, вместе с мыслью об отдельном спасении души каждого, за которое тот отвечает персонально, самолично, внесло в умы миллионов еще ветхозаветное представление об индивидуальности человека. Протестантизм, возрождавший его начальные принципы, послужил и позднему переходу от иерархических отношений к экономическим и к сообразным им общественным понятиям Нового времени, определившим в Европе и Америке нормы поведения. Эти нормы, живущие там в сознании большинства, и удерживают большинство британцев от слияния с футбольными фанатами, их грубо нарушающими.

А в России ни религиозных, ни политических противовесов насилию в сознании нет, все надежды на милицию, которая после проигрыша Бельгии и впрямь управилась лучше. Но глупо надеяться, что одна милиция способна усмирить «русский бунт,- по слову Пушкина, - бессмысленный и беспощадный». А он-то и происходил на Манежной! Совладать с ним способно лишь индивидуальное сознание каждого гражданина, большинства граждан. Однако патриарх всея Руси, которому тут бы и книги в руки, сетовал лишь на подрыв престижа России. Его не смутила несообразность массового буйства уверениям, что Россия – христианская страна. И какая же христианская, коли самая многочисленная церковь даже и другие христианские исповедания на дух не выносит, и все норовит с помощью государства прижать к ногтю то сектантов, то даже католиков!

Едва ли не главная традиция страны – опора на насильственный коллектив, каковым еще в начале XX века была крестьянская община, а потом стал колхоз. Стоя на таком фундаменте, государство заведомо не уважает своих граждан в правовом и, тем более, в политическом отношении. Оно живет призывом к силовому единству, не важно с кем и на каких началах. Партия «Единая Россия» ратует не за сотрудничество разных сил и частей страны ради общих целей, а за единообразие, именуя единством безоговорочное исполнение предписаний Москвы. Жириновский уже и союз с былыми советскими республиками хочет возродить, включая их дробленными в состав Российской Федерации, например, Белоруссию в качестве двух отдельных губерний, Минской и Могилевской.

Растет и число организаций воинствующего единства. Одних, «Идущих вместе», власть поддерживает открыто. Других, скинхедов, -- уже тем, что им не противодействует. И те и другие – глашатаи обязательной для всех правды. В советские годы человека, порывавшегося вести себя по-своему, объявляли отщепенцем. Практика «Идущих вместе», не говоря о скинхедах, возрождает ненависть к «отщепенцам» и сеет страх угодить в их число. Что же удивляться, что сотни людей бесчинствовали в центре Москвы? Веди они себя иначе, - не то, что останови хулиганов, но уклонись от соучастия с толпой, - глядишь, сочли бы, что в них мало патриотизма, и жажды победы над всем и вся.

Чтобы осадить экстремизм, России не нужен особый закон. Карать надлежит экстремистское поведение, - это и оскорбления на национальной почве, и унижения меньшинств, и призывы к агрессивным действиям, не говоря о самих действиях. Законов для этого хватает. Но требуют доказать не только совершение преступления, а еще таящийся за ним идейно-экстремистский умысел. Ну, посетовал человек, что не всех евреев пожгли, не наказывать же, говорят, за это, - вы, мол, докажите, что у него умысел самому этак окончательно решить еврейский вопрос! И так же сводят к бытовухе убийство азербайджанца или негра. Этим и поощряют экстремизм, а особый закон власть заводит, чтобы сделать экстремизм своей монополией. Как заметил еще Маркс: «мысли господствующего класса есть господствующие мысли». А говоря по-русски: «Что сеете, то и пожинаете».

ПЛОДЫ ИДЕОКРАТИИ

В бедах России обычно винят власть, и не то чтобы зря. Но не только Ленин, Сталин, Горбачев, Ельцин, или Путин, а еще трехсотлетний дом Романовых и сам Иван Грозный, причиняли ущерб отечеству, отнюдь к тому не стремясь, причиняли, так сказать, попутно, гонясь за другими, частными или грандиозными целями. Никто, скажем, не ставил себе задачей, чтобы средняя продолжительность жизни мужчин стала у нас ниже возраста назначения пенсии, а ныне она такова. С власти это вину не снимает, но стоит все же видеть, в чем вина состоит.

Кризис социализма и распад СССР подкосили веру в мудрость Маркса. Представление о физическом труде, как единственном источнике ценности, и росшая из него вера в пролетариат, как мессианский класс, сбили с толку много российских умов. Но в октябре 1917 года только слепые не видели, что власть взял никак не пролетариат, составлявший в России явное меньшинство. А Маркс-то настаивал, что мессией пролетариат окажется лишь в высокоразвитых странах, да еще разом во всех, а никак не в отсталой и отдельно взятой. В ленинизме от Маркса уцелели частности, суть его **утопии развития** потерялась. Не это, конечно, сгубило СССР, и наивно искать спасение в возврате к социалистической утопии. Будь даже Ленин кругом ей верен, утопия тем и утопия, что не имеет места. Но Маркс не сводится к социалистической утопии. Одним из первых, пусть чересчур прямолинейно, он осознал связь хозяйственной практики людей с результатами их труда, образом мыслей и устройством общества. Ленин,

как фанатик воли, в таком ракурсе о последствиях своей практики не думал, - то есть, разрыв с Марксом вел его еще и к утрате самоконтроля.

Сперва большевикам помог реваншизм белой армии, шедшей против Декрета о земле и Декларации прав народов России, потом НЭП. Но и урезанная свобода рынка, вызывая нужду в хотя бы частичной смене политических вех, была несовместима с государственной волей. Ленин, убивая людей и ломая хозяйство и культуру, сулил выход из кризиса, в который страну загнал царизм. Сталин убивал и ломал наново, когда кризис облегчился, и наметилась тенденция к экономическому порядку, схожему с европейскими и американским. Надо было либо уступать ходу вещей, либо наново проявить волю, что Сталин и сделал, навязав стране новый порядок.

Числился-то он пролетарским, марксистско-ленинские слова звучали громко, но уже обращаясь в ритуальную идеологию. Выдающийся фонолог князь Н.С.Трубецкой, выступая, правда, не как языковед, а как политический мыслитель, тогда же назвал такой порядок идеократическим, то есть исходящим не из насущных нужд общества, а из идеи, каким ему следует быть. Сам-то князь хотел видеть идеократию православной. Но он раньше многих углядел, что советская Россия и одновременно фашистская Италия создали идеократический общественный строй. В Германии национал-социалисты еще не взяли власть, а об идеократии развивающихся стран, об исламском социализме, еще и не гадали. И князь, не приемля советской власти, вынудившей его навек покинуть родину, и не жалуя фашизм, воспевал идеократическое правление новыми государствами.

Оговаривая, что в СССР и в Италии идеократия осуществлена не полно и порой даже превратно, он ценил проявившиеся там ее свойства и, прежде всего, государственный максимализм – «активное и руководящее участие государства в хозяйственной жизни и развитии культуры». Трубецкой считал необходимым «огосударствление общественных организаций», упразднение многопартийности и изменение самого понятия «партия», теперь соединившего в себе «государственно-идеологическую организацию с корпорацией правящего слоя». Ему нравилось, что, «поскольку эта единая и единственная партия, возглавляется советом вождей (политбюро, ЦК и т.д.), этот совет и является фактическим главителем государства», а вождь, «пользующийся большим престижем». – его главой. Он прямо говорил: «Существует ли наряду с этим конституционное правление и является ли оно наследственным или выборным – все это при идеократическом строе совсем второстепенно и несущественно». А возможно ли установление и поддержание подобного строя без кровавой бани, в которой оказалась Россия, князя не занимало, то есть, видимо, тоже казалось ему второстепенным и несущественным. Еще прежде, чем он увлекся идеократией, славная деятельность ЧК, ликвидация крестьянства и интеллигенции, расправы с нежеланными народами, стали широко известны. Но князь полагал, что «накопляемый правящим слоем этих государств политический опыт, создающиеся там

формы быта и социально-политической жизни, - все это пригодится в будущей, подлинной идеократии».

Между тем, в идеократиях, по Сталину или по Трубецкому, существенны не так различия идей на знаменах, как общая идея, а точнее, вера в возможность заставить людей жить, как хочется знаменосцам идей. Вера в них в истории возникала не раз и не два. Их власть Макс Вебер называл харизматической, оговаривая, что она не долговечна и обречена перерасти либо в традиционную, либо в правовую. Идеократии нередко служат социальным революциям, но не стабильности, поскольку по природе своей чураются компромиссов с реальностью и людьми, чем тормозят и социальное, и культурное и техническое развитие. Аннулируя мировое значение Шекспира, поскольку большинство людей («негры и китайцы») о нем не знает, князь все же признавал технические, особенно военные, достижения ненавистной ему Европы и советовал России их перенимать.

Нет, чтобы задуматься, откуда у «романо-германцев» такое преимущество. Ведь тогда рухнула бы вся псевдологика, выяснилось бы, что техника - тоже часть культуры, и хотя имена Галилея и Ньютона или Планка и Эйнштейна тоже большинству людей неведомы, их открытия и, что еще важнее, практические приложения оных, приведшие к техническим успехам, социально обусловлены. Виднейший структуралист и почитатель синхронного мышления князь Трубецкой противопоставил традиционный порядок человечества буржуазному порядку Европы к невыгоде последнего. Но для Европы это противостояние диахронное, историческое. До XVII века там тоже господствовал традиционный порядок, но его преодолели, чтобы жить лучше. Жить не по харизматическим прописям, а допуская к активной жизни все больше и больше людей.

Неограниченной свободе самодержавного правителя, числящего подданных – холопами, Европа противопоставила экономическую свободу подданных и, ради нее, - политическую. Примату государства перед личностью - противопоставила права гражданина и человека. А подаяниям государственного патернализма – системы социальной защиты. Россия еще в двадцатые годы тоже могла совершить такой выбор. Но партия совершила другой, и стальная сталинская воля не спасла страну ни от нищеты, ни от необходимости обороняться под Москвой и на Волге. Тот выбор правящий класс на деле поныне не отверг. А дальше жить с выдохшейся харизмой страна не в состоянии.

Покамест она проедает природные запасы. У хозяйства, вернее у ведущих менеджеров, больше простора для оборота, но руководящий поводок натянут. Распорядители прежних хозяйственных министерств и лидеры корпораций в качестве «олигархов» дразнят публику подобием «капитализма», но множества мелких и средних фирм, реально его образующих, у нас так и не видать. Принят даже закон о продаже пахотных земель, но уверенности, что их продадут миллионам фермеров, а не Потанину, Ходорковскому или Пугачеву в виде совхозов–гигантов, тоже нет. Марксизм-ленинизм отменен, но созданная под его флагом система управления лишь обновила косметику.

Трубецкой был прав, говоря, что характер управления важнее нелепостей, которые в виде якобы материалистической философии предлагали партийные идеологи, - тогда Ленин и Троцкий, Сталин и Бухарин, потом Жданов, Суслов да Ильичев. Но князь сам хотел такого же управления, то есть, тоталитаризма, только православных тонов. А ему даже не было нужды ссылаться на тяжелые обстоятельства, вынуждающие ради великой цели приносить бесчеловечные жертвы, чем поныне оправдывают и Ленина и Сталина. Князь выбрал тоталитаризм добровольно, как теоретик. Сменить вывеску, сменить ленинизм на православие, было, в сущности, единственным, что он хотел в сталинском режиме изменить. Он сердчал, когда другие эмигранты называли его идеи «православным большевизмом», и объявлял это абсурдом, поскольку меж православием и большевизмом ничего, дескать, общего нет. Он не оглядывался, больше ли общего осталось меж большевизмом и взглядами Маркса. И что Сталин, создавший новую систему управления, не только числился классиком марксизма и верным ленинцем, но по образованию, самую малость незавершенному, был православным священником, князь тоже забыл. А в трудах вождя видна пройденная им школа. Да и церковь не случайно переплелась при нем с КГБ.

Князь Трубецкой, видимо, желал русским людям добра, да любезная ему система управления не давала им самим решать, как жить. Советская власть, возможно, тоже хотела, как лучше, да система управления вела вспять. Вот и благие намерения нынешних властей кругом зависят от готовности преодолеть инерцию прежнего управления. Иначе будет, как всегда.

МЕСТО РОССИИ

Год назад, на нью-йоркском пепелище терроризм, прежде подсобное политическое средство, объявили политическим движением. Его социальную природу не прояснили, но понадеялись на контрудары. А будь Америка на чеку, изменение курса самолетов побудило бы сразу поднять в воздух боевые истребители, способные вынудить лайнеры к посадке. Даже пойдя террористы вместо посадки на самоубийство, и погуби пассажиров, политические плоды были бы скромней. Цивилизации и впрямь опять грозит опасность, но, чтобы с ней совладать, надо ее понять. А популярное у нас уподобление атаки на Нью-Йорк войне в Чечне лишь наводит тень на плетень.

Советский Союз развалился потому, что в советском виде не был союзом. Первый Секретарь Компартии Литвы Бразаускас говорил: «Михаилу Сергеевичу кажется, что Советский Союз – это шестнадцатая республика, которая стоит над всеми нами!» Оторопевший Горбачев спросил: «А что же по-вашему Союз?» И Бразаускас пояснил: «Союз – это все мы вместе». Этого не понимал ни партийный, ни государственный аппарат, ни большинство граждан, уверенных, что мы одна страна, а не Союз стран. Вот и самую малую тягу к самостоятельности клеймили, как

сепаратизм, и пресекали. Уже по Сталинской Конституции Союз на деле снова стал Российской империей.

Остальной мир уже после первой мировой войны дробился, но налаживал экономические союзы. Экономическому развитию разом нужны и свободные контакты («союзы») и автономность их участников («сепаратизм»). А советская империя понимая «союз», как диктат центра, жила внеэкономическими отношениями, хозяйственным волюнтаризмом и подневольным трудом. Они ее и подкосили. Но уцелевшее административное строение, все еще мешает Российской Федерации быть федерацией, как мешало Советскому Союзу быть союзом.

При переучреждении Российской федерации права человека в некоторых сферах выросли: можно говорить вслух, читать, что хочешь, перебираться за рубеж и даже, если кто оплатит, ездить туда на время. Но экономическая свобода у нас не всеобщая, а олигархическая, и только для покладистых. А социальные гарантии при так называемых реформах упали даже ниже прежнего жалкого уровня. Вот наше государство и не стало демократическим, и, тем самым, не стало федеративным. А его руководство могло, и не вставая, как Вилли Брандт, на колени перед памятником жертвам геноцида, помнить, что чеченцы не сами себя депортировали. Не только Сталин приказал, но и Верховный Совет РСФСР единогласно одобрил. Да не помнят.

А Америка возникала как экономическое общество. В заморской колонии, да еще после буржуазной революции в метрополии, оно создавалось естественно, хоть и там плантаторы-рабовладельцы были пережитком внеэкономической системы. Америка легко вросла в экономический мир, утвердившийся к началу XIX века в Западной Европе, и со временем стала его оплотом. А большая часть планеты так и жила по внеэкономическим нормам. И, перенимая технические достижения экономического мира, еще надеялась его одолеть на старых началах. В первую мировую войну, когда Россия оказалась на стороне буржуазных Англии и Франции против Германской, Священной Римской (Австро-Венгерской) и Оттоманской феодальных империй, смысл глобального противостояния не был отчетлив. Он прояснился после Октября, когда, опершись на феодальное наследство, мы противостояли экономическому миру и назвали социализмом внеэкономический порядок, якобы призванный победить в мировом масштабе. С 1933 года аналогичное под чуть уточненным именем затеяла Германия. Наметившуюся было нашу с ней дружбу подсекло взаимное коварство. Мы опять оказались вместе со странами экономического порядка, и вместе разгромили Германию. И снова обнажилось коренное противоборство экономического и внеэкономического миров.

Конец холодной войны иным показался окончательной победой экономического мира, торжеством либерализма и, как уверял американец Френсис Фукуяма, «концом истории». То была, однако, лишь теоретическая победа, а большинство человечества на деле жило по-прежнему и не спешило менять образ жизни, да и Запад действовал не по общетеоретическим, а по конкретным геополитическим соображениям, и широко

продавал свои технические открытия. Предсказание Ленина: «буржуй продаст нам веревку, на которой мы его повесим», сбывалось, и выученики американских летных школ атаковали Нью-Йорк. Они хотели возродить историю вопреки экономике.

Историю ныне движет различие внеэкономического и экономического миров. Экономический кличут рыночным. Но рынки, сбыт сырья и даже товарное производство процветали издавна. А экономическое общество сложилось, когда товаром стала рабочая сила, и возник рынок труда, физического и умственного, а не просто рынок рабов. Когда в экономические отношения вступили не одни обладатели имущества, но и обладатели знаний, умений и дарований, то есть, все граждане. Можно спорить, что первично - экономическая свобода или политическая демократия, но их связь очевидна. Внеэкономическое хозяйство, напротив, и дома не считаясь с людьми, действует против других стран силой. Национал-социалистическая Германия написала на знамени «Пушки вместо масла», но войну проиграла. Наша страна стала даже сверхдержавой, но гордящиеся этим забыли, чем за это плачено, - а плачено уничтожением русского крестьянства и нищетой большинства советских людей.

И у Германии в середине сороковых, и у нас в девяностых итог был плачевен. Но не всех учит и свой опыт, тем более чужой, и против экономической свободы пошла уже третья тоталитарная волна. Названия «мусульманская» и «арабская», как прежде «национал-социалистическая» и «немецкая» или «коммунистическая» и «русская», обозначают не ее суть, а ее место рождения. Дело не в этнической и религиозной принадлежности. И не только тем положение ново, что все более грозное оружие все доступней малым странам и даже кучкам людей. Ведь при холодной войне они сознавали, что самовольным действиям дружно воспрепятствуют обе враждующие сверхдержавы, помнившие, что на акцию, подобную 11 сентября, автоматически ответит сокрушительный удар по главному противнику, чего, во всяком случае, до поры, обе хотели избежать. Сегодня, вопреки воплям, что США - единственная сверхдержава, они, кроме прямого применения оружия, тоже перестали ею быть, поскольку угроза, сдерживавшая и Хрущева и Брежнева, ни Саддама Хусейна, ни, тем более, бин Ладена, не сдерживает, - последнего и не поймать, а от того уцелеют ли миллионы арабов и, тем более, афганцев, он себя зависимым не ощущает.

Оттого и ответить лишь силой, хоть невозможно оставлять агрессию без ответа, мало. Ирак, которому еще недавно давали оружие против Ирана, и еще шлют продовольственную помощь, каковую Саддам тоже расходует на оружие, США, конечно, могут уничтожить загодя. Но разве это единственная база внеэкономической агрессии? Не верней ли, отказавшись от геополитических иллюзий, от сколачивания лагеря свободы из сомнительных союзников, способствовать переходу готовых на это стран третьего мира к экономическим порядкам, чтобы этим странам жить тоже не благотворительностью да милостями природы, а знаниями, умениями и дарованиями граждан. Но этой истинной глобализации

экономических отношений не помогают ни Запад, ни Россия. Для этого надо различать не только на словах государства экономической и политической свободы и диктаторские режимы, владеющие большей половиной планеты.

Если, однако, для США это больше внешнеполитическая проблема, то для нас и внутренняя. Вопреки банкротству коммунизма, лидер компартии регулярно занимает на выборах президента второе место, - ведь реальные реформы так и не проведены, и, не ощутив преимуществ иного порядка, многие тоскуют о прежнем и даже досадуют, что не поддержали ГКЧП. А среди насущных реформ – установление реальных федеративных отношений. Чеченская война, - знак, что их нет. Чечне, как и России или Ираку, тоже предстоит выбирать меж экономической и внеэкономической жизнью. Чеченцы шли за Дудаевым, поддержавшим реформы, а не за коммунистом Завгаевым. Даже загубленную полковником Будановым девушку звали Эльза, - имя не традиционное, и тоже дающее повод предположить, что многие чеченцы, и помимо московской диаспоры, не так уж скованы традициями. Но то-то и оно, что безнаказанные Будановы и Шамановы толкали их к традициям, как к единственной защите. Толкали к Хаттабу и его дружку Басаеву. А помогая им взять там верх, обратить Ичкерия в исламское, а не светское, государство, ее выпихивают и из России и из экономического мира. Вот и надо понимать, что чеченской войной ее сторонники и Россию от этого мира хотят отсечь, не то в рамках широко понимаемой федерации давно нашлось бы место и достаточно самостоятельной Чечне. Стало быть, сам по себе точный политический ход президента России, сразу поддержавшего американскую атаку на талибов, укрывших бин-Ладена, и американскими руками мудро пресекшего прямую угрозу бывшим советским среднеазиатским республикам, а тем самым и нашей стране, еще не означает, что место России в новой схватке двух миров вполне определилось.

КОНЦА ВОЙНЕ НЕ ВИДАТЬ

Уже объявили на высшем уровне, что война с Чечней окончена. Уже наша армия одержала очередную победу. И вот опять, то ли вертолет упал, то ли его чехи, то бишь чеченцы, сбили, и погибло больше сотни солдат, и у каждого дома мать, а у кого и отец, и невеста, и родня, и всюду слезы. И опять велют воевать еще беспощадней, и сетуют, что нехватает, оказывается, российским солдатам «Духа Воинственности», присущего крестовым походам. Публикуются даже протесты граждан против каких бы то ни было переговоров с чеченцами. Гитлера, говорят, победили не на переговорах! И впрямь Берлин не на переговорах взяли. Только Грозный тоже не на переговорах брали, и даже дважды. Но, когда взяли Берлин, война сразу и кончилась, а тут конца не видеть.

Вот бы и сообразить, что кавалеры поменяли дам, что и армия у нас иная, и сражается не на той стороне, что в сорок первом. Даже ненавидя советскую власть русские люди шли тогда на смерть, чтобы страна не

стала колонией. Генерал Власов геройски защищал ее под Москвой, а освобождать родину от большевиков с помощью немецких национал-социалистов надумал лишь в плену, отчего и остается с клеймом предателя. Казенный, вроде бы, лозунг: «Все для фронта! Все для победы!» отвечал тогда сокровенным чувствам. Казалось бы, опыт той войны помогает нам понять чеченцев, обуреваемых теми же самыми чувствами. Их колонизируют уже четыре века, а полвека назад поголовно согнали с родной земли, и половина тогда погибла. Говорят, война идет за целостность России. А именно ради ее целостности надо бы внятно сказать чеченцам, кто они в России, колониальные рабы или хозяева своей судьбы? Дозволено ли любить родину чеченцам? Или одним русским? Говорят, народ России, голосуя за Путина, чеченцам в любви отказал, но не доказано, что Путин стал президентом потому, что обещал «мочить в сортире». Будь оно так, сегодня, когда по данным ВЦИОМа более 60% россиян за переговоры с Масхадовым, его рейтинг неотвратимо бы упал. А не падает. Значит, не ради Чечни за Путина голосовали.

В 1922 году создатели Советского Союза верили, что в него вступят и Германия, и Франция, и Индия, и Китай, - они еще ждали мировую революцию. Но уже при Сталине Союз стал синонимом Российской империи, потому и не включил в себя ни Венгрию, ни Чехословакию, ни даже Польшу. За ними пришлось признать, хоть и куцую, особость, угрожавшую внутренней империи взрывом, - особость советских республик была чисто формальной. Своеобразие колоний не сказывалось на их статусе «союзном» или «автономном», - «автономная» Чечня ощущала несправие острее «союзной» Белоруссии. Но не из-за своеобразия национальной культуры, которую Белоруссии было трудней уберечь от растворения в близкой и могучей русской.

Вообще, сепаратизм, изображаемый ныне чуть не главной проблемой России, не тождественен национализму, который часто служит ему формой стремления к самостоятельности. И внутри национально однородной страны, особенно столь огромной, как наша, разные ее регионы, даже не говоря о национальных автономиях, нуждаются в разных условиях для развития и для равноправия своих жителей с жителями других. В Иркутске, не говоря о Магадане, холодней, чем в Краснодаре, зима длинней, и жить трудней. Казалось бы, чтобы люди могли там жить, сохраняя почему-то выпадающую в этой связи из сознания политиков целостность нашей страны, чтобы вскорости не пришлось по вновь крепнущей дружбе передавать эти земли перенаселенному Китаю, надо тамошние трудности чем-то компенсировать. Уже налоги с граждан должны быть поменьше. И надо обеспечить в рамках единой Конституции возможности самостоятельных местных решений. Но все решает Москва.

Вот и растет сепаратизм даже у нас в Питере. Я ему не сочувствую, поскольку убежден, что величие нашего города в его служении европейским прообразом России. Без нее он зачахнет. Но отвергая отделение, стоит помнить чем оно влечет. Питерские человеческие богатства губила не только блокада, но и советская власть, а, будь возможность жить в

Ленинграде уверенно, его место в культуре, науке и хозяйстве было бы еще много веселей. Но примат исполнительной власти над всякой другой и у нас, и в других «субъектах» федерации, сводит на нет попытки умерить самоуправство губернаторов. Выбор меж абсолютизмом центра и авторитаризмом губернатора коренной перемены не сулит. А ни полноправного представительного собрания, ни независимого суда, властных спасать от «исполнительного» произвола, увы, нет.

Уверенность граждан в безопасности - непереносимое условие формирования гражданского общества. Если где безопасности нет, закон позволяет объявить чрезвычайное положение. Но оно не объявлено и в Чечне, в которой даже на взгляд президента жестокие зачистки можно бы прекратить, но генералы открыто отвечают, что будут их продолжать. А наблюдая действия силовых органов в Питере, думаешь, не пора ли, объявить чрезвычайное положение и у нас.

Недавно на площади Восстания у моего близкого знакомого потребовали паспорт. К счастью, только что обмененный паспорт был при себе (хоть таскать его при себе ничто не обязывает), и уже готовые тащить в участок милиционеры отстали. А на вопрос, в чем же дело, отвечали: «Проводим операцию Терек-2!» Но мой знакомый – сероглазый светлый шатен, и даже на «лицо еврейской, не то что кавказской, национальности» не похож, а по внешнему виду их тоже хватать не положено. Моего знакомого схватили потому, что милиция считает своим долгом не оберегать, но запугивать, граждан. А если запугивать, возникает, как мы уже проходили, не гражданское общество, а полицейское государство. Полиция стране нужна. Но лишь пока не сочла сутью страны себя, а видит ее в идущих мимо прохожих и помнит, что гражданам не следует хамить.

Но как требовать, чтобы это понял милиционер, омоновец, если уже не стыдно ликовать, что «потеряли спрос у читателей и зрителей разоблачения безобразий, творимых властью». Спрос они, между тем, потеряли оттого, что разоблачения не прекращают безобразий, и Васька слушает да ест. Защита государственных бесчинств сочтена у нас защитой государства. Словно не держава, не внеэкономическое государство, пренебрегавшее людьми, привела к нынешним бедам, и не ради возрождения России возникла нужда государство переучреждать и ставить людям на службу. Сторонники демократии, которых зря путают с либеральной номенклатурой, выдававшей себя за демократов, понимают возможности государства точней, чем «патриоты»-державники. Они знают, что, претендуя управлять всем, государство все менее управляет хоть чем-нибудь, кроме умножения выгод правящего слоя, и всесильному президенту остается лишь кротко молить чиновников не брать взятки.

Наше государство людям все еще не служит, хоть и расширило демократические ритуалы, формально даже советской властью совершавшиеся. Да и как быть иному, если субъектами федерации провозглашены прежние республики, края и области, при Сталине так и расчерченные, чтобы кругом зависеть от центра. Наш город себя прокормить способен. Но таких субъектов в федерации, кажется, пятнадцать из восьмидесяти девяти. Большинство заведомо не может быть

в ней полноправно, и объединение мелких областей, сообразно с историческими традициями, в крупные, способные себя прокормить, русские земли, было при переходе к федеративному устройству необходимо. Сложнее, конечно, с национальными республиками, границы которых тоже нарочито проведены так, что, скажем, в Татарскую включены территории, сплошь заселенные русскими, а в Башкирскую – татарами. Восстановление естественных границ требует голосования в каждом селении о том выходить из республики или входить в нее, разойтись, как Ингушетия с Чечней, или напротив, объединиться. Тогда каждой республике стало бы легче ощутить свое положение в Федерации и в мире. И стало бы понятней, что залог целостности России в достаточной самостоятельности составляющих ее частей.

Выбирая меж самостоятельностью внутри и вне России, люди взвешивали бы, смогут ли, обособясь, себя прокормить, и будь даже самостоятельности, как в любом союзе, поменьше, но реальней и гарантируй, от новых депортаций, едва ли бы стали срочно разводиться. Быть может, ныне чеченцы уже предпочтут голод истреблению, но в 1996 и в 1999 году выполнением соглашений пренебрегла Россия, играя этим на руку сторонникам полного обособления Чечни. Один питерский функционер даже заявлял: «Пусть сперва признают себя нашими вассалами, а потом просят милосердия!»

Наших солдат, не говоря о чеченцах, на второй войне погибло уже более десяти тысяч, но погибли они не ради целостности России, а, напротив, ради ее развала. Целостность страны, как целостность семьи, крепка лишь взаимным желанием жить вместе. Браки, конечно, заключаются не только по любви, а и по расчету, но и расчет предполагает взаимность. Ельцин, даром что из коммунистической партии вышел, коммунистических взглядов не преодолел и мог думать, что воюет лишь против «плохой» Чечни, не понимая, что воюет против России, против ее целостности. Вроде, можно бы одуматься. Но кому-то, видимо, война выгоднее целостности. А оселок демократичности – другой человек, и давая ему жить лишь по нашему усмотрению, мы не только ему, но и себе готовим катастрофы, покруче происшедших.

СИЛА ИНЕРЦИИ

Бурно обсуждая, как жителям Калининграда общаться с остальной Россией, а ей с ними, не задаются вопросом, почему Калининград, то бишь Кенигсберг, это Россия. После войны его с частью Восточной Пруссии включили в СССР, и это оспаривать нынче смешно. Разве что отметить, что не создали немецкую Союзную республику, да опять убедиться, что мы сами не следуем своим политическим принципам, никому, - и в частности Израилю, - не велящим расширять территорию в ходе войны. Кенигсберг уже включали в Российскую империю при государыне-матушке Елизавете Петровне. Не переименовывали, правда, но профессора местного университета, и среди них Кант, присягали государыне. Советские патриоты, твердившие, что самолет изобрел Можайский, а не братья

Райт, не смекнули хвастануть, что величайший философ тоже был человек нашенький, российский. КПСС уже тяготилась тогда еврейством немецкого философа Маркса, но сказать вслух, что даже «идеалист» – а так величали Канта, - коммунистам милей, чем еврей, было, видимо, еще невозможно. Вот случай и упустили. А Кенигсберг русские цари упустили задолго до того, и лишь после Отечественной войны вновь включили в империю.

Стоит, однако, подумать, почему его включили не в соседнюю Литву, не в относительно ближнюю Белоруссию, а в дальнюю Россию. В тех местах некогда жили родственные литовцам пруссы, ассимилированные вторгавшимися туда немцами и оставившие название немецкой Пруссии. Но, говорят, Антанас Снечкус, Первый Секретарь компартии Литвы, сообразил, что литовцами те земли не заселить, и, стало быть, доля литовцев в Литве упадет. А литовские партийные руководители, - это и после Снечкуса были не дураки, - о ней всегда помнили, и уберегали свою республику от больших проектов, невыполнимых без притока братского народа. Потому к 1991 году русские и составили в Литве лишь около 20%, особых проблем для литовской самостоятельности не создав. Не то что в Латвии и Эстонии, куда они, - как в России говорят про лиц «кавказской национальности», - «понаехали», составив чуть не половину населения и наперед обострив межнациональные отношения. А в Литве новое государство не ущемило права русских.

Мысль о Белоруссии, видимо, не всплыла, - удержать узкую полосу земли через Сувалки, длиной в полтораста километров, из числившейся за Белоруссией после четвертого (в 1939 году) раздела Польши, труда не составляло. Но вопреки здравому смыслу Кенигсберг с областью отдали РСФСР, то есть, согнав мирных немцев, - это Израилю не гоже сгонять арабов! – стали строить обособленную русскую провинцию. Но в России русским людям, не то что чеченцам, калмыкам, балкарцам, ингушам, крымским татарам и другим, геноцид, к счастью, не грозил. Русских тоже погибало великое множество, да не от особых мер против русских, но по природе режима, а режим в Калининградской области был тот же, вот никто ее новым отечеством и не счел. Она осталась военной базой.

Нынче Россия никому не собирается ее уступать, и правильно делает, - немцам туда не воротиться, литовцы ее не хотят, а у Польши на нее не больше прав, чем у России. Но почему мы требуем, чтобы всех российских граждан, не говоря о тамошних жителях, пропускали туда без виз через чужие территории? Понятно желание, чтобы пассажиров, едущих из русского Питера в русский Владивосток так пропускали по железным дорогам, оставшимся на территории Казахстана. Но ничто не толкало российскую советскую власть наспех делать прусскую землю русской. Вот и по сей день это не Россия, а завоеванная территория, и согласие Литвы на упрощенные визы и скоростные поезда, - акт дружбы. Нам бы поблагодарить, но чувство благодарности нам чуждо, и льгот нам не прибавляют.

Что говорить, виза стесняет свободу. Но, прежде всего, *выездная*. А *въездную* визу не все страны всем дают. Святое право человека - покидать любой дом, даже свой. Но ни у кого нет права самовольно входить в чужой. Президент России предложил, чтобы нас пускали в Европу без виз. Предложение хорошее, но надо наперед знать, что демократия предполагает взаимность, и не только мы беспрепятственно сможем ездить, хоть в Париж, но и к нам беспрепятственно ездить другие. А уже сегодня в Питере скинхеды убивают азербайджанцев, свободно говорящих по-русски, знающих нашу жизнь и нравы, и составляющих явное меньшинство в нашем великом городе. Что же начнется, если нашу границу без виз станут переходить, скажем, китайцы, русского языка не знающие, нашей жизни и нравов тоже, и способные быстро составить явное большинство нашего населения, оставаясь неоспоримым большинством и в самом Китае? Бесчинства вопящих «Россия для русских», да еще при том, что коренные жители половины территории России – не русские, отвратительны, но и власть не спешит противопоставить им ясную позицию, бормоча, что это не этнические распри, а просто хулиганство. Что же будет без виз!

Неразумно и перекрывать границы и открывать их настежь. Надо открыто признать условием эмиграции в страну готовность к интеграции, чтобы и русские из СНГ могли туда вернуться, и евреи, имели возможность не только из России выезжать, но и туда въезжать, и китайцы тоже, но Россия от этого не перестала быть Россией и не стала еще одним Китаем, - Китай уже есть. Переселяясь в другую страну надо влиться в ряды ее жителей. Одно дело, когда народ так или иначе входит в другое государство вместе с заселенной им территорией, совсем другое, когда люди въезжают туда по отдельности, семьями. Эта проблема задела нынче многие страны, и обсуждается всюду, но не у нас. У нас нет ясности даже для едущих лишь поглядеть Эрмитаж или Третьяковку, - а, такие поездки впрямь хорошо бы облегчить, как и нам в Париж или Флоренцию. Тут бы президента и поддержать делом! А выходит наоборот.

Еще недавно финские туристы на день или два приезжали в Питер без визы, бывали и в Эрмитаже и в Гостином Дворе, их возили российские туристские фирмы с выгодой для себя и для города. И как раз в те дни, когда президент обнародовал свое заманчивое предложение, финнам такие поездки запретили. Потребовали визы! Словно президент ничего и не говорил. А что бы началось, поведи себя подобным образом Польша, виз от нас покамест не требующая! Вот Европа и осторожничает, - знает по опыту, что наша страна говорит красно, и готова на словах признать чужие права, чтобы признали наши. А чуть наши признают, перестает соблюдать чужие.

Конфликт с Грузией с визами не связывают. Только ведь чеченцы, искавшие убежища от наших бомбежек не только в Ингушетии, но и в Грузии, - российские граждане, и Грузия по существующим соглашениям и права не имела им отказать в переходе границы. Не все они, конечно, собирались жить в Грузии, иные, конечно, намеревались вернуться в Чечню и включиться в партизанскую войну. Но и останавливать их на

обратном пути у Грузии права нет. Мы, понятно, можем просить ее помочь в борьбе с чеченскими партизанами, хотя, если Россия не справилась с ними за восемь лет, неужто слабая Грузия, не схватившая Басаева и его людей, когда они отрывали от нее Абхазию, способна вдруг их всех переловить?

Мы требуем создать вдоль границы зону безопасности в сорок километров шириной на грузинской стороне. Мысль интересная, только почему не на российской стороне? Но мы хотим на грузинской, и президент, и военный министр грозятся уже не только Чечню, но и Грузию бомбить. И даже к ООН сперва не обращаются, а сразу грозят бомбами! Что там в Грузии, - ядерные ракеты или бактериологическое оружие? Наши власти подчеркнуто равняют Грузию с Ираком. А и против Ирака применение военной силы правомерным сделают его помехи международному контролю и отказ от ликвидации оружия массового уничтожения. Грузия такого не скрывает. Да она и с собственными сепаратистами, которым Россия симпатизирует, не справляется. Можно ли от нее ультимативно требовать, чтобы она справилась с нашими? Выходит, можно, поскольку все страны и народы, конечно, равны, но Россия никогда не отрекалась от того, что она - первая среди равных!

Едва ли не самое опасное сегодня в России, это распад сознания, нежелание видеть связи поступков и их последствий. О Калининграде говорят вне связи с Грузией, разом предлагают упразднить визы для нас и ввести их для финских туристов. А католических священников, и с визами не впускают, аннулируя их при въезде, - они, кстати, граждане Польши, от которой мы ждем, чтобы она и дальше пускала нас без виз. Грозимся кидать бомбы на чеченцев, укрывшихся в Грузии, - а, ну, как бомбы, - случайно, конечно, - упадут на нежеланный нам нефтепровод, недавно начатый строительством? Что станем говорить?

Переход государственных границ - дело взаимное. Ни одна страна не вправе удерживать своих граждан, кроме осужденных и подследственных, но и мы не всех впускаем, и нас, увы, не все. Чем свободней впускают, тем, понятно, лучше, но суверенные государства не заставишь. Не бомбить же их ради этого! Авось с калининградским паспортом разрешат ехать в Россию и обратно, тем паче в скоростном поезде. Но, чтобы преодолеть распад сознания, надо одолеть имперскую инерцию. Людям, привыкшим служить империи, это не дается даже во внешней политике. Мы с трудом терпим, что США сочли себя не хуже нас. Но чтобы страны послабей да помельче, чтобы Литва и Грузия, вчера покорные? Да ни в коем разе!

КТО В ОТВЕТЕ?

Книгой «Коба Страшный», возобновляющей в памяти усердно из нее вытравленное, писатель Мартин Эмис вызвал спор в британской печати. Копаться в давней правде у него есть личный резон, - его отец, еще более известный писатель Кингсли Эмис, пятнадцать лет был коммунистом. Ныне сын пересказал смолоду ведомое ему о коммунизме и почерпнутое из разных книг, начиная с «Великого террора» Конквеста. Но Эмиса, сверх реальных ужасов, терзает то, что отец закрывал глаза на преступления,

бросавшиеся в глаза. И спорят не так о Кобе (псевдоним Сталина), как о том, почему закрывали глаза. Отвечают люди за свою любовь или вглядываться в ее предметы не обязаны? Сердцу, как известно, не прикажешь.

Между тем, симпатии к Гитлеру и национал-социализму осуждаются! Возникает нужда сравнивать российский социализм, первоначально интернациональный, с германским, изначально национальным, и выяснять, почему любовь ко второму позорна, а к первому благородна. Говорят, капитализм несправедлив, а социализм против несправедливости, и потому достоин поддержки, даже если порой сам допускает несправедливости. Однако, от качественных суждений не часто переходят к количественным. Ни в чем не повинных царевен убивали не в одной России. Быть царем - вредная профессия. Но у нас десятками миллионов губили обыкновенных людей. Говорят: никто не знал, - хоть кругом знали. Но пусть не знали тогда, как же сейчас не схватиться за голову, не признаться в глупости, не вспомнить, что благими намерениями мостят дорогу в ад? Иные немцы и в национал-социализме, при всей его откровенности, тоже видели надежду на избавление от несправедливого Версальского договора, а в писаниях Гитлера, пока он не взял власть, лишь пропаганду, не веря, что Освенцим осуществим.

Джон Ллойд в журнале «Нью Стэйтсман» в связи с книгой Эмиса здраво пишет о нераскаянности левых деятелей, ныне подчас возглавляющих западные государства. Они так и не взглянули критически на дела своей юности, морально не слишком отличные от дел русских большевиков, не отреклись от них, и уже потому в любой миг могут к ним воротиться. Сам Ллойд, человек левых взглядов, признавшись, что стыдится своих недавних симпатий, трезво видит в них не личный промах, а общий позор левого движения, не введшего в принцип недопустимость попыток строить гуманное общество преступными методами, тем более, что ничего и не получается. Но если бы получилось, - спрашивает Эмис, - готовы ли вы жить в раю, оплаченном миллионами жизней? Отнюдь не следует считать всех левых убийцами. Не все мусульмане - террористы. Но критерий четок: левые, обличавшие советский порядок и террор, - как Джордж Оруэлл, Эмисом не упомянутый, - не виновны. Не виновны и мусульмане, обличающие террористов-единоверцев. Иное дело хвалящие их или оправдывающие.

Споры о моральной чистоте в борьбе с несправедливостью не новы. В Британии подчас даже корят земляков за опоздание, - в Европе, дескать, это разжевано, хотя всерьез-то задумывались лишь в послевоенной Германии. Россия не увидела нужды в очистительном процессе и предпочла замолчать прошлое. Сегодня это, едва ли не главная помеха созданию демократического общества. Отечественную войну у нас помнят, хоть большинство жителей выросло после нее. Но мало кто помнит, с чем воевали, какой был при Гитлере общественный строй и сильно ли отличался от нашего. Вот и называют его не «национал-социализмом», как он назывался, а «фашизмом», как звался тоже чуть иной строй в Италии.

Для отца автора, Кингсли Эмиса, участвовавшего в войне, Сталин был союзником, и это мешало равнять его с Гитлером. А Черчилль, сразу осудив нападение Германии и призвав нам помогать, тогда же говорил, что ради победы над Гитлером готов на союз с самим дьяволом. И когда Сталин отнял свободу у освобожденных от Гитлера стран, Черчилль сказал об опускающемся железном занавесе. Общий противник часто объединяет разнородные силы, но это не повод забывать различия. В борьбе с Наполеоном Россия и Англия тоже фактически были союзницы. Изгнание Наполеона из России радовало и Англию. Но там не создали партию сторонников крепостного права, господствовавшего в России. Про это не помнят, и Сталина тоже помнить не хотят. Эмис подмечает, что об Освенциме знают многие, а о Воркуте и Колыме не знают.

Книга Мартина Эмиса побуждает британцев иначе взглянуть на симпатизировавших преступному советскому режиму. Но не оттого ли к Сталину относятся не так, как к Гитлеру, что одинаковые преступления, – от массового доноительства до геноцида (в России лишь технически, но не морально, менее красочного), – по-разному оценили потерпевшая военное поражение Германия и потерпевшая социальное поражение Россия? Речь не о наказании. Судить отдельного члена партии за все ее преступления нельзя, – уголовная ответственность по природе своей персональна. Рассматривая дела преступных банд суд определяет, что конкретно каждый сделал, и невозможно, скажем, наказать жену бандита за то, что не донесла на мужа. Но это не значит, что она не несет моральной ответственности за его дела, позволявшие недурно жить.

Миллионы коммунистов в СССР и за рубежом увивают даже от моральной ответственности. Только и твердят, что цель социализма была прекрасна, а про его дела молчат. Выходит, лицемер, прикрывший преступления высокими словесами, ни в чем не виновен, а бандита, если казнят, то за откровенность и прямоту. У социализма и национал-социализма, конечно, разная мера откровенности. Но и Гитлер не сразу открылся весь, и удержал власть, совершив государственный переворот, а не честно выиграв выборы, как нам теперь внушают.

Наш социализм тоже не сразу стал прямым враньем, а сперва преступно навязывал стране утопию, в которую Ленин и Троцкий еще верили. Говорят, без социалистической индустриализации Россия не одолела бы Гитлера. Но кто доказал, что немецкий национал-социализм вообще бы возник, если бы в России не было социализма? А Сталин и прямо помог Гитлеру, заставив немецкую компартию порвать с социал-демократией, вместо того, чтобы, как потом во Франции, создать с ней единый фронт.

Ни национал-социалисты в Германии, ни коммунисты в России ни разу не собрали абсолютное большинство на свободных выборах. Но в обеих странах враждовавшие силовые партии (коммунисты и эсеры у нас, национал-социалисты и коммунисты в Германии) вместе имели поддержку большинства. Большинство и немецкого и русского народов мыслило недемократически, вот и пришлось за это расплачиваться. После поражения Германия переоценила силовые ценности, признала их

аморальными. А Россия свела свои беды к козням то ли своих лидеров, то ли даже чужих, и по сей день не видит, что она сама с собой сделала, польстясь на силовые решения. Все происходящее ныне у нас в стране тем прежде всего и вызвано, что, деля имущество, до нравственных переоценок не дошли.

Вот и правят прежние люди, разве что на других ступеньках. Будь КПСС и КГБ признаны преступными организациями, не было бы нужды лишать гражданских прав их членов, осознавших преступления. Признай коммунисты, вместе и по отдельности, преступность КПСС и обозначь свои отличия от нее, не было бы нужды даже им запрещать создание новой партии. Но переход власти от одной части партии к другой, спрятавшей партбилеты, - не революция. За преступления не обязательно казнить, - важно определить вину. Если можно прочесть свое дело и не поддерживать больше отношения со стучавшими на тебя, списки сексотов не обязательно публиковать. Даже сотрудникам силовых органов достаточно было бы публично оценить нравственность дел своей конторы. Но генералу Калугину, рискнувшему это сделать, когда еще не было ясно, что за это ждет, уже дали срок. Не в том беда, что президентом может стать бывший сотрудник КГБ. Беда, что он может им стать, не обременяя себя моральной переоценкой. Но когда власть в руках нераскаявшихся чекистов, их былая практика может возродиться в любую минуту. Старовойтову, конечно, убили иначе, чем Бухарина, но результат одинаков.

Эмис вспоминает, что после войны Сталин не раз повторял «Эх, вместе с немцами, мы были бы непобедимы!» Это для писателя образчик цинизма сталинской реальной политики. Но именно такая реальная политика и привела к краху не только в 1991 году, а еще в 1941, а непобедимыми пришлось стать вместе с англичанами и американцами. Сталин проглядел, что было бы, сбудься его пожелание и разгроми мы вместе с немцами американцев и англичан. Ведь 22 июня все равно бы настало, и поддержать нас было бы некому. А четыре года имея ядерное оружие, которого у нас еще не было, Америка на нас не напала.

Сталин не отвечал перед страной и мог не глядеть, куда ведут его дела, не думать, что, вместе победив, два тоталитарных медведя в одной берлоге не уживутся. Два года договора с Гитлером не просто о ненападении, но о дружбе, как Сталин ни угодничал, не спасли. Истинный циник он принимал за реализм уверенность, что за душой ни у кого ничего нет. Но новым эпохам нужны новые люди, а то, что за душой, не легко меняется. Российская номенклатура, не видя нужды в покаянии, к которому звал покойный Лихачев, провернула «революцию» прежними кадрами, и по сути ничего не изменила и не нашла выхода из кризиса, в который загнала страну. Вот она и мыслит еще по-сталински, и страной правит никакой не Путин, а Сталин, умерший полвека назад. Тем и страшен.

Нил Андерсон, он ссылается на Гинзбург, Шаламова, Мандельштам, Солженицына звучавших во всем мире, но теперь забытых и о том, что и память о погибших увядает. Он пишет, что все знают Освенцим и Бельзен,

никто не знает Воркуту и Соловки, Все знают Гимлера и Эйфмана, никто не знает Ежова и Дзержинского. Он допускает, что Сталин был безумен, но Сталин был лишь бездушен и жесток. Даже если бы они создавали рай, готовы ли вы в нем жить ценой 15 миллионов жизней. Не обязательно быть безумцем, чтобы верить в свободу, равенство и братство, но это помогает.

ПРАВО НА «СВОБОДУ»

Статья 19 Всеобщей Декларации прав человека гласит:

«Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободно искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ».

Авторы Российской Конституции, вроде бы приняв это положение за основополагающее, сочли, однако, нужным в Статье 29 особо оговорить, что при этом: «2. Не допускается пропаганда или агитация, возбуждающая социальную, расовую, национальную, или религиозную ненависть и вражду. Запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства». Поскольку отличие идей от информации в Конституции РФ не определено, остается, правда, не вполне ясным, что же не дозволено. То ли нельзя призывать к убийствам, допустим, азербайджанцев, то ли не следует сообщать, что у нас в Питере расисты убили азербайджанца, так сказать, «лицо кавказской национальности».

Между тем, строго запрещенная Конституцией, но безнаказано ведущаяся в России пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства опасна и дурна уже потому, что опирается на ложную информацию, то прямо не соответствующую действительности, то тенденциозно отобранную, - то есть, не информацию, а клевету, не требующую даже особого конституционного запрета, поскольку она сама по себе - уголовное преступление. Потому Всеобщая Декларация и не оговаривает запретов ни на какие идеи, ни на какую информацию, что не считает информацией ложь, за нее выдаваемую, при демократии караемую по закону и на более низком, чем Конституция, уровне. Первая поправка к Конституции США, вообще, довольствуется утверждением, что «Конгресс не должен издавать ни одного закона, относящегося к установлению религии или запрещающего свободное исповедание оной, либо ограничивающего свободу слова или печати...» К этому тексту 1791 года стоило бы разве добавить, что он не об одних религиях, но и о светских идеологиях.

А Советская Конституция, на словах гарантируя всякие свободы, напротив, оговаривала, что предоставляет их «в целях укрепления и развития социалистического строя», то есть, использование этих свобод в других целях заведомо незаконно. В нынешней Конституции РФ, помимо прекрасных деклараций, тоже полно оговорок. В той же статье 29 сказано: «4. Каждый имеет право свободно искать, получать, передавать,

воспроизводить и распространять информацию **любым законным способом. Перечень сведений, составляющих государственную тайну, определяется федеральным законом**». А зачем эти оговорки? Зачем особо оговорено, что получать информацию можно только **законным способом**? Вроде бы, противозаконно ничего вообще делать нельзя. Но в законах не говорят, что зарубежное радио, хоть его и глушат, слушать можно. Или нельзя? Но за это судили, предъявляя радиоприемники как вещественные доказательства. Опять же, зачем в Конституции помянута государственная тайна? Или ее «свободно искать...» у нас права нет? А что это за тайна такая, устанавливается не при всенародном одобрении Конституции РФ, а уже позднее властью. Все эти оговорки даже не про идеи, а только про информацию.

Вот такая у нас свобода слова. Не в том беда, что есть у государства тайны от нас, а в том, что под видом их охраны опять перечеркивается провозглашенное Всеобщей Декларацией прав человека, подписанной нашей страной, наше право узнавать **любую** (то есть, и тайную) информацию любыми средствами. Из Конституции следует: желающие знать, что им знать не положено, - нарушают конституционный строй. Что за это бывает, известно. Я оспариваю не право государства на тайну, если речь не о сокрытии преступлений. Я про то, что хранить ее обязаны не мы, люди без допуска, которым и хода нет туда, где, как Кашеева смерть, она пребывает в «особых папках», а государственные служащие, за это взявшиеся. А словами о федеральном законе государственную тайну выводят из под действия Конституции и требуют, чтобы мы не только не помогли информации о ней, - к примеру, о том, куда девают наши ядерные корабли ядерные отходы, - а даже если ненароком ее узнаем, чтобы помалкивали, а не вопили, как Пасько, на весь мир. Молчать велено не только тем, кто дал подписку хранить тайну, но и не дававшим никаких подписок. Тайна, выходит, важнее судьбы мира и самой нашей страны. Оговорки в Конституции ограждают власть от обвинения в ее нарушении, но наша Конституция противоречит Декларации.

Между тем, свобода информации - важнейшая из гражданских свобод, и не только потому, что сама по себе препятствует несправедливому суду или ложной пропаганде. Только свободная информация позволяет гражданам определять свое отношение к власти и понимать, стоит ли ее поддерживать или надо ее критиковать. Поскольку в СССР до Горбачева гласности, вообще, не было, и государство полностью контролировало информацию, все, что делало государство, надлежало оценивать по тому, что оно само об этом говорило. Мало того, что не допускалась оппозиция, - люди, оказавшиеся у власти, непрерывно внушали за государственный счет, что они все делают правильно. И население, даже и ощущая по своей повседневной жизни, что не так все хорошо, как говорят по телевизору и в газетах, не имело возможности составить себе представление о реальном положении и мерах, необходимых для его исправления.

Отсюда и рос интерес к голосам «из-за бугра», сладость которых росла от запретности, от глушения, сообщавшим о нас то, что дома было не узнать. Лишь когда российская печать и телевидение начали сообщать о

своей стране реальности, интерес к голосам стал слабеть. Еще о новой Конституции не было речи, а в России уже объявилось немало прекрасных перьев, немало здравых мыслей. Обогащение информацией было важнейшей предпосылкой чаемых перемен. Оттого ГКЧП не только войска ввел, но и свел все разрешенное людям знать к информации о заколдованной царице лебедей. А оперативную и достоверную информацию о происходившем на улицах столицы и на просторах родины, давало радио «Свобода», которое глушить не успели. А когда ГКЧП рухнул, Ельцин особым указом обеспечил «Свободе» доступ на российские волны. Голос «из-за бугра» стал как бы внутренним, завел в Москве свое бюро, а по стране корреспондентов. Потом и другие западные станции, хоть и не в такой мере, расширили свои возможности, но отечественную информацию не оттеснили. Покуда она была свободна.

Идиллия у нас не восторжествовала. В ходе президентских выборов 1996 года российское многоголосие поредело. События не соответствовали ожиданиям, - и в начале 1992, и осенью 1993 и не раз потом, людей охватывало отчаяние, а наши СМИ о массовом разочаровании в Ельцине говорили куда тише, чем прежде о надеждах на него. Да и «за бугром» голоса стали глуше, даже «Свобода», перебравшись в Прагу, уже не столь глубоко анализировала российские события, и заодно с отечественным телевидением, радио и печатью, подпевала российским властям, не видя других опасностей, кроме возвращения к власти коммунистов, даром, что именно они, хоть и попрятав партбилеты, так все и правили страной. А после Ельцина еще быстрее возобновлялся однообразный советский пейзаж. Тем более, что не только печатать серьезные анализы некому, но и читать их у большинства пропала охота. Что проку читать, когда побуждавшая читать надежда изменить жизнь, уже свелась к замене Секретаря Днепропетровского Обкома тов. Л.И.Брежнева на Секретаря Свердловского тов. Б.Н.Ельцина.

Уже его преемник решил, что порядок должен быть для всех один, нечего перед «Свободой» стелиться, и отменил указ о дарованных правах. Это, возможно, возродит ее популярность. А новую информацию, даваемую по государственным каналам, ненадолго прерывая Чайковского, она при случае и так дополнит.

Говорят, «Свобода» не довольствовалась информацией, и повела пропаганду против России. Но как раз ее легальное положение позволяло открыто выяснить, так ли это. Поскольку Президент не подал в суд, а издал указ, видимо, незаконных действий не усмотрели. Да Путин и не хотел шумихи, тем более, что наострился работать тихо. «Общую газету», к примеру, не закрыли, учли, что это реликвия либерализма, и хоть читатели у нее еще оставались, сотрудников редакции не сажали. Газету продали на свободном рынке. Купил человек с еврейской фамилией и, опровергая толки антисемитов, что в евреях корень либерализма, вместо «Общей» издает «Консерватор».

Но со «Свободой» вышло не кругло. Она ведь может и не сробеть перед нашими властями. А «Кириллин день не кончен», и «за бугром»

вольны не только восхвалять якобы происшедшую в России революцию, но и вернуться к выяснению того, что помешало ей на деле совершиться к выгоде миллионов российских людей, а не только граждан начальников. Нельзя исключить, что сквозь единогласие «идуших вместе» теперь опять проступят иные голоса и шепоты внутренней правды. Само по себе это ничего рокового не принесет, небо на землю не упадет, но без этого многим кажется, что порядок Путин навел. Стоит подумать, зачем он сам разрушает иллюзию?

ВООРУЖЕН И ОЧЕНЬ ОПАСЕН

Вечером 23 октября вооруженная группа, захватив в московском театре более семисот заложников, потребовала прекратить войну в Чечне. Вечером 25 октября она потребовала от президента не позднее 10 утра послать к ней полномочного представителя для переговоров, угрожая, если тот к 12 не явится, убивать заложников. Но в 5.30 утра части спецназа пустили в театр газ, усыпивший захватчиков, которых в спящем виде перестреляли. 119 заложников, не получив своевременной помощи, от газа умерло.

Мы знаем недостаточно, и рано подводить итоги. Но власти не дают ответов на естественные вопросы или прямо лгут, и это на многое проливает свет. Отряд из 32 мужчин и 18 вдов возглавлял Бараев, о гибели которого сообщали за две недели до того. При атаке спецназа захватчики повели себя странно. Если заложники, ощущали газ, о чем сообщали по мобильникам, то захватчики на газ не реагировали и ни один не взорвал, как грозились, обильную, как говорили, взрывчатку, в том числе у себя на поясе, - ни один из пятидесяти! Неясно также, почему газ сразу усыпил молодых здоровых мужиков, а многие заложники держались. Или создан газ, опознающий террористов? Опять же, захватчиков убили не в бою, а спящими. Почему бы тогда не взять их тепленькими в камеру, чтобы потом судить? Президент заявил, что нападение спланировано за рубежом, и Россия вправе знать, откуда такая напасть. Но властям довольно обвинить в происшедшем «международный терроризм». Президент даже не вспомнил длящуюся восемь лет войну в Чечне, хоть ее-то захватчики и требовали прекратить. Дискутировать с ними не обязательно, но делать вид, что война тут не при чем, - означает лгать.

Захват заложников – преступление. Преступления имеют причины. Причина - не оправдание. Но, в отличие от спецназа, президенту надлежит думать не только о данном захвате, но и о предотвращении будущих, о ликвидации причин, их рождающих. Учетверить штаты и оклады ФСБ и МВД мало. Террор не весь идет из единого центра. Даже КГБ, крупнейший центр террора, не все убийства в мире направлял. Причина нынешнего преступного захвата, - наша политика в Чечне, взятой Россией в заложницы. Вот и чеченцы взяли заложников. На наш преступный террор ответили своим преступным террором.

Терроризм – это диктат, политика безоговорочных привилегий одних перед другими. Чеченцев, не помяная описанного Львом Толстым, подвергли геноциду в 1944, и прошло слишком мало времени, чтобы новые расправы не ощущались продолжением прежних. Осуждая всякий терроризм, важно выделить агрессивный, уверенный в своей монопольной правоте. Мы не обвинили бы в терроризме заложников, схвати они Бараева и грозя убить, если захватчики тронут зрителей и актеров. Или, скажем, если бы во время войны группа евреев захватила театр в Берлине, требуя погасить печи Освенцима и Треблинки.

Первое условие успеха в борьбе с террористами – способность отличать готовых к компромиссу, смягчающему конкретную несправедливость, от жаждущих добиться своего полностью, губя оппонентов. Успех в борьбе с терроризмом – это мир, а не геноцид или ожесточение войны. Критика Рабина, Переса и Барака, к такому ожесточению приведших, вызвана не тем, что они хотели мира между евреями и арабами, - его хочет всякий нормальный человек, а тем, что они принимали маневры террористов за шаги к миру. Но арабские страны, при поддержке Европы и России, поощряли Арафата возобновить террор. Масхадов, подобно Рабину, тоже пошел на ненадежные для чеченцев Хасавюртовские соглашения, и Россия тоже ими пренебрегла. В Израиле арабский террор привел к власти Шарона, понимавшего, что Арафат не хочет мира и готового к обороне. В Чечне, где Россия возобновила военный террор, влияние Масхадова, искавшего реального компромисса, тоже упало, и росло влияние Басаева и Удугова, возникали молодежные отряды, в компромисс с Россией не верящие. Один из них и захватил московский театр.

Это не ошибки и не просчеты арабских стран или России. Это их позиции. Считаться с другими они не могут и не хотят. Говорят, у ближневосточного, как и у чеченского, вопроса нет военного решения. Но для арабских стран и России оно есть. Они знают, что Германия провела на подвластных землях военное решение еврейского вопроса. Вот и арабские страны поныне хотят уничтожить Израиль, а российская власть - истребить или выгнать чеченцев из Чечни. Надо, дескать, быть пожестче, и Чечня без чеченцев, станет послушна, как нынешнее Нижнее Поволжье, где когда-то был Хазарский каганат.

Говорят, именно арабы, обучают чеченцев терроризму. Но Саддам приемлет террор лишь против Израиля и Америки, а не России, и Арафат тоже. Или они не арабы и арабские страны не за них? На деле положение чеченцев схоже с положением евреев. Мир этого не признает, чтобы не ссориться с Россией, и чеченцы, без государства и закона, не могут ответственно определяться в политическом спектре. Единственной формой борьбы за свои права многим кажется террор, это ужасно, но виновна в этом Россия, лишившая их гражданских прав.

Русская номенклатура, сумевшая удержать власть, когда обанкротились коммунизм и Советский Союз, действует сообразно своей природе. Россию нарядили демократией, назвали федерацией, но мыслят ее усеченным СССР, где показную демократию сперва тоже вводили. А подлинная для номенклатуры немислима. Ельцин затем и затеял, а Путин возродил

чеченскую войну, чтобы укоротить проблески свободы. Ельцин делал это неспешно, Путин пошел на ускорение, но и его режим еще не вовсе заткнул рты, не всех поставил на колени. В Чечне решается судьба не одних чеченцев и не только татар или якутов, но и русских. Отсюда - напряжение. Лойяльные Путину люди, Рыбкин, Примаков, и даже Горбачев, вслух признают, что надо в Чечне найти политическое решение. А это означает не просто назначить побольше чеченских марионеток, но придти к компромиссу с теми, с кем воюют. Но Путин верит, что надо просто на Чечню посильней навалиться, и это, опять же, не ошибка и не просчет, - номенклатура, волю которой изъявляет Путин, знает, что компромисс в Чечне, даже останься она формально Россией, обернется компромиссом со всеми людьми России, взорвет Россию ее мечты, - пусть не столь огромную, но авторитарную, советскую. Этой мечтой номенклатура живет.

Не раз и не два нам внушали, что порядок в Чечне наведен, хотя положение чеченцев становилось все безнадежней. Загнанные в угол люди жили уже не надеждой, а отчаянной готовностью ответить Будановым и Шамановым. И опять падали вертолеты и гибли наши солдаты. Путину нужна была хоть какая-то победа. И отчаянный рейд в Москву, как оправдание его политики, оказался кстати. И то сказать, - Россия не ценила благородство чеченцев, восемь лет не переносивших войну в Москву. Известные взрывы не их работа, - дома взрывались, но не было заявлений и объяснений, кто и за что мстит не боящимся бомбежек москвичам. А без этого взрывы не имеют смысла. Лишь в Израиле и так ясно, кто взорвал.

На сей раз заявления налицо, да и другое говорит, что захватчики впрямь из Чечни. Но нежелание власти быть открытой, ложь на всех уровнях, создают атмосферу недоверия. Отказы допустить родных в больницы к заложникам или сообщить врачам название газа, для облегчения лечения, объяснимы хотя бы обычной советской бесчеловечностью. Однако, проход вооруженных чеченцев сквозь Москву, и, особенно, беспомощность страшных террористов в миг атаки, подозрительны. Достоинства спецназа объясняют его победу, но почему все-таки ни у одного из террористов взрывчатка так и не взорвалась? То ли ее и не было, то ли они не хотели взрыва, а пугали, чтобы и в Москве помнили о войне, то ли даже собирались отпустить заложников? Всплывают и худшие догадки. Бжезинский счел, что спецслужбы были в сговоре с захватчиками. Чеченское сопротивление полно российскими агентами, но сговор - лишь предположение. Скорее, думается, проявилась профнепригодность, пришедшаяся кстати.

Захват театра и сотня с лишком жертв спецслужб теперь обеляют войну. Терроризм приписан Масхадову, и переговоры, на которых в чем-то пришлось бы уступить, этим опорочены. Путин ждет безоговорочной капитуляции. Уже само укрепление «вертикали» давало понять, что война для него не тактика, а стратегия, и отношения со страной и ее народами он мыслит, если не как военный парад, то как повседневную битву. Приход террористов в Москву побудил его даже к пересмотру

доктрины национальной безопасности, - не бросит ли водородную бомбу? Его идеолог Глеб Павловский публично жалеет, что «у нас недостаточно развито искусство убивать», и объявляет: «интеллигенция должна помогать стране учиться убивать квалифицированно, интеллигентно». Павловский четок. Путин тоже. Начал с чеченцев. Потом поддержал адмиралов, боявшихся, что спасение моряков с «Курска», главным образом русских, обнажит промахи командования. Ныне он даже попросил прощения, что не всех спасли. Но такие слова были бы уместны после «Курска». А на сей раз не людей спасали, а победно уничтожали террористов, где уж думать о заложниках.

Не надо только сводить происшедшее к личным недостаткам президента. Примерно так же вел бы себя любой из прежней партийной или новой олигархической номенклатуры. Она ценит авторитарную власть, ее грубый произвол, и преступные руки произвола - особенно КГБ. Попрятав партбилеты, начальники не подобрали и травят газом собственный народ, русских в Москве. Нелепо ждать, что с чеченцами и другими они будут милосердней. Заблуждаться может разве что американский президент, напрасно ожидающий от Путина поддержки против Ирака, или датский министр юстиции. Но жителей России не удивит ни ожесточение атак на свободное слово, ни окружение чеченцев в Ингушетии, ни выдавливание их из столицы, ни прочее. Авторитарный режим вооружен и очень опасен.

КОМПРОМАТ

Трагические события на Дубровке побуждают не только задуматься о действиях по обузданию захватчиков и спасению заложников, но и вдуматься в межнациональные отношения многонациональной России. Их неожиданно осветил Министр национального строительства Владимир Зорин.

Доселе чеченцев, выступавших за отделение от России, называли сепаратистами. Однако Чечня не только никогда не была частью Киевской Руси или Московского государства, но, как Финляндия, Якутия или Средняя Азия, включена в Российскую Империю насильно. Стремление высвободиться, - не сепаратизм. Министр признал, что проблемы сепаратизма в Чечне нет, однако не потому, что придавал значение ее начальной самостоятельности. Он, напротив, заявил, что ни о какой самостоятельности автономиям думать нечего, поскольку лишь в шести из них титульная нация в большинстве. Кстати, пока армия не стала истреблять чеченцев пачками, как раз так было в Чечне. Да и в других республиках к иному пришли в ходе планомерной и упорной работы советской власти по созданию унитарного государства и всеобщей русификации.

Теоретизируя на примере борьбы франкоязычного Квебека за независимость от англоязычной Канады, и признавая право тамошних французов на самостоятельность, даром что ни французы, ни англичане, не

живут там искони, министр отказал в таком праве коренным народам российских республик и поведал о намерении перейти от этнически-административного деления России к экстерриториальному, словно у колонизированных при царе народов своей истории не было. Таким образом, власть открыто объявила о пересмотре едва ли не самой крупной, пусть во многом и формальной, из перемен, совершившихся в октябре 1917 года. На смену единой и неделимой (хотя отдельным национальным территориям и предоставлявшей особый статус) Российской Империи тогда пришла Российская советская республика. Она приняла Декларацию прав народов России и право наций на самоопределение, которое, во всяком случае формально, определяло государственное устройство советской России, а затем и Советского Союза, образованного в конце 1922 года.

Слов нет, их административное деление было далеко не безупречным, и реальные права народов ущемлялись. В автономных республиках РСФСР детей с первых классов обучали не на родном, а на русском языке. Не скрывать и то, что социалистическое государство вскоре фактически стало национал-социалистическим и, подобно гитлеровской Германии, принялось за геноцид, выселение и уничтожение целых народов, в числе которых был и чеченский. Но справедливость требует признать, что даже при Сталине коммунисты не смели откровенно излагать свою национальную доктрину и совершали преступления под прикрытием лжи и лицемерия.

Новая Российская Федерация по началу тоже старалась выглядеть терпимой по отношению к народам, составляющим чуть не 20% ее населения. Президент Ельцин сперва даже сулил автономиям «столько суверенитета, сколько осилите». Он лгал, но и речи не было о том, чтобы открыто отказать народам России в праве на определение своей жизни и судьбы.

И вот ныне вернулась имперская откровенность. Министр национального строительства прямо говорит, что понятие «национальность – это советский анахронизм». А ведь еще буржуазные революции, начиная с Нидерландской, обычно совершались как национальные. Но для господина Зорина и его начальников по советской традиции национальна лишь форма – искусство было национальным по форме, социалистическим по содержанию, - и можно, дескать, содержание заменить, а национальное оставить форме. Министр уверяет, что заботится о праве на самобытность каждого татарина, и не в одном Татарстане, но в любой точке России. Но надо ли ради этого, отнимать право на самобытность там, где татар много, где они живут искони? Речь-то не только о праве петь народные песни, но и о праве строить местное хозяйство сообразно с традициями и стремлениями местного народа. Не то что ассимиляция сама по себе дурна, - она обогащает как ассимилирующие, так и ассимилирующиеся народы. Но гарантии выжить, увы, не дает.

Евреи - наглядный пример. Смолоду живя в русском обществе, и, часто ассимилируясь до мозга костей и не соглашаясь лишь отречься от происхождения, русские евреи видят, что в стране, наводненной антисемитской пропагандой, переход от поощрения ее втихую к открытому одобрению не составляет труда. Ожесточение авторитаризма толкает к этому неотвратно, и утешает разве надежда, что это будет еще не при Путине. Но и тут гарантии нет, поскольку решают не личные чувства автократа, а расчеты тех, кем он держится. Брежнев антисемитом не был, но антисемитизм при нем крепчал.

Диаспоризация, рассеивание, других национальных меньшинств делает их положение в России не лучше, а нынче даже хуже еврейского, - по анекдоту: «Меняю лицо кавказской национальности на жидовскую морду». Пятьдесят с лишним лет назад на русском языке в ООН было сказано, что евреи вправе возродить историческое отечество. А потом СССР усердно помогал тем, кто старался этому помешать. Вот и на территории самой России исторические отечества других народов позволяли воссоздавать лишь напоказ. Эту показуху и прекращает министр по национальному строительству, а точнее по упразднению национальностей. Но неоспоримость права татар диаспоры на сообразную с их стремлениями, пусть отличную от Казани, жизнь, и даже на ассимиляцию, не оправдывает стремления отнять у Казани право на свою жизнь, и не оправдывает стремления Думы лишить ее желанного алфавита. Не буду повторять, что обратясь в единую одноцветную «нацию» человечество, как целое, обеднеет. Главное, что жизнь «без России, без Латвий» не удастся наладить без ущемления латышей. В отличие от США или Канады, заселявшихся разными людьми, в России издавна жили разные народы, и призыв к экстерриториальности сулит новые Треблинки, не одни еврейские. Грозный - угроза национальным меньшинствам. Министр ими пренебрегает, а Дума и на дух их не выносит.

Господин Зорин тщится теоретически облагородить практику президента. Но тот не зря больше полагается на Павловского и Ястржемского, предпочитающих вранье и угрозы. Очень уж не сходятся у президента концы с концами. Он утверждает, что происшедшее в Москве разом – и дело международного терроризма (почему и пополнил оборонную доктрину своим правом наносить превентивные удары по другим странам, даром что захватчики были отечественные чеченцы), и наше внутреннее дело. Но, если это происки международного терроризма, не лучше ли противопоставить им международные усилия, и, как американцы в Афганистан приглашали и английские, и турецкие войска, и нам пригласить в Чечню иностранцев? А если это наше внутреннее дело, что ближе к истине, то не стоит ли видеть его внутренние пружины, а они не сводятся к праву наций на самоопределение. В Чечне сторонники унитарной империи, и ее унитарные институты - армия, ФСБ и МВД, воюют против сторонников реальной федерации, за которую, а не за себя одних, воюют чеченцы. Они отчасти воюют и как авангард русского народа, которому тоже давно вредит нужда сверять с Москвой каждый чих в

Сибири или на Дону. Путин, воюет, чтобы укрепить вертикаль, то есть унитарность власти, а не просто удержать чеченцев. Признать, что власть хочет видеть Россию унитарной, господин Зорин робеет, поскольку в Конституции все же сказано другое, вот он и сочиняет, что национальность – пережиток, да еще советский. Но развитая большая страна, даже одного народа, не может быть унитарной, не зря Германия – это федеративная республика, да и штаты в Соединенных Штатах различаются не различиями своего населения. Федерация - признак демократии, знак союза, держащегося компромиссами его участников.

Путин ополчается не на агрессивные чеченские отряды, по странной случайности возглавляемые часто людьми, слывшими агентами наших служб, а на ту часть сопротивления, которая искала и все еще ищет взаимоприемлемый компромисс. Для Путина никакой компромисс не приемлем, он хочет полной покорности, как при царях и коммунистах, именуемой ныне государственным. Вот он и будет вести переговоры о мире не с теми, с кем воюет, но со своими ставленниками. Он бен Ладену уподобил Масхадова, и объявил террористами готовых за него голосовать. Между тем, бен Ладен, как Ленин или Гитлер, уничтожает, сжигает, разрушает («до основанья»!) чужое, а Масхадов, как Гарибальди или Жаботинский, лишь защищает свой народ. Путин твердит, что Масхадов себя скомпрометировал вылазкой захватчиков. Но будь он даже к ней причастен, что надо еще доказать, разве нападение на тысячу мирных граждан в России компрометирует Масхадова сильнее, чем Путина уничтожение десятков тысяч мирных граждан в Чечне? Ни тому, ни другому нет оправдания, и различие лишь в том, что чеченцы слабей, их меньше. А разрешая спецслужбам пустить против захватчиков газ, без обеспечения немедленного спасения отравленных этим газом заложников, Путин был убежден, что его не скомпрометирует и убийство собственных мирных граждан, поскольку цель у него благая, - борьба с «международным терроризмом». И, как в советские годы, нам опять внушают, что цель оправдывает средства.

РУССКАЯ РОССИЯ

Вслед за другими гигантами развалился СССР, под псевдонимом которого три четверти века продолжала выступать Российская империя. Коммунисты ее крепили не только оружием, выселениями, лагерями и русификаторством, но и демагогией дружбы и братства, которая, однако, не помогала. Отчасти даже мешала. Прекрасные понятия, выказав на практике повседневную фальшь, заставляли сомневаться даже в добрых отношениях, впрямь порой возникавших меж народами и при царях и при генсеках помимо их воли. Порой досадно, что Горбачев не смог вместо империи создать реальный союз, где среди равных не бывает первых, а лишь равноправные. Но коммунист верит, что пролетарии всех стран соединяются ради подчинения единому центру. Ему не понять, что желание быть вместе связывает людей крепче, чем вертикаль насилия.

В результате четырнадцать республик стали национальными государствами, хоть и обремененными советским наследством. А Россия не стала, наследство перевесило. Двусмысленность понятия «национальный» и самого слова «националист», обозначавшего в СССР врага империи, еще в пределах СССР мешала думать о русской республике, аналогичной киргизской или эстонской. Когда половина, если не больше, жителей империи - нерусские, такой страх понятен. Россию держали за метрополию, а интернационализмом слыл русский шовинизм. Откажись русские от почетного положения надзирателей и конвоиров, задумайся, какую судьбу сулит оно русскому народу, восстань русский национализм вместе с татарским и другими против великодержавного шовинизма, империю впрямь бы сменил союз. Право на национальную (или идейную) общность стоит на признании того же права за другими. Сочли, что вера одна, а прочее - ересь, партия одна, а кругом предатели, и вера выдыхается, и партия завирается.

Сегодня в Российской Федерации нерусских меньше 20%. Это немало, но в Литве, ставшей национальным государством без дискриминационных законов для нелитовцев, русских те же 20%. В России, конечно, есть добавочные сложности. Ее народы живут на исторически освоенных ими территориях. Но вряд ли они тотчас захотят большего, чем автономия и равноправие, нужные и сугубо русским областям. Стремление к разрыву возбуждает у нас агрессивно деспотическая политика центра. Она подрывала Варшавский блок. Иначе из под влияния России ушли бы Венгрия и Чехия, знавшие вторичную советскую оккупацию, прибалтийские республики, возможно, Польша, но Болгария, Сербия или Румыния могли бы повести себя иначе. Республики СССР, за вычетом Прибалтики, обретая реальное самоуправление, едва ли бы торопились. Из России мало кто ныне мечтает выйти, да и то больше пугаясь ее действий в Чечне. Речи о грозящем распаде России, если ее не поприжать, – лишь знак нежелания власти быть понятливой и уважительной к меньшинствам, чтобы распад предотвратить.

Но, чтобы понимать других, надо понять себя. Какой ждаты терпимости к национальным меньшинствам от презирающих собственный народ. За пределами России осталось чуть не 25 миллионов этнических русских, не говоря о «русскоязычных». Казалось бы первым побуждением властей должно бы стать, по образу и подобию немцев, дать этим людям возможность при желании вернуться в историческое отечество. Тем более, что их отцы покидали его не очень добровольно, кто по принуждению центра, кто по заданию. К 1989 году русских, живущих в союзных республиках было уже в несколько раз больше, чем коренных жителей республики, живущих в России. Только Белоруссия и Азербайджан держали равновесие, а в Киргизию перебралось примерно в 22 раза, в Латвию – в 19, в Узбекистан в 13, в Эстонию, Казахстан и Таджикистан в 10, в Туркменистан в 8, в Литву в 5 раз больше русских, чем местных жителей в Россию. Не везде русским нынче спокойно. Но Россия не спешит

их принять, даром что демография плоха. Их удерживают в республиках, как залог влияния и нового захвата.

Разом отвергнуты и принцип самоопределения меньшинств, порой ведущий к отделению, и принцип объединения народа в национальном государстве с полноправными меньшинствами. Европу они вели к взаимоуважению народов. Отвержение обоих - знак пренебрежения национально-исторической почвой государственности, ценимой, за редкими исключениями, даже в странах, заселенных в новое время. Но Россия, путая целостность страны с унитарностью, надеется на патриотизм.

Так обычно называют любовь к своему образу жизни и родной культуре. Для малочисленных народов это, опять же, любовь к стране проживания, с уважением относящейся к их образу жизни, культуре и их малому отечеству. Можно так обозначать и стремление к благоденствию и развитию своей страны. Но люди, именующие себя патриотами, у нас парадоксально противодействуют внедрению экономических и политических начал, ведущих к процветанию. Сколько шумели по поводу недопустимости продажи пахотной земли иностранцам, хоть покупателей было не видать. А под этот шумок проводят законы фактически затрудняющие русскому или татарскому человеку приобретение фермы и работу на ней. Иностранцы перебьются, но в России-то закон о продаже земли даст преимущества крупным латифундистам, наперед пресекая возможность возрождения русского крестьянства на экономической почве, за которую, кстати, ратовал Столыпин, вроде ныне почитаемый.

Такой патриотизм обрекает миллионы русских, не говоря о других, опять на батрачество, если не на колхозное крепостничество. А людей и прежде не утешало, что барин или председатель сам русак. Этот барский патриотизм - продолжение советского. Но тогда он был открыто обращен против других народов, и выражался военно-патриотическим духом. Мирный патриотизм не ценили. Желание, чтобы люди жили лучше, патриотизмом не считали. Идеология, официально призывавшая дать «каждому по его потребностям» клеймила стремление иметь хотя бы необходимое, как «потребительство». Считалось, что и необходимое надо отдать на укрепление обороны, поскольку все только и ждут, чтобы на нас напасть. На деле крепили не так армию, – до чего, при диком росте вооружения, эта политика ее довела, сегодня не видят только слепые, - как правящий слой. Нынче признано, что никто нам не грозит и даже НАТО у границ - не угроза (напротив, гарантия покоя). Но под предлогом патриотизма снова требуют военного обучения в школах, отмены или продления альтернативной службы, восстановления смертной казни. Вопреки Конституции, оговаривающей отделение церкви от государства, а школы от церкви, уже вводят в государственных школах Закон Божий в виде открыто антисемитских «основ православной культуры».

Советская идеология первой целью патриотизма считала государственную и военную мощь. От такого патриотизма, толкавшего к хозяйственному краху, СССР и рухнул. Но и без марксистского камуфляжа

патриоты воспевают государственную и военную мощь, даром что возможности сократились, а страна уменьшилась. Они готовы видеть Россию меньшим, лишь бы Советским Союзом, где строй позволяет, не считаясь с людьми, ублажать номенклатуру. Слово ушло, номенклатура назвалась «элитой», но гребет под себя, как гребла, и в хозяйственной, и в чиновной сфере. Ей не стыдно дорожить советской традицией, и старым гимном. И большинство живет еще хуже, чем прежде, а, не говоря о зыбкости хозяйства, живущего чужим спросом на сырье, правящий класс, заботясь, при современной технике, лишь о себе, пилит сук, на котором сидит. Оттого и ожесточает режим, и стесняет печать, и не хочет кончить внутреннюю войну. Это не глупость, а страстное желание удержаться. Власти по-прежнему кажется, что до торжества здравого смысла еще далеко, а оно ведь обернется национальной катастрофой.

Русский народ не сгинет, но его место среди других меняется. К тому толкала уже советская власть. Родину Лобачевского, Менделеева и Льва Толстого она, как в анекдоте, объявляла еще и родиной слонов. Реальные достижения и великие люди замалчивались и истреблялись, а общие места о национальном величии звучали с придыханием. Важен стал не русский вклад в культуру всех людей, а, как и внутри страны, превосходство, претензия заменить все другие вклады и учить всех других. Вчера ее обосновывали лучшими навыками марксизма-ленинизма, а ныне готовностью православия спасти заблудших овец других исповеданий, в том числе даже мусульман. Гордыня безликого универсализма размывает национальное лицо, и нет нужды его ценить, ценить русских людей, и нерусских, живущих в России ей на благо, и совсем нерусских, живущих за ее рубежами на благо всем. Пафосом жизни стали зависть и ненависть. Без романтической лексики марксизма, прикрывавшей советское зверство, его преемники ныне откровенничают во множестве национал-социалистических движений, сбивая национальное сознание с толку. Среди отчаянья от псевдодемократических реформ, хватит ли еще национализму либеральности, чтобы, обособиться от национал-социализма, противопостав «элите»?

Их речи часто схожи, и под умеренным флагом к власти проходят старые силы. Горбачев, человек тоже до мозга костей советский, но ощутивший, что коням, впряженным в советскую телегу, взгроможденный на нее груз уже непосилен, оттого нынче и не у дел, что его беспокойство «элита» в себе вытравила. Генерал Иванов и над обрывом коней не остановит. А что будет с Россией, ГБ не волнует. Была бы покорна.

ЕСТЬ ЛИ ДРУГАЯ ПАРТИЯ?

Российское общество, простясь с марксизмом, не вовсе отвергло идеологическую утопию благоденствия под сенью диктатуры пролетариата, - вера в благоденствие при диктатуре, хоть и не пролетариата, а органов госбезопасности, жива. Смешно по этому поводу предъявлять претензии к

теории, возникшей после первой промышленной, но до второй, научно-технической революции. Но уже отвергается любая попытка анализа происходящего в материальном мире. Стоит спросить, интересы какой части общества защищает то или иное движение, как идеолог власти, вроде Сергея Маркова, в самом вопросе усмотрит марксизм. А ведь социальное мышление возникло до Маркса и знало не только избранные им, или потом большевиками, пути. Политикам везде любопытны интересы тех, от кого они ждут поддержки. Но не у нас.

Все наши партии хотят как лучше. И чтобы для всех. Исключения делают разве для гомосексуалистов, чеченцев и, по привычке, евреев. Различия партий, причины, не дающие им сплотиться в единую ассоциацию помощи трону, как при коммунистическом самодержавии, не очевидны. Партий оппозиционных на деле нет. Если бы КПСС могла открыто обсуждать свои внутренние разногласия, они выглядели бы определенной, чем у нынешних партий. Шумят о борьбе левых, центра и правых, создавая видимость спектра позиций, но позиции обозначают отношение не к реальности, а к другим партиям. «Мы левые», - твердят одни, «Мы правые» – другие, «Мы еще правее и еще левее», - третьи и четвертые, но понятия «правое» и «левое» абсурдны без явных точек отсчета. Во Франции эпохи реставрации, где они возникли, было ясно, что правые – это консерваторы, сторонники монархии, жаждущие ее сохранить, а левые – либералы, сторонники свершенных революцией буржуазных перемен. Ныне партии представляются, указуя на зарубежные аналоги, и КПРФ слывет левой.

Но о партии надо судить не по лозунгам, а по тому, что она делает, стоя у власти. До 1917 года коммунисты и впрямь были крайне левыми, были против самодержавия и даже буржуазии, ратовали за свободы, за социальные, национальные и гражданские права. Но к 1991 году их позиция давно переменилась, они против свобод, против самоопределения наций, против прав человека и за самодержавие, понятно, не дома Романовых, а генсека и политбюро. Это изменили не Янаев и Зюганов, а Ленин, Сталин, Хрущев, Брежнев и иже с ними. Коммунистическая партия развивалась так, что стала крайне правой, глубоко консервативной, шедшей на все, чтобы удержать заведенный ею новый феодализм. Уже то, что на первых после 1991 года выборах в Думу коммунисты собрали наибольшее число голосов, подтвердило, что никакой революции в 1991 не случилось. Даже если не вспоминать, что их конкуренты тоже из коммунистов, но смекнувших, что одной пальбой в публику власть не сберечь, и спрятавших партбилеты.

А после октября 1917 на выборах в Учредительное собрание монархисты не значили ничего и даже буржуазная кадетская партия набрала менее 5%. Победила партия террористов-эсеров, партия Софьи Перовской и Александра Ульянова, Азефа, Савинкова, Керенского и Чернова. А партия Владимира Ульянова (Ленина), проводя выборы, себе наскрести больше четверти голосов не смогла. Понимая, что это его предел, Ленин и не стал

проводить новые выборы, как советовала наивная Роза Люксембург, а разогнал Учредительное собрание, совершив государственный переворот, определивший тоталитарное развитие коммунизма у нас и всюду, где он приходил к власти. Сталин для верности почти всех коммунистов 1917 года перестрелял. А нам все твердят, что сталинские палачи, перенявшие имя своих близоруких жертв, первыми поверивших, что насилие все превозможет, – левые.

Но лгут не только о коммунистах. Если даже глядеть не на Учредительное собрание, а на царскую Думу, то не говоря о первых двух, даже после столыпинского переворота, в третьей, где октябристы, глядевшие в рот царю, вместе с прямыми черносотенцами заняли почти половину мест, а центр стал кадетским, была и народническая и социал-демократическая оппозиция. В нынешних Думах демократической оппозиции авторитарному президенту на деле нет. Даже в «Яблоке», поначалу на эту роль претендовавшем, с каждой новой Думой оппозиционность выцветает. Коммунисты, ратующие за реставрацию своего порядка, – крайне правая тоталитарная оппозиция, а остальные, – не только «единороссы», самим своим названием отрицающие нужду в партийном представительстве разных социальных слоев, но и все прочие, – лишь новые «октябристы», дозволенные новым авторитаризмом. А большинство населения, – прежде от тоталитаризма, а ныне от авторитаризма, страдающее, – не представлено в Думе никак.

Это решающее обстоятельство нашей псевдополитической жизни удается замазать, располагая политические группы в виде полосы – слева направо, не сопоставимой с населением. Где при этом располагается, скажем, партия Жириновского понять невозможно. Но создается впечатление политической пестроты, даже избыточной, и кажется, что Путин прав, норовя ее сократить. А круг партий надо сопоставить с кругом жителей, и лишь выяснив меру соответствия сегментов того и другого, можно судить о мере представительства. В столыпинской думе крестьянство было представлено, но весьма урезанно, а в Учредительном собрании именно оно определило большинство, каким само являлось в стране. К тому же, прежде признавали, что октябристы, какие они ни есть, все же левее черносотенцев, а кадеты – левее октябристов. Но партия Гайдара, Чубайса и Немцова именуется Союзом правых сил и позиционирует себя правее не только мракобесов-коммунистов, но и всех других, и твердит о своей близости британским консерваторам и республиканцам США. Но, помилуй бог, в Англии – либеральный буржуазный порядок, и британские консерваторы (как и республиканцы в США) его-то и стараются сохранить в противовес лейбористам (в США – демократам), наращивающим роль государства. А партия Гайдара-Чубайса, проводившая за счет граждан «реформы» Ельцина, оставила государству куда большую власть, чем прочат ему лейбористы. Но она все же полевой коммунистов, отдававших и жаждущих отдать государству все, а уверяет, что она правее, консервативней.

Это обнажает театральную подоплеку российской политики. Ельцин и Путин отстаивая интересы правящего класса без марксистско-сусловских словес, выдают эти интересы за национальные интересы России. Можно спорить, долго ли эта политика сможет служить правящему классу, но интересам России она явно не отвечает, поскольку Россия станет процветающей, какой, завычетом вооружения, не была при коммунистах, лишь перейдя к постиндустриальному обществу, опершись на свой человеческий потенциал. Сырьевые богатства способны, хоть и не на всех поворотах, быть этому лишь подспорьем. Но умственная рабочая сила, еще больше, чем физическая в буржуазном обществе, нуждается в свободах, правах и гарантиях. Уже это, чем дальше, тем больше, делает внутреннюю политику существеннее внешней.

Однако, признав нужду в постиндустриальном развитии у нас его обручают с «управляемой демократией», то есть, с авторитарным режимом. В любимцы «элиты» вышел Пиночет. А три тысячи им убитых, хоть и меньше десятков миллионов убитых Лениным, Сталиным, Гитлером и прочими, убиты преступно, хоть и не Пиночет первым нарушил согласие, но Альенде стал «строить социализм» не по шведскому, а по советскому образцу. Чилийская армия, как не раз турецкая, остановила законного президента, чтобы удержать страну от необратимых перемен. Правда, турецкие генералы, спасая демократию, все же не убивали ее врагов на стадионе. Но и Пиночет потом спрашивал избирателей, продлить ли диктатуру, и когда на второй раз его отвергли, отдал власть свободно избранному президенту. То есть, в отличие от своих российских почитателей, все-таки сознавал, что иначе развития не будет.

А наша номенклатура в тревогах «перестройки» выстояла. Чисто идеологическими жертвоприношениями она, во главе с Ельциным, удержала правление страной, уберегла в России советский режим от коренной ломки, и Путин сегодня может даже возрождать его былую косметику. Оппонировать его коммунистическим по сути действиям внутри страны наши «демократы» не могут, как не могли оттеснить коммунистов в 1991, вот и уверяют, что за разумными внешнеполитическими шагами последует и демократическая внутренняя политика. Но России нужней самой стать в полной мере западной страной, чем дружить с западом при нынешней внутренней политике.

О разъедающей страну внутренней войне, фактический лидер «Союза правых сил» Чубайс говорит: «в Чечне возрождается наша армия», а она там на деле погибает, и не только физически, а, как в Афганистане, из армии – защитницы, какой была в 1941-1945, перерождаясь в жандармерию. И, тем самым, российское сообщество - из добровольного в насильственное, опять в тюрьму народов. Чубайс публично объявил любого, кто против этого, предателем. Но Григорий Явлинский, им так названный, готов считать «Союз правых сил» демократической партией и с ней вместе верить, что президент, как добрый царь, не чужд

демократическим идеалам. А чтобы их возродить, нужен другой президент и другие партии.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ВМЕНЯЕМЫХ

Суд освободил полковника Буданова от уголовной ответственности. Его признали невменяемым в институте Сербского, знаменитом умением числить здоровых душевнобольными. Прежде таковыми там объявляли усомнившихся, что советский порядок безупречен. Кабы не шумиха, не было бы у нас диссидентов. Одни душевнобольные. Полковник Буданов, однако, не диссидент. Не против власти шел, а по ее приказу наводил порядок. Затем и насильничал восемнадцатилетнюю Эльзу Кунгаеву, а потом задушил. Иначе не поставит чеченцев на место. Обычно нашей армии не до статистики перебитых младенцев да изнасилованных чеченок. Но Буданову не повезло. Младший по званию, из другого меньшинства, считал это несовместимым с восстановлением конституционного порядка. Его за разговорчики в яму скинули, а потом выясняли. А то бы все и сошло, - один что ли Буданов. Но «дошло до попечителя», и до суда, и тянули почти три года.

Суд задачу сразу понял правильно и, для начала, установил, что полковник Эльзу не насильничал, а только удушил. Тому, правда, противоречил медосмотр, но объяснили, что насилие посмертно произвел рядовой Егоров, которому велели убрать труп. Тот от признаний теперь отказался, но, конечно, красивей, чтобы честь армии марал солдат, а не полковник. И все же с приговором медлили. Судьи видели, что куда ни кинь, все клин.

Дело не только в том, совершил ли Буданов вменное. Если осудить по закону, чеченцы, которые не боевики, - допустим, что такие все же есть, - увидят, что и русских насильников наказывают, и поверят, что не все русские убийцы. Но в армии это не вызовет патриотического подъема. Когда воевали с немцами, героями считались Николай Гастелло и Александр Матросов, жертвовавшие собой. Насильники и тогда случались, особенно когда вошли в соседние страны, не говоря о самой Германии. Не всегда их карали, но публично не выгораживали. Чеченская война изменила ментальность и само понятие о героизме. И судьям неохота наказывать полковника с репутацией молодца. Вот и не наказали, и теперь чеченцы еще больше утвердятся в том, что Россия понимает лишь язык насилия, и отвечать ей можно лишь Дубровками. Затем и институт Сербского, чтобы научно объяснил: «Хоть убил, ... не виновен ни в чем!» Психушка-то нынче не грозит, отдохнет полковник у моря или нарзанчику попьет, а там и в строй, и в генералы произведут, а то и президентом Чечни поставят.

Но устанавливая, что Буданов не вполне сознавал смысл своих действий, ни суд, ни институт Сербского, не определили конкретно, кто и каким образом поручил ему столь напряженную для нервной системы работу. Спятить от ужасов войны бедный полковник мог, - может он и в

Афганистане до того воевал, - и, видя, как запросто убивают младенцев и насилуют девушек, еще там утратил рассудок. Но как же послали столь чувствительного, нежного человека командовать карателями? Неужто не стало на Руси палачей? Вот и не проверили, выдержит ли душа бедняги. А, может, уже и вышестоящий начальник был невменяем?

У нас такие повороты любят, поскольку они спасают от нужды говорить по-существу. После разоблачения Сталина и скромных публикаций о его палачестве, ведомство по распространению слухов, пустило весть, что Иосиф Виссарионович, хоть и великий человек, не вполне был, якобы, вменяем, то бишь, был психом, и установил это, якобы, сам великий Бехтерев, за что и поплатился жизнью. То, что Сталин в обстоятельствах, от него не зависевших, вел себя вполне адекватно, и «невменяемость» овладевала им лишь когда все зависело только от его воли, твердивших этот вздор не смущало. Слух оправдывал тирана, - болен человек, что поделаешь. И почему царило тиранство, становилось не так важно.

С Будановым, однако, звучали и другие тона. Прокурор еще по прежнему заключению института Сербского требовал дать Буданову три года, почти истекшие за время суда, да еще дававшие ему право на амнистию. Но этого прокурора вдруг по болезни отстранили от дела, а вновь назначенный уже потребовал дать двенадцать лет, и экспертизу объявил незначашей, поскольку это не экспертиза, а защита авторами своих научных позиций. Поговаривали, что отстранение доброго прокурора отразило недовольство президента превращением суда в фарс. Не знаю, так ли это, но верю, что Путин, как человек вполне вменяемый, отдает себе отчет в последствиях оправдательного, по сути, приговора насильнику и убийце, а, тем самым, всем преступлениям, которые совершили наши солдаты, офицеры и генералы. Что же президент не предостерег их четким приказом, с которым и штатский министр обороны генерал-лейтенант ГБ Иванов, и командир Буданова генерал Шаманов, и сам Буданов, как люди тоже вменяемые, вполне бы считались, кабы приходилось за его нарушение отвечать?

Президент, конечно, не хотел, чтобы военные в избытке давали поводы говорить о геноциде, о зверствах и обо всем, о чем ныне справедливо говорят. Но понимал, что если их удерживать, победы и вовсе не дождешься. Откуда, однако, у наших войск такая ярость? Конечно, чеченцы сопротивляются немилосердно. Но в Москве с оружием в руках они были только раз, а мы их все атакуем да атакуем. Конечно, пропаганда, уверяющая, что не может быть мира, пока чеченцы не станут на колени, поощряет садизм. Но едва ли Буданов читал Сергея Ястржемского, Михаила Леонтьева, Якова Гордина и прочих. Ему хватало слушать своих командиров и президента, требовавших не давать спуска. И он потерял облик человеческий.

Президент, возобновивший эту войну, мог бы уже не только взвесить стоило ли, вообще, после Афганской и Первой Чеченской, это делать, но признать, что надежды на окончательное решение чеченского вопроса за три года не сбылись, что ежедневно убивают не только чеченцев, но и русских, как до того десять лет не только афганцев, но и русских. И не

только убивают, не только делают инвалидами, но внушают уцелевшим веру в насилие, и оно торжествует – война в Чечне ныне учит русских ежедневно убивать русских.

На вопрос, почему не начать переговоры с теми, с кем мы воюем, президент исправно отвечает, что мы однажды пробовали, и больше не хотим. А Шарону и Натаньяху он упорно советует вести переговоры с Арафатом. Они отвечают, что пробовали не однажды, поминают пример Барака, показывают, что Арафат хочет не мира, а безоговорочной капитуляции Израиля, его уничтожения, и ведет ежедневный террор против мирных граждан. А Путин снова и снова их учит вести переговоры с террористом, но сам этому не учится.

Некоторые чеченцы, хотели честно сотрудничать с русской властью, например, Малика Умажаева, руководившая Алхалкалинской администрацией, но, по честности, она не всякую «зачистку» признавала законной. Ночью пришли наши военные, и ее расстреляли. Путин никого не наказал, и в Алкал-хале опять увидели, чего он ждет от чеченцев. А что будет с участниками сопротивления, показал пример Салмана Радуева. Его приговорили к пожизненному заключению, - и недавно он умер в тюрьме, как до него другие с таким приговором. Закон ведь не оговаривает, сколько жить приговоренному пожизненно. Власть заявляет, что смертную казнь у нас не исполняют, так говорит закон, но, как видим, убивают и без смертной казни. Вспомнит ли это британский суд, решая выдавать ли Закаева?

Путин вполне вменяем. Чечня ему нужна именно такая, сопротивляющаяся, угрожающая нашей благополучной жизни, которую и без войны Путин не знает как наладить, а война его незнание списывает. На его счастье в Чечне не одни Масхадовы да Закаевы, ищущие компромисса, есть – или кем-то посланы - и Басаевы, и Бараевы, которые, глядишь, опять рванут в Дагестан, или в Москве опять что устроят. А это повод держать Россию в напряжении и протыкать ее вертикаль власти. На то и война.

Не просто ради власти, но ради желанного порядка. У слова «государство» - два значения. Придя к власти, Путин говорил, что хочет сделать государство сильным. Казалось, он имел в виду страну, а все мы хотим, видеть Россия сильной. Сильной не одним оружием, которое не приведи бог применять, или армией, без толку стоявшей в Афганистане, но и благодеянием народа, его образованностью, промышленностью, научными открытиями, здоровьем, сельским хозяйством, искусством. Иные на Путина надеялись. Но он имел в виду не страну.

Чтобы слово «сильное» не пугало, Путин уточнял: «эффективное». Он знает, государство - не только страна, - (словосочетание «эффективная страна» лишено смысла), - но аппарат управления, как говорили, «орудие угнетения». Он верит, что страна должна ходить по струнке, выполняя волю аппарата. Но силу так наращивает лишь аппарат, а страна слабеет. Страну и людей не сделать сильными насильно или их запугав. Дело государства - создавать условия, чтобы люди и страна стали сильны. У нас же Будановы наводят страх, а Путин их не удерживает. Не ради

убийства девочки. Когда, еще до разведки, он служил во внутренних органах КГБ, в ходу была «профилактика». Но наказать Буданова, значило бы и за чеченцами признать права. А он и войну потому возобновил, что если признать их права, пройдет страх. А страх страны перед государством нужен не одному Путину с дружкой по КГБ, но чуть не всей нашей «элите», прямо она из КПСС или играла в демократию. Невменяемым можно объявить одного полковника, но не правящий класс. Просто он все тот же, советский.

ОПЯТЬ СНАЧАЛА

Почти полвека двум сверхдержавам было друг друга не сокрушить, иначе как спалив планету, но вдвоем они определяли жизнь и поведение прочих. Чтобы им не уступать, надлежало владеть ядерным оружием, но его обрели лишь Англия, Франция и Китай. СССР создал сильнейшую в мире армию, а демократии прятали головы в песок и отступали. Но когда Рейген остановил отступление, обнаружилось, что СССР, отдававший все, что имел, вооруженным силам, годным лишь на общее самоубийство, сам на этом надорвался. Биполярный мир рухнул, и не стало сверхдержав. Не только России, но и США эта роль теперь не по плечу, поскольку в одиночку не расколоть мир на два лагеря. Нынче каждый за себя. США ныне сильней, Россия слабей, но и вместе никому они не указ, ядерный клуб растет. В нем уже Индия, Пакистан, и, вроде, Ирак.

На всех углах бурно обсуждают, как быть с Ираком. Буш говорит, что оружие массового уничтожения в руках непредвосхитимого режима, попирающего собственный народ, угрожает планете, и, если Саддам добровольно не разоружится, надо, пока не поздно, его разоружить. Угрозу цивилизации Буш различает. Но как с угрозой совладать? Будь на свете один Саддам, американская армия его бы осадила. Но в ядерный клуб очередь. Северная Корея помахивает бомбой. Под грузом кризиса, до которого там по советскому примеру дошли, режим шатается, и его верхи надеются, что Америка их подкормит и укрепит. И американцы рады этому временно-мирному обороту. У нас тоже иные верят, что начни так пугать Америку Горбачев или Андропов, она спасла бы Советский Союз. И то ведь, в Ирак и в Корею разом войска не пошлешь! А тут, глядишь, Иран с российской помощью бомбу сладит. Да и бедная, слабая Россия после распада СССР спустила на воду уже одиннадцать новейших ядерных подлодок. У России, огромной сухопутной державы, на юге опасные области, армия ей нужна, да подводные лодки ее обороне там не послужат. Но Америка в ответ не возрождает холодную войну. Отчего же для Ирака одна политика, а для Кореи, Ирана и России другая?

Говорят, американцев в Ираке занимает не оружие массового уничтожения, а нефть. Что ж они не взяли ее десять лет назад, при отце нынешнего президента, когда, разгромив иракскую агрессию в Кувейте, могли овладеть Ираком запросто? Нет, Запад оттого ведет себя в схожих ситуациях по-разному, что глядит не на глубинные процессы, определяющие международные события, а на скопище выплеснувшихся

происшествий, которые улаживают мастера так называемой «реальной политики», вроде Генри Киссинджера. Лишь задним числом Запад обнаруживает, что их достижения - его поражения.

На смену обществу девятнадцатого века, в котором препоны порой снимались революциями, но решающим было эволюционное развитие, двадцатый век, наряду с расширением демократии, принес и непрерывное революционное насилие. Его утверждали под знаменем социальной справедливости, под знаменем национальной самозащиты, под религиозными знаменами. Но еще в 1936 году Георгий Федотов назвал советский режим сталинотократией, и когда иные с восторгом или ужасом верили, что «победа коммунизма неизбежна», заметил, что Россией правят «совершенно не коммунисты, а новые люди, к которым нужно приглядеться». Но не очень приглядывались, не вдумывались, почему под вуалью манившей химеры коммунизма неизменно утверждались «совершенно не коммунисты». И так же возникали гитлерократия, маократия, фиделекратия, омарократия и прочие. Ими правил не состязательный труд, ведущий к расцвету науки и хозяйства, а принудительный. Единственное внятное им состязание – война, и тут они силились всех обскакать. Но с производством, и аграрным и промышленным, если не отступать к экономическому хозяйствованию, дела там плохи. Даже в природно богатых странах, как наша, люди при сталинотократии бедны.

Либеральная демократия выглядит потребительской уже потому, что имеет в виду потребности не только правящего класса. «Каждому по его потребностям» обещали коммунисты, но свободу торговли заменило нормативное распределение и равенство «простых людей» в нищете. Единственной надеждой стала экспроприация. Не однократная «экспроприация экспроприаторов», после коей якобы растет производительность труда, что не сбылось нигде, но постоянное и непрерывное ограбление общества государством. Возможность жить своим трудом, право на труд и все другие вытекающие из него права свободного человека (у раба или крепостного было не право на труд, а обязанность трудиться), в XX веке подменили правом государства отбирать плоды чужого труда, учиня грабеж повсюду. Это и продразверстка, и конфискация имущества крестьян в борьбе с кулачеством, и занижение ценности рабочей силы в монопольном производстве, и нарушения авторского права, и ограбление других стран, и само по себе требование от лучше работающих стран субсидий не работающим.

Меньше чем через полгода после революции коммунисты разогнали Учредительное собрание. Национал-социалисты с поджогом рейхстага тоже не мешкали. Два потока насилия, то сплетаясь, то схватываясь друг с другом, заполнили двадцатый век. И вот тот век уже забыт, и хлынул третий, более пестрый, да не менее грозный поток. 11 сентября он выплеснулся. Но Запад не любит обороняться. Уинстона Черчилля, звавшего не сдаваться Гитлеру, именовали поджигателем войны, и вручали цветы Чемберлену и Даладье, капитулировавшим в Мюнхене. Европа

снова рада капитулировать, но в Америке после 11 сентября все же ждут своевременного сопротивления агрессору. Когда он уличен, удар по нему естественен. Ирак уличен во лжи уже тем, что дает своим солдатам защитные средства от нервно-паралитического газа, которым он пользовался против курдов и, видимо, владеет поныне. Но, стоит понимать, что победа над Ираком не удержит других, и ради самозащиты придется потом еще атаковать Северную Корею, Иран, и бог весть кого.

Чтобы избегать войн, надо наперед видеть вещи, как они есть. В сумятице двадцатого века смешались многие азбучные понятия, среди прочих «равноправие» и «равенство». Люди, независимо от социального и расового происхождения, конечно, должны иметь равные права, и все страны и все цивилизации имеют право жить, если дают жить другим. Но равноправие само по себе не делает равными возможности ни отдельных людей, ни цивилизаций. Для водительских прав важен не цвет кожи, а личная способность вести машину и знать, и соблюдать правила движения. Точно так же, для международных отношений важна внутренняя готовность страны к правовой жизни. ООН началась с антигитлеровской коалиции 52 государств, но в ней уже полно и прогитлеровских государств, и не ясно, что ее объединяет, кроме общей планеты. О каких правах возможна речь, когда руководство комитетом по правам человека поручено Ливии? Защитить развитие может лишь организация демократических государств, а нынешняя ООН его только тормозит.

Социальное лицемерие замазывает всеобщую значимость могучего скачка совершенного после Возрождения западной либеральной иудео-христианской цивилизацией. Она не то, что красивей, моральней и симпатичней, но именно она ввела в обиход паровую машину, компьютер и производительную силу умственного труда, все более движущую производство и жизнь, от этого все больше и дорожащие участием человека и нравственными ценностями. Другие перенимают ее технические достижения, но не все при этом интегрируются в западную цивилизацию, далеко расширяющую прежние территории, иные прививают чужие открытия к своей прежней ментальности. Россия, смешав варианты, знала и крепостных рабочих, и великих русских европейцев, подобных Пушкину и Толстому. Но кормящие ее нефтяные запасы и плоды насилия, сперва царского, потом советского, то и дело побуждают ее спохватываться, принадлежит ли она к Европе.

И ведь Русь, в отличие от Ирака, Северной Кореи или других стран, была Европой изначально, а им самоопределиться еще трудней. Им не под силу самостоятельно и всесторонне развивать заимствованное. Отсюда и желание любым путем, вплоть до терроризма, подорвать у других либеральные порядки. Казалось бы, либеральным странам надо помогать тем, кто перешел к либеральным порядкам, и не способствовать сталинократиям, кимократиям и саддамократиям. Но когда диктатуры доводят Северную Корею или Ирак до гуманитарных катастроф, толкающих народы этих стран видеть вины своих правителей, «гуманисты» щедрой помощью побуждают забывать их преступления. Запад остыл к диссидентам, ратующим за свободу. А гуманизму бы надо

показать людям, что, выполняя преступную волю власти, они делят с ней вину. Не только Брежнев, Андропов, Громыко и Устинов отвечают за Афганистан, за то, что после гибели от наших рук миллиона афганцев он стал оплотом фундаментализма и терроризма. Или командовавшие там генералы, да и советский народ, за вычетом протестовавшего Андрея Сахарова, не причем?

В Америке ныне склонны отменить поправку Джэксона-Вэника. А она как раз пример предъявления диктатурам условий, без соблюдения которых им не дадут помощи и преимуществ. Разумеется, Россия резко изменила эмиграционную политику и сегодня под действие этой поправки не подпадает, что американские власти признают, нас не ущемляют, и, авось, возродить ее действие не будет повода. Но поправка была направлена не против одной России. И если бы Запад требовал соблюдения всеми странами определенных правовых норм, в принципе как раз и предложенного сенатором Джэксонем этой поправкой, их нарушители, обреченные решать свои проблемы без помощи развитых стран, либо не дошли бы до нынешней наглости, либо их режимы бы рухнули, как советский. И, может быть, не пришлось бы нынче думать о войне с Ираком.

УМЕР, НО ЖИВ

За полвека историческую роль отца, творца и учителя всех народов, величайшего полководца всех времен и лучшего друга физкультурников не все оценили. О нем спорят, взвешивают, принес ли он стране больше добра или зла. Выясняют, был ли осведомителем царской охраны. Выясняют, своей ли смертью умер. И много еще чего выясняют, даром что его архивы и через полвека закрыты. Но, каковы бы ни были подробности, фигуры более определенной и ясной нет, пожалуй, во всей нашей истории. Один из величайших умов России, Георгий Петрович Федотов, когда великий террор только еще разворачивался, называл советскую власть «сталинократией», объяснял, что люди, правящие страной, вовсе не коммунисты, и звал получше к ним приглядеться. Вопреки обещанию, что «добьемся мы освобожденья своею собственной рукой», большевистская партия-благодетельница, освобождая в ходе революции от иных прежних тягот, наваливала новые, еще покруче. Очередные спасители страны, большевики, упрямей прочих верили, что они, единственные, знают, как надо, и решали за других.

Весь девятнадцатый век Россия надеялась на освобождение от реакции, доведшей у нас феодальную зависимость до торговли людьми. Крепостников не убеждали ни мятежи, ни просвещение. Лишь поражение в Крымской войне вынудило дать крестьянам волю, земли, впрочем, так и не дав. Тут и явились первые спасители народа, искренне отдававшие жизнь свою «за други своя», и для начала убившие царя-Освободителя. Их казнили, но новые цари лишь замедляли перемены, возбуждая новых спасителей. В октябре 1917 власть взяли большевики, они и провели долгожданные выборы в Учредительное собрание. Но в январе 1918 это

собрание, воплощавшее волю крестьянского большинства России, они разогнали, и, с оружием в руках погнали население к счастью.

Сталин в ту пору уже был в числе большевистских вождей. В 1922 он стал Генеральным Секретарем, но лишь позднее и благодаря ему этот пост стал главным, а тогда впереди стояли Ленин и Троцкий. Гражданскую войну они выиграли, но жизнь на коммунистических началах наладить не удавалось, и они перешли к новой экономической политике. То есть, дали крестьянству вздохнуть, а оно, как верно отмечал умерший вскоре Ленин, ежеминутно порождало капитализм. Но не затем разгоняли Учредительное собрание! Мужики подрывали руководящую роль партии! И тут Сталин сделал свое главное дело. Он понял, что разогнать Учредительное собрание недостаточно, что для победы социализма, - то есть, абсолютной власти партии и ее вождя, которым Сталин по этой логике стал, - надо разогнать крестьянство! И разогнал! Выморил голодом, загнал в колхозы, ликвидировал как класс, и стал крупнейшим в истории мужикоборцем. Он строил государство, претендующее быть современным, без свободного крестьянства, чего никогда не бывало. Век с лишним Россия ждала, если не буржуазной революции, то либеральных преобразований. Сталин их пресек.

Беспощадное отвержение природы вещей он объявил политической победой. Он не ограничился уничтожением прежних спасителей народа, эсеров и меньшевиков, процессы над которыми затевал еще Ленин. Он провел процессы над большевиками, совершившими в октябре революцию и почти поголовно физически уничтоживший до этого старый состав партии. Его террористы достали Троцкого даже в Мексике. Погибшие большевики, бывшие тоже волонтеристами, конечно, сами привели Сталина к власти. Но для роли, которую он отвел партии, они (сперва все же воображавшие, что их утопии облегчат людям жизнь), явно не годились, - они еще рассуждали и имели мнения. А в партии Сталина было одно мнение и вправе рассуждать только он. Хрущев говорил, что он поставил КГБ над партией, но, подобно Людовику, Сталин мог ответить «партия – это я», а КГБ был под ним. Важно, что и КГБ и партию он поставил над гражданской советской властью, обратив ее в завхоза, лишив политической роли.

Политической, но не сценической. Истинный талант Сталина, строго говоря, принадлежал совсем иной сфере. Россия – страна великого театра, даром что существующего лишь четверть тысячелетия. На русской сцене сразу явились первостатейные актерские дарования и немало выдающихся драматургов, - среди них великий Островский, которого так же, как Шекспира, актеры играли, ориентируясь на текст. Но в конце XIX века русский театр дал сцене новую проекцию – режиссерскую трактовку, порой даже преобразующую пьесу. В Европе поныне преобладает театр драматурга и актера. А в России едва ли не каждый спектакль живет своей особой режиссерской партитурой. У нас она не второй, а главный текст.

Это замечательное открытие российского театра XX века родилось в прямой связи с социальными исканиями и стремлением строить цельный мир не только на сцене. Оно возникло до строительства социализма, -

подобных попыток, и светских, и религиозных, было у нас много. И, сколь бы далеки от политики ни были намерения Станиславского и, тем более, композиционные искания русских хореографов, выдвинувшие наш балет на авансцену мирового искусства, они рождались в одном кругу с попытками волевого строительства нового земного мира. Правда, на сцене было больше удач. Но Сталин недаром любил театр, не зря туда часто ходил. Он взял на вооружение опыт сцены и, подчинив социальную жизнь своей режиссерской воле, придавал мракобесию видимость прогресса.

Переформировывая партию большевиков и страну советов, Сталин уточнял не утопии, но жизненные детали. Съезды Советов заменил Верховным Советом СССР с Председателем Президиума и заместителями, по числу республик, а не равноправными Председателями от каждой, как раньше. Партийные органы даже сохранил как сугубо партийные, и без партбилета туда пускали лишь по пропуску. Но новая рассадка в Президиуме указывала республикам их место в СССР, а партийные органы олицетворяли директивное государственное управление и диктовали или правили все существенные решения, вплоть до хозяйственных и художественных. А Сталин не только сочинял и ставил на государственных подмостках. Он и сам был большой актер. И сам создал так называемый «культ» своей «личности», в котором нет ничего стихийного.

Не до конца осознана и его преступная роль в Отечественной войне, разыгранная с блеском. Он создал впечатляющий образ гения, вечно вынужденного исправлять просчеты подчиненных. Но и сама война, и многие конкретные операции были **его** просчетами. Празднуя Сталинград, забыли, почему родину пришлось защищать не на Висле, Немане и Буге, не на Днестре, на Днепре или на Дону, а на Волге. Забыли, что армию сбивало с толку уже то, что с Гитлером был договор не только о ненападении, что понять бы можно, но и о дружбе. Забыли, что крупнейшие наши военачальники от полковника и выше погибли перед войной, и погубил их не Гитлер, а наш Верховный, опасавшийся, как бы люди, способные с меньшими жертвами защитить родину от Гитлера, не защитили ее и от него. Из-за его преступлений пришлось, чтобы не проиграть войну, погибнуть десяткам миллионов, но его, как победителя, не судят.

Хоть потом не всё одобряли, внедренное при нем не уходит. Недавно президент России издал гуманный указ, простирающий льготы жертвам сталинского беззакония на их детей. Да только не прояснено, кого считать жертвой, и дети расстрелянных и отбывших сроки должны просить государство наново рассмотреть сфабрикованные дела. А еще при выпустившем их Хрущеве пострадавшие считали унижительным доказывать, что они не верблюды. Добро бы речь шла об убийцах! Но ведь миллионы людей приговорили по статьям, которые противоречат и нынешним понятиям и тогдашней Конституции. Если бы наше государство впрямь стало другим и преодолело сталинское понимание законности, как царской воли, и справедливости, как царской милости, оно бы, признав противоправность целых параграфов 58 статьи УК РСФСР, сразу признало

все приговоры по ним противозаконными ввиду отсутствия состава преступления, и объявило бы осужденных по ним реабилитированными. Но поныне об этом - ни слова. Нам дозволено критиковать действующего президента, но и полвека спустя на детях расстрелянных и отсидевших, как преступления, висят их упреки номенклатурной шушере и другие критические речи, подслушанные доносчиками. Значит, у Сталина больше власти, чем у действующего президента. Значит, он жив.

Порой слышать, что Сталин еще вернется. Объективно, ему уже нет дела по масштабу. Не потому даже, что построенный им социализм обанкротился, а слаженный им СССР без насилия не держался. Но потому, что историческую задачу «подморозить Россию», перекрыть ей путь к капитализму, еще до Ленина заданную Константином Леонтьевым, сам Иосиф Виссарионович выполнил более чем усердно. Не стало ни самостоятельного крестьянства, ни других готовых быть предприимчивыми (а не воровать) общественных слоев. Вот «капитализм» и обернулся кучкой «олигархов», назначенных государством. Сталин, как видим, наработал больше, чем на полвека вперед. «Реформаторы» его не одолели, отнятую в январе 1918 свободу не вернули, у власти осталась номенклатура, переименованная в «элиту». И если, чтобы дальше тащить и не пущать, она поднимет своего Пиночета или Саддама, тот запросто накинёт сталинскую парадную шинель.

Альтернативой советской власти объявили царскую, у которой та как раз училась и многому научилась.

ПОСЛЕ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Сходство меж сторонами холодной войны замечали многие, - абсурдность монополизма выступала и тут и там. Но немногие видели принципиальное различие в его мере. Во внеэкономической советской империи он был абсолютным и подневольным, На Западе - частичным и компромиссным. Наша империя не выдержала напряжения, но пейзаж сменился и за стеной. Советское, а потом российское, руководство, еще боялось вступления освобождавшихся государств в НАТО, а франко-германский дуэт уже ломал НАТО изнутри. Говорили о многополярном мире, о недопущении правления единственной «сверхдержавы». Но США без советской угрозы уже и не сверхдержава, у которой другие ищут защиты. А многополярность означает возвращение от холодного раскола надвое к чреватых войнами групповым объединениям.

Принимая восточную Европу в НАТО, Франция пресекает ее проамериканские симпатии, и чуть они проявятся президент Ширак рывкает: «Вы упустили случай промолчать». На пару с немецким канцлером, он монополизировал право определять отношения Европы с Америкой. То есть, вводит в НАТО доктрину ограниченного суверенитета, известную как доктрина Брежнева. В «многополярном» мире суверенность стран не укрепляется, и пять-семь империй, по жесткому неравноправию участников скорее напоминят Варшавский пакт, чем НАТО. Доктрина

Брежнева и в устах Ширака - не знамя демократии, а, что ни говори, и Кеннеди, и Картер, и Рейген демократию отстаивали.

Но не одна Россия ей угрожала, а место главной угрозы она заняла лишь после общей победы над Германией. Не будем здесь выяснять угрожает ли еще кому-нибудь Россия. Но откуда Запад радовался миру своей победы в холодной войне, обнажились другие угрозы, и видней всего - огульно именуемая исламской. 11 сентября и впрямь устроили мусульмане, но не по сговору всех мусульман, не все они потом плясали от радости, как палестинцы, и отвечать на 11 сентября оголтелой антиисламской пропагандой нелепо. Корни, так сказать, бен-ладенизма не в исламе, служащем ему знаменем, но, при всех идеологических отличиях, — те самые, из которых в христианских Германии и России выросли ГУЛАГ и Треблинка.

Страны с непреодоленным феодальным прошлым, не знавшие буржуазной революции, овладевают техникой не ради доходов, как некогда Европа и Америка, а чтобы удержать свой отживший феодальный идеал. Они насаждают феодальную реакцию. Такое происходит и в сугубо религиозных формах, как в Иране Хомейни, и во вполне светских, социалистических, как в мусульманском Ираке Саддама. Суть от этого не слишком меняется. А она в том, чтобы правящий класс, старый или новый, утверждался не успехами в научной, технической и промышленной конкуренции, как в Голландии, Англии, Америке, но ликвидацией конкурентов любым путем, — вот и расцвел терроризм. Не то плохо, что очаги развития смещаются, — из Рима в Северную Европу, потом в Новую Англию и Калифорнию, а, потом, теоретически, хоть в Багдад. Плохо, что победа агрессивного нового феодализма обозначит остановку в развитии, тупик. Не просто Запада, но человечества.

Преимущества буржуазного порядка перед феодальным и, тем паче, феодальной реакцией, в том, прежде всего, и состоят, что расширяются отдельные, частные возможности, и, тем самым, свобода развития. Это не делает буржуазность «прекрасной во всех отношениях», и любить ее особо не за что. Маркс терпеть ее не мог, но, в отличие от марксистов XX века, признавал ее преимущества, а социализм, на который он надеялся, оттого и обанкротился, что эти преимущества утратил, их «преододел». Они — демократия, права человека, социальная защита — не национальные добродетели, и не при любом порядке возможны. Но это условия выживания и развития. Они придают обществу гибкость, дают приспособиться к новым открытиям. Любая жесткая идеологическая система, не один ислам, этому заведомо противопоказана. Преимущество Запада не только в том, что иудео-христианская цивилизация раньше других осознала роль отдельного, особенного, и в частности, отдельного человека в общей судьбе. Она проявила способность к преобразованиям, без которых буржуазному порядку не житье. То были, прежде всего, Реформация и рост светской философии и науки, а сообразно с ними и коренные перемены в повседневных отношениях людей, вплоть до бытовых. Европе, и в том числе России, многодетная семья была не менее дорога, чем исламу, но уже необходимость дать детям образование, без

которого потом не выжить, ограничивала число детей. Фундаментализм затем и крепчает, чтобы уберечь исламское общество от важных перемен, чтобы ему не стать буржуазным,

Судьба буржуазного мира отнюдь не безоблачна. Среди его труднейших проблем монополизация хозяйства, сама, в социалистической или традиционной форме, возвращающая к феодальной реакции. Но от этой монополизации противится и антитрестовские законы действуют не только в США, в то время как Россия, намереваясь переходить к капитализму, насаждает тресты, не давая ходу мелкому собственнику. А хоть научно-исследовательская работа растет ныне в крупных корпорациях – это не единственная возможность. Возникают и небольшие независимые институты, лучше использующие умственный труд.

Кризисы в образовании тем отчасти и вызваны, что общество не ценит мозги своих граждан, быть может, самое драгоценное в XXI веке национальное достояние, и не обеспечивает получение образования сообразно личным данным. А это бы вело к общему преодолению неравноправия, поскольку умы и дарования распределены вне связи с полом, происхождением, нацией, религией и достатком. Учет человеческих природных данных приносит реальные перемены, а не одну их видимость, создаваемую политической корректностью. Здесь открывается великий шанс в обозримые сроки сравняться с обогнавшими. Но ориентация на новый феодализм как раз этот шанс и подрубает. Из-за нее ни Германия, бурно развивавшая науку в начале XX века, ни России, много наработавшая в военной технике, сполна свои научные потенции не выявили.

По опыту Второй мировой, а потом холодной войны человечество могло бы осознать угрозу нового феодализма, не только исламского. Но нет способной на это международной демократической организации. ООН таковой не является, она лишь дом свиданий политиков. Большинство ее членов даже с натяжками не сочтешь демократиями. Недаром председателем комиссии по правам человека уже избрана Ливия, один из самых злостных нарушителей этих прав. Израиль – наглядная жертва политики ООН. Учредив его на месте британской колонии в 1948 году и увидав, что семь арабских стран пошли войной, чтобы не признать ни Израиль, ни предначертанное рядом арабское государство в Палестине, ООН по мере изменения ее состава, уже более полувека фактически выступает против собственного решения и поддерживает агрессивные арабские страны. Точно так же, осудив захват Кувейта, и потребовав от Ирака соблюдать требования, исключаящие новую агрессию, ООН пренебрегала многократными иракскими нарушениями ее резолюций. Теперь она ведет странную игру в поиски оружия, которое и на меньшей территории, не говоря о друзьях-соседах, легко попрятать. А инспекторам-то надо не самим разоружать Ирак под угрозой войны, а уличить его в отказе от разоружения и обязательств не иметь такого оружия, что давно сделано.

От нынешней ООН невозможно ждать действенных мер по предотвращению нового 11 сентября и новой большой войны. Всеобщему

миру могла бы служить лишь организация демократических стран, в которую диктаторские и авторитарные режимы не имели бы доступа. Но дело не только за международными организациями. Ведь и решимость США самим принять заблаговременные меры против преступного иракского режима трудно поддерживать с чистым сердцем, когда США одновременно готовы помогать другому агрессору, Северной Корее, открыто грозящей им ядерной войной. Колин Пауэлл объясняет, что продовольствие – не оружие, но это неверно. Именно небеспредельность ресурсов и средств регулирует размах вооружения в любой стране и удерживает ее от силовых действий. Даже Советский Союз с его могучими ресурсами, сосредоточив их на гонке вооружений и афганской войне, и то надорвался. Но не один СССР, а и США, еще в ходе войны с Ираном, позволили Ираку создать оружие, опасное всему миру.

Зато Израиль, единственную демократическую страну Ближнего Востока, США толкают к капитуляции, словно забыли, что Израиль воюет не с палестинским государством, которое не по его вине не было создано, а с семью агрессивными арабскими государствами, лишь два из которых покамест согласны на мир. Территория, предназначенная палестинскому государству, двадцать лет была под властью арабских стран, но никто не спешил его там создавать. Ради мира с арабскими агрессорами Израилю, при достаточных гарантиях от новой агрессии, стоит вернуть им заселенные арабами территории, и если их жители, ныне обрекаемые лидерами на нищету, чтобы разжигать терроризм, сочтут потом нужным создать свое государство, верное условиям мира, это не будет зависеть от Израиля. Но США, что уж спрашивать с Франции, ратуют за отдельный мир с заведомо марионеточной Палестиной, а не с ее кукловодами, все еще надеющимися сбросить Израиль в море.

В мировых столицах толпы вторили русскому поэту, некогда возгласившему: «...тех кто меня уничтожит, встречаю приветственным гимном». Они требовали остановить еще и не начавшуюся войну, в которой, судя по Афганистану, могут убить несколько сот мусульман, что, понятно, трагично. Но не было таких демонстраций против уже восемь лет идущей войны в Чечне, где убили более двухсот тысяч мусульман, что еще трагичней. А они хотят лишь сами решать, как жить им, а Саддам - как жить другим, соседям Ирака, и курдам, и иракским шиитам. Трудно верить, что человеколюбие велит предпочесть деспота. Демонстрантами явно движут иные чувства. Не только зависть к богатой Америке, дважды освободившей Европу и оставившей ее независимой. Возбуждение отвлекает людей от реальной опасности, от угрозы тоталитарного феодализма. Его террористическая армия по-своему не слабей армий Гитлера и Сталина, Но на старом континенте опять ослабела готовность защищаться. Вот опять и верят, что спасет капитуляция.

ГОСУДАРСТВО – ЭТО НЕ Я

Советское государство подмяло под себя все возможное и невозможное, но нас учили, что оно отомрет. Впрочем, Маркс с Энгельсом, на которых

ссылались, объясняли, что отомрет не сразу. Сталин добавил, что не отомрет и при коммунизме, буде коммунизм тоже построят в одной, отдельно взятой стране. Но и по Бакунину, обещавшему его прикончить разом, выходило, что группы добровольцев, порядок поддерживать будут. Так и вышло. Группы назвали комитетами, - районными, областными, центральным, и государство стало страшней царского. В перестройку ему старались придать правовые формы. Но жить мешали не бумажные формы. Сталинская Конституция даже демократичней нынешней. Да только тоже никому была не указ.

Бумага, в отличие от жизни, все терпит. И не потому, что сочинена напоказ, как Сталинская Конституция при массовом терроре. Среди авторов нынешней были искренне верившие, что жизнь переменится. Казалось, главное - вычеркнуть диктатуру пролетариата, хоть и пролетариата было не густо, и не его была диктатура. **Государства социальной диктатуры** существуют с давних времен. Как сказал французский король: «государство – это я». Прочих оно ставит на место, пусть потом из мертвого дома записки пишут. А то и на бедность людям подает из у них же награбленного. К чему такое государство идет, мы видали в декабре 1991 – январе 1992. Но в Вавилоне, или в древнем Риме кончалось еще хуже. А возможно ведь и **государство социального компромисса**. Не всеобщее единогласие, но согласование разных открытых позиций взаимными уступками.

В XIII веке английские аристократы во главе с Симоном де Монфором создали парламент, куда не только сами вошли, но и рыцарство и горожан включили. Представительство действовало не везде, но французскую абсолютную монархию до поры тоже держал компромисс дворянства и буржуазии. Представительная система, ныне чередует у власти либеральные, пусть порой зовущиеся консервативными, и социал-демократические партии. Но рождаются и бескомпромиссные тоталитарные режимы. Самым четким был, конечно, советский, отвергший частную собственность. При национал-социалистах ее владельцев, угодных государству, имущества не лишали. Потому немцам после поражения легче, чем нам после победы.

Начатые с перестройкой и длящиеся поныне реформы назвали переходом к рыночному хозяйству. Но они потому и не удались, что шли в государстве социальной диктатуры, едином собственнике. А надлежало сперва перейти к государству социального компромисса. Противясь этому, новая элита, она же номенклатура, объявляет всех, кроме сторонников диктатуры, врагами государства. Но ныне никто, кроме утопистов-теоретиков да религиозных фанатиков, не оспаривает нужду в государстве. Если полиция мало, и в Москве и в Нью-Йорке на улице опасно. Государство это зло, но без него, увы, не обойтись. Неверно, что надо во всем быть против него. Надо лишь помнить: государство – это не я, и гражданин не обязан автоматически поддерживать любой его шаг. Я всей душой с ним, когда оно против Гитлера, и против него, когда оно тут же по-гитлеровски истребляет целые народы. Россия не по наивности не

сменила социальную диктатуру на социальный компромисс. Компромисс - это взаимность уступок. А правящий класс удержал диктатуру, лишаящую представительства прочие.

Параллельно советским органам прежде работали партийные, а внутри советских - еще именовавшиеся в обиходе просто «органами», без прилагательного. Это не только умножало теплые места, - многие надеялись, что «комитеты» и «органы» будут служить населению, но государство и при лучших намерениях чинило их руками произвол. Этот медицинский факт Советы затемняли. Чтобы что-то менять по-существу преобразовали комитеты. Хрущев пытался урезать их руководящую роль, сосредоточив одни на сельском хозяйстве, другие на промышленности. Было смешно, но обнажись хотя бы тут разлом производственной монополии, пришлось бы оглядываться на реальность, да и на людей.

Коммунисты затем и строили свое государство по образу и подобию самодержавного, чтобы не оглядываться, забыть историю. Подобно царю, помазаннику божьему, государство возглавило священное Политбюро во главе с первым секретарем. Возможные соперники взявших власть считались изменниками родины и врагами народа, как самозванцы при царе. Партия Ленина-Зюганова не опровергает иные мнения, а порошит их носителей. Она поныне за социальную диктатуру.

Но не только она, а все нынешнее российское государство. Оно - президентская республика. Мы избираем президента вроде бы правовым путем, с голосованием в два тура. Но, не говоря о подсчете голосов, одному из кандидатов всегда дают преимущество. Ельцин, ставший президентом РСФСР, собрав протестные голоса, стал Президентом РФ, вообще, без новых выборов, а вторично баллотировался на этот пост, уже его занимая. Ту же льготу Путину дали уже при первых выборах, - назначив его премьер-министром, Ельцин ушел досрочно, и Путин баллотировался будучи и.о. президента.

Говорят, президент у нас хороший, да правительство плохо. Но именно президент назначает правительство и, лишь назначая премьера, он зависит от Федерального собрания. Значит, если министры плохи, виноват президент. Ему бы лучше либо самому возглавлять правительство (как в США), либо (как во Франции) поручить это думскому большинству. Сегодня же правят не столько конституционные органы, сколько подсобные. По образу и подобию ЦК КПСС создана гигантская президентская администрация, фактически второе правительство. А аппарат правительства, корректирующий министров, - еще и третье. Но множественность правительств ведет к безответственности исполнительной власти. Президент не «гарант Конституции», а она сама во плоти, царь без кровного наследования, никакую предвыборную позицию, да и законы, соблюдать не обязанный.

Но если авторитарный правитель иногда, исходя из своих интересов, еще может действовать в интересах страны, - и Путин во внешней политике порой так действовал, то наша непредставительная власть заведомо неадекватна желаниям и взглядам граждан. Совет Федерации превращен в орган представительства разных бюрократических групп. Его члены не

избираются населением, а назначаются местными органами власти. Но и Дума не представительна, поскольку при минимальной явке в 25% для победы, надо набрать относительное большинство, а это (если кандидатов двадцать) чуть больше 5% пришедших, то есть, полутора процентов зарегистрированных избирателей, и пройдешь в Думу. А по партийным спискам чуть не половина голосов, отданная партиям не прошедшим барьер в 5% пропадает, и, коль скоро второго тура нет, неизвестно кому из прошедших барьер их бы отдали. Да и трудно разобраться, что собой представляют партии, часто созданные лишь для выборов. и, как сперва «Наш дом – Россия», а ныне «Единая Россия», слепо преданные президенту, воля которого от нихне зависит.

Судебная власть даже и внешне мало изменилась с советских времен. Законы часто противоречат друг другу, а Конституция не служит законом прямого действия. Даже и здравый закон применяется произвольно, то помнят о нем, то забывают, особенно, если о нем забывает исполнительная власть. Все это вместе не позволяет людям выйти из положения, в которое они попали. Пытаясь изменить порочную систему хозяйствования, никто не думал о разном положении людей, о различиях их гражданского статуса, социальной позиции, трудовых возможностей, культурных и национальных особенностей. А ведь государство, да еще федеративное, обязано всему этому дать в своей структуре публичное выражение, ибо лишь повседневно сознавая противоречия, с которыми люди сталкиваются, можно их разрешить.

Ограничися одним примером. На просторах СССР русских людей разбрасывало по-разному. Но и в республиках наряду с культурным сопротивлением росло влияние русской культуры. За пределами РСФСР жили не только 25 миллионов русских, но и миллионы людей вросших в русскую культуру. Многие из тех и других ныне хотят жить в России, быть ее гражданами. Но в этом отказывают даже бывшим гражданам СССР, не принявшим гражданства никакой другой из входивших в СССР стран и фактически проживающим в России, нередко даже имея вкладыш о российском гражданстве, лишь не имея прописки, поскольку она была официально отменена и, кажется, кроме Москвы, нигде ее уже и не требовали. При этом в России число жителей неотвратно падает. Многие, начиная с президента, об этом говорят, как о величайшем бедствии и даже угрозе самому существованию нашей страны. Но в обмене советских паспортов на новые российские, даже «русским и русскоязычным» отказывают. А их миллионы.

Глупо предполагать, что я один вижу эту несообразность. Но ее объяснение на поверхности: изобилие таких граждан в «ближнем зарубежье» дает повод демагогическим разговорам о надобности возродить Советский Союз, повод пугать соседей вместо того, чтобы помочь согражданам. В подобных коллизиях ежедневно проступает советская диктаторская привычка ради удобства власти пренебрегать людьми. А власти пора сообразовываться с ними. Для этого и надобно, понимая, что люди - разные, строить государство подвижного социального компромисса. Это и была бы демократия.

ГЛОБАЛЬНОСТЬ И СЕПАРАТИЗМ

Иудеи, положившие начало христианству, думали, что Иисус затем и явился в тяжелую годину, чтобы спасти свой народ, то есть евреев, а с ними вместе всех, кто в него уверует. Эту переросшую в глобальную религию еврейскую веру не только обратили в оплот юдофобства, но, выходя из катакомб на троны, она дробилась и разные ветви относились друг к другу как ныне габэшное православие к католикам. Глобальность ислама тоже рухнула от разнобоя в почитании потомков дочери пророка, разногласия завелись и там. А в ответ на призыв Маркса: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Сталин и Мао слушали нас, но тоже возник остров Даманский.

Желание привести людей к общему знаменателю проявлялось всюду. Но уже не собирательство и охота, не одни земледелие и животноводство, и не только машинное производство, питают жизнь. Настал век умственного труда, не отменивший, понятно, нужду в физическом, но изменивший их соотношение. Глобальными стали и жизнь и угрозы ей. Как ни круши витрины на родине Колумба или еще где, от этого не уйдешь.

Некогда феодальные империи сменялись буржуазными национальными государствами, порой создававшими свои империи. Возникали и новые национальные государства, как Соединенные Штаты, не имевшие племенной опоры. Потом другие феодальные империи, так и не побывав в полной мере буржуазными, да и вполне национальными, сменялись социалистическими. Социалистический тоталитаризм рядился по-разному, но казался неотвратимым. Да шарашка была не лучшим местом для умственного труда.

Сталин упразднял науки не по глупости. Корень зла не в диктаторе, но в диктатуре, в абсолютизации государственной вертикали. А умственному труду нужны состязательность и диалог. Поэтому плохая буржуазная демократия ему сподручней стройной социалистической тирании. Советский Союз остался непобедимым и развалился без посторонней помощи, если не принять за нее отказ Рейгена признать наше верховенство, когда мы надрываясь обогнали Америку по вооружению.

И вот настала глобальность, опасная, но сулящая спасение. Чтобы в ней участвовать, почва, богатая не только нефтью или алюминием, у России есть. Трудность однако в том, что нынче мало прорубить окно в Европу, глядеть, что там делают (это теперь обеспечивает промышленный шпионаж), и подражать, - после Екатерины подражания выходили у нас порой лучше оригиналов, но жизнь не меняли. Однако, даже то, что Сахаров сделал водородную бомбу раньше Теллера, не спасло СССР, где Сахарова держали для бомбы, и не слишком вчитывались в его рассуждения о свободе. А глобальность предполагает свободу. Не зря о ней заговорили при крушении берлинской стены. Стены, даже кремлевская, ей драгоценны лишь как экспонаты. То же и рвы, будь они хоть с

Атлантический океан. Но мало снять блок-посты, если входящие сами не свободны.

Что, собственно, означает свобода? Как страна обязанностей и бесправия, Россия не выработала понятия о свободе, оно у нас идентично понятию о воле, то есть отсутствию зависимости от власти и силы, от монгольского хана или своего барина. Но абсолютной независимости не бывает, поскольку человеку в одиночестве не выжить, и свобода – это не воля, но лишь собственный выбор частичных зависимостей. Независимость, опять же, отождествляют с суверенитетом. Глобальность на суверенитет посягает. С ней не вяжутся ни суверенное право Германии истреблять евреев и цыган, ни суверенное право СССР истреблять чеченцев и калмыков. Можно спорить, как лучше такое пресечь, но, прежде всего, надлежит признать за всеми народами право, - пусть даже не на независимость! – но все же на собственный выбор зависимостей и их меры. Прежде такое право уважали, как право на самоопределение, а ныне, приписав его авторство Ленину, как раз покончившему с жалкими остатками автономности, удержавшейся у немногих народов России при царе, над самоопределением глумятся.

Свободе мало личной неприкосновенности и государственной независимости. Она предполагает самоопределение на всех уровнях и для всех народов и людей, включая бар и колонизаторов. Освобождение колоний - плод не только борьбы их народов, но, при возрастании роли умственного труда, еще и необходимости для европейских стран их упразднить, как феодальный пережиток. А феодальная природа социализма проявилась уже тем, что вопреки первоучителю Энгельсу, как раз о русском народе сказавшем: «Не может быть свободен народ, попирающий другие народы», Москва не только дорожит империей, но не отказалась от мысли ее расширять.

Трагедия России в том, что она не отсекала от себя феодальную империю, не стала национальным государством, а взамен прыгнула к социализму. Уцелевшей социалистической элите и в нынешнем «рыночном» обличье не одолеть тягу к имперскому величию, декорирующему массовое недоедание. Подмена национальной целостности имперской больше всего и мешает России принять блага глобальности. Чечня показала, что Россия не едина. Говорят: дай волю - все разбегутся. Но это не так, русские – от Петербурга до Владивостока - в любом разе останутся вместе, и не одни русские. Чтобы это ощутить, и надо стать, наконец, национальным государством. Это не значит вернуться к временам Ивана III. Минувшие пять веков изменили этническую карту, и даже оставив национальным субъектам РФ решать готовы ли они объединяться с собственно Россией и на каких началах, мы окажемся в стране совсем другой природы, где внутреннюю целостность не придется поддерживать внутренним войскам и даже армии. Создание русского национального государства трудно тем, что требует не шовинизма, а отречения от него. Разноплеменные граждане и в русских регионах, имея возможность выбора, смогут органично влиться в единый народ, как это происходило и происходит в Соединенных Штатах, эмиграция в которые

совершалась добровольно. Но колонии раствориться в метрополии не смогут.

Ныне главная проблема России - чеченская, обнажившая вековое сопротивление империи национальному развитию, идущему с Нидерландской революции. А главной проблемой России должна, наконец, стать русская, чтобы вместо шовинистической лести русским людям, которые, дескать, первые среди равных, они обретали в своей стране реальное благополучие. Тогда и станет ясно, что из отнесенного к национальному интересу ему впрямь служит. Этим будет обоснован общероссийский, равно как американский, британский, китайский и прочий сепаратизм внутри глобальности. Мы зря поддакивали гитлеровской Германии, с которой дружили, пока она хотела, но и демократическим Соединенным Штатам, дружить с которыми стоит, поддакивать не обязательно. Но самостоятельный голос убедителен лишь покуда сепаратное объединение само признает сепаратность своих частей, союзных с Россией национальных регионов, и отдельных русских регионов и, вообще, всех российских граждан, которые и в качестве лиц русской национальности не обязаны быть единомышленниками, и строиться в колонну.

Сепаратизм не противоположность единству, в том числе и глобальности, но его непременное условие. Когда рвется обратная связь и у подножья государственной вертикали лишь исполняют решения и блюдут спускаемые сверху запреты, единство не остается политическим, а обращается монополией и тормозит социальное и экономическое развитие. А умственный труд осмыслен лишь ради развития. Для него глобальность и сепаратизм - сообщающиеся сосуды. Россия, обладающая могучими ресурсами умственного труда, традиционно не в ладах ни с глобальностью, которой противопоставляет свои преувеличенные отличия от всех остальных, ни с сепаратизмом, с которым, не только в Чечне, беспощадна. Империя демонстрирует лишь московскую витрину.

И глобальности и сепаратизму у нас всегда противостоял служилый правящий класс, - некогда дворянство, потом номенклатура. В отличие от рыцарей, предпринимателей, крестьян или рабочих, он-то, прежде всего, и был проводником государственного единства. Петр III и Екатерина II освободили дворян от службы, обратив в рабовладельцев. Ельцин обратил номенклатурщиков в частных акционеров государственных по существу концернов, спасающихся ростом цен на все, кроме рабочей силы. Ни реформы Александра II, ни псевдореформы Ельцина, не обеспечили России перехода к реальным экономическим отношениям. Но царь сделал все же больше, чем секретарь обкома, - создал добротную юридическую систему, и к концу его царствования ощутимо росло производство. А ныне страна держится продажей сырья. Тогда появился хоть какой-то выбор зависимостей. Сегодня оказалось, что ни выбирай, кругом зависишь от государства, и стремление к свободе, приведшее Ельцина к власти, пропало.

Россия все еще перед выбором, не довершенным в феврале 1917 и пропавшим в январе 1918. Не становясь национальным государством,

мирно состязаясь с развитыми государствами, и не давая состязаться меж собой регионам и добровольно примкнувшим автономиям, страна обречена зависеть от цен на сырье и возврата прежнего курса на войну. За ним - опять крушение. Но после ловкого кульбита номенклатуры отчаяние отбивает стремление к свободе.

ЗАЧЕМ УБИЛИ ЮШЕНКОВА?

Сергей Юшенков, судя по его политической деятельности, был прямым и честным человеком, да еще с чувством юмора. Но в советской армии дослужился до полковника, а там, если не ладить с людьми, долго не прослужишь. У него были резкие оппоненты, но и Шандыбин, затеявший с ним драку, - враг не личный. Он числился демократом, но к таковым долго относили едва ли не всякого отвергшего марксистско-ленинскую идеологию. Юшенков, некогда преподаватель этой идеологии, впрямь стал демократом, чем и раздражал, поскольку порядок наш демократическим не стал. Но силы за полковником не было.

Зачем же убили? Говорят: «В России убивают только за деньги». Частота этого суждения в данном случае любопытна не одной лживостью, не одним желанием замарать человека иного духа, но презрением к отечеству. Патриотично твердить об особой российской духовности, но чуть дошло до дела – замгенпрокурора Колесников говорит: «Воровать меньше надо – тогда стрелять не будут». А еще герой, убивший старуху-процентщицу, и даже деньги взявший, убил не ради денег. Опять же Гриневицкий и Перовская, Каплан или Коноплева. Но в условиях свободы терроризм - знак неспособности к полемике и компромиссу, - и оттого бесплоден. Ломать – не строить. Нынешнее убийство - явный акт политического террора, но Колесников наперед напирает на деньги, твердя, что у нас нет политических убийств, так как у нас свобода. Хоть в телевизоре - единое мнение, и тех, у кого другое, там видишь не часто.

Из восьми убитых депутатов кого-то, не слишком известного, возможно, убили из-за денег. Но весьма известного Льва Рохлина в связи с Юшенковым не вспомнили, а и его убили не из-за денег, хоть и не за демократические взгляды. Рохлин, в противовес Юшенкову, не противник войны в Чечне, а, напротив, едва ли не единственный там успешный военачальник. Он взял Грозный с безмерной жестокостью, но отказался принять за это звание «Героя России». Зачем убивать столь разных людей?

Да ведь и они оба, и Галина Старовойтова, открыто стояли против власти. Все трое создавали общественные движения. Всех отличала прямолинейность, откровенность и наивность, - сочли, что можно не опасаться. Взгляды Старовойтовой мне ближе, взгляды Рохлина - чужды, но для выяснения причин убийства не это важно. Важно, что все они были «упертые» и злили власть неосмотрительностью, нарушением сценария. В ходе перестройки и ельцинской «революции» в номенклатуру, именуемую ныне элитой, вошло много людей, не усвоивших партийную дрессуру.

Власть их воспитывала. Уже и Явлинский, некогда сам противник власти, об убийстве Юшенкова говорит: «Это форма политического террора в отношении официальной государственной власти в России». Но Юшенков был не властью, а твердой оппозицией, способной сказать правду вслух.

В отличие от Явлинского, пришедшего к сотрудничеству с Путиным, Юшенков, разойдясь с Гайдаром и Чубайсом, был непримирим и, прилюдно указывал на пороки и никчемность. Власть затеяла референдум в Чечне, суля непокоренным мир за послушание, а Юшенков привозил французское кино о чеченских взрывах в Москве. Кино и не силилось доказать, что их устроило ФСБ, но неопровержимо показало, что о взрыве дома в Рязани, к счастью, не состоявшемся и потом объявленном учебным, руководство и ФСБ, и страны лгало не поморщась. Могла ли «элита», инсценирующая для ликвидации свободы печати и ТВ споры «хозяйствующих субъектов», такое терпеть? Отдавал ли Юшенков себе отчет сколь опасна его безоглядность? Видимо, все же отдавал, но понимал, что, если все теперь смиряется и умолкнет, - а выжить дано либо советскому порядку, либо России, - другой шанс выжить ей может уже и не представится.

Правящая элита не могла равнодушно созерцать, как он выпрашивал граждан, кого им хочется видеть в Думе, как объяснял, что большинство россиян за демократию, но не голосует за так называемые демократические партии, поскольку им не верит, а других нет. Но кто же принял решение убить? Сама ли власть? И кто во власти? Прежде, чем отвечать, надо вспомнить, что не просто преступность срослась у нас с милицией, но опять не стало гласности, и все существенное совершается втайне. Политические силы обретают власть не на честных выборах, а по воле авторитарного президента.

Он сплачивает вокруг себя разные, даже противостоящие друг другу части «элиты», к примеру, «питерцев» и «семью». Но и эти части не едины, и внутри них ждут разного. Экономические питерцы близки к СПС, к Чубайсу и Гайдару, силовые питерцы ближе к советским традициям. Словами они выражают преданность президенту. Но это не значит, что они едины и правит его личная воля. Никто после Сталина уже не обладал всей полнотой абсолютной власти, и резолюции или действия, от которых вождь не мог, посадив считающих иначе, отречься, нередко навязывали ему поведение. Подобное и нынче в ходу.

По Березовскому убить Юшенкова приказал Путин. Менее всего я хочу снять с президента ответственность. Уже то, что он, как и Ельцин, не счел нужным явиться на похороны виднейшего оппозиционера, выдает его чувства. Президент, премьер-министр, министр внутренних дел, глава ФСБ, мэр Москвы виновны уже тем, что на улице нет порядка, даже у дома, фиксируемого видеопленкой. Но политическая жизнь не сводится к умыслам первого лица. Если Юшенкова приказал убить Путин, будучи последовательным, надо говорить, что Старовойтову, и Рохлина и Холодова приказал убить Ельцин. Так можно думать лишь сводя корень зла к личному злодейству главы государства. Я же думаю, что Ельцин и Путин их убивать не приказывали, а виноваты тем, что не только сами, но

даже их подчиненные, не отвечают перед людьми, словно все они - помазанники божьи. Но даже если взрывы в Москве провел Басаев, силовых министров, во время войны такого не предвидевших, надо увольнять. Их потому и подозревают, что все они, как ни в чем ни бывало, на своих местах.

Но засекречивание политической жизни ее не упраздняет, и она различима в борьбе «элитных» групп, о реальных программах которых можно лишь догадываться. И Ельцин, и Путин помогали им не засветиться, но не добивались законности. Нашу власть не занимают реальные социальные отношения и интересы, оттого и события для нее всегда сюрпризы: подумать только, американцы сладили с Ираком за три недели! Но у нас люди, способные предвидеть иное, чем намечено, нежелательны. Власть делит людей на своих, которым все дозволено, и чужих, сосуществования с которыми не выносит. Это не один Масхадов, но и Бабицкий, и Гусинский, и Голембиовский и ныне даже старый друг Путина Березовский, по методу мышления с ним схожий. А если и частные расхождения не вмогуту, как выносить твердую оппозицию? Уже пущен слух, что убить Юшенкова приказал Березовский, - это не слабей уверений, будто Рохлина убила жена. Между тем, думать, что убить, якобы, приказал Путин, не так даже страшно, как понимать, что можно убить, уже его и не спрашивая, не оформляя убийство даже как решение «тройки», убить на улице.

Конечно, убийства на улицах выдают беспорядок. Но при порядке убивали еще больше, хоть не на улице, а в закрытых помещениях, в центре Москвы, и не только на Лубянке. Требование навести порядок отнюдь еще не означает пресечь убийства, прекратить подспудную игру политических сил, вернуться к гласности, едва ли не единственному завоеванию минувших лет. Напротив, сплошь и рядом порядок у нас понимают как дальнейшее укрепление силовых органов и расширение их прав. Такова, опять же, не только личная воля президента, вышедшего из этих органов и, вопреки природному уму, сохранившего прежнюю ментальность. Поносить Путина и возлагать надежды на Зюганова, Селезнева или другого откровенного коммуниста так же бесплодно, как хвалить Путина и возлагать надежды на него. Но другим сегодня ходу нет.

Преобладание государства над хозяйством других вариантов пока не допускает. Когда Ельцин прикрыл марксизм-ленинизм, уже тяготивший партийный аппарат теоретическими осколками, поменялась не жизнь, но соотношение зарплат и цен. А диктат государства уцелел и без ссылок на Ильича. Однако без привычной лжи о светлом будущем, да еще при некотором числе, как бы частных, но на государственном поводе, могучих концернов, наша экономика уже неотличима от экономики немецкого национал-социализма или итальянского фашизма.

Иные молодые люди это ощутили и жаждут такой же политики. День рождения Гитлера, - как раз в этот день хоронили Юшенкова, - в России, а не в Германии, вынуждает милицию, опасаться массовых беспорядков. Но всерьез бороться с отечественным национал-социализмом власть не рискует, да и провести меж ним и собой явную грань силы, на которые она

опирается, не могут. Уходя от одного тоталитарного режима мы с ускорением движемся к другому, но власти, похоже, не очень еще отдали себе в этом отчет. Как Березовский, навязавший России обоих президентов, а до того Ленин, они верят, что жизнь общества всецело определяется государственной властью. Возможные ответы на государственный вызов в расчет не берут. После ельцинского обмана люди молчат. И хоронить Юшенкова не пошли, сочтя его дело безнадежным. Но если и новый кризис не заменит наш порядок подлинной демократией, Россия рухнет как СССР. Тогда, быть может, пожалеют наивного полковника Юшенкова, старавшегося ее уберечь.

ВЕЛИЧИЕ ОБЛАСТНОЙ СУДЬБЫ

Празднуя трехсотлетие Петербурга, не уйти от сетований на его областную судьбу, хоть не так еще давно поэт писал: «А над Невой посольства полумира». Может, и впрямь все беды оттого, что вернули столицу в Москву, а «окно в Европу» законопатили? Вот и мечтают перенести к нам, если не опять столицу, так отдельные ее функции. Скажем, Государственная Дума - там, а президент здесь, или наоборот. А то разместить в культурной столица Министерство Культуры. Различия меж культурой и Министерством Культуры в счет не идут. Вера, что умножение столоначальников весьма поспособствует городу, не увядает.

Страна у нас большая, и края, забытые богом, отдаленностью столицы ущемлены. Будь она где-нибудь в Томске, все бы выиграли. Но Питер как раз от Москвы не так далеко, и губил его не сам по себе перенос столицы. Оглянемся на бывшую в подобном положении Москву. Известное дело: «И перед новою столицей померкла старая Москва». Но лишь порфиноносной вдовой она не осталась. На происходившее у нас положение Москвы не походило. Я не про массовые расстрелы, в Питере, лишенном столичных регалий, более обильные, и, вообще, не про политику. Но знаменитую галерею русской живописи купец Павел Третьяков с братом Сергеем создали в Москве, а не в столичном Питере. Шедевры французской живописи Сергей Щукин и Михаил Морозов везли не в Питер, а в Москву, где, вместе с западной коллекцией Сергея Третьякова, они потом составили Музей нового западного искусства на Кропоткинской. Опять же, фабрикант Константин Алексеев, игравший на любительской сцене под псевдонимом Станиславский, вместе с другим фабрикантом Саввой Морозовым создал Художественный Общедоступный театр, тоже Московский, а не питерский, а купец Алексей Бахрушин - театральным музеем, тоже в Москве. Москва отлично развивалась, когда столицей отнюдь не была. П.Г.Виноградов и его ученики, как исследователи средневековой Англии, имели соперников только в самой Англии. Ничего подобного в Ленинграде наново не возникало. Разве что в военно-технической сфере.

И не потому, что низок был интерес к науке и искусству или не доставало одаренных людей. Но Станиславский и Третьяков не нуждались в царском соизволении, и деньги были свои. А в Ленинграде денег не было, а инициативы наказуемы. Да еще затеяли перемещение национальных ценностей. Даже Академию Наук, основанную Петром в Питере вывезли в Москву. Вывозили людей, даже Уланову – явление сугубо питерское, даром что мирового масштаба. А в обратную сторону везли только картины из Музея нового западного искусства, - демократический и реалистический импрессионизм бросал лишнюю тень на официоз, объявленный таковым. Вот, пока Сталин был жив, огромную коллекцию и загнали в два эрмитажных зала. Подлинного соревнования, к которому в СССР призывали на всех заборах, на деле там быть не могло. При необходимости выбирать, власть сама и назначала лучших. А им и лучшее место, - столица.

Не потому наш город, как и другие русские города, потускнел, что выгорели краски, и даже не только потому, что не все они дозволялись к употреблению. Примат единства и целостности с неизбежностью вел к безоглядной централизации. Помимо партийного издательства «Лениздат», в Питере не было самостоятельных издательств, лишь отделения московских, и хоть начальство туда ставили по той же схеме, и было оно не лучше, ленинградским книгам надлежало пройти двойной контроль, помимо местного, еще и московский. Это во многом определило литературную жизнь в городе, сообразную Постановлению «О журналах «Звезда» и «Ленинград»..

Так повелось не только с литературой. Наложение на Ленинград рамок, установленных столицей для провинции, бросалось в глаза и московский поэт Лев Озеров сочувственно обронил: «Великий город с областной судьбой». Но ведь не то что в Петербурге, а и в Перми, и даже в Пензе, устанавливали ограничения самостоятельному развитию - безумие. То-то и оно, что наперед неизвестно, где что ярче выплеснется, и «областное», провинциальное, нередко как раз и становится важнейшим для страны, а то и мира. Теоретически это сообразили немецкие романтики в начале девятнадцатого века. Но жизнь демонстрировала задолго до того.

Флоренция не оспаривала у Рима столичность, но из нее вышла живопись, да и не только живопись, прославившая и Рим (а Джоконда потом и Париж), и определившая художественные школы и направления по всему свету. А неподалеку в Венеции цвели другие понятия и другая живопись. И были в Италии еще другие города и другие школы. И немецкая жизнь тоже не сосредоточилась в Вене, столице священной Римской империи германской нации или потом в Берлине. Без провинциального Кенигсберга, где думал Кант, без Лейпцига, где играл Бах, без Иены, без Дрездена, без Веймара, без Кельна, без Мюнхена, без Франкфурта, страна не обходилась. В России, издавна тяготеющей к централизации, такой пестроты и при царях не было. Но особо провинция прозябала в советские времена, когда живые начинания порой еще терпели лишь в столице. Не «областная судьба» страшна, а то, что ее, свою, «областную», невозможно изъять на месте. Стыдно, что Нуриева или Бродского официально

признали дома лишь после признания в дальних краях. Да и то потому, что переменялась политика.

Первый мэр Петербурга А.А.Собчак сознавал могучие возможности нашего города, как научного, промышленного, художественного, исторического, а потому и туристического, центра и пытался на них ориентировать планы дальнейшей жизни. К сожалению, несвершение социальных перемен не дало этим начинаниям твердую экономическую почву. Утыкаясь перед юбилеем в жалкую участь города, которую не прикрывают строительные леса перед фасадами, официальные лица потому и заводят речь о хотя бы частичном восстановлении столичных функций.

Может, что у них и выгорит. Отношение к городу наверху нынче, слава богу, иное, чем прежде, когда по сталинской традиции там Ленинград ненавидели и его праздники отмечали сугубо формально. Дело не в том, что президент нынче - питерский. Глава Советского правительства А.Н.Косыгин тоже человек был питерский, и неглупый, но на положении города это не сказывалось, и смешно его винить. Не только потому, что, как заметил еще Бальзак, провинциал, переночевав в Париже, тут же становится парижанином, что верно для всех столиц. Но, если отвлечься от Парижа, сама по себе столичность почти всюду стесняет развитие, с государственными функциями не связанное. Центр административного управления не может, да и не обязан, первенствовать во всех сферах жизни человеческой. Если, конечно, признать, что живем не только ради центра.

Нынешний президент, как легко заметить, любит родной город и сознает его ценность. С юности он ходил в Мариинский театр, для него это не пустой звук, и, если в результате государство поможет соорудить там вторую сцену, меня это, конечно, обрадует. Знатным питерцам, вроде Валерия Гергиева или Михаила Пиотровского, теперь, опять же, проще обратиться в трудных ситуациях непосредственно к главе государства. Но правила, предписанные стране, не отменяются и для любимого города. Даже царь дарует лишь исключения из правил, каковым стало бы признание Питера второй столицей. Да, коль скоро второй, вторичности не убавится. А осетрина, как известно, хороша лишь первой свежести.

Но чтобы процветать, Питеру и не надо становиться столицей. Надо менять правила, мешающие ему и другим быть полезными стране. И Нижний Новгород, и Великий Новгород, и Псков, и Воронеж, и Ростов-на-Дону, и Самара, и Саратов, и Екатеринбург, и Пермь, и Томск, и Новосибирск, и Иркутск, и Красноярск, и Хабаровск (поминаю лишь русские города, а есть еще и Казань, и Уфа, и Ижевск, и Чебоксары, и Петрозаводск, и Владикавказ, и Саранск) способны обогатить не только сами себя, но и страну, если станут жить не по спущенным указаниям, но по своему расчету и разумению, без оглядки на столицу. Чтобы им в этом способствовать никакого благоволения самого лучшего президента и даже царя не хватит. Нужны правила самостоятельности, процедуры свободы.

Патриоты глаголют об огромности нашей России, простершейся от Балтийского и Черного морей до Тихого океана, на десять из двадцати

четырёх часовых поясов, почти на полмира, но не видят, сколь драгоценны поэтому для нас горизонталы. А сознание у нас вертикальное, вытянувшее шею за дозволением дышать. Но в белые питерские ночи человек движется иначе, чем в душные южные вечера, и страна богата многоликостью, а не единообразием. Потому-то для нас и федерация - не декорация, а синоним наименования страны. Это даже особо оговорено в первой же главе Конституции. Всю советскую жизнь Питер, как все мы, был лишь объектом, а для самореализации ему, как и нам, надо быть субъектом. Как гражданину - права человека, городу нужны права самостоятельного субъекта федерации. Обрети наш город на четвертом веку возможность быть собой, не только хранить в Эрмитаже и на парадных площадях великое прошлое, но ощущать свой европеизм залогом будущего, прошла бы всё нарастающая тревога за его судьбу. Пускай областную. Но в полную силу и в первостепенных областях. Была бы еще и получше флорентинской.

НАЗНАЧЕНИЕ ЛЖИ

Многие противники войны в Ираке соглашались, что Саддам Хусейн – кровавый тиран. Но говорили: «А мы можем чай пить!» О реальных причинах войны молчали. Зато говорили, что, не желая ждать пока инспекторы доработают, Америка зарывается. Да только инспекторов в Ирак пустили лишь когда Америка самовольно перекинула на Восток флот и армию, дав понять Саддаму, что дело серьезное. Он не сдался, однако стал валять дурака, куда-то инспекторов пустил, не то что перед тем четыре года – никуда. Кабы не франко-русская угроза вето, он бы, может, и без войны сдался, но так не счел нужным. Вот американцы опять и поступили самовольно. Осуждать их за это благородно, но ложь марает благородство. Сама работа инспекторов – плод самовольных действий Америки, и если они недопустимы, их изначально бы и надо пресечь, и признать, что ООН обанкротилась и ничего не может. А поминающим инспекторов надлежит хотя бы помнить, как они туда попали.

Опять же, поныне лгут, что войну начали оттого, что Саддам сделал бомбу. Но ни Индию, ни Пакистан, ни, еще раньше, Америку и СССР к ответу не требовали. На средства массового уничтожения запрета нет. Есть лишь договор об отказе от ядерного оружия, не всеми странами подписанный. Северная Корея даже его подписала, а теперь из него вышла, но и туда никто войска покамест не шлет. Ирак нарушил не размытые международные нормы, а конкретное соглашение с ООН. Захватив Кувейт, он возмутил почти весь мир, и против него начали тогда войну по решению Совета Безопасности. То был один из трех случаев, когда ООН поддержала сопротивление агрессии. Первый раз – в Корее, когда Сталин отозвал нашего представителя, и некому было наложить вето. Второй раз – в Ираке. А третий – недавно в Афганистане. Во всех остальных мировых конфликтах Совет Безопасности силу не применял, а уговаривал: «Не будем нарушать!» Саддам надеялся, что Франция, Россия и Германия убедят ООН уговаривать дальше.

Но Америка отказалась. Осуждая ее действия, надо ответить, что же делать с агрессорами, когда и обаяние Кофи Анана – не защита. Капитулировать или действовать в одиночку на свой страх и риск? Израиль еще в 1948 году не капитулировал, чем навсегда подорвал отношения с ООН. Подобная угроза может встать перед любой страной. В борьбе с немецким национал-социализмом, итальянским фашизмом и японским милитаризмом ООН создали для защиты свободы и независимости. Ее и тогда укрощало вето пяти держав. Но с годами ее пополняло все больше не демократических стран-членов, и решения ООН становились все несправедливей.

Чуть Саддам пал, арабские страны, особенно Сирия, тоже социалистическая, завопили о двойных стандартах, - от Ирака, дескать, требуют то, чего не требуют от Израиля! Они предложили сделать Ближний Восток безядерной зоной, чтобы не только Ирак, но и Израиль не имел ядерного оружия. Уже иракский пример показал, что вступая в соглашения они не хотят контроля за их выполнением. Но, главное, это предложение само и исходит из двойного стандарта, из неравного статуса. Израиль не хочет упразднить ни одну арабскую страну, а арабы, кроме Египта и Иордании, открыто жаждут упразднить Израиль, отнюдь не самопровозглашенный, а созданный ООН.

Но об Израиле лгут не одни арабы. Хоть его положение ныне резко ухудшилось, в известном журнале «Перспектива» (“Prospect”) Анатолий Ливен уверяет, что оно стало лучше. Прежде, мол, СССР вооружал арабские страны, а Россия, якобы, этого не делает. Но тогда арабы атаковали на фоне противостояния сверхдержав, и Америка сдерживала советское подстрекательство. А потом она и толкнула Израиль капитулировать в Осло, а нежеланием Ирака, Сирии, Ливии или Саудовской Аравии признать Израиль, подобно Ливену, пренебрегла. Если бы призывали уничтожить, скажем, Францию, господин Ливен, видимо, счел бы ее желание создать бомбу правомерным. Но она и так ее создала, не вызвав упреков.

Лгут не только про евреев. Говорят, тысячные демонстрации в мировых столицах поддерживали не Саддама, а вообще мусульман. Но и это неправда. Даже огромное арабское население Франции не выступило в защиту мусульман погибающей Чечни. И войну в Ираке бранят не ради мусульман, а чтобы клеймить Америку. Президент Ширак, поняв, что не может не осудить бесчинства сограждан на могилах британцев, погибших за Францию еще в первую мировую, так и не признал, что к бесчинствам фактически подстрекал он сам, - возможно, не ожидал, что станут громить кладбища. А вспомнить Чечню – это осудить Россию, признать ее не лучше Америки.

Зачем эта ложь? Как всегда, чтобы скрыть правду. Традиции антисемитизма, в коих французам, в отличие от немцев, даже не пришлось каяться, не объясняют, почему Америка им ненавистней все еще советской, по существу, России. Не только же оттого, что Америка не раз спасала Францию. Единство совершенного в Мюнхене и потом в Виши не осознано. О них судят порознь. В Мюнхене бесчестно и нерасчетливо предали

союзника. В Виши предали Францию и французов, не только тогда же переданных гитлеровцам в Треблинку. Или герою Вердена было видней, и рядовые люди тоже предпочитали Мюнхен? Вот и не прощают невежественных и наглых американцев, вздумавших их освободить.

Французский случай любопытен. Ясна Германия, ясна Россия, ясен мусульманский, да и остальной Восток, по своей затяжной феодальной природе подпитывавшие первые две, а теперь и третью волну тоталитаризма. Но как страна образцовой буржуазной революции, выбирая президента, оставляет на второй тур открытого фашиста и господина Ширака, победу которого зовет торжеством демократии? В одной ли слепоте дело? Или, как некогда в Мюнхене и Виши, сработал комплекс упреждающей капитуляции, склонность, - коль не угнаться за прогрессом еще недавно провинциальной Америки, - утешиться на тоталитарной стороне? Две тысячи лет назад Галлия сама была провинцией Рима, но более полутысячелетия столицей мира слыл Париж. Однако, не до конца же времен! Социальная природа Америки позволила ей обскать остальной мир в приложении науки к производству, и всхлипать тут нелепо. Любить Америку, как и прежде - Францию и Англию, никто не обязан, но странам, желающим развиваться и жить лучше, стоит усвоить их экономическую и политическую демократию. А она, как видим, подчас нелегка уже самой Франции, быть может, от непомерной вертикальности ее власти. И еще трудней другим. Вот и оживает иллюзия, будто Америку можно закрыть.

Да и антисемитизм меняет лик. Уже после буржуазной революции он иной, чем в средневековье. Евреев долго бранили за массовое обнищание, от которого их, не принадлежащих, дескать, к толще народа, якобы спасает предпринимательский или, как, не стыдясь, говорили, торгашеский дух, присущий рыночному хозяйству. Энгельс как-то даже получил письмо с предложением подкрепить социализм антисемитизмом. Энгельс посмеялся, но предложение оказалось предзнаменованьем Гитлера и Сталина. Ныне евреев бранят за научно-технический скачок, хоть в науку и культуру они шли не так по значимости в иудаизме индивидуального начала, и христианством у него перенятого, как потому, что туда еще допускали. Не даром новая тоталитарная волна атакует не один Израиль, но опять всякого еврея, даже противника Израиля. Этим уже не спастись. Не Израиль – причина антисемитизма, но антисемитизм – причина Израиля. Не усвоив это, ничего не поправить. Если враждебные арабские страны, признав Израиль, пойдут на мир, Израилю лучше уйти с земель, где живут арабы. Но признание еще одного враждебного арабского государства без мира с прочими ничего не изменит. Вроде бы ясно: сперва конец войне, начатой арабами, а на почве мира - палестинское государство, если палестинские арабы захотят обособиться и от арабских стран.

А требование переселить в Израиль 5 миллионов арабов, то есть создать там арабское большинство, вовсе несуразно. Около миллиона арабов, по призыву арабского радио и впрямь бежало в 1948 из Израиля. Но из арабских стран в Израиль бежало никак не меньше евреев, и, как Израиль приютил их, арабские страны должны бы, изгнав евреев,

приютить хотя бы своих палестинских братьев. И ведь евреи из Германии, России или Эфиопии, тоже беженцы, а их обустройству никто из вынудивших бежать, кроме ФРГ задним числом, не помогал. Но Буш, Пауэлл и прочие авторы «Дорожной карты» требуют возвращения арабских беженцев, не загадывая, что при этом произойдет с еврейскими.

Уже не до здравого смысла и логики. Судьбу Израиля вершит новая тоталитарная волна, несущая не одни арабские или мусульманские страны, но и Францию Ле Пена и Ширака, разобщающую Европу, рванувшуюся после холодной войны к общности, и способную вместе с Америкой, да и Россией, стать та демократической, быть опорой всеобщего развития. Иным еще кажется, что уничтожать скакнувших вперед проще, чем догонять. Мусульманскому миру, как некогда христианскому, ради развития многое надо менять, и нежелание менять ведет к консервативной революции, сплотившей правоверного бен-Ладена и социалиста Саддама в третьей тоталитарной атаке. Надеющиеся, как еще в Мюнхене, откупиться, ныне жертвуют Израилем. Отношение к евреям стало испытанием для стран, выбирающих, развиваться органично или отдаться тевтонской, евразийской, исламской или другой тоталитарной самобытности. Та катастрофа – не индульгенция выжившим, и не все кто выжил – святые. Но, требуя от евреев поголовной святости, антисемиты опять себе дозволили всё. А в результатах винят всех евреев.

Перед войной с Гитлером, Сталин, в любви к евреям не замеченный, признал: «антисемитизм – это международный язык фашизма». Начав холодную войну, он сам перешел на этот язык. Тоталитаризм евреев не щадил, но ни Германию, ни потом Россию, не спас. Да господа Ширак и Ливен все забыли.

ДЕМОКРАТИЯ И ШТЫК

Американцам, вошедшим в Ирак, россияне говорили: если признано, что штыками нельзя насаждать социализм, признайте, что ими нельзя насаждать и демократию. Не вполне, правда, ясно, кто в России признал, что социализм нельзя насаждать штыками. Люди, это делавшие, у нас по-прежнему в чести. Ленин в мавзолее, Сталина выгораживает президент, а Саддаму сочувствует большинство. Но забыто, что штык, учреждавший социализм, отнимал выбор, а учреждающий демократию его-то как раз и создает.

Уподобление борьбы за социализм борьбе за демократию дает понять, что различия меж ними в России не видят. У нас и социализм именовали демократией. Говорили, что партия и лично ее вожди выражают волю широчайших народных масс. Сами эти массы понимали что к чему, и когда на Ленинских горах соорудили особняки членам Политбюро, звали новый поселок «Заветы Ильича». Ильич, правда, еще не учил возводить для вождей пролетариата новые дворцы, при нем они довольствовались старыми, отнятыми у помещиков и капиталистов. Но и он не таил, что такой

справедливый строй может установить только штык или булыжник – орудие пролетариата. Без массового террора его и впрямь не наладить.

С этим спорят, говорят, что демократическим путем устанавливались самые зверские режимы, ссылаются даже на опыт самого Ленина. Ведь Октябрьская революция прошла в Петрограде почти бескровно, убили, кажется, трех человек да четырех женщин изнасиловали. Зато провели выборы в Учредительное собрание, с чем не спешил не только Милюков, но и Керенский. Но, получив в Учредительном собрании лишь четверть мест, Ленин это собрание разогнал, то есть совершил государственный переворот. Еще ссылаются на Гитлера, который в ноябре 1932 г. собрал даже большинство голосов, правда лишь относительное, - 37%, что и сделало его рейхсканцлером, то есть, премьер-министром. Но национал-социалистам демократической конституционной власти тоже было мало. Они инсценировали поджог рейхстага и уже в марте провели закон о чрезвычайных полномочиях, после чего партии распустили. Тоже произвели государственный переворот. Одной демократией при построении социализма нигде не обходились.

Отчего же так? Да оттого, что демократия – это компромисс разных социальных сил, их согласие на взаимоприемлемый порядок, в полной мере не устраивающий ни одну из них. А социализм непременно добивается порядка, удобного лишь части сил и никак не устраивающего остальные. Он охотно использует демократию для укрепления своих позиций, но в подходящую минуту пускает в ход силу, чтобы сделать свою власть необратимой. Это бывает и без демократических выборов, бывает после них, если они, как Ленину, не принесли победу или, как Гитлеру, принесли лишь относительную, но теоретически может быть даже и после полной честной победы на выборах, хоть таковые им покамест не доставались. Суть дела в том, что социализм, взяв власть, навек отнимает у людей право на следующие демократические выборы, право передумать, право чередовать у власти коммунистов с другими партиями. Взяв власть, коммунисты мирно ее уже не отдают. Не отдают даже частично, на что идут феодальные властители, переходя к конституционному правлению. Горбачев не мог учредить конституционный социализм, поскольку правовое государство, отказ от произвола, означали отказ от социализма.

Но если мирный эволюционный отказ от него невозможен, как спастись от произвола, для удобства правящих жертвующего жизнями подданных? Или от феодального абсолютизма, не желающего перейти к конституционной монархии? Говорят, только революцией. Задолго до большевиков ее изображали некоей сознательной благотворной акцией. Это неверно. Даже сознавая жестокость старого порядка революционеры, как правило, плохо себе представляют механизмы иного, в котором жестокость хотя бы смягчается. А жертв,- и не только из правящих классов, - революция пожирает слишком много, чтобы счесть ее благом. Всякий взрыв - бедствие. Предпочтительней реформы и эволюция. Но, если взрыв разом сносит Бастилию, обычно происходят перемены и насилие ограничивается, вводится в юридические рамки. А если Бастилия

цела, если даже строят новенькую, значит крушение, сочтенное революцией, таковой не оказалось.

Людовик XVI, сознавал нужду в социальном компромиссе и полагался на реформатора Тюрго, но аристократия и дворянство, подобно нашей номенклатуре, реформ не хотели. Финансы Франции, как в наши дни СССР, рухнули, что и вынудило короля собрать Генеральные штаты, как Горбачева – Съезд народных депутатов. Но во Франции, депутаты третьего сословия объявили себя Учредительным собранием и восставший Париж снес Бастилию, а у нас, напротив, восстала номенклатура, и Ельцин под флагом демократии удержал страну от коренных преобразований. В результате Франция, хоть и не враз и не вмиг, штыками установила демократию, а у нас штыки защищали старую власть, и не только в Чечне. До массовых казней, еще, слава богу не дошло, но и демократии не получилось. Французские санкюлоты подавали соседней Германии пример преобразований, не пересиленный тягой к национальной самообитности, а в Испании или России, где Наполеон не решался подтолкнуть социальные перемены, национальное сопротивление брало верх, и внутренняя реакция укреплялась. Увы, демократия часто одолевает произвол только штыком, - если не своим, как некогда французы, то, как в нынешней Германии или Японии, заморским, . Важно, оставил ли штык выбор или учредил новый произвол, новую авторитарную власть, шаг за шагом возвращающуюся к тоталитарной.

Это не значит, что в борьбе за демократию, как в борьбе за социализм, все средства хороши. Ленин считал нравственным все, что ведет к установлению социализма и коммунизма. Обсуждать, ведут ли к построению на земле марксистской утопии продразверстка, убийства заложников, казни священников, коллективизация, деятельность ЧК-КГБ, расстрел самой ленинской партии, постоянная ложь ее пропаганды, всеобщее бесправие и многое другое, Ленин не был расположен. Для него власть коммунистов и означала коммунизм, и в этом Сталин был его вернейшим учеником. А борьба за демократию по самой ее природе изначально предполагает нравственные критерии, поскольку компромисс, в отличие от победы, исключает многие возможности как самоубийственные. Чем компромисс шире, тем методы утверждения демократии нравственней, тем она глубже.

Компромисс, а с ним и демократия, становится всеобщим и полным не всюду и не сразу. Мирное сосуществование - не вооруженных до зубов держав, а людей в обществе, - главное свойство демократии, и чем оно полней, тем она основательней. Демократия терпимей социализма к жажущим с ней покончить. Но есть два пути ее ликвидации. Либо сделать ее тоже нетерпимой, вынудить ее защищаться убийствами и ложью, как социализм. Либо вынудить ее отказаться от самозащиты. В обоих случаях она испаряется.

В характере самозащиты проявляются моральные основы демократии. Она предполагает свободу слова, информации и пропаганды, но ни одна из них не означает свободы лжи и клеветы. Нельзя ввести запрет на утверждение, что евреи употребляют в пищу кровь христианских

младенцев. Но каждый утверждающий это должен понимать, что может возникнуть необходимость доказать свое утверждение в суде и, если не сможешь доказать, что это правда, понести наказание за клевету. Не за экстремизм, не за разжигание национальной ненависти, а именно за клевету. В 1913 году, в Киеве прияжные, рассмотрев обвинение Менахема Бейлиса в ритуальном убийстве Андрея Ющинского, не сочли доказанным ни то, что Бейлис убил Ющинского, ни то, что Талмуд требует убийства иноверцев. Бейлиса оправдали. Толпа евреев у здания суда, в случае обвинения ожидавшая погрома (Моя мать, тогда пятнадцатилетняя, была в толпе.), облегченно вздохнула. Но ни министр юстиции Щегловитов, распорядившийся расследовать убийство именно как ритуальное, ни прокурор Киевской губернии, имея полицейские данные об убийстве несчастного мальчика уголовной бандой, велевший искать виноватого еврея, ни многочисленные газеты, твердившие о ритуальном убийстве, ответственности за клевету даже и после оправдания Бейлиса не понесли. Что же удивляться, что и почти сто лет спустя в России, не опасаясь приговора за клевету, безнаказано печатают и говорят, что евреи совершают ритуальные убийства.

Отказывающиеся демократии в самозащите ссылаются на Льва Толстого, стоявшего за непотворение злу силой. Не знаю, впрямь ли он советовал бы девушке, подвергшейся насилию, не сопротивляться. Сам-то он сопротивлялся злу всеми средствами, кроме насилия. Там, где люди не сдаются злу, а тоже противятся ему всеми средствами, свободу обретают и без штыков. Ученик Толстого Ганди, проповедуя ненасилие, привел Индию к демократии, более стойкой, чем наша нынешняя. Ученик Толстого Мартин Лютер Кинг такой же проповедью опрокинул расизм в США. Обоих убили, но не защитники, а враги демократии. Оборонять ее штыком от террора, опять уже массового, велят и право и мораль. И лишь по тому, оставляет ли штык людям выбор, видно, что он на деле насаждает.

КУДА Ж НАМ ПЛЫТЬ?

Едва ли не первый из перестроечных журналистов Егор Яковлев признался в «Новой газете»: «У меня сейчас нет запаса идей, энергии, и, думаю, не только у меня. Другими словами, это время рождало энергию и идеи, которые отражали СМИ, а не мы – журналисты». Как такое признание понимать? Конечно, идеи рождало время, то есть, социальный кризис, вынудивший советскую власть хоть как-то оглянуться на реальности, ею третирувавшиеся. Но идеи, которые «СМИ отражали», определялись уже не одними указаниями Политбюро, но и тем сколь глубоко журналисты, поняли, какой пришел кризис и можно ли из него выйти. Печать уже не просто вторила начальству. И если тогдашние идеи исчерпаны, а других нет, стоит сказать, разрешился ли кризис или остался неразрешим, во всяком случае, на предполагавшихся условиях. От этого Егор Яковлев уклоняется не по глупости, а потому, что пришлось бы зайти дальше, чем в самых смелых перестроечных надеждах.

Михаила Горбачева, знаменосца перестройки, охотно винят в крушении Советского Союза и советского режима, и не хотят признать, что он-то как раз старался их спасти, а к крушению вело давнее пренебрежение реальностью, вера номенклатуры в «военный коммунизм», возрожденный Сталиным. Россия разорилась, чтобы стать мощной военной державой, но свою силу в ход не пускала ввиду неминувости ответного удара. Армия, созданная, чтобы наделить нашим счастьем весь мир, покамест пожирала собственную страну. Она стала самоцелью и самоутверждалась малыми захватами, вроде афганского, большой войной вроде не грозившими, но гражданскую жизнь подорвавшими. Горбачев был из тех советских руководителей, что осознали угрозу крушения и нужду отчасти изменить режим, но не знали, как его при этом сохранить, да и возможно ли такое.

Отсюда нерешительность, колебания, жажда сменить порядок, оставив его неизменным. Уже Ленин назвал главных врагов социализма, - чванство (коммунистическое), безграмотность и взятку, но они неизбежны в закрытой монополярной системе, оттого Ленин совладать с ними и не мог. Гласность Горбачева стала шагом к смягчению монополярности хотя бы в суждениях. На деле гласность, конечно, оказалась весьма умеренной, архивы открылись процентов на десять. Признать наперед, что советскому режиму с открытостью и правовым государством не ужиться, Горбачев не мог, да едва ли и сам понимал меру их несообразности, отчего и путался, определяя, как жить. Но даже и частичная гласность побуждала глубже об этом думать.

После него такие размышления стали пресекать. Горбачева выбросили, советскую власть и демократию справедливо объявили противоположностями, но на этом основании сочли невозможным и постепенный переход от одного к другому, никаких очагов независимой от советской системы демократии так и не допустили, и, чтобы сохранить прежний режим, его, как бы разом сменив, укутали в иную упаковку. Под знаменем демократии началось другое авторитарное правление, без показного марксизма. Тут бы, казалось, и простор идеям, объясняющим, почему же демократия у нас опять не состоялась. Но уже говорят, что поскольку демократия происходит от слова «демос», народ, значит наш «демос» просто нездоров и не готов к демократии. А что такое демократия и почему не народ, а государственная власть, именованная реформаторской, ничего для утверждения демократии не сделала, ответа нет.

Между тем, демократия – не просто «хорошая власть», снижающая цены и строящая стадионы. Она и не сам по себе высокий жизненный стандарт, хоть ему и способствует. Демократия – это социальный компромисс, противоположность диктатуре одного класса, будь то феодалы, пролетариат или номенклатура. Нелепо уверять, что у нас не может быть демократии, поскольку нет гражданского общества. Скорее наоборот, у нас нет гражданского общества, поскольку так и не признано,

что общество состоит из разных, в чем-то противоположных и даже враждебных друг другу сил, которые вступая в постоянно смещающийся, но реальный компромисс сосуществования, и делают это общество продуктивным.

Советская власть, по крайней мере, честно отрицала всякий компромисс, из «единства и борьбы противоположностей» она вычитала у Гегеля только борьбу, утверждая, что «знает, как надо» и объявляя врагом отечества любого, кто думал, что надо иначе. Она не все время расстреливала, порой сажала и ссылала, а то даже занимались «профилактикой», но правомерности разных стремлений разных групп граждан не признавала никогда. Тут она уже требовала всеобщего единства, но не допускающего борьбы, а только подчинение. Гласность обнажила различие интересов и нужд разных частей общества. Но в нашей «демократической» системе «партии», вроде теперь дозволенные, не сопрягли свои различия с интересами разных социальных групп. Каждая уверяет, что всех обустроит, укротит коррупцию, снизит преступность и наладит образование и здравоохранение. Она выражает, так сказать, интересы всего общества, а не социальной группы, и уже поэтому не партия.

Казалось бы, уйдя от диктатуры надо принять многоликость, прежде допускавшуюся лишь «по форме», принять своеобразие и равноправие, если уже не в Союзе, то в России, но главным лозунгом новой эпохи опять стало единство, и опять без публичной борьбы. Для властной вертикали своеобразие противоположно целостности страны и взаимозависимости общества. Президент в последнем послании так прямо и сказал: «... на всем протяжении нашей истории Россия и ее граждане совершали и совершают поистине исторический подвиг. Подвиг во имя целостности страны, во имя мира в ней и стабильной жизни». (До того он сказал, что «Во все периоды ослабления страны – политического или экономического – перед Россией всегда и неотвратимо вставала угроза распада».) На его взгляд из-за этой угрозы «...Удержание государства на обширном пространстве, сохранение уникального сообщества народов при сильных позициях страны в мире – это не только огромный труд. Это еще и огромные жертвы, лишения нашего народа. Именно таков тысячелетний исторический путь России. Таков способ воспроизводства ее как сильной страны». И вывод: «Мы должны обладать существенными экономическими, интеллектуальными, моральными и военными преимуществами, Только так мы сохраним наши позиции в ряду крупнейших держав планеты».

Путин про коммунизм не вспоминает, бога поминает чаще, чем Маркса и Ленина, но его понятия о прошлом и будущем России, к сожалению, те же, что и у советских руководителей. Он сеет ложный страх перед угрозой распада. Конечно, некоторые из особо жестоко покоренных народов хотели бы гарантий от новых жестокостей, но жить в разрыве с Россией им было бы трудно, и сепаратизм пробуждается в них лишь когда к тому побуждает наше бескомпромиссное, то есть недемократическое, начальство. А реального сепаратизма нет, есть лишь требования решать региональные

проблемы учитывая стремления жителей каждого региона. Большинство колоний оставшихся у России сильно обрусели, и хоть из-за нелепой политики страна испытывает кризисы, она могла бы прекрасно жить, даже если не все покоренные народы останутся под ней. И русскому народу нет нужды постоянно приносить жертвы и терпеть лишения во имя мнимого превосходства над другими. Ни объединенная Европа, ни Америка, ни о каких русских землях не мечтают. Перед лицом грозящей и нам и им угрозы нового тоталитаризма они, по своей глупости, верят, что у нас с прежним порядком покончено, и ищут с нами союза.

Само собой, чтобы быть равноправными с союзниками, надо завести свободное хозяйство, и развивать свою культуру. И признать, что не все, ведущее к победе коммунизма или другой государственной дури, нравственно, как нам долгие годы внушали. Да и армию пора ориентировать на защиту от внешней опасности, а не на подавление сограждан. Стремление к превосходству остается стремлением к господству, и неспособность власти это стремление одолеть как раз и обрекает русских людей на жертвы и лишения. Не большевики это придумали, так повелось еще при Иване Грозном, считавшем подданных холопами. Другие были знамена и единственно правильным еще считалось не марксистско-ленинское учение, но людей уже превращали в средство, уже закрепощали. Это и обратило их в жертвы, возлагаемые на государственный алтарь. Большевики лишь умножили жертвоприношения. Такой традиции и противостал бы компромисс власти с гражданами. Но и объявив себя демократической, номенклатура на него не пошла, и революция в 1991 году оттого и не состоялась, что эту простую идею не приняла, а пустила на маскхалат. Лишь назначила марионеточных богачей для услуг государству.

Кругом говорят, что либералы - западники да космополиты, а патриоты - коммунисты да черносотенцы. Но всамделишный патриот - именно либерал, ратующий не за абстрактное величие ценой жертв и лишений, а за то, чтобы людям легче стало жить. На запад он глядит потому, что там стало легче, там одолели, хоть и не столь жесткие, как у нас, но тоже суровые феодальные тяготы. Запад и от Возрождения, и от Реформации, и от Просвещения менялся, а мы все ценим при коммунизме - самодержавие, и при управляемой демократии - чекистов. Не то худо, что нет у Егора Яковлева новых идей, а что гласностью и законностью, послужившими номенклатуре масками, люди перестали дорожить. А без них - никуда.

ИЕРАРХИ И ОЛИГАРХИ

Вспыхнувшая в августе 1991 надежда, что Россия заживет по-человечески, через четыре с небольшим месяца была развеяна. Не распадом Советского Союза, который так и не пытались превратить в реальный союз, отчего многие еще не разобрались, радоваться ли, что по-человечески зажила хотя бы Литва, или горевать, что товарища Туркменбаши Москве уже не

образумить. При самых разных взглядах распад СССР признан государственной слабостью. Но два дня спустя РСФСР проявила государственную силу. Началась «либерализация цен», и государство, владелец всех товаров, взвинтило цены чуть не в сотни раз. То есть, заставило тех самых граждан, ограблением которых была вся советская хозяйственная жизнь, еще раз оплатить убытки. Объясняли, что без первоначального накопления капитализм не построить. А к его строительству допустили немногих верных людей, государственные предприятия объявили их собственностью, а их – олигархами. И сочли, что капитализм, как прежде социализм, в целом построен.

Где было вспоминать, что семидесятью годами раньше, когда советская власть решила поправить дела отходом от разбитого военным коммунизмом корыта к временному капитализму, Ленин и Троцкий все же лучше понимали что к чему. Ленин справедливо напоминал, что единоличное крестьянское хозяйство ежедневно и ежечасно порождает из себя капитализм. Потом сказал: «Мы год отступали. Достаточно». Но покончили с капитализмом лишь семь лет спустя, в 1929 году, когда обнаружилось, что экономический порядок с внеэкономической властью, будь ее намерения хоть самые прекрасные, плохо совмещается. Надо было выбирать, и поскольку большинство населения как раз и составляли ежечасно порождающие капитализм русские мужики с семьями, а партия большевиков хотела социализма, мужиков перебили. Не потому, что Сталин был злодей, хоть и православный, да не русский, а потому, что внеэкономическому управлению нужен палач, и Сталин для этой работы сгодился, за что его некоторые и чтут поныне. А соратников Ленина и Троцкого, согласных на палачество, но дороживших добрыми намерениями, с ним несовместимыми, пришлось свалить в одну яму с мужиками.

Ельцин об опыте советских иерархов не думал, хоть историю партии изучал. Но помнил, что капитализм спасал социализм от кризиса. Эту азбучную истину, отвергнутую идеологией и властью, Россия усвоила на своей шкуре. Не то что капитализм так уж хорош, - он часто дурен, а порой и отвратителен. Да только иерархические системы, – феодализм или социализм, - еще ужасней. Капиталист по своей экономической природе не может вовсе отвлечься от другого человека, от конкурента, или от покупателя, или от продавца рабочей силы, или от соотечественника. По принципу «живи и жить давай другим» с капитализмом возникает демократия, растут права человека, заводятся реальные социальные гарантии. Все это, как правило, происходит в борьбе против капитализма, но внутри него, развивая его как общественный строй. Когда же его заменяют социализмом, все, добытое в борьбе, пропадает.

Ельцин вроде впрямь хотел ввести капитализм. В отличие от Ленина и его гвардии, у позднейших коммунистов приверженность социализму определялась преимущественно тем, что иначе наверх не попасть. Ельцин переходя к капитализму сохранял наверху прежних людей. Его Конституция закрепила авторитарное иерархическое правление, и, тем самым, внеэкономическую власть номенклатуры, призвав новых капиталистов, олигархов, служить ей. Они мыслились, хоть и влиятельными, но кругом

зависящими от государства. Возродить крестьянское хозяйство, ежечасно порождающее капитализм, Ельцин не стал. Ни в деревне, ни в городе, широкие предпринимательские пласты не сложились, не стали стихией, могучей еще при НЭПе, не говоря о пореформенной России и, тем более, западных странах. Несообразность ельцинской «демократии» и внеэкономической власти проявилась уже при ограблении 1991, но оно оказалось лишь первоначальным. В 1998 году хозяйство снова рухнуло, обнажая то ли непрочность конструкции, то ли установку на ограбление, как норму жизни. И форпост номенклатуры, силовые органы, вышли на линию огня.

Чтобы олигархи не возомнили себя равными иерархам, достаточно было вовлечь в рыночную и производственную среду не три десятка, а три миллиона и больше, предпринимателей. Но как раз этого номенклатура избегала, предпочтя иметь дело не с социальными группами, а с обособленными персонами. Ельцина заменили Путиным, и последовавшее ожесточение сводят к его опыту в КГБ и даже особенностям характера. А Путин – верный продолжатель дела Ельцина. Просто, как у Сталина с Лениным, на следующем этапе тому же делу понадобился другой опыт и характер. Номенклатура еще надеялась совместить с экономическим хозяйствованием свои привилегии. Пусть не борзых щенков, но зелененькие бумажки. И, главное, власть решать, как кому вести хозяйство. А поскольку наш «капитализм» изначально сведен к олигархам, кажется, что достаточно их приструнить, тем более, что это и гражданам приятно. Бескомпромиссность Путина, затеявшего и вторую чеченскую войну, и дело Бабицкого, и дело Гусинского, иные объясняли школой КГБ и недостатком дипломатической ловкости. Встречи с западными лидерами показали, что ловкости у него в избытке, и он умело ею пользуется. А чеченцы, или Бабицкий или Гусинский – его противники, как ему казалось не сильные, и можно было думать, что потому он и отказал им в независимости. Но когда независимости захотел его союзник Березовский, Путин и его поставил на место. Это не просто личная, а классовая черта.

Номенклатура идет на компромиссы лишь изредка, и чтобы ловчей уничтожить противника. Один из итогов – нынешняя, как говорят, «палестинизация» Чечни. Но какая же палестинизация, когда там компромисса не хотят арабские страны и зависящие от них палестинцы, а Израиль, едва брезжит малейшая надежда на соглашение, вновь и вновь ведет переговоры. А Путин вести переговоры с чеченцами не желает, ради этого ему приходится напрямую лгать, что переговоров с террористами никто не ведет. Он твердит, что уже и сами переговоры обозначат распад России. Если такому поверить, выйдет, что все народы живут в России по принуждению. Но кто в этом случае русские?

Иные допускали, что если не чирикать, и, в частности, не ждать политической свободы, и у нас, как при Франко или Пиночете, или при царе, авторитарная власть все же совместима с экономической свободой. Значит, нечего особенно бояться ни иерархической вертикали власти, ни разрушения Совета Федерации, ни ликвидации независимого телевидения, ни даже убийств, вроде убийства Юшенкова, или необъяснимых кончин,

вроде кончины Щекочихина. Процесс, дескать, пошел, и развитие капитализма приведет к экономическому прогрессу, внутренний валовой продукт за десятилетие удвоится, а там и до демократии дойдет. Забыли только, что в Испании или Чили капиталисты, не только крупные, поступались политической независимостью, боясь лишиться экономической. А, как показало развитие наших событий, под угрозой экономическая независимость даже тех, кто, как Михаил Ходорковский или Платон Лебедев, поддерживает номенклатуру и лично Путина.

Оно и понятно, капиталистический порядок не сводится к эксплуатации наемных рабочих, но предполагает известную независимость экономических действий нанимателя, могущих его и разорить и принести прибыль. Независимость, хотя бы частичная, не только защищена законом, она и есть основной закон капитализма. А когда любому олигарху можно напомнить, откуда взялся его первый миллион, и будь он даже получен по закону, по старинке заметить: «А мы тот закон переменяем!», или: применим закон к тебе, но не к твоему конкуренту, какая возможна независимость? А где ее нет, нет никакого капитализма, нет его и в России. Национализацией еще не пахнет, но и действовать без спроса не рекомендуется. При недавнем визите Путина в Англию подчеркивалось, что его государственный визит - первый после Александра II и даже Николая I. Между тем, в 1956 году Н.С.Хрущев, тогда Первый Секретарь ЦК КПСС, то есть, глава государства, вместе с главой правительства Н.А.Булганиным, посетил Британию. Но это предпочли не вспоминать, намекая, что в России свершились коренные перемены. А свершились отнюдь не коренные.

Оттого и нет реальной оппозиции: все Хакамады горой за Путина, и демократического фланга, за который себя выдает «Союз правых сил», на деле в Думе нет. А коммунисты голосуют за правительственные бюджеты и объясняют, что тоже не против элементов свободной экономики. За возрождение сталинского порядка во всей его красе открыто ратуют немногие. К тому же, новый закон о выборах запретил предвыборную агитацию, и лишь сам кандидат вправе убеждать, что за него стоит голосовать, а убеждать, что надо голосовать против него, не вправе никто, как в добрые советские времена.

Господин Ходорковский надеется, что направленные против него акции, хоть и противозаконны, но инспирированы не самим президентом, а одной из соперничающих околопрезидентских групп. Бывает и так. После войны Маленков соперничал со Ждановым. Однако, если бы победа Маленкова не отвечала воле Сталина, едва ли бы он допустил «Ленинградское дело», ликвидировавшее помощников Жданова. Разве что сам кругом зависел от победившей группировки. Мы не знаем, как с этим у Путина: то ли наступление на экономическую независимость он сам и затеял, то ли он не реальный президент, а игрушка в руках контрнаступающей номенклатуры. Так или иначе, под приглядом политической номенклатуры экономическая свобода уплывает. Это не злая воля Путина, а поныне условие существования номенклатуры, которой он служит. Не будем гадать, вернет ли она себе абсолютность, благословляемую уже не марксизмом-ленинизмом, а, как говорится, национальными интересами, отдаст ли

власть набирающему силу открыто шовинистическому движению, или придется ей все же как-то отступить, что нынче кажется маловероятным? Но шансы альтернатив, оставленных неразрешившимся кризисом социализма, не в последнюю очередь зависят от меры нашего противостояния бескомпромиссности номенклатуры. Какой же вариант в итоге возобладает? Если проживем, увидим.

ДЕЛИМАЯ И ЕДИНАЯ

Нашу страну все меряют былым имперским аршином: единая и неделимая. А причину распада СССР ищут в номинальной делимости, забывая, что у советских республик реальной самостоятельности не было, и соединяла их лишь покорность единому центру. Ленинская номинальная делимость помогла выпустить пар почти бескровно. И подумать страшно, что наводили бы порядок по чеченскому образцу. Но в России уверовали в якобы искони присущую нерусским русофобию. А Союз распался потому, что не был союзом.

Уже и на официальных уровнях говорят об укрупнении субъектов Российской Федерации. Авось, и зреет понимание, что одной вертикалью власти, при всем могуществе ее органов, единство страны не удержать, что, как единство супружества, оно держится взаимным желанием быть вместе. Но возможно ли оно у изображенных на знаменитой картине Пукирева? Не в том даже дело, вынудили девушку отдаться старой развалине или она сама оценила выгоду стать его вдовой, - брак их непрочен. Бояться распада Российской Федерации велит непрочность связей ее субъектов.

Ими автоматически стали республики, края и области, так расчерченные сталинской рукой, чтобы кругом зависеть от центра. провозглашая Федерацию, слабость субъектов, из которых ее составили, не учли. А преодолеть ее, особенно в русских областях, составляющих большинство субъектов, можно. Чтобы федерация не распалась, надо укрепить их взаимоотношения, поддерживать их не только через Москву. С автономиями сложнее, включение их по Жириновскому в единые губернии станет их ликвидацией.

Здесь поправить можно лишь частности. искусственная Еврейская Автономная область, где евреев не больше, чем в любой другой, конечно, должна быть упразднена и территория возвращена Хабаровскому краю. Прочим республикам надо оставить нынешний статус. Можно обсудить национальные округа. Коми-Пермяцкий лучше бы придать не Перми, но соседней Коми, а бурятские Агинский и Усть-Ордынский Бурятии. Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий по населению превышающие иные автономные республики могли бы получить такой же статус. Стоит изучить и возможности воссоединения районов, почти сплошь заселенных тем или иным меньшинством, с соответствующими республиками, от которых Сталин их отрезал. Но прежде всего надо признать что в переустройстве особо нуждаются «субъекты», в основном заселенные русскими.

Устройство государства предопределено его историей. Франция, централизованная абсолютной монархией, «едина и неделима». А Германия, объединенная во второй половине XIX века, - федерация. Россию строили по французской модели, Советский Союз был ей противовесом, признанием, что в нашей огромной стране чрезмерная централизация тормозит развитие. Дело не только в национальной пестроте. Россия еще многообразней Германии. Как рейнские земли отличаются от Пруссии, так и на черноземьи жизнь иная, чем на севере, или на Дону, или в Сибири. Где-то русские живут дольше тысячи лет, где-то сто с небольшим, тут были закрепощены, там не были, тут знали монгольское иго, там не знали, - а все это одна страна, в ней преобладает один народ, говорящий на одном языке, и чтобы не сломать страну, надо считаться с особенностями жизни в разных ее концах.

Понятно, что статус субъекта федерации укрепляет права национальных автономий, но что от этого статуса изменилось в низших русских областях, ни в чем не сопоставимых с русской Москвой. Дело ведь не только в субъективных особенностях казаков или сибиряков, но и в почве для самостоятельности участника федерации, в его способности и себя прокормить и другим быть партнером. Из 89 нынешних субъектов на это способны только 15, оттого и 80% инвестиций поступают лишь четырем, а остальные то ли нахлебники, ни на какую самостоятельность не способные, и субъектами, тем самым, фактически не являющиеся, то ли колонии. Во всякой империи один народ угнетает другие, а у нас в обеих ролях - русские. Бедные русские регионы подкармливают из общего котла, вместо того, чтобы позволить и помочь самим зарабатывать на месте. А раздатчики у котла добытое в колонии не берегут. Плохо, что мы живем по-преимуществу нефтью и газом, но еще хуже, что энергии на то же самое тратим втрое больше расчетливого запада.

Не только Зюганов, но и молодой Глазьев твердят, что Россия должна быть унитарной, их и декоративная федерация тяготит. Дескать, государство должно быть сильным, все взять в свои руки и всем само управлять. Государство и впрямь должно быть сильным, только в чем его сила? Не в одной же армии. Едва ли не главный источник силы для нашей страны в практическом равноправии его граждан, а для этого в федеративности. Государство само ведущее хозяйство не может быть сильным по природе хозяйства. Сколько ни говорили, что «социализм – это учет», учесть ничего не могли, поскольку дирекция не щадила затрат и за ценой не стояла. Государству не нужна собственность, кроме, понятно, бомбы, в частных руках опасной. Непосредственно с хозяйством ему не совладать, командуя олигархами, оно само остается в накладе. А государству надо быть сильным в защите законов, которыми хозяйство держится. Как единая армия, ему нужны главный банк, регулирующий финансовую систему, единая судебная система и еще множество единых служб, берегущих законные взаимоотношения

участников рыночного хозяйства, то есть, не одних «олигархов», но и всех продавцов рабочей силы, то есть, всех трудящихся.

Контролировать всемогущую бюрократию, невозможно. Она сильна и сплочена не только под знаменем Ленина-Сталина, но и под любым другим, и любит любую однопартийную систему. Государство для нее - источник личных привилегий, и крохотным русским субъектам федерации, кругом от нее зависящим, с ней не совладать. Будь они крупней, не по миллиону, а в среднем миллионов по шесть-семь жителей, не нуждайся в повседней подкормке сверху, а разверни у себя мелкое и среднее частное предпринимательство, ситуация бы изменилась. В крупном русском регионе удавалось бы отстоять демократический порядок, не дающий и губернатору стать сатрапом. Особенно, если центр, будет защищать финансовые, судебные и законодательной нормы хозяйствования. Оборона и внешняя политика, понятно, сосредоточены в столице. Но внутренняя немислима без соучастия могучих русских губерний.

Наряду с Москвой (население 8304 тысяч) и Петербургом (4627), без «субъектности» обреченных на увядание, могло бы, думается, сложиться еще примерно 14 русских губерний, вобравших в себя по несколько нынешних краев и областей: **Старо-Русская** (7085, то есть, Новгородская, Псковская, Тверская, Ярославская и Ленинградская области), **Московская** (6435), **Северо-Европейская** (6091, то есть, Мурманская, Архангельская, Вологодская, Костромская, Кировская), **Западно-Европейская** (9007, то есть, Смоленская, Калужская, Тульская, Брянская, Орловская, Курская), **Центральная** (7716, то есть Рязанская, Липецкая, Воронежская, Табовская, Пензенская), еще три вдоль Волги: **Верхнее-Волжская** (6426, то есть Нижегородская, Владимирская, Ивановская), **Средне-Волжская** (9640, то есть, Ульяновская, Самарская, Саратовская, Оренбургская) и **Нижнее-Волжская** (7987, то есть Волгоградская, Астраханская, Ростовская), **Черноморская** (7652, то есть, Краснодарский и Ставропольский края), две на Урале: **Верхнее-Уральская** (7512, то есть Пермская и Екатеринбургская области) и **Нижне-Уральская** (7991, то есть, Челябинская, Курганская, Тюменская), **Южно-Сибирская** (8563, то есть Омская, Томская, Новосибирская области и Алтайский край), **Енисейская** (8722, то есть Красноярский край и Иркутская и Кемеровская области) и **Дальневосточная** (6763, то есть Читинская, обостряющие национальные проблемы. Понятно, представительство укрупненных русских регионов в Совете Федерации придется увеличить раза в четыре, приравняв к ним в федеральном представительстве лишь Татарскую и Башкирскую автономии, далеко превосходящие прочие по населению, и общее соотношение голосов не изменится.

Россия, - в отличие от Англии или Франции, ставших национальными государствами прежде, чем империями, - лишь краткий миг меж Иваном III и Иваном IV пробыв независимым национальным

государством, - быстро стала империей. Из неопределенности ее национальной государственности и выросла в СССР странная формула «первая среди равных». А экономическое укрепление русских «субъектов», выведет их жителей, принадлежащих к тому же народу, что и в столице, из колониального состояния, обратит страну в русское федеративное национальное государство, с которым, храня автономность и самоуправление, сотрудничают другие народы. Тогда уйдут причины для обострения национального сепаратизма, обостряющие неприязнь к русским, которые себя называют первыми среди равных, и к национальным меньшинствам, у нас часто довольно большим.. Тогда 16 самостоятельных и сильных субъектов могли бы, не иметь даже бы повода к разделению, но тяготели бы к непосредственному, не через общий котел, экономическому взаимодействию. Тогда в автономных республик на первый план вышла бы выгода взаимодействия друг с другом, и реальное самоуправление автономных национальных республик и областей, приносящее хозяйственные успехи сняло бы конфликты с бюрократией центра, как раз и обостряющие национальные проблемы.

Россия, лишь краткий миг меж Иваном III и Иваном IV пробыв независимым национальным государством, - стала империей. Из неопределенности ее национальной государственности выросла в СССР странная формула «первая среди равных», сосредоточившая всю власть в столице. А уважай власть не только столицу, но и экономически крепнущие русские «субъекты» федерации, преодолевающие колониальное состояния, опорой нашей страны стало бы федеративное национальное государство, с которым покоренные бы не враждовали, а, сохраняя автономность, охотно сотрудничали. Тогда отпали бы причины обострения национального сепаратизма, а в русских краях утихла неприязнь к меньшинствам. Люди любой национальности должны иметь в своей стране право и возможность зарабатывать и не бедствовать.

Население больших областей

1. Москва 8304,
2. Московская 6435,
3. Петербург 4627,
4. Северо-Европейская 6091, Мурманская, Архангельская, Вологодская, Костромская, Кировская
5. Западно-Европейская 9007, Курская, Тульская, Брянская, Орловская, Смоленская, Калужская, Белгородская
6. Старо-русская 7085, Ленинградская, Псковская, Новгородская, Тверская, Ярославская
7. Центральная 7716, Рязанская, Липецкая, Воронежская, Тамбовская, Пензенская

8. Верхне-волжская 6426, Нижегородская, Владимирская, Ивановская
9. Средне-волжская 9640, Ульяновская, Самарская, Саратовская, Оренбургская
10. Нижне-волжская 7987, Волгоградская, Астраханская, Ростовская
11. Черноморская 7652, Краснодарский, Ставропольский
12. Верхне-уральская 7512 Пермская, Екатеринбургская
13. Нижнеуральская 7991, Челябинская, Курганская, Тюменская
14. Южно-сибирская 8563, Омская, Томская, Новосибирская, Алтайский.
15. Енисейская 8722, Красноярский, Иркутская, Кемеровская
16. Дальневосточная 6763, Читинская, Амурская, Хабаровский, Магаданская, Приморский, Камчатская, Сахалинская.

Принятые сокращения названий:

ЗР – За рубежом

ЧП –Час пик

© Поэль Карп, 2019